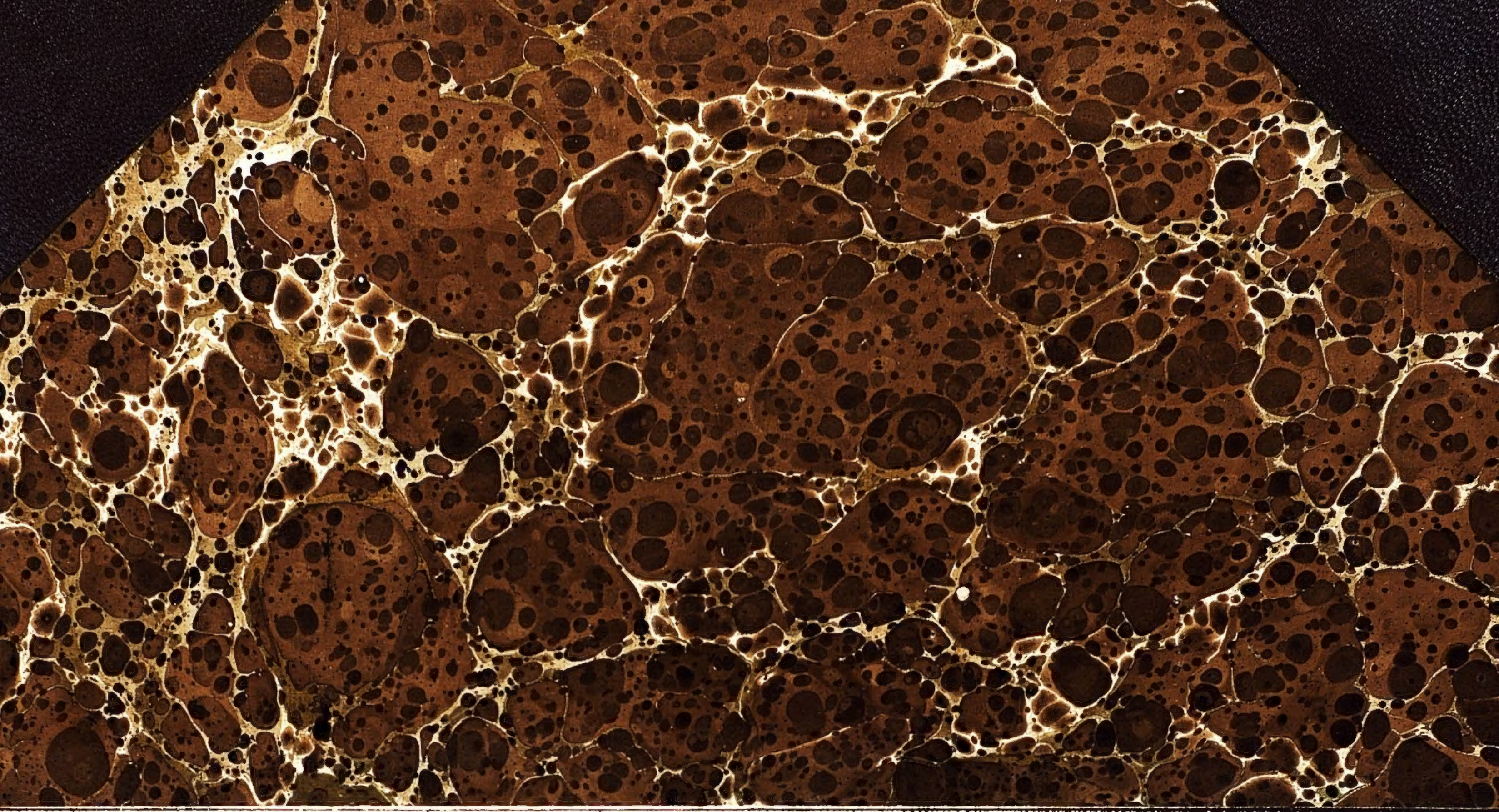

П. А. Сорокинъ.

1Ф
С65

Преступленіе и кара, подвигъ и награда.

Соціологическій этюдъ объ основныхъ формахъ общественнаго поведенія и морали.

Съ предисл. проф. М. М. Ковалевскаго.

Обменный фонд
Моск. обл.
библиотека

Царствіе небесное нудится.

Отъ Матѳея, гл. 11, ст. 12.

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издательство Я. Г. Долбышева.
1914.

Предисловіе проф. М. М. Ковалевскаго.

Кары и награды—таковъ, повидимому, далеко не новый вопросъ, составляющій тему настоящаго сочиненія. Имъ занимался еще Бентамъ и у многихъ читателей, прежде чѣмъ взять въ руки эту книгу, можетъ зародиться мысль о новомъ возбужденіи дорогой утилитаристамъ темы съ повтореніемъ старыхъ доказательствъ или съ попыткой опровергнуть вызванныя Бентамомъ возраженія. Но тотъ, кто прочтетъ эту книгу, увидитъ, что старая тема разсматривается въ ней съ совершенно новой точки зрѣнія и съ привлеченіемъ такихъ данныхъ и соображеній, о которыхъ, разумѣется, и не думалъ Бентамъ. Она изучается авторомъ съ точки зрѣнія психологіи и соціологіи. И на этотъ разъ вполнѣ оправдывается извѣстное положеніе Конта, что ни одинъ соціальный вопросъ не можетъ быть представленъ въ правильномъ освѣщеніи иначе, какъ въ соотношеніи со всей массою явленій, обнимаемыхъ соціальной статикой и динамикой.

Авторъ вполнѣ проникся этой мыслью: если въ первой части своей книги онъ задается по преимуществу выясненіемъ психической природы тѣхъ явленій, къ регулированію которыхъ направлены кары и награды, указывая съ этой цѣлью на возможность подвести всѣ правила поведенія подъ три группы: дозволенныхъ, запрещенныхъ и рекомендуемыхъ дѣйствій, то во второй части передъ читателемъ разверты-

вается процессъ самого зарожденія „общественнаго сознанія“, и опредѣленно ставится вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ оно можетъ быть разсматриваемо какъ продуктъ коллективной психики. Въ связи съ выработкой этого сознанія, подъ вліяніемъ сопутствующихъ ему измѣненій, въ самихъ условіяхъ жизни и быта первобытныхъ племенъ упрочивается въ представленіяхъ людей необходимость самыхъ каръ и наградъ, какъ неизбѣжныхъ условій сохраненія самого общественнаго единства. Дальнѣйшія сопутствующія измѣненія, укрѣпляя общественные инстинкты или, наоборотъ, разрушая одни и замѣняя ихъ другими, въ созданіи которыхъ является уже элементъ сознательности, ведутъ постепенно къ тому послѣдствію, что интенсивность санкцій постепенно слабѣетъ по мѣрѣ того, какъ укореняется въ людяхъ понятіе общественной солидарности.

При развитіи своей основной темы авторъ не только не уклоняется отъ рѣшенія смежныхъ съ нею вопросовъ, но, можно сказать, ищетъ ихъ. Его молодость сказывается въ нежеланіи экономизировать свои силы. Онъ не идетъ въ своемъ изслѣдованіи по линіи «наименьшаго сопротивленія». Онъ не желаетъ оставить безъ отвѣта ни одного изъ возможныхъ возраженій; ищетъ добраться до корней. А благодаря этому его книга изъ спеціальной монографіи переходитъ въ общій трактатъ по психологіи, столько же индивидуальной, сколько и коллективной и по самой теоріи эволюціи и прогресса. Скажу болѣе, въ книгѣ ставится и самый вопросъ теоріи происхожденія сознанія и освѣщается съ точки зрѣнія коллективной психологіи, той самой, на которой стоятъ Дюркгеймъ, Де-Роберти и цѣлый рядъ итальянскихъ психологовъ и соціологовъ.

Во всемъ своемъ сочиненіи авторъ не довольствуется простыми утвержденіями, такъ называемой чистой дедукціей, а прилагаетъ тотъ индуктивно-дедуктивный пріемъ или ме-

тодъ обратной дедукціи, необходимость котораго въ области соціальныхъ наукъ, на мой взглядъ, вполнѣ установлена Миллемъ. Нельзя не отдать должнаго разносторонней подготовленности еще молодого писателя, которому не только извѣстна литература по психологіи и соціологіи на четырехъ наиболѣе распространенныхъ языкахъ Европы, но и матеріалъ законодательныхъ и религіозныхъ книгъ, въ которыхъ, очевидно, необходимо искать выраженія въ разное время господствовавшихъ воззрѣній и на кары, и на награды.

Одинъ недавній французскій писатель Гастонъ-Боне-Мори, корреспондентъ Французскаго Института, поставилъ себѣ задачей указать на моральное единство религій. Это моральное единство объясняется авторомъ не однимъ заимствованіемъ и воздѣйствіемъ, напр., платонизма и еврейства на христіанство, еврейства и христіанства на магометанское ученіе. Боне-Мори указываетъ и на то, что мораль семитовъ, арійцевъ и китайцевъ, помимо всякаго воздѣйствія браманизма и Авесты на религіозныя системы, съ одной стороны—грековъ и римлянъ, съ другой—Китая, если не говорить о буддизмѣ, въ основныхъ началахъ тождественна, и что то же до нѣкоторой степени можетъ быть сказано и по отношенію къ религіи Древняго Египта. Но гдѣ искать корень самихъ этихъ сходствъ, не порождаемыхъ подражаніемъ? На этотъ вопросъ читатель скорѣе найдетъ отвѣтъ въ книгѣ г. Сорокина, нежели въ сочиненіи Боне-Мори. Онъ увидитъ, что разнообразнѣйшія по расѣ и религіи общества нуждаются въ одинаковыхъ общественныхъ устояхъ и въ одинаковыхъ средствахъ сохраненія этихъ устоевъ. Такимъ образомъ интересъ самозащиты заставляетъ ихъ вырабатывать близкіе другъ къ другу нравственные принципы и такъ сказать моралзировать своихъ боговъ въ одномъ и томъ же направленіи—въ направленіи, необходимомъ для сохраненія и развитія общежитія.

Далеко не послѣдней заслугой автора я считаю строгое разграниченіе имъ при изложеніи первоначальныхъ нравственныхъ понятій съ одной стороны—отношеній той замиренной среды, которой является сперва материнскій кланъ, постепенно переходящій въ агнатическій родъ и затѣмъ въ болѣе широкіе союзы, въ составъ которыхъ входитъ нѣсколько родовъ, начиная отъ племени, переходя къ совокупности нѣсколькихъ племенъ въ городѣ-государствѣ и заканчивая государствомъ-націей и даже союзомъ нѣкоторыхъ такихъ политически-объединившихся народовъ, съ другой—междугрупповыхъ отношеній. Благодаря этому вопросъ о карахъ и наградахъ осложняется вопросомъ о войнѣ и мирѣ. Солидарность сказывается впервые лишь въ тѣсныхъ кругахъ, она постепенно переходитъ къ все болѣе и болѣе широкимъ и не отнята надежда, что въ будущемъ не только будетъ положенъ конецъ ненужнымъ жестокостямъ на войнѣ, но и посредничеству суждено будетъ предупреждать кровавыя столкновенія между націями.

Выраженіе этихъ взглядовъ человѣкомъ, старающимся отрѣшиться отъ всякихъ личныхъ пристрастій и строить свои выводы на прочномъ фундаментѣ положительныхъ данныхъ, мнѣ кажется болѣе желательнымъ, чѣмъ самая горячая проповѣдь пацифизма.

Вообще читатель не найдетъ въ книгѣ г. Сорокина преслѣдованія какихъ-либо опредѣленныхъ этическихъ, соціальныхъ или политическихъ тенденцій. Онъ постоянно оруduетъ данными психологіи, этнографіи, исторіи съ тѣмъ научнымъ безпристрастіемъ, какое такъ естественно у физика, химика или біолога и которое, къ сожалѣнію, такъ рѣдко встрѣчается въ сочиненіяхъ по обществовѣдѣнію. Это обстоятельство, можетъ быть, ограничитъ кругъ его читателей; но оно же, въ моихъ глазахъ, является залогомъ того, что книга эта несомнѣнно послужитъ той высшей задачѣ, съ

которой, по мнѣнію Монтескье, издаются серьезныя сочиненія: она возбудитъ мысль самого читающаго и заставитъ его, въ свою очередь, сдѣлать усиліе въ направленіи къ установленію необходимыхъ отношеній между явленіями, т.-е. эмпирическихъ обобщеній или соціологическихъ законовъ.

Въ нашей возникающей соціологической литературѣ книга г. Сорокина является одной изъ первыхъ ласточекъ. Выскажемъ пожеланіе, чтобы за нею появился и рядъ другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренность, что въ этой будущей русской соціологической библіотекѣ не одинъ томъ будетъ принадлежать перу автора «Преступленій и каръ, подвиговъ и наградъ».

Максимъ Ковалевскій.

С.-Петербургъ,
25 Іюня 1913 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предметъ данной книги—п о в е д е н і е людей, поскольку оно является фактомъ, принадлежащимъ къ с о ц і а л ь н о й к а т е г о р і и. Въ силу послѣдняго условія поведеніе людей представляетъ всегда реализацію и выявленіе тѣхъ или иныхъ п с и х и ч е с к и х ъ переживаній и, въ частности, моральныхъ навыковъ, взглядовъ и убѣжденій. Это обстоятельство дѣлаетъ невозможнымъ игнорированіе моральныхъ явленій при изученіи поведенія человѣка, а поэтому этюдъ о поведеніи людей неизбѣжно становится и трактатомъ по „физикѣ нравовъ“.

Этимъ заданіемъ опредѣляется характеръ и содержаніе книги.

Разъ мы изучаемъ поведеніе людей въ качествѣ явленія соціальной категоріи, то, очевидно, прежде всего необходимо было дать опредѣленіе того, что мы понимаемъ подъ соціальнымъ явленіемъ, какъ явленіемъ, образующимъ категорію sui generis. Этой проблемѣ посвящена 1-я глава.

Далѣе, чтобы имѣть возможность хоть сколько-нибудь оріентироваться въ безконечномъ разнообразіи конкретныхъ актовъ, изъ которыхъ составляется поведеніе человѣка, необходимо было такъ или иначе систематизировать ихъ и подвести подъ опредѣленныя, немногочисленныя рубрики, которыя обнимали бы собой, если не всѣ, то, по крайней

мѣрѣ, большинство актовъ соціальнаго поведенія. Разрѣшеніе этой проблемы составляетъ содержаніе 2-й главы.

3-я и 4-я главы посвящены болѣе детальному анализу двухъ основныхъ формъ поведенія: преступно-карательныхъ и услужно-наградныхъ. Такъ какъ услужно-наградныя отношенія играютъ въ соціальной жизни роль нисколько не меньшую, чѣмъ преступно-карательныя, и такъ какъ научная мысль до сихъ поръ почему-то игнорировала ихъ, сосредоточивъ все свое вниманіе на изученіи преступно-карательныхъ отношеній, то мы позволили себѣ въ этихъ главахъ болѣе подробно остановиться на этой формѣ соціальныхъ отношеній, чтобы обратить вниманіе изслѣдователей на эту сторону соціальной жизни.

Этими главами кончается первая систематическая часть книги, посвященная анализу архитектоники основныхъ формъ поведенія. Можетъ быть многимъ покажется страннымъ то обстоятельство, что мы въ этой части имѣемъ дѣло лишь съ индивидомъ и какъ будто совершенно игнорируемъ зависимость поведенія и психики индивида отъ группы. На это отвѣтимъ, что подобное „упрощеніе“ сдѣлано нами сознательно, въ силу того методологическаго правила, что при анализѣ любого явленія слѣдуетъ брать возможно болѣе простыя условія, дающія возможность болѣе легко уловить его основныя черты.

А игнорируемъ ли мы указанную зависимость—это видно изъ третьей части книги—части генетической.

Разъ основныя формы поведенія выдѣлены—мы можемъ уже ставить вопросъ и объ ихъ функціяхъ и ихъ соціальной роли. Изученіемъ этихъ проблемъ занята вторая часть этюда, состоящая изъ 5-й и 6-й главъ. Первая посвящена изученію мотиваціонно-дрессирующаго вліянія санкцій, въ связи съ рикошетнымъ дѣйствіемъ акта на

психику, вторая—изслѣдованію соціальной роли карательно-наградныхъ актовъ.

Указанныя двѣ части книги дѣлаютъ возможнымъ переходъ и къ г е н е т и ч е с к о й сторонѣ дѣла, которая изучается в ъ 3-й части этюда. 7-я глава трактуетъ о возникновеніи основныхъ формъ поведенія и механикѣ смѣны конкретнаго содержанія этихъ формъ. Положенія, установленныя здѣсь, даютъ основаніе для нѣкоторыхъ дедуктивныхъ выводовъ относительно постоянныхъ историческихъ тенденцій, которыя должны обнаруживаться въ эволюціи изслѣдуемыхъ формъ поведенія. Формулировавъ эти тенденціи, въ 8-й главѣ мы переходимъ къ ихъ провѣркѣ на конкретномъ историческомъ матеріалѣ, эта провѣрка въ то же время является и краткой исторіей каждой изъ указанныхъ формъ поведенія.

Такъ какъ историческія тенденціи, несмотря на свое постоянство, идутъ не прямолинейно, а даютъ временныя повышенія и пониженія, то мы не могли игнорировать эти колебанія и должны были объяснить и ихъ. Изслѣдованію условій, вызывающихъ эти эпизодическія колебанія, посвящена 9-я глава.

10-я заключительная глава посвящена изслѣдованію прогресса въ поведеніи человѣка.

На протяженіи всей работы мы старались держаться о б ъ е к т и в н о й и л и т е о р е т и ч е с к о й точки зрѣнія, изучающей с у щ е е, к а к ъ о н о е с т ь. Не будемъ скрывать, что такое изученіе имѣетъ свою трагическую сторону: изслѣдователь принужденъ стать „по ту сторону добра и зла“ и часто подводитъ подъ одну рубрику самыя разнородныя съ обычной точки зрѣнія акты: акты величайшей подлости и высочайшаго подвига. Но, вполнѣ сознавая это, мы, тѣмъ не менѣе, думаемъ, что научное изслѣдованіе морали и чего угодно можетъ быть только теоретическимъ.

Иное изслѣдованіе невозможно. Такъ какъ подобная точка зрѣнія все еще оспаривается въ сферѣ моральныхъ явленій, то къ книгѣ мы присоединяемъ „Введеніе“, обосновывающее только-что изложенное положеніе.

Что касается самого способа обработки матеріала, то авторъ здѣсь держался средней линіи между чисто дедуктивнымъ построеніемъ цѣлой „системы“ и простымъ собираніемъ плохо анализированнаго эмпирическаго матеріала. Чисто дедуктивныя системы могутъ быть очень красивыми и стройными, но онѣ предполагаютъ такую высоту развитія соотвѣтственной научной дисциплины, которая соціальными науками далеко еще не достигнута. Въ силу этого можно соткать прекрасную сѣть дедуктивныхъ разсужденій, но она можетъ здѣсь не дать никакого улова „изъ моря эмпирическихъ фактовъ“. И обратно, можно собрать множество фактовъ изъ міра конкретности, но если нѣтъ никакой „сѣти“, то намъ нечѣмъ будетъ ловить эту „рыбу“. Поэтому мы и принуждены были держаться средней линіи между указанными крайностями.

Что касается, наконецъ, самого „моря“, изъ котораго авторъ ловилъ конкретный матеріалъ, то здѣсь, въ особенности въ области преступленій, авторъ слѣдовалъ изреченію Бэкона, гласящему: ut homines eam non opinionem sed opus esse cogitent. Этимъ авторъ хочетъ сказать, что преступно-карательныя явленія, изучаемыя догматикой уголовнаго права, не охватываютъ всего класса однородныхъ явленій и имѣютъ дѣло лишь съ маленькой частью цѣлаго класса. А въ силу этого соціологъ можетъ и долженъ не ограничиваться сферой оффиціально-позитивныхъ преступленій и каръ (подвиговъ и наградъ), изучаемыхъ уголовнымъ правомъ (или имѣющимъ равное основаніе на существованіе наградным правомъ), а можетъ ловить свою „рыбу“ и внѣ этой области, въ болѣе обширныхъ моряхъ соціальной реальности.

Въ заключеніе авторъ приноситъ свою глубокую благодарность за рядъ весьма важныхъ и цѣнныхъ указаній Е. В. Де-Роберти, М. М. Ковалевскому и Л. І. Петражицкому, а также руководителямъ и членамъ кружковъ: „Философіи права“ Л. І. Петражицкаго, „Соціологіи“ Е. В. Де-Роберти, „Экономическаго кружка“ М. И. Туганъ-Барановскаго“, „Философіи государства“, М. А. Рейснера и „Уголовныхъ кружковъ“ М. М. Исаева и П. И. Люблинскаго. Не можетъ онъ не поблагодарить также Я. Г. Долбышева, давшаго средства на изданіе книги, и Т. И. Райнова, любезно раздѣлившаго съ авторомъ трудъ корректированія даннаго этюда.

Авторъ.

С.-Петербургъ,
20 сентября, 1913 г.

Введеніе.

„Не плакать, не смѣяться, а понимать.

Спиноза.

I.

О нормативной физикѣ, нормативной химіи, нормативной біологіи и т. д.—мы теперь уже не говоримъ. Вообще любая наука, достигшая извѣстной высоты (каковыми являются естественныя науки), не говоритъ, что „такъ должно или не должно быть, ничего не приказываетъ и ничто не запрещаетъ, а говоритъ „такъ есть“, или „при наличности такихъ-то и такихъ-то условій происходитъ то-то“, напр., „при наличности двухъ соприкасающихся проводниковъ теплоты, имѣющихъ различную температуру, происходитъ переходъ теплоты отъ тѣла съ высшей температурой къ тѣлу съ низшей температурой“.

Конечно, нѣкогда и эти науки были нормативными, но мало-по-малу онѣ вышли изъ этого состоянія и стали чисто теоретическими. Теперь біологъ уже не будетъ говорить, что „птица имѣетъ крылья, потому что она должна летать“, а скажетъ, „что птица имѣетъ крылья, и потому она можетъ летать или летаетъ“...

Иначе обстоитъ дѣло съ гуманитарными науками и, въ частности, съ этикой—наукой о нравственности. Загляните въ большинство главнѣйшихъ трудовъ по этикѣ и вы увидите, что большинство теоретиковъ нравственности опредѣ-

ляетъ ее, какъ нормативную дисциплину, предписывающую должное поведеніе и запрещающую не должное. Въ этомъ видятъ ея сущность и ея коренное различіе отъ такъ называемыхъ теоретическихъ наукъ.

Наряду съ теоретическимъ познаніемъ, говоритъ одинъ изъ лидеровъ нео-кантіанской Марбургской школы Наторпъ (изучающимъ сущее, какъ оно есть. П. С.), „существуетъ практическое познаніе, т.-е. познаніе не того, что есть, а того, что должно быть“.

Теорія этого долженствованія или нравственности по его мнѣнію и есть этика. „Подъ нравственностью мы понимаемъ ту закономѣрность волевыхъ поступковъ, съ точки зрѣнія которой мы судимъ, что то, чего мы хотимъ, является безусловно хорошимъ, т.-е. безусловно должно быть, или же наоборотъ—безусловно не должно быть“ [1]). Подобнымъ же образомъ обстоитъ дѣло и съ лидерами Фрейбургской нео.-кант. школы Риккертомъ и Виндельбандомъ.

Для Риккерта не только этика нормативна, но вообще нормы совѣсти лежатъ, по его мнѣнію, и въ основѣ всего познанія. „Логическая совѣсть, говоритъ онъ, есть лишь особая форма этической совѣсти вообще“. Риккертъ самознаніе и бытіе обосновываетъ на трансцендентномъ долженствованіи (Sollen); отсюда понятно, что этика для Риккерта есть „ученіе о нормахъ воли“, „этическое хотѣніе должно быть отождествлено съ хотѣніемъ, сознающимъ долгъ, т.-е. нравственная воля есть лишь воля, опредѣляющая самое себя ради долженствованія“ [2]).

---

[1]) П. Наторпъ. Философская пропедевтика. стр. 13, 54—55. Москва 1911. См. Его же. Соціальная педагогика. СПБ. 1911. стр. 1—19. passim.

[2]) Риккертъ. Введеніе въ трансц. философію 242—247 (Кіевъ 1904) и passim. Его же. Границы естеств.-научн. образованія понятій 590—597. СПБ. 1904.

Такъ же на дѣло смотритъ Штаммлеръ [1]) и др. кантіанцы. Но не только кантіанцы такъ смотрятъ на этику, но такъ же смотрятъ и другіе крупные мыслители. Такъ, напр., В. Вундтъ этику считаетъ основной и начальной нормативной наукой. Die Ethik, говоритъ онъ, ist die ursprüngliche Normwissenschaft" [2]).

То же говоритъ и Геффдингъ, когда рядомъ съ теоретической этикой выдѣляетъ философскую, нормативно-оцѣночную этику, отчасти Фулье, у насъ князь Е. Трубецкой и т. д. и т. д. [3]).

Уже этотъ краткій перечень именъ, настолько видныхъ и извѣстныхъ, къ которымъ можно прибавить не мало еще другихъ именъ, плюсъ почти всѣ предыдущія системы нравственности—способенъ самъ по себѣ убѣдить, что такъ и должно быть, что этика, очевидно, по существу своему должна быть наукой нормативной, предписывающей должное и запрещающей недолжное.

Однако, несмотря на это, мы попытаемся не согласиться съ этимъ мнѣніемъ, и попытаемся утверждать, что 1) если этика какъ наука возможна, то она можетъ быть только теоретической, и что 2) нормативныхъ наукъ, какъ противоположныхъ теоретическимъ наукамъ, нѣтъ и не можетъ быть.

2.

Прежде всего необходимо точно опредѣлить, что собственно означаетъ терминъ нормативная наука или нормативное сужденіе?

---

[1]) См. Штаммлеръ. Хозяйство и право, т. I-й введеніе и т. II-й. Причинность и телосъ. Стр. 248—254. СПБ. 1907 г. Его же Theorie der Rechtswissenschaft. Halle 1911 г. См. его опредѣленіе Zweckwissenschaft.

[2]) В. Вундтъ. Ethik. т. I, стр. 8—10. Stuttgart. 1903 г.

[3]) Геффдингъ. Этика 15—18. СПБ. 1898 г. Фулье. Les éléments. sociologiques de la morale. 44. Paris. Alcan. 1905.

В. Вундтъ, какъ кратко я уже указалъ, нормативной наукой считаетъ науку, разсматривающую предметы по ихъ отношенію къ опредѣленнымъ правиламъ—нормамъ. А эти правила, т.-е. нормы есть, прежде всего, правила для воли—предписанія для будущихъ дѣйствій, а затѣмъ уже предписанія для оцѣнки фактовъ [1]).

Существенными элементами нормы оказываются, слѣдовательно, три признака: воля, предписаніе (долженствованіе) и оцѣнка. «Объясняющія» (или теоретическія) науки изучаютъ явленія съ точки зрѣнія сущаго, какъ они есть, нормативныя—съ точки зрѣнія нормы, долженствованія, каковыми явленія должны быть.

Сходнымъ же является понятіе нормативныхъ наукъ у нео-кантіанцевъ, какъ кратко я указалъ выше. И для нихъ въ понятіи нормативности важны тѣ же три элемента: воля, долженствованіе и оцѣнка.

Также смотрятъ на нормативность Виндельбандъ, Б. Кроче и др., съ той только разницей, что одни, какъ напр., Риккертъ точку зрѣнія нормативности называютъ точкой зрѣнія цѣнности, другіе, какъ напр., Штаммлеръ—точкой зрѣнія цѣли, телоса [2]).

Близокъ къ указанному пониманію и взглядъ Гуссерля, однако, элементъ воли въ нормативныхъ наукахъ и сужденіяхъ онъ не считаетъ обязательнымъ элементомъ. Въ виду того, что Гуссерль даетъ намъ великолѣпный анализъ нор-

---

[1]) См. Вундтъ Ethik. т. I, стр. 1—10.

[2]) См., напр., два основныхъ способа упорядоченія содержанія сознанія у Штаммлера: Wahrnehmen и Wollen, откуда онъ производитъ Werden и Bewirken, а отсюда, въ свою очередь, упорядоченіе сознанія по принципу: причина-слѣдствіе и цѣль—средство, что и даетъ ему основаніе для дѣленія наукъ: на Naturwissenschaft и Zweckwissenschaft. Theorie der Rechtswissenschaft. 43 и слѣд.

мативныхъ наукъ и сужденій, я и начну съ него развитіе своей аргументаціи.

3.

Вмѣсто того, чтобы спорить о томъ, имѣются или не имѣются нормативныя науки, я возьму болѣе простую задачу. Всякая наука, какъ извѣстно, представляетъ изъ себя совокупность отдѣльныхъ сужденій. Поэтому суть дѣла нисколько не измѣнится отъ того, что я вмѣсто анализа, что такое нормативная наука, замѣню его анализомъ: что такое нормативное сужденіе. Всѣ выводы, полученные относительно сужденій, имѣютъ значеніе и для всей науки, какъ суммы сужденій.

Итакъ, что же такое нормативное сужденіе? иначе говоря, можно ли согласиться съ только что приведеннымъ выше мнѣніемъ Вундта, Наторпа, Риккерта и др.?

„Законы (нормат. дисциплины) говорятъ... о томъ, что должно быть, хотя можетъ и не быть, а при извѣстныхъ условіяхъ даже не можетъ быть“, говоритъ виднѣйшій изъ современныхъ логиковъ Гуссерль. Спрашивается, продолжаетъ онъ, „что разумѣется подъ этимъ „должно быть“ по сравненію съ простымъ бытіемъ? Очевидно (что) первоначальный смыслъ долженствованія, связанный съ извѣстнымъ желаніемъ или хотѣніемъ, съ требованіемъ или приказаніемъ, напр., „ты долженъ слушаться меня“, „пусть придетъ ко мнѣ X“—слишкомъ узокъ. Подобно тому, какъ иногда мы говоримъ о требованіи въ болѣе широкомъ смыслѣ, при чемъ нѣтъ никого, кто бы требовалъ, а иногда и никого, отъ кого бы требовалось, такъ мы часто говоримъ и о долженствованіи независимо отъ чьего-либо желанія или хотѣнія. Когда мы говоримъ: „Воинъ долженъ быть храбрымъ“, то это не значитъ, что мы или кто-либо другой желаемъ или хотимъ, повелѣваемъ или требуемъ это“. Итакъ по

Гуссерлю: воля не необходимый элементъ нормативнаго сужденія (и науки). Что же означаетъ въ такомъ случаѣ приведенное нормативное сужденіе о воинѣ?—„Воинъ долженъ быть храбрымъ“, означаетъ только, что храбрый воинъ есть „хорошій воинъ“, и при этомъ—такъ какъ предикаты „хорошій и дурной“ распредѣляютъ между собой объемъ понятія воинъ— подразумѣвается, что не храбрый воинъ есть „дурной воинъ“ [1]).

Такъ же обстоитъ дѣло и въ другихъ нормативныхъ сужденіяхъ, какую бы форму они ни имѣли („долженъ“, „имѣетъ право“, „обязанъ“ и т. д.) „Вообще мы можемъ считать тождественными формы: А должно быть В“ и „А, которое не есть В, есть дурное А“ или „только А, которое есть В, есть хорошее А“.

Выходитъ, слѣд., что „каждое нормативное сужденіе предполагаетъ извѣстнаго рода оцѣнку (одобреніе, признаніе), изъ которой вытекаетъ понятіе „хорошаго“ (цѣннаго) въ извѣстномъ смыслѣ или же „дурного“ (лишеннаго цѣнности) въ отношеніи извѣстнаго класса объектовъ; сообразно съ этимъ такіе объекты распадаются на хорошіе и дурные“. Итакъ, въ основѣ всякаго долженствованія лежитъ оцѣнка; значитъ, „Воинъ долженъ быть храбрымъ“, равняется—„Только храбрый воинъ есть хорошій воинъ“, гдѣ мы оцѣниваемъ.

Въ чемъ же заключается закономѣрность этой оцѣнки?

Въ томъ, что она должна согласоваться съ одной основной нормой, съ одной основной цѣнностью. Такъ, напр., если мы вмѣстѣ съ утилитаристами примемъ за такую основную норму положеніе „maximum счастья для maximum'а людей“, то закономѣрность всякой оцѣнки

---

[1]) Гуссерль. Логическія изслѣдованія; стр. 33—34. СПБ. 1909 г.

будетъ заключаться въ согласованіи ея съ этой основной цѣнностью.

Наука, изслѣдующая совокупность нормативныхъ сужденій въ связи съ такой общей основной мѣрой, и будетъ нормативной наукой.

Но спрашивается, какъ мы получаемъ и создаемъ самое понятіе хорошаго или дурного? Нормативнымъ или теоретическимъ путемъ?

Изъ приведеннаго ясно, что „каждая нормативная, а тѣмъ болѣе практическая дисциплина, предполагаетъ въ качествѣ основъ одну или нѣсколько теоретическихъ дисциплинъ". „Каждая норм. дисциплина требуетъ познанія извѣстныхъ не нормативныхъ истинъ, которыя она заимствуетъ у извѣстныхъ теоретическихъ наукъ" [1]).

Таковъ выводъ Гуссерля.

Итакъ, каждое нормативное сужденіе, всякое долженъ (а отсюда и долгъ) имѣетъ въ своей основѣ оцѣнку, которая, какъ таковая, уже не есть достояніе или содержаніе нормативнаго сужденія, а есть содержаніе теоретическаго (т.-е. изучающаго сущее, какъ оно есть) сужденія. Сообразно съ этимъ и всякая нормативная наука есть функція теоретическихъ дисциплинъ и только какъ таковая можетъ быть. Поэтому и этика должнаго, если она вообще возможна, то возможна только на основѣ этики, изучающей сущее, т.-е. существовавшую и существующую мораль, независимо отъ желательнаго и должнаго. А до тѣхъ поръ такъ называемая нормативная этика будетъ лишь собраніемъ произвольно-установленныхъ „нормъ", ни для кого не обязательныхъ, а тѣмъ самымъ не научныхъ.

---

[1]) Гуссерль. Ibid. 36—40.

XXII

Таковъ нашъ первый выигрышъ, гдѣ мы воспользовались великолѣпнымъ анализомъ Гуссерля. Итакъ, обосновывать этику, исходя изъ должнаго и спускаясь къ сущему, какъ дѣлаютъ Наторпъ, Риккертъ и др.—нельзя. Можно только идти наоборотъ: исходя изъ функціональныхъ связей, данныхъ намъ въ сущемъ, восходить постепенно въ міръ должнаго.

Однако, для того, чтобы отвергнуть вообще „нормативную“ этику, хотящую законодательствовать и обращающуюся къ человѣку съ приказомъ: „ты долженъ“, или же съ запрещеніемъ: „ты не долженъ“, но не хотящую объективно (т.-е. безотносительно къ нашимъ желаніямъ и долженствованію) изучать область моральныхъ явленій—кромѣ сказаннаго необходимо рѣшить два основныхъ вопроса:

1) Что такое оцѣнка, которая по Гуссерлю лежитъ въ основѣ нормативныхъ сужденій и 2) что такое высшая или основная цѣнность (основная норма), которая обусловливаетъ собою закономѣрность (истинность) оцѣнивающихъ сужденій и какое отношеніе она имѣетъ къ познанію сущаго — теоретическому познанію?

Первый пунктъ—оцѣнку, а соотвѣтственно и оцѣночныя сужденія, необходимо проанализировать потому, что сторонники нормативной этики могутъ вполнѣ согласиться съ Гуссерлемъ въ томъ, что въ основѣ сужденій долженствованія лежитъ оцѣнка, но тѣмъ сильнѣе будутъ настаивать на полной независимости „оцѣночныхъ сужденій“ отъ теоретическихъ сужденій, а тѣмъ самымъ и нормативныхъ сужденій и наукъ—отъ теоретическихъ.

Всѣ сторонники нормативизма вмѣстѣ съ Кантомъ и Лотце утверждаютъ приматъ долженствованія передъ бы-

тіемъ. „Я все еще убѣжденъ, говорилъ Лотце, что я иду правильнымъ путемъ, когда я ищу въ томъ, что должно быть основаніе того, что есть“ и подъ этимъ заявленіемъ подписываются всѣ нормативисты. Переводя это положеніе на иной языкъ, мы получаемъ утвержденіе: сужденія цѣнности нисколько не обусловлены сужденіями теоретическими, а, наоборотъ, обусловливаютъ ихъ. Это утверждаютъ Наторпъ, Риккертъ, Виндельбандъ, Штаммлеръ и др.

Слѣдовательно, передъ нами стоятъ вопросы: 1) Что такое сужденія цѣнности, представляютъ ли они теоретическія сужденія или же нѣчто совершенно отличное отъ нихъ, 2) обусловливаютъ ли они теоретическія сужденія или же сами обусловливаются послѣдними.

„Если разсматривать сужденія цѣнности какъ сужденія и утвержденія истины (т.-е. чисто-теоретическія сужденія), то они сразу пріобрѣтаютъ нелѣпый видъ“, говоритъ Б. Кроче.

Въ самомъ дѣлѣ сужденіе „А таково, какимъ оно не должно быть—логическій абсурдъ“, потому что отрицаніе существованія у того, что существуетъ, отрицаніе одновременно съ его утвержденіемъ—логическая нелѣпость. Точно также и положительное сужденіе: „А таково, какимъ оно должно быть“—сводится къ тавтологіи, потому что если А существуетъ, то существуетъ такъ, какъ оно должно существовать.

Поэтому, Кроче приходитъ къ выводу, что сужденія цѣнности есть вообще сужденія, дополненныя выраженіемъ чувства, они „нисколько не способствуютъ познанію объектовъ и содержанія ихъ относятся не къ логической, а къ эмоціональной и практической дѣятельности“ [1]).

---

[1]) Б. Кроче. О такъ называемыхъ сужденіяхъ цѣнности. (Логосъ кн. 2, стр. 22—25).

Такимъ образомъ для Кроче суждения цѣнности и суждения теоретическія нѣчто совершенно отличное и другъ отъ друга независимое, суждения цѣнности относятся не къ логической, а къ эмоціональной дѣятельности.

Виндельбандъ и Риккертъ идутъ еще дальше и сами теоретическія сужденія считаютъ ничѣмъ инымъ, какъ частнымъ видомъ оцѣнки. Такъ какъ сужденіе есть или отрицаніе или утвержденіе, то отрицаніе, по ихъ мнѣнію, есть частный видъ неодобренія, а утвержденіе—одобренія; такимъ образомъ сама истина дѣлается у нихъ чѣмъ-то производнымъ, цѣликомъ основаннымъ на оцѣнкѣ. Значитъ, на поставленную нами проблему они отвѣчаютъ такъ: теоретическое сужденіе обусловлено сужденіемъ цѣнности и представляетъ частный случай оцѣнки вообще; противоположность истиннаго и ложнаго, по ихъ мнѣнію, такая же, какъ противоположность красиваго и некрасиваго, пріятнаго и непріятнаго, добраго и злого и т. д. [1]).

Разсмотримъ сначала первое изъ приведенныхъ мнѣній, мнѣніе Кроче.

Если не играть понятіемъ сужденія, то достаточно небольшого размышленія, чтобы признать мнѣніе Кроче въ корнѣ невѣрнымъ. Уже изъ самого понятія суждения вытекаетъ, что оно должно имѣть отношеніе къ истинѣ, т.-е. къ логическому бытію. И только постольку, поскольку какое-нибудь утвержденіе или отрицаніе опредѣленной зависимости между субъектомъ или предикатомъ претендуетъ быть истиннымъ

---

[1]) См. Виндельбандъ. Прелюдіи. Риккертъ—указанныя выше работы—passim и Zwei Wege der Erkenntnistheorie. Kantstudien B. XIV.

(фактически оно можетъ быть и истиннымъ и ложнымъ) лишь постольку мы можемъ принимать его за сужденіе. Тамъ же, гдѣ мы имѣемъ выраженіе, „не относящееся къ логической дѣятельности,“ т.-е. выраженіе, которое не можетъ быть ни истиннымъ, ни ложнымъ, тамъ мы не имѣемъ никакого сужденія. Эта необходимость отношенія какого угодно утвержденія или отрицанія той или иной связи субъекта и предиката къ истинѣ, есть conditio sine qua non сужденія.

Выраженія: „Снѣгъ—бѣлъ“, „Сократъ—человѣкъ“ и т. д. являются сужденіями лишь потому, что утверждаемая связь между субъектомъ и предикатомъ претендуетъ быть истинной (хотя, фактически, она можетъ быть и ложной, но это здѣсь не важно, а важно лишь то, что эта связь имѣетъ въ виду истинность или ложность).

Не иначе обстоитъ дѣло и съ „практически-оцѣнивающими“ сужденіями. Сужденіе: „я люблю синее небо“ несомнѣнно заключаетъ въ себѣ оцѣнку, ибо оно говоритъ: „я цѣню (мнѣ нравится, пріятно и т. д.) синее небо; значитъ ли, однако, что оно не относится къ „логической“, т.-е. къ чисто теоретической дѣятельности?

И это выраженіе является сужденіемъ лишь потому, что оно утверждаетъ опредѣленную связь субъекта и предиката, имѣя въ виду истину, т.-е. что эта связь дѣйствительно такова, а не иная.

Это сужденіе совершенно тождественно съ сужденіемъ „снѣгъ—бѣлъ“, отличается оно отъ него лишь тѣмъ, что субъектомъ сужденія здѣсь является „я“ (мои переживанія, эмоціон. дѣятельность), а предикатомъ утверждается опредѣленное свойство этого „я“. Это выраженіе, какъ сужденіе, относится къ логическому и только къ логическому бытію. Формулируя ясно мое возраженіе, я утверждаю, что Б. Кроче и другіе сторонники этого теченія перепутали

два совершенно различныхъ явленія: переживанія и сужденія. Разумѣется, я могу переживать, какъ можетъ переживать и амеба, тѣ или иныя эмоціи: пріятныя и непріятныя, цѣнныя и не цѣнныя, но эти переживанія, какъ, напр., переживанія болей въ желудкѣ, отъ этого не дѣлаются сужденіями; а поэтому же изъ этихъ переживаній нельзя образовать и науку. Всѣ эти переживанія, какъ переживанія, относятся къ эмоціональной или къ какой-угодно дѣятельности, но только не къ логической.

Когда же я высказываю или мыслю сужденіе: „я испытываю боли въ желудкѣ“ или „амеба переживаетъ эмоціи“—это уже относится къ логической и только къ логической дѣятельности, имѣющей въ виду истину, а тѣмъ самымъ къ теоретической области.

Въ первомъ случаѣ были переживанія и они естественно не относились къ логической области. Но вѣдь наука состоитъ не изъ переживаній, а изъ системы общеобязательныхъ сужденій. Сужденія же, какъ видно изъ сказаннаго, могутъ быть только теоретическими, т.-е. утверждающими или отрицающими ту или иную функціональную (т.-е. реально-существующую) связь субъекта и предиката.

Само выраженіе: „сужденіе цѣнности“ въ смыслѣ чего-то противоположнаго логическому бытію — теоретич. сужденію — есть contradictio in adjecto.

И этика, какъ бы она ни называлась—нормативной или еще какъ-нибудь иначе, разъ она называется наукой, то она тѣмъ самымъ представляетъ совокупность сужденій. А такъ какъ сужденіе всегда можетъ быть только теоретическимъ, т.-е. утверждающимъ или отрицающимъ ту или иную функціональную (логическую или причинную) связь субъекта и предиката, то тѣмъ

самымъ и этика, какъ наука, можетъ быть только теоретической, т.-е. основанной на изученіи того, что есть, на констатированіи тѣхъ функціональныхъ связей и отношеній, которыя даны намъ въ области моральныхъ явленій.

Отсюда вытекаетъ и вполнѣ ясное отношеніе къ сужденію „долженствованія“ и тѣмъ самымъ къ нормативнымъ наукамъ.

Это отношеніе гласитъ: всякое сужденіе долженствованія, если оно только сужденіе, (т.-е. имѣетъ въ виду истину) можетъ быть только теоретическимъ, т.-е. утверждающимъ какъ истинное є или отрицающимъ какъ ложное то или иное функціональное отношеніе субъекта и предиката; если же оно не теоретическое и не относится къ логической дѣятельности—оно вовсе не есть сужденіе, а переживаніе (или все, что угодно) и тѣмъ самымъ не имѣетъ никакого отношенія къ наукѣ—какъ совокупности сужденій.

Выраженія: „ты долженъ“, „тащить и не пущать“, „помогай ближнимъ“, „если ударятъ тебя въ правую щеку, то подставь и лѣвую“ и т. д. и т. д.—всѣ эти „сужденія“ долженствованія—не суть сужденія. Они не имѣютъ никакого отношенія къ истинѣ, не хотятъ быть ни истинными, ни ложными, а представляютъ просто волеизъявленіе, или ту или иную реакцію на тѣ или иныя раздраженія. Здѣсь, какъ и въ выраженіи „моему ндраву не препятствуй“, по вполнѣ справедливому замѣчанію Зигварта, „не требуется вѣра въ истинность повелѣнія, а требуется повиновеніе“ [1]). Наука же имѣетъ дѣло только съ истинностью и

[1]) Зигвартъ. Логика, т. I, стр. 425, СПБ. 1908.

поэтому эти выраженія, какъ совершенно не относящіяся къ истинѣ и не имѣющія ее въ виду, составить науку не могутъ. Они могутъ быть о б ъ е к т о м ъ науки, но самой наукой, ея составными элементами, быть они не могутъ. О нихъ нельзя совершенно сказать: истинны они или ложны. А н а у к а и с у ж д е н і я имѣ ю т с я л и ш ь т а м ъ, г д ѣ м о ж н о п о с т а в и т ь в о п р о с ъ о б ъ и с т и н н о с т и или л о ж н о с т и у т в е р ж д е н і я или о т р и ц а н і я.

Возьмемъ еще примѣръ. Допустимъ, что существуетъ законъ, гласящій: „на основаніи такой-то статьи, такого-то параграфа, такого-то уложенія гражданинъ д о л ж е н ъ снимать передъ губернаторомъ шапку“.

Это выраженіе можно разсматривать двояко: 1) какъ п р и к а з а н і е государства или судьи. Въ этомъ случаѣ оно вовсе не является сужденіемъ, ибо нельзя поставить вопросъ объ его истинности или ложности; о немъ нельзя сказать: истинно оно или ложно; оно стоитъ внѣ этихъ категорій, а поэтому оно вовсе не сужденіе. „Долженъ“ и больше никакихъ... Такъ же обстоитъ дѣло и со всякими другими выраженіями съ „долженъ“, „обязанъ“, „не долженъ“ и т. д.

Но можно его разсматривать и какъ с у ж д е н і е. Въ этомъ случаѣ оно непремѣнно пріобрѣтаетъ видъ теоретическаго сужденія и гласитъ: „существуетъ статья, которая приказываетъ гражданину снимать передъ губернаторомъ шапку“. Въ этомъ случаѣ можно поставить вопросъ объ истинности или ложности сужденія, и дѣло сводится къ тому, чтобы провѣрить, вѣрна ли утверждаемая связь субъекта и предиката, т.-е. дѣйствительно ли существуетъ такой законъ, дѣйствительно ли онъ гласитъ то-то... и т. д. „Такъ есть“—вотъ основа этого с у ж д е н і я. Въ первомъ случаѣ передъ нами не сужденіе, а просто приказаніе, во

второмъ сужденіе—и потому-то оно и теоретично, а не нормативно...

Отсюда понятно, что выраженія: „Помни день субботній“ „чти отца твоего и матерь твою“, „поступай такъ, чтобы максима твоего поведенія могла служить примѣромъ для всѣхъ“, „человѣкъ не долженъ обижать слабыхъ“, „на судѣ должно говорить правду“ и вообще сужденіе: А должно быть В, или А не должно быть В“—все это или простыя переживанія: волеизъявленія, приказанія, запрещенія и т. д., о которыхъ нельзя сказать ни то, что они истинны, ни то, что они ложны, а потому они не сужденія и къ наукѣ отношенія не имѣютъ; или же, если они могутъ быть сужденіями, то обязательно принимаютъ теоретическій видъ. Точно также и примѣръ Гуссерля: „Воинъ долженъ быть храбрымъ“ или вовсе не сужденіе, или же, если оно сужденіе, оно принимаетъ чисто теоретическій характеръ: „Храбрый воинъ есть хорошій воинъ“ Въ этомъ случаѣ можно поставить вопросъ о его истинности и спросить: истинна ли связь, утверждаемая между субъектомъ и предикатомъ, т.-е. дѣйствительно ли храбрый воинъ есть хорошій воинъ.

Въ послѣднемъ случаѣ оно неизбѣжно относится къ логической дѣятельности и неизбѣжно является теоретическимъ.

Изъ сказаннаго вытекаетъ: 1) Всякое сужденіе, т.-е. утвержденіе или отрицаніе связи субъекта и предиката, относительно котораго можно поставить вопросъ объ его истинности или ложности, есть и можетъ быть только теоретическимъ. Нормативное сужденіе или, что то же, „сужденіе цѣнности“ есть contradictio in adjecto. Подобное сужденіе или вовсе не является сужденіемъ или, если является таковымъ, то представляетъ замаскированное теоретическое сужденіе.

2) Разъ нѣтъ нормативныхъ сужденій, нѣтъ и нормативныхъ наукъ. Поэтому и этика не можетъ быть нормативной наукой; она можетъ быть наукой о нормахъ, о запретахъ и приказаніяхъ и т. д., но нормативной наукой она быть не можетъ. Какъ наука—она не приказываетъ и не запрещаетъ, не говоритъ: „ты долженъ“, ни „ты обязанъ“, а только „показываетъ“ функціональную связь явленій, формулированныхъ въ видѣ сужденій: „при наличности такихъ-то и такихъ-то условій происходитъ то-то и то-то“. Напр., „при оскорбленіи тобой другого, другой оскорбитъ тебя“—а ужъ нужно ли оскорблять или нѣтъ—это она предоставляетъ рѣшать каждому, какъ ему угодно, подобно гигіенѣ, которая говоритъ: „при неправильномъ образѣ жизни наступаетъ разстройство и истощеніе организма“, а дѣло каждаго уже рѣшать—хочетъ ли онъ разстраивать организмъ или нѣтъ.

Все сказанное относительно Б. Кроче вполнѣ приложимо и къ Риккерту съ Виндельбандомъ, основывающимъ истинность на долженствованіи и оцѣнкѣ. Но помимо этого имъ свойственны еще особые, добавочные промахи.

Риккертъ, какъ извѣстно, основываетъ саму истину на трансцендентномъ долженствованіи (Sollen) и это же трансцендентное Sollen считаетъ критеріемъ истинности.

Не входя въ критику гносеологіи Риккерта по существу, я замѣчу лишь то, что его конструкція истины ведетъ къ неизбѣжному логическому кругу, какъ это ясно видно по его статьѣ Zwei Wege der Erkenntnistheorie. Трансцендентное Sollen намъ само по себѣ недоступно и поэтому долженъ быть критерій истинности сужденія имманентный. И Риккертъ указываетъ на такой критерій:

Очевидность (Evidenz)—вотъ критерій истины, говоритъ онъ. Но вѣдь, иногда и заблужденіе кажется очевиднымъ, какъ тутъ быть? спрашиваемъ мы.

— Да,—отвѣчаетъ Риккертъ,—поскольку имѣется очевидность психическая, утверждающая не трансцендентное Sollen, но имманентное—постольку возможна ошибка и заблужденіе. Поскольку же имѣется очевидность, утверждающая трансценд. Sollen—постольку нѣтъ мѣста заблужденію [1]).

— Но какъ отличить то и другое?—снова спрашиваемъ мы; и снова начинается сказка про бѣлаго бычка: чтобы очевидное сужденіе было истинно—оно должно выражать трансценд. Sollen, а чтобы узнать, выражаетъ ли оно трансценд. Sollen—оно должно быть очевиднымъ. Получается кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода.

Помимо этого, какъ я уже сказалъ, всѣ возраженія, приложимыя къ Кроче—приложимы и къ этому теченію. И оно точно также путаетъ сужденія съ переживаніями, считая сужденіе частнымъ видомъ оцѣнки, одобренія и неодобренія и ставя понятія истинный и ложный въ одинъ рядъ съ понятіями красивый и безобразный, пріятный и непріятный и т. д.

Уже Зигвартъ отлично отвѣтилъ на аргументы этого теченія. „Выраженіе: „Солнечный свѣтъ мнѣ пріятенъ“, говоритъ онъ, это, конечно, оцѣнка солнечнаго свѣта въ отношеніи къ моему чувству. Но самая эта оцѣнка, высказываемая сужденіемъ, не есть ни чувство, ни хотѣніе, а простое признаніе факта, что солнечный свѣтъ пробуждаетъ во мнѣ это чувство. Реакція чувствующаго человѣка есть то удовольствіе, которое получается отъ теплоты. Сужденіе, въ которомъ онъ выражаетъ это, есть функція его мышленія. На основаніи опыта противоположныхъ чувствъ онъ образовалъ общія понятія пріятнаго и непріятнаго, которыя сами не суть чувства, и посред-

---

[1]) Zwei Wege стр. 188.

ствомъ этихъ понятій онъ выражаетъ то фактическое отношеніе, какое существуетъ между нимъ и извѣстными вещами“ [1]). Но къ этому надо прибавить еще и то, что гносеологія Риккерта и Виндельбанда, вопреки общему мнѣнію, есть по своему существу скрытый, половинчатый прагматизмъ и, какъ всякая половинчатость, обладаетъ всѣми недостатками прагматизма, не обладая его достоинствами.

Какъ и прагматизмъ [2]), они говорятъ, что въ основѣ истины—акта сужденія—уже лежитъ одобреніе или неодобреніе (Джемсъ выражаетъ это въ терминахъ „польза и вредъ“)—вообще оцѣнка, На это слѣдуетъ отвѣтить, что актъ одобренія или неодобренія уже предполагаетъ з н а н і е, хотя бы въ простѣйшей формѣ р а з л и ч е н і я, т.-е. актъ сужденія (истину)—все равно будетъ ли это сужденіе объективно истиннымъ или только кажется таковымъ.

Прежде чѣмъ порицать что-нибудь, надо знать, кого порицать и за что порицать. „Мы порицаемъ ложное потому, что оно ложно; но оно не потому ложно, что мы порицаемъ его. Лишь теоретическое познаніе, что извѣстное сужденіе истинно или ложно, можетъ обосновать чувство“ [3]), вполнѣ справедливо замѣчаетъ Зигвартъ.

[При желаніи скрытый прагматизмъ этого теченія можно было бы прослѣдить во всей гносеол. концепціи Риккерта и Виндельбанда, напр., въ ученіи о проблемат. сужденіяхъ, обнаруживающихъ релятивизмъ, свойственный прагматизму и т. д. Но такъ какъ это увлекло бы въ сторону, я ограничиваюсь сказаннымъ].

Резюмирую все сказанное относительно перваго поставленнаго мной вопроса: В с я к а я н а у к а, к а к ъ с о в о-

---

[1]) Зигвартъ Логика, т. I, стр. 442—445.

[2]) См. работы прагматистовъ. Д ж е м с ъ. Прагматизмъ. Ш и л л е р ъ. Studies in humanism, работы Д ь ю и, П и р с а и др.

[3]) З и г в а р т ъ Ibid. 445.

купность суждений, может быть только теоретической и не может быть нормативной. Это вытекает из того, что суждения могут быть только теоретическими. Никакое суждение как суждение ничто не оценивает, никому и ничто не приказывает, никого не обязывает, не говорит никому „ты должен“ и т. п., а представляет утверждение или отрицание определенной функциональной связи субъекта и предиката и, как таковое, может быть или истинным, или казаться таковым. „Сужденія цѣнности“ или „долженствованія“ или, иначе, „нормативныя сужденія“, или не есть сужденія и тогда они не имѣютъ никакого отношенія къ наукѣ; если же они сужденія то становятся неизбѣжно теоретическими сужденіями, и какъ таковыя, составляютъ теоретическую дисциплину.

Поэтому вполнѣ правъ былъ Е. В. Де-Роберти, когда нормативныя науки, каковы этика, естеств. право и т. д. называлъ дѣтскими науками, сдѣлавшимися, быть можетъ, подъ конецъ и порочно скороспѣлыми. Вмѣсто того, чтобы говорить, какъ всѣ зрѣлыя науки «такъ есть» они предписываютъ намъ въ приподнятомъ тонѣ наши обязанности и говорятъ: «такъ должно». Ихъ нормы, замѣняющія научно-установленные законы, представляютъ лишь произвольно установленныя положенія, вызываемыя неотложной потребностью и требованіями практической жизни [1]).

Изъ сказаннаго вытекаетъ нашъ отвѣтъ на поставленный вопросъ: этика, какъ и всякая наука, не может быть нормативной, ибо нормативная

---

[1]) E. De Roberty .Constitution de l'ethique. 191. Paris Alcan. Новая постановка основн. вопр. соціологіи. 214, 215.

наука—не наука, а можетъ быть только теоретической, изучающей сущее какъ оно есть. Этимъ объясняется, что большинство предыдущихъ системъ морали, считавшихъ своей задачей приказывать и законодательствовать, вмѣсто того, чтобы давать законы реально совершающихся явленій, не могли достигнуть существенныхъ результатовъ и не могутъ представлять собой научную дисциплину.

5.

Въ предыдущемъ я старался показать, что если этика возможна какъ наука, то возможна только какъ теоретическая наука, какъ совокупность логически значимыхъ сужденій. Но изъ этого, само собой разумѣется, еще не слѣдуетъ, что эти значимыя сужденія могутъ быть получаемы только путемъ опыта, т.-е. констатированія причинной связи эмпирическихъ явленій. Сужденіе можетъ быть вполнѣ значимымъ, если оно констатируетъ и чисто логическую связь. И представители формально-логическаго направленія въ этикѣ будутъ вполнѣ правы, если скажутъ: „пусть этика-наука можетъ быть только теоретической и пусть она не приказываетъ и не запрещаетъ, а только устанавливаетъ законы этическихъ явленій. Съ этимъ мы можемъ согласиться. Но изъ этого никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что она непремѣнно должна устанавливать свои законы на основѣ сущаго, путемъ изученія причинной взаимозависимости конкретныхъ явленій. Вѣдь сужденіе можетъ быть значимымъ и тогда, когда оно формулируетъ не только причинную, но и чисто-логическую связь въ зависимости отъ какого-нибудь основного принципа („основной нормы“)“.

И дѣйствительно, это утвержденіе съ формальной стороны вполнѣ правильно. Это видно изъ слѣдующаго примѣра. Если мы вмѣстѣ съ гедонистами допустимъ основную

(чисто-теоретическую) посылку: „Удовольствіе есть высшее благо“, то тогда, установивъ меньшую посылку: „куреніе табака есть удовольствіе“, мы приходимъ къ безупречному выводу: „куреніе табака есть благо“...

Подобнымъ же образомъ, исходя изъ этой основной посылки, мы можемъ получить безконечный рядъ новыхъ сужденій:

„созерцаніе моря“
„ѣзда на велосипедѣ“
„съѣданіе пирожнаго“
„помощь ближнему и т. д.
} есть благо,

если установлены меньшія посылки, что

„созерцаніе моря,
„ѣзда на велосипедѣ,
„съѣданіе пирожнаго,
„помощь ближнему и т. д.
} есть удовольствіе...

Всѣ эти сужденія ничего не приказываютъ и ничего не запрещаютъ, а только выражаютъ чисто логическую связь между опредѣленными явленіями и понятіями и вполнѣ истинны, если истинна основная посылка и вѣрно установлены меньшія посылки... Совокупность подобнымъ образомъ полученныхъ сужденій можетъ составить цѣлую научную дисциплину, опять-таки чисто-теоретическую.

Въ сущности, подъ неяснымъ терминомъ „нормативной“ науки и разумѣется чисто-теоретическая наука (ничего не приказывающая и ничего не запрещающая), построенная по указанному типу. Она представляетъ совокупность заключеній силлогизма, гдѣ большой посылкой служитъ основное теоретическое сужденіе—„удовольствіе есть высшее благо“ (по

терминологіи нормативистовъ „основная норма“ или „основная цѣнность“), а малыми посылками рядъ эмпирически установленныхъ частныхъ видовъ удовольствія.

Примѣромъ такой науки можетъ служить медицина, въ частности ея отдѣльныя вѣтви: терапія, гигіена, патологія и т. д.

Здѣсь имѣется основное теоретическое сужденіе: „здоровье—есть то-то и то-то“. а затѣмъ экспериментальнымъ путемъ устанавливаются малыя посылки: что такія-то явленія не согласуются съ общими признаками здоровья и отсюда извлекаются выводы: слѣд., “такія-то явленія не есть здоровье“.

Такъ, напр., въ „Основахъ общей и экспериментальной патологіи“ Подвысоцкаго мы читаемъ: „Общая патологія отыскиваетъ и устанавливаетъ законы, по которымъ совершаются въ животномъ организмѣ всевозможныя уклоненія отъ нормы; она создаетъ т. о. рядъ типовъ болѣзненныхъ процессовъ“.

Нормой является здоровое состояніе организма, а „здоровое состояніе организма—это такое его приспособленіе (къ внѣшнимъ условіямъ П. С.), при которомъ сохраняется maximum гармоніи между отдѣльными частями тѣла и достигается возможно большее обнаруженіе энергіи во внѣшній міръ“ [1]).

Таково основное теоретическое положеніе („норма“), являющееся большой посылкой. Противоположное этому состояніе есть состояніе нездоровое—патологическое. Разъ эта основная посылка установлена, то дальнѣйшая задача заключается въ установленіи меньшихъ посылокъ: напр., что

---

[1]) Подвысоцкій. Основы общей и экспериментальной патологіи. Спб. 1905. стр. XXII и др.

различные виды атрофіи
эндогенныя и экзогенныя отложенія
омертвѣніе
опухоли
гипермія
анэмія и т. д.

} есть разстройство гармоніи между отдѣльными частями тѣла и уменьшеніе обнаруженія энергіи во внѣшній міръ.

Изъ всѣхъ этихъ посылокъ мы получаемъ рядъ выводовъ:

атрофія
эндоген. и экзогенныя отложенія
омертвѣніе
опухоли
гипермія
анэмія и т. д.

} есть нездоровое состояніе организма.

Также обстоитъ дѣло и въ терапіи, и въ гигіенѣ. И тутъ и тамъ имѣется основная посылка: „здоровье есть то-то“, а затѣмъ согласно посылкѣ устанавливаются частные случаи, способствующіе и противодѣйствующіе сохраненію здоровья. Изъ сказаннаго видно, что и эти науки чисто теоретическія, но только построенныя по опредѣленному способу.

Гигіена, какъ наука, говоритъ только: „если человѣкъ при 30° морозѣ выскочитъ босой на улицу—то бываетъ воспаленіе легкихъ“, или „если человѣкъ соприкасается съ больнымъ, напр., холерой, то при опредѣленныхъ условіяхъ это влечетъ за собой зараженіе этого человѣка холерой“. Таковы ея выводы и положенія, какъ науки. А выбѣжитъ ли человѣкъ на улицу или нѣтъ, долженъ ли выбѣгать или нѣтъ, это дѣло докторовъ, санитаровъ и самого человѣка, а не гигіены, какъ науки. Это практическіе выводы и приказанія, а не сужденія и потому они въ самый составъ науки не входятъ.

Но разъ мы признали возможность построенія такимъ путемъ научной дисциплины, то тѣмъ самымъ мы признали какъ будто и правомѣрность этики, какъ „нормативной“ дисциплины въ этомъ смыслѣ...

—„Прекрасно! могутъ возразить намъ. Мы только это и утверждали, больше намъ ничего и не нужно. Вотъ мы выдвигаемъ основное теоретическое положеніе: „удовольствіе есть высшее благо“ [1]) и въ зависимости отъ него по только что указанному типу строимъ рядъ сужденій, которыя и будутъ составлять въ совокупности науку-этику. Пусть она будетъ состоять изъ ряда чисто-теоретическихъ сужденій— для насъ это не важно. Важно то, что она построена въ зависимости отъ одного принципа и создана „дедуктивно“ (монистична и дедуктивна).

Подставьте въ эту реплику вмѣсто принципа удовольствія другіе принципы: принципъ золотой середины (Аристотель), принципъ императива (Кантъ), принципъ счастья (гедонизмъ, эвдемонизмъ), принципъ пользы (утилитаризмъ), принципъ жизни (Гюйо и Ницше), принципъ любви (христіанство), принципъ общности (Вундтъ), принципъ единства (Наторпъ), принципъ общаго благополучія (Wohlfart) (Геффдингъ) и др. и вы получите всѣ монистически-дедуктивныя „системы“ нравственности... Всѣ онѣ построены по указанному типу (считаемому нормативнымъ, (плюсъ, конечно, различныя приказанія и запрещенія, какъ практич. рецепты) и поэтому всѣ онѣ могутъ подписаться подъ указанной репликой...

Въ виду этого намъ внимательно слѣдуетъ разсмотрѣть и это возраженіе.

Итакъ, всѣ науки являются и могутъ быть только теоретическими. Но по способу построенія теоретическія науки

---

[1]) Вмѣсто этой примѣрной нормы можно подставить любую другую.

можно дѣлить на два рода: 1) построенныя индуктивно, безотносительно къ какому-нибудь основному единому принципу (науки теоретическія въ узкомъ смыслѣ) и 2) науки, исходящія отъ одного основного принципа, который служитъ здѣсь большой посылкой силлогизма (медицина, прикл. технологія, прикладная агрономія и т. д., сюда же относятся и т. н. „системы морали“)—теоретически-прикладныя науки.

Спрашивается, можно ли строить этику по послѣднему способу, по которому она строилась до сихъ поръ за немногими исключеніями?

Этотъ вопросъ, въ свою очередь, расчленяется на два новыхъ: 1) какъ можетъ быть обоснована общезначимость „основной нормы? и 2) какъ возможно изъ нея вывести (дедуцировать) (рядъ частныхъ сужденій?

Переходя къ отвѣту на этотъ вопросъ, я заранѣе говорю свое рѣшеніе, гласящее: подобнымъ путемъ этику, какъ науку, при отсутствіи въ ней прочно установленныхъ положеній—строить нельзя. Аргументы мои таковы:

1) Изучая развитіе другихъ прикладныхъ наукъ (медицина, прикл. технологія, агрономія и т. д.) мы видимъ, что онѣ создались лишь тогда и лишь тогда достигли большей или меньшей высоты, когда чисто теоретическія (въ узкомъ смыслѣ) науки въ достаточной степени развились. Онѣ были ничѣмъ инымъ какъ функціей этихъ наукъ. Онѣ начали не съ „основной нормы“, произвольно установленной, а прежде чѣмъ формулировали ее, онѣ прошли чрезвычайно длинный и сложный путь отдѣльныхъ, чисто индуктивныхъ изслѣдованій; онѣ не спускались отъ „общей нормы“ къ конкретнымъ фактамъ, а очень долго поднимались отъ частныхъ обобщеній къ общей „нормѣ“. Таковъ былъ путь всякой науки, всякая наука начинала съ наблюденія и индукціи и

лишь потомъ переходила къ дедукціи; то же должно быть и съ созданіемъ этики. Прежде чѣмъ формулировать основной принципъ, необходимо его обосновать, дойти до него путемъ цѣлой лѣстницы отдѣльныхъ обобщеній, основанныхъ на изученіи соотвѣтствующихъ явленій и ихъ причинной зависимости. Въ противномъ случаѣ наша „норма“ явится ни для кого не обязательной произвольной нормой, рядомъ съ которой можно выдвинуть десятки иныхъ „нормъ“ съ такимъ же правомъ. Таковыми фактически и являются нормы „системъ“ морали и ихъ разнорѣчіе—лишнее подтвержденіе ихъ необоснованности...

2) Если бы „основная норма“ этики была установлена, то половина дѣла ея была бы сдѣлана. Но достаточно взглянуть на этическія системы, съ ихъ многообразными и противорѣчащими другъ другу „нормами“—чтобы сказать, что такой общеобязательной нормы нѣтъ. А вѣдь общеобязательность нормы и является показателемъ ея научности и и истинности. Слѣдовательно, выражаясь языкомъ нормативистовъ, можно сказать: „закономѣрность частной „оцѣнки“ зависитъ отъ согласія ея съ основной нормой или цѣнностью—это вѣрно. Но отъчего зависитъ закономѣрность (истинность, общеобязательность) самой основной цѣнности? вотъ въ чемъ вопросъ.

Достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы сразу же обнаружить невозможность построенія этики этимъ „монистически-дедуктивнымъ“ или „формально-логическимъ“ путемъ. Здѣсь возможны два выхода: первый очень легкій и простой, но безплодный. Это постулированіе нормы, какъ это фактически и дѣлали творцы системъ морали. Но ясно, что гдѣ есть произвольное постулированіе—тамъ нѣтъ науки—и обратно...

Постулировать каждому вольно все, что Богъ на душу положитъ, хотя бы, „2 × 2 = немазанной телѣгѣ“, но это отношенія къ наукѣ не имѣетъ.

Приходится, слѣд., такъ или иначе обосновывать «норму»... Какъ же ее можно обосновать?

a) Если бы у насъ была другая еще болѣе высшая норма, то данную норму можно было бы вывести изъ нее. Но въ томъ-то и дѣло, что наша норма сама есть высшая норма, слѣд., подвести ее нельзя подъ другую еще болѣе высшую, а слѣд., этотъ путь обоснованія не годенъ.

b) Ссылка на трансцендентный міръ тоже не годится, ибо само допущеніе такого міра необосновано и проблематично.

c) Остается для доказательства только одинъ путь: именно путь каузальнаго изученія моральныхъ явленій, путь сравнительно-историческаго и индуктивнаго изслѣдованія, т.-е. путь совершенно обратный данному; это путь уже не исхожденія отъ «нормы» и должнаго, а путь изученія сущаго, того, что есть, путь восхожденія отъ «сущаго» къ должному.

Выводъ изъ сказаннаго тотъ, что основная норма можетъ быть или постулирована — тогда она не научна и не общеобязательна, если же хотятъ ее обосновать, то тѣмъ самымъ отрицаютъ «нормативный» путь и тотъ методъ, который сами же нормативисты выставляютъ. Значитъ, этотъ путь не годится.

3) Помимо сказаннаго невозможность обоснованія этики указаннымъ путемъ видна и изъ слѣдующихъ соображеній:

Допуская, что истинность и общеобязательность основной нормы доказана (пусть будетъ „нормой“ для примѣра—„удовольствіе есть высшее добро“) спрашивается: какъ вывести изъ нея или подвести подъ нее рядъ частныхъ, конкретныхъ случаевъ?

Прежде всего, какъ установить меньшую посылку, что „созерцаніе моря, напр., есть удовольствіе“, или „пьянство есть удовольствіе“, или „лежаніе въ ваннѣ есть удовольствіе“, или „чтеніе Байрона есть удовольствіе“ и т. д. Для того, чтобы возможно было установленіе данныхъ посылокъ, необходимо имѣть для этого точные критеріи и признаки удовольствія, необходимо, чтобы „основная норма“ обладала точными признаками удовольствія. Если она ихъ указываетъ ясно, то тогда, имѣя дѣло съ к. н. явленіемъ, напр., съ чтеніемъ Байрона, мы наблюдаемъ, обладаетъ ли оно данными признаками и, если обладаетъ, то говоримъ, чтеніе есть удовольствіе.

Но можетъ ли основная норма, „интуитивно“ установленная, дать эти признаки?—Нѣтъ, и вотъ почему. Изъ логики каждому извѣстно, что чѣмъ шире понятіе по объему, тѣмъ оно бѣднѣе по содержанію. Понятіе удовольствія въ основной нормѣ должно быть самымъ широкимъ по объему, какъ охватывающее всѣ виды удовольствій, но зато оно должно быть и самымъ бѣднымъ по содержанію и изъ него должны быть выкинуты всѣ специфически-видовые признаки удовольствія. Но если это такъ, то какъ подвести подъ это общее понятіе его частные случаи? Почему такія разнородныя явленія, какъ напр., пьянство, симфонія Бетховена, чтеніе Байрона, ѣзда на велосипедѣ и т. д. подводятся подъ одну рубрику?—Потому, что всѣ они обнаруживаютъ элементъ удовольствія, скажутъ. — Ничуть, каждое изъ этихъ явленій и для разныхъ людей и для одного и того же человѣка бываетъ то удовольствіемъ, то страданіемъ. Само содержаніе явленія не есть ни удовольствіе, ни не удовольствіе.

Но важно здѣсь, могутъ сказать, то, что испытываетъ переживающій данное явленіе субъектъ. Если ему данное явленіе кажется удовольствіемъ—значитъ оно благо.

Но ясно, что подобное возраженіе сводитъ „на нѣтъ“ и весь смыслъ посылокъ и большей и меньшей. Смыслъ установленія посылокъ, именно, въ томъ и заключается, чтобы не „формально“, но „матеріально“ установить, исходя изъ общей посылки, что данное явленіе удовольствіе и потому благо (а не страданіе). Если же говорятъ, что данное явленіе можетъ быть и тѣмъ и другимъ, какъ кому кажется, то мы остаемся при тавтологіи: высшее благо, есть удовольствіе, а удовольствіе—то, что кажется удовольствіемъ.

Сказанное mutatis mutandis приложимо и къ другимъ основнымъ нормамъ. И норма Канта: единственное абсолютное благо—это разумная воля, а равнымъ образомъ и его приказъ: поступай такъ, чтобы правило твоего поведенія могло служить закономъ для всѣхъ—не даютъ никакой возможности установить на основаніи ихъ частныя сужденія—меньшія посылки. „Дикарь“ будетъ считать такимъ правиломъ кровную месть, а прощеніе врага — безнравственнымъ поступкомъ, истинный же христіанинъ такимъ правиломъ будетъ считать любовь къ врагу, а кровную месть — верхомъ безнравственности.

Одинъ и тотъ же фактъ будетъ являться то какъ A, то какъ non—A.

И мы остаемся при пустой тавтологіи: благо есть то, что благо [1]).

4) Но допустимъ, помимо истинности „нормы“, и возможность установленія меньшихъ посылокъ. Для созданія такой „оцѣночной шкалы благъ“ необходимо еще указать на то, которое, напр., изъ удовольствій (а соотвѣтственно благъ) есть большее удовольствіе и которое меньшее. Можемъ ли мы это сдѣлать? Пусть основной „нормой“ будетъ та же

---

[1]) Именно къ этой тавтологіи и сводится попытка Е. Трубецкого отвѣтить на этотъ аргументъ. См. его „Энциклопедію права“.

„норма“: удовольствіе есть благо и пусть установлены меньшія посылки, что

пьянство,
слушаніе симфоніи Бехтовена,
съѣданіе пирожнаго,
созерцаніе моря,
чтеніе Байрона и т. д.

} есть удовольствіе, а слѣдов., благо.

Спрашивается, которое изъ этихъ благъ большее, которое—меньшее? Что, напр., мнѣ слѣдовало бы выбрать: пьянство или слушаніе Бетховена? Чѣмъ мнѣ слѣдуетъ здѣсь руководиться? Если бы всѣ эти удовольствія были однородными, то рѣшеніе было бы простo, я бы взялъ то, гдѣ удовольствіе дольше и интенсивнѣе. Но въ томъ-то и бѣда, что всѣ эти удовольствія разнородны. Извѣстно, что I. Бентамъ пытался дать „нравственную ариѳметику“ и установилъ 7-мь основныхъ признаковъ для выбора того или иного удовольствія (интенсивность удовольстія, его продолжительность, несомнѣнность, близость, плодотворность, чистота и распространенность). Но не менѣе извѣстно, что какъ его попытка, такъ и попытки послѣдующихъ утилитаристовъ, ни къ чему не привели [1]).

Именно, на невозможности установить подобный критерій и основанъ фактъ „столкновенія обязанностей“, одно существованіе котораго было бы достаточно, по мнѣнію Зиммеля, для опроверженія всякой „монистической морали“.

5) Наконецъ, скрытой предпосылкой всего этого пути является однородность человѣческой природы и возможность примѣненія къ ней одного и того же шаблона съ одной стороны [2])

---

[1]) См. I. Bentham, Oeuvres т. 3-й 1840 г. стр. 448 и см. Гюйо. Исторія и критика соврем. англійскихъ ученій о нравственности. СПБ. 1898.

[2]) См. объ этомъ. Levy-Bruhl: La moral, et la science des moeurs. стр. 67—83 Paris Alcan.

и отсюда вытекающая предпосылка о какой то внѣ и сверхъ временной цѣнности чего-нибудь—съ другой, цѣнности, сохраняющей свое одинаковое значеніе для всѣхъ временъ и народовъ.

Ни та, ни другая предпосылки не оправдываются фактическимъ изученіемъ моральныхъ явленій.

Не приводя другихъ соображеній, сказаннаго достаточно, чтобы признать, что построеніе этики—какъ наукиэтимъ формально-логическимъ путемъ встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія и по существу дѣла совершенно невозможно.

§ 6.

Значитъ ли все вышесказанное, однако, что мы совершенно отрицаемъ возможность и необходимость построенія той «практической» науки, которая подъ различными именами: то теоріи прогресса, то соціальной политики, то политики права и нравственности, то «моральнаго искусства», то «моральной технологіи», и т. д. привлекаетъ къ себѣ все большее и большее вниманіе мыслителей? Нѣтъ, не значитъ. Мы отрицаемъ только: 1) обычное коренное противопоставленіе этихъ наукъ, якобы не теоретическихъ, теоретическимъ. 2) мы отрицаемъ ихъ нормативный характеръ, утверждая, что ни нормативныхъ сужденій, а равно и наукъ нѣтъ, а есть только теоретическія науки, построенныя двояко: a) безотносительно къ какому-нибудь основному положенію и b) въ зависимости отъ одного основного положенія—«основного теоретическаго тезиса («высшей нормы») Прикладныя «нормативныя» науки и представляютъ теоретическія науки, построенныя по второму плану. 3) Мы утверждаемъ, что эти послѣднія науки, ничего не предписывая и не запрещая, могутъ быть построены только путемъ исхожденія изъ ни-

зинъ сущаго къ вершинамъ должнаго, а не обратно. Чтобы получить желательный эффектъ или осуществить поставленный идеалъ, необходимо знать причинныя связи сущаго; безъ ихъ знанія—реализація своихъ цѣлей невозможна; а это значитъ, что прежде, чѣмъ строить прикладную науку—необходимо изучить причинныя связи. Безъ послѣдняго условія вся наша «наука» будетъ пустымъ словопреніемъ и... только. Поэтому мы не можемъ не привѣтствовать новѣйшія теченія въ области творчества соціальной политики (политики права, нравственности и т. д.), которыя идутъ именно путемъ причиннаго изученія явленій, а не путемъ абстрактныхъ дедукцій и постулатовъ. И слѣдуетъ сказать, что подобныя попытки даютъ безконечно больше и уже дали, чѣмъ безчисленныя «системы морали». Достаточно съ этою цѣлью указать на политику права, создаваемую у насъ Л. І. Петражицкимъ [1]), на «моральное искусство», развиваемое Е. В. Де-Роберти, Дюркгеймомъ и Леви-Брюлемъ, на работы о прогрессѣ различныхъ соціологовъ, въ частности, лицъ, участвовавшихъ въ международномъ конгрессѣ соціологовъ, посвященномъ проблемѣ прогресса, на работы по экономической и соціальной политикѣ и т. д. [2]). Изученіе причинныхъ связей сущаго даетъ имъ возможность указывать и средства, дѣйствительно способныя вызвать тотъ или иной эффектъ, въ зависимости отъ ихъ основной посылки или, что то же, основного и конечнаго идеала.

Вмѣсто «ты долженъ» эти теченія и лица говорятъ: «такъ есть», «такова функціональная связь». А затѣмъ уже, исходя изъ этой связи, они добавляютъ: «такая-то мѣра даетъ

---

[1]) См. Л. І. Петражицкій. Die Lehre vom Einkommen и его же превосх. статью: „Къ вопросу о соціальномъ идеалѣ“ (Юрид. Вѣстникъ. Кн. II-я), а также Теорію права и Акціи и биржевая игра.

[2]) См. Annales de l'Institut intern. de sociologie. т. XIV. Le prógrès. Paris. 1913.

такой-то эффектъ». И затѣмъ уже говорятъ: «если нужно достичь такую-то цѣль, то должны быть пущены въ ходъ такія-то средства». Однимъ словомъ, вмѣсто того, чтобы довольствоваться диллетантскимъ и самодовольнымъ «долженъ» и «не долженъ», они пытливо проникаютъ въ глубь морально-соціальныхъ фактовъ и расшифровываютъ сложные узоры міровой и болѣе узко—историко-соціальной необходимости. Разъ извѣстны связи—дано и средство для ихъ утилизаціи, сообразно съ своими желаніями и идеалами.

Что же касается обоснованія послѣднихъ, то теоретически никакой идеалъ недоказуемъ въ качествѣ общезначимаго идеала. Теоретически одинаково обоснованъ или необоснованъ и идеалъ дѣйственной любви и дѣйственной ненависти. Нѣтъ никакихъ логическихъ основаній, которыя заставляли бы принять первый и отвергнуть послѣдній или обратно. Ихъ обоснованность или необоснованность одинаковы. Это значитъ, что исходное положеніе необходимо постулировать, какъ уже отмѣчено было выше. А благодаря всему этому любая «практическая» наука становится условной и необщезначимой. Это слѣдуетъ открыто и честно признать. Съ логической точки зрѣнія, одинаковое право имѣютъ и «политика права», утилизирующая знаніе причинныхъ связей для реализаціи идеала дѣйственной любви, и утилизирующая ихъ для реализаціи идеала дѣйственной ненависти.

Но разъ мы приняли ту или иную посылку, критеріемъ истинности той и другой «политики» становится уже одно и то же: вѣрно или невѣрно формулируетъ она функціонально-причинныя связи явленій. Если связь не вѣрна—то сужденія ложны, если она вѣрна—сужденія истинны.

Резюмируя сказанное о практическихъ наукахъ, мы можемъ сказать, что исходный пунктъ ихъ или ихъ конечный идеалъ

съ теоретической точки зрѣнія—условенъ и необщезначимъ, но разъ онъ принятъ, то въ дальнѣйшемъ критеріемъ истинности или ложности всей дисциплины становится с у щ е е; если вѣрно формулированы отношенія сущаго, условно вѣрна и вся дисциплина, если невѣрно схвачены отношенія—абсолютно невѣрной становится и вся теорія. Это означаетъ, что и здѣсь общезначимыми сужденіями—являются чисто-теоретическія сужденія и ихъ совокупность. Поскольку же конечный идеалъ не представляетъ теоретическаго положенія—постольку онъ необщезначимъ, не доказуемъ, условенъ и можетъ быть замѣненъ любымъ противоположнымъ идеаломъ.

То, что здѣсь научно—то теоретично, что не теоретично—то не научно, не общеобязательно. Такъ обстоитъ дѣло съ теоретической точки зрѣнія.

Но само собой разумѣется, иначе обстоитъ дѣло въ области практики: теоретически можно допустить идеалъ взаимной ненависти и объявить высшимъ благомъ—взаимное уничтоженіе людей другъ другомъ; какъ показали мы выше—логическихъ препятствій къ этому нѣтъ. Но одно дѣло—возможность подобной теоріи, другое дѣло—фактическое ея выполненіе и реализація. Едва ли найдется такой человѣкъ, который бы и въ самомъ дѣлѣ попытался сдѣлать такъ. Людей, теоретически принимающихъ положенія въ родѣ указаннаго (высшее благо—взаимная ненависть),—вѣроятно, не мало («вѣдь это оригинально и парадоксально», а на парадоксы и сенсаціи теперь мода), но почти всѣ они de facto ведутъ себя не сообразно съ ихъ идеаломъ, а сплошь и рядомъ, сообразно съ идеаломъ дѣйственной любви. Ихъ шуйца говоритъ одно, а десница дѣлаетъ другое.

Самые «отчаянные» теоретики эгоизма, ненависти и индивидуализма фактически сплошь и рядомъ были великими альтруистами, коллективистами и людьми, помогавшими и любившими другихъ.

А отсюда слѣдуетъ, что если идеалъ дѣйственной любви (въ пониманіи Будды, Христа и др., а въ наше время лежащій въ основѣ политики права Л. І. Петражицкаго и др.) теоретически и равноправенъ идеалу ненависти (оба условны), то практически онъ является почти общезначимымъ и всѣми пріемлемымъ, и поэтому можетъ служить отправнымъ пунктомъ, для созданія практической (т.-е. теоретической въ вышеуказанномъ смыслѣ) науки, въ которой такъ нуждается наше время и мы сами.

Соціальная жизнь изобилуетъ кризисами, благодаря нашему общему невѣжеству, благодаря невѣжеству нашихъ руководителей, сплошь и рядомъ «не умѣющихъ отличить правой руки отъ лѣвой», а потому и предписывающихъ рецепты, цѣнность которыхъ равна цѣнности «угольковъ и нашептываній», употребляемыхъ знахарями для лѣченія отъ недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ. Пора уже замѣнить ихъ болѣе раціональными рецептами и «соціальными докторами» дѣлать людей, болѣе знающихъ свое дѣло. Вполнѣ правъ Е. В. Де-Роберти, говоря: «Унаслѣдованное нами въ значительной степени соціологическое невѣжество нашихъ предковъ должно считаться теперь въ качествѣ единственнаго и подлиннаго источника нашихъ интеллектуальныхъ страданій, нашихъ моральныхъ паденій, нашихъ ошибокъ, нашихъ преступленій и соціальныхъ бѣдствій, столь ужасныхъ и разнообразныхъ» [1]).

Сказаннымъ кратко выяснено наше отношеніе къ соціальной политикѣ и вообще къ соціальнымъ прикладнымъ наукамъ.

Во всей нижеслѣдующей работѣ мы старались держаться чисто теоретической точки зрѣнія, пытаясь схватить подлин-

---

[1]) Le Bien et le Mal. 147—148.

ныя отношенія, данныя въ сущемъ. Если что-нибудь удалось сдѣлать въ этомъ направленіи,—наша работа не будетъ безплодной и для практическихъ нуждъ и потребностей. Но удалось ли, дѣйствительно, уловить хоть кое-что изъ области необходимыхъ отношеній, царствующихъ въ соціальномъ мірѣ,—мы судьей быть не можемъ. Вполнѣ возможно, что нашъ поискъ Истины былъ неудаченъ, ибо Она многихъ манитъ, но немногимъ открываетъ свое лицо. Но неудачность нашего опыта нисколько не компрометируетъ чисто-теоретическое изученіе человѣческой морали и человѣческаго поведенія, ибо методъ неотвѣтственъ за отдѣльныхъ лицъ и ихъ неудачныя попытки.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I-я.

Соціальное явленіе.

§ 1.

Природа соціальнаго явленія.

Какъ бы разнообразны ни были тѣ опредѣленія, посредствомъ которыхъ соціологи характеризуютъ сущность соціальнаго или надорганическаго явленія—всѣ они имѣютъ нѣчто общее, а именно, что соціальное явленіе—объектъ соціологіи—есть прежде всего взаимодѣйствіе тѣхъ или иныхъ центровъ или взаимодѣйствіе, обладающее специфическими признаками. Принципъ взаимодѣйствія лежитъ въ основѣ всѣхъ этихъ опредѣленій, всѣ они въ этомъ пунктѣ согласны и различія наступаютъ уже въ дальнѣйшемъ—въ опредѣленіи характера и формъ этого взаимодѣйствія. Подтвердимъ сказанное примѣрами.

„Постоянство отношеній", на которое указываетъ Спенсеръ, какъ на характерный признакъ общества или надорганическаго явленія, очевидно, есть лишь иной терминъ, обозначающій тотъ же принципъ взаимодѣйствія [1]).

„Въ „общественности", въ „надорганическомъ" явленіи мы видимъ не что иное, говоритъ Е. В. Де-Роберти, какъ длительное, непрерывное, многостороннее и необходимое взаимодѣйствіе, устанавливающееся во всякой постоянной, а не случайной аггрегаціи живыхъ существъ" [2]).

Соціальное явленіе или общество „существуетъ тамъ, говоритъ Г. Зиммель, гдѣ нѣсколько индивидовъ состоятъ во взаимодѣйствіи" [3]).

---

[1]) Спенсеръ. Основанія соціологіи. Т. I. СПБ. 1898, стр. 277 и слѣд.

[2]) Де-Роберти. Новая постановка вопросовъ соціологіи Изд. Сытина. 46 и passim. Sociologie de l'action. Paris. 1908. 1-я гл.

[3]) Зиммель. Sociologie. Leipzig. 1908. 5—7. „Соціолог. этюдъ". Изд. Іогансона. 31—39.

Не иначе смотритъ на дѣло и Гумпловичъ, съ той только разницей, что въ качествѣ элемента взаимодѣйствія онъ беретъ группу, а не индивида. „Подъ соціальными явленіями, говоритъ онъ, мы понимаемъ отношенія, возникающія изъ взаимодѣйствія человѣческихъ группъ и общеній“ [1]).

„Всякій аггрегатъ индивидовъ, находящихся въ постоянномъ соприкосновеніи, составляетъ общество“ по мнѣнію Дюркгейма. Принудительность—характерная черта соціальнаго явленія,—очевидно, уже предполагаетъ взаимодѣйствіе [2]).

„Интерментальный“ процессъ Тарда и его формы: подражаніе, противоположеніе и приспособленіе—суть только иныя слова для обозначенія того же принципа взаимодѣйствія и его разновидностей [3]).

Не инсе хочетъ сказать и Штаммлеръ, когда говоритъ, что логической предпосылкой соціальной жизни является наличность внѣшнихъ принудительныхъ правилъ, что „соціальная жизнь есть внѣшнимъ образомъ урегулированная совмѣстная жизнь людей“. То же видимъ и у его единомышленника Наторпа [4]).

Новиковъ, считая „обмѣнъ (L'échange) основнымъ явленіемъ человѣческой ассоціаціи“, инымъ словомъ обозначаетъ тотъ же процессъ взаимодѣйствія [5]).

То же видимъ мы рѣзко фурмулированнымъ у Гиддингса, Драгическо, Буглэ, Эспинаса, Ваккаро, Фулье, Грассери, Уорда и др. [6]).

Да и само собой ясно, что внѣ взаимодѣйствія нѣтъ и не

---

[1]) Гумпловичъ. Основы соціологіи. Изд. Поповой. 113, 105, 106, 116. 265, и др.

[2]) Дюркгеймъ. О раздѣленіи общ. труда. Одесса. 1901. стр. 221. Les règles de la méthode sociologique. Paris. 1907. гл. I.

[3]) Тардъ. Etudes de Psychologie Sociale. Paris. 1898. 59—62.

[4]) Штаммлеръ. Хозяйство и право. Изд. „Начало“. Т. I, 91 и слѣд. Наторпъ. Соціальн. педагогика, изд. Богдановой 76 и слѣд.

[5]) Новиковъ. L'échange phénomène foundamental de l'associat. humaine. Revue intern. de Sociol. 1911 г. № 11.

[6]) Гиддингсъ. Основанія соціологіи изд. Іогансона, 30, 3, 28, 160—165 и др., Драгическо. Du rôle de l'individu... Paris 1904. 136—190. Бугле Эгалитаризмъ и Qu'est ce que la Sociologie (Alcan). Эспинасъ. Соціальная жизнь животныхъ. СПБ. 1898. 79 и слѣд., 108 и сл., Vaccaro. Les bases sociol. du droit et de l'État 63 и сл., Фулье, Les éléments sociol. de la morale. Paris. 1905, гл. I и II 2-й книги. 143 и слѣд. Грассери. De la psycho-sociologie. Revue de sociologie. 1912. №№ 3 и 4-й. Уордъ. Sociologie pure. T. I. Paris 1906, стр. 21 и гл. 10-я. (Synergie).

можетъ быть никакого аггрегата, ассоціаціи и общества и, вообще, соціальнаго явленія, такъ какъ тамъ не было бы никакихъ отношеній.

Но само собой разумѣется, что это единомысліе въ родовомъ субстратѣ всякаго соціальнаго явленія нисколько еще не предрѣшаетъ разномыслія въ дальнѣйшемъ пониманіи взаимодѣйствія. Разъ утверждается, что взаимодѣйствіе тѣхъ или иныхъ единицъ составляетъ сущность соціальнаго явленія, а тѣмъ самымъ объектъ соціологіи, то для полнаго уясненія этого понятія требуется еще отвѣтъ, по меньшей мѣрѣ, на слѣдующіе вопросы:

1) Для того, чтобы процессъ взаимодѣйствія можно было считать соціальнымъ явленіемъ, между кѣмъ или чѣмъ должно происходить это взаимодѣйствіе? Каковы единицы или центры этого взаимодѣйствія? Иначе говоря, каковы специфическія свойства соціальнаго взаимодѣйствія, позволяющія считать его особымъ разрядомъ явленій.

2) Если такъ или иначе рѣшенъ этотъ вопросъ, то, спрашивается дальше, безразлична или нѣтъ длительность этого взаимодѣйствія для понятія соціальнаго явленія? Предполагается ли, что только въ длительномъ и постоянномъ взаимодѣйствіи можно видѣть соціальное явленіе, или же оно возникаетъ при всякомъ взаимодѣйствіи, какъ бы кратковременно и случайно оно ни было?

Безъ точныхъ отвѣтовъ на эти вопросы, въ особенности же на первую категорію ихъ, понятіе „взаимодѣйствія“ (а тѣмъ самымъ и соціальнаго явленія) становится пустымъ звукомъ, и вотъ почему. Какъ извѣстно, процессъ взаимодѣйствія не есть процессъ, специфически свойственный какому-либо опредѣленному разряду явленій, а процессъ общеміровой, свойственный всѣмъ видамъ энергіи и обнаруживающійся хотя бы въ видѣ „закона тяготѣнія“ или закона „равенства дѣйствія противодѣйствію“. Поэтому понятно, что разъ взаимодѣйствіе хотятъ сдѣлать спеціальнымъ объектомъ соціальной науки, то небходимо указать такіе специфическіе признаки (differentia specifica) этого общемірового и, въ этомъ смыслѣ, родового процесса, которые отдѣляли бы этотъ видъ взаимодѣйствія отъ остальныхъ его видовъ и тѣмъ самымъ конституировали бы соціальное явленіе, какъ особый видъ мірового бытія, а поэтому и какъ объектъ особой науки.

Къ глубокому сожалѣнію, однако, многіе изъ соціологовъ даже и не ставятъ этого вопроса—какъ будто бы дѣло идетъ о

чемъ-то, само собой разумѣющемся. Но на ряду съ этимъ мы имѣемъ многочисленныя попытки такъ или иначе отвѣтить на поставленные вопросы. Главнѣйшіе виды этихъ отвѣтовъ сводятся къ тремъ типамъ: а) или выдѣляются особые центры этого взаимодѣйствія, не имѣющіеся въ другихъ видахъ его, или в) указываются особыя свойства соціальнаго взаимодѣйствія, отдѣляющія его отъ другихъ разрядовъ послѣдняго, или, наконецъ, с) комбинируются одновременно оба пріема, т.-е. соціальное взаимодѣйствіе выдѣляютъ, какъ особый видъ, изъ родового понятія путемъ и указанія его специфическихъ свойствъ и путемъ указанія его взаимодѣйствующихъ единицъ (центровъ). Такимъ образомъ, посредствомъ каждаго типа можно выдѣлить особый разрядъ соціальнаго взаимодѣйствія и тѣмъ самымъ опредѣлить объектъ соціологіи. Проиллюстрируемъ каждый типъ.

Типъ А. Можно, напр., сказать, что соціальнымъ взаимодѣйствіемъ будетъ лишь такое, гдѣ взаимодѣйствующими центрами (единицами) будутъ біологическія недѣлимыя—особи. Въ этомъ случаѣ область соціологіи стала бы охватывать не только міръ людей, но и животныхъ, и растеній, („Зоо-соціологія“, и „фито-соціологія“) [1]). Ея задачей было бы въ этомъ случаѣ изученіе всѣхъ формъ взаимодѣйствія между указанными центрами.

Можно, слѣдуя тому же типу, поступить и иначе, взявъ за подобные центры только людей. Такъ, фактически, и поступаетъ большинство представителей соціальной науки. Въ этомъ случаѣ задача соціологіи заключалась бы въ изученіи всѣхъ формъ общенія между людьми. Конкретнымъ примѣромъ этого рода можетъ служить понятіе соціальнаго явленія Зиммеля. „Общество, говоритъ онъ, существуетъ всюду, гдѣ нѣсколько индивидовъ находятся во взаимодѣйствіи, каково бы ни было послѣднее. Съ его точки зрѣнія и война есть соціальный фактъ. „Я дѣйствительно склоненъ разсматривать войну, какъ предѣльный случай обобществленія“ [2]).

Типъ В. Наряду съ указаннымъ пріемомъ дефинированія соціальнаго явленія возможенъ и другой, исходящій изъ принципа ука-

---

[1]) См. ст. В. Вагнера. „Соціологія въ ботаникѣ“, гдѣ изложены принципы фито-и зоо-соціологіи, указаны соотвѣтствующіе труды фито-соціологовъ и сдѣлана соотвѣтствующая оцѣнка этимъ попыткамъ. „Природа“. 1912. Сентябрь.

[2]) Зиммель. Соціологическій этюдъ. 34—37. См. также ст. Puglia въ Annales de l'Inst. Intern. de Sociol. T. II 69—72.

занія специфическихъ свойствъ самого процесса взаимодѣйствія. Общая черта всѣхъ построеній этого типа заключается въ опредѣленіи соціальнаго взаимодѣйствія, какъ взаимодѣйствія психическаго. Не характеръ центровъ взаимодѣйствія служитъ въ этомъ случаѣ конституирующимъ принципомъ соціальнаго взаимодѣйствія, а именно психическая природа его,—независимо отъ того—между какими центрами совершается взаимодѣйствіе. „Всякое взаимодѣйствіе, имѣющее психическую природу, есть соціальное взаимодѣйствіе“—такова формула этого типа.

На этомъ общемъ принципѣ, раздѣляемомъ громаднымъ числомъ соціологовъ, мы имѣемъ рядъ теорій, въ деталяхъ различающихся другъ отъ друга. Что соціальное взаимодѣйствіе есть взаимодѣйствіе психическое—это одинаково раздѣляется и Эспинасомъ, и Гиддингсомъ, и Уордомъ, и Тардомъ, и Де-Роберти, и Петражицкимъ, и Тённіесомъ, и т. д. Но одни изъ нихъ видятъ соціальное взаимодѣйствіе во всякомъ психическомъ взаимодѣйствіи, тогда какъ другіе—только въ психическомъ взаимодѣйствіи, обладающемъ нѣкоторыми специфическими признаками. Къ числу первыхъ можно отнести такихъ лицъ, накъ напр., Де-Роберти [2]). Другіе же, какъ напр., Эспинасъ, Летурно, Гиддингсъ, Гумпловичъ, Тённіесъ, Макаревичъ и др., соціальнымъ явленіемъ считаютъ лишь такое психическое взаимодѣйствіе, которое обнаруживаетъ или стремленіе къ взаимной пользѣ и къ взаимнымъ услугамъ, или „сознаніе рода“, или „общій интересъ“, или общую цѣль.

„Общества, говоритъ Эспинасъ, это суть группы, гдѣ индивиды нормально, будучи отдѣленными, объединены психическими связями, т.-е. представленіями и взаимными импульсами“. Къ этой чертѣ онъ присоединяетъ еще признакъ „взаимнаго обмѣна услугъ“, какъ характерный признакъ общества [2]). А такъ какъ эти признаки даны и въ животныхъ обществахъ, то это даетъ ему право включить въ область соціологіи и міръ животныхъ.

Близки къ приведеннымъ взглядамъ и понятія обществъ (или соціальнаго взаимодѣйствія) такихъ лицъ, какъ Гиддингсъ, видящій „истинную ассоціацію“ тамъ, гдѣ дано „сознаніе рода“, переходящее затѣмъ „въ любовь товарищества“ [3]).

---

[1]) Де-Роберти. Новая постановка, стр. 49.

[2]) Эспинасъ. Etre ou ne pas être. Revue philosophique, 1904 г. 466—468. Соціальн. жизнь животн. 79, 107 и др.

[3]) Гиддингсъ. Осн. соціол. 445 и слѣд.

Съ точки зрѣнія Тарда соціальнымъ взаимодѣйствіемъ будетъ интерментальное (психическое) взаимодѣйствіе, представляющее по существу подражательный характеръ [1]), дальнѣйшими звеньями котораго являются противоположеніе и приспособленіе...

Не приводя дальнѣйшихъ иллюстрацій, обратимся къ третьему типу выдѣленія соціальнаго взаимодѣйствія, состоящему въ комбинированіи обоихъ предыдущихъ пріемовъ.

Типъ С. Модификацій этого типа также великое множество. Одни, какъ, напр. Дюркгеймъ и Штаммлеръ, подъ объектомъ соціальной науки понимаютъ взаимодѣйствіе людей (центры—люди), но не всякое, а только такое, гдѣ дано внѣшнее принужденіе. „Соціальнымъ фактомъ, говоритъ Дюркгеймъ, является всякій образъ дѣйствія, рѣзко опредѣленный или нѣтъ, но способный оказывать на индивида внѣшнее принужденіе“ [2]). Въ этомъ съ нимъ сходится Штаммлеръ съ его „внѣшнимъ регулированіемъ совмѣстной жизни людей“.

Другіе, подобно Спенсеру, подъ обществомъ понимаютъ взаимодѣйствіе людей, обнаруживающее постоянство отношеній. Третьи, подобно Макаревичу, Гумпловичу, Летурно и Тönніесу, подъ соціальнымъ явленіемъ понимаютъ взаимодѣйствіе людей, обнаруживающее стремленіе либо къ „общей цѣли“ („общество дано тамъ, гдѣ двое или большее число индивидовъ стремятся къ достиженію общей цѣли“ Макаревичъ—Einführung in die Philosophie des Strafrechts. Stuttgart. 1906. 36), либо гдѣ данъ „общій интересъ“ (общество есть „группа, сосредоточенная вокругъ какого-нибудь общаго интереса“ Гумпловичъ—Основы соціол. 222). Нѣкоторыя лица подобно Макаревичу и Тönніесу, различаютъ Gemeinschaft u. Gesellschaft (communauté et societé), понимая подъ послѣдними группы людей, стремящихся либо къ общей цѣли, либо группы, построенныя на договорномъ началѣ, и т. д. [3]). Въ качествѣ Gemeinschaft обычно приводится семья, въ качествѣ Gesellschaft коммерческое общество и т. п.

Къ этому же типу должны быть отнесены и многочисленныя

---

[1]) Тардъ. Etudes de psychol. sociale. 59—61. La psychologie et la sociologie. Annales de sociologie. T. X. 78. Законы подражанія. 68, 89 и др.

[2]) Дюркгеймъ. Les règles... 19.

[3]) См. Тönніесъ. Gemeinschaft und Gesellschaft. 1887. Sociologie et psychologie. Annales, T. X. 290—297. Notions fondament. de sociol. pure. Annales. T. VI. 65 и слѣд.

опредѣленія соціальнаго явленія въ родѣ опредѣленій Уорда, де-Греефа, Паланта, Новикова, Вормса, Пульа (Puglia), Оствальда и др. [1]).

Не воспроизводя дальнѣйшихъ взглядовъ уже изъ приведеннаго aperçu, въ которомъ мы старались сжато и достаточно выпукло охарактеризовать и систематизировать многочисленныя и разнообразныя попытки опредѣленія соціальнаго явленія, мы видимъ, что пока въ данномъ вопросѣ соціологи не достигли еще полнаго согласія, а тѣмъ самымъ пока еще неясной остается и сама концепція послѣдняго. Это разногласіе еще станетъ большимъ, если принять во вниманіе тѣ различныя попытки пониманія „культуры“, „цивилизаціи“, „міра цѣнностей“, которыя главнымъ образомъ представлены нѣмцами, конструирующими рядъ наукъ подъ различными названіями: то „Соціальной философіи“, то „Науки о культурѣ“ (Kulturwissenschaft), то „науки о цѣляхъ“ (Zweckwissenschaft — Штаммлеръ; см. его Theorie der Rechtswissenschaft 1911 г.), то „науки о духѣ“ (Geisteswissenschaft) и т. д.

Ближайшій вопросъ, который намъ необходимо разрѣшить, это вопросъ, какому же изъ приведенныхъ трехъ типовъ мы должны отдать предпочтеніе при опредѣленіи объекта соціологіи или соціальнаго явленія?

Едва ли есть надобность доказывать, что успѣшное выполненіе этой задачи мало зависитъ отъ того, который изъ указанныхъ пріемовъ мы употребимъ, ибо, въ концѣ-то концовъ, любой изъ этихъ пріемовъ сведется къ типу С. Сведется по той простой причинѣ, что характеръ центровъ взаимодѣйствія и характеръ самаго процесса взаимодѣйствія не есть нѣчто отдѣльное другъ отъ друга, а неразрывно связанное одно съ другимъ. Можно сказать, что характеръ процесса взаимодѣйствія объясняется характеромъ и свойствами его центровъ („субстанціональная“ точка зрѣнія). Если пара центровъ А и В (напр., два камня) обладаетъ иными свойствами, чѣмъ, центры Д и С (напр., два животныхъ организма), то само собой ясно, что различны будутъ и свойства процессовъ взаимодѣйствія между А и

---

[1]) См. Уордъ. Sociologie pure. Т. I. Очерки соціологіи. Де-Греефъ Precis de sociologie. 1909. 8, 62, 41. Палантъ. Очеркъ соціологіи. 1910 г. I—II, и гл. V. Новиковъ. Mécanisme et limites de l'associat. humaine. 1912, passim. Puglia. Annales. T. II. 69—72. Оствальдъ. Die energetischen Grundlagen der Kulturwissenschaft. 1909. Leipzig.

В—съ одной стороны, и Д и С—съ другой. Можно сказать и обратно, что характеръ центровъ есть функція свойствъ процесса взаимодѣйствія („логика отношеній“), что центры—это только узлы, въ которыхъ скрещиваются теченія взаимодѣйствующихъ процессовъ...

Поэтому, въ концѣ-то концовъ, дѣло заключается не въ томъ или иномъ типѣ выдѣленія соціальнаго взаимодѣйствія изъ его общеродового субстрата, а въ томъ, какъ этотъ типъ употребленъ, или въ томъ, какъ этотъ пріемъ использованъ...

Подходя съ этой точки зрѣнія къ наиболѣе распространенному примѣненію пріема А, состоящему въ указаніи въ качествѣ центровъ взаимодѣйствія людей, нельзя съ одной стороны не отмѣтить выгодной стороны такого примѣненія, а именно, ясность и рѣзкость границъ соціальнаго явленія („всѣ виды взаимодѣйствія между людьми суть соціальное явленіе“), но съ другой стороны нельзя не указать и рядъ крупныхъ недочетовъ его, которые дѣлаютъ этотъ пріемъ, а тѣмъ самымъ и опредѣленіе соціальнаго явленія непріемлемымъ. Главный изъ этихъ недостатковъ состоитъ въ слѣдующемъ. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что соціальное явленіе представляютъ всѣ виды взаимодѣйствія между людьми. (Такъ какъ опредѣленіе соціальнаго взаимодѣйствія производится въ зависимости отъ центровъ (центры—люди), то eo ipso всѣ виды взаимодѣйствія между людьми будутъ соціальнымъ явленіемъ). Что получается въ результатѣ послѣдовательнаго проведенія этого опредѣленія? Нѣчто довольно странное. Такъ какъ человѣкъ есть не только человѣкъ, но и организмъ, то соціальнымъ явленіемъ будутъ и тѣ формы взаимодѣйствія, которыя изучаются біологіей и которыя формулируются ею для всѣхъ организмовъ.

Явленія размноженія, борьбы за существованіе, симбіоза и т. д.—явленія, обычно относимыя къ біологіи—въ этомъ случаѣ становятся сферой изученія соціолога. Слѣд., соціологія будетъ только повторять въ приложеніи къ человѣку тѣ положенія и законы, которыя уже имѣются въ другихъ наукахъ и, въ частности, въ біологіи, формулированныя для всего класса явленій. Но мало того. Человѣкъ вѣдь не только организмъ, но въ дальнѣйшемъ анализѣ и комплексъ тѣхъ или иныхъ молекулъ и атомовъ, т. е. нѣкоторая „масса“ (объектъ физики и химіи). А отсюда слѣдуетъ, что между людьми могутъ и должны быть извѣстныя физико-химическія взаимодѣйствія. Если же это такъ,

то, оказывается, соціологъ долженъ быть и физикомъ, и химикомъ. Поясню сказанное примѣромъ. Я изучаю формы взаимодѣйствія людей, собравшихся на балу. Если я послѣдовательно примѣню данное опредѣленіе, то я долженъ изучать не только психическія акціи и реакціи между X и У, но долженъ изучать и такія явленія, какъ повышеніе температуры X и У, усиленное или замедленное сердцебіеніе, дыханіе и т. п. физіологическіе процессы, устанавливающіеся въ потокъ взаимодѣйствія въ данной группѣ (на балу). Мало того, я долженъ буду заняться и изученіемъ „механики“ движеній вальсирующихъ, говорить о равноускоренномъ или замедленномъ движеніяхъ индивидовъ А, В, С..., какъ нѣкоторыхъ „массъ“, вычерчивать траэкторію этихъ движеній, говорить, что эти индивиды подчинены закону тяготѣнія, инерціи и т. д. Однимъ словомъ, я принужденъ буду дѣлать то же, что дѣлаетъ и физикъ, по той простой причинѣ, что тотъ или иной характеръ движеній между А, В, С... есть также опредѣленная форма взаимодѣйствія, а такъ какъ это взаимодѣйствіе происходитъ между людьми, то, слѣд., согласно опредѣленію, и эти формы взаимодѣйствія входятъ въ составъ соціальнаго взаимодѣйствія и потому должны изучаться соціологомъ. Въ результатѣ получается необходимость повторять въ приложеніи къ человѣку то, что физика формулируетъ въ приложеніи къ матеріи или энергіи вообще, и наряду съ этимъ теряется всякая граница между взаимодѣйствіемъ соціальнымъ и взаимодѣйствіемъ физико-химическимъ.

Такимъ образомъ, послѣдовательно проводя указанную точку зрѣнія, мы въ итогѣ получаемъ съ одной стороны науку, только новую по имени, но по существу повторяющую положенія біологіи и физико-химическихъ наукъ, а съ другой — науку, весьма похожую на ту „науку“ „о сигарахъ въ десять лотовъ вѣсомъ“, которую такъ блестяще обрисовалъ Л. І. Петражицкій, какъ пародію науки [1]). Главный грѣхъ этого построенія заключается въ его неадэкватности.

То же mutatis mutandis въ значительной степени приложимо и тогда, когда за „центры“ мы возьмемъ не людей, а, напр., животныхъ или вообще „организмы“.

Очевидно, что типъ А въ данныхъ постановкахъ не приго-

---

[1]) См. Л. І. Петражицкій. Введеніе въ изученіе права и нравственности. СПБ. 1907, стр. 72 и слѣд.

день, не экономенъ и не приводитъ къ цѣли. Если онъ и возможенъ, то только съ слѣдующей оговоркой: подъ соціальнымъ взаимодѣйствіемъ слѣдуетъ понимать лишь такіе виды взаимодѣйствія (между людьми или между организмами), которые не имѣются нигдѣ, кромѣ человѣческаго общежитія или общежитія организмовъ.

Но эта оговорка даетъ чисто отрицательное рѣшеніе соціальному явленію, а потому пуста; это разъ; во-вторыхъ, она есть уже переходъ къ типу B, такъ какъ здѣсь взаимодѣйствіе выдѣляется въ особый видъ не въ зависимости отъ центровъ, а въ зависимости отъ характера и свойствъ самого взаимодѣйствія; а въ третьихъ, можетъ оказаться, что подобныхъ свойствъ совсѣмъ не найдется у человѣка, или, если они найдутся, то будутъ только наиболѣе яркимъ выраженіемъ того, что въ слабомъ видѣ уже имѣется и у животныхъ. А извѣстно, что по неопредѣленно количественнымъ признакамъ не слѣдуетъ классифицировать явленія [1]).

Въ виду всего сказаннаго нельзя не признать, что гораздо болѣе пріемлемыми являются тѣ опредѣленія области соціальнаго явленія, которыя исходятъ изъ свойствъ самого процесса взаимодѣйствія (типъ B) и, въ частности, тѣ теоріи, которыя опредѣляютъ соціальное взаимодѣйствіе какъ взаимодѣйствіе психическое. Сущность этихъ теорій сводится въ общемъ къ слѣдующему. Всѣ виды міровой энергіи или мірового бытія, говорятъ эти теоріи, in abstracto могутъ быть раздѣлены на извѣстные разряды, изъ которыхъ каждый разрядъ обладаетъ своими специфическими свойствами. Такихъ основныхъ видовъ энергіи три: 1) энергія (а соотвѣтственно и взаимодѣйствіе) неорганическая (физико-химическая) 2); энергія (и взаимодѣйствіе) органическая (жизнь); 3) энергія (и взаимодѣйствіе) психо-соціальная (или психическая) (общество). Сообразно съ этимъ и науки могутъ быть раздѣлены на три группы: 1) физико-химическія, 2) біологическія и 3) соціальныя и потому область соціологіи можетъ быть опредѣлена и опредѣляется слѣдующимъ образомъ: «всѣ процессы взаимодѣйствія, обладающіе психической природой, совершенно независимо отъ того, между кѣмъ или чѣмъ они совершаются, представляютъ соціальное

---

[1]) См. объ этомъ Л. І. Петражицкій. Ibid. 156 и слѣд.

взаимодѣйствіе и тѣмъ самымъ являются объектомъ соціологіи» [1]).

Это опредѣленіе соціальнаго явленія и соціологіи съ формальной стороны логически безупречно и не ведетъ за собой тѣхъ недостатковъ, которые свойственны типу А въ его обычныхъ постановкахъ.

Однако, у многихъ соціологовъ это опредѣленіе обладаетъ тѣмъ недостаткомъ, что совершенно неяснымъ остается у нихъ само основное понятіе психическаго. Не будетъ большой ошибкой, если мы скажемъ, что понятіе психическаго въ настоящее время напоминаетъ одно изъ Бэконовскихъ idola, которое почти всѣми употребляется, но точнаго опредѣленія котораго большинство даже и не пытается дать, какъ будто бы дѣло идетъ о чемъ-то вполнѣ понятномъ и опредѣленномъ. Между тѣмъ, нужно ли доказывать, что «психическое»—понятіе чрезвычайно неясное и малоопредѣленное. Я уже не говорю о гносеологическихъ разномысліяхъ относительно понятія психическаго (см. хотя бы 4-й сборн. «Новыхъ идей въ философіи», изд. «Образованіе»). Достаточно для моей аргументаціи указать на разномыслія въ этомъ отношеніи у представителей, такъ называемыхъ, точныхъ наукъ, въ частности психологовъ, біопсихологовъ и біологовъ. Обычное опредѣленіе психологіи, какъ науки «о состояніяхъ сознанія, говоритъ Вундтъ, дѣлаетъ кругъ, ибо, если спросить вслѣдъ за тѣмъ, что же такое сознаніе, состоянія котораго должна изучать психологія, то отвѣтъ будетъ гласить: сознаніе представляетъ сумму сознаваемыхъ нами состояній» [2]). «Описаніе или опредѣленіе ихъ (сознанія и его элементовъ), говоритъ Гефдингъ, невозможно» [3]). Читая курсы психологіи, мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ, какъ «психическое» сначала отождествляется съ сознаніемъ, а затѣмъ тутъ же, черезъ страницу, авторъ, не стѣсняясь, говоритъ о „безсознательныхъ психическихъ процессахъ“ и т. д. Въ виду такого положенія дѣла немудрено, что эта неясность особенно рѣзко даетъ себя знать

---

[1]) См. для примѣра. Тардъ. La sociologie. (Études de Psych. sociale). 1—62. Де-Роберти. Новая постановка. 1—67, и всю II-ю гл.; Петражицкій. Теорія права. Т. II посл. главу; Оствальдъ. Die energet. Grundlagen der Kulturwissenschaft, passim., а также Уордъ. Sociologie pure, Ковалевскій. Соціологія. Т. I. 25 и др.

[2]) Вундтъ. Введеніе въ психологію. М. 1912, 9.

[3]) Гефдингъ. Очерки психологіи. СПБ. 1908. 49.

въ области соціологіи и біо-психологіи, немудрено также, что, она влечетъ и различныя пониманія соціальнаго явленія, несмотря на одинаковыя опредѣленія его, какъ явленія психическаго. Одни, какъ, напр., Геккель (см. его «Міровыя загадки» и «Perigenesis der Plastidule»), Ле-Дантекъ (см. его «Познаніе и сознаніе»—элементъ φ), Перти и др., находятъ сознаніе и психическое не только у высшихъ животныхъ, но и у растеній, и у всякой клѣтки («клѣточное сознаніе», «атомная душа» и т. д.). Мало того, тотъ же Геккель, а на дняхъ Де-Грассери, находятъ возможнымъ говорить даже о психикѣ молекулъ, атомовъ и «психологіи минераловъ». Подобно этому, другіе, напр., Вундтъ, Ромэнсъ, Летурно, и Эспинасъ, съ большимъ увлеченіемъ толкуютъ о «патріотизмѣ», «любви», «сознаніи долга», «эстетикѣ», «чувствѣ собственности» и т. д. среди муравьевъ, пчелъ, пауковъ, червей и т. п.

Выходитъ, что чуть ли не весь міръ есть психика. При такомъ положеніи дѣла едва ли можетъ быть рѣчь о спеціальной и автономной категоріи соціальнаго явленія, ибо область «психическихъ» отношеній совпадаетъ въ этомъ случаѣ почти съ областью всѣхъ явленій вообще (органическихъ и неорганическихъ); соціальнымъ явленіемъ становится весь космосъ, и соціологія превращается въ универсальную науку, обнимающую всѣ науки, т.-е. въ пустое слово.

Наряду съ этими «монистами» сверху мы имѣемъ и «монистовъ снизу» (терминологія В. А. Вагнера), которые съ такимъ же правомъ изгоняютъ сознаніе и психику не только изъ міра растеній и животныхъ, но, пожалуй, и изъ міра людей, сводя всѣ «психическія явленія» къ физико-химическимъ реакціямъ—тропизмамъ, таксисамъ, тяготѣнію и т. д. Примѣрами могутъ служить работы Лёба, Bohn'a, Bell'a и др. [1]).

Немудрено, что и въ этомъ случаѣ не можетъ итти рѣчь о соціальномъ явленіи, такъ какъ само существованіе психики становится проблематичнымъ.

Таковы печальные результаты безцеремоннаго обращенія съ терминомъ психическаго. Такъ какъ, однако, формальное опредѣленіе соціальнаго явленія, какъ психическаго взаимодѣйствія,

---

1) См. превосходное изложеніе и недурную оцѣнку этихъ „монизмовъ“ въ книгѣ В. Вагнера „Біо-психологія“. Т. I, изд. Вольфа и его же „Психологія животныхъ“ (1902), 81 и слѣд.

логически безупречно и такъ какъ всѣ указанныя ошибки и заключенія вытекаютъ благодаря лишь отсутствію попытокъ болѣе или менѣе точно описать и охарактеризовать содержаніе, вкладываемое въ терминъ «психическаго», то первая задача соціолога, вставшаго на этотъ путь опредѣленія объекта соціологіи, сводится къ тому, чтобы очертить, если не само понятіе психическаго, то, по крайней мѣрѣ, его нѣкоторые признаки, а во-вторыхъ, чтобы намѣтить приблизительно тѣ конкретные «центры», въ взаимодѣйствіи которыхъ уже данъ элементъ психическаго.

Не вдаваясь въ подробности рѣшенія этихъ проблемъ, попытаемся кратко отвѣтить на нихъ.

Принимая во вниманіе обычное дѣленіе элементовъ психической жизни на три основныя рубрики: 1) познаніе (ощущенія, воспріятія, представленія и понятія), 2) чувство (страданіе и наслажденіе) и 3) волю, или же двухчленное дѣленіе проф. Л. І. Петражицкаго на 1) элементы односторонніе (познаніе, чувство и воля и 2) двухсторонніе (эмоціи), мы можемъ охарактеризовать психическое взаимодѣйствіе слѣдующимъ образомъ: подъ психическимъ взаимодѣйствіемъ мы понимаемъ такой процессъ, «матеріей» котораго служатъ ощущенія, воспріятія, представленія и понятія, страданіе и наслажденіе и волевые акты, въ точномъ значеніи этихъ терминовъ, которое обязываетъ всегда считать эти элементы сознательными; обязываетъ потому, что не сознаваемое кѣмъ-либо ощущеніе или представленіе не есть ощущеніе и представленіе, не сознаваемая воля—не есть воля, не сознаваемое страданіе и наслажденіе—не есть страданіе и наслажденіе. Трудно передать словами тотъ специфическій смыслъ, который вкладывается нами въ терминъ «сознаваемое»; мы можемъ лишь намекнуть на него; но этого намека достаточно, чтобы надлежащимъ образомъ понять сказанное. Въ самомъ дѣлѣ, разъ я переживаю волевой актъ (а не эмоціональный импульсъ или рефлексъ), то понятіе волевого акта, какъ акта сознательно-поставленнаго и выполняемаго, уже implicitè предполагаетъ сознаніе. Подобно этому и страданіе—«специфическій чувственный тонъ переживаній»—implicite предполагаетъ его «воспринимаемость», «осознаваемость» «ощутимость»; иначе—не «воспринимаемое» или не «сознаваемое страданіе»—равносильно отсутствію страданія. Что же касается представленій, понятій и воспріятій, то сами термины эти уже

подразумѣваютъ «сознательность». Слѣдовательно, всѣ «не сознаваемыя переживанія», въ частности «физіологическіе акты», безсознательныя переживанія и простѣйшія (въ смыслѣ Петражицкаго) эмоціи, а равно рефлексы, инстинкты, автоматическіе акты,—не могутъ служить «матеріей» психическаго взаимодѣйствія. Это—«матерія», если угодно, біологическихъ процессовъ (физіологіи и «психо-физики»), а не психическихъ. Изъ сказаннаго вытекаетъ и нашъ отвѣтъ на первый вопросъ, а тѣмъ самымъ и отвѣтъ, опредѣляющій соціальное явленіе: имъ будетъ всякое психическое взаимодѣйствіе въ вышеуказанномъ смыслѣ слова. Таковъ тотъ специфическій видъ энергіи, который служитъ областью, изучаемой соціологіей. Такъ какъ генетически эти элементы психики развились изъ вышеупомянутыхъ эмоцій (въ смыслѣ проф. Петражицкаго) [1]) или «рефлексовъ» (по мнѣнію проф. Вагнера) то непосредственно-близкой областью, примыкающей къ области соціологіи, является именно психо-физика—вѣтвь біологіи, изслѣдующая соотвѣтственныя безсознательныя эмоціи, импульсы, или еще «инстинкты», «рефлексы» и автоматическія движенія. Сообразно съ этимъ имѣется возможность съ дидактическими цѣлями въ генетической постановкѣ вопроса дѣлить взаимодѣйствіе организмовъ на двѣ категоріи, подобно дѣленію, предлагаемому проф. Де-Роберти, а именно: на психо-физическую стадію и на стадію психологическую [2]). Специфической областью соціологіи является именно послѣдняя.

Такимъ образомъ соціальное явленіе есть соціальная связь, имѣющая психическую природу и реализующаяся въ сознаніи индивидовъ, выступая въ то же время по содержанію и продолжительности за его предѣлы. Это то, что многіе называютъ „соціальной душой“, это то, что другіе называютъ цивилизаціей и культурой, это то, что третьи опредѣляютъ терминомъ „міра цѣнностей“, въ противоположность міру вещей, образующихъ объектъ наукъ о природѣ. Всякое взаимодѣйствіе между кѣмъ бы оно ни происходило, разъ оно

---

1) См. объ этомъ: Петражицкій. Введеніе 277. Теорія права. Т. I—21 (СПБ. 1909).

2) См. Де-Роберти. Sociologie de l'action. (Paris. 1908).1-я глава. 15—21.

обладаетъ *психическимъ* характеромъ (въ вышеуказанномъ смыслѣ этого слова)—будетъ соціальнымъ явленіемъ [1].

Слѣдующій вопросъ, который необходимо разрѣшить соціологу, заключается въ томъ, чтобы очертить тотъ міръ конкретныхъ „центровъ“ или „вещей“, въ взаимодѣйствіи которыхъ

---

[1]) Подходя съ нѣсколько иной точки зрѣнія, мы можемъ ту же проблему очертить слѣдующимъ образомъ. Обычно различаются три основныхъ разряда „психическихъ“ явленій: рефлексы, инстинкты и собственно разумъ. Многіе авторы всѣ эти разряды считаютъ входящими въ область „психическаго“. Однако, въ послѣднее время рефлексы, какъ чисто физіологическіе акты, вполнѣ правильно исключаются изъ сферы „психики“. Остаются слѣд., инстинкты и собственно разумъ--какъ основныя категоріи психическаго. На этой именно точкѣ зрѣнія и стоитъ проф. В. А. Вагнеръ. Имъ же доказана „безсознательность“ инстинктовъ и ихъ полная автоматичность. Инстинктивныя дѣйствія—наслѣдственны, представляютъ результатъ филогенетическаго развитія, индивидуально не измѣняемы, не есть результатъ индивидуальнаго опыта, не имѣютъ никакого цѣлеустановленія, шаблонны и безсознательны.—Таковы ихъ свойства, глубоко отдѣляющія ихъ отъ разума—сознанія. (См. превосходную работу Вагнера. Біо-психологія, т. II, Спб. 1913 г. 198—200). Принимая вполнѣ эти опредѣленія признаковъ инстинкта, мы должны отвѣтить—входятъ ли и инстинкты въ область „психики“ съ нашей точки зрѣнія. И на этотъ вопросъ мы отвѣчаемъ отрицательно, подчеркивая, что мы терминомъ „психическій“ обозначаемъ только „сознательныя“ переживанія, т.-е. то, что Вагнеръ обозначаетъ терминомъ разумъ. Именно тотъ классъ актовъ и отношеній, который онъ называетъ „разумными“ „сознательными“, мы называемъ психическими. Вполнѣ соглашаясь съ положеніями компетентнаго біо-психолога, мы указали бы лишь на то, что въ цѣляхъ методологическихъ было бы лучше исключить инстинкты, какъ и рефлексы, изъ сферы „психическаго“, такъ какъ въ противномъ случаѣ получается то неудобство, что однимъ терминомъ „психическаго“ покрываются совершенно разнородныя явленія: „сознательныя“ и „безсознательныя“. Это тѣмъ болѣе слѣдовало бы сдѣлать, что самъ В. А. Вагнеръ исключилъ изъ области психики рефлексы. А между тѣмъ, стоя на его же точкѣ зрѣнія, трудно провести различіе между рефлексомъ и инстинктомъ. Какъ провести точную грань между „реакціями поведенія“ и „реакціями отправленія“? Почему не можетъ быть названо „реакціей поведенія“ движеніе обожженной руки, указываемое уважаемымъ авторомъ, какъ примѣръ рефлекса, а такой реакціей будетъ тотъ же актъ, „при приближеніи опасности“? Я не вижу здѣсь ничего такого, что позволяло бы провести это различіе. Равнымъ образомъ и другіе вспомогательные признаки не болѣе надежны. (См. стр. 9—13).

Въ виду этого, выдѣливъ „сознательные акты“—какъ акты психическіе, подъ психофизическимъ взаимодѣйствіемъ мы понимаемъ именно рефлекторно-инстинктивное взаимодѣйствіе (въ смыслѣ проф. Вагнера), изученіе котораго является необходимой базой изученія собственно сознательнаго взаимодѣйствія, и потому біо-психологія въ смыслѣ проф. Вагнера является первой главой соціологіи.

уже данъ на лицо психическій характеръ, иначе говоря, необходимо указать нѣкоторые внѣшніе признаки, которые позволяли бы говорить: „вотъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ психическимъ, а здѣсь не съ психическимъ взаимодѣйствіемъ“. Эта проблема встаетъ потому, что сама „психика“—„не матеріальна“, „не предметна“ и „невещественна“, а потому она непосредственно не уловима для наблюдателя. Мы всегда можемъ ее наблюдать не непосредственно, а лишь въ символическихъ проявленіяхъ. Пользуясь методомъ самонаблюденія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мы можемъ всегда ясно рѣшить, какой изъ нашихъ собственныхъ поступковъ или актовъ сознателенъ и какой безсознателенъ, но весь вопросъ заключается не въ нашихъ актахъ, а въ актахъ чужихъ, гдѣ методъ самонаблюденія безсиленъ, методъ же аналогіи не всегда гарантируетъ истину. Въ виду этого есть настоятельная потребность найти такіе внѣшніе критеріи, которые могли бы показывать, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ сознательнымъ, а гдѣ съ безсознательнымъ актомъ и взаимодѣйствіемъ.

Не вдаваясь въ подробное изслѣдованіе этого вопроса, мы можемъ ограничиться указаніемъ основныхъ условій, наличность которыхъ у „центровъ“ до извѣстной степени гарантируетъ намъ и наличность психическаго взаимодѣйствія, и обратно—отсутствіе которыхъ говоритъ и объ отсутствіи сознанія. Такимъ основнымъ діагностическимъ признакомъ является прежде всего присутствіе развитой нервной системы у взаимодѣйствующихъ единицъ [1]). Едва ли есть надобность доказывать въ настоящее время, что тамъ, гдѣ есть развитая нервная система, есть и сознаніе, гдѣ ея нѣтъ—нѣтъ и сознанія. Нервная система въ данномъ случаѣ является какъ бы длиннымъ рядомъ „матеріальныхъ“ вѣхъ, которыя показываютъ и конкретно опредѣляютъ область тѣхъ существъ, въ взаимодѣйствіи которыхъ можетъ и долженъ быть данъ и психическій видъ его. Отсюда слѣдуетъ, что въ область изслѣдованій соціолога можетъ входить только изученіе взаимодѣйствія „высшихъ“ животныхъ и человѣка между собою; область же взаимодѣйствія „простѣйшихъ“, „низшихъ „животныхъ и растеній изъ области соціологіи исключается,

---

[1]) См. обоснованіе этого положенія въ книгѣ проф. Вагнера. Біо-психологія. Т. I.

такъ какъ у этихъ категорій нѣтъ нервной системы [1]). Въ этомъ отношеніи мы не можемъ не согласиться съ проф. Вагнеромъ въ опредѣленіи сознательнаго акта, а тѣмъ самымъ и сознательнаго взаимодѣйствія: „подъ сознательнымъ дѣйствіемъ должно разумѣть, говоритъ онъ, лишь такіе акты одаренныхъ нервною системою животныхъ, которые свидѣтельствуютъ о спо-

---

[1]) См. объ этомъ Вагнеръ. Біо-психологія. Т. I.

Помимо нервной системы, можетъ быть указанъ рядъ другихъ діагностическихъ признаковъ, сигнализирующихъ о томъ, въ взаимодѣйствіи какихъ организмовъ мы можемъ найти психическое взаимодѣйствіе (сознательное). Приведемъ нѣкоторые изъ нихъ, воспользовавшись критеріями, даваемыми біо-психологіей, въ частности данными, формулированными В. А. Вагнеромъ.

Психическое взаимодѣйствіе (сознательное) можетъ быть дано во взаимодѣйствіи лишь такихъ организмовъ, которые удовлетворяютъ слѣдующимъ условіямъ:

1) Съ точки зрѣнія анатомо-физіологической въ ихъ мозгу должны быть на лицо и ассоціаціонныя сферы (кора головного мозга), какъ сферы, стоящія въ неразрывной связи съ разумною дѣятельностью, отсутствіе которыхъ свидѣтельствуетъ и объ отсутствіи послѣдней. Такія сферы даны лишь у человѣка и высшихъ животныхъ; отсюда выводъ—такъ какъ у растеній и безпозвоночныхъ этого анатомо-физіологическаго признака нѣтъ, то eo ipso взаимодѣйствіе ихъ не носитъ психическаго характера, а потому оно и не входитъ въ сбласть соціологіи.

2) Съ точки зрѣнія онтогеніи поведеніе искомыхъ центровъ, сопровождаемое сознаніемъ, должно обнаруживать способность къ эволюціи, къ непрерывному развитію. Этотъ признакъ важенъ потому, что безсознательное (инстинктивно-рефлекторное) поведеніе не эволюціонируетъ, а здѣсь одни инстинкты моментально смѣняются другими, какъ декораціи театральной сцены. Ребенокъ, напр., учится жить, мыслить, понимать языкъ, окружающее, долженъ учиться, какъ вести себя, и т. д., тогда какъ птенецъ понимаетъ языкъ матери еще не вылупившись изъ скорлупы. Все его поведеніе уже предопредѣлено заранѣе, онъ „не учившись ученъ“. Возьмемъ ли мы шмеля, или пчелу, или ласточку—ихъ поведеніе будетъ совершенно одинаковымъ и въ томъ случаѣ, когда со времени своего появленія будутъ совершенно изолированы, такъ что ни о какомъ обученіи не можетъ быть и рѣчи, и въ томъ случаѣ, когда они будутъ жить въ сообществѣ себѣ подобныхъ (См. факты въ работахъ проф. Вагнера).

3) Съ точки зрѣнія біо-психологіи поведеніе искомыхъ центровъ не можетъ быть совершенно безличнымъ и шаблоннымъ, точной копіей родового инстинкта, а должно обнаруживать извѣстную индивидуальность.

4) Эти „центры“ должны обнаруживать способность къ наученію, къ пользованію результатами индивидуальнаго опыта, такъ какъ отсутствіе этого признака говоритъ и объ отсутствіи „разума“, т.-е. говоритъ лишь объ инстинктивно-рефлекторной дѣятельности, а тѣмъ самымъ не о сознательномъ, а безсознательномъ взаимодѣйствіи. (См. Вагнеръ. Op. cit. т. II. 270—285).

собности пользоваться результатами личнаго опыта и контролировать имъ свои дѣйствія“ [1]).

Таковъ одинъ изъ основныхъ „признаковъ“, матеріально показывающихъ намъ, среди какихъ взаимодѣйствующихъ единицъ взаимодѣйствіе принимаетъ психическій характеръ. Конечно, изъ сказаннаго не слѣдуетъ, что соціальнымъ явленіемъ будутъ всѣ формы взаимодѣйствія между этими существами—людьми и животными. Это слѣдовало бы въ томъ случаѣ, если бы мы понятіе соціальнаго явленія конструировали по „типу А“—въ зависимости отъ центровъ. Но мы шли какъ разъ по обратному пути; мы установили, что къ области соціальной категоріи относится „все то, что обладаетъ признакомъ а“ (сознаніемъ, независимо отъ того, что и кто обладаетъ этимъ признакомъ). А затѣмъ уже мы попытались это формальное опредѣленіе примѣнить къ области конкретныхъ единицъ, указали на неразрывность психики отъ нервной системы и заключили отсюда: психическое взаимодѣйствіе можетъ быть только тамъ, гдѣ взаимодѣйствуютъ единицы или организмы, одаренные развитой нервной системой. Въ силу этого, тѣ формы взаимодѣйствія людей между собою, а равно и животныхъ, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ психическимъ формамъ, въ сферу соціальныхъ явленій не входятъ. Напр., всѣ люди, согласно закону Ньютона, подчинены закону тяготѣнія и между ними существуетъ притяженіе, прямо пропорціональное массѣ и обратно пропорціональное квадрату разстоянія,—однако, не одинъ соціологъ не будетъ говорить, что эта форма взаимодѣйствія есть объектъ соціологіи, т.-е. соціальное явленіе. Далѣе, между людьми. какъ организмами, существуетъ рядъ чисто біологическихъ

Кромѣ этихъ признаковъ, біо-психологія указываетъ еще рядъ др. „вѣхъ“, а затѣмъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ — рядъ разнообразныхъ пріемовъ, говорящихъ достаточно точно, съ какими актами (и взаимодѣйствіемъ), сознательнымъ или безсознательнымъ, мы имѣемъ дѣло.

Но и на основаніи уже этихъ „вѣхъ“ можно достаточно опредѣленно провести ту пограничную черту, которая опредѣляетъ собой царство соціологіи. Очевидно, что „подданными“ его будутъ лишь высшія животныя и люди, а ихъ „соціологическими правами и обязанностями“ лишь тѣ акты и взаимныя акціи и реакціи, которыя удовлетворяютъ указаннымъ признакамъ. Такъ, напр., рядъ актовъ позвоночныхъ говоритъ о томъ. что имъ свойственна память, ассоціація по смежности, „наученіе путемъ опыта“, слѣд., эти акты войдутъ въ сферу изученія соціолога.(См. ibid. 286—428).

Таковъ въ краткихъ чертахъ конктретный міръ изученія соціолога.

[1]) Вагнеръ. Психологія животныхъ. 94.

формъ взаимодѣйствія, однако, согласно опредѣленію, и они не будутъ изучаться соціологомъ, какъ соціологомъ. Изученіе этихъ формъ—дѣло біолога, а не соціолога. Но, скажутъ, развѣ явленія взаимодѣйствія на почвѣ половыхъ отношеній, явленія борьбы за существованіе, многочисленныя общественныя отношенія на почвѣ питанія, обезпеченія пищей, жилищемъ и т. д.—не явленія біологическія? Вѣдь размноженіе, питаніе, борьба за существованіе и т. п. это специфическіе объекты біологіи, однако, можете ли вы указать хотя бы одного соціолога, который игнорировалъ бы эти явленія и не считалъ бы ихъ объектомъ соціологіи? Развѣ такія теоріи, какъ теоріи М. М. Ковалевскаго и Коста не построены въ главной своей части именно на принципѣ размноженія? Развѣ не всѣ теоріи толкуютъ о борьбѣ за существованіе и развѣ рядъ весьма резонныхъ теорій, напр., теорія Маркса, Энгельса, Ваккаро, Гумпловича, Лапужа, Аммона и т. д. не основывается на борьбѣ за существованіе? Развѣ „половой вопросъ"—не соціологическая тема? Какъ же вы можете исключить ихъ изъ сферы соціологіи и изъ сферы соціальныхъ явленій?

— Да, несомнѣнно, могу отвѣтить я, они должны были бы быть исключены изъ сферы соціологіи, если бы „борьба за существованіе", „размноженіе", „питаніе" и т. д. въ соціологическомъ смыслѣ были бы тѣмъ же, что и въ біологическомъ. Должны были бы быть исключены по той простой причинѣ, что незачѣмъ придумывать пустое слово для изученія тѣхъ явленій, которыя и безъ того уже во всемъ своемъ объемѣ изучаются біологіей. И не зачѣмъ создавать лишнюю категорію соціальныхъ явленій, когда они превосходно изучаются, какъ явленія біологическія. Въ этомъ случаѣ вмѣсто науки мы имѣли бы пустое слово „соціологія".

Но, однако, эти явленія нельзя исключить изъ области соціологіи, потому что борьба за существованіе, напр., растеній и человѣка—вещи глубоко различныя. Тоже относится и къ размноженію, и къ питанію. А различны они потому, что въ мірѣ людей и высшихъ животныхъ эти біологическія функціи пріобрѣтаютъ новый, а именно, психическій характеръ, который ихъ и дѣлаетъ новыми соціальными явленіями и объектами спеціальной науки. Именно это присоединеніе психики, а не что-нибудь иное заставляетъ ихъ считать соціальными явленіями и даетъ право для изученія ихъ не только біологу, изучаю-

щему чисто жизненныя формы данныхъ отношеній, но и соціологу, изучающему ихъ сознательныя, соціальныя формы. Если бы „половой вопросъ“ весь заключался въ „коньюгаціи“ и въ чисто біологическихъ половыхъ актахъ, то соціологіи, конечно, тутъ не было бы дѣла и вопросъ былъ бы не „соціальный“, а чисто біологическій. Но, думается, никто и никогда еще не ставилъ этотъ вопросъ, какъ вопросъ соціальный, въ этой плоскости, а всегда, говоря о „половомъ вопросѣ“, разумѣлъ подъ нимъ не сами половые акты, а главнымъ образомъ тѣ психическія отношенія, которыя связаны съ этой біологической функціей; а именно: допустимость или недопустимость половыхъ отношеній вообще, (аскетизмъ) между опредѣленными лицами, ихъ время, мѣсто, опредѣленныя формы брака и т. д.—съ точки зрѣнія религіи, права, морали, эстетики и науки. Вотъ, что составляло и составляетъ суть „полового вопроса“, какъ вопроса соціальнаго, а это говоритъ, что и здѣсь имѣлись и имѣются въ виду психическія формы, а не біологическія. (Наука, искусство, право, мораль, религія и т. д.). То же mutatis mutandis относится и къ питанію, какъ къ вопросу „соціальному“. Мало того, даже тѣ лица, которыя областью соціальныхъ наукъ считали исключительно міръ человѣческаго общежитія, и тѣ сознательно или безсознательно принимали за человѣческое общежитіе не простое сожительство біологическихъ особей (недѣлимыхъ), а именно сожительство представителей homo sapiens, какъ носителей „психической энергіи“. Если бы не эта черта, то не было бы никакого другого основанія выдѣлять міръ человѣческаго общежитія изъ другихъ животныхъ сообществъ и даже такихъ сборныхъ единицъ, какъ „лѣсъ“. Въ этомъ случаѣ, пожалуй, можно было бы „общество“ считать если не организмомъ, то чѣмъ-то весьма близкимъ къ нему. Плохо ли, хорошо-ли, однако, такъ называемыя соціальныя науки изучали всегда различныя стороны дѣятельности человѣческихъ сообществъ, именно, какъ сообществъ объединенныхъ психологическими, а не только біологическими связями. Не говоря уже о такихъ наукахъ, какъ науки о религіи, правѣ, этикѣ, эстетикѣ, психикѣ, имѣющія дѣло именно съ психическими формами бытія,—даже такія науки, какъ экономика и исторія матеріальнаго быта, трактовали о тѣхъ же психическихъ формахъ человѣческой дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, что такое основныя категоріи политической экономіи въ родѣ „хозяйства“, „цѣнности“, „капитала“, „труда“, и т. д.?

Развѣ это нѐ чисто психо-соціальныя категоріи? Точно также, описаніе опредѣленныхъ предметовъ матеріальнаго быта развѣ трактуетъ объ этихъ предметахъ, какъ о простыхъ физико-химическихъ вещахъ? Описывая картину Рафаэля, или статую Венеры, или египетскую пирамиду, или хижину эскимоса, развѣ мы имѣемъ въ виду ихъ химическій составъ, или ихъ удѣльный вѣсъ, или температуру и др. физическія и химическія свойства?—Отвѣтъ ясенъ и не требуетъ комментаріевъ. Выражаясь кантовскимъ языкомъ, можно было бы сказать, что психическое есть апріорная посылка соціальныхъ явленій.

§ 2.

Двѣ стороны соціальнаго явленія: внутренне-психическая и внѣшне-символическая.

Опредѣливъ соціальное явленіе, какъ психическое взаимодѣйствіе, мы теперь должны спросить себя: почему же въ такомъ случаѣ такія „не психическія вещи“, какъ храмы, музеи, машины, дома и т. д., имѣющія, чисто „матеріальный“ характеръ, разсматриваются въ качествѣ соціальныхъ явленій? Не служитъ ли этотъ фактъ противорѣчіемъ вышеизложенному пониманію соціальнаго явленія, какъ явленія, имѣющаго психическую природу? И не только чисто „матеріальныя“ вещи, но и такія явленія, какъ слова, музыка, рядъ тѣхъ или иныхъ движеній (напр., мимически двигательный языкъ глухонѣмыхъ) и т. п. сами по себѣ не есть вѣдь явленія психическія? Въ самомъ дѣлѣ языкъ—есть по своей „матеріи“ ничто иное, какъ та или иная комбинація *звуковъ*, а звукъ самъ по себѣ не есть нѣчто психическое; то же слѣдуетъ сказать и о музыкѣ, о движеніяхъ (изъ которыхъ состоятъ такъ называемые обряды) и т. п. Въ чемъ же здѣсь дѣло? Уже изъ самой постановки вопросовъ отвѣтъ ясенъ. Всѣ эти явленія принадлежатъ къ категоріи соціальныхъ фактовъ лишь потому, что они суть *символы психическихъ переживаній*, или иначе говоря, *они суть реализовавшаяся психика*. Кто видитъ въ языкѣ лишь совокупность звуковъ—тотъ не знаетъ языка; для того должны были бы быть равнозначными по своему качеству и шумъ автомобиля—и рѣчь человѣка, и звукъ грома—и пѣсня, и т. п. То

же относится и къ музыкѣ... Только тотъ фактъ, что „позади“ этихъ физическихъ явленій предполагаются психическія переживанія—только этотъ фактъ дѣлаетъ ихъ соціальнымъ явленіемъ. Гдѣ такой „подразумѣваемости“ нѣтъ—нѣтъ и соціальнаго факта. Сказанное въ равной степени относится и къ „храму“, и къ дому, и къ музею, и къ картинѣ, и къ кокардамъ и къ др. „матеріальнымъ вещамъ“. Всѣ они лишь символы, значки психическихъ переживаній—и постольку они соціальныя явленія. Храмъ становится храмомъ не потому, что кирпичи и бревна въ немъ соединены такъ, а не иначе; статуя Венеры Милосской суть явленіе соціальной категоріи не потому, что мраморъ принялъ опредѣленную форму, картина Рафаэля становится художественной цѣнностью не благодаря соединенію холста и красокъ—всѣ они суть „соціальныя цѣнности“ лишь благодаря тому, что объективируютъ собой субъективную психику: опредѣленныя чувства, мысли, переживанія, настроенія и т. д.

Въ этомъ смыслѣ вполнѣ правильно опредѣленіе ихъ какъ з а с т ы в ш е й п с и х и к и.

И не трудно видѣть, почему необходимо подобное „матеріализированіе“ психическаго. Внѣпространственная, невѣсомая, безцвѣтная, нематеріальная психика можетъ проявиться и объективироваться лишь въ тѣхъ или иныхъ не психическихъ формахъ. Въ самомъ дѣлѣ: $2 \times 2 = 4$ я могу мыслить, какъ равно и сужденіе: „Сократъ человѣкъ“, нисколько не „матеріализируя“ мою мысль. Я мыслю эти положенія какъ чистую мысль. Но достаточно попытаться передать кому-нибудь эти сужденія, достаточно попытаться объективировать ихъ—и мысль неизбѣжно „овеществляется“ и экспсихируется; она объективируется или въ видѣ: з в у к о в ъ (слова, рѣчь, музыка, возгласы и т. д.); или въ видѣ тѣхъ или иныхъ з н а ч к о в ъ, напр., значковъ: $2 \times 2 = 4$, II. II=IV или „д-в-а-ж-д-ы д-в а ч-е-т-ы-р-е“ (цвѣтовая объективація: книги, письмена, іероглифы, картины и т. д.) или же въ видѣ тѣхъ или иныхъ „вещественныхъ предметовъ“. Что моя мысль и эти сочетанія звуковъ, или цвѣтовыхъ значковъ, или предметовъ не одно и то же—это видно изъ того, что одна и та же мысль будетъ реализирована различными звуками на русскомъ, французскомъ, англійскомъ и др. языкахъ; одна и та же мысль „Сократъ —человѣкъ“ будетъ объективирована путемъ различныхъ по своей конфигураціи и цвѣту значковъ: на санскритѣ, на русскомъ, на китайскомъ и египетскомъ языкахъ и т. д. То же

mutatis mutandis относится и къ любому виду объективаціи мысли, и психическаго переживанія вообще. Процессъ обмѣна психическими переживаніями или психич. взаимодѣйствіе необходимо принимаетъ экспсихическую—„символическую форму“. Объективировать любое психическое переживаніе въ его чистомъ видѣ—нѣтъ никакой возможности. Любая мысль, любое психическое переживаніе невыразимы въ ихъ чисто-психическомъ бытіи и могутъ объективироваться лишь посредствомъ тѣхъ или иныхъ „непсихическихъ“ посредниковъ или проводниковъ[1]). Выражаясь грубо, экстеоризированіе психики требуетъ ея воплощенія въ „матеріальныхъ вещахъ“. Эти послѣднія служатъ поэтому символами психики. Они какъ бы сигнализируютъ опредѣленное психическое явленіе. Главнѣйшіе виды этой символизаціи таковы:

a) звуковая символизація (рѣчь, восклицанія, пѣніе, музыка и т. д.);

b) свѣтовая, цвѣтовая символизація, почти постоянно соединяющаяся съ пространственной символизаціей (желѣзно-дорожная сигнализація, сигнализація военныхъ судовъ, картины, буквы, надписи и т. д.);

c) въ связи съ послѣдней почти постоянно находится „предметная“ символизація („кресты“, „зерцала“, „знамена“, „гербы“ и т. д.);

d) въ качествѣ особаго вида можетъ быть выдѣлена чисто двигательная символизація (мимика, жесты и т. д.).

Таковы наиболѣе характерные типы соціальной символики. Ясно, что эта классификація есть классификація очень грубая, но такъ какъ здѣсь мы не преслѣдуемъ достиженія логически-безукоризненной классификаціи, а хотимъ только иллюстрировать наиболѣе типичные виды символики, то мы и ограничиваемся этимъ несовершеннымъ перечнемъ различныхъ способовъ символизаціи, de facto встрѣчающихся почти всегда въ видѣ сложныхъ и комбинированныхъ способовъ. Очертимъ теперь подробнѣе эти способы:

---

[1]) Сказанное сохраняетъ свою силу даже и въ томъ случаѣ, если бы опыты и тезисы д-ра Котика о „непосредственной передачѣ мыслей“ подтвердились дальнѣйшими изслѣдованіями, такъ какъ и по теоріи д-ра Котика переходитъ не сама мысль, а лишь особаго рода „психическая“ энергія, пробуждающая въ мозгу перципіента соотвѣтствующія мысли и представленія. См. Д-ръ Н. Котикъ. Непосредственная передача мыслей. М. 1912.

Возьмемъ для примѣра Лермонтовское: „И скучно, и грустно, и некому руку подать въ минуту душевной невзгоды“. Если бы передъ нами былъ Лермонтовъ и онъ произнесъ бы эти слова, то мы поняли бы, что онъ переживаетъ то особенное состояніе, которое символизируется словомъ „грусть“. Рядъ опредѣленныхъ з в у к о в ъ намъ передаетъ душевное состояніе другого, служитъ какъ бы сигнальнымъ знакомъ опредѣленнаго душевнаго состоянія. Таковъ первый примѣръ «з в у к о в о й» сигнализаціи (или символизаціи). То же можно передать и иначе. Кто-нибудь изъ насъ, вмѣсто этихъ словъ, можетъ просто запѣть или заиграть на какомъ-нибудь музыкальномъ инструментѣ нѣчто такое, что мы сознаемъ какъ „грусть“ .Напр., возьмемъ «Осеннюю пѣсню» Чайковскаго. Опредѣленный комплексъ звуковъ этой пѣсни говоритъ намъ о той же «грусти» и понятенъ для насъ безъ всякихъ словъ и разъясненій. Таковъ второй примѣръ звуковой символизаціи. И вся наша рѣчь есть ничто иное, какъ сплошная звуковая символизація. Если я скажу: «Весною деревья покрываются зеленью» — то этотъ комплексъ звуковъ (для русскихъ) будетъ чисто звуковой символизаціей опредѣленной мысли. Перечислить всѣ конкретные виды этой символизаціи нѣтъ возможности. Ударъ пушки въ 12 часовъ въ Петербургѣ—есть символъ того, что сейчасъ ровно 12 часовъ; свистокъ паровоза—есть знакъ того, что онъ отправляется; гудки фабрикъ—символъ того, что смѣна кончилась или начинается; звукъ рожка пожарныхъ—символъ пожара и предупрежденіе о необходимости дать дорогу и т. д., и. т. д. Отсюда понятно, что всякій языкъ можетъ быть опредѣленъ, какъ главный и основной видъ звуковой соціальной символики.

Перейдемъ теперь къ другому виду сигнализаціи, къ ц в ѣ т о в о й. Намъ приходилось встрѣчать открытки и записки у нѣкоторыхъ «молодыхъ людей» и особенно „барышень“ съ надписью «языкъ цвѣтовъ». Этотъ «языкъ цвѣтовъ» былъ не только языкомъ цвѣтовъ въ смыслѣ растеній (напр., «роза обозначаетъ пылкую любовь», «лилія—чистоту и невинность», «хризантемы—безнадежную любовь», и т. д.), но цвѣтовъ въ смыслѣ красокъ. Впрочемъ, примѣровъ можно привести и безъ «альбома барышень», сколько угодно. Такъ, согласно Вундту, бѣлый цвѣтъ символъ веселья, зеленый—спокойной радости, красный—возбужденія и силы. Таковъ простѣйшій примѣръ цвѣтовой сигнализаціи. Однимъ изъ примѣровъ этого же рода являются и крас-

ныя ленты, и красные флаги, такъ настойчиво преслѣдуемые полиціей и т. д. Само по себѣ разумѣется, что красный цвѣтъ преслѣдуется не потому, что онъ красный, а потому, что онъ символъ мыслей, хотѣній и чувствъ, враждебныхъ существующему строю. Къ этому же виду сигнализаціи должны быть отнесены и цвѣта государственныхъ флаговъ, символизирующихъ единство государства, или принадлежность того или иного судна съ опредѣленной окраской флага къ соотвѣтствующему государству. Возьмемъ далѣе опредѣленные цвѣта фонарей различныхъ номеровъ трамвая, различные цвѣта (обычно красный и зеленый), посредствомъ которыхъ символизируется опасность или же безопасность пути для поѣзда (напр., флаги будочниковъ, фонари стрѣлочниковъ и т. д.) или цвѣта галуновъ различныхъ вѣдомствъ и т. п.,—все это, суть лишь той же частные виды цвѣтовой символики.

Но мало того; если взять картины, особенно современныхъ декадентовъ-художниковъ, то не трудно понять, что «новаторство» многихъ изъ нихъ заключается именно въ попыткѣ передать опредѣленныя мысли и чувства путемъ простой комбинаціи самихъ цвѣтовъ. Но такъ какъ здѣсь почти всегда этотъ способъ символики соединенъ съ «пространственной» символикой, то болѣе подробно на немъ мы остановимся ниже.

Въ качествѣ особаго вида символики можетъ быть выдѣлена и чисто свѣтовая сигнализація. Возьмите фонарики, находящіеся на мачтѣ парохода; что это такое, какъ не символъ того, что плыветъ пароходъ, и поэтому пусть это видятъ во избѣжаніе столкновенія. Возьмите художественныя постановки различныхъ пьесъ. Когда авторъ хочетъ показать зрителямъ хорошее и свѣтлое настроеніе своихъ героевъ, то однимъ изъ способовъ вызвать переживаніе этого «свѣтлаго настроенія» является изображеніе на сценѣ яркаго солнечнаго дня, когда «вся комната какъ-бы залита солнцемъ». Свѣтъ вообще символъ радости, веселья и душевной безоблачности. Таковъ вкратцѣ способъ чисто свѣтовой символики.

Перейдемъ теперь къ символикѣ «пространственной» или символикѣ формы. Она встрѣчается какъ въ чистомъ видѣ, такъ и въ соединеніи съ другими видами сигнализаціи, въ особенности съ цвѣтовой. Возьмемъ буквы или письмена. Обратимся ли мы къ іероглифамъ, или къ клинообразнымъ письменамъ или къ нашимъ буквамъ —

всѣ они суть символы, прежде всего, опредѣленныхъ звуковъ (напр., значекъ, имѣющій форму «а» — есть символъ звука «а»), а затѣмъ опредѣленныхъ словъ и опредѣленныхъ мыслей. Книги, газеты, журналы и т. д.— всѣ они представляютъ частный видъ этой символики «формы». Громадная роль, которую они играютъ въ соціальной жизни, сама собой понятна, и нѣтъ надобности ее подчеркивать. Возьмите далѣе всѣ геометрическіе знаки въ родѣ△□ и т. д.—все это виды этой же символики формы. Особенно рѣзко она выступаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Такъ, напр., кривая линія сама по себѣ обычно считается символомъ граціозности и гармоничности, тогда какъ ломаная—символомъ неуравновѣшенности, рѣзкости, грубости и т.д. Вся живопись есть ничто иное, какъ сумма цвѣтовой сигнализаціи съ сигнализаціей «формы». Возьмемъ для примѣра Левитановское «Надъ вѣчнымъ покоемъ». Здѣсь намъ даны очертанія тучъ, рѣки, холма, часовни и покосившихся крестовъ надъ могилами. Этотъ комплексъ цвѣтовыхъ и „пространственныхъ“ значковъ служитъ символомъ множества различныхъ мыслей и переживаній; невольно приходитъ при взглядѣ на нее и сумрачная «покоящаяся» передъ бурей Русь 80-хъ годовъ, и Чеховское настроеніе, и вѣчный сонъ въ царствѣ смерти, и безсиліе человѣка передъ природой и т. д., и т. д. То же по существу представляетъ и всякая картина. Приводить другіе примѣры излишне, ибо ихъ великое множество.

Дальнѣйшимъ видомъ символизаціи можетъ служить символизація двигательная или мимическая. Всѣ, конечно, бывали въ циркахъ и всѣ, конечно, видали такъ называемыя „пантомимы“. Вотъ эти-то „пантомимы“ и могутъ служить превосходнымъ примѣромъ чисто двигательной символизаціи. Здѣсь та или иная мысль или то или иное переживаніе символизируется путемъ тѣхъ или иныхъ движеній. Если мы обратимся къ театральнымъ представленіямъ первобытныхъ людей, то увидимъ, что они почти цѣликомъ представляютъ символизацію этого рода. Какой-нибудь австраліецъ, желая передать другимъ жизнь кэнгуру или ящерицы, подражаетъ ихъ движеніямъ и воспроизводитъ ихъ способы передвиженія, ихъ походку, и т. д. Точно также остяки сплошь и рядомъ даютъ „медвѣжьи“ драмы и комедіи, гдѣ остякъ изображаетъ медвѣдя и копируетъ всѣ его дѣйствія и движенія. И въ нашей повседневной жизни мы сплошь и рядомъ пользуемся этимъ спо-

собомъ символизаціи. Когда насъ спрашиваютъ о чемъ-нибудь, мы сплошь и рядомъ вмѣсто отрицательнаго „нѣтъ“ ограничиваемся рѣзкимъ кивкомъ головы или рѣзкимъ движеніемъ руки. Желая символизировать радость—мы улыбаемся, печаль—мы принимаемъ соотвѣтствующую позу и соотвѣтствующее выраженіе лица и т. д.

Особенно охотно къ этому способу прибѣгаютъ дѣти, не умѣющія еще говорить, и глухонѣмые или слѣпые. У нихъ этотъ пріемъ „обнаруженія“ или „овеществленія“ психическихъ переживаній едва ли не главный.

Пропуская другіе второстепенные виды соціальной символики,—остановимся еще на такъ называемой „предметной“ символизаціи, представляющей обычно соединеніе всѣхъ указанныхъ видовъ символизаціи и особенно широко примѣняемой въ соціальной жизни. Не принявъ во вниманіе символизмъ соціальной жизни и въ частности „предметный“ символизмъ, мы рискуемъ не понять самой сути многихъ явленій. Возьмемъ для примѣра государство. Обычное опредѣленіе государства, какъ суммы трехъ элементовъ: народа, территоріи и власти—при игнорированіи символизма дѣлаетъ неразрѣшимыми тысячи проблемъ.

И проф. М. А. Рейснеръ вполнѣ правъ, когда указываетъ на идеологію и специфическій символизмъ, съ нею связанный, какъ одинъ изъ самыхъ основныхъ признаковъ, характеризующихъ государство (см. Государство, ч. I, гл. I-я.). Въ самомъ дѣлѣ, какъ иначе объяснить всѣ эти аттрибуты власти: скипетръ, державу, порфиру, гербы, знамена, короны, аксельбанты, петлицы и т. д., и т. д.

Если бы суть дѣла здѣсь была въ самихъ „скипетрахъ“, „коронахъ“, и „гербахъ“, то мы поистинѣ имѣли бы передъ собой абсурдное и необъяснимое. Почитать и считать священными эти комплексы различныхъ то металлическихъ, то деревянныхъ предметовъ—поистинѣ было бы какимъ-то недоразумѣніемъ. Мало ли есть металлическихъ вещей и коронъ, мало ли есть жезловъ и т. д.—однако, они не почитаются. Значитъ, и здѣсь суть дѣла не въ скипетрахъ, жезлахъ и т. д.,—а въ томъ, что эти послѣдніе суть только „предметные“ символы опредѣленныхъ психическихъ переживаній, мыслей и чувствъ, именуемыхъ государствомъ. Корона и зерцало цѣнны и святы не сами по себѣ, а лишь какъ символы „святыхъ“ и великихъ

мыслей, чувствъ и хотѣній. Подобные „предметные“ символы въ соціальной жизни мы встрѣчаемъ буквально на каждомъ шагу. Возьмемъ для примѣра священныя или религіозныя реликвіи: храмы, статуи и иконы святыхъ, кресты, одежды, лампады и т. д.

Что такое любой храмъ? Почему онъ святъ болѣе, чѣмъ обыкновенный домъ? Вѣдь матеріалъ, изъ котораго онъ построенъ, тѣ же бревна и кирпичи, изъ которыхъ строятся и частные дома. Формы домовъ и церквей бываютъ различныя, и не въ формѣ дѣло. Отсюда само собой понятно, что церковь и др. религіозные предметы „святы“ потому, что они суть „предметные“ символы непредметныхъ и святыхъ психическихъ переживаній— религіозныхъ мыслей, представленій, чувствъ и т. д. Святость вторыхъ дѣлаетъ святыми и первыхъ. Оскорбленіе вторыхъ есть святотатство, и отсюда святотатствомъ является и оскорбленіе самихъ символовъ.

Говоря коротко, всѣ религіозныя реликвіи—это застывшія въ вещественной формѣ религіозныя переживанія.

„Предметные“символы мы встрѣчаемъ и въ другихъ областяхъ соціальной жизни. Влюбленный даритъ своей возлюбленной букетъ цвѣтовъ, символизирующій его любовь, ножъ символизируетъ ненависть, орелъ—мысль, вино—веселье и т. д. и т. д.

Таковы главные виды символики или главные виды объективаціи психики, данные въ соціальной жизни и въ соціальномъ взаимодѣйствіи... Изъ сказаннаго видно, что всѣ эти символы (звукъ, свѣтъ, цвѣтъ, вещи, движенія) суть ничто иное, какъ своего рода проводники, подобные телеграфнымъ и телефоннымъ проволокамъ, посредствомъ которыхъ индивиды сообщаются другъ съ другомъ и безъ которыхъ ихъ психика должна была бы быть абсолютно замкнутой монадой безъ оконъ и дверей...

Каждый изъ этихъ основныхъ видовъ символики въ зависимости отъ характера выражаемой имъ мысли можетъ распадаться на безконечно-разнообразныя формы: звуки, изображающіе печаль, будутъ одни, а радость—другіе; звуки (восклицанія, слова, аккорды) символизирующіе благодарность, принимаютъ одну форму, а негодованіе—другую. Движенія, сигнализирующія удовольствіе и наслажденіе, будутъ отличны отъ жестовъ, означающихъ страхъ или ненависть и т. п... [1]).

---

[1]) О соціальномъ символизмѣ см. подробнѣе Сорокинъ: Символы въ обществ. жизни (изд. „Наука и Жизнь“).

Въ силу этого вполнѣ понятно теперь, почему «матеріальные» предметы и явленія могутъ и должны принадлежать къ соціальной категоріи и почему психическое взаимодѣйствіе объективируется въ непсихическихъ формахъ. Изъ сказаннаго же само собой слѣдуетъ, что любое соціальное явленіе можетъ быть разложено на два элемента, которые должны быть разграничиваемы другъ отъ друга: 1) опредѣленное психическое переживаніе или чистая психика, 2) непсихическіе знаки, посредствомъ которыхъ эта психика объективируется или символизируется. Такъ, напр., всякая религія и всякое религіозное явленіе состоитъ, во-первыхъ, изъ опредѣленнаго ряда мыслей, чувствъ и переживаній, и во-вторыхъ, изъ ряда символовъ, молитвъ, жертвъ, эмблемъ, иконъ, священныхъ вещей и т. д., въ своей совокупности составляющихъ то, что зовется культомъ и религіознымъ обрядомъ [1]).

Всякое право, какъ это показано проф. Петражицкимъ, состоитъ: 1) изъ опредѣленныхъ (императивно-аттрибутивныхъ) психическихъ переживаній и 2) изъ опредѣленныхъ символовъ (проекцій, фантазмъ и обрядовъ), правовыхъ учрежденій, зданій суда и т. д., объективирующихъ первую категорію явленій и т. п. [2]).

То же mutatis mutandis относится и къ любому соціальному явленію. Каждое изъ нихъ можетъ и должно быть разсматриваемо подъ указанными двумя точками зрѣнія; подъ точкой зрѣнія чисто психологической или внутренней и подъ точкой зрѣнія—символической или внѣшней...

Слѣдовательно, бытіе соціальнаго явленія двоякое: чисто субъективное самобытіе Духа и объективировавшееся бытіе того же Духа, но уже не «безтѣлеснаго», а воплотившагося въ ту или иную «вещественную» и «осязаемую» форму.

Въ первомъ случаѣ онъ можетъ жить по своимъ собственнымъ законамъ, во второмъ—онъ уже перестаетъ быть «свобод-

---

[1]) См. на этотъ счетъ Дюркгеймъ: Les formes élémentaires de la vie religieuse. „Религіозныя явленія, говоритъ онъ, вполнѣ естественно распадаются на двѣ основныя категоріи: на вѣрованія и на обряды. Первыя представляютъ состоянія сознанія и состоятъ изъ представленій, вторые суть опредѣленные способы дѣйствія“, (соотвѣтствующія первымъ) 50 и слѣд.

[2]) См. Петражицкій. Теорія права т. I стр. 52—57, гдѣ весьма отчетливо показано, какъ правовое переживаніе, состоящее въ приписываніи одному права, а другому обязанности, соотвѣтственно отразилось въ языкѣ большинства народовъ, въ актахъ заключенія правовыхъ сдѣлокъ и т. д.

нымъ» и становится связаннымъ «тяжелыми» и «негибкими» законами вещественнаго міра, которые подчасъ радикально измѣняютъ его собственные законы. Выражаясь конкретнѣе, во второмъ случаѣ психика, воплощаясь въ матеріальныхъ и вещественныхъ «предметахъ», volens-nolens принуждена подчиняться тѣмъ законамъ, которыми управляются послѣдніе. Таковыми законами служатъ законы біологическіе и физико-химическіе.

Вотъ почему изслѣдователю, анализирующему соціальную жизнь и ея закономѣрность, не приходится игнорировать законы біологіи и физико-химіи. Если бы онъ ихъ отстранилъ и безъ нихъ попытался объяснить соціальную жизнь, руководствуясь исключительно психической закономѣрностью, то, конечно, его попытка окончилась бы неудачей... Она имѣла бы успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, если бы психическое въ соціальномъ процессѣ было абсолютно отдѣлено отъ непсихическихъ видовъ бытія, если бы оно имѣло абсолютно-автономное самобытіе. Но этого, какъ выше было показано, нѣтъ и не можетъ быть: объективировавшаяся психика есть психика, воплотившаяся въ непсихическихъ видахъ бытія, и, какъ таковая, неизбѣжно подчинена законамъ этой послѣдней. Въ силу этого ея закономѣрность иная, чѣмъ закономѣрность чистаго «въ себѣ самомъ» пребывающаго Духа [1]). Только учитывая и принимая во вниманіе законы непсихическаго бытія, можно надѣяться на раскрытіе дѣйствительной закономѣрности соціальной жизни.

Изъ сказаннаго само собой вытекаютъ слѣдующія основныя методологическія правила изслѣдованія соціальныхъ явленій:

1) При изслѣдованіи любой категоріи соціальныхъ явленій необходимо строго различать двѣ стороны этой категоріи:

а) чисто-психическую и b) обусловленную первой—внѣшне-символическую,

2) При объясненіи дѣйствительной закономѣрности соціальной жизни необходимо учитывать характеръ закономѣрности не только психическихъ явленій, но и явленій не психическихъ, въ которыхъ воплощается и черезъ которыя объективируется чистая «безплотная» психика.

---

[1]) О различіи закономѣрности развитія субъективнаго и объективировавшагося Духа см. также Зиммель: Понятіе и трагедія культуры. Логосъ. 1912—13.

§ 3.

Условія возможности правильнаго психическаго взаимодѣйствія.

Опредѣливъ in abst-racto соціальное явленіе и указавъ на его двѣ стороны, теперь перейдемъ къ болѣе конкретному изученію его. Какъ выше было указано, эмпирически психическое взаимодѣйствіе можетъ быть дано лишь тамъ, гдѣ „центрами“ взаимодѣйствія служатъ люди и высшія животныя. Оставляя въ сторонѣ послѣднихъ, сосредоточимъ наше вниманіе на болѣе детальномъ изученіи взаимодѣйствія людей и тѣхъ „единствъ“, которыя получаются при наличности такого взаимодѣйствія.

Совокупность индивидовъ, находящихся въ психическомъ взаимодѣйствіи другъ съ другомъ, составляетъ соціальную группу или соціальный аггрегатъ. Гдѣ дано это взаимодѣйствіе между двумя или большимъ числомъ индивидовъ—тамъ дана и соціальная группа, какъ нѣкоторое надъиндивидуальное единство..: Гдѣ нѣтъ его—тамъ нѣтъ и соціальной группы. Въ послѣднемъ случаѣ взаимодѣйствующіе «человѣкоподобные» индивиды (иначе ихъ трудно назвать—разъ они безпсихичны) ничѣмъ бы не отличались отъ взаимодѣйствующихъ въ стаканѣ амебъ, парамецій и бактерій или отъ взаимодѣйствія двухъ или большаго числа маріонетокъ, имѣющихъ форму людей и мало чѣмъ отличающихся вообще отъ всякихъ физическихъ массъ.

Въ чемъ же состоитъ это психическое взаимодѣйствіе? Каково содержаніе тѣхъ взаимныхъ акцій и реакцій, которыми обмѣниваются индивиды другъ съ другомъ? Иначе говоря, что служитъ предметомъ обмѣна между ними?—Отвѣтъ на это кратко данъ былъ уже выше. Съ психологической точки зрѣнія («внутренней») это взаимодѣйствіе сводится къ обмѣну различными представленіями, воспріятіями, чувствами, хотѣніями и вообще всѣмъ тѣмъ, что извѣстно подъ именемъ психическихъ переживаній.

Но точно также выше было указано, что индивидъ съ индивидомъ не могутъ обмѣниваться непосредственно и прямо психическими переживаніями. Каждый изъ нихъ представляетъ какъ бы абсолютно-замкнутую психическую машину, изъ которой психика можетъ быть сообщена другой машинѣ не непосредственно, а только черезъ тѣ или иные проводники, подобно электричеству, передающемуся или путемъ проволокъ или путемъ воздуха—

проводника. Какъ для воспріятія электрической энергіи, передаваемой, напр., путемъ безпроволочнаго телеграфа, должны быть на другой станціи тѣ или иные воспринимающіе аппараты, такъ и у индивида, которому передается то или иное психическое переживаніе, точно также должны быть спеціальные воспринимающіе аппараты.

Такими аппаратами и являются такъ называемые «органы чувствъ»: органы зрѣнія,слуха, обонянія, осязанія, вкуса и т. п. Для того, чтобы узнать переживанія и мысли другого, мы должны или непосредственно его видѣть (напр., «печальное выраженіе лица», «радостную улыбку, «веселый взглядъ», «сумрачный видъ etc) либо видѣть, напр., его письма и др. предметы, на которыхъ «запечатлѣлись» его переживанія, или слышать, напр., рядъ его словъ, посредствомъ которыхъ онъ описываетъ намъ тѣ или иныя чувства, мысли, слышать его «стонъ», его «смѣхъ» (злорадный, беззаботный и т. д.), либо воспринимать «легкое и дружеское пожатіе руки», «горячіе поцѣлуи» и т. д. и т. д.

Если бы у какого-нибудь индивида не было подобныхъ воспринимающихъ аппаратовъ, напр., ни глазъ, ни слуха, ни обонянія, ни осязанія etc—то этимъ самымъ исключена была бы возможность всякаго психическаго общенія съ нимъ. Онъ былъ бы похожъ въ этомъ случаѣ на тѣ «мертвыя» статуи, которыя «вѣчно молчатъ и хранятъ свою тайну».

Что же касается «проводниковъ», посредствомъ которыхъ эти переживанія передаются отъ одного другимъ и обратно, то такими «проводниками» являются всегда тѣ или иныя категоріи не психическихъ предметовъ, данныхъ намъ то въ видѣ звука, то свѣта, то цвѣта, то ряда движеній, то тѣхъ или иныхъ «вещей»! (См. выше). Каждое психическое переживаніе, прежде чѣмъ передаться другому, должно пройти черезъ три стадіи: a) сначала оно является чистой психикой, b) затѣмъ превращается въ непсихическую форму, — въ символъ, въ «раздражитель», и наконецъ, c) снова получаетъ психическое бытіе въ воспринявшемъ субъектѣ. Примѣры: N. N. сейчасъ мыслитъ, что «S угловъ треугольника равна 2d»; пока онъ ничѣмъ «не выразилъ» свою мысль—мы не знаемъ, о чемъ онъ думаетъ. N. N. говоритъ рядъ звуковъ: «S угловъ треугольника равна 2d». Мысль превратилась въ звукъ—въ колебаніе воздушныхъ волнъ.

Мы воспринимаемъ этотъ рядъ «звуковыхъ раздражителей—символовъ» и они превращаются въ нашемъ сознаніи въ сужденіе о суммѣ угловъ треугольника. Мнѣ сейчасъ грустно; пока я молчу, пока у меня нѣтъ «грустнаго вида», печальнаго выраженія глазъ (двигат.-мимич. символика), нѣтъ никакихъ вздоховъ и т. п.—мое душевное состояніе неизвѣстно никому (при условіи исключенія предшествующихъ символовъ, дающихъ основаніе предполагать то или иное душевное состояніе). Я говорю: «мнѣ грустно», или пишу: «мнѣ грустно», или сажусь зя рояль и беру рядъ минорныхъ аккордовъ, или же придаю (намѣренно или непроизвольно—здѣсь пока безразлично) моимъ движеніямъ, фигурѣ и лицу «печальный видъ»—и этими способами символизирую и «овеществляю» свое состояніе. Символы моей грусти воспринимаются другими и снова принимаютъ психическое бытіе въ ихъ сознаніи.

Изъ этихъ примѣровъ виденъ механизмъ психическаго общенія и основныя стадіи перехода психики отъ одного индивида къ другому.

Отсюда же слѣдуетъ, что для возможности психическаго взаимодѣйствія помимо другихъ условій—наличности сознанія или психики у субъектовъ взаимодѣйствія, наличности воспринимающихъ аппаратовъ и т. д.—необходимо еще одно дополнительное условіе, а именно наличность болѣе или менѣе одинаковаго проявленія (символизированія) однихъ и тѣхъ же переживаній взаимодѣйствующими субъектами, что въ свою очередь даетъ возможность правильнаго толкованія этихъ символовъ каждому изъ нихъ.

Если этого условія нѣтъ—то нѣтъ и правильнаго психическаго взаимодѣйствія, а разъ нѣтъ послѣдняго—нѣтъ и подлинной соціальной группы.

Остановимся подробнѣе на сказанномъ. Почему необходимо, чтобы взаимодѣйствующіе субъекты одинаковымъ образомъ выражали одни и тѣ же психическія переживанія? — Потому, что психика, прежде чѣмъ перейти къ другому, „овеществляется“, символизируется и только въ видѣ этого символа дана другимъ членамъ общенія. Если же этотъ символъ у одного означаетъ одно переживаніе (напр. звуковой символъ „т-о-п-о-л-ь“ означаетъ у одного видъ дерева), а у другого тотъ же символъ „т-о-п-о-л-ь“ означаетъ уже не дерево, а напр., кошку (видъ животнаго) и такъ же обстоитъ дѣло и съ

другими словесными символами — то, очевидно, наши собесѣдники никогда не „поймутъ“ другъ друга и взаимодѣйствіе между ними, по крайней мѣрѣ путемъ рѣчи — не будетъ возможно. Простѣйшими примѣрами такой невозможности служатъ факты, когда два иностранца, напр., русскій и англичанинъ „разговариваютъ“ между собой, не зная языка своего собесѣдника. Каждому извѣстно, что изъ этого разговора ничего не получается: одинъ говоритъ „про попадью, а другой про попа“. Спрашивается, почему же они „не понимаютъ другъ друга?“—Отвѣтъ ясенъ—потому что звуковые символы того и другого не тождественны. Оба собесѣдника могутъ быть знаменитыми учеными, могутъ имѣть прекрасный слухъ, прекрасное зрѣніе и т. д.—но тѣмъ не менѣе ни тотъ ни другой не поймутъ другъ друга. Если они кое-что и поймутъ, то скорѣе изъ движеній, изъ мимики, изъ характера восклицаній, а не изъ словъ. Стоитъ, однако, только допустить, что способы символизаціи и въ остальныхъ областяхъ символики (свѣтовой, двигательно-мимической, „вещественной“ etc.) различны—и тѣмъ самымъ мы принуждены будемъ думать, что психическое взаимодѣйствіе между нашими собесѣдниками совершенно будетъ исключено. Прекрасный художественный образецъ такого непониманія, вызваннаго на почвѣ не одинаковой мимической символизаціи въ взаимодѣйствующихъ субъектахъ, данъ Гюго въ его романѣ „Человѣкъ, который смѣется“.

Вѣроятно, всякій помнитъ знаменитую сцену изъ этого романа, въ которой „вѣчно-смѣющійся“ человѣкъ сыплетъ громы и проклятія, преисполненъ глубокаго негодованія—а остальные не только не думаютъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ негодуетъ, но напротивъ—думаютъ, что онъ смѣется и говоритъ всѣ эти бичующія слова лишь „шутки ради“. Недоразумѣніе это, какъ извѣстно, вызвано было исключительно тѣмъ, что у человѣка, во время его рѣчи, было „смѣющееся“ лицо[1]...

То же самое можетъ быть сказано и о любой формѣ символизаціи... Если бы кто-нибудь „беззаботно смѣялся“ и „весело улыбался“ тогда, когда ему тоскливо и грустно, плакалъ бы тогда—когда ему весело, плясалъ бы тогда, когда онъ въ отчаяніи, съ сжатыми кулаками, съ стиснутыми зубами билъ бы кого-

---

1) Вторымъ примѣромъ можетъ служить сцена „Смѣйся паяцъ“ изъ оперы „Паяцы“.

нибудь въ знакъ того, что онъ его любитъ и ласкаетъ—то, очевидно, его психика была бы для насъ terra incognita и мы никогда не могли бы правильно понять его. Благодаря сказанному понятно, что „чужая душа-потемки“ и что разгадать подлинныя ея переживанія не такъ легко, а внѣшніе символы всегда можно толковать различно, что мы и видимъ напр., въ судебныхъ преніяхъ сторонъ. Здѣсь сплошь и рядомъ защитникъ и обвинитель, исходя изъ однихъ и тѣхъ же символовъ (поступковъ обвиняемаго), рисуютъ совершенно противоположныя картины психическихъ переживаній подсудимаго. Прекрасный примѣръ сказанному даютъ „Братья Карамазовы“ въ той главѣ, гдѣ одни и тѣ же поступки Мити Карамазова совершенно различно истолковываются прокуроромъ и защитникомъ.

Послѣ сказаннаго не трудно согласиться съ тѣмъ, что если бы у индивидовъ, постоянно соприкасающихся другъ съ другомъ, и обладающихъ даже высокой психической жизнью, формы ея символизаціи и объективаціи были совершенно различны, то „правильнаго“ психическаго общенія между ними быть de facto не могло бы. Каждый изъ нихъ былъ бы для другихъ какимъ-то живымъ непонятнымъ существомъ, двигающимся, дѣйствующимъ, шумящимъ, но... и только... Такая совокупность индивидовъ была бы лишь совокупностью разнородныхъ „чудесныхъ“ существъ, связанныхъ между собою не больше, чѣмъ связаны тѣ куклы, которыя продѣлываютъ рядъ движеній на подмосткахъ уличнаго балагана или за стекломъ особыхъ аппаратовъ, часто имѣющихся на вокзалахъ. Такимъ образомъ—однимъ изъ необходимыхъ условій для возможности правильнаго психическаго взаимодѣйствія, а eo ipso и соціальной группы — является наличность одинаковаго проявленія одинаковыхъ психическихъ переживаній различными членами этой группы; гдѣ этой тождественности нѣтъ, хотя бы и были на лицо высокая психика и „воспринимающіе аппараты“—нѣтъ и психическаго взаимодѣйствія, и тѣмъ самымъ и соціальной группы, какъ нѣкотораго надиндивидуальнаго единства.

Исходя изъ сказаннаго, мы можемъ представить себѣ образно психическое взаимодѣйствіе, данное въ соціальной группѣ, въ такихъ чертахъ. Прежде всего намъ здѣсь данъ рядъ индивидовъ, находящихся другъ съ другомъ въ психическомъ общеніи... Между

этими индивидами непрерывно возникаютъ и исчезаютъ различныя психическія теченія. Каждое изъ этихъ теченій въ продолженіи своего перехода отъ индивида къ другимъ успѣваетъ символизироваться, затѣмъ какъ символъ или раздражитель воздѣйствуетъ на воспринимающіе аппараты другихъ, доходитъ до ихъ психики и тамъ снова переходитъ изъ символическаго бытія въ бытіе психическое, которое въ свою очередь проявляется во внѣ въ тѣхъ или иныхъ символахъ; эти символы снова воздѣйствуютъ на другихъ, снова претворяются въ психическую форму и т. д. Такимъ образомъ психическое взаимодѣйствіе конкретно представляется какъ бы безконечнымъ числомъ нитей, ежеминутно возникающихъ и исчезающихъ между членами общенія, какъ бы множествомъ электрическихъ искръ, непрерывно перебѣгающихъ отъ одного къ другимъ и обратно...

Для того, чтобы возможно было это общеніе, необходимо, чтобы формы проявленія символики были однообразны. Безъ этого условія, искра, идущая отъ одного, или не будетъ воспринята другими или же будетъ воспринята неправильно—и обратно.

Теперь сдѣлаемъ краткое резюме всему сказанному въ этой главѣ:

1) Соціальное явленіе дано тамъ, гдѣ дано психическое взаимодѣйствіе между тѣми или иными „центрами".

2) Таковыми центрами являются люди и высшія животныя, обладающія развитой нервной системой.

3) Каждое психическое взаимодѣйствіе имѣетъ двѣ стороны: одну внутреннюю—чисто психическую; другую внѣшнюю—символическую; первая для насъ непосредственно не дана, а дана лишь всегда въ видѣ символовъ.

4) Каждый изъ безчисленныхъ психическихъ процессовъ, возникающихъ между двумя или большимъ числомъ членовъ общенія, при своемъ переходѣ отъ одного субъекта къ другимъ необходимо долженъ пройти чрезъ этапъ „овеществленія" или символизированія.

5) Въ виду этого для возможности правильнаго психическаго общенія, и eo ipso соціальной группы—помимо другихъ условій необходимо еще одинаковое пониманіе самихъ символовъ, объективирующихъ душевныя состоянія. Гдѣ этой тождественности совсѣмъ нѣтъ—нѣтъ тамъ по существу и соціальной группы. Гдѣ степень ея очень низка — тамъ низки и слабы и психи-

ческія связи, скрѣпляющія однихъ членовъ съ другими. Отсутствіе общаго языка (звуков. символ.), одинаковыхъ способовъ выявленія своихъ мыслей путемъ, напр., знаковъ (письменность, рисунки), тѣхъ или иныхъ движеній (языкъ жестовъ: жесты, выражающіе негодованіе, любовь, покорность, религіозные обряды, обряды, выражающіе тѣ или иныя моральныя убѣжденія) и т. п.—отсутствіе всего этого сводитъ „на нѣтъ“ и единство самой группы и взаимную психическую связь ея членовъ.

Такимъ образомъ, уже краткое разсмотрѣніе самого процесса психическаго взаимодѣйствія насъ приводитъ къ мысли, что внѣ организаціи нѣтъ и не можетъ быть соціальной группы, т. к. именно одинаковое пониманіе символовъ и является однимъ изъ элементовъ этой организаціи—организаціи психической.

ГЛАВА II-я.

Классификація актовъ поведенія.

§ 1.

Три основныя формы актовъ поведенія.

Если бы кто-нибудь предпринялъ анализъ взаимнаго поведенія членовъ какой-нибудь соціальной группы, совершенно игнорируя психическіе процессы, происходящіе въ психикѣ каждаго члена при томъ или иномъ поступкѣ, и описывая только внѣшнія формы актовъ поведенія—то вся соціальная жизнь или все то, что дѣлаетъ соціальное явленіе категоріей sui generis, ускользнуло бы цѣликомъ изъ-подъ анализа такого изслѣдователя. Общество превратилось бы въ этомъ случаѣ въ простую сумму взаимодѣйствующихъ „массъ“, люди стали бы простой совокупностью атомовъ и молекулъ, или простыми „центрами силъ“, а ихъ акты, поведеніе и поступки перестали бы быть «актами», и превратились бы въ простыя «движенія» этихъ массъ. Ассоціація превратилась бы въ простое «сложеніе силъ», борьба—«въ вычитаніе силъ», убійство—въ рядъ движеній «центра силъ А» по отношенію къ «центру силъ В»; актъ убійства преступникомъ жертвы качественно бы ничѣмъ не отличался въ этомъ случаѣ отъ операціи хирурга и убійства солдатомъ врага на полѣ битвы, такъ какъ акты всѣхъ этихъ лицъ съ внѣшней стороны довольно близки и сходны. Для подобнаго изслѣдователя не существовало бы ни актовъ борьбы, ни актовъ спасенія, ни словъ молитвы, ни словъ ругани, ни поступковъ злыхъ, ни поступковъ добрыхъ—а всѣ эти явленія превратились бы въ простую сумму тѣхъ или иныхъ движеній ряда «центровъ силъ», ихъ взаимныхъ перемѣщеній,

въ рядъ звуковыхъ комплексовъ, опредѣленной высоты и тона, съ опредѣленнымъ числомъ колебаній и т. д. Однимъ словомъ подобный изслѣдователь, подошедшій къ анализу соціальнаго явленія съ чисто физическими и химическими методами и принципами,—не увидѣлъ бы въ соціальномъ явленіи ничего, кромѣ обычныхъ физическихъ и химическихъ тѣлъ и ихъ реакцій. Какъ бы ни были прекрасны его микроскопы, телескопы и спектроскопы—онъ не найдетъ въ актахъ людей и въ нихъ самихъ никакого элемента «добра» или «зла», «убійства», или «ненависти»; точно также и въ звукахъ, производимыхъ людьми, онъ не услышитъ ни тона «проклятія», ни тона «благословенія», ни тона молитвы, ни тона «приказа»; его аппараты не покажутъ ему ничего подобнаго.

Всякая грань между человѣкомъ и его поступками—съ одной стороны и между физическими и химическими тѣлами и ихъ формами взаимодѣйствія—съ другой въ этомъ случаѣ исчезаетъ [1]).

Изъ сказаннаго понятно; что подобное изученіе не есть изученіе соціального общенія людей, а изученіе людей, какъ о б ы ч н ы х ъ ф и з и ч е с к и х ъ т ѣ л ъ. Для того, чтобы возможно было изученіе соціальнаго явленія, т. е. психическаго взаимодѣйствія людей, необходимо должны быть привлечены и психологическія категоріи и понятія. На нашъ вопросъ, что такое право, мораль, религія искусство и т. д. нашъ воображаемый изслѣдователь отвѣчаетъ намъ, что «право—это соотношеніе силъ», а преступленіе «утечка силъ». Но вѣдь если право есть только соотношеніе силъ—то чѣмъ же оно отличается отъ соотношенія силъ между грузомъ А и грузомъ В, находящимися на концахъ рычага? Вѣдь

---

[1]) Примѣрами такого трактованія могутъ служить, напр., работы О с т в а л ь д а. Сознаніе для него есть лишь" теченіе нервно-энергетическаго процесса". Война, преступленіе и наказаніе—есть лишь „утечка" энергіи; продажа-покупка—„реакція обмѣна" и т. д. См. его „Философія природы" СПБ. 1903, и Die energetischen Grundlagen...

Къ этой же категоріи принадлежитъ и книга г. В о р о н о в а „Основанія соціологіи"; и здѣсь дана та же попытка изученія соціальныхъ явленій, какъ простыхъ физико-химич. фактовъ, и потому немудрено, что все специфически-соціальное исчезло изъ соціальнаго явленія. Сотрудничество превратилось въ простое сложеніе силъ, борьба—въ вычитаніе ихъ, организація—въ равновѣсіе силъ, вырожденіе—въ распаденіе силъ, право—въ соотношеніе силъ и т. д. Однимъ словомъ—человѣкъ превратился въ „центръ силъ", а акты общенія людей—въ явленія движенія, изучаемыя механикой.

и тутъ тоже соотношеніе силъ; но слѣдуетъ ли изъ этого, что соотношеніе грузовъ или силъ A и B есть правовое отношеніе? И разсѣяніе теплоты, благодаря лучеиспусканію, есть также «утечка энергіи». Но значитъ ли, что это разсѣяніе есть въ то же время и преступленіе?

Отсюда видно, что нашъ изслѣдователь, изучая соціальное явленіе по вышеуказанному рецепту, не только не далъ бы анализа тѣхъ или иныхъ соціальныхъ фактовъ, но даже не коснулся бы ихъ, оставивъ соціальное явленіе въ сторонѣ цѣликомъ.

Какъ уже выше было указано въ послѣднемъ всегда необходимо различать съ одной стороны—психическую его сторону и во-вторыхъ, внѣшнюю сторону, объективирующую первую. Характеръ психическихъ переживаній опредѣляетъ собою характеръ поступковъ, подраздѣленіе первыхъ обусловливаетъ собою и подраздѣленіе вторыхъ. Поэтому, анализируя соціальное явленіе и, въ частности, поведеніе людей, живущихъ въ группѣ, и пытаясь расчленить на тѣ или иныя категоріи безконечно-разнородные поступки—слѣдуетъ всегда исходить изъ анализа тѣхъ психическихъ переживаній, которыми сопровождается тотъ или иной актъ поведенія человѣка. Этотъ анализъ дастъ ключъ и къ объясненію тѣхъ внѣшнихъ актовъ, которые носятъ названіе поступковъ человѣка, изъ совокупности которыхъ и слагается его поведеніе.

Со времени своего рожденія вплоть до смерти каждый человѣкъ непрерывно дѣйствуетъ, производитъ безчисленное множество актовъ и получаетъ въ отвѣтъ на эти акты безчисленное множество реакцій отъ другихъ людей, въ обществѣ которыхъ онъ живетъ. Изъ совокупности его поступковъ создается его поведеніе; характеръ первыхъ опредѣляетъ собою и характеръ послѣдняго. Эти акты по своему конкретному виду настолько разнородны и разнообразны, что нѣтъ никакой возможности хотя бы приблизительно перечислить и описать ихъ. Но эта конкретная разнородность, однако, не мѣшаетъ съ извѣстной точки зрѣнія сгруппировать всѣ эти поступки въ опредѣленные разряды и подвести ихъ подъ вполнѣ опредѣленныя немногочисленныя категоріи.

Можно указать двѣ такія основныя категоріи, подъ которыя подойдутъ всѣ поступки человѣка. Одни акты человѣка есть дѣланіе чего-нибудь (facere), другіе акты—есть недѣланіе чего-ни-

будь (non facere). Всякій конкретный актъ подойдетъ подъ одну изъ этихъ категорій.

Послѣдняя категорія «не дѣлать» до послѣдняго времени обычно понималась, какъ категорія «воздержанія» отъ чего-нибудь. Поэтому всѣ акты «не дѣланія» и опредѣлялись, какъ акты «воздержанія». Проф. Л. І. Петражицкій внесъ въ это мнѣніе поправку и вполнѣ правильно указалъ, что не слѣдуетъ смѣшивать акты «воздержанія» съ иного рода актами «недѣланія», обозначаемыми имъ терминомъ „терпѣнія“ [1]).

Стоитъ сравнить психическій характеръ актовъ «воздержанія» и актовъ „терпѣнія“ и разница между ними сразу же становится ощутимой. Первые акты—есть акты пассивные, состоящіе въ воздержаніи отъ какихъ-либо дѣйствій, а вторые есть акты активные, состоящіе именно въ терпѣніи ряда воздѣйствій, исходящихъ отъ другихъ людей.

Если взять, напр., христіанское изреченіе: не „противься злому“ или „если ударятъ тебя въ правую щеку, то подставь обидчику и лѣвую», то акты, предписываемые этой заповѣдью, получаютъ существенно различный видъ, въ томъ случаѣ, когда мы будемъ толковать ихъ какъ „акты воздержанія — съ одной стороны и какъ акты «терпѣнія»—съ другой.

Въ первомъ случаѣ эти акты получаютъ характеръ пассивнаго воздержанія отъ сопротивленія обидчику. Дѣйствіямъ его не противятся, какъ необходимому злу. Если бы можно было сопротивляться имъ, не нарушая нравственнаго закона, то такое сопротивленіе было бы желательно и необходимо.

При второй же интерпретаціи этихъ актовъ они гласятъ: терпи обиды, ибо это терпѣніе есть великая добродѣтель, въ этомъ терпѣніи есть великая цѣнность и для него нужны великія способности. Не несопротивленіе, а именно терпѣніе нужно и требуется, чтобы побѣдить зло и уготовить царство Божіе. Не пассивное воздержаніе, а любовное дѣйственное терпѣніе подчеркивается во второмъ случаѣ. Уже Достоевскій съ обычной прозорливостью подчеркнулъ эти акты терпѣнія и въ противоположность Толстому въ этомъ смыслѣ—въ смыслѣ терпѣнія—разъяснилъ заповѣдь Христа «не противься злому». «Предъ иною мыслью станешь въ недоумѣніи, говоритъ у него старецъ Зосима, осо-

---

[1]) См. Петражицкій. Теорія права. т. I 71 и слѣд. т. II 431 и слѣд.

бенно видя грѣхъ людей, и спросишь себя: „взять ли силой али смиренною любовью“. Всегда рѣшай: „возьму смиренною любовью“. Рѣшишься такъ разъ навсегда, и весь міръ покорить возможешь. Смиреніе любовное—страшная сила, изо всѣхъ сильнѣйшая, подобной которой и нѣтъ ничего“. [1]) Очевидно, что эта «смиренная любовь» не есть пассивный актъ воздержанія, а именно—активный актъ терпѣнія.

Итакъ, совокупность всего поведенія человѣка распадается на рядъ актовъ или поступковъ, а послѣдніе при всей ихъ эмпирической разнородности представляетъ 1) или дѣланіе чего-нибудь (facere); 2) или не дѣланіе (non-facere) чего-нибудь, въ свою очередь распадающееся на разновидности a) актовъ воздержанія (abstinere) и b) актовъ терпѣнія (pati).

1) Если теперь мы возьмемъ каждую изъ трехъ категорій поступковъ отдѣльно и попытаемся проанализировать различные акты, подходящіе подъ эту категорію, то увидимъ, что не всѣ эти акты сопровождаются одинаковымъ психическимъ переживаніемъ [2]). Каждый изъ людей совершаетъ множество актовъ дѣланія (facere). Такъ, напр., я сегодня два часа занимался въ конторѣ; заплатилъ 20 руб. моей хозяйкѣ за комнату, возвратилъ товарищу взятыя въ займы у него деньги и т. д. Всѣ эти акты „дѣланія“ имѣли между собой то общее, что ихъ дѣланіе или даже представленіе объ этихъ дѣйствіяхъ сопровождалось и сопровождается у меня своеобразнымъ переживаніемъ „обязанности“. Я занимался въ конторѣ, потому, что „обязанъ“ былъ заниматься, а хозяинъ конторы „имѣлъ право“ требовать отъ меня этихъ занятій. Я отдалъ хозяйкѣ деньги потому, что „обязанъ“ былъ отдать, а за ней имѣлось право получить ихъ.

То же самое переживаніе было у меня и при совершеніи акта—возвращенія долга товарищу.

Подобныхъ же актовъ дѣланія я совершилъ еще очень много съ той только разницей, что въ этихъ случаяхъ я за собой признавалъ право требовать отъ другихъ ряда актовъ, а другимъ приписывалъ „обязанность“ совершить эти акты. Утромъ я послалъ прислугу въ лавку и она пошла туда, за-

---

[1]) Братья Карамазовы. СПБ. 1895 т. I. 379—80.

[2]) Само собой разумѣется, что въ дальнѣйшемъ принимаются во вниманіе только акты сознательные, а не рефлексо-инстинктивные или безсознательные.

тѣмъ попросилъ ее вычистить ботинки и она вычистила... Я требовалъ отъ нее этихъ поступковъ потому, что себѣ приписывалъ право требовать ихъ, а ей приписывалъ обязанность исполнить ихъ [1]).

Подобные же акты, сопровождаемые особымъ переживаніемъ, надѣляющимъ однихъ правами, а другихъ—обязанностями, имѣются и въ остальныхъ двухъ категоріяхъ актовъ: въ актахъ воздержанія и терпѣнія.

Мнѣ, напр., очень хотѣлось взять нѣсколько книгъ, которыя были выставлены въ витринѣ магазина, но я этого не сдѣлалъ, воздержался, потому что «обязанъ» былъ не дѣлать, а хозяинъ магазина имѣлъ право не терпѣть моихъ покушеній на его добро. Такимъ образомъ этотъ актъ не дѣланія у меня сопровождался переживаніемъ, надѣлявшимъ меня обязанностью не дѣланія (воздержанія отъ акта), а хозяина правомъ не терпѣнія. Сегодня же въ трамваѣ, уже переполненномъ публикой, произошла такая сцена. Одинъ господинъ вскочилъ на подножку трамвая, но кондукторъ попросилъ его сойти обратно. Наблюдая эту сцену, я непроизвольно соглашался съ актами кондуктора и считалъ ихъ правильными „дозволенными“ и «должными», такъ какъ приписывалъ господину обязанность не вскакивать на подножку, а кондуктору—право не терпѣть дѣйствій вскочившаго господина.

Аналогичныя же переживанія я нахожу у себя и при третьей категоріи актовъ—актовъ терпѣнія. Мнѣ, напр., очень мѣшаетъ плачъ ребенка въ сосѣдней комнатѣ и я бы съ удовольствіемъ перемѣстилъ его въ другую квартиру. Но я воздерживаюсь отъ этихъ актовъ и смиренно терплю его плачъ, такъ какъ считаю себя обязаннымъ терпѣть ихъ, а ребенку или его родителямъ приписываю право производить шумъ. Очень часто на засѣданіяхъ научныхъ кружковъ мнѣ не нравились многіе ораторы, которые, не говоря ничего существеннаго, отни-

---

[1]) Очень часто, однако, у стороны управомоченной можетъ и не быть переживанія управомоченности. Посылая прислугу въ лавку, я могу и не думать о томъ, что я имѣю право на это, а она обязанность сходить туда. Я, въ виду „дозволенности“ для меня подобнаго требованія, могу послать ее туда безъ всякаго переживанія управомоченности. Но какъ только кто-нибудь вздумалъ бы оспаривать мое требованіе—переживаніе управомоченности одной стороны и приписываніе обязанности другой неизбѣжно возникаетъ.

мали своими рѣчами массу времени. Мнѣ иногда хотѣлось бы прервать ихъ и лишить слова. Но я этого не дѣлалъ, такъ какъ сознавалъ, что я долженъ терпѣть ихъ, а они имѣютъ право говорить.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что въ каждой категоріи моихъ поступковъ: (facere, abstinere и pati) имѣется рядъ актовъ, которые сопровождаются специфическими психическими процессами, надѣляющими меня или другихъ опредѣленными правами и обязанностями. Назовемъ для краткости всю категорію актовъ, сопровождаемыхъ указанными психическими переживаніями, категоріей „должно—дозволенныхъ» актовъ, поведеніе, состоящее изъ подобныхъ поступковъ,— должно—дозволеннымъ поведеніемъ, а взаимоотношенія, устанавливающіяся между мной и другими на основѣ подобнаго поведенія—дозволенно—должными, взаимоотношеніями [1]).

Спрашивается теперь, всѣ ли разряды актовъ (facere, abstinere и pati) совершаемыхъ мной обладаютъ этимъ „должно—дозволеннымъ“ характеромъ, т.-е. всѣ ли мои акты сопровождаются указанными психическими процессами, надѣляющими однихъ субъектовъ „правами“, а другихъ „обязанностями“?

— Очевидно, что нѣтъ. Я, напр., далъ сегодня „на чай“ швейцару (актъ facere); проработалъ вмѣсто положенныхъ 2 час. 4 часа въ конторѣ, (facere); воздержался отъ выговора хозяйкѣ за то, что она не прибрала во время въ моей комнатѣ (abstinere); не взялъ денегъ съ товарища за работу, которую я ему сдѣлалъ (abstinere), терпѣлъ въ теченіе часа присутствіе ребенка въ моей комнатѣ, хотя и имѣлъ право его выпроводить оттуда (pati); терпѣлъ ругань пьянаго на улицѣ, хотя могъ попросить городового его задержать и отправить въ участокъ (pati) и т. д.

При всѣхъ этихъ актахъ я не приписывалъ никакой обязанности себѣ и права другимъ. Я не былъ „обязанъ“ дать швейцару „на чай“, а за нимъ не признавалъ никакого права требовать отъ меня денегъ. Я не былъ обязанъ работать въ конторѣ 4 часа и хозяинъ не имѣлъ права требовать отъ меня лишней двух-

---

[1]) Акты, обозначаемые мной, какъ „дозволенно—должные“ есть ничто иное, какъ акты правовые въ смыслѣ проф. Петражицкаго, поэтому болѣе детальный и блестящій анализъ ихъ читатель найдетъ въ „Теоріи права“ Л. І. Петражицкаго. Въ дальнѣйщемъ для краткости я буду ихъ называть просто „должными“ или „дозволенными“ актами.

часовой работы. Я «имѣлъ право» сдѣлать выговоръ хозяйкѣ, а ея обязанностью считалъ—выслушаніе выговора и принятіе его къ свѣдѣнію. Но я не сдѣлалъ этого. То же самое было и въ другихъ случаяхъ. При совершеніи всѣхъ этихъ актовъ я не переживалъ никакой «связанности» или обязанности. Всѣ эти акты у меня были добровольны, на которые никто не могъ претендовать и требовать ихъ отъ меня.

Подъ тѣмъ же угломъ зрѣнія я «понимаю» и рядъ актовъ другихъ людей, совершаемыхъ по отношенію ко мнѣ. Такъ, напр., проф. Х одолжилъ мнѣ рядъ книгъ, хотя и не былъ обязанъ это сдѣлать. Хозяйка квартиры согласилась подождать слѣдуемые ей 20 руб., хотя и не обязана это дѣлать. Мой знакомый подарилъ мнѣ рядъ цѣнныхъ книгъ, хотя я сознаю, что я не имѣлъ права требовать ихъ отъ него, а онъ не обязанъ былъ дарить ихъ мнѣ и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ и въ безчисленномъ множествѣ подобныхъ случаевъ я разсматриваю ихъ акты, какъ акты вполнѣ д о б р о в о л ь н ы е, къ которымъ ихъ ни я, ни никто другой обязывать не можетъ. Всѣ эти акты являются „у с л у г а м и“ этихъ лицъ по отношенію ко мнѣ, услугами, продиктованными желаніемъ сдѣлать мнѣ нѣчто пріятное, полезное и т. д. Точно также и я, давая швейцару на чай, работая лишніе 2 часа etc. добровольно оказывалъ швейцару и хозяину конторы у с л у г и, нѣчто пріятное и желательное для нихъ (съ моей точки зрѣнія). Итакъ въ каждомъ разрядѣ актовъ (facere, abstinere и pati) мы на ряду съ актами „д о з в о л е н н о—д о л ж н ы м и“, сопровождающимися „аттрибутивно-императивнымъ“ переживаніемъ, находимъ вторую категорію актовъ, актовъ д о б р о в о л ь н ы х ъ, совершаемыхъ ради желанія доставить кому-либо пріятное и вообще нѣчто хорошее.

Эти акты по самому своему характеру опредѣляются двумя чертами: 1) о н и д о б р о в о л ь н ы, 2) н е п р о т и в о р ѣ ч а т ъ „д о з в о л е н н о—д о л ж н ы м ъ“ (аттрибутивно-императивнымъ) п е р е ж и в а н і я м ъ и у б ѣ ж д е н і я м ъ. О н и н и к о г д а н е и д у т ъ в ъ р а з р ѣ з ъ с ъ п о с л ѣ д н и м и и н и к о г д а н е н а р у ш а ю т ъ и х ъ. Потому-то они именно и желательны, что они не противорѣчатъ „должному“ шаблону поведенія. Но тогда какъ послѣднія всегда опредѣленно регламентированы, и тогда какъ взаимоотношеніе двухъ субъектовъ, согласно имъ, носитъ всегда двусторонній связанный характеръ, въ актахъ второй категоріи нѣтъ никакого „обязывающаго“ переживанія. Если

хочу я ихъ совершить,—совершу, не хочу—никто не можетъ претендовать на нихъ. Они своего рода роскошь, ни для кого не обязательная, но желательная или рекомендуемая. Назовемъ для краткости эти добровольные акты, непротиворѣчащіе „должному" поведенію кого-нибудь, но желательныя съ его же точки зрѣнія, представляющія своего рода избытокъ благоволенія—актами рекомендуемыми (съ точки зрѣнія того же лица); поведеніе, состоящее изъ подобныхъ актовъ, поведеніемъ рекомендуемымъ, а взаимоотношеніе устанавливающееся между даннымъ лицомъ и другимъ на почвѣ совершенія подобныхъ актовъ — взаимоотношеніемъ рекомендуемымъ [1]).

3) Но исчерпывается ли каждая категорія поступковъ и этими двумя видами должныхъ и рекомендованныхъ актовъ? Очевидно, что нѣтъ. Я могу себѣ представить, что я не пойду на работу въ контору, что я убью сегодня кого-нибудь, что я пойду и украду или силой возьму нужную мнѣ вещь въ магазинѣ, или не заплачу хозяйкѣ ничего, а жить въ комнатѣ буду. Стоитъ мнѣ представить подобные акты, идущіе въ разрѣзъ съ моими же представленіями „должныхъ" актовъ и взаимоотношеній и нарушающіе ихъ, стоитъ мнѣ представить, а тѣмъ болѣе совершить эти акты, и у меня непроизвольно возникаетъ въ душѣ нѣкоторое отвращеніе къ этимъ актамъ и переживаніе ихъ „недозволенности". Они кажутся мнѣ чѣмъ-то недопустимымъ, запрещеннымъ именно потому, что они противорѣчатъ тому поведенію, которое въ моихъ же глазахъ имѣетъ характеръ должнаго.

Подобное же переживаніе «недозволенности» возбуждаетъ во мнѣ и рядъ чужихъ актовъ, совершаемыхъ по моему ли адресу кѣмъ-нибудь, или по адресу другихъ людей.

Если бы кто-нибудь вздумалъ безъ моего позволенія и даже вопреки запрещенію расположиться въ моей комнатѣ, и не пускать меня въ нее; или если бы кто-нибудь ударилъ меня на улицѣ, или обругалъ безъ всякаго повода—то всѣ эти акты мной разсматривались бы, какъ акты недопустимые и запрещенные.

---

[1]) Какъ видно изъ сказаннаго акта „рекомендуемые" „морально-однородны" съ „дозволенно—должными" актами, но превосходятъ ихъ норму, а благодаря этому обстоятельству количественное различіе переходитъ въ качественное: обязательно-правомочное отношеніе переходитъ въ взаимно добровольное.

Стоитъ мнѣ далѣе представить себѣ картину, гдѣ болѣе сильный бьетъ болѣе слабаго потому только, что онъ болѣе сильный, стоитъ представить себѣ рядъ поступковъ разврата, лжи, нечестности, насилія, угнетенія, совершаемыхъ кѣмъ-либо— и всѣ эти факты, какъ дѣйствительные, такъ и воображаемые— мной непроизвольно квалифицируются какъ акты запрещенные, нарушающіе мои убѣжденія должнаго поведенія и потому отталкивающіе меня. Всѣ подобные акты, нарушающіе шаблоны должнаго поведенія, и противорѣчащіе имъ, и поведеніе, состоящее изъ подобныхъ актовъ, назовемъ поведеніемъ и актами запрещенными или недозволенными.

Каждая изъ указанныхъ выше категорій поведенія, будучи данной у всѣхъ людей, можетъ быть различной по содержанію для различныхъ лицъ. Для каждаго человѣка тотъ или иной актъ войдетъ въ одну изъ этихъ трехъ категорій въ зависимости отъ того, каковы его представленія «дозволенно—должнаго» поведенія. Категорія «должныхъ» актовъ—есть основная категорія и ея характеромъ обусловливается принадлежность того или иного акта, къ той или другой категоріи. Если, напр., мы возьмемъ члена древнихъ обществъ, считающаго въ качествѣ «должнаго» акта убійство чужеродца, то, очевидно, актъ неубійства его— будетъ имъ квалифицироваться, какъ актъ запрещенный; а убійство особенно большаго количества враговъ—какъ актъ рекомендуемый. Тѣ же акты получатъ совсѣмъ иную квалификацію со стороны человѣка, для котораго въ данной сферѣ «должнымъ» шаблономъ поведенія будетъ принципъ: «не убій». Убійство въ этомъ случаѣ будетъ актомъ запрещеннымъ, оставленіе жизни врагу-должнымъ, а любовь къ врагу—рекомендуемымъ.

Если обратиться къ иной сферѣ соціальныхъ отношеній, напр., половыхъ, то и здѣсь тѣ или иныя формы поведенія будутъ сопровождаться различными переживаніями, напр., у первобытнаго человѣка и человѣка-христіанина.

Для перваго сожительство со многими женщинами (опредѣленной половины клана и опредѣленной возрастной группы, напр., съ «нупами» и „пираунгару“ у австралійскаго племени Урабунна) будетъ должной формой поведенія. Совершенное воздержаніе отъ половой жизни—или попытка недопустить къ своимъ женамъ другихъ мужчинъ—явится уже актомъ недозволеннымъ. Иначе отнесется къ этимъ видамъ поведенія христіанинъ. Съ его точки

зрѣнія «должное» поведеніе въ данной сферѣ есть моногамическій бракъ, «во образъ союза Христа съ церковью». Рекомендуемое—безбрачіе и цѣломудріе, запрещенное—половая жизнь внѣ брака или жизнь со многими женщинами. Эти нормы установлены Христомъ и отчетливо формулированы апостоломъ Павломъ. «Могій вмѣстити, да вмѣститъ», говоритъ Христосъ, рекомендуя цѣломудріе, дозволяя бракъ и запрещая блудъ [1]). «Безбрачнымъ же и вдовамъ говорю, пишетъ ап. Павелъ, хорошо имъ оставаться, какъ я, но если не могутъ воздержаться—пусть вступаютъ въ бракъ. Если и женишься, не согрѣшишь; и если дѣвица выйдетъ замужъ—не согрѣшитъ. Посему выдающій замужъ свою дѣвицу поступаетъ хорошо; а не выдающій—поступаетъ лучше»... «Бѣгайте блуда», ибо «ни блудники, ни прелюбодѣи, ни малакіи, ни мужеложники... царства Божія не наслѣдуютъ» [2]).

И въ окружающей насъ соціальной жизни мы сплошь и рядомъ можемъ констатировать эту разнородность содержанія каждой категоріи у различныхъ людей и группъ. Одинъ и тотъ же актъ, напр., забастовка рабочихъ, одними считается актомъ должнымъ, другими—запрещеннымъ. Одно и то же явленіе квалифицируется очень часто одними партіями въ Думѣ, какъ явленіе недопустимое, другими—какъ явленіе рекомендуемое. Примѣромъ можетъ служить недавняя оцѣнка поведенія правительства различными думскими партіями. Правые нашли это поведеніе—рекомендуемымъ, октябристы — должнымъ, а кадеты съ лѣвыми—недозволеннымъ или запрещеннымъ. Подобныхъ примѣровъ можно привести ad libitum. Изъ всѣхъ ихъ можно видѣть, что хотя содержаніе каждой категоріи можетъ быть и различно у различныхъ людей, но наличность этихъ разрядовъ дана въ сознаніи каждаго (кромѣ тѣхъ, разумѣется, кто страдаетъ этическимъ идіотизмомъ и психической тупостью).

Теперь сдѣлаемъ краткое резюме сказаннаго. Всѣ акты каждаго изъ разрядовъ facere, abstinere и pati по характеру психическихъ переживаній распадаются на три основныя категоріи; на:

1) акты «д о з в о л е н н о—д о л ж н ы е», которыми являются поступки, соотвѣтствующіе представленіямъ «должнаго» поведе-

---

[1]) Отъ Матеея гл. 19, ст. 11, 12.
[2]) 1-е къ коринфянамъ гл. 7, ст. 8, 9, 28, 36—38; гл. 6, ст. 18, 10.

нія, аттрибутивно-императивнымъ переживаніямъ. Это суть или акты осуществленія правъ или акты осуществленія обязанностей. Если поведеніе кого-нибудь соотвѣтствуетъ тѣмъ правамъ и обязанностямъ, которыми я или другой его надѣляетъ, то его поведеніе въ моихъ глазахъ или въ глазахъ этого другого есть поведеніе должное, если оно не соотвѣтствуетъ—то оно перестаетъ быть таковымъ. То же самое получится и съ точки зрѣнія другого человѣка.

2) Акты «рекомендуемые». Такими актами для каждаго человѣка будутъ акты, не противорѣчащіе его представленіямъ дозволенно — должнаго поведенія, но представляющіе сверхнормальную роскошь, избытокъ надъ необходимымъ минимумомъ «добраго» поведенія, каковымъ является дозволенно—должное поведеніе, и потому всегда желательные. Эти акты—добровольны и потому не носятъ въ себѣ никакого элемента обязанности.

3) Акты «*запрещенные*» или „*недозволенные*“. Такими актами для каждаго будутъ тѣ акты, которые противорѣчатъ его представленіямъ «должнаго» поведенія и нарушаютъ его «должную» норму поведенія (акты, противорѣчащіе аттрибутивно-императ. переживаніямъ).

4) Эти категоріи—категоріи чисто «формальныя». Хотя они и даны въ сознаніи каждаго человѣка, но эта наличность ихъ еще не обусловливаетъ тождественности «содержанія» каждой категоріи у различныхъ людей. Одинъ можетъ считать «должнымъ» одинъ шаблонъ поведенія, а другой—иной. Сообразно съ этимъ неодинаковыми будутъ и тѣ акты, которые каждый изъ нихъ будетъ считать рекомендуемыми и запрещенными.

СХЕМА.

Поведеніе: Акты.
- I. facere
  - рекомендуемые
  - должные
  - запрещенные.
- II. non facere.
  - abstinere.
    - рекомендуемые
    - должные
    - запрещенные.
  - pati.
    - рекомендуемые
    - должные
    - запрещенные.

§ 2.

Три основныя формы реагированія на чужія поступки.

Установивъ основные разряды актовъ въ зависимости отъ характера тѣхъ психическихъ процессовъ, которыми они сопровождаются, подойдемъ теперь къ изученію ихъ съ нѣсколько иной стороны; спросимъ себя, какъ мы реагируемъ на каждый изъ этихъ трехъ разрядовъ? Одинаковыми ли остаются наши душевныя переживанія и обусловленные ими акты поведенія въ томъ случаѣ, когда по отношенію къ намъ кто-нибудь совершаетъ актъ, кажущійся намъ запрещеннымъ съ одной стороны, и актъ, кажущійся намъ должнымъ—съ другой? Ежедневный опытъ каждаго изъ насъ учитъ, что говорить объ одинаковости переживаній и поведенія въ этихъ двухъ случаяхъ не приходится. Возьмемъ самый обычный фактъ. Хозяйка моей квартиры приходитъ ко мнѣ и заявляетъ, что срокъ мѣсяца кончился и я долженъ уплатить 20 руб. за будущій мѣсяцъ. Я считаю ея актъ „должнымъ", т. е. приписываю ей соотвѣтственное право, и безпрекословно плачу ей 20 руб. Теперь представимъ себѣ, что ко мнѣ явился бы неизвѣстный мнѣ человѣкъ и потребовалъ бы отъ меня 20 руб., безъ всякаго основанія. Мои переживанія въ этомъ случаѣ будутъ уже совершенно иными, чѣмъ въ первомъ. Для меня его актъ—актъ запрещенный, актъ вымогательства. Поэтому неудивительно, что во мнѣ возникнетъ рядъ переживаній, не особенно дружелюбныхъ по адресу пришедшаго, и поведеніе мое выразится въ томъ, что я укажу этому господину на дверь, наградивъ его эпитетами «нахала», «стрекулиста» и въ худшемъ случаѣ позову дворника и отправлю его въ участокъ.

Въ первомъ случаѣ я разсматривалъ актъ хозяйки, именно какъ «должный», какъ вполнѣ «справедливый» и потому морально положительный. Я не испытывалъ по адресу хозяйки никакихъ непріязненныхъ и недружелюбныхъ эмоцій; ея поведеніе не имѣло въ моихъ глазахъ отталкивающаго и отвратительнаго характера. Она поступала такъ, какъ должно поступать. Иначе я велъ себя во второмъ случаѣ. «Незаконное» требованіе господина сразу вызвало во мнѣ непріязненныя и антипатически-враждебныя чувства по его адресу, желаніе дать ему отпоръ и вообще

«показалось» мнѣ недопустимымъ. Совершенно непроизвольно господинъ сдѣлался для меня «врагомъ», а его поведеніе—отталкивающимъ.

То же самое каждый человѣкъ можетъ провѣрить путемъ личнаго опыта, для чего, между прочимъ, великолѣпный матеріалъ даютъ наблюденія надъ собственными переживаніями во время чтенія какого-нибудь романа или во время присутствія въ театрѣ на какой нибудь драмѣ или трагедіи. Здѣсь намъ даются всевозможные случаи взаимоотношеній между героями, одни изъ которыхъ поступаютъ въ нашихъ глазахъ «должнымъ» образомъ, другіе—недозволеннымъ. Наши симпатіи всецѣло на сторонѣ первыхъ; вмѣстѣ съ ними мы страдаемъ, когда они страдаютъ; и непроизвольно желаемъ «торжества добродѣтели» и «наказанія порока». «Безнравственные» же герои опять-таки непроизвольно вызываютъ въ насъ враждебныя по ихъ адресу чувства; намъ хочется протестовать противъ ихъ актовъ, сдѣлать ихъ безвредными и даже наказать ихъ.

Кто не симпатизировалъ королю Лиру, когда его дочери и зятья изгоняютъ его и кто не имѣлъ враждебныхъ чувствъ противъ тѣхъ, кого онъ облагодѣтельствовалъ и кто его же безжалостно выгналъ! Кто не страдалъ вмѣстѣ съ Жанъ-Вальжаномъ, «несправедливо» преслѣдуемымъ полиціей и врагами! Было бы безполезно приводить дальнѣйшіе факты: ихъ такъ много и они такъ знакомы каждому, что настаивать на этомъ трюизмѣ безполезно. Впрочемъ, если бы кто усумнился въ сказанномъ, онъ легко можетъ убѣдиться въ этомъ, представивши себѣ рядъ формъ поведенія, изъ которыхъ однѣ онъ считаетъ должными, другіе запрещенными. Пусть напр., онъ представитъ себѣ, что онъ убиваетъ своего любимаго отца. Достаточно только вообразить подобный актъ,—и переживаніе отвращенія и отталкиванія къ подобному поступку, соединенное съ враждой и ненавистью къ тому, кто бы это сдѣлалъ—будетъ на лицо... Инымъ уже будетъ переживаніе, если онъ представитъ себѣ акты заботливости о любимомъ отцѣ, ухаживаніе за нимъ и т. п. Въ этомъ случаѣ переживаніе по адресу подобныхъ актовъ поведенія будетъ притягательнымъ, носящимъ характеръ долженствованія и всѣ субъекты подобныхъ поступковъ не вызовутъ никакихъ враждебныхъ чувствъ по своему адресу.

Если далѣе мы представимъ себѣ рядъ актовъ, кажущихся намъ „рекомендуемыми“,—то и въ этомъ случаѣ въ нашей пси-

хикѣ будетъ дано переживаніе sui generis, какъ по адресу самаго акта, такъ и его исполнителя, не совпадающее ни съ переживаніями при актахъ должныхъ, ни при актахъ запрещенныхъ. Эти переживанія окрашены особенно сильнымъ цвѣтомъ благоволенія и симпатіи по отношенію къ совершителю рекомендуемаго поступка, вызываютъ къ нему особенно сильное чувство „благорасположенія, любви и уваженія“, желаніе сдѣлать и ему нѣчто пріятное и хорошее. Самъ же актъ получаетъ притягательный и желательный характеръ въ нашихъ глазахъ. Когда мы видимъ подобные поступки человѣка, не обязаннаго ихъ совершать, но тѣмъ не менѣе дѣлающаго ихъ,—этотъ человѣкъ становится своего рода „добродѣтельнымъ героемъ“, заслуживающимъ той или иной степени уваженія и любви. Примѣровъ, подтверждающихъ сказаннное, можно привести ad libîtum...

Съ точки зрѣнія обычныхъ современныхъ представленій никто «не обязанъ» раздавать деньги, жертвовать ихъ на безплатныя столовыя, пріюты, школы, институты и т. д. И вотъ, если кто-нибудь это дѣлаетъ (примѣръ—Н. А. Шаховъ)—то его «рекомендуемый» поступокъ сразу же обращаетъ на себя вниманіе, вызываетъ сочувствіе по адресу такого лица, симпатіи, уваженіе и т. д.

Когда кто-нибудь помогаетъ другому, хотя онъ и не обязанъ помогать, то первый въ глазахъ второго становится «благодѣтелемъ, добрымъ и прекраснымъ» человѣкомъ, которому, въ свою очередь, хочется сдѣлать нѣчто пріятное и хорошее.

И не нужно думать, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ всѣ эти переживанія и способы реагированія на чужіе поступки вызываются въ насъ путемъ преднамѣреннымъ, путемъ сознательнаго расчета и «зрѣлыхъ соображеній». Нѣтъ! каждый изъ насъ уже имѣетъ обычно это различіе запрещенныхъ, рекомендованныхъ и должныхъ актовъ; воспринимая чужіе акты, «сразу же» относитъ ихъ къ той или иной категоріи и сразу же непроизвольно и спонтанно реагируетъ на нихъ въ той или иной формѣ. Тѣ или иныя переживанія, а въ зависимости отъ нихъ и формы поведенія, въ отвѣтъ на чужіе акты, возникаютъ въ насъ моментально (за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ) и самопроизвольно. Самопроизвольно же объективируются эти переживанія и въ соотвѣтственные поступки.

Итакъ каждый изъ чужихъ актовъ, восприни-

маемыхъ нами, вызываетъ въ насъ неодинаковыя переживанія и соотвѣтственно неодинаковыя формы реагированія на нихъ:

1) Акты, воспринимаемые нами какъ «должные», не вызываютъ въ насъ ни переживаній вражды, ни ненависти, а равно ни особенной любви и симпатіи къ имъ самимъ и къ ихъ исполнителю, они воспринимаются просто какъ «дозволенно—должные» (иного слова трудно найти), какъ нормальные и только. Сама форма актовъ не вызываютъ въ насъ ни отвращенія—отталкиванія, ни притяженія—любви. Они нормальны, справедливы, а потому положительны и только. Лавочникъ далъ мнѣ фунтъ хлѣба, я заплатилъ ему 7 коп. Актъ лавочника для меня просто нормальный, должный и ничего больше, а самъ онъ не вызвалъ во мнѣ по своему адресу ни особенной любви и симпатіи, ни ненависти и вражды.

2) Иное переживаніе возникаетъ въ отвѣтъ на акты «рекомендуемые». Здѣсь я, въ отвѣтъ на подобный актъ, испытываю по адресу его субъекта особенное благорасположеніе, благодарность, любовь, симпатію и желаніе и ему, въ свою очередь, оказать ту же услугу. Самъ же актъ намъ кажется чѣмъ-то желательнымъ и притягивающимъ.

3) Наконецъ, въ отвѣтъ на акты запрещенные, мы реагируемъ въ формѣ переживаній и актовъ вражды, недружелюбія и ненависти по адресу его субъекта; въ насъ самопроизвольно возникаетъ желаніе отпарировать его незаконное покушеніе и отмстить ему за его попытку. Самъ же актъ вызываетъ въ насъ переживаніе отвращенія и отталкиванія къ такой формѣ поведенія.

Иначе говоря, акты должные—кажутся намъ всегда нормальными, справедливыми и потому морально положительными; акты—запрещенные—морально отрицательными и поднормальными; акты рекомендуемые—сверхнормально—положительными, своего рода моральной роскошью.

Какимъ является каждый изъ нихъ—такую же реакцію онъ и вызываетъ.

Эта реакція происходитъ самопроизвольно и спонтанно.

Само собой разумѣется, что установленная нами классификація какъ самихъ актовъ, такъ и формъ реагированія на нихъ не есть классификація по конкретному

содержанію самого акта, и реакціи на него, но по формѣ психическихъ переживаній. Какой актъ является для кого-нибудь запрещеннымъ, рекомендуемымъ или должнымъ, а соотвѣтственно съ этимъ—на какіе акты онъ будетъ реагировать нормальнымъ, поднормально-враждебнымъ и сверхнормально-любовнымъ образомъ—это зависитъ отъ всего характера психической жизни, убѣжденій, и міровоззрѣнія индивида, создаваемыхъ различными факторами. Содержаніе каждаго разряда какъ акцій, такъ и реакцій, какъ уже выше было указано, можетъ быть различнымъ для различныхъ индивидовъ, но сама наличность указанныхъ разрядовъ и описанныхъ формъ реагированія на каждый изъ нихъ—дана въ поведеніи каждаго человѣка.

Установивъ эти три разряда актовъ и три разряда реакцій на чужіе акты, воспринимаемые то какъ должные, то какъ рекомендуемые, то какъ запрещенные—теперь для краткости обозначимъ каждый изъ нихъ соотвѣтственными терминами. Акты рекомендуемые назовемъ—подвигомъ или услугой, а реакцію на нихъ со стороны другого, воспринимающаго ихъ именно какъ акты рекомендуемые, наградой [1]). Акты запрещенные назовемъ преступленіемъ, реакцію на нихъ, понимаемыхъ другими именно какъ акты запрещенные—наказаніемъ. Акты «дозволенно—должные» и вызываемую ими реакцію будемъ называть просто дозволенно—должными. Такимъ образомъ получаются три пары акцій и вызываемыхъ ими реакцій:

| преступленіе—наказаніе,
| подвигъ—награда
«дозволенный» актъ—«должная» реакція.

---

1) Въ данномъ случаѣ я слѣдую примѣру Бентама, согласно которому: Une rècompense est un portion de la matière du bien, accordée en consideration d'un service réel ou supposé. La notion de la récompense comprend donc nècessairement la notion du service, et le service lui même est quelque bien réel ou supposé, fait à la partie qui est censée d'avoir reçu Oeuvres de I. Bentham Bruxelle 1840. т. II стр. 135. Его примѣру слѣдуютъ Іерингъ, Де-ля-Грассери и др. (См. ниже).

ГЛАВА III-я.

Преступленіе и подвигъ.

§ 1.

Преступленіе.

Установивъ въ предыдущемъ прелиминарныя опредѣленія каждой изъ основныхъ категорій поведенія теперь разсмотримъ каждую изъ нихъ болѣе детальнымъ образомъ. Начнемъ съ изученія преступленій и наказаній и попытаемся дать понятіе каждаго члена этой пары.

Какъ извѣстно, преступленія и наказанія изучаются наукой уголовнаго права. По ихъ поводу написаны сотни тысячъ томовъ и имѣется множество опредѣленій. Но несмотря на это богатство опредѣленій приходится сознаться, что общепризнаннаго понятія преступленія, а соотвѣтственно и наказанія, до сихъ поръ еще нѣтъ. Главный грѣхъ значительнаго числа опредѣленій заключается въ томъ, что вмѣсто анализа дѣйствительныхъ причинныхъ взаимоотношеній, существующихъ въ живой дѣйствительности, догматика уголовнаго права весьма усиленно занималась и занимается анализомъ перечисленныхъ въ кодексѣ „преступныхъ дѣяній“, игнорируя аналогичныя явленія, данныя внѣ кодекса. Отсюда же происходитъ и второй грѣхъ ея, а именно; смѣшеніе теоретической точки зрѣнія съ практической, сущаго съ должнымъ. Приспосабливая свои опредѣленія къ дѣйствующимъ уложеніямъ, преслѣдующимъ чисто практическія задачи, догматика уголовнаго права не могла не впасть въ этотъ грѣхъ смѣшенія „сущаго“ и бывшаго съ „должнымъ“. Благодаря этому обстоятельству немудрено, что въ ней были и до сихъ поръ еще существуютъ тысячи «антиномій», которыя едва ли бы по-

явились при рѣзкомъ разграниченіи этихъ принципіально различныхъ точекъ зрѣнія.

I. Традиціонный пріемъ построенія понятій преступнаго дѣянія и наказанія таковъ. Говорится обычно, что „преступное дѣяніе есть дѣяніе нарушающее нормы правопорядка“ [1]), Въ этой части опредѣленія, пожалуй, всѣ теоретики уголовнаго права согласятся между собой, ибо такъ опредѣляютъ преступленіе всѣ современные кодексы.

Допустимъ и мы пока, что эта часть вѣрна и пріемлема и пойдемъ дальше. Мы формулировали только начало опредѣленія, а не все опредѣленіе. Вѣдь тѣ же кодексы различаютъ, коротко говоря, неправду уголовно-наказуемую и неправду не наказуемую, иначе говоря правонарушенія уголовныя, гражданскія а нѣкоторые отсюда выдѣляютъ еще и полицейскія правонарушенія.

Добавьте къ этому такія явленія, какъ дѣянія нарушающія нормы добраго поведенія, нравственности, благоприличія, дѣянія, противорѣчащія религіознымъ предписаніямъ (грѣхъ) и т. д.

И вотъ, передъ теоретикомъ уголовнаго права, отправляющимся отъ кодекса и приспосабливающимъ свое опредѣленіе только къ кодексу или кодексамъ, встаетъ рядъ труднѣйшихъ задачъ: разъ кодексъ отличаетъ уголовныя правонарушенія отъ гражданскихъ, нужно и ему найти differentia specifica, которая указывала бы, чѣмъ отличаются уголовныя правонарушенія отъ остальныхъ. Одинъ указываетъ въ качествѣ специфическаго признака одно, другой—другое, третій—третье и т. д.; возникаютъ взаимные споры, носящіе тоже своеобразный характеръ. Обычнымъ пріемомъ опроверженія противника является здѣсь не указаніе на то, что выдѣляемый имъ классъ явленій не одно-

---

[1]) См. напр. Сергѣевскій. „Преступное дѣяніе есть дѣйствіе человѣка, нарушающее нормы правопорядка“. Русское угол. право. Спб. 1908. 206, 46 и слѣд.

Кистяковскій. Преступленіе „есть нарушеніе закона“. Элемент. учебн. общаго угол. права 3-е изд. 696.

Пусторослевъ. „Правонарушеніе есть дѣйствительное нарушеніе объективнаго права, т. е. правового порядка, учрежденнаго государствомъ“. Понятіе о преступленіи. Москва. 1891. 169.

Листъ. „Преступленіе есть вмѣняемое противоправное дѣйствіе“. Учебникъ угол. права т. I. М. 1903. 120.

Таганцевъ. „Преступнымъ почитается дѣяніе, посягающее на юридическую норму въ ея реальномъ бытіи“. Русское уголовное право. Спб., 1902., т. I, ст. 61.

роденъ, или не цѣликомъ выдѣленъ (неадэкватность или нераспредѣленность логическаго субъекта и предиката), а указаніе на то, что, молъ, ваше опредѣленіе не согласуется съ такимъ то кодексомъ. Если это несовпаденіе найдено—теорія считается погибшей.

Разсмотримъ кратко главные типы попытокъ, имѣющихъ своей цѣлью выдѣлить преступныя дѣянія изъ разряда другихъ правонарушеній.

А) Одни авторы, пытаясь отдѣлить уголовныя правонарушенія отъ другихъ, указывали на то, что отличительнымъ признакомъ первыхъ является содержаніе бѣдствующихъ отъ нихъ человѣческихъ потребностей, иначе говоря, преступные акты по ихъ мнѣнію отличаются отъ другихъ правонарушеній и проступковъ по самому содержанію этихъ актовъ. Но спрашивается, какіе же акты въ такомъ случаѣ являются преступными по своей природѣ? Можно ли указать хотя бы одинъ актъ, который бы самъ по себѣ считался преступнымъ во всѣхъ кодексахъ? Можно ли, напр., такимъ актомъ считать убійство, какъ убійство?

Стоитъ поставить эти вопросы—и данная попытка терпитъ полное фіаско. Сравнивая конкретные акты, называемые преступными различными кодексами, оказывается, нельзя указать ни одного акта, который бы всѣми кодексами считался таковымъ. Даже такія преступленія, какъ убійство, и то не всегда и вездѣ считаются за преступленія. Даже тѣ кодексы, которые считаютъ его за уголовное правонарушеніе, причисляютъ его къ преступнымъ не въ силу его „природы“, а въ силу чего-то иного, такъ какъ они же допускаютъ и даже требуютъ въ извѣстныхъ случаяхъ убійства, нисколько не считая его преступнымъ (убійство по требованію закона, убійство въ состояніи необходимой самообороны, убійство врага на войнѣ и т. д.).

Между тѣмъ, если бы какой-нибудь актъ былъ по самому содержанію его преступнымъ—то этого „противорѣчія“ не должно было бы быть. Если актъ убійства по своей природѣ есть преступленіе—то онъ преступленіемъ долженъ быть всегда и вездѣ.

А разъ онъ таковымъ не является—то значитъ причисленіе его къ уголовнымъ правонарушеніямъ зависитъ не отъ его природы или содержанія, а отъ чего-то другого. Значитъ нужно

искать это „другое“, а нельзя опредѣлять преступные акты по „природѣ“ этихъ актовъ.

Я взялъ наиболѣе выгодный для этой теоріи актъ и онъ, какъ мы видимъ, не подтверждаетъ выставленнаго положенія. Если же взять en masse всѣ акты, которые кодексами различныхъ народовъ и разныхъ временъ считались преступными, и даже кодексами одного и того же государства, то здѣсь уже прямо немыслимо пытаться различать уголовныя правонарушенія отъ другихъ правонарушеній по содержанію самихъ актовъ или по ихъ природѣ. Одинъ кодексъ считаетъ опредѣленный актъ преступленіемъ, другой не считаетъ его таковымъ. Напр., по кодексу нашему до недавняго времени отступленіе отъ православной вѣры въ язычество считалось уголовнымъ правонарушеніемъ, а по европейскимъ кодексамъ — переходъ изъ любой религіи въ другую не составляетъ преступленія. Какъ тутъ быть, если считать тотъ или иной актъ по самому его содержанію преступнымъ? Съ одной точки зрѣнія—онъ преступленіе, съ другой точки зрѣнія—онъ нѣтъ. А такъ какъ исходятъ обычно только изъ кодексовъ и къ нимъ же стараются приспособить свои опредѣленія, то и получается неразрѣшимая задача отождествленія A съ non—A. Вообще говоря, нѣтъ ни одного акта, который бы по самому своему содержанію былъ уголовнымъ правонарушеніемъ: и акты убійства, и спасенія, правды и лжи, кражи и даренія, вражды и любви, половой разнузданности и воздержанія и т. д. и т. д.—всѣ эти акты могли быть и были и преступленіемъ и не преступленіемъ въ различныхъ кодексахъ въ зависимости отъ того, кто ихъ совершалъ, противъ кого они совершались и при какихъ условіяхъ они происходили. Поэтому причислять тѣ или иные акты по самому ихъ содержанію къ угол. правонарушеніямъ и тѣмъ самымъ пытаться отдѣлить послѣднія отъ другихъ правонарушеній,— задача безнадежная, похожая на попытку рѣшенія квадратуры круга.

B) Другимъ видомъ выдѣленія уголовныхъ правонарушеній изъ другихъ могутъ быть тѣ многочисленныя теоріи, которыя утверждаютъ, что преступными актами являются тѣ правонарушенія, которыя нарушаютъ или угрожаютъ наиболѣе важнымъ интересамъ человѣка и данной группы. Иначе говоря законодатель причисляетъ къ преступнымъ актамъ—акты наиболѣе

вредные и опасные для благосостоянія данной соціальной группы [1]).

Нужно ли говорить, что эта попытка, какъ и предыдущая, должна быть признана неудачной. Достаточно просмотрѣть рядъ кодексовъ и даже одинъ кодексъ, чтобы привести множество фактовъ противъ подобнаго положенія. Въ самомъ дѣлѣ, какая опасность можетъ заключаться въ томъ, что браминъ купитъ молоко?—Никакой. Однако, этотъ актъ считался преступнымъ и низводилъ его до степени судры, т. е. присуждалъ къ одному изъ тягчайшихъ наказаній, тогда какъ актъ несравненно болѣе опасный, именно актъ убійства браминомъ человѣка другой касты—могъ пройти безнаказаннымъ и могъ быть не преступнымъ [2]). Въ Персіи законъ не считалъ преступнымъ половое общеніе сына съ матерью, тогда какъ общеніе съ иновѣрной признавалось ужаснѣйшимъ преступленіемъ [3]). Который изъ этихъ актовъ наиболѣе вреденъ—само собою ясно. У ряда народовъ мы встрѣчаемъ въ качествѣ преступнаго акта—актъ наступленія на тѣнь другого человѣка. Есть ли въ этомъ дѣйствитедьный вредъ—

---

[1]) Примѣры. „Преступленіе есть констатированное законодательствомъ вредоносное посягательство на жизненныя условія общества. Масштабомъ, по которому законодатель опредѣляетъ такой характеръ преступленія, служитъ не конкретная опасность отдѣльнаго дѣянія, а абстрактная опасность цѣлой категоріи дѣяній. Іерингъ. Т. I-й. СПБ. 1881. Цѣль въ правѣ. 357. Преступленіе есть „нарушеніе закона, установленнаго для безопасности и благосостоянія гражданъ, нарушеніе... по характеру своему состоящее или изъ насилія, или обмана, или небрежности". Кистяковскій. Op. cit. 235.

Преступленіе есть... противоправное дѣйствіе, которое вслѣдствіе своей особой опасности для строя юридич. благъ обложено наказаніемъ". Листъ 120.

Ein Verbrechen ist die vom Mitgliede einer gegebenen sozialen Gruppe begangene Handlung, welche von den übrigen mitgliedern derselben als für die Gruppe so schädlich betrachtet wird oder einen solchen Grad antisocialer Gesinnung bei den Täter kundgibt, das dieselben gegen den Täter öffentlich, äusserlich, gemeinchaftlich reagieren, indem sie seiner Güter zu verkürzen suchen". Макаревичъ. Einführung 80 и 99. См. также Таганцевъ Op. cit. 47 и слѣд.

[2]) См. Законы Ману. гл. 3 ст. 17. гл. 10 ст. 92. СПБ. 1913 г. перев. Эльмановичъ. Далѣе стоитъ взять, напр. такія запрещенія, какъ запрещеніе смотрѣть на солнце и на его отраженіе въ водѣ, перепрыгивать черезъ веревку, предписаніе оставлять на лѣво отъ себя земл. насыпь, корову, идола, деревья, запрещеніе дѣлать урины на дорогѣ, ѣсть въ одной одеждѣ, задувать огонь ртомъ и т. д.,—какая польза отъ этихъ предписанныхъ актовъ и какой могъ быть вредъ отъ совершенія этихъ запрещенныхъ актовъ! См. гл. 4 ст. 36—80.

[3]) Hovelacque Avesta. V. 396, 465, 466.

это ясно для каждаго изъ насъ. Въ Моисеевскомъ законѣ считалось преступнымъ дѣяніемъ „яденіе“ свинины.—Вредно ли это дѣйствительно—знаетъ каждый. Да и въ современномъ кодексѣ у насъ, напр., имѣется рядъ дѣяній, въ вредѣ и опасности которыхъ по сравненію съ другими „не преступными“ (съ точки зрѣнія того же кодекса) дѣяніями позволительно сомнѣваться.

Примѣромъ можетъ служить хотя бы до недавняго времени запрещенный актъ перехода изъ христіанской религіи въ нехристіанскую, изъ православія въ расколъ или же караемый законъ о снятіи съ себя монахами или священнослужителями сана и т. д. Подобныхъ фактовъ можно привести сколько угодно [1]).

Въ виду этого, утверждать, что законодатель всегда причислялъ къ уголовнымъ правонарушеніямъ акты наиболѣе вредные и опасные для жизни и благосостоянія группы—дѣло безнадежное.

Правда, сторонники этого теченія могутъ возразить на сказанное, утверждая слѣдующее: „да, съ нашей точки зрѣнія—эти акты, относимые тѣмъ или инымъ кодексомъ къ числу преступныхъ, могутъ и не казаться вредными и опасными. Но зато тѣмъ, кто установлялъ эти нормы, они к а з а л и с ь таковыми“. Но, такое объясненіе ничего не объясняетъ, ибо оно не даетъ намъ понять, почему въ такомъ множествѣ случаевъ законодатели и общества обманывались и признавали „опасными и вредными“ обычаи, которые на самомъ дѣлѣ нерѣдко были полезными и не признавали вредными и опасными поступки, которые на самомъ дѣлѣ были таковыми. Это мнимое рѣшеніе въ концѣ концовъ сводится къ пустой тавтологіи, гласящей: уголовными правонарушеніями являются дѣянія, перечисленныя въ уголовныхъ кодексахъ. А почему именно эти, а не другіе акты попали туда—отвѣта не дается этимъ теченіемъ, его отвѣтъ о большей опасности этихъ актовъ—не оправдывается фактами; попытка „снять“ противорѣчіе прибавкой слова „казались“—ничего не объясняетъ, ибо объясненіе было бы дано тогда, когда было бы показано, почему они „казались“ опасными. Этого объясненія нѣтъ, а потому тезисъ: акты считались преступными, потому

---

[1]) См. многочисленные примѣры у Vaccaro. Genesi e funzione delle leggi penali. Torino 1908 г. и у Дюркгейма. Раздѣленіе общ. труда. стр. 9—11, а также см. ниже гл. 7-ю.

„что они „к а з а л и с ь“ опасными и вредными“, равносиленъ тезису „акты считались преступными, потому что они считались преступными“.

C) Слѣдующей категоріи являются всѣ тѣ ученія, которыя пытаются выдѣлить уголовныя правонарушенія изъ среды другихъ, посредствомъ анализа „внутренняго состоянія“ правонарушителя. Одни изъ нихъ при этомъ такимъ „внутреннимъ преступнымъ состояніемъ“ считаютъ состояніе „обмана“ [2]). Если, слѣд., человѣкъ совершаетъ правонарушеніе съ сознаніемъ того, что онъ поступаетъ правильно—то его актъ является уголовн. правонарушеніемъ, если же онъ, завѣдомо зная, что поступаетъ неправильно, нарушаетъ норму правопорядка—его актъ будетъ преступнымъ.

Другіе, какъ напр., Пусторослевъ, модифицирующій теорію проф. И. Я. Фойницкаго, подъ такимъ „внутреннимъ преступнымъ состояніемъ“ считаетъ состояніе „недоброкачественное относительно ума, чувства, воли и при томъ особенно предосудительные для этого лица (т. е. преступника) съ точки зрѣнія правоучредителя“ [1]).

Опять таки и эту категорію рѣшеній приходится признать неудачной. Во первыхъ, ничемъ не доказаннымъ является положеніе, что „этимъ духовнымъ состояніемъ правонарушителя руководствуется правоучредитель при выдѣленіи уголовныхъ правонарушеній“ [2]).

Какіе психическіе процессы происходили въ его головѣ—одному Богу вѣдомо. Можетъ быть правоучредитель, устанавливая извѣстную норму, думалъ вовсе не о „состояніи преступности“, а о чемъ-либо другомъ, ну хотя бы о томъ, скоро ли наступитъ время его обѣда и руководствовался поэтому лишь правиломъ, скорѣе какъ-нибудь „состряпать“ норму и идти от-

---

[1]) См. напр. Бернеръ. Учебникъ угол. права. СПБ. 1867 г. 97. „Коль скоро одному изъ тяжущихся извѣстно, что та вещь, на которую онъ изъявляетъ претензію, не принадлежитъ ему—тогда неправда гражданская (Civilunrecht) переходитъ... въ ябеду (chikane), потомъ въ обманъ и наконецъ въ преступленіе“.

[2]) См. П у с т о р о с л е в ъ. Понятіе о преступленіи. Москва. 1891 г. 239—241, 246 и др. Сюда же можетъ быть причисленъ и К и с т я к о в с к і й поскольку онъ „въ насиліи, обманѣ и небрежности“ видитъ логическій моментъ, отдѣляющій уголовн. преступленіе отъ гражданскаго правонарушенія.

[2]) П у с т о р о с л е в ъ. Ibid. 241, 245.

дохнуть... Нѣтъ ничего невозможнаго, въ томъ, что дѣло могло происходить такъ. А разъ это мы допустимъ, то сразу же становится яснымъ, что вопросъ о томъ, чѣмъ руководствовался правоучредитель къ сути дѣла совсѣмъ не относится и для рѣшенія проблемы есть вопросъ совершенно побочный. [1]) Это разъ.

Во-вторыхъ, даже допустивши, что правоучредитель руководствовался указываемымъ проф. Пусторослевымъ „внутреннимъ преступнымъ состояніемъ" „мы не избѣгаемъ затрудненій. Въ самомъ дѣлѣ, если только это „внутреннее состояніе" имѣлось въ виду, то какъ тогда объяснить „преступленія" юридическихъ лицъ", нѣкогда имѣвшіе мѣсто? Внутреннее состояніе, по свидѣтельству самого же проф. Пусторослева, можетъ быть только у физическаго лица, а у юридическаго оно не можетъ быть, а потому, казалось бы, не должно быть и преступныхъ актовъ, совершаемыхъ юридич. лицами. Но таковыя были. Авторъ выходитъ изъ затрудненія тѣмъ, что въ этихъ случаяхъ правоучредитель „ошибался". Но сказать это—равносильно сознанію въ ошибочности своей теоріи. Что же это за правоучредитель въ одномъ случаѣ всегда логичный и во всѣхъ кодексахъ руководствующійся „внутреннимъ состояніемъ" (вещь между прочимъ довольно тонкая и едва ли доступная к.-н. готтентотскому вождю или правоучителю древнихъ общ-въ), а въ другомъ настолько наивный, что ищетъ внутренняго состоянія тамъ, гдѣ его не можетъ быть. Не проще ли подумать, что онъ вообще не имѣлъ въ виду этого внутренняго преступнаго состоянія. Проф. Пусторослевъ указываетъ на „вмѣняемость" какъ на подтвержденіе своего положенія.

Но... кому неизвѣстно, что вмѣняемость есть явленіе относительно позднее, и не бывшее въ древнихъ кодексахъ (объ этомъ ниже), а потому, отсутствіе ея на раннихъ стадіяхъ съ точки зрѣнія проф. Пусторослева должно было бы означать и отсутствіе преступленія здѣсь. Конечно, можно попы-

---

[1]) Относительно этого пункта можно сказать лишь то, что искать монизма въ мотивахъ—дѣло безнадежное. Мотивы были разнообразны и многочисленны: одинъ провоучредитель руководствовался вредомъ, другой—возможной опастностью, третій—внутреннимъ состояніемъ, четвертый—воспитательными дѣлами; иныя нормы установились внѣ всякой цѣли и преднамѣреннаго соображенія и т. д. Въ силу этого, свести этотъ эмпирическій плюрализмъ къ эмпирическому же монизму—дѣло невозможное.

таться это утверждать, но отрицаніе факта не есть еще его уничтоженіе.

Что же касается болѣе позднихъ ступеней, то здѣсь вмѣняемость имѣетъ мѣсто одинаково и въ средѣ гражданскихъ и въ средѣ уголовныхъ правонарушеній, а потому оно не можетъ быть доказательствомъ «положенія» о внутреннемъ состояніи преступника, которымъ якобы руководствовался правоучредитель.

Наконецъ, и само понятіе преступнаго состоянія, какъ «недоброкачественнаго и особенно предосудительнаго» — уже само по себѣ неясно, туманно, и сбивчиво. Вѣдь и гражданскія правонарушенія, а равно и дисциплинарные проступки едва ли являются съ точки зрѣнія правоучредителя доброкачественными и непредосудительными, а потому—качественной разницы между преступными актами и правонарушеніями, нѣтъ, а разъ нѣтъ ее—падаетъ вся попытка разграниченія тѣхъ и другихъ. Что же касается количественной разницы, выражаемой словомъ «особенно», то она уже сама достаточно неясна и неопредѣленна. Почти все сказанное можно приложить и къ другимъ теоріямъ, пытающимся разграничить преступленія отъ простыхъ правонарушеній путемъ указанія на «внутреннее состояніе».

D) Наконецъ, едва ли не самой распространенной теоріей является та теорія, которая differentia specifica уголовныхъ правонарушеній видитъ въ томъ, что они облагаются наказаніемъ. «Уголовныя правонарушенія суть наказуемыя правонарушенія»—вотъ краткое опредѣленіе преступленій съ этой точки зрѣнія [1]). Эта вполнѣ ясная и опредѣленная съ перваго взгляда формула, однако, перестаетъ быть таковой, если внимательно вглядѣться въ ея содержаніе. Прежде всего можно подъ эту формулу подвести рядъ чисто гражданскихъ съ точки зрѣнія кодексовъ правонарушеній, а именно тѣхъ, которые налагаютъ имущественное взысканіе съ виновника въ пользу потерпѣвшаго.

---

1) См. напр., Сергѣевскій. „Наказуемыя нарушенія нормъ суть преступныя дѣянія". „Понятіе преступнаго дѣянія слагается изъ двухъ элементовъ: противоправности и наказуемости op. cit. стр. 47 и слѣд.

Листъ. „Преступное дѣяніе есть фактическое отношеніе, съ которымъ правопорядокъ связываетъ наказаніе, какъ юридич. послѣдствіе". Op. cit. 119.

Таганцевъ „Дѣяніе, чтобы быть преступнымъ, въ смыслѣ уголовно-наказуемаго, должно быть воспрещено закономъ подъ страхомъ наказанія". т. II 821.

Многіе авторы чуть ли не отличительный признакъ гражданскихъ правоотношеній видѣли въ томъ, что они влекутъ за собой не „наказаніе“, а имущественный ущербъ и въ этомъ смыслѣ противопоставляли имущественныя взысканія наказаніямъ. Но, позволительно спросить, развѣ имущественныя наказанія не есть наказанія? Развѣ они сплошь и рядомъ не причиняютъ большее страданіе (въ чемъ обычно видятъ сущность наказанія), чѣмъ хотя бы арестъ или краткосрочное тюремное заключеніе? Въ силу этого мы не можемъ не согласиться съ проф. Сергѣевскимъ, подвергающимъ критикѣ этотъ взглядъ [1]). Это разъ.

Во-вторыхъ, здѣсь не рѣдкость встрѣтить своего рода circulus vitiosus, если прослѣдить далѣе, какъ опредѣяется наказаніе и въ чемъ усматривается его сущность. Обычно сущность наказанія усматривается или въ принужденіи, которое сводится къ причиненію преступнику какого-нибудь лишенія или страданія [2]), или въ порицаніи [3]) или вообще въ причиненіи зла. Но ясное дѣло, что наказаніемъ будетъ не всякое причиненіе зла, страданія, лишенія или порицанія; кто-нибудь можетъ кому-нибудь безъ намѣренія, безъ повода, «ни съ того, ни съ сего» причинить зло, обругать и т. д. (напр., ударить, избить и т. п.) однако—эти акты нельзя назвать наказаніемъ. Наказаніемъ эти мѣры будутъ лишь тогда, когда они вызваны преступленіемъ, когда они являются реакціей на преступленіе. Нѣтъ наказанія безъ преступленія и [4]) логическимъ моментомъ, дѣлающимъ причиненіе, страданія, наказаніемъ является именно взглядъ на него какъ на слѣдствіе преступленія, какъ на реакцію, вызванную послѣднимъ. Значитъ для того, чтобы понятіе наказанія имѣло ясный смыслъ, мы должны уже имѣть ранѣе понятіе преступ-

---

1) См. Сергѣевскій, стр. 60.

2) См. напр. И. Я. Фойницкій. Ученіе о наказаніи 2, 3, 65 и др. СПБ. 1889 г.

3) См. Сергѣевскій. 66—7.

4) См., напр., Кистяковскій. „Наказаніе есть прямое слѣдствіе преступленія. Это есть отраженіе отъ нанесеннаго удара, реакція со стороны об—ва, интересы котораго задѣты преступленіемъ“. 696. „Наказаніе обусловливается преступнымъ дѣяніемъ“. Фойницкій Op. cit. 27. „Только тѣ мѣры, которыя принимаются Государствомъ противъ лицъ, учинившихъ преступныя дѣянія вслѣдствіе такого учиненія“ являются наказаніемъ Таганцевъ. 825 и слѣд.

ленія. Зная, что такое преступленіе, мы можемъ тотъ или иной актъ отнести къ нему, а потому и реакцію, вызванную имъ, назвать наказаніемъ. Если же у насъ нѣтъ понятія преступленія, то мы не можемъ знать и что такое наказаніе, т. к. не всякое причиненіе страданій будетъ наказаніемъ, а только то, которое вызвано преступленіемъ.

Теперь понятно, почему мы теоріи, выдѣляющія уголовн. правонарушенія по признаку наказанія, назвали порочными. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь понятіе преступленія конституируется въ зависимости отъ понятія наказанія, а понятіе наказанія, въ свою очередь, опредѣляется въ зависимости отъ понятія преступленія. Получается кругъ. Неизвѣстное X опредѣляется черезъ У, а У въ свою очередь черезъ X — понятно, что подобное уравненіе довольно трудно рѣшить.

Не будемъ далѣе излагать другія попытки различенія уголовныхъ правонарушеній отъ другихъ „неправдъ“, а равно и приводить возможныя возраженія.

Сказанное позволяетъ намъ заключить, что основныя попытки указать differentia specifica преступленій, попытки, почти всецѣло базирующіяся на кодексахъ, стремящіяся согласовать свои опредѣленія только съ кодексами,—малоудачны и, во всякомъ случаѣ, весьма спорны [1]).

II. Эта спорность станетъ еще большей, если мы примемъ во вниманіе слѣдующее. Въ предыдущемъ мы допустили, какъ истину, общее опредѣленіе правонарушеній, гласящее, что „правонарушенія есть дѣянія, нарушающія нормы правопорядка“. Эта часть вообще почти не возбуждаетъ споровъ среди догматиковъ уголовнаго права. Но достаточно небольшой вдумчивости, чтобы и эту «общепризнанную» половину опредѣленія признать весьма спорнымъ и, во всякомъ случаѣ, чисто словеснымъ опредѣленіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, чтобы это опредѣленіе было содержательно, оно требуетъ, по меньшей мѣрѣ, 1) яснаго понятія права и правопорядка вообще и 2) яснаго понятія государства.

---

[1]) Въ силу этого нельзя не согласиться съ тѣми авторами, которые утверждаютъ, что нѣтъ принципіальной разницы между неправдой наказуемой и неправдой не наказуемой. (См. напр. Таганцевъ Ibid § 12 и слѣд.)

Понятіе права требуется потому, что оно лежитъ въ основѣ самого опредѣленія, а понятіе государства потому, что многіе теоретики уголовнаго права, какъ и вообще правовѣды, во-первыхъ, само понятіе права ставятъ въ зависимость отъ государства, утверждая, что нормы права—это нормы, установленныя государствомъ, а во-вторыхъ, потому, что многіе криминалисты прямо подчеркиваютъ, что преступленіе и наказаніе, какъ правовыя явленія, внѣ государства быть не могутъ. Отсюда понятно, почему опредѣленіе для своей ясности требуетъ наличности этихъ понятій.

Обращаясь къ курсамъ мы, однако, весьма рѣдко находимъ хотя бы попытки опредѣленія этихъ явленій. А между тѣмъ, кому-же неизвѣстно, что въ настоящій моментъ эти два понятія—права и государства—представляютъ изъ себя монеты, совершенно истершіяся отъ слишкомъ частаго употребленія и потерявшія всякій сколько-нибудь опредѣленный смыслъ. Одинъ подъ ними понимаетъ одно, другой—другое. Общеобязательнаго пониманія ихъ нѣтъ de facto.

Любому студенту, сдавшему экзаменъ по энциклопедіи права и по государственному праву, извѣстно, что право и государство всякимъ толкуются по своему образцу.

Отсюда понятно, что введеніе этихъ понятій въ опредѣленіе преступленія и наказанія безъ ихъ предварительной definitio представляетъ изъ себя ничто иное, какъ денежную операцію съ денежными знаками, цѣнность и значеніе которыхъ совершенно неизвѣстны. А потому немудрено, что и все опредѣленіе представляетъ изъ себя уравненіе съ одними неизвѣстными, рѣшеніе котораго невозможно. Первое x въ опредѣленіи—государство, второе—x право и правопорядокъ, третье x differentia specifica уголовныхъ правонарушеній. Ни одинъ математикъ не сумѣлъ бы распутать и рѣшить подобное уравненіе, и сказалъ бы, что для рѣшенія его нужны извѣстныя величины, а ихъ-то и нѣтъ у насъ...

Таковъ второй основной дефектъ общеупотребительныхъ опредѣленій преступленія и наказанія.

III. А изъ этихъ дефектовъ въ свою очередь, какъ «изъ зараженнаго источника» проистекаютъ новыя погрѣшности и нелогичности...

а) Почти всѣ авторы подъ преступнымъ дѣяніемъ разумѣютъ противоправное дѣяніе лишь въ томъ случаѣ, к о г д а о н о

совершено человѣкомъ, да еще «вмѣняемымъ». Разъ такъ, то казалось бы само собой отсюда должно слѣдовать отрицаніе преступности противоправныхъ актовъ, совершенныхъ не людьми, или же людьми невмѣняемыми. Слѣдовало бы ожидать, что авторы заявятъ, что подобныя дѣянія, не совпадающія съ ихъ опредѣленіемъ, въ силу простой логики, не входятъ и не могутъ входить въ классъ преступленій.

Однако, тѣ же авторы сплошь и рядомъ на той же страницѣ, не смущаясь, начинаютъ говорить о „преступленіяхъ“, совершенныхъ коровами, пѣтухами, юридическими лицами, невмѣняемыми людьми, о процессахъ противъ нихъ и т. д., бывшихъ въ предыдущіе вѣка...

Они называютъ ихъ не просто актами, а именно «преступленіями» и такимъ образомъ даютъ примѣръ того, какъ можно давать опредѣленіе и какъ можно въ дальнѣйшемъ совершенно забывать его, оставивъ безплоднымъ въ сторонѣ.

Введеніе въ понятіе преступленія въ качествѣ его элемента принципа вмѣняемости обязываетъ (логически) автора къ одному изъ двухъ выводовъ: или онъ долженъ совершенно исключить изъ области преступленій всѣ правонарушенія, совершаемыя невмѣняемыми субъектами. Тогда онъ долженъ прямо заявить, что преступленій до сравнительно недавняго времени въ человѣческомъ мірѣ не было, такъ какъ не существовало раньше самого понятія вмѣняемости.

Или же онъ долженъ оговориться, что его опредѣленіе преступленія не есть опредѣленіе теоретическое, изучающее преступленіе съ точки зрѣнія сущаго, такимъ, какимъ оно дано въ дѣйствительности, а опредѣленіе практическое, исходящее изъ принципа долженствованія и отвѣчающее на вопросъ: что должно считаться преступленіемъ, а не на вопросъ: что есть преступленіе и чѣмъ оно было.

Въ первомъ случаѣ область преступныхъ актовъ весьма бы сузилась, пришлось бы отрицать наличность преступленія въ рядѣ общественныхъ союзовъ, относившихъ къ преступнымъ актамъ тѣ или иные акты не по субъективной ихъ сторонѣ, а по сторонѣ объективной.

Ясно, что такой выводъ показался бы весьма спорнымъ и потому ясно, что дѣлать его не безопасно.

Второй же выводъ не дѣлается вслѣдствіе того, что въ уго-

ловномъ правѣ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, уголовная политика смѣшивается съ уголовной теоріей, должное съ сущимъ. Поэтому немудрено, что это смѣшеніе проявляется и въ частныхъ положеніяхъ науки о преступленіи и наказаніи.

Вмѣсто этихъ выводовъ, какъ можетъ убѣдиться каждый, догматики уголовн. права предпочитаютъ разрубать Гордіевъ узелъ и пожертвовать элементарными законами логики въ пользу какихъ-то неизвѣстныхъ мотивовъ...

в) Подобную же непослѣдовательность можно констатировать и въ рядѣ другихъ вопросовъ. Такъ, напр., въ вопросѣ о наказаніи, какъ институтѣ публично-правовомъ и частно-правовомъ. Обычно въ опредѣленіяхъ его авторы исходятъ изъ положенія, что наказаніе, какъ правовое явленіе, дано только въ государствѣ и представляетъ фактъ публично-правового характера. Но затѣмъ въ той же книгѣ авторы сплошь и рядомъ переходятъ къ кровной мести въ первобытныхъ группахъ, осуществляемой отдѣльными лицами и семьями; безъ всякаго стѣсненія называютъ этотъ институтъ наказаніемъ и начинаютъ съ него исторію наказанія...

Мы не будемъ приводить дальнѣйшихъ примѣровъ, долженствующихъ показать неблагополучное состояніе современной догматики уголовн. права. Сказанное позволяетъ намъ думать, что здѣсь можетъ быть больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, требуются „реформы“ и новые пути и особенно раздѣленіе точекъ зрѣнія теоретической и практической.

Какъ уже было замѣчено, почти всѣ опредѣленія, даваемыя курсами уголовнаго права, догматичны и имѣютъ въ виду точку зрѣнія того уголовнаго позитивнаго права, которое въ данный моментъ является фиксированнымъ въ соотвѣтствующихъ уголовныхъ уложеніяхъ. А само уголовное уложеніе преслѣдуетъ задачи практическія и поэтому вполнѣ понятно, что опредѣленія преступленія, по существу лишь воспроизводящія опредѣленія уголовныхъ уложеній,—также принимаютъ характеръ практическій, пригодный для уголовной политики, но не для теоріи преступленій.

Мы же здѣсь разсматриваемъ вопросъ теоретически, а не практически. Мы здѣсь не спрашиваемъ, что должно считаться преступленіемъ, а спрашиваемъ: каковы общія свойства того класса поступковъ (дѣйствій, воздержаній и терпѣній), ко-

торые въ различныя времена и у различныхъ народовъ считались «преступными» и вызывали ту или иную реакцію, которая получила названіе каръ или наказаній?

Въ силу какихъ условій тотъ или иной актъ той или иной группой или тѣмъ или инымъ человѣкомъ причислялся къ категоріи «преступныхъ»?

Вслѣдствіе какихъ причинъ этотъ «преступный» актъ вызывалъ и вызываетъ въ видѣ реакціи со стороны ли отдѣльнаго лица, или группы, или публичной власти рядъ актовъ, именуемыхъ карой?

Вотъ вопросы, которые стоятъ передъ теоретическимъ изслѣдователемъ, вопросы, совершенно отличные отъ того, какіе акты мы д о л ж н ы считать преступными? Какъ должны мы ихъ наказывать? какъ должны бороться съ ними?—Все это уже дѣло практической дисциплины—уголовной п о л и т и к и, которая стоитъ въ такомъ же отношеніи къ т е о р і и „преступленій и наказаній“, какъ практическая медицина (терапія и гигіена) къ біологіи (физіологіи, анатоміи и пр.) или прикладная агрономія къ ботаникѣ и органической химіи.

Теоретическая постановка проблемы „преступленія и наказанія“ не разъ уже дѣлалась и не малое число отвѣтовъ можно было бы привести въ качествѣ примѣровъ того или иного разрѣшенія данной проблемы. Приведемъ типичнѣйшіе отвѣты: «Преступленіе есть поступокъ, совершаемый членомъ данной соціальной группы, и разсматриваемый остальными сочленами въ качествѣ поступка настолько вреднаго для группы или предполагающаго такую степень анти-соціальнаго настроенія (Gesinnung) у исполнителя, что первые, стремясь защитить свое благосостояніе, реагируютъ на него публично, открыто и коллективно». Отсюда понятно, что «преступленіе есть не только—государственное, но и общественное явленіе»—таково опредѣленіе Макаревича [1]).

Это опредѣленіе можетъ считаться типичнымъ для весьма многочисленныхъ послѣдователей утилитаризма, начиная съ ряда англійскихъ мыслителей (Бентамъ, Милль, Спенсеръ и др.),—являющихся главнѣйшими теоретиками и основателями этого теченія.

---

[1]) M a k a r e w i c z. Einführung... стр. 80 и 99.

Въ глубинѣ этого опредѣленія лежитъ предпосылка, что „въ основѣ каждой соціальной нормы лежитъ соціальная польза“ [1]).

Хотя это опредѣленіе преступленія и ясно, но оно не вѣрно по той простой причинѣ, что множество нормъ, (и едва ли не большинство) создалось безъ всякихъ утилитарныхъ соображеній (объ этомъ ниже. См. главу VII)—это разъ; невозможно найти дѣйствительную пользу въ громадномъ числѣ нормъ—это два, можно указать рядъ соціальныхъ нормъ, которыя были прямо вредны для охранявшаго его общества—три; при репрессіи, слѣдовавшей за нарушеніемъ опредѣленной нормы,—сплошь и рядомъ не возникало никакого представленія о пользѣ—четыре [2]). Въ виду всего этого опредѣленіе Макаревича, какъ и всѣхъ сторонниковъ утилитаризма, придется отбросить, какъ опредѣленіе неточное.

Дюркгеймъ опредѣляетъ преступленіе такъ: „поступокъ преступенъ, когда онъ оскорбляетъ сильныя и опредѣленныя состоянія коллективнаго сознанія“, понимая подъ коллективнымъ сознаніемъ „совокупность вѣрованій и чувствъ, общихъ, въ среднемъ, членамъ одного и того же общества, образующихъ опредѣленную систему, имѣющую свою собственную жизнь“. [3])

Но это опредѣленіе неясно. Какъ установить, какое состояніе коллективнаго сознанія сильно; гдѣ критерій этого? А главный его недостатокъ заключается въ томъ, что онъ имѣетъ въ виду только акты, „оскорбляющіе сознаніе группы, коллектива“. Но развѣ не могутъ быть случаи, гдѣ поступки и состоянія сознанія коллектива оскорбляютъ индивида? Иначе говоря, развѣ индивидъ не можетъ разсматривать какъ преступленіе рядъ актовъ общества и даже самые а к т ы н а к а з а н і я преступниковъ? Достаточно такъ поставить вопросъ, чтобы отвѣтъ былъ ясенъ. Для примѣра приведу факты. „Прощайте, друзья! мужай-

---

[1]) Макаревичъ. Op. cit. 36, и 44.

[2]) См. ниже.

[3]) Дюркгеймъ. О раздѣл. общ. труда. 64—63. Близкое опредѣленіе даетъ и Д е-Г р а с с е р и. „Le crime... est tout acte consiente qui constitue la violation ou le danger actuel ou ultèrieur, de violation d'un droit prèixistant, et qui engendre un droit penal sanctionné par un droit positive rèalisant une loi naturelle conforme au sentiment moral et au besoin social de conservation, tels qu'ils se trouvent établis en moyenne dans un temps et un lieu donnés „Des principes sociologiques de la criminologie. Paris 1901. 24. Не трудно видѣть, что здѣсь данъ рядъ признаковъ, неясныхъ (loi naturelle) и не вполнѣ совпадающихъ другъ съ другомъ.

тесь. Судьи—это шайка негодяевъ безъ убѣжденій; они сами не знаютъ, что дѣлаютъ и жаждутъ лишь денегъ", такъ писалъ въ своемъ дневникѣ одинъ преступникъ. «Какъ я несчастенъ! Я невиновенъ, а меня держатъ здѣсь за то, что я убилъ человѣка въ то время, какъ на свѣтѣ много людей». Прощай, Гекторъ, Архимедъ тебѣ кланяется. Кто бѣденъ—тотъ расплачивается за всѣхъ. Одиночное заключеніе есть утонченное варварство въ полномъ расцвѣтѣ 19 вѣка. „О, воры.! Эти мерзавцы—судьи губятъ вашъ промыселъ. Не падайте, однако, духомъ и продолжайте ваше дѣло!" [1]).

Или возьмемъ еще тюремную пѣсенку.

Qua sol trovi i fratelli e qua gli amici,
Denari, ben mangiare e allegra pace;
Fuori sei sempre in mezzo ai tuoi nemici;
Se non puoi lavorar muori di fame".

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ, число которыхъ можно увеличить по желанію, мы видимъ, что преступные—съ точки зрѣнія общества—акты ни въ какомъ случаѣ не являются таковыми для самихъ преступниковъ [2]). Напротивъ, для нихъ часто сами „правовыя" нормы общества и, основанныя на этихъ нормахъ, кары являются преступленіемъ, ибо они „оскорбляютъ сильныя и опредѣленныя состоянія сознанія" преступника. Отсюда и вытекаетъ враждебность послѣднихъ къ обществу и желаніе отомстить (покарать) общество за его „преступленіе" по отношенію къ преступникамъ. Кому приходилось имѣть дѣло съ уголовными преступниками—тѣ знаютъ, что это явленіе не исключеніе, а скорѣе правило. Такимъ образомъ, стоя на почвѣ самого же Дюркгейма, видящаго сущность преступленія въ „оскорбленіи

---

[1]) Заимствую у Ломброзо. Новѣйшіе успѣхи науки о преступникѣ. „Изд. Мартынова. СПБ. 1902 стр. 104—109. См. также Достоевскій. Преступленіе и наказаніе. Раскольниковъ также не считалъ свой актъ за преступленіе до его совершенія". „Разсудокъ и воля останутся при немъ неотъемлемо", разсуждалъ онъ, ибо... „Задуманное имъ не преступленіе". т. I. 73. 1894.

[2]) „Въ продолженіе многихъ лѣтъ я не видалъ между этими людьми ни малѣйшаго признака раскаянія и большая часть изъ нихъ внутренно считаетъ себя совершенно правыми. Преступникъ, возставшій на обшество, ненавидитъ его и почти всегда считаетъ себя правымъ, а его виноватымъ", констатируетъ и Достоевскій. Записки изъ мертваго дома. СПБ. 1894 16, см. также, 12, 13, 14, 197 и др.

сознанія", слѣдуетъ его формулу признать неточной. И не нужно думать, что общество съ его правовымъ укладомъ можетъ казаться преступникомъ только категоріи преступниковъ. Всѣ опередившіе „средній уровень и шаблоны поведенія общества",—всѣ они могутъ смотрѣть и смотрятъ на общество и его акты или акты его представителей—какъ на преступленіе. И революціонеръ, „разрушающій устои", и Саванаролла, обличающій современное ему общество, и соціалистъ, бичующій капиталистическое общество, и Прудонъ съ его формулой „собственность—кража", и консерваторъ-роялистъ, отрицающій республику, и т. д.—все это лица, для которыхъ „сильное и опредѣленное состояніе сознанія" общества и вытекающіе изъ него акты—суть преступленія, ибо они оскорбляютъ ихъ индивидуальное сознаніе [2]).

---

[2]) Стоитъ, напр., просмотрѣть судебныя рѣчи ряда преступниковъ и, въ частности, политическихъ преступниковъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что свои акты они вовсе не считали и не считаютъ преступными, а, напротивъ, находятъ ихъ „должными", акты же власти, представителя общества—акты, направленные на ихъ арестъ, а равно и акты наказанія разсматриваютъ не иначе, какъ акты преступные. Приведу одинъ, хотя и не наиболѣе выразительный примѣръ.

„Какую цѣль думали вы достигнуть вашимъ преступленіемъ?" спросили Луккени (убившаго въ 1898 г. въ Женевѣ императрицу Елизавету) на судѣ.

„Отмстить за мою жизнь", былъ его отвѣтъ.

„Раздумывали ли вы о гнусности вашего преступленія и раскаиваетесь ли вы?"—

„Нисколько, вѣдь не раскаялись тѣ, которые преслѣдовали людей въ теченіе 19-ти вѣковъ".

„Если бы надо было повторить подобное совершенному вами, повторили ли бы вы?"

— „Да, я повторилъ бы опять". (Беру у Дриля. См. „Ученіе о преступности и мѣрахъ борьбы съ нею". СПБ. 1912. 360).

Этотъ документъ ясно подтверждаетъ сказанное нами. Кому пришлось читать рѣчи нашихъ террористовъ, напр., судебную рѣчь Каляева,—тѣ знаютъ, что въ нихъ еще рѣзче формулировано ими сознаніе ихъ правоты и преступности карающаго ихъ об-ва.

Да и вообще преступники сплошь и рядомъ имѣютъ аналогичныя же переживанія. Въ рядѣ ихъ пѣсенъ они называютъ себя „добрыми молодцами", ничего „преступнаго" не сдѣлавшими, ничѣмъ не заслужившими кары, общество для нихъ поэтому—„Злой ворогъ", его мѣры противъ нихъ—преступленія, вызывающія у нихъ жажду отмстить за содѣянную по отношенію къ нимъ несправедливость. См. напр. „Пѣсни каторги", собранныя Гартевельдомъ (изд. Антикъ); пѣсни № 2, 23, 26, 29, 35, и др.

Аналогичные факты имѣются и у Ферри. См. его „Уголовн. соціологію". Т. I. СПБ. 1910, 21—24. См. также у Дриля. Op. cit. 354—360, въ особенности же Достоевскаго, въ его „Запискахъ изъ мертваго дома".

Поэтому, допуская правильность формулы Дюркгейма, по меньшей мѣрѣ, необходимо было бы ее дополнить и сказать, «преступленіемъ для кого-нибудь будетъ тотъ поступокъ, который оскорбляетъ сильныя и опредѣленныя состоянія сознанія этого „кого-нибудь“... Но эта формула уже радикально расходится съ Дюркгеймовской...

Помимо юристовъ, какъ извѣстно, не мало потрудились надъ понятіемъ преступленія антропологическая и соціологическая школы въ наукѣ уголовнаго права.

Антропологической школѣ необходимо было выработать общее для всѣхъ временъ и народовъ понятіе преступленія и преступныхъ актовъ для того, чтобы, исходя изъ полученнаго опредѣленія, установить „преступный типъ“ и его разновидности, ибо въ противномъ случаѣ, невозможно было бы и установленіе біологическихъ и антропологическихъ свойствъ преступника...

Изъ ряда многочисленныхъ попытокъ рѣшенія этой задачи остановимся на опредѣленіяхъ преступленія Гарофало и Ферри.

Гарофало въ началѣ своей „Кримонологіи“ ставитъ себѣ такую задачу и разрѣшаетъ ее слѣдующимъ образомъ Онъ отказывается считать преступными тѣ или иные акты только потому, что таковыми ихъ считаетъ кодексъ. Онъ ищетъ болѣе глубокихъ причинъ. Изучая исторію актовъ, которые въ разное время считались преступными, онъ не находитъ возможности тѣ или иные акты сами по себѣ причислить къ числу преступныхъ, а обращается къ анализу психики, въ частности чувства. (Il faut changer de méthode, abandonner l'analyse des actions et entreprendre celle des seintéments стр. 5).

Въ результатѣ онъ приходитъ къ такому опредѣленію „естественнаго преступленія“, т.-е. акта, который всегда и вездѣ считался и былъ преступнымъ: „Il existe un sentiment rudimentaire de pitié, possédé par tout l' espèce humaine sous un forme négative, c'est-a-dire, d'abstention de certaines actions cruelles... L'opinion publique a toujours considéré comme des crimes les violations de ce sentiment nuisible à la communauté, ce qui en a fait toujours excepter la guerre et les actes de cruauté ordonnér ou provoqués par des préjuges religieux ou politiques, ou par des institutions sociales et traditionnelles“. („Существуетъ рудиментарное чувство жалости, которымъ обладаетъ весь родъ человѣческій подъ отрицательной формой, т.-е. въ видѣ воздержанія отъ жестокихъ актовъ... Общественное мнѣніе разсматривало всегда какъ преступленія

нарушенія (или оскорбленія) этого чувства, вредныя для об-ва, исключая войны, и актовъ жестокости, требуемыхъ или вызываемыхъ религіозными и политическими предразсудками или традиціонными и соціальными институтами“ [1]). Нѣсколько ниже онъ дополняетъ это опредѣленіе, говоря, что преступный актъ тотъ, который оскорбляетъ основныя альтруистическія чувства —жалость (pitié) и честность (probité), но не въ высшихъ степеняхъ ихъ проявленія, а въ томъ среднемъ размѣрѣ, въ какомъ обладаетъ ими данное общество (la violation blesse, non pas la partie supérieure et la plus délicate de ces sentiments, mais la mesure moyenne dans laquelle ils sont possédés par une communauté, et qui est indispensable pour l'adaptation de l'individu à la société. C'est là ce que nous appellerons crime ou dé'lit naturel [2]).

Нужно ли говорить, что это опредѣленіе „естественнаго преступленія“—опредѣленіе чисто искусственное, не согласующееся ни съ исторической дѣйствительностью, и не пригодное, вслѣдстіе своей неясности, и для уголовной политики. Мы считаемъ излишнимъ критиковать его, повторяя тѣ возраженія, которыя были выдвинуты рядомъ лицъ, и въ частности Колайяни и Ваккаро, съ доводами которыхъ мы не можемъ не согласиться [3]).

Что опредѣленіе Гарофало не соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности—это слѣдуетъ изъ того, что въ исторіи даны акты, которые не оскорбляли „жалости и честности“ и, однако, считались преступными—съ одной стороны, и данъ рядъ актовъ, оскорблявшихъ жалость и честность, и тѣмъ не менѣе не считавшихся преступными—съ другой... Примѣрами актовъ перваго рода могутъ быть: чародѣйство, непризнаніе догматовъ той или иной вѣры (инквизиція и религіозныя преступленія), сознательное или безсознательное нарушеніе ряда шаблоновъ, не имѣющихъ ничего общаго съ чувствами жалости и честности.

Съ другой стороны—достаточно указать на дѣтоубійство, отцеубійство, убійство рабовъ, женъ и дѣтей, кражу, которая у многихъ народовъ считалась даже добродѣтелью и т. д. Правда, Гарофало могъ бы на это отвѣтить тѣмъ, что не нужно

---

[1]) Гарофало. La criminologie. Paris. 1890 г. 34. См. всю гл. Le dèlit naturel.

[2]) Ibid. стр. 38—39.

[3]) См. N. Colajanni. La sociologia criminale. Catania. т. I. 1889. 52—65. Vaccaro. Genesi e funzione delle leggi penali. Torino. 1908 г. Гл. Del delitto naturale.

понимать жалость и честность въ нашемъ смыслѣ, а нужно понимать ихъ такъ, какъ понимали сами группы. Но тогда, спрашивается, какой же смыслъ имѣютъ слова „жалость и честность", разъ подъ ними понимаются всевозможнѣйшія вещи: разъ и кража, и отрицаніе кражи есть честность, разъ и убійство, и отрицаніе убійства есть жалость. Въ такомъ случаѣ „жалость и честность" становятся пустыми звуками, или ничего не содержащими или же все включающими; иначе говоря, опредѣленіе Гарофало становится рѣшеніемъ уравненія, состоящимъ въ томъ, что неизвѣстное X (преступленіе) замѣняется неизвѣстными Y и Z (pitié et probité). Таково оно и есть по существу, не говоря уже о томъ, что помимо этихъ неизвѣстныхъ въ опредѣленіе введены еще другія неизвѣстныя: „чувство" (sentiments), „средній уровень", и т. д.

Поэтому, вполнѣ правы Колайяни и Ваккаро, когда говорятъ, что „ни въ фактахъ, ни въ человѣческихъ поступкахъ, вы не найдете ничего, что могло бы дать вамъ естественное преступленіе, которое вы ищете, apriopi рѣшивъ найти его" (che a priori vi siete posto in mente di ritrovare) [1].

Съ другой стороны, опредѣленіе Гарофало обладаетъ тѣмъ же недостаткомъ, что и опредѣленіе Дюркгейма, а именно оно отождествляетъ, выражаясь языкомъ Ваккаро, юридическую защиту (difesa guiridica) съ защитой общества (difesa sociale), тогда какъ фактически почти въ каждомъ обществѣ акты, считающіеся преступными съ юридической (оффиціально-коммунальной) точки зрѣнія, вовсе не являются таковыми съ точки зрѣнія всѣхъ членовъ этого общества; равнымъ образомъ юридическая защита путемъ наказаній тѣхъ или иныхъ преступниковъ не равнозначна защитѣ всего общества, а представляетъ только защиту его привиллегированной части (domitori), защиту, которая для другихъ элементовъ общества сплошь и рядомъ является простымъ притѣсненіемъ, насиліемъ и, если угодно, преступленіемъ [2].

Чувства жалости и честности, свойственныя привиллегированной группѣ, могли быть и были (что доказывается возстаніями рабовъ) съ точки зрѣнія другой части той же communauté (группы), оскорбленіями ихъ чувствъ „жалости и честности", т.-е. преступленіями. Поэтому вмѣсто mesure moyenne de communaute, нужно

---

[1]) Ваккаро. Genesi e funzione... 150.
[2]) Ibid. 43—66 и др.

было бы сказать—„средняго уровня альтруистическихъ чувствъ жалости и честности"—каждаго человѣка. Но это опять-таки уже опредѣленіе совершенно расходящееся съ опредѣленіемъ Гарофало...

Не приводя другихъ возраженій, на основаніи сказаннаго мы можемъ заключить, что опредѣлить преступленіе путемъ указанія конкретныхъ актовъ, считавшихся якобы преступными всѣми народами и во всѣ времена,—дѣло безнадежное. Логика „конкретныхъ вещей", оперирующая сравненіемъ изъ разнороднаго матеріала преступныхъ актовъ всѣхъ временъ и группъ предполагаемаго „общаго ядра",—здѣсь, какъ и вообще въ соціальныхъ наукахъ,—безсильна [1]). Она должна быть замѣнена логикой отношеній и функціональныхъ взаимозависимостей...

Все сказанное почти цѣликомъ относится и къ Ферри съ той только разницей, что Гарофало послѣдовательно проводитъ свои принципы, а Ферри въ одномъ мѣстѣ даетъ одно опредѣленіе преступленія, черезъ страницу другое, а еще черезъ страницу—третье, и каждое изъ нихъ противорѣчитъ одно другому... На стр. 123 перваго тома „Уголовной соціологіи" онъ говоритъ: „Разсматривая хотя бы только историческій періодъ развитія человѣчества, мы убѣждаемся, что воръ и убійца по ихъ противообщественнымъ инстинктамъ всегда считались преступниками, какимъ бы критеріемъ ни руководилось законодательство въ своихъ репрессіяхъ" [2]),.въ примѣчаніи онъ, возражая Legrain'y, добавляетъ: „Кто, напримѣръ, еще споритъ о растлѣніи, сопровождавшемся убійствомъ? Кто отрицаетъ, что это есть преступленіе, т.-е. противочеловѣческое и противообщественное дѣяніе?" Нужно ли опровергать Ферри? Если акты убійства, воровства и растлѣнія съ убійствомъ—сами по себѣ преступны, преступны по своей сущности,—то какъ же согласовать это съ безчисленнымъ рядомъ фактовъ, гдѣ убійство вовсе не считалось преступленіемъ. Достаточно указать на jus vitae necisque pater familias, на дѣтоубійство, отцеубійство, насилованіе и убиваніе женъ и дѣвушекъ, и т. п. факты, обычные въ древности и совершенно не считавшіеся преступными актами. Достаточно, далѣе, указать на рядъ народовъ, у которыхъ кража и грабежъ

---

[1]) См. великолѣпную критику логики „сравненій и выбираній" у Л. І. Петражицкаго. Введеніе... 1-я часть.

[2]) Ферри. Уголовн. соц. т. I. 123.

не только не были преступленіями, но, напротивъ—считались добродѣтелью [1]).

Мало того, и въ настоящее время рядъ убійствъ (убійство на войнѣ, въ случаѣ необходимой самообороны, смертная казнь, и т д.) не только не считаются преступными актами, но, напротивъ, еще награждаются, какъ акты доблестные. Поэтому, говорить, что убійство и кража всегда были преступными актами—значитъ, заниматься той „силлогистикой", въ которой Ферри обвиняетъ всѣхъ, не согласныхъ съ нимъ.

Онъ, впрочемъ, и самъ понимаетъ ненадежность своей позиціи и черезъ страницу даетъ новое опредѣленіе преступленія. «Не наименованіе и не установленное закономъ опредѣленіе человѣческихъ дѣяній имѣетъ значеніе для уголовной антропологіи (при квалификаціи к. н. акта—какъ акта преступнаго П. С.), а личныя побужденія, лежащія въ основѣ этихъ дѣяній. Преступникъ же, въ своей типичной формѣ прирожденнаго преступника, является для антрополога криминалиста индивидомъ, надѣленнымъ антиобщественными инстинктами" [2]).

Значитъ дѣло уже не въ самомъ характерѣ акта, а въ мотивахъ, его вызвавшихъ. Но что значитъ выраженіе ,,личныя побужденія" и совпадаетъ ли оно съ ,,антиобщественными инстинктами?" Я думаю, что всякій актъ любого человѣка вызванъ ,,личными побужденіями", а потому отождествлять акты „личнаго побужденія" съ антиобщественными актами нельзя. Ферри, очевидно, разумѣетъ подъ первыми „эгоистическіе" акты, гдѣ въ жертву своимъ интересамъ приносятся общественные интересы. Разъ такъ обстоитъ дѣло, то очевидно подъ преступные акты подойдутъ какіе угодно акты, а не только убійство и кража, потому что общественные интересы предписывали въ качествѣ должныхъ и убійство и не убійство, и жестокость и милосердіе, и ненависть и любовь, и скупость и расточительность, и правду и ложь, и кражу съ грабежомъ и охрану собственности, и насиліе и „неприкосновенность личности", и педерастію съ публичнымъ „развратомъ" (религіозный гетеризмъ и т. п.) и воздержаніе отъ половой жизни (аскетизмъ) и т. д. Спрашивается, въ такомъ случаѣ какъ же согласовать второе опредѣленіе съ

---

[1]) См., напр., С п е н с е р ъ. Научн. основ. нравственности. СПБ. 1896 г. 350–369.

[2]) Ферри. Op. cit. 125, см. также 129, 150 и др.

первымъ. Но мало того, индивидъ можетъ совершить поступки изъ чисто эгоистическихъ побужденій (личный мотивъ), и, тѣмъ не менѣе, эти акты могутъ совпасть съ общественными интересами, слѣд., не будутъ „антиобщественными инстинктами"; и обратно, можетъ совершить поступокъ, противорѣчащій общественнымъ нормамъ, и, тѣмъ не менѣе, вызванный не эгоистическимъ разсчетомъ, а исполненіемъ высшаго долга. Примѣромъ перваго типа могутъ служить тѣ лица, которыя, пользуясь нормами закона, мстятъ своимъ недругамъ, основательно или неосновательно обвиняя ихъ въ нарушеніи нормъ, охраняемыхъ правомъ, и вообще лица, совершающія рядъ поступковъ ради узкихъ эгоистическихъ выгодъ, но т. к. эти выгоды не противорѣчатъ нормамъ права, то они и не считаются за преступленіе.

Примѣрами второй категоріи могутъ служить Христосъ, мученики, Сократъ, Гуссъ, и т. д., несомнѣнно нарушавшіе общественныя нормы, но столь же несомнѣнно дѣйствовавшіе не изъ „личныхъ побужденій", а во имя „высшаго долга".

Спрашивается, которая изъ этихъ двухъ категорій есть преступная категорія. Первая дѣйствуетъ изъ личныхъ побужденій (эгоизма), но не нарушаетъ общественныхъ нормъ; вторая нарушаетъ нормы, но дѣйствуетъ не изъ „личныхъ побужденій" (эгоизма). Опредѣленіе Ферри предполагаетъ, что антиобщественность и эгоизмъ, общественность (соблюденіе нормъ) и альтруизмъ всегда совпадаютъ. Но это, какъ мы видѣли, предположеніе совершенно ошибочное, благодаря этому и дальнѣйшее различеніе «атавистической и эволюціонной преступности»—теряетъ raison d'etre [1]), а вмѣстѣ съ этимъ, помимо другихъ возраженій, терпитъ фіаско и все опредѣленіе преступленія.

Ферри, очевидно, сознаетъ и самъ непрочность своей позиціи и обращается за помощью къ опредѣленію Гарофало. [2]) Но о Гарофало мы уже говорили, да Ферри, въ концѣ концовъ, и самъ долженъ признать неудачность его опредѣленія [3]).

Послѣ цѣлаго ряда зигзаговъ мысли Ферри принужденъ сознаться, что „намъ вовсе не такъ ужъ важно знать, какія именно аномаліи преступники обнаруживали десять—двѣнад-

---

1) См. Ферри. Угол. соціол. т. II, СПБ. 1912 стр. 70.
2) См. т. I. 127.
3) Ibid. См. 132.

цать тысячъ лѣтъ тому назадъ, или какія обнаруживаютъ современные дикари, такъ какъ мы занимаемся уголовной соціологіей лишь постольку, поскольку она касается настоящаго момента и ближайшаго будущаго современныхъ культурныхъ народовъ, а отнюдь не для того, чтобы метафизически выводить абсолютные и вѣчные законы". Это одно; а другое мѣсто гласитъ: опредѣленіе преступленія „должно быть выдвинуто въ концѣ, а не въ началѣ изслѣдованій по уголовной соціологіи", и напрасно, Гарофало пытался дать опредѣленіе «délit naturel» [1]).

Эти положенія, съ обычнымъ для Ферри «помаваніемъ главы» на счетъ «метафизиковъ», «эклектиковъ» и т. п. (какоювыми являются всѣ несогласные съ Ферри) есть ничто иное, какъ росписка въ своей несостоятельности...

Первая оговорка означаетъ, что понятіе преступленія для Ферри совпадаетъ съ современнымъ позитивно-юридическимъ понятіемъ, противъ котораго онъ самъ же протестовалъ и смѣло хотѣлъ найти «прирожденныя» преступленія, въ зависимости отъ чего хотѣлъ опредѣлить типъ «прирожденнаго» преступника. А второе замѣчаніе означаетъ уже полный скептицизмъ и полное банкротство въ своихъ попыткахъ, что, однако, Ферри, врагу «логики и силлогизмовъ», не мѣшаетъ въ дальнѣйшемъ продѣлывать удивительныя логическія операціи, и говорить объ «естественной и атавист.» преступности, объ убійствѣ и кражѣ, какъ „извѣчныхъ" преступленіяхъ и т. д.

Но разъ нѣтъ опредѣленія преступленія или же оно совпадаетъ съ даннымъ позитивно-юридическимъ понятіемъ, исторически измѣнчивымъ и непостояннымъ, то позволительно было бы спросить, въ зависимости отъ чего же классифицируются люди на категоріи преступныхъ и не преступныхъ? Гдѣ тѣ критеріи, которые позволяли бы устанавливать антропологическія свойства преступниковъ? Во что же превращается сама уголовная антропологія? и т. д. [2]).

---

[1]) Ibid. Стр. 126—127, 128.

[2]) Какъ извѣстно антропологическая школа пыталась сказать свое слово и въ соціологіи вообще (работы Аммона, Лапужа, Гобино, Реймера, Вольтмана и др.). Вмѣсто непосредственной ихъ критики, которая завела бы слишкомъ далеко въ сторону, я позволю отослать читателя къ работамъ Ж. Фино „Préjugé des Races" (Alcan) и „Агонія и смерть человѣческихъ расъ" (Изд. Столяра), гдѣ достаточно основательно разсмотрѣны предпосылки этой школы и не менѣе основательно показана ихъ ложность.

Такъ какъ въ мою задачу не входитъ изложеніе всѣхъ главнѣйшихъ опредѣленій преступленія, то я ограничусь приведенными примѣрами и перейду къ краткому развитію тѣхъ положеній по отношенію къ преступленію, которыя вытекаютъ изъ вышеустановленныхъ посылокъ...

* * *

Итакъ, сейчасъ передъ нами задача опредѣленія преступленія, т.-е. выдѣленія класса опредѣленныхъ актовъ, обладающихъ одинаковой природой и одинаковыми признаками...

Для достиженія этой цѣли прежде всего напомнимъ, что нельзя признаковъ класса „преступныхъ“ актовъ искать внѣ психики... „Преступнымъ“ бу-

---

Что же касается антропологической школы въ наукѣ уголовнаго права, критика которой также не входитъ въ мою задачу, то по этому поводу замѣчу лишь слѣдующее: Что бы мы сказали о томъ ботаникѣ, который вздумалъ бы классифицировать растенія въ зависимости отъ признаковъ „красивый и некрасивый“? Сказали бы, вѣроятно, что такой ботаникъ—плохой ботаникъ, т. к. такая классификація научно негодна вслѣдствіе того, что „на вкусъ и цвѣтъ—товарища нѣтъ“, что понятіе красивыхъ цвѣтовъ и некрасивыхъ—различно въ различныя времена и у различныхъ людей...

Такой же попыткой намъ кажется и попытка чисто-антропологической школы устанавливать категоріи преступныхъ лицъ и непреступныхъ. Критеріемъ такой классификаціи можетъ быть только понятіе преступленія и преступныхъ актовъ. Но разъ это такъ (а иначе быть не можетъ), то необходимо, чтобы эти понятія были устойчивы и не текучи, такъ какъ только въ этомъ случаѣ, благодаря біологическимъ законамъ и, въ частности, закону приспособленія къ средѣ и повторенія однѣхъ и тѣхъ же функцій при одинаковыхъ условіяхъ, можетъ выработаться специфическій антропологическій типъ. (Кстати говоря, Ферри настолько увлекся, что отрицаетъ общепринятое положеніе: „функція создаетъ органъ“, чѣмъ, до нѣкоторой степени, подрываетъ свою собственную теорію, базисомъ которой можетъ быть только это положеніе, потому что въ противномъ случаѣ необъяснимо ни возникновеніе преступныхъ типовъ, ни передача преступныхъ побужденій. См. т. I стр. 100. II,—14; и см. также своеобразную трактовку закона наслѣдственности и отношеніе къ теоріи Вейсмана т. I. 81.).

Если же само понятіе преступленія измѣнчиво и различно въ различныя времена, а равнымъ образомъ—различно въ различныхъ общественныхъ группахъ въ одно и то же время—то вполнѣ понятно, что попытка установленія преступнаго типа должна кончиться неудачей, ибо въ этомъ случаѣ „преступный типъ“ не будетъ представлять нѣчто единое,—совокупность индивидовъ, имѣющихъ общія черты, выработанные сходствомъ жизненныхъ условій—а будетъ просто совокупностью случайно объединенныхъ индивидовъ, куда должны войти Христосъ и Іуда, Сократъ и Геростратъ,

детъ и можетъ быть тотъ или иной актъ не самъ по себѣ, а лишь въ томъ случаѣ, когда въ психическомъ переживаніи кого-нибудь онъ квалифицируется какъ преступный. Если бы мы попытались исключить эту чисто психическую природу преступленія—мы бы не усмотрѣли въ актахъ ничего, кромѣ простыхъ актовъ, т. е. движеній двухъ или большого числа тѣлъ, имѣющихъ опредѣленную форму, опредѣленную скорость и т. п. Въ этомъ случаѣ поступки людей были бы тѣмъ, чѣмъ они являются въ глазахъ физика, изучающаго ихъ „какъ частные виды взаимодѣйствія двухъ или большого числа тѣлъ", какъ частный случай сложнаго взаимодѣйствія, изучаемаго вообще механикой...

Это взаимодѣйствіе было бы въ этомъ случаѣ однороднымъ съ взаимодѣйствіемъ двухъ камней, но только болѣе сложнымъ

профессіональный убійца и революціонеръ. Мало того, одинъ и тотъ же человѣкъ принужденъ будетъ войти въ категорію и преступныхъ и непреступныхъ лицъ. Съ точки зрѣнія осудившихъ Сократа грековъ—онъ былъ преступникъ, и антропологъ долженъ искать въ немъ черты преступнаго типа. Съ моей точки зрѣнія—Сократъ честнѣйшій и святой человѣкъ и тотъ же антропологъ—криминалистъ не долженъ искать въ немъ преступныхъ чертъ. Торквемада, сжегшій ad majorem gloriam Dei 20,000 „еретиковъ" и кафрскій царекъ Мосселикатси, умертвившій безконечное число своихъ подданныхъ—съ нашей точки зрѣнія будутъ преступниками, съ точки зрѣнія своего времени они были героями. Опять-таки криминалистъ въ одно и то же время и долженъ, и не долженъ въ нихъ искать преступныхъ чертъ. То же, mutatis mutandis, относится и ко всѣмъ преступникамъ. Поэтому вполнѣ понятно, что антропологическіе показатели получились самые разнообразные, а равнымъ образомъ—столь же разнообразны и теоріи происхожденія преступныхъ типовъ—теорія вырожденія, физическаго и психическаго атавизма, сумасшествія, эпилепсіи и т. д. (См. объ этомъ. Тардъ—„Сравнительная преступность"—passim, и въ особенности „Преступникъ и преступленіе" Москва, 1906 г. Принсъ. Преступность и общество. Colajanni La sociologia criminale 6-ю главу 249—343 и др.).

Такимъ образомъ, мы считаемъ совершенно невозможнымъ установленіе антропологическаго типа преступника, въ виду измѣнчивости самого понятія преступленія. См. объ этомъ же превосходныя замѣчанія проф. Фойницкаго. Ученіе о наказ. 37. Дриля Op. cit. 336—7, Гернета. Соц. факторы преступности, Таганцева и др.

Сказаное, конечно, не означаетъ, что мы признаемъ безплодной работу, сдѣланную криминалистами антропологами. Нѣтъ!—мы считаемъ въ высшей степени плодотворной ихъ работу. Не говоря уже о рядѣ реформъ, какъ въ области теоріи, такъ и практики, вызванныхъ ею исключительно, мы считаемъ и ея поиски преступнаго типа не безполезными, но только вогъ въ какомъ отношеніи.

и разнообразнымъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ психики, какъ напр., въ взаимодѣйствіи камней, тамъ нѣтъ и преступныхъ формъ взаимодѣйствія и взаимоотношенія. Гдѣ нѣтъ индивида, одареннаго психической жизнью,—нѣтъ и не можетъ быть никакихъ преступныхъ актовъ. Не въ томъ или иномъ характерѣ акта, заключается его „преступность", а въ томъ, что этотъ актъ кѣмъ-нибудь п с и х и ч е с к и переживается, какъ преступный, какъ запрещенный... Чѣмъ былъ бы, напр., преступный актъ убійства, если бы была исключена эта психическая точка зрѣнія? Онъ въ этомъ случаѣ былъ бы приблизительно слѣдующимъ и мы его описали бы приблизительно такъ. „Даны два тѣла: тѣло А (называемое „индивидомъ" Иваномъ) и тѣло В (называемое также „индивидомъ" Петромъ). Эти два тѣла въ данный моментъ находятся на разстояніи n метровъ и каждое изъ нихъ издаетъ

Антропологическая школа по недоразумѣнію ищетъ „преступный типъ". Такого типа нѣтъ, ибо, какъ уже выше было указано, нѣтъ ни одного акта, который бы во всѣ времена всѣми считался преступнымъ. Но зато есть типы убійцъ, воровъ, насильниковъ.—Во всѣхъ убійцахъ одинаковое то, что они убійцы; въ ворахъ то—что они воры. С о в е р ш е н н о о т с т р а н я я в о п р о с ъ о т о м ъ, п р е с т у п н и к и о н и, и л и н ѣ т ъ, антрополог-криминалистъ можетъ изучать рядъ этихъ лицъ, принадлежащихъ къ одному типу (будетъ ли это убійца-каторжанинъ, или убійца-палачъ, храбрый солдатъ—убійца многихъ непріятелей, или же революціонеръ, убившій нѣсколько враговъ, Ахиллесъ или Моссиликатси, и т. д).

Результатомъ изученія будетъ установленіе „типа убійцы", но не преступника. Такимъ же образомъ, можетъ быть установленъ типъ вора, типъ развратника, скупого, расточителя, обманщика, лжеца и т. д. Вопросъ же о томъ, преступники они или нѣтъ,—будетъ зависѣть отъ того, кто какъ понимаетъ преступленіе и съ чьей точки зрѣнія посмотримъ на этотъ вопросъ: съ точки зрѣнія ли тѣхъ, которые кричали Пилату „распни, распни его;" или насъ, видящихъ въ Христѣ—идеалъ нравственности и святости.

Такъ какъ работа криминалистовъ-антропологовъ въ значительной степени шла въ этомъ направленіи, то вполнѣ понятно, почему мы, считая установленіе „преступнаго типа" недоразумѣніемъ, въ то же время признаемъ за антропол. школой рядъ крупнѣйшихъ заслугъ. Мы не можемъ не согласиться съ слѣдующими словами В а к а р р о: Insomma, voi lo compendete io voglio dire, che la nozione dei crimine spetta exlusivamente al sociologo criminalista, e che non è lecito all' antropologo di affermare che Tizio sia delinquente nato o de occasione e simile; l'antropologo deve limitarsi esclusivamente a dire se Tizio abbia, delle anormalie fisiche, psichiche o emozionali; se le infermità o la degeneratione di cui é travagliato, si debbano a cause creditarie o sopravvenute; insomma deve guardare l'uomo in sè stesso, e non mai guidicare ell' apprezzare la natura et il valore guiridico sociale delle sue tendenze e delle sue azioni". V a c c a r o. Genesi e funzione—leggi penali. 213—214. см. также 219, 220

рядъ звуковъ, имѣющихъ различный тонъ и тэмбръ, и каждое изъ нихъ производитъ рядъ движеній своими частями (назыв. „руками, головой и т. д.). Черезъ n минутъ тѣло A приближается къ тѣлу B, сталкивается съ нимъ, тѣло B изъ вертикальнаго положенія переходитъ въ горизонтальное, тѣло A падаетъ параллельно съ нимъ, его органы (руки) окружаютъ часть тѣла B (шею), и черезъ m минутъ тѣло A удаляется, а B остается неподвижнымъ". Вотъ чѣмъ былъ бы актъ убійства, если бы наблюдалъ и описывалъ его нѣкоторый воображаемый „безпсихическій" индивидъ. А всякій актъ самъ по себѣ состоитъ только изъ такихъ движеній, перемѣщеній и т. п. Самый прекрасный микроскопъ и самый тщательный химическій анализъ не откроютъ въ самихъ актахъ ни малѣйшаго атома преступности. Только психическое переживаніе индивида дѣлаетъ эти акты „преступными".

Изъ сказаннаго вытекаютъ нижеслѣдующія основныя положенія.

1) Преступленіе можетъ быть только психическимъ явленіемъ и классъ преступныхъ явленій есть классъ специфическихъ психическихъ процессовъ, переживаемыхъ тѣмъ или инымъ индивидомъ.

2) Опредѣлить признаки преступленія—это значитъ отмѣтить признаки специфическаго класса психическихъ переживаній.

3) Такъ какъ психическія переживанія даны только въ индивидѣ, то при опредѣленіи преступленія и преступныхъ дѣяній можно стоять только на точкѣ зрѣнія того или иного индивида, т. е. точкой отнесенія неизбѣжно становится индивидъ. Тотъ или иной актъ м. б. преступленіемъ лишь съ чьей-нибудь точки зрѣнія, т. е. или индивида или группы индивидовъ.

4) Для каждаго индивида преступными будутъ тѣ акты (facere abstinere и pati) дѣйствительные или воображаемые, свои или чужіе, которые возбуждаютъ въ немъ соотвѣтственныя специфическія переживанія.

Таковы основныя положенія, неизбѣжно вытекающія изъ тезиса, что преступность есть явленіе чисто психическое, а не внѣшнее [1]).

---

[1]) Плохо бы насъ поняли, если-бы вывели отсюда, что психическая природа преступленія дѣлаетъ преступленіе чисто воображаемымъ, а не реальнымъ явленіемъ. Психическое не менѣе реально, чѣмъ непсихически ве-

Изъ этихъ положеній, въ свою очередь, вытекаютъ такія правила:

1) Нельзя искать признаковъ „преступности“ въ самомъ содержаніи или въ матеріальномъ характерѣ тѣхъ или иныхъ актовъ. Нѣтъ ни одного акта, дѣйствительнаго или воображаемаго, который по своей матеріальной природѣ былъ бы преступнымъ или запрещеннымъ. Разнообразные акты, „называемые“ убійствомъ и спасеніемъ, ложью и искренностью, обманомъ и правдой, жестокостью и милосердіемъ, кражей и раздаваніемъ собственности, лѣченіемъ ранъ и нанесеніемъ ранъ, альтруистическими поступками и эгоистическими актами и т. д. и т. д.— всѣ эти и другіе, противоположные другъ другу, акты, не являлись и теперь еще не являются сами по себѣ преступленіями или добродѣтельными поступками. Одинъ и тотъ же актъ даже въ одной и той же группѣ могъ быть и преступленіемъ и подвигомъ, въ зависимости отъ того, какія переживанія онъ возбуждалъ въ индивидѣ, кѣмъ выполнялся и противъ или въ пользу кого онъ былъ направленъ, напр., актъ убійства, если онъ былъ направленъ противъ врага или чужеземца,—былъ подвигомъ, если же направленъ былъ противъ своеродцевъ,— считался преступленіемъ съ точки зрѣнія однихъ и тѣхъ же лицъ. Если хозяинъ убивалъ раба—поступокъ съ точки зрѣнія хозяина и др. не считался за преступленіе, если же рабъ убивалъ хозяина—его поступокъ квалифицировался какъ актъ преступный... И теперь еще за убійство врага на войнѣ одни и тѣ же лица даютъ награды, но за убійство въ мирное время того же иноземца посылаютъ на каторгу. То же относится и къ кражѣ и ко всѣмъ другимъ актамъ. Ложь и обманъ въ нормальныхъ условіяхъ мы считаемъ за нѣчто предосудительное, недопустимое; но та же ложь въ сферѣ дипломатическихъ отношеній—

щественное. Поэтому отождествлять психичность съ нереальностью нѣтъ никакой возможности...

Точно также тезисъ о томъ, что преступленіе дано только въ психикѣ индивида, нельзя толковать въ томъ смыслѣ, что мы игнорируемъ соціальное происхожденіе преступленія и представляемъ себѣ индивида какой-то изолированной единицей. Преступленіе дано только въ психикѣ индивида, какъ реальность, какъ специфическій процессъ, но это не мѣшаетъ думать (см. ниже гл. VII), что самъ-то этотъ процессъ возникъ благодаря соціальному общенію. Иначе говоря, не надо смѣшивать принципы систематики (феноменологіи) опредѣленнаго явленія съ вопросомъ объ его происхожденіи или генезисѣ.

возводится въ принципъ и награждается. Говорить правду—мы считаемъ соціальной необходимостью, но говорить правду, напр., врагу, во время военныхъ дѣйствій, врагу, который требуетъ отъ попавшаго въ плѣнъ солдата свѣдѣній о количествѣ, расположеніи и планахъ войска, къ которому принадлежитъ этотъ солдатъ,—мы считаемъ вещью недопустимой, клеймимъ терминами „измѣна“, „предательство“ и такъ или иначе караемъ. Поэтому, говорить вмѣстѣ съ Гарофало, Ферри и др. о томъ, что тотъ или иной актъ по своей природѣ преступенъ,—никоимъ образомъ невозможно.

2) Нельзя, далѣе, считать преступленіемъ, какъ думаютъ многіе, акты, причиняющіе страданіе, въ силу того только, что они причиняютъ страданіе. Можетъ быть данъ рядъ актовъ, причиняющихъ страданіе кому-нибудь, но не возбуждающихъ въ душѣ этого же или другихъ индивидовъ специфическаго душевнаго процесса, въ силу котораго эти акты должны были бы считаться преступными. Такъ, напр., полиція, сплошь и рядомъ, „при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей“ причиняетъ рядъ психическихъ и физическихъ страданій, однако, сплошь и рядомъ, эти акты не квалифицируются, какъ лично пострадавшими, такъ и другими лицами, какъ акты преступные. Они не вызываютъ специфическаго процесса въ ихъ психикѣ, а потому и не могутъ быть преступными. Не квалифицируются, далѣе, какъ преступные и тѣ акты, причиняющіе страданіе, которые дѣлаются, напр., для „блага“ терпящихъ страданіе индивидовъ, напр., акты хирурга, доктора, подчасъ причиняющіе не малое страданіе, или же акты педагога, съ педагогическими цѣлями нерѣдко вызывающаго у ученика рядъ переживаній съ отрицательнымъ чувственнымъ тономъ...

Иначе говоря, хотя преступные акты и причиняютъ въ большинствѣ случаевъ то или иное страданіе, но логическимъ моментомъ, дѣлающимъ ихъ преступными, являются не страданія, а то, что они возбуждаютъ специфическое душевное переживаніе.

Итакъ, для того, чтобы опредѣлить классъ преступныхъ актовъ, необходимо охарактеризовать тѣ признаки специальныхъ психическихъ переживаній, наличность которыхъ въ „душѣ“ индивида и обусловливаетъ собою квалификацію имъ тѣхъ или иныхъ актовъ, какъ актовъ преступныхъ.

Эта задача по существу уже выполнена была нами выше, при классификаціи трехъ основныхъ категорій психическихъ процессовъ, которыми сопровождаются воспріятіе или представленіе своихъ или чужихъ актовъ.

Тамъ было указано, что какъ при совершеніи своихъ, такъ и при воспріятіи чужихъ актовъ, а равно и при простомъ представленіи того или иного поведенія мы испытываемъ не одинаковыя душевныя переживанія, а переживанія качественно различныя. Одни акты и виды поведенія, какъ свои, такъ и чужіе, мы переживаемъ и сознаемъ какъ акты „дозволенные или должные“ „справедливые“ и приписываемъ себѣ и другимъ то право на ихъ совершеніе (facere), то право на ихъ „пріятіе“ (accipere), то право на ихъ нетерпѣніе (non-pati), то обязанность ихъ совершить (facere), то обязанность ихъ терпѣть (pati), то обязанность воздерживаться отъ нихъ (abstinere).

Это распредѣленіе взаимныхъ правъ и обязанностей дано почти у всѣхъ людей (см. примѣч. на стр. 91). Какъ бы разнообразны и сложны ни были взаимоотношенія, возникающія между индивидомъ и другими, а равно и среди другихъ индивидовъ между собою, для каждаго конкретнаго случая у каждаго индивида уже есть своего рода „рецептъ“, что дозволено одной сторонѣ и къ чему обязана другая, каковъ тотъ видъ взаимоотношенія, который по мнѣнію индивида будетъ „справедливымъ“, „нормальнымъ“ или должнымъ въ данномъ случаѣ. Какимъ образомъ появляются въ индивидѣ подобныя представленія должнаго и не должнаго поведенія этотъ вопросъ насъ здѣсь не интересуетъ, важно то, что они есть. Какъ уже выше было указано, наша психика при совершеніи и воспріятіи подобныхъ актовъ остается такъ сказать нейтральной, въ ней не возникаетъ ни ненависти, ни любви, ни злобы, ни благодарности.

Если, теперь, индивидъ совершаетъ или воспринимаетъ или представляетъ актъ, противорѣчащій его представленіямъ дозволенно-должнаго поведенія—актъ уже вызываетъ въ душѣ его иныя переживанія. Противорѣчіе переходитъ въ оскорбленіе, оскорбленіе вызываетъ вражду иногда доходящую до ненависти, актъ произвольно начинаетъ казаться чѣмъ-то отрицательнымъ, отталкивающимъ и получаетъ въ итогѣ рядъ различныхъ названій говорящихъ объ его морально—отрицательномъ характерѣ. Акты преступные, запрещенные, безнравственные, грѣшные, несправедливые, беззаконные, не должные и т. д.—всѣ эти акты

имѣютъ между собой то важное сходство, что они противорѣчатъ дозволенно-должному поведенію индивида и, съ этой точки зрѣнія, всѣ они суть акты однородные, хотя и носятъ различныя названія, въ зависимости отъ того, въ какой сферѣ они совершаются (въ религіозной ли, или въ нерелигіозной и т. д.).

Въ каждомъ преступномъ актѣ даны, по меньшей мѣрѣ, два элемента психической жизни: a) представленіе „запрещеннаго“ акта и b) отталкивательная эмоція. А такъ какъ „запрещенность“ (а равно и несправедливость, беззаконность, грѣховность, безнравственность, непозволительность и т. д.). акта сводится, въ конечномъ счетѣ, къ противорѣчію съ представленіемъ „дозволенно-должнаго“ поведенія, то элементъ a можно замѣнить представленіемъ акта „противорѣчащаго представленію дозволенно-должнаго“ поведенія. Къ этимъ двумъ основнымъ элементамъ преступнаго акта въ дальнѣйшемъ очень часто присоединяется чувственный элементъ—страданіе: преступный актъ дѣйствительно-совершенный, а иногда и просто представленный, очень часто вызываетъ переживаніе, сопровождающееся отрицательнымъ чувственнымъ тономъ. А на почвѣ этихъ элементовъ въ дальнѣйшемъ уже самопроизвольно возникаетъ рядъ чувственно-эмоціональныхъ процессовъ: переживанія „оскорбленія“, вражды, ненависти, желанія отмстить и т. д.

Эти специфическія переживанія—даны почти у всѣхъ людей всѣхъ временъ и народовъ [1]). У первобытныхъ народовъ эти запрещенные акты называются различными словами; этнографы дали этимъ актамъ общее нарицательное названіе „табу“, взятое у полинезійцевъ.

Такими „запрещенными“ актами являются съ точки зрѣнія любого индивида акты, противорѣчащіе тѣмъ поступкамъ и тому

---

[1]) За исключеніемъ лицъ, страдающихъ моральной тупостью и моральнымъ идіотизмомъ. Но для такихъ лицъ, разъ у нихъ нѣтъ этихъ специфическихъ переживаній, само собой ясно, не существуетъ и преступленій, наказаній и должныхъ актовъ. Они въ этомъ случаѣ ничѣмъ не отличаются отъ коровъ, или шмелей, у которыхъ мы не найдемъ этихъ переживаній, а потому не найдемъ у нихъ и квалификацію актовъ: то какъ должныхъ, то какъ запрещенныхъ, то какъ рекомендованныхъ. Правда, нѣкоторые біопсихологи не мало говорили о „сознаніи долга“, преступленія и т. п. у муравьевъ и пчелъ, но, какъ показали позднѣйшія изслѣдованія, въ частности, работы В. А. Вагнера, всѣ эти „разговоры“ были лишь грубой антропомор-

шаблону поведенія, который осознается имъ какъ „должный". Иначе говоря преступные или запрещенные акты суть акты, противорѣчащіе „дозволенно—должному" шаблону поведенія.

Таково простѣйшее опредѣленіе преступленія. Слѣдовательно, общимъ признакомъ всего класса преступныхъ актовъ и преступнаго поведенія (съ точки зрѣнія любого индивида) будетъ признакъ противорѣчія ихъ съ поведеніемъ и актами, осознаваемыми какъ „дозволенно—должные" (противорѣчіе аттрибутивно-императивнымъ переживаніямъ). Это представленіе „противорѣчащаго" акта приводитъ въ дѣйствіе отталкивательную эмоцію, а къ нимъ затѣмъ уже можетъ присоединиться рядъ новыхъ психическихъ элементовъ: чувствъ, эмоціи и т. д.

Это опредѣленіе преступленія по своему логическому характеру—абсолютно (всѣ акты и виды поведенія, обладающіе указаннымъ признакомъ а, будутъ преступными съ точки зрѣнія соотвѣтственнаго индивида). Но по содержанію самихъ актовъ, вызывающихъ эти переживанія „запрещенности" въ томъ или иномъ индивидѣ, оно относительно. Относительно—въ томъ смыслѣ, что оно допускаетъ квалификацію какихъ угодно актовъ, въ качествѣ актовъ преступныхъ. Если кто-нибудь приписываетъ родителю право убивать всѣхъ своихъ дѣтей, а имъ—обязанность подставлять себя подъ ножъ отца („должное" поведеніе съ точки зрѣнія даннаго индивида), то всѣ акты дѣтей, коль скоро они попытались бы оспаривать и бороться противъ такихъ поползновеній родителя, квалифицировались бы такимъ лицомъ, какъ акты преступные. Если же кто-нибудь считаетъ обязанностью родителей не бить дѣтей, а ихъ правомъ—не терпѣть побоевъ („должное" взаимоотношеніе), то, очевидно, всякій актъ родителя, реализующійся въ видѣ тѣхъ или иныхъ побоевъ,—

физаціей. (См. Вагнеръ. Біо-психологія т. I и т. II). Впрочемъ, если бы даже у муравьевъ и найдена была муравьиная квалификація поведенія подъ указанныя рубрики—это значило бы, что и имъ свойственны вышеочерченныя психическія переживанія, и наше положеніе отъ этого ничуть бы не измѣнилось. Вобще нашъ тезисъ гласитъ: гдѣ даны указываемыя нами специфическія психическія переживанія—тамъ дано и преступленіе, и должный актъ, и подвигъ. Гдѣ нѣтъ первыхъ—нѣтъ и послѣднихъ. Поэтому, если бы даже у камня была указана наличность первыхъ, тогда бы и въ мірѣ камней были даны „преступленіе камней" и „подвиги камней".

съ точки зрѣнія такого лица будетъ преступнымъ. Вообще говоря, всякій актъ потенціально можетъ быть преступнымъ, если соотвѣтственными будутъ представленія должнаго поведенія у того или иного субъекта... Говоря образно и сравнивая осознаніе акта въ качествѣ преступнаго съ свѣтомъ прожектора, мы можемъ сказать, что „преступный" свѣтъ или цвѣтъ акта находится не въ немъ самомъ, а въ психикѣ индивида. Какъ ночью освѣщаются только тѣ предметы, на которые падаетъ свѣтъ прожектора, такъ и „преступнымъ цвѣтомъ" окрашиваются лишь тѣ акты, на которые психика индивида (въ зависимости отъ возбужденія въ ней соотвѣтств. переживанія) наводитъ или налагаетъ эту „преступно-запретную" окраску...

Изъ сказаннаго будетъ понятно, почему различными людьми квалифицировались какъ преступные акты—акты чисто воображаемые, не имѣющіе внѣпсихическаго бытія (акты духовъ, вѣдьмъ, чертей, ангеловъ и т. д.) или „акты" „неодушевленныхъ" или не одаренной психикой (съ нашей точки зрѣнія) предметовъ, утесовъ, деревьевъ, животныхъ и т. д. (см. ниже).

Подобныя „ошибки" объясняются съ этой точки зрѣнія чрезвычайно просто.

Разъ въ соотвѣтствующемъ индивидѣ они казались преступными и возбуждали въ немъ соотвѣтственныя переживанія—онъ и квалифицировалъ ихъ въ качествѣ актовъ запрещенныхъ.

Таково въ основныхъ чертахъ понятіе класса преступныхъ актовъ или преступленій.

До сихъ поръ отправнымъ пунктомъ нашего анализа былъ индивидъ и характеръ его психическихъ переживаній; теперь ничто не мѣшаетъ намъ выйти за его предѣлы въ соціальную группу...

Если одинъ и тотъ же актъ или рядъ актовъ будетъ противорѣчить шаблону „ложнаго" поведенія цѣлой группы лицъ, то этотъ актъ будетъ преступленіемъ для всей этой группы лицъ. А такъ какъ группы взаимодѣйствующихъ индивидовъ извѣстны подъ различными названіями: то тотэмическаго клана, то рода, то семьи, то церкви, то научнаго общества, то государства—то тѣмъ самымъ могутъ быть даны акты, преступные съ точки зрѣнія тотэма, рода, семьи, государства, церкви и т. д.--лишь бы они вызывали въ психикѣ ихъ членовъ соотвѣтственныя переживанія. Такова сущность и опредѣленіе актовъ, являющихся преступными съ точки зрѣнія коллектива.

§ 2.

„Подвигъ“.

Выяснивъ понятіе преступленія, теперь мы должны были бы перейти къ понятію наказанія; но, какъ видно будетъ ниже, наказанія являются кореллятомъ по отношенію къ наградамъ, а потому гораздо удобнѣе изучать ихъ параллельно; въ виду этого мы и займемся теперь краткимъ анализомъ «услужныхъ» актовъ или «подвиговъ», а затѣмъ уже перейдемъ къ параллельному изученію наказаній и наградъ.

Прежде чѣмъ анализировать понятіе „подвига“ или услуги, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о положеніи вопроса о подвигахъ и наградахъ въ современной наукѣ права. А это положеніе довольно любопытно и можетъ служить любопытной иллюстраціей „курьезовъ“ научной мысли. Этотъ „курьезъ“ въ данномъ случаѣ заключается въ томъ, что въ то время, какъ одинъ разрядъ фактовъ соціальной жизни (преступленія—наказанія) обратилъ на себя исключительное вниманіе научной мысли,—другой разрядъ фактовъ, не менѣе важныхъ и играющихъ не меньшую соціальную роль, почти совершенно игнорируется тою же научною мыслью. Мы говоримъ о „подвигахъ и наградахъ“. Преступленія и наказанія служатъ и служили до сихъ поръ единственнымъ объектомъ изслѣдованія представителей общественныхъ наукъ и теоретиковъ уголовнаго права. Подвиги же и награды— какъ совершенно равноправная категорія, какъ громадный разрядъ соціальныхъ явленій—огромному большинству юристовъ и соціологовъ даже и неизвѣстны.

Въ то время, какъ наука о преступленіи и наказаніи (уголовное право)—выросла до громадныхъ размѣровъ и получила характеръ гипертрофическій, наука о подвигахъ и наградахъ или, если угодно,—наградное право?—даже и не значится въ числѣ научныхъ дисциплинъ.

Правда, уже давно были сдѣланы попытки создать ее. Не говоря уже о полицеистахъ 18-го вѣка (Вольфъ, Юсти, Joch и др.), отводившихъ наградѣ роль равную съ наказаніемъ, достаточно указать на цѣлый трактатъ Бентама „Теорія наградъ“[1]). И въ болѣе близкую намъ эпоху время отъ времени раздавались го-

---

[1]) См. J. Bentham. Oeuvres, т. II Theorie des récompenses.

лоса о необходимости такой науки. Но эти голоса раздавались и терялись, не находя отклика въ широкихъ сферахъ представителей науки. Такимъ образомъ и эти отдѣльныя попытки окончились неудачей.

А между тѣмъ уже давнымъ-давно было сказано, наряду съ изреченіемъ „начало премудрости—страхъ наказанія“—изреченіе „не принимай даровъ“, ибо „дары слѣпыми дѣлаютъ зрячихъ“[1]). Если въ древнихъ кодексахъ, какъ напр., въ Библіи, въ „Законѣ Ману“, въ законахъ Гаммураби, въ книгѣ Мертвыхъ и т. д. мы находимъ кары, въ изобиліи расточаемыя за совершеніе преступныхъ актовъ, то не въ меньшемъ изобиліи мы находимъ тамъ и награды.

Поэтому, казалось бы, такое игнорированіе ихъ не должно имѣть мѣсто. Но, фактъ остается фактомъ; игнорированіе на лицо и его приходится констатировать. „Что за дѣло юристу до вознагражденія? вполнѣ справедливо иронизируетъ Іерингъ. Въ наше время никакого; въ наше время разработкѣ его ввѣрено лишь наказаніе!“ [2])

Но, къ счастью, въ послѣднее время все чаще и чаще начинаютъ раздаваться голоса въ пользу громаднаго значенія услугъ и наградъ и въ пользу обоснованія спеціальной научной дисциплины, изучающей эти явленія.

Тотъ же Іерингъ уже очертилъ и, въ общемъ довольно удачно, категорію явленій подвига или услуги и награды, въ главномъ совпадающую съ опредѣленіемъ Бентама, которое мы привели выше [3]).

„Вознагражденіе, говоритъ Іерингъ, въ болѣе обширномъ смыслѣ представляется противоположеніемъ наказанію; общество наказываетъ того, кто провинится предъ нимъ, оно награждаетъ того, кто оказываетъ предъ нимъ заслугу. Средину между образомъ дѣйствія того и другого занимаетъ дѣятельность лица, которая не болѣе и не менѣе, какъ только что соотвѣтствуетъ требованіямъ закона. Такимъ образомъ, мы получаемъ соотвѣтствующія другъ другу понятія о преступленіи и наказаніи, о заслугѣ и вознагражденіи, о легаль-

---

1) Книга Іисуса сына Сирахова гл. 1., Исходъ, 23 гл.
2) Іерингъ. Цѣль въ правѣ. Т. I. 140.
3) См. стр. 58.

номъ и правовой охранѣ“ [1].—Аналогично же разсматриваетъ соціальныя взаимоотношенія и De—la Grasserie, посвящающій въ своей книгѣ“ О соціологическихъ принципахъ криминологіи“ цѣлыхъ три страницы эскизу наградного или „преміальнаго“ права. Другое право, говоритъ онъ, право симметричное съ правомъ пенальнымъ и неизвѣстное какъ криминалистамъ, такъ и криминологистамъ (inconnu des criminalistes à la fois et des criminogistes), это есть право преміальное. Преступленію или нарушенію права долженъ быть противопоставленъ героизмъ или необязательная добродѣтель, выходящая изъ границъ (нормальной или обязательной) добродѣтели“. „Это есть уже преизобиліе (surabondance), альтруизма, тогда какъ преступленіе есть ничто иное, какъ изобиліе эгоизма“ [2].

И въ Россіи имѣется рядъ лицъ, которыя уже давно говорятъ о необходимости наградного права.

Въ качествѣ примѣровъ можно указать, напр., на проф. Л. І. Петражицкаго и на проф. Н. А. Гредескула.

Первый въ рядѣ своихъ лекцій не разъ касался этого вопроса и набрасывалъ основныя черты этой будущей дисциплины. А второй въ своей книгѣ „Къ ученію объ осуществленіи права“ достаточно рѣзко подчеркнулъ не только воздѣйствіе права на жизнь путемъ принужденія и каръ, но и путемъ обѣщаній выгодъ и наградъ. [3])

Теперь, послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, перейдемъ къ опредѣленію подвиговъ или услугъ.

Все, сказанное выше о психической природѣ преступленія, приложимо и здѣсь. И подвигъ или услужный актъ является таковымъ не благодаря своему матеріальному характеру, а благодаря тому, что у каждаго человѣка опредѣленный рядъ актовъ, какъ своихъ, такъ и чужихъ, сопровождается психическимъ переживаніемъ sui generis, не совпадающимъ ни съ переживаніемъ „долженствованія“ (правомочія и обязанности), ни съ переживаніемъ „запрещенности“ или преступности“.

Поэтому приходится и здѣсь difterentia specifica „услужныхъ“

---

[1]) Іерингъ. Ibid. 140.

[2]) De-la-Grasserie. Des principes sociologiques de la Criminologie. Paris. 1901. 28—32.

[3]) См. Н. А. Гредескулъ. Къ ученію объ осуществленіи права. Харьковъ 1901 г. § 3 и 4.

актовъ искать въ характерѣ соотвѣтствующаго психическаго переживанія.

Этотъ своеобразный психическій процессъ, извѣстный почти каждому по собственнымъ переживаніямъ, можно охарактеризовать слѣдующими признаками: для каждаго изъ насъ „услужными“ являются тѣ акты (какъ свои, такъ и чужіе), которые во-первыхъ не противорѣчатъ нашимъ „должнымъ“ шаблонамъ, во-вторыхъ, выходятъ по своей „добродѣтельности“ за предѣлы „обязанности“, въ силу этого они добровольны и никто не можетъ притязать на нихъ, а равно выполняющій ихъ не сознаетъ себя „обязаннымъ“ выполнять ихъ (въ формѣ ли facere, или pati, или abstinere).

Слѣдовательно, три черты характеризуютъ услужный актъ: 1) его непротиворѣчіе съ переживаніемъ „долженствованія“... Въ силу этого онъ всегда разсматривается какъ морально-положительный, въ противоположность преступнымъ актамъ, всегда квалифицируемымъ, какъ акты морально-отрицательные. Это происходитъ въ силу того, что „должные“ шаблоны поведенія въ силу „долженствованія“ всегда являются нормой и мѣрой „справедливости“. Долженствованіе есть синонимъ справедливости. А поэтому, разъ услужные акты (подвиги) не противорѣчатъ должнымъ, а такъ сказать представляютъ высшія сверхнормальныя степени справедливости—то, понятно,—они не могутъ квалифицироваться въ качествѣ морально-отрицательныхъ. Преступные же акты, противорѣчащіе должнымъ актамъ, всегда должны переживаться, какъ акты несправедливые и морально-отрицательные.

2) Его „сверхнормальность“ или избытокъ „добродѣтельности“ [1]). Эта черта выражается въ томъ, что притязать на эти акты или вмѣнять ихъ въ обязанность нельзя.

3) А эта черта въ свою очередь указываетъ на третій признакъ—признакъ „добровольности“ этихъ актовъ.

---

[1]) Выражаясь языкомъ Еллинека, „должные“ акты можно охарактеризовать, какъ акты представляющіе „минимумъ моральности“, подвигами же или рекомендованными актами будутъ тѣ акты, которые выходятъ за предѣлы этого минимума. См. Еллинекъ. Соціально-этическое значеніе права, неправды, наказанія. Москва. 1910 г. стр. 48.

Если совершитъ субъектъ услуги свой актъ—его добрая воля; не совершитъ—тоже его добрая воля. Претендовать на него я не могу.

Въ силу сказаннаго, для каждаго индивида или для совокупности индивидовъ „подвигами“ будутъ всѣ тѣ акты, какъ свои, такъ и чужіе, которые надѣляются или переживаются ими, какъ акты, обладающіе вышеуказанными свойствами.

Таковы основные признаки услужныхъ актовъ, которые мы далѣе будемъ называть просто „подвигами“...

Анализируя свои психическія переживанія, каждый индивидъ найдетъ въ своемъ поведеніи эту категорію фактовъ, наряду съ другими—должными актами и преступленіями. Нѣкоторые примѣры были приведены мной выше (см. стр. 48 и сл.).

Само собой разумѣется, что различные люди могутъ относить къ числу подвиговъ конкретно-различные акты (въ зависимости отъ того, какое поведеніе и какіе акты они считаютъ должнымъ), но всякій актъ, квалифицируемый ими какъ актъ услужный (подвигъ) будетъ обладать указанными чертами.

Въ силу этого въ каждой общественной группѣ и во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ мы должны встрѣтить различеніе этихъ трехъ разрядовъ: должныхъ, преступныхъ и „услужныхъ“ актовъ.

Что эти три категоріи даны въ современномъ обществѣ—это несомнѣнно: для этого достаточно указать съ одной стороны на сводъ законовъ, устанавливающій права и обязанности каждаго члена; съ другой—на уголовные кодексы, въ которыхъ перечислены запрещенные акты, и съ третьей—на рядъ привиллегированныхъ „правъ“, которыя могутъ быть получены только по выполненіи ряда поступковъ, не обязательныхъ ни для кого и никому не навязываемыхъ, но рекомендуемыхъ индивиду съ обѣщаніемъ наградъ и привиллегіей за ихъ выполненіе. Такъ, напр., поступать въ университетъ съ точки зрѣнія государства никто не обязанъ—въ противоположность отбыванію воинской повинности—но если кто-нибудь поступитъ и кончитъ—ему обѣщается дипломъ и рядъ „правъ“, сверхнормальныхъ по сравненію съ правами не учившихся. Точно также получить степень магистра не вмѣняется въ обязанность студенту, но если онъ выполнитъ рядъ актовъ (напишетъ диссертацію и etc.)—ему обѣщается рядъ наградъ и т. д. Подобныхъ рекомендованныхъ нормъ поведенія

можно найти сколько угодно въ любой части свода законовъ, не говоря уже о живой соціальной дѣйствительности, гдѣ они фигурируютъ на каждомъ шагу.

Но, можетъ быть, этихъ категорій нѣтъ въ первобытныхъ группахъ? Вмѣсто отвѣта достаточно указать на такъ называемое „обычное право“ каждой группы, представляющее рядъ нормъ „должнаго“ поведенія. Достаточно далѣе указать на широкую распространенность запретовъ въ первобытныхъ группахъ, констатированныхъ всѣми этнографами и получившихъ нарицательное названіе „табу“, взятое у полинезійцевъ и прилагаемое теперь ко всѣмъ запретамъ первобытныхъ группъ. Въ виду того, что любая работа по этнографіи и первоб. культурѣ даетъ множество фактовъ, свидѣтельствующихъ о наличности у первобытныхъ группъ переживаній долга и запрещенности—приводить примѣры, показывающіе, что у дикарей дѣйствительно имѣется „различіе“ должныхъ и „запрещенныхъ“ актовъ, я считаю излишнимъ [1]).

Болѣе сомнительно—есть ли у первобытныхъ людей различеніе рекомендованныхъ актовъ—подвиговъ. Однако, данныя этнографіи не допускаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія и въ этомъ пунктѣ.

У племенъ Сомакіе и Донакіе, напр., рабу не вмѣняется въ обязанность убивать враговъ своего господина; но таковое поведеніе рекомендуется и если рабъ убьетъ 10 враговъ—(совершитъ подвигъ) онъ можетъ получить болѣе высшее общественное положеніе—награду (свид. Паулички [2])). Храбрость и хитрость, хотя вмѣняется въ обязанность членамъ группы, но имѣетъ свои предѣлы; квалифицированная исключительная храбрость есть уже не должный, а рекомендуемый поступокъ, за который виновникъ этого подвига получаетъ рядъ наградъ, то въ видѣ выбора его предводителемъ и начальникомъ группы, то въ видѣ представленія ему большаго числа женъ и т. д. Далѣе, у ряда племенъ, какъ, напримѣръ, у Такули, устраивать пиры въ пользу всѣхъ сочленовъ группы есть актъ рекомен-

---

1) См. матеріалъ въ ст. М. Ковалевскаго. Les origines de devoire. Revue intenn. de sociol. 1892. II кн.; много матеріала даетъ также Дюркгеймъ. Les formes élémentaires... 427 и слѣд. Спенсеръ. Основанія нравственности. Ч. II. Индукція этики. Основанія соціологіи. т. II ч. 5-я. Летурно. Эволюція нравственности и т. д.

2) См. Ковалевскій. Соціологія. т. II. 176.

дуемый, но не обязательный. Кто устроитъ—тотъ получаетъ рядъ почестей, хотя бы въ видѣ выбора его въ старѣйшины [1]). Не приводя многочисленныхъ фактовъ, такъ такъ съ „подвигами и наградами“ мы еще будемъ имѣть не мало дѣла, ограничусь приведеніемъ одного изъ многочисленныхъ мѣстъ Иліады, гдѣ выражено и психическое переживаніе рекомендованнаго акта. Ахиллесъ, собирающійся отплыть обратно изъ-подъ стѣнъ Иліона, не сознаетъ себя вовсе „обязаннымъ“ остаться, и другіе ахейцы во главѣ съ Агамемнономъ не думаютъ, что Ахиллесъ „обязанъ“ это сдѣлать. Они не т р е б у ю т ъ отъ него, чтобы онъ остался, а п р о с я т ъ или рекомендуютъ остаться, обѣщая ему за этотъ подвигъ различные дары—награды. А Ахиллесъ, раздумывая, остаться ли ему или уѣхать, вовсе не переживаетъ никакой эмоціи „связанности“. Напротивъ, онъ „чувствуетъ“ себя вполнѣ свободнымъ.

„Слышалъ отъ матери я, говоритъ онъ, среброногой богини Θетиды, будто двоякія парки конецъ моей жизни готовятъ:

Е с л и о с т а н у с ь я з д ѣ с ь, вкругъ твердыни Троянцевъ сражаясь, М н ѣ н е в е р н у т ь с я в ъ о т ч и з н у, з а т о б у д у с л а в о й б е з с м е р т е н ъ.

Если жъ домой я отправлюсь, въ любезную отчую землю, Слава погибнетъ моя, но за то стану самъ долговѣченъ“. И затѣмъ, если и рѣшается остаться, говоря:

„Пусть же умру я скорѣй!“, то не по обязанности, а потому, что

„Смерти никто не избѣгъ, даже самъ Геркулесъ непреклонный... Также и я, если жребій подобный меня ожидаетъ,

Лягу сраженный, но р а н ь ш е д о б у д у в е л и к у ю с л а в у“ [2]).

Отсюда видно, что онъ самъ разсматриваетъ свои акты, какъ подвиги, которые должны увѣнчаться наградой въ видѣ славы, которые добровольны и вмѣстѣ съ тѣмъ морально положительны.

Если, далѣе, обратиться, напр., къ древнимъ кодексамъ,—то и здѣсь ясно выдѣлены „подвиги“ среди остальныхъ актовъ поведенія. „Н ѣ т ъ г р ѣ х а въ употребленіи мяса и спиртныхъ напитковъ, ни въ плотскихъ удовольствіяхъ в ъ д о з в о л е н-

---

[1]) Ibid. 188.

[2]) И л і а д а. пер. Минскаго. п. IX. стр. 143 и п. XVIII, стр. 303—4.

ныхъ законномъ случаяхъ, читаемъ мы въ законахъ Ману; ибо таковъ естественный путь созданныхъ существъ; но воздержаніе доставляетъ большія награды“ [1]). Здѣсь ясно выдѣлены добровольность, сверхнормальность и морально-положительный характеръ въ актахъ воздержанія.

Вообще всюду, какъ показано будетъ ниже, гдѣ въ соціальной группѣ есть „привиллегированныя“ лица—тѣмъ самымъ даны и подвиги и награды.

Если въ первобытныхъ кланахъ чародѣй или шаманъ обладаетъ экстраординарными привиллегіями (наградами), то только потому, что онъ совершаетъ и экстраординарные поступки—подвиги: вызываетъ дождь, управляетъ силами природы, предохраняетъ отъ болѣзней и т. п. Здѣсь награды даются ему за знаніе священныхъ заклинаній, недоступныхъ простымъ смертнымъ. Если, далѣе, группа выбираетъ кого-нибудь въ предводители, т. е. даетъ ему экстраординарую привиллегію, награду, то даетъ не зря, а за „подвиги“ его, состоящіе или въ экстраординарной доблести, (Duces ex virtute sumunt, говоритъ Тацитъ о германцахъ) или въ силѣ, или въ ловкости и т. п. [2]).

Теперь, опредѣливши преступленіе и подвигъ, перейдемъ къ изученію наказаній и наградъ.

---

[1]) Законы Ману. Пер. Эльмановичъ. гл. 5, ст. 56.
[2]) См. Ковалевскій. Соціологія. II, гл. VIII.

ГЛАВА IV-я.

Наказаніе и награда.

§ 1.

Наказаніе и награда и ихъ связь съ преступленіемъ и подвигомъ.

Простѣйшее опредѣленіе наказанія будетъ гласить: наказаніе есть актъ, или совокупность актовъ вызванныхъ преступленіемъ и представляющихъ реакцію на акты, квалифицируемые, какъ акты преступные. Въ pendant къ этому, опредѣленіе награды будетъ гласить: награда есть актъ или совокупность актовъ, вызванныхъ подвигомъ и представляющихъ реакцію на акты, квалифицируемые, какъ акты услужные [1]).

---

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣнія, подчеркиваю, что реакція индивида на какой-нибудь актъ будетъ карой лишь тогда, когда онъ этотъ актъ—причину—квалифицируетъ, именно, какъ актъ преступный, удовлетворяющій всѣмъ условіямъ преступленія, главнѣйшіе изъ которыхъ указаны ниже... Если же данъ актъ, хотя по виду и похожій на актъ преступный, но почему-либо въ сознаніи воспринимающаго его индивида не могущій быть таковымъ, то совершенные послѣднимъ акты—реакціи, не являются карательными актами, актами „возмездія и воздаянія". Примѣръ: Мальчикъ, играя револьверомъ и не зная его свойствъ, можетъ „по невѣдѣнію" выстрѣлить и ранить меня, и если я въ отвѣтъ на этотъ актъ отберу у него револьверъ,—мой актъ—реакція не будетъ карой, разъ я поступокъ мальчика не считаю „преступнымъ". Сумасшедшій, совершившій актъ поджога, вызоветъ со стороны меня рядъ реакціонныхъ актовъ по его адресу, состоящихъ въ томъ, что я отберу у него спички и, допустимъ, изолирую его отъ общества,—но эти акты не будутъ карой, разъ я поступокъ его считаю не „преступнымъ" по существу, а его „невмѣняемымъ". У меня нѣтъ ни злобы къ нимъ, ни оскорбленія, причиненнаго ими, а потому нѣтъ и кары съ моей стороны. Если же я реагирую, то только съ

Что всякое наказаніе, и всякая награда, представляютъ какой-нибудь а к т ъ—(физическій или психическій безразлично)—это само собой очевидно. Но не менѣе очевидно, что не всякій актъ можетъ быть карательнымъ или награднымъ актомъ, а только актъ, обладающій специфическимъ признакомъ.

Каковъ же тотъ л о г и ч е с к і й м о м е н т ъ, к о т о р ы й п р о с т о й а к т ъ дѣлаетъ карой или наградой?—Такимъ логическимъ моментомъ является именно то обстоятельство, что кто-нибудь совершаетъ этотъ актъ, **какъ реакцію на поступки**, кажущіеся ему преступными или „услужными“. Именно въ томъ, что опредѣленный актъ индивида в ы з в а н ъ преступленіемъ или подвигомъ, именно въ этомъ обстоятельствѣ лежитъ логическое условіе бытія каръ и наградъ. [1]) Всѣ другіе указывавшіеся признаки каръ и наградъ не могутъ быть отнесены къ числу конституирующихъ признаковъ [2]). Напр., общераспространенное утвержденіе, что всякая кара состоитъ въ наложеніи на преступника с т р а д а н і й и лишеній, а н а г р а д а—въ наложеніи извѣстной суммы у д о в о л ь с т в і й,

---

педагогическими цѣлями: исключить условія, при которыхъ они могли бы повторить тотъ же актъ. Иное дѣло, если тѣ же акты совершили „съ умысломъ“, вмѣняемые субъекты. Тогда у меня налицо оскорбленіе, злоба и вообще, квалификація ихъ актовъ преступными, поэтому и рядъ мѣръ и моихъ актовъ, напр., задержать, отнять револьверъ, обругать, избить и т. д.—будутъ уже ничѣмъ инымъ, какъ карой (см. ниже).

Тоже, mutatis mutandis, примѣнимо и къ наградному акту...

[1]) Въ силу сказаннаго мы не можемъ не согласиться здѣсь съ Н. С. Таганцевымъ, подчеркивающимъ тотъ же моментъ при опредѣленіи наказанія. И для него „только тѣ мѣры, которыя принимаются государствомъ противъ лицъ, учинившихъ преступныя дѣянія, в с л ѣ д с т в і е т а к о г о у ч и н е н і я,—могутъ быть отнесены къ карательной дѣятельности государства“. Ib. 825 и слѣд. Но само собой разумѣется, что для насъ наказаніе не ограничивается государственными карами, а равно и многое изъ того, что уважаемый криминалистъ считаетъ quasi—наказаніями,—съ нашей точки зрѣнія будетъ подлиннымъ наказаніемъ.

[2]) Кромѣ этого различія между актомъ преступнымъ и карательнымъ само собой разумѣется между ними в ъ п с и х и к ѣ о д н о г о и т о г о ж е и н д и в и д а существуетъ еще психологическое различіе, сводящееся къ слѣдующему. Если я представлю себя совершившимъ к. н. преступленіе, напр., убійство кого-нибудь, то мой актъ eo ipso есть актъ морально отрицательный и таковымъ квалифицируется мной. Иначе обстоитъ дѣло тогда, когда, напр., я, въ отвѣтъ на преступный актъ кого-нибудь, заключавшійся въ посягательствѣ на мою жизнь, въ порывѣ злобы, самозащиты и отмщенія, убилъ бы его... Въ этомъ случаѣ многіе люди актъ убійства—наказанія не квалифицировали бы какъ „морально-отрицательный“, а разсматривали

наслажденій и выгодъ—само по себѣ непріемлемо. Непріемлемо потому, что не всѣ страдательные акты—акты карательные, и не всѣ акты, доставляющіе удовольствіе, акты наградные. Можно причинить человѣку страданіе, но оно можетъ и не быть карой. Напр., причинить „страданіе любя", ради пользы любимаго человѣка; врачъ часто при операціяхъ причиняетъ страданіе,—но едва ли кто будетъ его акты называть карой; точно также взиманіе податей съ бѣдныхъ часто причиняетъ имъ страданіе, но едва ли эти акты они осознаютъ, какъ акты карательные; исполненіе ряда „правъ" часто неразрывно связано съ страданіемъ для „обязаннаго", но онъ не квалифицируетъ акты правомочной стороны, какъ акты карательные. Наконецъ, кто нибудь можетъ случайно, по невѣдѣнію толкнуть, ранить и искалѣчить другого, т. е. причинить рядъ лишеній и страданій,—но едва ли кто назоветъ акты перваго карой. То же, mutatis mutandis, примѣнимо и къ удовольствію и наслажденію по отношенію къ наградѣ. Не они простой актъ превращаютъ въ актъ наградной, а именно то, что послѣдній есть реакція на подвигъ.

Но страданіе, лишеніе и вообще зло—съ одной стороны и удовольствіе, наслажденіе и благо—съ другой, не являясь условіями, конституирующими наказаніе и награду, все же весьма тѣсно связаны съ ними въ томъ смыслѣ, что карательный актъ почти всегда есть актъ, причиняющій преступнику страданіе и лишеніе [1]) (зло), а наградной—удовольствіе, выгоду и благо.

бы его, какъ актъ справедливаго воздаянія и возмездія... По крайней мѣрѣ таковымъ онъ осознавался большинствомъ кодексовъ, ихъ составителей и рядомъ людей, въ частности творцами теоріи возмездія и справедливости. Но, допуская даже, что это такъ переживается всѣми, все же не эта черта является искомымъ логическимъ моментомъ. Само понятія возмездія и воздаянія требуетъ условія, предшествующаго воздаянію. Воздавать и мстить можно лишь за что-нибудь. Такимъ „что-нибудь" и является моментъ реакціи на преступленіе. Слѣд., и при этомъ допущеніи этотъ моментъ играетъ рѣшающую, а не второстепенную роль.

[1]) Въ силу этого, съ приведенной оговоркой, мы не можемъ не принять положенія Г. Гроція, опредѣлявшаго наказаніе, какъ malum passionis, quod infligitur propter malum actinis, а равно и положенія нашего выдающагося криминалиста проф. И. Я. Фойницкаго, гласящее: „Наказаніе представляетъ собою принужденіе, примѣняемое къ учинившему преступное дѣяніе... Принужденіе наказанія заключается въ причиненіи или обѣщаніи причинить наказываемому какое-нибудь лишеніе или страданіе; поэтому всякое наказаніе направляется противъ к. н. блага, принадлежащаго наказываемому—его имущества, свободы, чести, правоспособности, тѣлесной неприкосновенности, а иногда даже противъ его жизни". Ученія о наказаніи стр. 2.

См. также курсы Сергѣевскаго, Таганцева, Листа и др.

Суть дѣла здѣсь заключается въ слѣдующемъ. Какъ уже во II-й главѣ, при характеристикѣ нашихъ реакцій на различные поступки другихъ людей, было отмѣчено, акты, квалифицируемые нами, какъ акты преступные, всегда являются для насъ „оскорбленіемъ“ и вызываютъ въ насъ нѣкоторую „обиду“ непріятность, вражду и злобу по отношенію къ себѣ; они отталкиваютъ насъ отъ себя. Эта враждебность и непріятность неизбѣжно переходятъ и на субъекта преступленія, т. е. на того, кто совершилъ этотъ актъ... Онъ становится въ нашихъ глазахъ „преступникомъ“, „врагомъ“ и вообще лицомъ, акты котораго перестаютъ быть терпимыми. Это психическое переживаніе вражды и злобы по его адресу неизбѣжно проявляется и въ нашихъ дѣйствіяхъ, вызванныхъ преступленіемъ. Они, реализуя эту вражду, неизбѣжно принимаютъ характеръ отрицательный, направленный и на причиненіе преступнику страданія, зла и вообще „отмщенія за обиду“, за преступленіе. Можно не имѣть никакого намѣренія причинить зло кому-нибудь, напр., убить кого-нибудь, но разъ этотъ кто-нибудь совершитъ актъ, или рядъ актовъ, кажущихся намъ преступными, то вражда, а иногда и ненависть (при преступленіяхъ, кажущихся особенно тяжкими), вызываемыя преступленіемъ, неизбѣжно объективируются въ актахъ, отрицательныхъ по адресу преступника. Этимъ и объясняется рядъ совершенно неумышленныхъ убійствъ, увѣчій и т. д., которыми „оскорбленный“ реагируетъ по адресу „оскорбителя“ или преступника. Въ случаѣ преступленій, кажущихся кому-нибудь особенно тяжелыми, враждебность можетъ принять форму страшной ненависти и разрядиться въ рядѣ актовъ, называемыхъ убійствомъ, побоями и etc. Великій сердцевѣдъ Достоевскій въ своихъ романахъ даетъ тысячи примѣровъ, прекрасно иллюстрирующихъ эту связь оскорбленія, вызываемаго преступленіемъ, съ непріязнью, возникающей на почвѣ оскорбленія. А эта непріязнь разряжается самопроизвольно въ формахъ страдательныхъ для преступника.

Для Димитрія Карамазова поведеніе отца было поведеніемъ преступнымъ по его адресу. Отсюда—его враждебность къ отцу. Враждебность переходитъ въ ненависть. Отецъ и его поведеніе становятся въ „его глазахъ“ отвратительными.—„Какъ можешь ты говорить, что убьешь отца?“ спрашиваетъ Митю Алеша „Я вѣдь не знаю, не знаю,—отвѣчаетъ первый,—можетъ не убью, а,

можетъ убью. Боюсь, что ненавистенъ онъ вдругъ мнѣ станетъ, своимъ лицомъ въ ту самую минуту—ненавижу я его кадыкъ, его носъ, его глаза, его безстыжую насмѣшку. Личное омерзѣніе чувствую. Вотъ этого боюсь, вотъ и не удержусь". А далѣе Достоевскій такъ описываетъ сцену, когда Митя стоялъ подъ окномъ отца въ роковую для него минуту. „Личное омерзѣніе нарастало нестерпимо. Митя уже не помнилъ себя и вдругъ выхватилъ мѣдный пестикъ изъ кармана" [1])... Эти и подобныя сцены великолѣпно иллюстрируютъ механизмъ психическихъ переживаній, вызываемыхъ преступленіемъ съ одной стороны, и наказаніемъ, какъ актомъ страдательнымъ по отношенію къ преступнику—съ другой...

Причинный рядъ здѣсь таковъ: 1) актъ —преступленіе; 2) онъ вызываетъ психическія переживанія оскорбленія, оскорбленіе—непріязнь (вражду, злобу, ненависть) и 3) они спонтанно разряжаются въ рядѣ актовъ, наносящихъ преступнику тотъ или иной вредъ или страданіе. Такова связь карательныхъ актовъ съ актами, причиняющими преступнику страданіе...

То же, mutatis mutandis, приложимо и къ связи наградныхъ актовъ съ актами, приносящими „подвижнику" удовольствіе и вообще благо... Подвигъ квалифицируется нами всегда, какъ нѣчто положительное, и возбуждаетъ, какъ по отношенію къ „услужнымъ" актамъ, такъ и по отношенію къ „подвижнику" „симпатически-притягательное" переживаніе, имѣющее разныя степени, начиная съ простой симпатіи и съ простого „одобренія" и кончая „благоговѣніемъ, восхищеніемъ и восторженностью". Эти „положительныя переживанія" неизбѣжно выливаются и въ положительные по отношенію къ „преступнику" акты—(награда).

Какъ „страдательность" каръ можетъ имѣть различныя степени въ зависимости отъ „низости" преступленія (простое неодобреніе, выговоръ, словесныя оскорбленія, имуществ. лишенія, арестъ, удары, увѣчья, убійство и т. д.), такъ и „благая положительность" наградъ можетъ имѣть также различныя степени, въ зависимости отъ „высоты" подвига (простое одобреніе, словесная похвала, вещественные дары, восхищеніе, уваженіе, преклоненіе etc.).

Таковъ механизмъ подвиговъ и наградныхъ актовъ, всегда принимающихъ „каритативную" по адресу подвижника форму.

---

[1]) Братья Карамазовы, т. II. 469—70.

Сказаннымъ мы съ одной стороны подошли, а съ другой стороны отвѣтили на одну изъ основныхъ проблемъ уголовнаго права, проблему, служившую и служащую предметомъ безчисленныхъ споровъ и извѣстную подъ названіемъ „основъ права наказанія“ или „основаній наказанія“. Былъ поставленъ вопросъ: почему преступленіе вызываетъ наказаніе, каковы причины, вызывающія кары по адресу преступника? И вотъ, на этотъ вопросъ послѣдовало безчисленное множество теорій, выдвигавшихъ различные и разнородные принципы. Указывались различныя потребности, вызывающія наказаніе (потребности матеріальныя, чувственно-психическія, интеллектуальныя), указывалось на инстинктъ самосохраненія, поддержанія авторитета власти, чувство мести, на законъ природы, на божественное провидѣніе, на эстетическое отвращеніе и т. д. и т. д. [1]). На ряду съ этимъ ставился и другой, близкій къ поставленнымъ вопросамъ, а именно вопросъ: почему наказаніе всегда направлено на причиненіе преступнику страданія, иначе говоря—почему карательные акты суть всегда и акты „страдательные“, жестокіе, а не акты, доставляющіе удовольствіе? И на этотъ вопросъ дано было множество тонкихъ и остроумныхъ отвѣтовъ.

Одни говорили, что жестокость и страдательность каръ объясняется отсутствіемъ у карающихъ состраданія или пониманія чужого страданія, какъ это бываетъ у дѣтей. Другіе объясняли жестокость каръ тѣмъ, что причиненіе страданій другому доставляетъ чувство удовольствія, происходящее отъ сознанія своей силы. Третьи „удовольствіе наказанія“ видѣли не въ чувствѣ собственнаго могущества, а въ томъ, что это удовольствіе происходитъ въ силу закона контраста: чужое страданіе въ силу контраста возбуждаетъ въ насъ чувство удовольствія, въ силу чего-де и совершаютъ люди карательные акты. Четвертые—потребностью въ психическихъ „потрясеніяхъ“ и въ новыхъ эмоціональныхъ возбужденіяхъ, каковыя будто бы даются актами жестокихъ каръ. Пятые ссылались на законъ эволюціи,

---

[1]) См. изложеніе главнѣйшихъ теорій. Фойницкій. Ученіе о наказаніи гл. I., а также соотвѣтственныя мѣста курсовъ Таганцева, Кистяковскаго, Бернеръ-Неклюдова, Сергѣевскаго и др. См. также Чубинскій. Уголовная политика. Яросл. 1909 г. ч. II-я и ч. III-я.

на то, что страдательность каръ есть пережитокъ звѣрства и т. д. и т. д. [1]).

Всѣ эти гипотезы и теоріи, частично правильныя, частично односторонніе, по существу дѣла здѣсь не такъ уже необходимы и во всякомъ случаѣ, при всемъ своемъ остроуміи, не дѣлаютъ указанную связь преступленія и наказанія, наказанія и страданія болѣе ясной, чѣмъ она непосредственно дана каждому изъ насъ въ нашихъ переживаніяхъ... Иначе говоря, мы считаемъ даже самую постановку подобныхъ вопросовъ—ложной, а самую проблему: почему преступленіе вызываетъ наказаніе, а наказаніе носитъ страдательный характеръ—ложепроблемой.

Вопросы: „почему и отчего“ не возбраняется, конечно, ставить относительно чего угодно. Но эта потенціальная возможность ихъ постановки не равносильна дѣйствительной возможности ставить ихъ и отвѣчать на нихъ. Можно напр., спрашивать: почему сумма угловъ эвклидовскаго треугольника равна двумъ прямымъ, а квадрата—4 d; почему корова имѣетъ четыре ноги, а не двѣ, почему объемъ газа обратно пропорціоналенъ давленію, или почему „тѣла отъ нагрѣванія расширяются?“ Ставиться эти „почему“ могутъ. Но такъ же ясно, что всѣ отвѣты на эти вопросы сведутся къ положенію: „потому, что между данными явленіями существуетъ причинная или функціональная связь“, т.-е. связь необходимо—неизбѣжная. Иначе говоря, мы приходимъ въ этихъ случаяхъ къ тому же, изъ чего и исходили, т.-е. къ отвѣту: „потому что, потому“. То же слѣдуетъ сказать и о связи преступленія и кары, кары и страданія. Оскорбленіе, вражда и карательный актъ связаны причинно и неизбѣжно съ преступленіемъ. Симпатія, каритативность и наградной актъ связаны причинно съ подвигомъ.

Такова связь, въ этой ея неизбѣжности и ея объясненіе. Намъ остается констатировать эту связь, сказать, что это „должно быть такъ въ силу того, что это происходитъ такъ“... и только... Если кому-нибудь нравится больше фраза; что „таковъ законъ природы или законъ человѣческой психики“—

---

[1]) См. изложеніе и литературу по этому вопросу у Steinmetz'a. Etnologische Studien zur Ersten Entwicklung der Strafe т. I, части I и II-я 1894 г.

можно пользоваться и подобнымъ „объясненіемъ“... Сами же гипотезы въ этой области и рядъ теорій въ области проблемы о „цѣляхъ наказанія“ изслѣдователь долженъ изъ „объясняющихъ теорій“ превратить въ „факты“, которые слѣдуетъ анализировать и о которыхъ позволительно спрашивать: почему въ данную эпоху, данный индивидъ цѣлью наказанія считалъ возмездіе, въ другую эпоху—охраненіе своей и общественной безопасности, въ третью—исправленіе преступниковъ и т. д... При такой постановкѣ сами эти „гипотезы“ превращаются уже въ факты и при надлежащемъ изученіи позволяютъ обнаружить интересныя взаимоотношенія между структурой общества—съ одной стороны, и формами наказанія—съ другой; между закономѣрностью развитія преступленій и наказаній, закомѣрностью, почти независящей отъ воли индивида—съ одной стороны, и ея отраженіемъ въ сферѣ идеологіи—съ другой.

Многіе изслѣдователи думали и еще думаютъ, что явленія преступности, ея характеръ, ея увеличеніе или уменьшеніе, линіи ея развитія, а равно и характеръ наказанія, увеличеніе или уменьшеніе его жестокости, его формы и виды и т. д.—думали, что все это дѣло воли индивида или группы индивидовъ, что придать тотъ или иной характеръ преступленію и наказанію зависитъ отъ ихъ желанія и воленія, что установленіе ихъ формъ—есть дѣло „произвольнаго“ и „намѣреннаго“ акта индивидовъ и пытались объяснить всѣ эти явленія, исходя изъ анализа отдѣльной личности. Однако, изученіе исторической дѣйствительности показываетъ, что всѣ эти тезисы малообоснователь ны, и, исходя изъ нихъ, невозможно хоть сколько-нибудь расшифровать сложный узоръ, вытканный исторіей.

Историческое изученіе преступленій и наказаній, подвиговъ и наградъ дѣйствительно убѣждаетъ въ закономѣрности ихъ поступательнаго хода. Но эта закономѣрность—закономѣрность sui generis, отличная отъ того, что хотѣли и чего добивались индивиды, бывшіе „виновниками“ и „установителями“ кодексовъ, опредѣлявшихъ, что есть преступленіе и что есть наказаніе, и для какой цѣли предназначено послѣднее. Они думали одно, а историческая дѣйствительность заставляла ими же установленныя „нормы“ осуществлять совсѣмъ другое.

Устанавливая ту или иную систему наказаній и обосновывая эту систему на тѣхъ или иныхъ принципахъ, они думали, что это „они творцы этой системы“, что она необходима именно

вслѣдствіе тѣхъ основаній, которыя формулировали они и изъ которыхъ они сами исходили при организаціи этой системы. Но, какъ мало можно вѣрить въ созданіе государства воленіемъ отдѣльныхъ индивидовъ, не разъ считавшихъ себя его творцами,— такъ же мало приходится вѣрить и въ индивидуально-волевое и намѣренное созданіе кодексовъ, системъ наказанія и вообще въ регулированіе преступно-карательныхъ и подвижно-наградныхъ процессовъ. Ихъ закономѣрность—иная закономѣрность, а потому и вопросы о правѣ наказанія и цѣли наказанія въ ихъ обычныхъ постановкахъ мало помогутъ при изслѣдованіи дѣйствительности въ сферѣ преступленій и наказаній, подвиговъ и наградъ.

Иное дѣло ихъ значеніе и постановка въ наукѣ практической, исходящей изъ принципа д о л ж е н с т в о в а н і я, и строющей программу сознательнаго регулированія соотвѣтственныхъ явленій сообразно съ тѣмъ или инымъ идеаломъ „основной нормы", изъ котораго она исходитъ и должна исходить. Я разумѣю уголовную политику. Здѣсь они умѣстны и разумны. Но и она можетъ быть дѣйствительной практически—плодотворной наукой лишь въ томъ случаѣ, когда опирается на теоретическую науку, изучающую съ точки з р ѣ н і я с у щ а г о дѣйствительныя причинныя связи, данныя въ исторически—соціальной дѣйствительности. Какъ медицина опирается на біологію, какъ агрономія—на анатомію и физіологію растеній, вмѣстѣ съ органической химіей, какъ практическая технологія опирается на химію и физику, и какъ каждая изъ изъ этихъ практическихъ наукъ только тогда стала плодотворной, когда развились соотвѣтствующія теоретическія науки, такъ и уголовная политика только тогда будетъ дѣйствительной „соціальной терапіей", когда наука уголовнаго права сумѣетъ формулировать рядъ дѣйствительныхъ причинныхъ законовъ. А ихъ еще мало. Только сдвигъ, произведенный въ ней антропологической и въ особенности соціологической школой даетъ основаніе надѣяться, что криминалистика выходитъ на настоящую дорогу, идя по которой она можетъ быстро достигнуть весьма плодотворныхъ результатовъ.

Все с к а з а н н о е о п р е с т у п л е н і я х ъ и н а к а з а н і я х ъ, m u t a t i s m u t a n d i s, п р и м ѣ н и м о и к ъ п о д в и г а м ъ—н а г р а д а м ъ.

§ 2.

Условія «вмѣненія» преступленія и подвига.

Итакъ, на вопросы: почему за преступленіемъ слѣдуетъ наказаніе, за подвигомъ—награда, почему наказаніе принимаетъ всегда отрицательную по адресу преступника реакцію, а награда—положительную по адресу услужника,—мы отвѣчаемъ, что это вопросы праздные, ибо такова причинная связь, ибо такъ это должно быть в ъ с и л у т о г о, ч т о э т о т а к ъ. И наказаніе, и награда могутъ принимать самыя разнообразныя формы и имѣть самыя разнообразныя степени,—но у всякаго индивида, к о л ь с к о р о о н ъ к в а л и ф и ц и р у е т ъ т о т ъ и л и и н о й а к т ъ т о г о и л и и н о г о с у б ъ е к т а—к а к ъ п р е с т у п н ы й и л и к а к ъ у с л у ж н ы й—в ъ с и л у п с и х и ч е с к о й н е о б х о д и м о с т и—н е и з б ѣ ж н о и л и к а р а т е л ь н о е и л и н а г р а д н о е р е а г и р о в а н і е в ъ г о й и л и д р у г о й ф о р м ѣ, начиная съ внутренняго недовольства и мягкаго порицанія и, соотвѣтственно, переживанія симпатіи и одобренія и кончая убійствомъ и самопожертвованіемъ.

Такого рода категорическое утвержденіе можетъ показаться весьма и весьма сомнительнымъ. Казалось бы рядъ самыхъ обычныхъ явленій представляетъ полное противорѣчіе съ сказаннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ рѣдкость, что люди совершаютъ преступленіе и остаются безнаказанными? точно также, развѣ рѣдкое явленіе «неблагодарныя свиньи», которыя не обнаруживаютъ никакой наградной реакціи въ отвѣтъ на услугу, сдѣланную для нихъ? Мало того, развѣ не бываетъ такъ, что человѣкъ часто не только не награждаетъ «услужника», а наоборотъ, въ отвѣтъ на подвигъ реагируетъ местью и карательными актами? Какъ же послѣ всего этого можно говорить о томъ, скажутъ намъ, что подвигъ неизбѣжно вызываетъ награду, а преступленіе—наказаніе? Или же вы попытаетесь отрицать эти всѣмъ извѣстные факты?

— Нѣтъ, отвѣтимъ мы, мы отрицать ихъ не будемъ и вполнѣ допускаемъ ихъ бытіе. Но это не мѣшаетъ намъ настаивать на выставленномъ тезисѣ по той простой причинѣ, что всѣ эти и подобные факты нисколько не противорѣчатъ сказанному.

Въ самомъ дѣлѣ, тотъ фактъ, что бываютъ преступленія, не влекущія за собой кару, вслѣдствіе того, что эти преступленія не раскрыты,—означаетъ ничто иное, какъ то, что эта неизвѣстность преступленія и преступника равносильна ихъ небытію.

Можетъ быть, въ данный моментъ кѣмъ-нибудь и совершенъ актъ преступный, но разъ я объ немъ не знаю, то развѣ это неравносильно несуществованію преступленія для меня? А разъ нѣтъ для меня преступленія, какъ же я могу реагировать на него карательнымъ актомъ?

То же самое относится и къ наградѣ. Если кѣмъ-либо совершена мнѣ услуга, но объ ней я не знаю—это равносильно для меня небытію подвига. А разъ нѣтъ подвига, нѣтъ и реакціи на него. Сказаннымъ «снимается» одно противорѣчіе.

Второе возраженіе гласитъ: часто нѣкоторымъ людямъ совершается услуга, а они ничѣмъ не реагируютъ въ отвѣтъ и являются тѣми существами, которыхъ прозвали «неблагодарными свиньями».

Отвѣтомъ можетъ служить анализъ поведенія Крыловской неблагодарной свиньи; дубъ оказывалъ ей рядъ услугъ, питая ее желудями, давая ей кровъ и т. д., а она въ отвѣтъ, вмѣсто награды, стала подрывать у того же дуба корни. Поведеніе этой человѣкообразной свиньи великолѣпно разъясняетъ суть дѣла. Она подрывала корни дуба именно потому, что не считала «акты» дуба услугами и нисколько не связывала съ дубомъ существованіе желудей и т. п.

«Пусть сохнетъ, говоритъ свинья, ничуть меня то не тревожитъ, въ немъ проку мало вижу я. Хоть въ вѣкъ его не будь, ничуть не пожалѣю, лишь были-бъ желуди, вѣдь я отъ нихъ жирѣю».

И нужно было нравоученіе дуба, чтобы свинья осознала, что дубъ оказалъ ей множество услугъ. Эта свинья психически не осознавала, что дубъ есть субъектъ подвиговъ, а потому и была неблагодарной. И здѣсь незнаніе подвига—равносильно для незнающаго его небытію, а отсюда понятно, что ждать «благодарности» не приходится. Точно такъ же обстоитъ дѣло и со всѣми человѣкообразными «неблагодарными свиньями». Сказанное снимаетъ второе возраженіе.

Аналогично обстоитъ дѣло и въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ реагируетъ на услужный актъ не только не наградой, какъ должно было бы быть согласно тезису, а напротивъ, реагируетъ кара-

тельнымъ актомъ. И здѣсь кроется то же «недоразумѣніе», которое прекрасно иллюстрируетъ и разъясняетъ другая басня того же Крылова, „Пустынникъ и медвѣдь“. Альтруистическій медвѣдь самымъ искреннимъ образомъ хотѣлъ оказать пустыннику услугу, хвативши его булыжникомъ по лбу съ цѣлью отогнать безпокоившую пустынника муху. Въ психикѣ медвѣдя и другихъ сходныхъ «медвѣдей» этотъ его актъ былъ услугой. Но едва ли бы онъ былъ признанъ услугой пустынникомъ. Послѣдній, вѣроятно, счелъ бы его за преступный актъ покушенія на его жизнь, а потому, если бы онъ остался живъ, едва ли бы реагировалъ на услугу медвѣдя наградным актомъ.

Этотъ случай прекрасно разъясняетъ „непонятность“ того, что бываютъ «изверги», которые вмѣсто того, чтобы отблагодарить благодѣтеля, ему же мстятъ.—Какъ видно изъ сказаннаго, „изверговъ“ въ мірѣ нѣтъ, а есть только люди, не понимающіе другъ друга, представленія которыхъ о „должномъ“, подвигѣ и наградѣ различны, а равно различны и способы символизаціи или реализаціи этихъ психическихъ переживаній. Отсюда—и кажущаяся правдоподобность того, будто бы бываютъ случаи, когда на подвигъ реагируютъ карой, а на преступленіе—наградой.

Такихъ случаевъ нѣтъ, а есть только люди не понимающіе другъ друга, когда одинъ совершаетъ актъ, квалифицируя его подвигомъ и ожидая награды, а другой, благодаря инымъ убѣжденіямъ, этотъ же актъ считаетъ преступленіемъ и потому отвѣчаетъ на него какъ на преступленіе—карой. Возьмите Христа, Сократа, Гусса, Бруно, и др. мучениковъ науки и правды. Они несомнѣнно совершили рядъ величайшихъ подвиговъ съ нашей точки зрѣнія.

Отсюда уваженіе, преклоненіе, восхищеніе, чествованіе и обожествленіе ихъ,—какъ различныя формы нашихъ наградныхъ реакцій. Но общество, окружавшее ихъ, смотрѣло иначе на ихъ поведеніе. Ихъ акты были для него—акты преступные; а поэтому и неизбѣжна была карательная реакція по ихъ адресу со стороны общества.

Сказанное объясняетъ и обратное положеніе дѣла, а именно кажущуюся возможность наградной реакціи безъ услуги или кары безъ преступленія. Нерѣдко въ жизни бываетъ такъ, что кто-нибудь совершаетъ поступокъ, вовсе не имѣя въ виду оказать этимъ кому-либо услугу или вовсе не думая, что этимъ

онъ совершаетъ преступленіе. Но другой, благодаря различію его моральнаго сознанія, квалифицируетъ этотъ поступокъ то какъ преступленіе, то какъ подвигъ, и соотвѣтственно реагируетъ на него. Мнѣ, напр., самому пришлось однажды очутиться въ подобномъ положеніи. Во время своихъ этнографическихъ изслѣдованій среди зырянъ, живущихъ по Мезени и Вашкѣ, я вошелъ въ одинъ домъ и разговорился съ хозяиномъ, встрѣтившимъ меня очень привѣтливо. Каково же было мое удивленіе, когда въ срединѣ нашей бесѣды онъ вдругъ ее прерываетъ и съ оскорбленнымъ видомъ, указывая мнѣ на дверь, предлагаетъ уйти. Я, понятно, недоумѣвалъ и искалъ причинъ такой неожиданной „немилости“. Какъ потомъ разъяснилось, мое преступленіе заключалось въ томъ, что я машинально закурилъ въ домѣ, не зная, что его хозяинъ фанатичный старовѣръ. Мой актъ куренія онъ счелъ преступленіемъ и, понятно, что сразу же реагировалъ на него наказаніемъ въ формѣ „изгнанія“ меня изъ дому и не совсѣмъ лестныхъ по моему адресу эпитетовъ.

А такими „недоразумѣніями“, кзкъ извѣстно, кишитъ соціальная жизнь и взаимоотношенія людей между собою.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что всѣ эти противорѣчія суть „кажущіяся“ противорѣчія, нисколько не ослабляющія силу выставленнаго тезиса. Отсюда же слѣдуетъ и такого рода выводъ, весьма важный съ точки зрѣнія практической:

Для того, чтобы услуга или преступленіе по адресу кого-нибудь вызвала со стороны ли адресата, или со стороны другихъ наградную или карательную реакцію, необходимо: а) сходство квалификаціи актатой и другой стороной, въ качествѣ услуги, или въ качествѣ преступленія. Если этой „однородной оцѣнки“ нѣтъ—не будетъ и реакціонныхъ эффектовъ. А такъ какъ эта однородная оцѣнка зависитъ въ концѣ концовъ отъ одинаковаго пониманія должныхъ, запрещенныхъ и рекомендованныхъ актовъ —то необходимо единство моральнаго сознанія; в) кромѣ этого психическаго единства необходимо еще и сходство самихъ формъ объективаціи психическихъ переживаній. Если бы кто-нибудь любовь выражалъ побоями и эпитетами въ родѣ: „подлецъ“, „негодяй“ и т. д., горе—„счастливымъ смѣхомъ и веселыми плясками“, ненависть—поцѣлуями а, дру-

гой—объективировалъ бы тѣ же самыя чувства обычнымъ способомъ «любовь—лаской, и словами: «дорогой, милый» etc., горе—плачемъ, грустнымъ видомъ и т. д. [1])
то, конечно, недоразумѣніямъ не было бы конца.

Какъ увидимъ ниже, наличность или отсутствіе этой «внутренней и внѣшней гомогенности“ играетъ весьма важную роль въ области соціальныхъ отношеній и взаимодѣйствій.

Таково главное условіе «вмѣненія» преступленія и наказанія, т.-е. условіе, при которомъ то и другое спонтанно вызываютъ либо карательную, либо наградную реакцію.

Итакъ, при данныхъ условіяхъ мы должны принять, что нашъ тезисъ, утверждающій самопроизвольную связь преступленія и наказанія, подвига и награды—не опровергается приведенными „противорѣчіями“. И рядъ другихъ противорѣчій, которыхъ мы приводить здѣсь не будемъ, при тщательномъ анализѣ окажется только одной „видимостью“. Даже такъ называемые акты „прощенія вины“, и эти акты не являются противорѣчіемъ сказанному, т. к. само „прощеніе“ возможно только при наличности ряда условій, сводящихъ „на нѣтъ“ преступность преступленія (малолѣтство преступника, его незнаніе и т. д. см. ниже) и не позволяющихъ „вмѣнить“ преступный актъ „въ вину“, или же при наличности новыхъ актовъ со стороны преступника, психологически компенсирующихъ „обиду и оскорбленіе“, причиненнное преступленіемъ. (Унизительная мольба о пощадѣ, искреннее выраженіе извиненія, совершеніе ряда услужныхъ актовъ и т. д.). Да помимо всего это слѣдуетъ изъ того, что всюду, вездѣ и всегда были тѣ и другія реакціи.

Въ виду этого, вполнѣ правъ Зиммель, когда говоритъ: Nun bestehen aber unzählige Beziehungen, für welche die Rechtsform nicht eintritt, bei der von einem Erzwingen des Aequivalents für die Hingabe nicht die Rede sein kann. Hier tritt als Ergänzung die Dankbarkeit ein (Danbarkeit Зиммеля почти тождественно съ нашимъ понятіемъ услуги—награды), jenes Band der Wechselwirkung, des Hin-und Hergehens von Leistung und Gegenleistung auch da spinnend, wo kein äusserer Zwang es garantiert [2]).

---

[1]) См. выше 1-ю главу и .Соціальный символизмъ'.

[2]) Simmel. Soziologie. 590 стр. См. также Новиковъ. Mécanisme et limites de l'association humaine. Paris. 1912. passim.

Изъ дальнѣйшихъ условій, опредѣляющихъ собой „вмѣненіе или невмѣненіе“ [1]) преступленія и подвига, а слѣдовательно и наступленіе или ненаступленіе каръ и наградъ, условій, которыя потенціально всѣ уже даны въ выставленномъ выше основномъ положеніи, а также въ самомъ понятіи преступленія—наказанія, подвига—награды, по отношенію къ преступленію рядъ этихъ условій отдѣльно отмѣченъ наукой уголовнаго права и даже весьма и весьма тщательно формулированъ и схематизированъ. Поэтому, въ pendant къ этимъ положеніямъ мы кратко намѣтимъ рядъ аналогичныхъ положеній (mutatis mutandis) по отношенію къ подвигамъ. Но, повторяемъ, всѣ эти условія уже подразумѣваются въ теоремѣ „гомогенности моральнаго сознанія и внѣшней объективаціи его“, формулированной выше.

А) Для того, чтобы какое-нибудь дѣйствіе кѣмъ-нибудь квалифицировалось какъ услуга (или какъ преступленіе) необходимо, чтобы это было дѣйствіе субъекта услуги (или преступленія). Если дано дѣйствіе, которое по своему матеріальному содержанію могло бы быть услугой (или преступленіемъ), но это дѣйствіе совершено существомъ, которое по моему убѣжденію не можетъ быть субъектомъ услуги (или преступленія), напр., корова на смерть забодала человѣка,—то, само собой разумѣется, что это дѣйствіе не является для меня ни услугой (ни преступленіемъ).

Такъ какъ область возможныхъ субъектовъ услуги (и преступленія) въ различныя историческія эпохи, а равнымъ образомъ въ одну и ту же эпоху была различна для различныхъ людей (см. ниже), то вполнѣ понятно, что одни и тѣ же дѣйствія и поступки, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, для однихъ могутъ быть услугой (или преступленіемъ) и могутъ со стороны ихъ повлечь или наградную, или карательную реакцію, тогда какъ для другихъ лицъ—эти дѣйствія не могутъ быть ни

---

[1]) „Вмѣненіе“ какого-нибудь акта въ качествѣ преступнаго или услужнаго, а соотвѣтственно и лицъ, его совершившихъ, въ качествѣ преступниковъ или подвижниковъ для насъ равносильно тому, квалифицируетъ ли кто-нибудь этотъ актъ, какъ преступный, или не квалифицируетъ. Если квалифицируетъ, значитъ „вмѣняетъ“, значитъ для даннаго лица есть преступленіе.

Если не квалифицируетъ, значитъ не „вмѣняетъ“, значитъ для даннаго лица нѣтъ преступленія, т. е. „преступный“ по виду актъ для него оказывается актомъ непреступнымъ.

услугой (ни преступленіемъ), ибо они совершены такими существами, которые, съ ихъ точки зрѣнія, не могутъ быть субъектами услугъ (или преступленій).

Для первобытнаго человѣка, для человѣка среднихъ вѣковъ и для многихъ людей (анимистовъ) нашего времени услугой или преступленіемъ были дѣйствія не только людей, но и животныхъ, и растеній, и сверхъестественныхъ существъ, тогда, какъ для современнаго правосознанія субъектами услугъ (и преступленій) могутъ быть только люди и при томъ обладающіе „нормальной волей и нормальнымъ сознаніемъ". Всякое дѣйствіе „невмѣняемаго" субъекта тѣмъ самымъ не является ни услугой, (ни преступленіемъ), ибо оно совершено „невмѣняемымъ" субъектомъ, т. е. существомъ, которое по-просту не можетъ быть субъектомъ услуги (или преступленія).

Вообще это положеніе позволительно формулировать такъ:

Область вмѣняемыхъ съ чьей-нибудь точки зрѣнія услугъ (и преступленій) совпадаетъ съ областью дѣйствіи существъ, представленія которыхъ надѣляются свойствами, аналогичными свойствамъ человѣка. Чѣмъ шире область подобныхъ субъектовъ, тѣмъ шире область вмѣняемыхъ субъектовъ, чѣмъ она уже—тѣмъ уже послѣдняя. Для рѣшенія вопроса: дѣйствія какихъ существъ могутъ быть квалифицируемы какъ услуги или преступленія, т. е. какія существа могутъ быть вмѣняемыми въ каждую эпоху съ точки зрѣнія какого-либо индивида,—слѣдуетъ обратиться къ изученію того, какіе предметы (и существа) этимъ индивидомъ надѣлялись свойствами, аналогичными свойствамъ человѣка. Рѣшеніе послѣдняго вопроса даетъ рѣшеніе перваго. Вообще тотъ или иной отвѣтъ на вопросъ: кто можетъ быть субъектомъ услуги (или преступленія) вполнѣ опредѣленно предрѣшаетъ и вопросъ о вмѣненіи.

Если съ моей точки зрѣнія субъектами могутъ быть только люди, обладающіе „нормальной волей", пониманіемъ свойствъ совершаемаго поступка, знаніемъ причинной связи между дѣйствіемъ и его слѣдствіями, знаніемъ того или иного отношенія закона къ данному дѣйствію и т. д.,—то, очевидно, какія угодно дѣйствія другихъ существъ, въ томъ числѣ и людей, но людей „ненормальныхъ" вообще, или въ моментъ совершенія дѣйствія не удовлетворяющихъ даннымъ условіямъ,—не будутъ мной квалифицироваться, какъ услуга (или преступленіе) и не вызовутъ, поэтому, наградно-карательныхъ реакцій. Точка зрѣнія дикаря,

сходна съ этой, но она приписываетъ эти свойства почти всѣмъ существамъ и предметамъ; отсюда понятно, что онъ почти всѣ явленія и квалифицируетъ какъ услуги или преступленія и соотвѣтствующимъ образомъ реагируетъ на нихъ.

B) Въ pendant къ понятіямъ уголовнаго права: крайняя необходимость, необходимая самооборона, физическое принужденіе и угроза, исполненіе закона или права и т. д., нѣчто аналогичное можно указать и въ области услугъ... Всѣ эти условія, дѣлающія извѣстный актъ не преступнымъ или смягчающія вину, суть по существу простой тавтологическій выводъ изъ понятія преступленія: ясно, что исполненіе закона, исполненіе кѣмъ-нибудь его „долга“ не можетъ быть преступленіемъ съ его точки зрѣнія, ибо оно не обладаетъ тѣми признаками, которыми обладаетъ преступленіе. Точно также актъ, совершенный кѣмъ-нибудь подъ вліяніемъ угрозы или принужденія, очевидно, не можетъ быть съ точки зрѣнія оффиціальнаго правосознанія преступленіемъ, ибо въ данномъ случаѣ нѣтъ субъекта преступленія съ его „намѣреніемъ“, свободной волей и т. д., т. е. на лицо „невмѣняемый субъектъ“.

Аналогичныя состоянія въ области услужно-наградныхъ отношеній исключаютъ возможность квалифицированія какого-нибудь дѣйствія субъекта услуги въ качествѣ услуги. Ихъ не стоило бы перечислять, ибо они самс собой вытекаютъ изъ понятія услуги, но слѣдуя традиціи, кратко укажемъ на нихъ.

а) Такъ какъ услуга есть не о б я з а т е л ь н о е,-принудительное, а д о б р о в о л ь н о е дѣйствіе, то вполнѣ понятно, что какое-нибудь дѣйствіе X'-а, по своему матеріальному характеру являющееся услугой, не будетъ мной квалифицироваться какъ услуга, если оно совершено подъ условіемъ принужденія или угрозы... Такъ напр., если во время войны захваченный плѣнникъ подъ страхомъ казни даетъ необходимыя свѣдѣнія о своемъ войскѣ, то его дѣйствіе вовсе не считается услугой. Напротивъ, подобнаго плѣнника или „услужника“ очень часто, вмѣсто награды, наказываютъ смертью, мотивируя это тѣмъ, что разъ онъ подъ вліяніемъ угрозъ другимъ измѣнилъ, то измѣнитъ и тѣмъ, кому оказалъ услугу. Исторія войнъ даетъ не мало подобныхъ примѣровъ. Одинъ изъ нихъ даетъ Иліада. Здѣсь Долону, подъ вліяніемъ угрозъ сообщившему всѣ необходимыя свѣдѣнія объ войскѣ троянцевъ, Діомедъ отвѣчаетъ:

«Ты на спасенье Долонъ, понапрасну, въ душѣ не надѣйся,
Давши полезный совѣтъ оттого, что попалъ въ наши руки.
Если теперь мы тебя назадъ отошлемъ и отпустимъ,
Послѣ ты снова придешь къ кораблямъ быстроходным ъ Ахейцевъ,
Съ тѣмъ, чтобъ высматривать тайно, иль съ нами открыто сражаться.
Если жъ, моею рукой укрощенный, ты жизни лишишься,
Больше уже никогда повредить Аргивянамъ не можешь [1])".

Какъ извѣстно, добровольное сознаніе въ совершенномъ преступленіи смягчаетъ вину и наказаніе за него. Это добровольное сознаніе—есть «услуга», которую преступникъ оказываетъ правосудію, особенно тогда, когда оно совершенно и не подозрѣваетъ о преступленіи. Иначе совсѣмъ обстоитъ дѣло тогда, когда преступникъ подъ вліяніемъ уликъ и показаній „принужденъ" сознаться. Тогда его признаніе не можетъ быть услугой.

Эта добровольность «услуги» отразилась и на нравственныхъ теоріяхъ и крайнее и наиболѣе рѣзкое выраженіе нашла въ Кантовской абсолютно-автономной моральной волѣ или въ его нравственномъ законѣ, какъ самоцѣли, согласно которому нравственно только то дѣйствіе, которое совершено всецѣло на основѣ нравственнаго закона автономной, свободной и доброй воли... Вообще изъ самаго понятія услуги уже вытекаетъ, что всякая принудительная услуга—не есть услуга и потому не вызываетъ награды.[2])

b) Точно также изъ самого понятія услуги вытекаетъ, что всякое дѣйствіе, которое по содержанію могло бы быть услугой, совершенное во имя закона или долга (т. е. опять-таки „обязательства" и принужденія), не есть услуга, а есть просто исполненіе долга...

Солдатъ, умирающій на войнѣ, городовой, спасающій меня отъ нападенія хулигана; почтальонъ, приносящій мнѣ ежедневно

---

[1]) Иліада п. X. стр. 163.

[2]) Отсюда понятно, что чистота „внутреннихъ" мотивовъ и ихъ безкорыстность и добровольность, часто выставлявшихся въ качествѣ признаковъ отличающихъ нравственныя явленія отъ правовыхъ есть лишь простой выводъ изъ понятія услуги. См., напр., Таганцевъ, § 6.

почту, дворникъ и прислуга, ежедневно оказывающіе намъ множество „услугъ“, учитель, обучающій насъ наукамъ и т. д.,—всѣ они оказываютъ и дѣлаютъ множество дѣйствій, которыя могли бы быть услугами, но въ виду того, что эти дѣйствія ихъ „долгъ“, въ виду того, что они исполняютъ только свою обязанность, т. е. дѣйствуютъ согласно „должнымъ“ шаблонамъ поведенія—въ виду этого ихъ дѣйствія не являются услугами... Иначе обстоитъ дѣло, если меня освободитъ отъ хулигана человѣкъ, не обязанный къ этому (по моему убѣжденію), если мнѣ письма, газеты и посылки принесетъ не почтальонъ, а кто-нибудь другой, добровольно дѣлающій это; если меня будетъ обучать кто-нибудь, не обязанный это дѣлать—въ этомъ случаѣ дѣйствія этихъ лицъ уже будутъ услугами, ибо они добровольны, не противорѣчатъ „должнымъ“ шаблонамъ и являются сверхнормальными.

Въ виду этого всѣ „услуги“, которыя кѣмъ-либо совершаются по отношенію къ намъ въ силу нашего правопритязанія или нами въ силу правопритязанія другихъ,—не есть услуги и потому не влекутъ соотвѣтствующихъ наградныхъ реакцій, выражающихся тѣмъ или инымъ образомъ.

Вообще, дедуктивно можно предвидѣть, что всѣ тѣ случаи, которые перечисляются въ курсахъ уголовнаго права, какъ уменьшающіе наказаніе или вовсе его уничтожающіе (опьяненіе, безсознательное преступленіе, малолѣтство, состояніе аффекта, лунатизма, сна и т. д.) соотвѣтствующимъ образомъ отражаются и на оцѣнкѣ услугъ и влекутъ смягченіе или уничтоженіе наградной реакціи...

c) Опять-таки, подобно преступленію, для того, чтобы услуга могла квалифицироваться какъ услуга, недостаточно, чтобы она была только въ сознаніи субъекта услуги; въ этомъ случаѣ она неизвѣстна никому и поэтому не можетъ возбудить никакой наградной реакціи. Услуга, какъ и преступленіе, должна такъ или иначе выразиться во внѣшнихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ. И здѣсь можно различать нѣкоторую градацію внѣшнихъ проявленій услуги и соотвѣтственно съ этимъ градацію наградъ. Въ уголовномъ правѣ обычно различается: умыселъ, приготовленіе, покушеніе, неудавшееся преступленіе и совершеніе преступленія; при чемъ голый умыселъ, приготовленіе и, въ извѣстныхъ случаяхъ, покушеніе (поскольку оно было прекращено самимъ преступникомъ) съ точки зрѣнія современнаго уголов-

наго права считаются ненаказуемыми; неудавшееся преступленіе наказывается легче, а совершеніе преступленія наказывается всего сильнѣе.

Приблизительно то же наблюдается и относительно услугъ. Голый умыселъ совершить услугу обычно не влечетъ за собой никакой награды, т. е. не считается за услугу. Мало ли кто не думаетъ о различныхъ подвигахъ, начиная хотя бы съ лежащаго на диванѣ Обломова или мечтателя Ромашова (Поединокъ-Куприна) и кончая тѣми, имена коихъ ты Господи вѣси, и, однако, всѣ эти мечты, оставшіяся мечтами, не вызываютъ вообще никакой наградной реакціи. Сколько солдатъ мечтало о подвигахъ, но за однѣ мечты они Георгія не получали. Сколько людей мечтало быть поэтами, но разъ этотъ умыселъ ничѣмъ не проявился во внѣ—они не дѣлались дѣйствительными поэтами. Сколько молодыхъ и старыхъ людей имѣло умыселъ сдѣлать важное открытіе—и, однако, за одинъ умыселъ имъ не даютъ ни каѳедръ, ни ученыхъ степеней.

Первой степенью внѣшняго проявленія услуги, согласно терминологіи уголовнаго права, является приготовленіе къ ней, т. е. „поставленіе себя въ возможность совершить услугу“. Напр., если я хочу сдѣлать ради блага людей великое техническое изобрѣтеніе (услуга обществу), то подъ приготовленіемъ будетъ разумѣться рядъ дѣйствій, въ родѣ пріобрѣтенія бумаги, приборовъ для чертежей, необходимыхъ инструментовъ для созданія модели или опыта и т. д.

Какъ въ уголовномъ правѣ приготовленіе къ преступленію, за нѣкоторыми исключеніями, не влечетъ за собой наказанія, такъ и здѣсь приготовленіе къ услугѣ не влечетъ за собой (за нѣкоторыми исключеніями) награды...

Примѣровъ, подтверждающихъ это, можно привести сколько угодно. Дѣйствія того же изобрѣтателя, остановившіяся на стадіи приготовленія, не вызываютъ никакихъ наградныхъ реакцій со стороны кого бы то ни было.. Человѣкъ, намѣревающійся спасать кого-нибудь тонущаго и ограничивающійся только сниманіемъ одежды, никѣмъ не считается совершителемъ услуги. Съ оттѣнкомъ ироніи про такого спасателя говорятъ: «Спасибо и на томъ, что хотѣлъ спасти». Только въ томъ случаѣ, когда это приготовленіе къ услугѣ само уже выражается въ извѣстной (хотя и въ другой) услугѣ—только въ этомъ случаѣ оно квалифицируется какъ услуга и влечетъ за собой ту или иную на-

граду... Конкретнымъ примѣромъ послѣдняго случая можетъ отчасти служить Колумбъ, приготовлявшійся открыть прямой путь въ Индію, и въ приготовленіи къ этому открывшій Америку.

Третьимъ этапомъ выполненія услуги служитъ покушеніе на услугу. И здѣсь, въ pendant къ преступленію, общая суть дѣла такова, что покушеніе, прерванное по волѣ автора, не награждается, ибо оно служитъ показателемъ банкротства и несостоятельности даннаго лица совершить услугу, тогда какъ покушеніе на услугу, прерванное по „независящимъ обстоятельствамъ"— въ иныхъ случаяхъ награждается и квалифицируется какъ услуга. Конкретными примѣрами могутъ служить различные случаи „испытанія" въ различныхъ областяхъ жизни: испытаніе влюбленнаго, отъ котораго требуется въ знакъ любви со стороны его возлюбленной тотъ или иной подвигъ; это покушеніе на подвигъ (напр., смерть), не доведенное до конца благодаря вмѣшательству самой же возлюбленной, обычно награждается такъ или иначе. Солдатъ, рѣшившій взорвать пороховой погребъ непріятеля и не доведшій до конца свое намѣреніе, уже проявившееся въ рядѣ дѣйствій, благодаря только приказанію командира,—считается обычно также достойнымъ награды и т. д.

Дальнѣйшими ступенями служатъ неудавшаяся услуга и совершеніе услуги... То и другое обычно награждается... Примѣромъ этой награды можетъ служить признательность общества человѣку, бросившемуся спасать другого (утопающаго, напримѣръ) и не спасшаго его лишь благодаря тому случайному факту, что первый успѣлъ захлебнуться раньше, чѣмъ подплылъ къ нему второй.

Высшая степень награды падаетъ, конечно, на удавшуюся услугу...

Конечно, эта градація различныхъ стадій и соотвѣтственныхъ степеней наградъ въ области услугъ можетъ быть лишь весьма относительной и, въ виду отсутствія соотвѣтственнаго оффиціальнаго права, менѣе рѣзкой, чѣмъ въ области уголовнаго права. Однако, какъ видно изъ сказаннаго, и въ области услугъ имѣется налицо извѣстная градація, весьма близкая къ рубрикамъ уголовнаго права...

Помимо приведенныхъ примѣровъ суммарными примѣрами, доказывающими пропорціональную градацію различныхъ наградъ и различныхъ стадій услуги, могутъ служить многочисленные факты различныхъ конкурсовъ и состязаній (авіація, конкурсъ

сочиненій, пьесъ, памятниковъ, моделей, лыжныя, бѣговыя, футбольныя состязанія и т. д.). Всѣ участвующіе въ подобныхъ конкурсахъ и состязаніяхъ могутъ быть разсматриваемы, какъ субъекты, желающіе совершать тотъ или иной подвигъ.

Но не всѣ получаютъ одинаковыя награды. Одни изъ участвующихъ ограничиваются только приготовленіемъ къ услугѣ я, вполнѣ понятно, не получаютъ никакого „приза“ или „преміи“. Другіе принуждены ограничиться только „покушеніемъ“, третьи— „неудавшимся совершеніемъ услуги“ и немногіе или одинъ— совершеніемъ услуги. Соотвѣтственно этимъ степенямъ совершенія услуги распредѣляются и преміи или призы. Одинъ получаетъ первый призъ, другой—второй, третій—третій и т. д., а большинство—никакого приза.

Конечно, все сказанное относится къ современной психикѣ и вполнѣ возможно, что въ прошломъ, хотя указанная градація и была (рыцарскіе турниры, подвиги богатырей, требуемые отъ нихъ для полученія руки какой-нибудь принцессы въ старинныхъ русскихъ сказкахъ и т. д.), но она была менѣе сложной и менѣе дифференцированной. Относительно преступленій это видно изъ того, что чѣмъ древнѣе уголовные сборники, тѣмъ меньше въ нихъ указанныхъ дѣленій.

То же, вѣроятно, было и въ области услугъ и наградъ.

D) Дальнѣйшимъ явленіемъ въ области услугъ, аналогичнымъ соотвѣтственному явленію въ области преступленія, служитъ у ч а с т і е въ услугахъ. И въ области услугъ можно различать нѣчто подобное раздѣленію участія на участіе необходимое и случайное. Бываетъ рядъ услугъ, которые индивидуальными силами никоимъ образомъ не могутъ быть выполнены... (Напр., нѣкоторые номера цирковыхъ акробатовъ, нѣкоторыя состязанія, напр., футбольный спортъ и т. д.). Въ этихъ случаяхъ и соотвѣтственная награда падаетъ не на одного, а на всѣхъ участниковъ (или въ равной или въ неравной степени). Въ случаѣ коллективнаго научнаго открытія награда падаетъ на долю всѣхъ участниковъ. Отрядъ солдатъ, отличившихся въ защитѣ или въ нападеніи на непріятеля,—слѣдующій примѣръ коллективнаго подвига. Въ области подвига, конечно, нельзя говорить о виновничествѣ, пособничествѣ и прикосновенности, но можно говорить о различныхъ степеняхъ соучастія и, сообразно съ этимъ,—о различныхъ степеняхъ награды. Если роль

всѣхъ участниковъ въ услугѣ была приблизительно одинаковой—приблизительно одинаковой становится и награда каждому. Въ „Иліадѣ“ Одиссей и Діомедъ, схватывающіе лазутчика Долона, узнающіе о расположеніи и намѣреніяхъ троянцевъ и избивающіе ихъ, играли приблизительно одинаковую роль, а поэтому получили, приблизительно, и одинаковую награду.

Степеней участія въ услугѣ, конечно, можетъ быть много и нѣтъ возможности да и надобности ограничивать количество ихъ двумя, тремя или большимъ числомъ; важно лишь то, что награда падаетъ и на долю соучастниковъ и тѣмъ въ бо̀льшей степени, чѣмъ важнѣе было соучастіе каждаго въ данной услугѣ. Аѳина и Гера, воодушевляющія ахейцевъ, Аполлонъ и Афродита, воодушевляющіе троянцевъ, Гефестъ, приготовляющій оружіе Ахиллу, богачъ, жертвующій деньги на устройство научнаго института, ученый—спеціалистъ въ одной области, дающій спеціальныя данныя необходимыя для работы другого ученаго, даже механикъ авіатора, исправно и точно устанавливающій аппаратъ и т. д. и т. д., —вплоть до фактовъ простого ободренія и выраженія сочувствія кѣмъ-либо кому-нибудь, намѣревающемуся совершить подвигъ—все это факты участія или соучастія въ той или иной услугѣ, которыя могутъ быть раздѣлены на различныя степени и въ которыхъ при желаніи можно, пожалуй, даже провести различія, классифицируя одни факты соучастія, какъ прикосновенность, другіе—какъ способничество, третьи—какъ виновничество.

Но это, въ виду отсутствія наградного права, пока излишне, а важно лишь то, что степень награды, падающей на долю каждаго участника, болѣе или менѣе соотвѣтственна степени важности участія въ подвигѣ каждаго участника. Конечно, конкретное пониманіе степени важности можетъ быть различно въ различныя историческія эпохи и зависитъ, въ конечномъ счетѣ, отъ знанія подлинныхъ причинныхъ связей между дѣйствіями индивида и слѣдствіями этихъ дѣйствій для услуги. Этого знанія раньше не было (да и теперь нельзя еще этимъ похвастать), поэтому, понятно, что сплошь и рядомъ раньше важное значеніе придавалось такимъ участникамъ въ услугѣ, которымъ мы не придаемъ никакого значенія (напр., участіе шамана или знахаря въ выздоровленіи кого-нибудь). Можетъ быть и обратно. Распредѣленіе наградъ, слѣд., производи-

лось сообразно съ тѣмъ, каковой казалась близость и важность участія каждаго участника въ данной услугѣ.

(Напр., Моисею, по воззрѣнію евреевъ, приписывалась чуть не вся побѣда надъ амаликитянами: когда онъ поднималъ руки— евреи побѣждали, когда опускалъ ихъ—были побѣждаемы. Вполнѣ понятно, что и награда за подобную важную роль въ побѣдѣ ему должна была быть наибольшей).

Таковы основныя условія вмѣняемости услугъ (и преступленій), а слѣд., и условія, отсутствіе которыхъ уничтожаетъ „преступность“ или „услужность“ акта, а тѣмъ самымъ и возможность карательной или наградной реакціи.

---

§ 3 [1]).

Объ элементахъ преступнаго и услужнаго акта.

Установивъ основныя понятія преступленія и наказанія, подвиговъ и наградъ, теперь мы можемъ перейти уже и къ болѣе детальному анализу преступныхъ и услужныхъ актовъ, т. е. къ тому, что въ области уголовнаго права носитъ названіе ученія о составѣ преступленія. Планъ нашего анализа могъ-бы быть такимъ, что мы въ pendant къ дѣленію уголовнаго права на: ученіе о преступленіи и ученіе о наказаніи могли бы точно также и наградное право разбить на: ученіе о подвигѣ и ученіе о наградѣ. Далѣе, въ pendant къ четыремъ основнымъ моментамъ или признакамъ преступленія [2]) мы могли-бы установить соотвѣтственные моменты и относительно подвига. Но такъ какъ

---

[1]) Въ данной главѣ, какъ и вездѣ, имѣется въ виду не точка зрѣнія уголовной или наградной политики (должнаго), а точка зрѣнія теоріи преступленій и подвиговъ, каръ и наградъ (сущаго или бывшаго).

[2]) „Существенно-необходимые признаки, изъ которыхъ слагается составъ преступленія, какъ родового понятія, слѣдующіе: а) субъектъ преступленія или совершитель преступленія, б) объектъ или предметъ, надъ которымъ совершается преступленіе, в) отношеніе воли субъекта къ преступному дѣйствію или внутренняя его дѣятельность, г) самое дѣйствіе и его послѣдствіе—дѣло или внѣшняя дѣятельность субъекта и ея результаты. Кистяковскій стр. 265. Сергѣевскій, отд. III. Бернеръ. 338, 448, Таганцевъ, 366—7 и др.

изъ установленныхъ выше положеній вытекаетъ необходимость иного подраздѣленія—то мы не послѣдуемъ цѣликомъ этому принятому дѣленію и пойдемъ по нѣсколько иному пути.

Согласно установленному выше, преступленіе и подвигъ есть прежде всего а к т ы, или акты дѣйствительные или акты воображаемые. А понятіе акта въ свою очередь предполагаетъ представленіе с у б ъ е к т а его совершившаго, представленіе а д р е с а т а этого акта, (дестинатара), въ пользу котораго или противъ котораго совершены услуга и преступленіе; представленіе тѣхъ или иныхъ дѣйствій, изъ которыхъ состоитъ актъ (о б ъ е к т н о е п р е д с т а в л е н і е) и далѣе рядъ м о д а л ь н ы х ъ представленій: времени, (когда совершенъ актъ), м і с т а (гдѣ), рядъ вещныхъ представленій и т. д. [1]).

Сообразно съ этой классификаціей мы и построимъ формальное ученіе о преступленіяхъ и подвигахъ. Но въ виду того, что здѣсь обнаруживается полная параллель между преступленіемъ и подвигомъ, и въ виду того, что формальнаго ученія о подвигахъ еще нѣтъ—мы въ дальнѣйшемъ, въ видахъ—экономіи, будемъ говорить лишь о субъектахъ, объектахъ, дестинаторахъ etc. подвига, предполагая, что все сказанное объ элементахъ услужнаго акта, съ соотвѣтственными измѣненіями, примѣнимо и къ преступному акту...

О субъектѣ подвига или услуги (и преступленія).

П о д ъ с у б ъ е к т о м ъ п о д в и г а (и л и п р е с т у п л е н і я) м ы р а з у м ѣ е м ъ п р е д с т а в л е н і е т о г о л и ц а, к о т о р о м у к ѣ м ъ-л и б о п р и п и с ы в а е т с я с о в е р ш е н і е у с л у ж н а г о (и л и п р е с т у п н а г о) а к т а п о о т н о ш е н і ю к ъ к о м у-н и б у д ь.

Изучая историческую дѣйствительность въ данномъ отношеніи, мы должны констатировать то, что субъектомъ услуги (преступленія) въ различныя времена и у различныхъ людей были не только люди, но и воображаемыя существа, неодушевленные предметы, растенія, животныя и абстрактно-групповыя лица. Примѣровъ и фактовъ, подтверждающихъ это положеніе можно привести ad libitum. Ограничусь немногими.

---

[1]) См. П е т р а ж и ц к і й. Теорія права. т. I. стр. 75 и слѣд., т. II, §§ 29—34, гдѣ установлена эта классификація нравственныхъ (въ его смыслѣ) переживаній и откуда ее заимствую я.

Что отдѣльный человѣкъ можетъ быть субъектомъ услуги—это несомнѣнно и само собой очевидно. Гораздо сомнительнѣе случаи, гдѣ субъектомъ услуги могли бы быть: a) фантастическія, воображаемыя существа, b) неодушевленные предметы, c) растенія, d) животныя e) и абстрактно-групповыя лица. Однако, небольшое знакомство съ исторіей религіозныхъ вѣрованій съ одной стороны, и небольшая наблюдательность надъ многими фактами окружающей насъ среды—съ другой, заставляютъ вполнѣ положительно отвѣтить на эти вопросы.

a) Какъ извѣстно, первобытныя религіозныя вѣрованія представляютъ тѣ или иныя тотемистическія, анимистическія и фетишистскія воззрѣнія. Согласно имъ, весь міръ наполненъ многочисленными духами, подобными человѣческому „я“ и воплощенными въ всевозможнѣйшихъ предметахъ міра. Судьба и счастье, какъ отдѣльной личности, такъ и совокупности лицъ зависятъ отъ воли этихъ духовъ, которые могутъ быть то добрыми, то злыми. Вся категорія добрыхъ духовъ, съ точки зрѣнія анимизма, могла быть въ рядѣ случаевъ и была ничѣмъ инымъ, какъ категоріей субъектовъ всевозможныхъ услугъ. „Зулусы вѣруютъ, что тѣни мертвыхъ воиновъ ихъ племенъ находятся среди нихъ въ битвѣ и ведутъ ихъ къ побѣдѣ; но если эти призрачные союзники гнѣваются и убѣгаютъ, бой будетъ проигранъ“ [1]) Алгонкинскіе индѣйцы вѣрятъ, что весь видимый и невидимый міръ наполненъ различными разрядами добрыхъ и злыхъ духовъ, которые управляютъ обыденною жизнью и конечными судьбами человѣка. „Орисскіе конды вѣрятъ въ особыхъ духовъ покровителей, которые имѣютъ въ своей власти всѣ явленія природы, совершающіяся въ данномъ мѣстѣ и всѣ событія въ жизни людей. Число ихъ безконечно... Они сохраняютъ холмы, рощи... имъ извѣстно каждое дѣйствіе человѣка, всѣ нужды и интересы мѣстности, находящейся подъ ихъ властью“ [2]). Многіе люди поступаютъ и теперь подобно самоѣду, который въ случаѣ какой-нибудь удачи благодаритъ своего божка за услугу, оказанную послѣднимъ ему... Агура-Мазда (Ормуздъ), Ра, Іегова, боги Ведъ, ихъ свита дэвы, свита Агура-Мазды въ древне-персидской религіи, современные ангелы, души предковъ и т. д. и т. д., все это субъекты услугъ для тѣхъ лицъ, которыя вѣруютъ въ ихъ

---

[1]) Тейлоръ. Антропологія, изд. Билибина стр. 351.
[2]) Тейлоръ. Первобыт. культура, т. II, стр. 237 и слѣд.

бытіе. Со всѣми ими у людей были не только „должныя“, но и услужныя отношенія, и рядъ ихъ актовъ сплошь и рядомъ квалифицировался въ качествѣ „подвига“. Стоитъ взять религіозные гимны и молитвы, чтобы ясно убѣдиться въ этомъ... Приведу нѣкоторые...

„Слава тебѣ создателю всего, господину закона..., творцу людей и животныхъ, господину сѣмянъ, творящему кормъ для полевыхъ звѣрей“, такъ начинается гимнъ къ Аммону-Ра. То же читаемъ и въ обращеніи къ Гору. „Божество всѣхъ сѣмянъ, онъ даетъ всѣ травы и все плодородіе земли. Онъ вызываетъ плодородіе и даруетъ его всей землѣ. Всѣ люди восхищены, всѣ сердца смягчены и радостны, всѣ преклоняются предъ нимъ“ (награда за услугу). Въ гимнѣ къ Тегути-Пта читаемъ:.. „Ему мы обязаны трудомъ своихъ рукъ, хожденіемъ ногъ, зрѣніемъ глазъ, слухомъ ушей... и т. д.. всѣмъ, что въ сердцѣ и всѣмъ, что на языкѣ“.

Въ гимнахъ Ведъ читаемъ, напр., такія слова въ обращеніи къ Индрѣ:

„Все отъ тебя! Ты намъ даруешь
Коня, быка, овцу, корову,
Даруешь золото, ставишь
Издревле тѣхъ, что правятъ нами.
Съ лица земли ты прогоняешь
Звѣрообразныхъ чернокожихъ“ и т. д. [1]).

Точно также въ Законахъ Ману читаемъ: „Отпустивъ брахмановъ, (домохозяинъ) молчаливый и чистый, долженъ просить у предковъ слѣдующихъ м и л о с т е й: Да умножаются среди насъ щедрые люди!.. Да не покинетъ насъ вѣра! Да будетъ у насъ возможность давать много неимущимъ!“ [2])

Очевидно, если эти „милости“ посылались предками, то они сами разсматривались именно какъ субъекты услуги.

Возьмите любое мѣсто Авесты и вы повсюду находите тамъ ту же мысль объ томъ, что Агура-Мазда съ его свитой есть источникъ всякихъ благъ и всякихъ услугъ. Стоитъ взять хотя бы титулы Агура-Мазды въ родѣ: „Schöpfer der mit Körper begabten Welten, Reiner, Versammler (какъ творецъ и собиратель

---

1) М е н з и с ъ Исторія религій. стр. 106 и 240. Изд. Павленкова.
2) З а к о н ы М а н у. 3, 258—9.

полезныхъ человѣку животныхъ и растеній), Ausbreiter (добра), beste Reinheit, alle Güter die vom Masda geschaffenen, die einen reinen Ursprung haben, Verstand, mit Verstand begabte, Weisheit, mit Weisheit begabte и т. д.—чтобы сказанное было очевиднымъ. Онъ и самъ говоритъ: „P r e i s e m i c h, Zarathustra am Tage und in der Nacht mit Gaben die unter Bitten herbeigebracht werden.

Ich will zu dir kommen zum Schutze und zur Freude, ich der ich Ahura-mazdâ bin“ и т. д. [1]).

Въ „Библіи“ мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу наряду съ „обязательными“ и другіе акты Іеговы, квалифицируемые въ качествѣ его услугъ. Въ „Коранѣ“ читаемъ: „О дѣти Израиля! Вспомните о б л а г о д ѣ я н і я х ъ, какими я осыпалъ васъ!“ „Все хорошее, что случается съ тобой, исходитъ отъ Бога“ [2]) и т. д.

Въ „Талмудѣ“ стоитъ взять хотя бы славословіе послѣ вечерняго шема, чтобы видѣть то же самое. „Онъ Царь нашъ, говорится тамъ про Бога, спасалъ насъ отъ рукъ царей... Онъ вызвалъ души наши къ жизни и не даетъ преткнуться ногамъ нашимъ. Онъ совершаетъ непостижимо—величественные подвиги и неисчислимыя чудеса. Онъ совершилъ для насъ чудеса, отомстилъ Фараону знаменіями и чудесами въ области сыновъ Хама. Онъ перебилъ въ негодованіи своемъ всѣхъ первенцевъ Египетскихъ и вывелъ народъ свой, Израиля, изъ ихъ среды на вѣчную свободу“ и т. д. [3]). Все это ничто иное, какъ перечисленіе ряда услугъ Іеговы.

Я не буду приводить дальнѣйшихъ примѣровъ. И изъ сказаннаго очевидно, что всѣ религіозныя системы, поскольку въ нихъ есть вѣрованіе въ добрыхъ духовъ,—всѣ онѣ сплошное доказательство того, что нѣкогда субъектами услугъ (а равнымъ образомъ и субъектами преступленій—дьяволъ, демонъ, злые духи, души колдуновъ и чародѣевъ, Агра-Майніусъ [4]) (Ариманъ и т. д.)—являлись и были фантастическія сверхестественныя существа. Этимъ именно и объясняется культъ всякой религіи: мо-

---

[1]) A v e s t a Leipzig 1863 г. пер. Spiegel'a. см. Vendidat. passim. и Khorda-Avesta стр. 29 и passim.

[2]) К о р а н ъ М а г о м е т а. Изд. Клюкина. „Корова“ ст. 38, „Женщины“ ст. 81 и т. д.

[3]) Т а л м у д ъ. т. I. Перев. Переферковича. СПБ. 1899 стр. 40.

[4]) Avesta. Vendidad. I-й фаргардъ. passim.

литвы, жертвоприношенія, обряды и т. д.; все это есть или услуга богамъ, въ свою очередь вызывающая награду со стороны ихъ, или же награда за услугу, оказанную ими (см. ниже).

Помимо всего этого, стоитъ внимательно приглядѣться къ окружающей насъ средѣ, чтобы найти любое количество фактовъ, подтверждающихъ сказанное. Поэтому, вполнѣ правъ Л. І. Петражицкій, когда онъ указываетъ на божества, какъ субъекты правъ и обязанностей [1]). Они же были и субъектами услугъ.

b) Не менѣе очевидно, что субъектами услугъ (какъ и преступленій) были и животныя, и растенія въ періодъ анимистическихъ и тотемистическихъ вѣрованій. Съ этой цѣлью достаточно указать на различные культы животныхъ и растеній: культъ деревьевъ, травъ, индусскій культъ „сомы“ и соотвѣтствующій ему древне-персидскій культъ „гаомы“, ассирійскій культъ пальмы, почитаніе быковъ (Египет. „аписъ“) кошекъ, гиппопотамовъ, ибиса, крокодила, культъ змѣй и т. д.

Всѣ эти „существа“ въ этомъ культѣ выступаютъ очень часто въ качествѣ субъектовъ услугъ, за что и получаютъ соотвѣтствующія награды—жертвы, молитвы и т. д. „Первобытный человѣкъ, пишетъ Бринтонъ въ своей книгѣ „О религіи первобытныхъ народовъ“, стоялъ въ тѣсномъ общеніи съ деревьями. Дупло ихъ служило ему жилищемъ, вѣтви—мѣстомъ убѣжища а плоды—пищею. Не мудрено, если оно сдѣлалось для него божествомъ-покровителемъ“.

Другая причина развитія культа деревьевъ заключалась въ томъ, что деревьямъ приписывали производство дождей. Но отъ дождей зависитъ плодородіе, поэтому на деревья стали смотрѣть какъ на символы жизни и почитать ихъ источникомъ размноженія, одинаково стадъ и людей (отсюда почитаніе креста, какъ символа дерева [2]). Подобное же наблюдается, пожалуй, и въ любомъ культѣ растенія или животнаго.

Харузинъ, слѣдуя Frazer'у, самый тотэмъ и тотэмизмъ характеризуетъ такъ: „Тотэмомъ называется классъ матеріальныхъ объектовъ, къ которымъ дикарь относится съ суевѣрнымъ уваженіемъ, вѣруя, что между нимъ и каждымъ членомъ почитаемаго класса объектовъ существуетъ интимная и совершен-

---

[1] Петражицкій. Теорія права. т. I, стр. 122 и слѣд.
[2]) М. М. Ковалевскій. Соціологія. т. II, стр. 266—277.

но особая связь“, а эта связь, помимо родства, заключается „въ убѣжденіи, что у даннаго лица есть свой покровитель въ лицѣ опредѣленнаго вида животныхъ и другихъ предметовъ“ [1]).

Само опредѣленіе тотэмизма уже указываетъ на то, что тотэмъ (групповой или индивидуальный) есть по преимуществу субъектъ услугъ. А такъ какъ тотэмами являются различные виды растеній и животныхъ, то вполнѣ понятно, что каждый изъ нихъ тѣмъ самымъ для члена соотвѣтствующаго тотэма былъ и субъектомъ услугъ. Отсюда само собой вытекаетъ и покровительство, и почитаніе тотэма: тотэмъ оказываетъ покровительство (услуги) данной группѣ, ergo, данная группа въ свою очередь должна покровительствовать и почитать тотэмъ (награда): не убивать его, не употреблять въ пищу, молиться, въ честь его устраивать соотвѣтственныя празднества и т. д. [1]). То тотэмъ группѣ оказываетъ услуги и за это получаетъ отъ группы или индивида ту или иную награду, то, наоборотъ, группа или индивидъ оказываетъ тотэму услугу и получаетъ за это ту или иную награду...

Другимъ доказательствомъ даннаго положенія можетъ служить весьма многочисленный рядъ фактовъ, наблюдавшихся въ прошломъ и могущихъ быть наблюдаемыми въ окружающей средѣ. Приписываніе гусямъ чести спасенія Рима—вотъ одинъ изъ фактовъ наиболѣе характерныхъ въ этомъ отношеніи. И теперь еще въ массѣ крестьянства не рѣдкость встрѣтить приписываніе ряда услугъ животнымъ, растеніямъ и сверхестественнымъ существамъ („домовой“, плетущій косы любимымъ лошадямъ и дѣлающій ихъ здоровыми и т. д.). Владѣлецъ лошади, выигравшей первый призъ на скачкахъ, не далекъ отъ состоя-

---

[1]) Харузинъ. Этнографія. т. IV, стр. 51 См. также. Дюркгеймъ. Les for mes élémentaires de la vie religieuse, (1912 Paris), гдѣ читатель найдетъ множество подтвержденій того, что и растенія, и животныя, и неодушевленные предметы и „безличныя или сверхлично—абстрактныя сущности (каковыми являются по истолкованію Дюркгейма тотэмическія святыни-божества—„мана“)—были и выступали въ качествѣ субъектовъ услугъ (и преступленій). См. также Фразера. Тотэмизмъ и экзогамія (1910) т. I, 3, 4.

[2]) См. Харузинъ. Ibid. стр. 74 и слѣд. Ковалевскій. Ibid. гл. X. Работы Спенсера и Гиллена объ австралійцахъ. Тахтаревъ. Очерки по исторіи первобытной культуры изд. Антикъ, гл. V и VI Дюркгеймъ. Les formes... livre III. Strehlov. Die Aranda und Loritja—Stämme in Zentral—Australien. Франкфуртъ на Майнѣ. 1907.

нія анимиста, считаетъ лошадь субъектомъ услуги и соотвѣтственнымъ образомъ вознаграждаетъ ее. То же переживаетъ охотникъ по отношенію къ собакѣ, полицейскіе по отношенію къ ищейкѣ, напр., русскіе сыщики по отношенію къ „знаменитому Трефу“ и т. д. и т. д.

с) То же слѣдуетъ сказать и объ неодушевленныхъ (съ нашей точки зрѣнія) предметахъ. И они, подобно предыдущимъ существамъ, не разъ въ сознаніи многихъ были субъектами услугъ. Лучшее доказательство этого—существованіе фетишей, тотэмовъ, состоящихъ изъ неодушевленныхъ предметовъ, талисмановъ, ладонокъ и т. д. (почитаніе камней, кусковъ дерева, у австралійцевъ „чуринги“, „окнаникилла“ и т. п. [1])

Изъ многочисленныхъ фактовъ этого рода приведу только одинъ, особенно характерный. „Если кто-нибудь изъ насъ, говорилъ одинъ негръ европейцу-путешественнику, рѣшается предпринять нѣчто важное, мы прежде всего отыскиваемъ бога, который бы помогъ задуманному предпріятію: вышедши съ этою цѣлью изъ дома, мы беремъ первое встрѣтившееся намъ живое существо, а иногда, вмѣсто того, даже и неодушевленный предметъ, попавшійся намъ на дорогѣ: камень, кусокъ дерева или что-нибудь другое въ томъ же родѣ. Этому вновь избранному богу приносится жертва вмѣстѣ съ торжественнымъ обѣтомъ, что если ему угодно будетъ помочь нашимъ предпріятіямъ, то на будущее время мы станемъ всегда поклоняться ему и чтить его какъ бога. Если наше предпріятіе окончится успѣшно, это значитъ, что мы открыли новаго и помогающаго въ дѣлахъ нашихъ бога, и ему ежедневно приносятся новыя жертвы“... [2]).

Здѣсь чрезвычайно наглядно выступаетъ наградная мотивація и очень ясенъ добровольный характеръ услуги «бога-дерева»...

Я не буду приводить другихъ примѣровъ. Стоитъ раскрыть любую книгу по исторіи религіозныхъ вѣрованій, и фактовъ, подтверждающихъ данное положеніе, можно найти сколько угодно [3]).

---

[1]) См. „Соціальный символизмъ“, гдѣ дано объясненіе фетишизма вообще.

[2]) Харузинъ. Ibid. 88 стр.

[3]) См. напр. Тейлоръ. Первоб. культуры, т. II стр. 210—221 и др. Харузинъ. Ibid. 85—103 и др. М. Ковалевскій. Соціологія, т. II, гл. 9 и 10 и др.

Если всѣ предметы міра кажутся подобными людямъ и имѣютъ такое же «я», что и у человѣка—то вполнѣ понятно, что и всѣ предметы реальные и фантастическіе могутъ быть субъектами услугъ. Таково міровоззрѣніе анимиста. Недостатокъ опыта и знанія мѣшалъ ему различать между живымъ и не живымъ. Та же причина мѣшала ему различать дѣйствительную вмѣняемость отъ мнимой [1]). По мѣрѣ роста знанія постепенно растетъ и знаніе подлинныхъ причинныхъ связей, намѣренія и дѣйствія. Благодаря этому теперь мы ограничиваемъ кругъ субъектовъ услугъ (и преступленій) вмѣняемыми людьми, ибо мы знаемъ, что если какой-нибудь поступокъ животнаго и вызвалъ для насъ благопріятныя послѣдствія, то это есть дѣло случая, а не «умысла», и поэтому не можемъ считать ихъ субъектами услугъ (и преступленій).

Историческая тенденція, обнаруживающаяся въ данной области, состоитъ въ постепенномъ ограниченіи области субъектовъ услугъ (и преступленій): мало-по-малу подобными субъектами перестаютъ быть: сверхестественныя существа, животныя, растенія, неодушевленные предметы (съ паденіемъ анимизма, фетишизма, тотэмизма и вообще антропоморфизма) и въ настоящее время субъектами услугъ и преступленій могутъ быть для развитаго сознанія только люди и при томъ не всѣ, а исключительно «вмѣняемые», т.-е. знающіе причиннную связь опредѣленнаго поступка и его слѣдствій, а равнымъ образомъ отношеніе къ нему соотвѣтствующихъ должныхъ нормъ поведенія.

Въ новѣйшихъ же теченіяхъ въ наукѣ уголовнаго права и человѣкъ перестаетъ быть вмѣняемымъ. Область вмѣняемыхъ субъектовъ преступленій дошла до нуля... [2]).

---

[1]) Объ этомъ см. Ковалевскій. Соціол. II стр. 221.

[2]) См. работы Ферри, Ломброзо и др., замѣняющихъ принципъ вмѣняемости принципомъ „безопасности общества“, а соотвѣтственно и наказаніе, какъ актъ, долженствующій причинить страданіе преступнику, не страдательными (въ принципѣ) мѣрами изолированія и исправленія преступниковъ.

Къ тому же очевидно стремится и «вмѣняемость» подвиговъ и услугъ.

Но перечисленными разрядами конкретно-индивидуальныхъ предметовъ не исчерпывается область субъектовъ услугъ. Сплошь и рядомъ въ качествѣ таковыхъ фигурируютъ цѣлыя группы или цѣлые классы различныхъ абстрактныхъ представленій. Такъ, очень часто та или иная услуга приписывается цѣлому народу, (напр., «русскіе» или «Россія» являлась для славянъ такимъ субъектомъ во время русско-турецкой войны), отдѣльному коллективу: земству, городу, классу, отдѣльной корпораціи и т. д. Студентъ, получившій стипендію отъ какого-нибудь земства или города, считаетъ субъектомъ услуги не того или иного члена земства или города, а «земство» вообще, «городъ» вообще. Рядъ услужныхъ актовъ, напр., устройство безплатныхъ столовыхъ, пріютовъ, безплатныхъ больницъ, устройство школъ и т. д., совершается прямо отъ имени подобныхъ коллективовъ, «услужныхъ лицъ», и въ переживаніи отдѣльныхъ лицъ субъектомъ подобныхъ услугъ являются опять-таки представленія: «городъ», земство, комитетъ, общество и т. д.

Поэтому предыдущій рядъ конкретно-индивидуальныхъ субъектовъ услуги долженъ быть дополненъ абстрактно-групповыми субъектами услугъ.

Изъ сказаннаго видно, что субъектами услугъ (и преступленій) могутъ быть и были представленія любыхъ предметовъ. Плохо-ли это было или хорошо—это вопросъ другой, но что это было такъ—не подлежитъ сомнѣнію, и поэтому теорія услугъ не можетъ игнорировать это явленіе. Другое дѣло—политика услугъ. Но она пока насъ не касается.

Сказанное mutatis mutandis примѣняемо и къ субъектамъ преступленія.

Объ объектѣ услуги (преступленія) и его модальностяхъ.

Подъ объектомъ услуги (преступленія) мы будемъ понимать представленія тѣхъ актовъ или того поведенія, которое

и составляетъ собой самый актъ услуги или преступленія, иначе говоря, представленія тѣхъ поступковъ, которые съ точки зрѣнія кого-нибудь являются услугой (преступленіемъ) по отношенію къ кому-нибудь.

Выше было уже указано, что подъ услугами мы понимаемъ совокупность актовъ, которые не противорѣчатъ должнымъ шаблонамъ, но въ то же время выходятъ изъ ихъ границъ, составляя нѣкоторую «роскошь» и сверхнормальный, добровольный избытокъ.

Всѣ эти акты, въ конкретномъ своемъ видѣ проявляющіеся въ безчисленныхъ формахъ, можно свести къ тремъ основнымъ видамъ, прекрасно формулированнымъ тѣмъ же профессоромъ Петражицкимъ. Всякій актъ услуги представляетъ: а) или совершеніе чего-нибудь въ пользу кого-нибудь (facere), напр., спасеніе ребенка изъ пожара, или надѣленіе бѣдняка деньгами; в) или воздержаніе (abstinere) отъ какого-нибудь акта (воздержаніе—вполнѣ законное и не караемое) въ пользу кого-нибудь, напр., не совершеніе акта брака, который съ точки зрѣнія христіанства (см. выше) вполнѣ допускается и не составляетъ преступленія. Это воздержаніе отъ брака есть уже услуга по отношенію къ Богу; с) или же терпѣніе чего-нибудь, что можно было бы безнаказанно не терпѣть, напр., добровольное терпѣніе кѣмъ-нибудь оскорбленія, обиды, издѣвательства, которое можно было бы безнаказанно и не терпѣть, сплошь и рядомъ разсматривается какъ услуга многими людьми (Pati) [1].

Исходя изъ объектныхъ представленій, назовемъ услуги перваго рода положительно-активными (facere), услуги второго—отрицательно-пассивными, услуги третьяго—активно-терпѣливыми. Совокупностью ихъ исчерпывается все конкретное многообразіе объектныхъ представленій услугъ... [2].

---

[1]) См. Петражицкій. Теорія права, т. I, 71—74. т. II, 425—434.

[2]) На эти же виды по объектнымъ представленіямъ могли бы быть классифицируемы и преступленія; и они, какъ совокупность актовъ, нарушающихъ шаблоны, представляютъ либо дѣланіе (facere) того, что нельзя дѣлать (напр., убійство, кража), либо воздержаніе (abstinere) отъ того, отъ чего нельзя воздерживаться (напр., воздержаніе отъ задержанія преступника, не останавливаніе насильника, грубо оскорбляющаго кого-нибудь), или

Всѣ объектныя представленія услугъ представляютъ или одинъ изъ приведенныхъ видовъ или же то или иное сочетаніе ихъ, напр., сочетаніе положительно-активныхъ дѣйствій съ пассивно терпѣливыми. Въ виду этого объекты услугъ могутъ быть раздѣлены на простые и сложные.

Въ виду того, что объектныя представленія неразрывно связаны съ ихъ модальными дополненіями: съ представленіями времени, услуги (преступленія) (сегодня, черезъ годъ), мѣста услуги (преступленія) (здѣсь или гдѣ-нибудь) и свойства тѣхъ вещей или благъ, которыя передаются кому-нибудь услужникомъ, то въ объектныхъ представленіяхъ и приводимыхъ ниже иллюстраціяхъ мы увидимъ различные примѣры этого сочетанія объектныхъ представленій съ ихъ дополненіями. Такимъ же дополненіемъ къ объектнымъ представленіямъ являются и представленія дестинатаровъ услуги (преступленія), т.-е. тѣхъ лицъ, въ пользу или для которыхъ совершается опредѣленная услуга.

Въ виду того, что представленія дестинаторовъ услуги (преступленія) особенно важны, то прежде чѣмъ приводить конкретные примѣры, иллюстрирующіе приведенную классификацію услугъ, мы позволимъ себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на дестинатарахъ услугъ. (Конкретные примѣры см. ниже).

Объ дестинатарахъ (адресатахъ) услуги (преступленія).

Какъ уже было указано, подъ дестинатарами услуги (преступленія) мы понимаемъ представленія тѣхъ существъ, въ пользу (противъ) которыхъ совершена услуга (преступленіе).

Теперь спросимъ себя, какіе же предметы были дестината-

же терпѣніе того, что не должно терпѣть (бездѣйствіе власти и т. д.). (Pati...) Подобная классификація во всякомъ случаѣ имѣла бы то преимущество передъ обычной классификаціей „по объектамъ“ (религіозныя, семейныя и т. д.), что она была бы свободна отъ той неясности, которая неразрывно связана съ обычной классификаціей въ виду неясности терминовъ религія, нравственность, общество и т. д. Само собой разумѣется, что для современной уголовной политики она не годна, т. к. этотъ принципъ дѣленія совершенно не выдѣленъ и не проведенъ въ кодексахъ.

рами услугъ (преступленій) въ различныя эпохи и въ различныхъ группахъ?

И здѣсь въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что мы видѣли въ главѣ объ субъектахъ услуги, въ качествѣ дестинатаровъ услуги (преступленія), помимо людей, выступаютъ какъ отдѣльные, конкретные предметы (сверхестеств. существа, неодушевленные предметы, животныя, растенія), такъ и абстрактныя надъ индивидуальныя единства (человѣчество, городъ, государство и т. д.).

Приведемъ факты.

а) Воображаемыя существа, какъ дестинатары услугъ.

Въ качествѣ дестинатаровъ услугъ воображаемыя существа выступаютъ опять-таки въ видѣ духовъ, душъ, ангеловъ, дэвъ, демоновъ, душъ умершихъ животныхъ, боговъ и т. д.

Внѣшнимъ показателемъ этихъ фактовъ служатъ различныя жертвоприношенія, подчасъ весьма и весьма ощутительныя, добровольно совершаемыя въ пользу данныхъ существъ или изъ желанія сдѣлать имъ «пріятное», или же въ цѣляхъ полученія отъ нихъ путемъ услуги различныхъ наградъ.

Въ Иліадѣ и Одиссеѣ мы постоянно видимъ, какъ приносятся жертвы богамъ, то въ видѣ тучныхъ быковъ, то въ видѣ возліяній вина. Конечно, какъ въ этихъ фактахъ, такъ и въ аналогичныхъ фактахъ, встрѣчающихся у другихъ народовъ, слѣдуетъ строго различать «обязательныя» жертвы отъ добровольныхъ. Значительная часть жертвъ является обязательной; но «жертвы—дары» (терминологія Тейлора) могутъ быть разсматриваемы какъ «добровольныя», (т.-е. какъ услуги], ибо не совершеніе ихъ не влечетъ за собой никакого наказанія, слѣдоват., они являются сверхнормальными и совершаются лишь въ собственныхъ интересахъ «жертвоприносителя» (субъекта услуги). Стимуломъ ихъ служитъ награда, которую боги или духи дадутъ за жертву. Отсюда вполнѣ понятна постоянная наградно-утилитарная мотивація при этихъ жертвахъ, ничего общаго не имѣющая съ «обязательными», «должными» отношеніями.

«Видишь, дитя, говоритъ Пріамъ, обращаясь къ Гермесу, какъ полезно богамъ предлагать олимпійцамъ должныя жертвы».

Хризъ, обращаясь къ Апполону, напоминаетъ ему о своихъ услугахъ, прося въ видѣ награды за нихъ, въ свою очередь, услуги отъ него: «Внемли мнѣ, богъ сребролукій...

Если когда-либо храмъ тебѣ милый
Я украшалъ, или въ жертву сжигалъ тебѣ тучныя бедра
Козъ и быковъ—то исполни просьбу мою эту въ награду» [1]).

Все это отношенія добровольныя, здѣсь нѣтъ ни права одного, ни обязанности другого, а такъ какъ эти отношенія не противорѣчатъ «обязательнымъ» шаблонамъ, а соотвѣтствуютъ имъ, то они цѣликомъ принадлежатъ къ области услугъ. Мо-литвы другихъ народовъ, обращенныя къ ихъ богамъ, даютъ не мало аналогичныхъ фактовъ.

Делавары, обращаясь къ духу (передъ войной), говорятъ:

«О великій Духъ на небѣ,
Сжалься надъ моими дѣтьми
И надъ моей женой.
Пошли мнѣ удачу. Чтобъ я могъ убить врага.
Будь милостивъ ко мнѣ и защити мою жизнь.
И я принесу тебѣ даръ».

Папуасы, принося жертву душамъ предковъ, говорятъ: «Сострадательный отецъ! Вотъ пища для тебя; ѣшь ее и надѣли насъ ею» [2]).

Точно также въ Авестѣ читаемъ рядъ мѣстъ въ родѣ слѣдующаго: „Если ты мнѣ принесешь жертву, говоритъ одинъ изъ свиты Мазды, то я буду прославлять тебя рѣчью, созданной Маздой, блестящей, цѣлительной (glänzender, heilsamer), чтобы не могъ тебѣ повредить ни Агра-Майніусъ, полный смерти, ни колдунъ (Zauberer), ни околдованный, ни Дэва, ни Человѣкъ» [3]). Здѣсь вполнѣ ясно подчеркнутъ услужно-наградной характеръ жертвъ-даровъ.

Обобщая многочисленные факты жертвоприношенія, Тейлоръ говоритъ: «Можно утверждать въ самомъ общемъ смыслѣ, что если въ актѣ приношенія даровъ обыкновеннымъ человѣкомъ высшему лицу—съ цѣлью полученія выгоды или избѣжанія

---

[1]) Иліада. п. I.
[2]) Тейлоръ. Перв. культ. II, стр. 397.
[3]) Korda-Avesta. XXXI, 56.

чего-нибудь непріятнаго, просьбы о помощи или прощеніи обиды—важное лицо будетъ замѣщено божествомъ и соотвѣтственнымъ образомъ будутъ приспособлены средства передачи ему даровъ, тогда получится логическая теорія жертвенныхъ обрядовъ—почти полное объясненіе ихъ прямыхъ цѣлей и даже указаніе того первоначальнаго смысла, который съ теченіемъ времени претерпѣвалъ разныя измѣненія [1]). Изъ этого слѣдуетъ, что жертвы, за извѣстными предѣлами перестаютъ быть обязательными и изъ обязанности переходятъ въ услугу [2]). А такъ какъ существованіе ихъ въ томъ или иномъ видѣ неоспоримо у всѣхъ народовъ, то этотъ фактъ тѣмъ самымъ говоритъ о томъ, что дестинатарами услугъ выступали и выступаютъ сверхестественныя существа. (Сравни съ этимъ пожертвованія у насъ «Спасу», «Пречистой его матери», «Ивану Праведному» и т. д. См. Суворовъ. Учебникъ церк. права. 1912 г. 428).

Это раздѣленіе обязательныхъ и добровольныхъ жертвъ (услугъ) можно различать почти всюду. Такъ, напр., и въ Библіи достаточно ясно и рѣзко подраздѣлены жертвы обязательныя («жертвы за грѣхъ», «жертва повинности») отъ «жертвъ мирныхъ», «жертвъ отъ усердія», которыя сами» по себѣ добровольны [3]).

Приношенія душамъ умершихъ, рядъ молитвъ къ различнымъ существамъ, обычаи умерщвленія на могилахъ рабовъ, женъ, лошадей, возліянія въ честь „ларовъ, мановъ“ и „пенатовъ“ и т. д.—во всѣхъ этихъ обрядахъ неизбѣженъ элементъ услуги,—а разъ это такъ—то тѣмъ самымъ всѣ эти существа становятся и дестинатарами услугъ.

Услужно наградныя отношенія могутъ возникать не только между человѣкомъ и сверхъестественнымъ существомъ, или обратно, но и между двумя или большимъ количествомъ сверхъестественныхъ существъ. Примѣрами подобныхъ отношеній можетъ служить рядъ миѳовъ, хотя бы греческіе миѳы, согласно которымъ душа умершаго давала Церберу медовый пирогъ, Харону—монету; или же тѣ отношенія между жителями Олимпа,

---

1) Ibid. 420.

2) См. Харузинъ. Ibid., стр. 356 и слѣд.

3) Библія. Левитъ, гл. 1—8. Характерно здѣсь и то, что въ первыхъ случаяхъ (обязат. жертвы) неупотребляется глаголъ „хочетъ“, тогда какъ при жертвѣ мирной выраженія: „когда кто изъ Васъ хочетъ“ и „это всесожженіе, жертва, благоуханіе пріятное Господу“—очень часты. См. гл. 1, 2, 3.

которыя рисуютъ намъ „Иліада“ и „Одиссея“ и которыя даютъ не мало примѣровъ услужныхъ отношеній между богами.

b) Такъ какъ животныя, растенія и неодушевленные предметы могли быть субъектами услугъ, то, очевидно, что они могутъ быть и дестинатарами услугъ.

Тотэмизмъ и фетишизмъ даютъ весьма многочисленный рядъ фактовъ, подтверждающихъ это положеніе [1]).

c) Что отдѣльный человѣкъ можетъ быть адресатомъ услуги— это само собой ясно.

d) Дестинатаромъ услуги (точно также, какъ и субъектомъ) можетъ быть и совокупность лицъ, группа, составляющая нѣкоторое надъиндивидуальное единство. Напр., добровольныя услуги, которыя оказываетъ Богъ его народу, будутъ услугами, объектомъ которыхъ является совокупность лицъ.

Когда русскіе отправлялись добровольцами въ Болгарію или къ бурамъ (услуга), то дестинатаромъ услуги была совокупность лицъ, образующихъ единство „Болгарія или буры“... Рядъ случаевъ, когда одинъ индивидъ добровольно погибаетъ ради спасенія многихъ—цѣликомъ относится къ категоріи услугъ, дестинатарами которыхъ являются коллективности [2]).

И обратно, коллективность можетъ являться и субъектомъ услугъ.

Такимъ образомъ область дестинатаровъ услугъ на протяженіи исторіи была въ высшей степени разнородна и многочисленна.

Однако, и въ данной области замѣчается постепенное ограниченіе: какъ и въ области субъектовъ услуги кругъ дестинатаровъ услуги все болѣе и болѣе ограничивается: мало-по-малу дестинатарами услугъ перестаютъ быть всѣ, кромѣ людей и воображаемыхъ надъиндивидуальныхъ единствъ. Въ данный моментъ для сознанія наиболѣе культурной части человѣчества адресатами могутъ быть только реальныя, а не воображаемыя

---

1) Тейлоръ. Ibid. см. 406 и слѣд. стр.

2) Сравни съ этимъ добровольныя жертвованія „въ пользу университета“, „въ пользу земства“, „въ пользу Россіи“, самопожертвованія „въ пользу человѣчества“, „на благо родины“, „на благо общества“, ученыя изобрѣтенія, дѣлаемыя „съ цѣлью облагодѣтельствовать общество, человѣчество“ и т. д. Все это примѣры групповыхъ, надъиндивидуальныхъ дестинатаровъ.

существа. Наши убѣжденія отказываются дѣлать въ пользу воображаемыхъ существъ какія бы то ни было услуги, такъ какъ мы не признаемъ ихъ реальнаго бытія.

То же слѣдуетъ сказать и о неодушевленныхъ предметахъ и растеніяхъ...

Иначе, повидимому, обстоитъ дѣло съ животными. Мы ихъ кормимъ, даемъ имъ жилище, избѣгаемъ напрасно мучить ихъ; иногда „балуемъ“ ихъ лакомствами, устраиваемъ имъ по примѣру одной милліардерши въ Америкѣ обѣды, стоющіе милліонъ долларовъ; организуемъ „общества покровительства животнымъ“, негодуемъ по примѣру автора „Проклятіе звѣря“ и т. д.

Однако, и здѣсь въ дѣйствительности происходитъ то же ограниченіе. Всѣ эти „услуги“ совершаются прежде всего только по отношенію къ полезнымъ для насъ животнымъ. А далѣе, легко замѣтить, что (подобно Молчалину, прислуживавшему въ лицѣ собачекъ ихъ хозяевамъ) мы дѣлаемъ услуги не самимъ животнымъ, а въ большинствѣ случаевъ людямъ. Кромѣ того, по существу дѣла акты, полезные для животныхъ, въ современномъ сознаніи—не осознаются вовсе какъ услуга, а какъ должное поведеніе, диктуемое различными утилитарными соображеніями. Если сельскій хозяинъ кормитъ и хранитъ свою лошадь, то это дѣлается по тѣмъ же мотивамъ, по которымъ хранится и смазывается нужная машина, дабы она не испортилась... Очень часто такой же полезной живой машиной является и домашнее животное и вслѣдствіе этого о немъ заботятся, его кормятъ и т. д.

Тотъ, кто знаетъ, что нельзя требовать отъ животнаго „вмѣненія“ и сознательнаго отношенія къ своимъ и чужимъ поступкамъ,—для того животное перестаетъ быть дестинатаромъ услуги, а является только нужной и полезной машиной, которая поэтому нуждается въ извѣстномъ уходѣ, заботливости и т. д.

Вообще для каждаго индивида область какъ субъектовъ, такъ и дестинатаровъ услугъ (а равно и преступленій) совпадаетъ съ областью существъ, которыя онъ считаетъ подобными людямъ, обладающими волей, умомъ, сознаніемъ и пониманіемъ взаимоотношеній, т.-е. съ областью „вмѣняемыхъ“ человѣкообразныхъ существъ. А такъ какъ многіе еще и теперь животныхъ надѣляютъ человѣческими свойствами, то вполнѣ понятно, что для нихъ они могутъ быть и субъектами и дестинатарами

услугъ. Для тѣхъ же, которые болѣе ясно понимаютъ положеніе дѣла,—для тѣхъ животное не можетъ быть „вмѣняемымъ", а потому не можетъ быть ни субъектомъ, ни дестинатаромъ услугъ (а равно и преступленій).

Вслѣдствіе этого указанная историческая тенденція остается дѣйствительной, и область услугъ всецѣло замыкается въ чисто человѣческія отношенія. Раньше распыленныя услуги постепенно концентрируются и перестаютъ безполезно уходить въ пустоту. Выводъ самъ по себѣ благопріятный и до извѣстной степени важный по своимъ послѣдствіямъ въ связи съ другими историческими тенденціями.

Все сказанное примѣнимо и къ дестинатарамъ преступленія. И здѣсь адресатами, противъ которыхъ совершались преступные акты, были всѣ эти категоріи, начиная съ духовъ (особенно дьявола, который имѣлъ бы полное право возмущаться вслѣдствіе безконечныхъ преступленій, совершавшихся противъ него) и кончая—людьми.

---

§ 4.

Внѣшняя однозначность преступленія и наказанія, подвига и награды.

Если теперь перейти къ анализу состава карательнаго и наградного акта, то къ нашему крайнему удивленію, нельзя не замѣтить, что этотъ составъ ихъ по существу тождественъ съ составомъ акта преступнаго и акта услужнаго.

I. Въ самомъ дѣлѣ, въ каждомъ карательномъ и наградномъ актѣ или въ ихъ переживаніи мы точно также можемъ различить:

а) представленіе субъекта карательнаго и субъекта наградного акта, т.-е. лицъ, выполнявшихъ эти акты. Этими субъектами въ представленіи различныхъ людей были: и сверхъестественныя существа (боги, духи, души предковъ, ангелы, бѣсы и т. д.), и естественныя: (люди, животныя, растенія, неодуш. предметы) и конкретно-единичныя и абстрактно групповыя.

b) представленія объектныя: всякая кара или награда есть прежде всего актъ; а всѣ эти акты, какъ выше было указано, размѣщаются въ три группы: facere, abstinere и pati (дѣланія, воздержанія и терпѣнія).

c) представленія адресатовъ; лицъ, по адресу которыхъ направляется соотвѣтствующій карательный или наградной актъ. Исторія и здѣсь показываетъ, что адресатами каръ и наградъ были всѣ тѣ существа, которыя были и адресатами преступленій и подвиговъ...

d) представленія: времени, мѣста, вещей, даруемыхъ или отнимаемыхъ и. т. д.—и въ этомъ смыслѣ карательный актъ по составу равенъ преступному акту, наградной—услужному...

Это тождество состава каждой пары идетъ несравненно дальше.

II. Оно проявляется въ томъ, что и преступленіе выражается во внѣ въ видѣ причиненія того или иного зла адресату его или обществу, и наказаніе выливается въ тѣ же страдательные акты по отношенію къ преступнику. Услуга реализуется въ рядѣ „добродѣтельныхъ“ актовъ и награда—въ рядѣ такихъ же актовъ. Значитъ по характеру актовъ члены каждой пары весьма сходны и тождественны...

III. Мало того, если произвести „очную ставку“ актовъ преступныхъ и карательныхъ, услужныхъ и наградныхъ, то и здѣсь обнаружится или полное тождество или полная эквивалентность. Доказательствомъ служитъ законъ „тальона“, нѣкогда имѣвшій повсемѣстное распространеніе. Онъ указываетъ на полную тождественность акта преступнаго и карательнаго.

Согласно ему:	преступленія	наказанія.
	вырвать око	вырвать око,
	„ зубъ	„ зубъ
	сломать ногу	сломать ногу и т. д.

„Око за око, зубъ за зубъ, рука за руку, нога за ногу“ и т. д.—такъ гласитъ оно въ выразительной формулировкѣ Библіи. Si membrum rupsit ni cum eo pacit—talio esto“. Но и въ тѣхъ карахъ, которыя не являются тальономъ въ такомъ чистомъ видѣ,—соотношеніе наказанія и преступленія, переставъ быть тождествомъ, превращается въ эквивалентность, что видно изъ изреченія „воздай зломъ за зло“, лежавшаго въ основѣ почти всѣхъ карательныхъ системъ.

Та же тождественность выступаетъ и въ области услугъ и наградъ. И онѣ одинаковы по своей матеріальной природѣ, которая у обоихъ членовъ положительна. Здѣсь соблюдается принципъ воздаянія добромъ за добро. Если взять первоначальныя услужныя отношенія между человѣкомъ и его богомъ, то они представляютъ простой обмѣнъ „полезныхъ“ тому и другому благъ.

„Do, ut des“—такова формула этихъ взаимоотношеній. „Вотъ тебѣ пища, дай намъ за это корову“—такъ молятся многіе первобытные народы. Это значитъ, вотъ я тебѣ совершаю услугу (или даю награду) отплати и ты тѣмъ же мнѣ, т. е. вознагради меня, или соверши мнѣ услугу. Еще яснѣе этотъ тальонъ выступаетъ въ такихъ молитвахъ. „Если вы требуете отъ меня пищи, которую вы сами дали мнѣ, не слѣдуетъ ли мнѣ дать ее вамъ?“

Потомъ съ историческимъ развитіемъ тальонъ, какъ обмѣнъ акта на другой—ему подобный, постепенно принимаетъ, подобно средству обмѣна, различныя формы. Преступленіе опредѣленнаго вида вызываетъ наказаніе, но не абсолютно тождественное по формѣ съ первымъ. За ударъ или изувѣченіе уже не слѣдуетъ то же, но выступаетъ система композицій и виновный платитъ деньги или же отбываетъ нѣсколько иное наказаніе. Эволюція взаимоотношеній преступленій и наказаній, какъ и услугъ и наградъ, есть лишь частный случай эволюціи обмѣна: сначала идетъ обмѣнъ одной вещи на такую же подобную (око за око) (спасеніе за спасеніе), а затѣмъ за преступленіе преступникъ платитъ по прежнему, но не тѣмъ же товаромъ (т. е. актомъ), а его эквивалентомъ (напр., посылается въ каторжныя работы, присуждается къ штрафу, къ тюрьмѣ и т. д.). То же и въ области наградъ и услугъ.

Сначала услуга влечетъ награду, состоящую въ актѣ, аналогичномъ акту услуги. Но затѣмъ, услуга можетъ вызвать наградной актъ, эквивалентный самому акту услуги, но конкретно не тождественный съ нимъ.

Уже Іерингъ отмѣтилъ по существу это тождество каждой пары. „Око за око—зубъ за зубъ“—нѣтъ, кажется, говоритъ онъ, положенія грубѣе... Но вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли есть другое, равное ему по глубинѣ и необъятной ширинѣ его содержанія“. Принципъ возмездности есть общій законъ соціальной жизни. Даже самыя слова возмездіе (Entgelten) и воздаянія (Vergelten), происходящія отъ слова gelten—(стоить), обозначали

предположеніе равноцѣнности или дѣйствительную равноцѣнность". „Отсюда слово" „Geld" (первон. gelt), т. е. съ одной стороны равноцѣнное (въ прямомъ смыслѣ), съ другой же— нѣчто, по отношенію къ цѣнности уравнительное. Древнѣйшее относящееся сюда словоупотребленіе (gêltan, kêltan, gildan) относится къ языческому богослуженію; благодарственной жертвой воздавалъ (galt) человѣкъ за ниспосланныя ему блага, жертвой же умилостивительной отплачивалъ причиненное имъ, человѣкомъ зло"... „Соціальную организацію возмездія представляетъ собою гражданскій оборотъ, организацію же воздаянія за соціальное зло мы встрѣчаемъ въ уголовной юстиціи, въ воздаяніи за соціальное благо принимаетъ участіе: государство, обществ. мнѣніе и исторія" [1]). Поэтому немудрено, что исторія обмѣна и въ частности „средствъ обмѣна" (денегъ) есть лишь другая сторона обмѣна зломъ за зло и добромъ за добро.

IV. Помимо этого, тождественность матеріальной природы каждой пары видна изъ того, что на протяженіи исторіи акты преступленія и наказанія съ одной стороны, наградъ и услугъ съ другой—одинаковы приблизительно...

Убійство—считалось за преступленіе, убійство же было и наказаніемъ. Разбой и грабежъ—были преступленіемъ, конфискація и отдача на потокъ и разграбленіе (что является актомъ разбоя и грабежа по отношенію къ преступнику)—были и наказаніемъ. Различные акты насилія были въ рубрикѣ преступленій, такая же строка имѣется и въ рубрикѣ наказаній. Оскорбленіе чести—считалось преступленіемъ, лишеніе чести—выступаетъ какъ видъ наказанія. Истязаніе во многихъ случаяхъ составляетъ преступленіе, истязанія же фигурируютъ и въ качествѣ наказаній. Я не буду продолжать эту „очную ставку" наказаній и преступленій. По матеріальному своему содержанію они тождественны или эквивалентны. То же слѣдуетъ сказать и о взаимоотношеніи наградныхъ актовъ и актовъ услужныхъ. И они по матеріальному содержанію одинаковы или абсолютно, либо представляютъ обмѣнъ одного акта на другой, ему эквивалентный. Всякая награда есть услуга по отношенію

---

[1]) Іеринг ъ. Цѣль въ правѣ. 91—92. Хотя нельзя не замѣтить, что представленіе, будто бы госуд., обществ. мнѣніе и исторія" принимаютъ участіе только въ наградахъ, а равно и другіе указанные имъ положенія, далеко не точны, т. к. общественное мнѣніе, напр., принимаетъ участіе и въ карѣ и т. д.

къ услужнику и обратно, всякая услуга есть награда по отношенію къ тому, въ пользу кого совершается услуга.

Точно также, всякое преступленіе есть наказаніе того, противъ кого направлено преступленіе и обратно, всякое наказаніе по своему матеріальному характеру есть преступленіе по отношенію къ преступнику.

Итакъ, какъ по составу, такъ и по характеру актовъ и ихъ направленію преступленіе и подвигъ ничѣмъ не отличаются отъ наказанія и награды...

Въ чемъ же въ такомъ случаѣ ихъ различіе? Оно заключается не въ матеріальномъ характерѣ актовъ, а исключительно въ томъ, что преступленіе есть причина, а наказаніе—слѣдствіе, услуга причина, а награда—слѣдствіе... Съ внѣшней точки зрѣнія здѣсь нѣтъ больше никакого различія. Поэтому, анализируя изъ внѣ цѣпь преступленій и наказаній, подвиговъ и наградъ въ каждомъ данномъ случаѣ мы можемъ разсматривать какъ преступленіе и подвигъ лишь акты, вызывавшіе наказаніе и награду.

Правда, какъ уже выше мы сами подчеркнули, между каждыми членами пары есть еще и психологическая разница: преступленіе всегда морально-отрицательно, наказаніе можетъ и не быть таковымъ, оно съ точки зрѣнія карающаго индивида есть всегда воздаяніе и воздаяніе законное. Но эта глубокая разница между ними дана лишь тогда, когда мы встанемъ на точку зрѣнія одного и того же индивида. Да, въ этомъ случаѣ эта разница дана, и она безконечна глубока. Но стоитъ допустить двухъ индивидовъ, „должные шаблоны“ поведенія которыхъ различны: изъ которыхъ одинъ считаетъ должнымъ одно, а другой этотъ же актъ считаетъ преступнымъ, что тогда получится? Одинъ совершаетъ актъ, вовсе не думая, что онъ преступный. Другой квалифицируетъ его какъ преступленіе и реагируетъ на него карательными актами. Первый въ свою очередь принимаетъ эти „незаслуженныя“ кары за преступленіе и реагируетъ на это наказаніемъ; второй разсматриваетъ ихъ какъ новое преступленіе, снова реагируетъ карами и т. д. Завязывается безконечная цѣпь, въ которой съ точки зрѣнія одной стороны психологическое различіе преступленія и наказанія мы найдемъ. Но если встанемъ внѣ сторонъ, выше ихъ—то это раз-

личіе исчезаетъ, и въ нашихъ рукахъ остается лишь временная причинность, въ силу которой мы актъ предшествующій должны будемъ считать преступленіемъ, а послѣдующій наказаніемъ, и затѣмъ чередовать ихъ, разбивъ цѣпь акцій и реакцій на пары...

Съ этой точки зрѣнія, слѣд., основнымъ различіемъ между преступленіемъ и наказаніемъ (услугой и наградой) остается лишь временная послѣдовательность. Правда, могутъ возразить на это то, что, преступленіе, дескать, нарушаетъ права, оно незаконно, несправедливо, тогда какъ наказаніе составляетъ актъ вполнѣ справедливый, закономѣрный, внѣ точки зрѣнія индивида или стороны, что преступленіемъ оскорбляется сознаніе всего общества, тогда какъ наказаніе оскорбляетъ только преступника.

На подобное заявленіе мнѣ ничего не остается дѣлать, какъ напомнить то, что какой-нибудь актъ является преступленіемъ не по своей „извѣчной“ природѣ, а просто потому, что онъ оскорбляетъ и нарушаетъ чьи-либо шаблоны, и самъ очень часто является реализаціей тоже опредѣленныхъ, но не совпадающихъ съ первыми, должныхъ шаблоновъ. Большинство преступленій есть просто конфликты разнородныхъ шаблоновъ поведенія, а не столкновеніе „абсолютной несправедливости“ «съ абсолютной правдой»... Каждый должный шаблонъ для его носителя святъ, поэтому приходится игнорировать эти абсолютныя оцѣнки въ конфликтѣ различныхъ шаблоновъ [1]).

---

[1]) Veron въ значительной степени правъ, когда говоритъ: „Несчастные, которыхъ правосудіе ежедневно посылаетъ на эшафотъ или тюрьму, не имѣютъ почти никогда злого умысла. Если они воруютъ и убиваютъ, то не потому, что хотятъ сдѣлать зло другимъ, но въ надеждѣ причинить добро самимъ себѣ „La morale. 1884 introd XV. „Въ обществѣ малоразвитомъ, не менѣе справедливо говоритъ Е. В. Де Роберти, содержаніе индивидуальныхъ сознаній чрезвычайно разнородно: сумма пріобрѣтенныхъ знаній и ихъ сложность измѣняются здѣсь помѣрѣ перехода отъ одного члена соц. группы къ другому. Рано или поздно, слѣд., долженъ появиться конфликтъ мнѣній, который заставляетъ возникнуть партіи, болѣе или менѣе компактное большинство и болѣе или менѣе активное меньшинство. Прошлое искало рѣшенія этой тяжелой проблемы въ исключительномъ господствѣ идей и чувствъ, освященныхъ долгимъ обычаемъ, надъ идеями и чувствами диссидентовъ. Настоящее представляетъ съ этой точки зрѣнія нѣчто среднее, видъ полу-подчиненія и полу-давленія соц. индивида“. (Qu’ est-ce que le Crime. 1899 6—7).

Что же касается того, что преступленіе всегда нарушаетъ соціальные интересы, что оно оскорбляетъ сознаніе всего общества, то это положеніе представляетъ нѣкоторое недоразумѣніе въ силу того, что вѣдь и шаблоны поведенія преступника есть также продуктъ соціальныхъ отношеній, что и преступникъ составляетъ также часть даннаго общества, слѣд., преступленіе оскорбляетъ уже сознаніе не всего общества, а только его части, исключая всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ шаблоны, тождественные съ шаблонами преступника, которые, въ свою очередь, часто оскорбляются наказаніемъ и для которыхъ само наказаніе превращается въ преступленіе. А велика ли въ каждый данный моментъ часть, солидарная съ преступникомъ, и часть противоположная ей, это не имѣетъ принципіальнаго значенія. Вопросъ о количествѣ и величинѣ каждой части—это уже вопросъ побочный.

Во всякомъ случаѣ Ваккаро достаточно ясно и неопровержимо показалъ неосновательность отождествленія „уголовно-юридической защиты“ (difesa guiridica) съ защитой соціальной (difesa sociale), съ защитой всѣхъ членовъ даннаго общества [1]). Въ каждомъ данномъ обществѣ уголовныя нормы защищаютъ не всѣхъ его членовъ, а только опредѣленную часть или, иначе говоря, въ каждомъ обществѣ шаблоны поведенія у различныхъ его частей различны, въ силу чего и возникаютъ сами преступленія и наказанія, какъ будетъ показано ниже. Въ зависимости отъ того, шаблоны какой части мы примемъ („преступной“ или „непреступной“) въ зависимости отъ этого рѣшается вопросъ о правотѣ и закономѣрности тѣхъ или иныхъ актовъ. Если въ современномъ обществѣ мы примемъ шаблоны буржуа, то съ точки зрѣнія этихъ шаблоновъ акты забастовки, саботажа, „экспропріаціи экспропріаторовъ“ и т. п. будутъ преступленіемъ, и наказаніе покажется справедливымъ, должнымъ, законнымъ и т. д. Если же встанемъ на точку зрѣнія рабочихъ, то акты наказанія превратятся въ „преступленіе“, и правовая психика потребуетъ, въ

---

[1]) См. здѣсь V a c c a r o. Genesi e funzione delle leggi penali главу I-ю, гдѣ развиты эти положенія и гдѣ одновременно приведены данныя, показывающія, что „преступная“ часть въ каждомъ обществѣ весьма и весьма значительна. L'ufficio delle leggi penali non è stato finora quella di difendere la società, vale a dire tutti che la compongono, ma segnatamente gl'interessi di coloro in favore dei quali è costituito il potere politico. Le leggi penali tendono a conservare e a difendere l'ordine guiridico costituito. (85).

свою очередь, ихъ наказанія... Наказаніе революціонера, вполнѣ законное съ точки зрѣнія оффиціальныхъ шаблоновъ поведенія, есть преступленіе съ точки зрѣнія революціонера и его единомышленниковъ.

Нельзя вообще представлять себѣ дѣло такъ, что вотъ на одной сторонѣ стоитъ преступникъ, а на другой—все общество, которое оскорбляется его преступленіемъ. Соціальная дѣйствительность болѣе сложна и такой простой картины не даетъ. У преступника всегда есть единомышленники и не малочисленные. Общественная группа всегда дѣлится на подгруппы, классы, сословія, касты и т. д., шаблоны поведенія которыхъ могутъ быть весьма различны. Отсюда ясно, что абсолютная точка зрѣнія, устанавливающая какіе-то „извѣчные“ предѣлы между преступнымъ и непреступнымъ, ошибочна.

Такихъ извѣчныхъ предѣловъ нѣтъ. Извѣчны (въ логическомъ смыслѣ) только сами формальныя понятія преступнаго и не преступнаго. А какимъ содержаніемъ они будутъ наполнены у того или иного индивида, у той или иной соціальной группы, и чье содержаніе будетъ „лучше“, „выше“, „чище“, здѣсь абсолютныхъ критеріевъ нѣтъ и не можетъ быть.

Вполнѣ резонно говоритъ тотъ же Ваккаро, что „основная ошибка классической школы состояла въ томъ, что она искала то въ Богѣ, то въ абсолютной справедливости, то въ морали, то въ иныхъ фантастическихъ и туманныхъ понятіяхъ основаніе права наказанія, тогда какъ въ дѣйствительности такое основаніе находится (riposto) въ самомъ фактѣ сохраненія установившейся власти, т.-е. юридическаго порядка, выраженіемъ котораго она является“ [1]).

Какъ и вездѣ въ другихъ областяхъ знанія въ соціальныхъ наукахъ должна быть принята точка зрѣнія относительности. Нѣтъ акта, который по своей природѣ былъ бы преступленіемъ или услугой, а всякій актъ является тѣмъ или другимъ для кого-нибудь, въ силу опредѣленныхъ и ограниченныхъ условій (характера шаблоновъ). А результатомъ этого въ данномъ пунктѣ является то, что различіе преступленій и наказаній, услугъ и наградъ покоится съ внѣшней стороны лишь на принципѣ причинной послѣдовательности: первые въ причинномъ ряду являются причиной, вторые—слѣдствіемъ, а матеріальное,

[1]) Vaccaro. Ibit. стр. 85.

содержаніе ихъ можетъ быть тождественнымъ или эквивалентнымъ.

Если преступленіе вообще—зло, то, въ силу сказаннаго, такое же зло и наказаніе. Кто видитъ въ преступленіяхъ лишь одно отрицательное явленіе, тотъ долженъ то же видѣть и въ наказаніи. Нельзя съ этой точки зрѣнія не согласиться съ Биндингомъ, опредѣляющимъ наказаніе, какъ мечъ безъ рукоятки, который наноситъ раны и тому, кто имъ дѣйствуетъ [1]).

Мы не являемся такими „монистами“ и, какъ видно будетъ ниже, за преступленіемъ и наказаніемъ, а равно и за подвигомъ и наградой, признаемъ не только отрицательные грѣхи, но и положительныя достоинства и цѣнности.

Итакъ, по „составу“ и преступленіе, и наказаніе однородны. То же примѣнимо къ подвигу и услугѣ. Различіе между членами каждой пары заключается съ точки зрѣнія „внѣшней“ лишь въ причинной послѣдовательности: преступленіе и подвигъ—„независимыя перемѣнныя“, наказаніе и награда—зависимыя. Если же встать на точку зрѣнія индивида или „стороны“, то къ указанному различію присоединяется еще различіе окраски психическихъ переживаній при преступленіи и услугѣ—съ одной стороны, наказаніи и наградѣ—съ другой.

Однородность „состава“ карательнаго и преступнаго акта, услужнаго и наградного позволяетъ классифицировать ихъ вмѣстѣ. Классификація преступленій въ силу этого будетъ и классификаціей наказаній, классификація услугъ—классификаціей наградъ. Такъ какъ и здѣсь между преступно-карательнымъ и услужно-наградnымъ рядами существуетъ полное соотвѣтствіе, то въ дальнѣйшемъ мы будемъ говорить лишь о подвигахъ и наградахъ, предполагая, что все сказанное о нихъ mutatis mutandis примѣнимо и къ преступленіямъ съ наказаніями.

---

§ 5.

Классификація подвиговъ и наградъ (преступленій и наказаній).

Какъ уже выше было указано, тотъ или иной поступокъ того или иного субъекта является подвигомъ или преступленіемъ не по своему матеріальному характеру, а по тому чисто формаль-

---

[1]) Binding. Normen. Цитирую по Сергѣевскому. Учебникъ. 85.

ному отношенію, въ которомъ онъ находится къ «должному» поведенію. Въ виду этого обозрѣть и описать безконечное разнообразіе актовъ и поступковъ, бывшихъ услугами и наградами,— нѣтъ никакой возможности, и въ этой своей формѣ они не поддаются никакой систематизаціи или классификаціи. Но это, конечно, не исключаетъ возможностъ ихъ классифицированія, взявши за точку отнесенія не само содержаніе акта, а нѣчто другое. Можно, напр., взять за такое fundamentum субъекта преступленій и услугъ и, сообразно съ этимъ, дѣлить преступленія и услуги 1) на совершенныя субъектами единично—конкретными и 2) абстрактно—групповыми. Каждая изъ этихъ категорій, въ свою очередь, можетъ быть дальше подраздѣлена; напр., первая рубрика: на преступленія и услуги, совершенныя воображаемосверхъестественными субъектами и реально-естественными, каждая изъ этихъ рубрикъ, въ свою очередь, можетъ быть подраздѣлена далѣе и т. д. Можно за точку отнесенія взять, конечно, и иное.

Бентамъ, напр., даетъ такую классификацію услугъ:

1) Services réglés. Ceux que les fonctionnaires publiés sont tenus de rendre, en vertu de leurs offices, dans tous les départements de l' administration.

2) Services occasionnels. Ceux qui sont demandés par le gouvernement à des individus autres que les fonctionnaires publics, surtout en matiére de justice, et de police, comme la dénonciation et la poursuite de délits и т. д. On peut ranger sous le même chef les secours donnés dans les incendies, les inondations, les naufrages. Ces services sont en effet rendus à l'Etat, puisque l'Ètat est chargé de la sauvegarde commune.

3) Service extraordinaires. Ceux qui supposent de la part de celui qui les rend des talents distingués, des vertus rares, ou quelque circonstance particulière qui lui en a fourni l' occasion. (Изобрѣтенія и открытія въ области военной техники, дипломатіи, производства, науки, морали и т. д. [1]).

Эта классификація, можетъ быть и пригодная съ точки зрѣнія политики наградъ, каковой по существу является работа Бентама, непріемлема съ теоретической точки зрѣнія. Во-первыхъ, вся рубрика Services réglés съ развитой здѣсь точки зрѣнія не входитъ совершенно въ область услугъ, ибо это не есть

---

[1]) J. Bentham. Oeuvres. т. II. стр. 135—136

нѣчто сверхнормальное, а должное (см. выше). Это область обязательныхъ шаблоновъ, а не услугъ. Во-вторыхъ, здѣсь нѣтъ fundamentum divisionis. Принципомъ дѣленія является не одинъ принципъ, а по меньшей мѣрѣ три: 1) классификація по субъекту (услуги, совершаемыя частными и оффиціальными лицами „Services réglés); 2) классификація по времени (случайныя и неслучайныя—S. occasionnels); 3) по важности (важныя и неважныя—S. extraordinaires).

Вслѣдствіе этого эту классификацію приходится отвергнуть. Какъ извѣстно, классификацій чего-угодно можетъ быть нѣсколько. Въ уголовномъ правѣ имѣются, по меньшей мѣрѣ, четыре классификаціи преступленій: a) по субъекту, b) по объекту или вѣрнѣе по содержанію акта (семейныя, государственныя, религіозныя и т. д.), c) по важности (преступленія, проступки и полицейскія нарушенія) d) по способу вчинанія (уголовно-общественныя и уголовно-частныя).

Тѣ же способы классификаціи были-бы возможны и въ области услугъ. Но въ области теоріи услугъ всѣ эти классификаціи мало продуктивны... Гораздо важнѣе классификація ихъ по объекту (въ приведенномъ выше пониманіи). Такъ какъ услугами является совокупность актовъ, не противорѣчащихъ шаблонамъ и въ то же время сверхнормальныхъ, то эти акты могутъ быть подраздѣлены: 1) на положительно-активные, состоящіе въ доставленіи чего-нибудь или въ совершеніи извѣстныхъ дѣйствій въ пользу кого-нибудь—facere. Напр., въ передачѣ денегъ мной кому-нибудь нуждающемуся или въ спасеніи ребенка изъ горящаго дома; 2) на отрицательно-пассивные, состоящіе въ воздержаніи отъ чего нибудь, отъ чего можно было бы безнаказанно не воздерживаться. Напр., въ фактѣ невступленія въ бракъ, который съ точки зрѣнія христіанства не запрещается, и не составляетъ преступленія. Отказъ отъ брака уже есть услуга. Abstinere. 3) Неактивно-терпѣливые, состоящіе въ терпѣніи чего-нибудь, что можно было бы не терпѣть. Напр., терпѣть обиды и притѣсненія кого-нибудь, хотя безнаказанно можно было бы ихъ и не терпѣть... Pati.

Подобно этому и преступленія—наказанія можно было бы раздѣлить на тѣ же три группы (см. выше). Проиллюстрируемъ каждый классъ.

Конкретныя иллюстраціи различныхъ услугъ и наградъ—(по объекту).

1) Положительно-активныя награды-услуги (facere). Этотъ видъ услугъ-наградъ заключается въ совершеніи тѣхъ или иныхъ актовъ въ пользу тѣхъ или иныхъ дестинатаровъ. Вполнѣ понятно, что здѣсь услугой является или само—совершеніе опредѣленныхъ движеній, поступковъ и т. д., или же соединеніе этихъ поступковъ съ тѣми или иными вещами, передаваемыми посредствомъ этихъ актовъ тому или иному дестинатару. Сообразно съ этимъ можно различать услуги-награды безпредметныя и предметныя. Возьмемъ для иллюстраціи слѣдующій примѣръ изъ Иліады, изображающій жертву-услугу Богамъ.

„Къ богу воззвавши, они разбросали ячмень крупнозерный,
Бедра потомъ разрубили, двойнымъ ихъ пластомъ окружили,
Свѣтлаго жира и мяса наверхъ положили.
Старецъ немедля ихъ сжегъ на полѣньяхъ, виномъ поливая
Яркимъ, а юноши рядомъ стояли, держа пятизубцы.
...Цѣлый день до заката Ахейскіе юноши пѣньемъ
Гнѣвъ Аполлона смягчали, хвалебный пеанъ распѣвая
Въ честь Дальновержца. И слушая ихъ, онъ въ душѣ наслаждался“.

Здѣсь, въ этомъ фактѣ услуги-награды, преподносимой Аполлону, съ цѣлью добиться и отъ него, въ свою очередь услуги-награды, мы видимъ, что услуга состоитъ съ одной стороны въ движеніяхъ, въ актахъ, являющихся средствомъ для передачи ряда «благъ» Аполлону (ячмень, бедра, жиръ, вино), съ другой стороны—въ рядѣ актовъ, которые уже сами по себѣ являются услугами («хвалебный пеанъ распѣвая») и возбуждаютъ въ душѣ дестинатара наслажденіе. Подобныхъ примѣровъ Иліада даетъ множество... [1]). Мать Гектора прино-

[1]) Иліада. п. I-я. стр. 12, 13. См. также стр. 93, 337, и др. Одиссея. п. 4-я.

ситъ богамъ лучшее покрывало, въ „Одиссеѣ“ фигурируютъ тѣ же быки, медвяный напитокъ. Въ „Энеидѣ“ помимо того «кровь дѣвы» и т. д. Съ другой стороны въ видѣ услугъ, безъ вещныхъ модальныхъ дополненій—безпредметныхъ—выступаютъ акты: молитвъ, славословій, похвалъ, прославленія и т. д.

То же мы встрѣчаемъ и въ междучеловѣческихъ наградахъ—услугахъ. Агамемнонъ, желая смягчить гнѣвъ Ахиллеса и привлечь его къ участію въ битвѣ, къ которой тотъ не сбязанъ, обѣщаетъ ему исполнить слѣдующіе услужные акты:

Онъ обѣщаетъ подарить ему
„7-мь неслужившихъ треножниковъ, золота 10-ть талантовъ,
Двадцать блестящихъ тазовъ, лошадей крѣпконогихъ двѣнадцать,
Первыхъ на конскихъ ристаньяхъ, гдѣ брали награды за легкость.
Семь подарю ему женъ, безупречно искусныхъ работницъ,
Семь Лесбіянокъ, всѣхъ женщинъ красой далеко превзошедшихъ
(Въ томъ числѣ и не бывшую на его ложѣ дочь Бризея),
...Золотомъ цѣлый корабль для себя пусть наполнитъ онъ, мѣдью.
Пусть межъ Троянскими женами самъ изберетъ себѣ 20-ть
Самыхъ прекрасныхъ наружностью послѣ Елены Аргивской“.
Пусть затѣмъ онъ возьметъ себѣ въ жены любую изъ дочерей Агамемнона... «я-жъ въ приданое ей...
Семь отдѣлю я ему городовъ—хорошо населенныхъ...
Все это дамъ я, какъ выкупъ, пусть только свой гнѣвъ онъ отложитъ» [1].

Тѣ же приблизительно подарки обѣщаетъ за шпіонство Гекторъ [2], Агамемнонъ Тевкру [3], Пріамъ Ахиллесу [4], Ахиллесъ побѣдителямъ состязанія[5]. Ахиллесъ въ честь Патрокла закалаетъ 12-ть юношей и т. д.

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ услуга заключается не только въ тѣхъ или иныхъ движеніяхъ, но для того, чтобы эти движенія могли быть услугой, къ нимъ еще присоединяются тѣ или иныя вещественныя дополненія,—блага. («Предметныя услуги—

---

[1]) Иліада. п. IX.
[2]) Ibid п. X
[3]) п. VIII.
[4]) п. XXIV.
[5]) п. XXIII см. Одиссею. п. 13.

награды). Но также, какъ и въ человѣко—божескихъ услужно—наградныхъ отношеніяхъ, и здѣсь въ междучеловѣческихъ отношеніяхъ имѣется рядъ актовъ, которые уже сами по себѣ являются услугой или наградой. Эти акты выступаютъ въ видѣ „похвалъ“, славословій, воспѣванія доблестей, исполненія ряда дѣйствій и т. д. Таковы, напр., подвиги Ахиллеса, состоящіе въ актахъ уничтоженія враговъ, акты и дѣйствія Гектора по отношенію къ троянцамъ, подвиги Одиссея и т. д.

Всѣ они являются уже сами по себѣ услугой въ виду ихъ сверхнормальнаго и выдающагося характера, въ то же время совпадающаго съ нормой или съ шаблономъ должнаго. (Безпредметныя услуги-награды) [1]).

Частнымъ видомъ „безпредметной“ награды уже и здѣсь выступаетъ „С л а в а“, ради которой жертвуютъ жизнью и Ахиллесъ, и Гекторъ.

Тѣ же приблизительно награды даются Брахману, который найдетъ Дамаянти (услуга) въ «Наль и Дамаянти“,—отрывкѣ изъ Магабхараты.

Аналогичныя же „предметныя“ и „безпредметныя“ услуги-награды встрѣчаемъ и въ Авестѣ. И здѣсь въ качествѣ Anbetung, Befriedigung und Lob преподносятся Агура—Маздѣ и его свитѣ 1) Diese guten Gedanken, Worte und Werke 2) Diese Haomas (Сома), Myardas (особый видъ мяса, созданнаго А-Маздой). Laothras, Bareçma das in Heiligkeit Zusammengebundens, Haurvât, Ameretât, die wohlgeschaffene Kuh, das wohlgeschaffene Fleisch, den Haoma und Parahaoma (сокъ изъ растенія Haoma), Holz und Wohlgeruch. 3) Diese Herrschaft, Reincheit, Richtigkeit, Gebet zur richtigen Zeit, das Hersagen der Gâthâs, die gut gemachten Manthras geben wir und thun wir kund“ [2]).

Какъ видно изъ этого отрывка, и здѣсь выступаютъ съ одной стороны „безпредметные“ акты услуги-награды (Gedanken, Worte, Werke) и наряду съ ними акты услуги „предметные“. (Поднесеніе Сомы, мяса, коровы etc.).

Тѣ же предметы фигурируютъ и въ Ригъ-Ведахъ.

---

[1]) Массу примѣровъ какъ предметныхъ, такъ и безпредметныхъ положительно активныхъ услугъ—наградъ читатель найдетъ у Д ю р к г е й м а въ его Les formes élément. de la vie religieuse стр. 465—592.

[2]) Avécta т. II Vispered und. Uaçna. стр. 54, ст. 1—3. См. также т. III Khorda-Avecta. Стр. 73, ст. 58, стр. 112, стр. 149, стр. 158, ст. 53, т. II стр. 103.

Что касается Библіи, то здѣсь, въ качествѣ предметныхъ дополненій актовъ услуги, фигурируютъ: человѣкъ и его жизнь, земля, скотъ, серебро, золото, шерсть, кожи, ароматы, драгоцѣнные камни, города, люди и т д. [1])

Безпредметные же акты услуги-награды совершаются опять таки въ формѣ молитвъ, тѣхъ или поступковъ и въ отвращеніи враговъ Богомъ, въ избавленіи отъ болѣзней, въ уничтоженіи египетскихъ первенцевъ и т. д.

Предметнымъ же видомъ награды и является рай въ Новомъ Завѣтѣ.

Особенно ярки примѣры наградъ или услугъ съ предметными дополненіями въ Коранѣ...

„Питающіе же страхъ къ величію Господа получатъ въ обладаніе два сада.

Какое же изъ благодѣяній Господа вы будете отрицать?

Оба украшенные рощами.

Какое же изъ благодѣяній и т. д.

Въ каждомъ изъ нихъ по живому источнику.

Какое же и т. д.

Въ каждомъ изъ нихъ всяческіе плоды двухъ видовъ. Какое же и т. д.

Отдыхая, они прилягутъ на ковры, у которыхъ подкладка сдѣлана изъ парчи. Плоды въ обоихъ садахъ будутъ на такой высотѣ, чтобы каждый желающій могъ сорвать ихъ.

Какое же...

Тамъ будутъ молодыя дѣвы съ скромными взорами, до которыхъ никогда не прикасались ни человѣкъ, ни геній.

Какое же...

Онѣ походятъ на гіацинты и кораллы.

Какое же...

Развѣ не благомъ будетъ награда за благое?

Какое же...

Кромѣ двухъ садовъ будутъ еще два сада.

Два сада, покрытые зеленью.

---

[1]) См. послѣдов. Бытія $\frac{1}{28}$, $\frac{41}{36—43}$, $\frac{15}{18}$, $\frac{30}{28—32}$, $\frac{38}{17}$, Исходъ, $\frac{25}{1—8}$, $29/18\frac{}{21—25}$, Левитъ 4, 5, 6, $\frac{5}{18}$, 26.

Тамъ будутъ плоды, пальмы и гранатовыя деревья.

Тамъ будутъ добрыя, прекрасныя женщины и т. д.

Да будетъ благословенно имя Господа, преисполненнаго величія и великодушія... „Все это дано будетъ вамъ въ видѣ награды. И усилія ваши будутъ признаны“ [1]).

Если взять описанія „рая“ или вообще загробнаго блаженнаго міра въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ въ различныхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, начиная съ представленій первобытныхъ народовъ и кончая высочайшими религіозными системами, то здѣсь выступаютъ безчисленные виды предметныхъ наградъ-услугъ въ самыхъ причудливыхъ сочетаніяхъ и комбинаціяхъ.

Утопіи о будущемъ счастливомъ и блаженномъ состояніи человѣчества даютъ также не мало примѣровъ предметныхъ наградъ-услугъ.

При чемъ слѣдуетъ замѣтить, что въ качествѣ предметныхъ дополненій наградъ выступаютъ, какъ въ божеско-человѣческихъ отношеніяхъ, такъ и въ чисто человѣческихъ формахъ услужно-наградного общенія, самыя разнообразныя вещи, вообще почему-либо считающіяся пригодными, желательными и нужными даннымъ народомъ или индивидомъ.

Тамъ, гдѣ не установилась еще единица обмѣна, тамъ, понятно, въ качествѣ предметовъ услуги-награды выступаютъ самые разнообразные объекты. Тамъ же, гдѣ такая единица уже такъ или иначе начала устанавливаться, или установилась, тамъ, понятно, эта единица обмѣна бываетъ и наиболѣе обычнымъ предметнымъ дополненіемъ услуги-награды.

Напр., въ „Библіи“ и отчасти уже въ „Авестѣ“, такимъ наиболѣе обычнымъ предметомъ награды служитъ скотъ, ибо онъ былъ единицей обмѣна у этихъ народовъ въ данную эпоху. У охотничьихъ народовъ такимъ предметомъ были шкуры и мѣха („pecunia“, „куны“), у земледѣльческихъ—пшеница, рожь, маисъ, табакъ, рисъ и пр.; у рыболововъ—въ Норвегіи, напр., сушеная треска, у рабовладѣльческихъ народовъ—рабы (въ Новой Гвинеѣ), въ средніе вѣка большую роль играли награды землей (феоды и бенефиціи). Позже, когда въ употребленіе вошли ме-

---

[1]) Коранъ Магомета. Изд. Клюкина. LV. ст. 46—78, LXXVI ст. 15—22; см. также: LXIX, LXXIV, LXXVI и др.

таллы,—обычнымъ предметомъ награды сдѣлались они или въ слиткахъ, или же (позже) въ формѣ монеты [1]).

Въ современномъ намъ обществѣ съ его единицей обмѣна-деньгами—вполнѣ естественно, что деньги являются наиболѣе обычнымъ предметомъ награды-услуги.

Награжденіе или услуга въ формѣ передачи денегъ, какъ и любой единицы обмѣна, равносильна (за рѣдкими исключеніями) любой наградѣ-услугѣ, ибо на деньги все можно пріобрѣсти... Что же касается б е з п р е д м е т н ы х ъ услугъ-наградъ, т.-е. такихъ услугъ-наградъ, гдѣ услугой-наградой является уже совершеніе самого акта, то этотъ видъ, какъ видно отчасти уже изъ приведеннаго, выступаетъ во всевозможнѣйшихъ формахъ. Въ Иліадѣ такими услугами-наградами являются напр., для Ахеянъ дѣйствія Ахилле-са, Одиссея, для Троянцевъ—дѣйствія Гектора, молитвы богамъ, многіе поступки боговъ, напр., Аѳины, отвращающей вражескія копья отъ Ахиллеса и пр. [2]). Уничтоженіе врага, отвращеніе опасности, спасеніе кого-нибудь въ той или иной формѣ, избавленіе отъ страданій, сообщеніе истинныхъ свѣдѣній о чемъ-либо, напр., о вражескихъ силахъ, ложь, напр., обманъ непріятеля или врага, просто физическая работа—рытье рва, канавы, перенесеніе тяжестей и т. д. и т. д.—все это было и можетъ быть безпредметной услугой-наградой. Нѣтъ ни одного акта, который по своему матеріальному содержанію не могъ бы почему-либо быть услугой-наградой.

Изъ сказаннаго видно, что исчерпать все конкретное многообразіе безпредметныхъ, а равно и предметныхъ актовъ услуги-награды невозможно.., [3]).

---

[1]) См. М. И. Т у г а н ъ-Б а р а н о в с к і й. Основы полит. экономіи. 1-е изд. 373 стр., а также работы Джевонса, Шмоллера и др.

[2]) Къ этой же категоріи услугъ-наградъ должны быть отнесены и многіе акты, рекомендуемые „заповѣдями блаженства“. Акты милосердія, печалованія (плачущій), кротости, алканія и жажданія правды, акты чистоты сердца—все это по смыслу своему—безпредметныя услуги-награды положительно активнаго характера.

[3]) Въ силу этого, помимо логической несостоятельности (нѣтъ fundamentum divisionis), мы принуждены признать неточной классификацію наградъ Бентама, упускающаго вдобавокъ изъ вниманія „безпредметныя“ услуги-награды. Онъ весь фондъ наградъ дѣлитъ на 4 категоріи: на богатство (matiére de la richesse), честь (l'honner), могущество и власть (le pouvoir) и исключенія

II. Отрицательно-пассивныя услуги-награды (abstinere - воздержаніе).

Въ эту категорію услугъ-наградъ входятъ акты воздержанія отъ какого-либо поступка, который можно было бы безнаказанно совершить. Простѣйшимъ примѣромъ этой категоріи является, напр., фактъ воздержанія отъ взысканія долговъ съ моего должника. Въ этомъ случаѣ я воздерживаюсь отъ поступка, который могъ бы безнаказанно сдѣлать. Дальнѣйшими примѣрами являются: воздержаніе отъ брака, отъ безгрѣшныхъ мірскихъ удовольствій, воздержаніе отъ обладанія и употребленія тѣхъ или иныхъ „благъ“, обладанія и употребленія вполнѣ законнаго и безгрѣшнаго. Всѣ эти послѣдніе факты составляютъ факты услуги-награды съ точки зрѣнія христіанства. Всѣ акты „непротивленія злу“ въ нравственной системѣ Толстого—почти цѣликомъ относятся къ этой категоріи...

И здѣсь, какъ и въ области положительно-активныхъ наградъ, можно различать предметные акты услуги-награды отъ безпредметныхъ.

Въ категорію первыхъ входитъ несовершеніе такихъ актовъ—смыслъ совершенія которыхъ заключался бы не въ самомъ фактѣ совершенія, а въ отнятіи (вполнѣ допустимомъ) посредствомъ этихъ актовъ отъ кого-нибудь тѣхъ или иныхъ „благихъ“ предметовъ. Возьмемъ для примѣра фактъ взысканія кѣмъ-нибудь „долга“ съ кого-нибудь.

Здѣсь центръ услуги заключается не въ самомъ отказѣ отъ тѣхъ поступковъ, которые необходимы для взысканія, а въ томъ, что благодаря несовершенію ряда этихъ поступковъ, въ обладаніи должника остается тотъ или иной желательный для него предметъ (земля, деньги, домъ и т. д.).

Если же теперь возьмемъ такіе акты, какъ вполнѣ „законное“ оскорбленіе, или ошельмованіе, или убійство, или истязаніе кого-нибудь, то здѣсь уже самый отказъ совершить тѣ или иныя дѣйствія будетъ составлять услугу-награду. Напр., отказъ

(exemptions). Ясно, что даже всѣ „предметныя“ дополненія объектовъ наградъ не умѣщаются въ эти категоріи, а затѣмъ ускользаютъ всѣ „безпредметныя“ награды и, какъ увидимъ дальше, всѣ активно-терпѣливыя услуги-награды. См. Бентамъ. Oeuvres, т. II, 136—139.

сдирать кожу съ кого-нибудь, или убивать кого-нибудь, или обезчестить кого-нибудь и т. д.

Отрицательно-пассивныя услуги перваго рода будутъ предметными актами услугъ-наградъ, отриц.-пассивн. услуги второго рода—безпредметными...

Если теперь мы спросимъ себя, въ какихъ конкретныхъ формахъ проявлялись предметныя услуги даннаго вида, то опять таки принуждены будемъ отвѣтить:—въ безконечно-разнообразныхъ.

На протяженіи исторіи человѣчества мы встрѣчаемъ отказъ тѣхъ или иныхъ лицъ отъ самыхъ различныхъ предметовъ: отказъ отъ людей: сына, отца, жены, дочери и т. д., когда эти люди могли бы поступить въ полное распоряженіе кого-нибудь. Оставляя эти „предметы“ въ рукахъ отца, родныхъ, мужа, и т. д.—услужникъ тѣмъ самымъ не совершалъ (воздерживался) рядъ дѣйствій и этимъ самымъ оказывалъ существенную услугу тѣмъ или инымъ дестинатарамъ. Примѣромъ можетъ служить, напр., отказъ Іеговы отъ Исаака. Его требованіе къ Аврааму—принести въ жертву сына—съ точки зрѣнія Авраама не являлось преступленіемъ, и онъ готовъ былъ повиноваться этому требованію. Но Іегова отказался отъ этого требованія, оставилъ Исаака Аврааму, и тѣмъ самымъ совершилъ ему услугу. Другими примѣрами могутъ служить рядъ фактовъ изъ исторіи войнъ. Побѣдитель, взявъ, напр., городъ, имѣлъ право отнять сына у отца, жену отъ мужа и т. д.; но разъ онъ не дѣлалъ этого—тѣмъ самымъ совершалъ предметную услугу даннаго вида тѣмъ, у кого онъ не отнималъ этихъ людей. (См. напр., Монну-Ванну Метерлинка, гдѣ отказъ Принцивалле отъ Монны-Ванны тѣмъ самымъ представлялъ услугу для Гвидо).

Наряду съ людьми въ качествѣ предметовъ отказа фигурировали и фигурируютъ самыя различныя „цѣнности“: земля, скотъ, пища, деньги, дома, предметы украшеній, цѣлыя области, города, села, деревни и т. д.

Точно также безконечно разнообразны и безпредметныя отрицательно-пассивныя услуги-награды. Воздержаніе отъ самыхъ различныхъ актовъ (не противорѣчащихъ шаблонамъ) выступаетъ въ исторіи въ качествѣ услугъ даннаго вида: отказъ отъ убійства кого-нибудь, когда это убійство допустимо, отказъ отъ истязанія кого-нибудь (напр., отъ пытанія огнемъ, водой, желѣзомъ и пр.), когда это истязаніе не составляетъ преступленія,

отказъ отъ изнасилованія женщины или дѣвушки, когда оно не считается преступнымъ, отъ посрамленія, оскорбленія, оплеванія и т. д.—всѣ эти факты воздержанія отъ тѣхъ или иныхъ актовъ—составляетъ уже услугу-награду по отношенію къ этимъ жертвамъ или другимъ лицамъ. Конкретнымъ примѣромъ можетъ служить отказъ Ахиллеса отъ обезчещенія трупа Гектора (воздержаніе его отъ акта преданія Гектора на съѣденіе собакамъ), на что онъ и съ его точки зрѣнія и съ точки зрѣнія Пріама, какъ побѣдитель, имѣлъ право.

III. Активно-терпѣливыя услуги-награды (pati).

Подъ даннымъ видомъ услугъ—наградъ я понимаю акты терпѣнія кѣмъ-нибудь тѣхъ или иныхъ поступковъ, которые безнаказанно можно было бы не терпѣть. Проф. Л. І. Петражицкій вполнѣ правъ, причисляя большинство заповѣдей Христа, напр., заповѣдь о подставленіи другой щеки тому, кто ударитъ по одной... къ данному виду [1]).

Съ нашей точки зрѣнія эти заповѣди, какъ и заповѣдь „блажени есте, егда поносятъ Васъ и изженутъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще Мене ради“ цѣликомъ относятся къ данной категоріи, при томъ, конечно, простомъ условіи, что эти заповѣди разсматриваются не какъ обязательныя должныя нормы, на исполненіе которыхъ кто-нибудь имѣетъ право претендовать, а какъ добровольныя услуги-награды. А что такъ эти заповѣди можно понимать—это слѣдуетъ изъ того, что здѣсь не дана карательная мотивація, а только наградная. „Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесахъ“. И дѣйствительно, какъ эти, такъ и аналогичные акты терпѣнія, многими переживаются именно, какъ нѣчто добровольное, какъ услуга. Тамъ же, гдѣ смотрятъ на выполненіе ихъ, какъ на обязанность, и приписываютъ кому-нибудь соотвѣтственныя права на подобные акты—тамъ, конечно, въ категорію услугъ-наградъ эти акты не входятъ.

Основное различіе, данной категоріи отъ предыдущей заключается въ томъ, что въ предыдущей категоріи центромъ дѣйствія является самъ субъектъ услуги, ему нужно воздерживаться отъ тѣхъ или иныхъ дѣйствій, онъ не долженъ подвергать тѣмъ

---

[1]) См. Теорія права. т. II стр. 432—433.

или инымъ воздѣйствіямъ другихъ лицъ. Здѣсь же дѣйствіе исходитъ отъ другихъ лицъ, здѣсь субъекта услуги подвергаютъ тѣмъ или инымъ воздѣйствіямъ, которыя онъ долженъ терпѣть, если хочетъ совершить услугу—награду...

Конкретныхъ примѣровъ даннаго вида услугъ—наградъ опять-таки великое множество. И здѣсь можно различать предметный видъ отъ безпредметнаго. Терпѣніе, напр., ряда дѣйствій, отнимающихъ у кого-нибудь то или иное «благо»; жену, дѣтей, родныхъ, деньги, домъ, землю, скотъ, имущество, и т. д.—можно причислить къ предметному типу, тогда какъ терпѣніе напр., издѣвательства, оскорбленія, насилія, истязанія, заключенія въ тюрьмѣ и т. д. и т. д., можетъ служить примѣромъ безпредметнаго типа активно-терпѣливыхъ услугъ-наградъ [1]).

Изъ сказаннаго видно, что, въ концѣ концовъ, всякій актъ услуги-награды сводится или къ одному изъ этихъ трехъ основныхъ типовъ или къ ихъ комбинаціи. Всѣ извѣстные виды наградъ: выраженіе монаршей милости, благодарности и похвалы, раздача титуловъ, вѣнковъ, золотыхъ цѣпей, орденовъ, передача одежды или пищи со своего стола, возведеніе въ высшій чинъ, передача помѣстій, освобожденіе отъ тѣхъ или иныхъ обязанностей, тріумфы, передача въ полную власть цѣлыхъ областей и городовъ въ кормленіе и т. д. вплоть до награды: „проси, чего хочешь“—всѣ эти акты входятъ въ указанную классификацію услугъ-наградъ. Даже такія награды, какъ «память потомства», «популярность», «слава» и т. д., награды, ради которыхъ масса людей пожертвовала своей жизнью, начиная съ дикаря, подвергающаго опасности свою жизнь, съ воиновъ, храбро умиравшихъ въ битвахъ, съ рыцарей сражавшихся на турнирахъ, съ Герострата, сжигающаго великолѣпный храмъ, и кончая баррикадами, актами самопожертвованія, замуровываніемъ себя въ четырехъ стѣнахъ кабинета и т. д.—всѣ эти виды наградъ въ конечномъ счетѣ могутъ быть разложены на приведенные типы услужно-наградныхъ актовъ. Изъ сказаннаго же видна та огромная распространенность и та огромная роль, которую играютъ услужно-наградныя отношенія въ соціальной жизни.

---

[1]) Множество примѣровъ, какъ пассивно-отрицательныхъ, такъ и активно-терпѣливыхъ услугъ—наградъ, дано Дюркгеймомъ въ его книгѣ: „Les formes... de la vie religieuse подъ общей рубрикой. Le culte negatife“. стр. 427—464.

Все сказанное mutatis mutandis примѣнимо и къ преступно—карательнымъ актамъ.

---

§ 6.

Шаблонизація каръ и наградъ.

Изучая взаимодѣйствіе услуги-награды и преступленія-наказанія мы не можемъ не отмѣтить того факта, что и наградные и карательные акты, будучи сначала нешаблонными, постепенно шаблонизируются. Въ каждой постоянной соціальной группѣ съ теченіемъ времени устанавливается опредѣленный курсъ преступленій и услугъ, т.-е. устанавливается вполнѣ опредѣленное наказаніе за опредѣленное преступленіе и опредѣленная награда за опредѣленную услугу... За каждый актъ, напр., за поврежденіе носа, ушей, зубовъ, глаза, ноги, руки, пальца—на все устанавливается опредѣленная цѣна—карательный прейсъ-курантъ [1]). Уголовно-правовые кодексы, въ частности, и представляютъ не что иное, какъ подобный карательный прейсъ-курантъ. Въ нихъ одна часть статьи указываетъ опредѣленный актъ, а другая часть—карательное «вознагражденіе» за него... То же самое примѣнимо, и къ услугамъ—наградамъ.

Хотя спеціальныхъ «уложеній о наградахъ» и не имѣется еще въ Сводахъ Законовъ, но множество статей, разбросанныхъ по различнымъ частямъ и отдѣламъ, есть въ каждомъ Сводѣ Законовъ.

И эти статьи, подобно карательнымъ, также дѣлятся на двѣ половины: одна половина статьи опредѣляетъ услужный актъ, другая опредѣленную награду за него. Достаточно съ этою цѣлью указать на табель о рангахъ, на статьи трактующія о наградахъ (ордена, знаки монаршей милости, аренды, пенсіи, кафтаны, и т. д.). Правила, указывающія порядокъ и условія ихъ полученія, суть не что иное, какъ правила, опредѣляющія характеръ услужнаго акта—съ одной стороны, и видъ соотвѣтственной награды...—съ другой... Напр., для полученія перваго класснаго чина (награда) отъ индивида требуется столько-то лѣтъ службы, такой-то образовательный цензъ и т. д. (подвиги).

---

[1]) Іерингъ. Op. cit. 358—9.

Для полученія ордена Станислава 2-й степени—требуется то-то и то-то...

Подобная шаблонизація происходитъ не только въ области государственнаго права, но и въ любой области соціальной жизни. Для того, чтобы получить, напр., званіе магистра (награда)—требуется рядъ опредѣленныхъ подвиговъ, для доктора—рядъ другихъ. Какъ въ случаѣ государственной службы, такъ и здѣсь общество не принуждаетъ никого къ этимъ подвигамъ. Оно только рекомендуетъ ихъ и говоритъ: „я тебя не обязываю быть статскимъ совѣтникомъ или профессоромъ; хочешь или не хочешь ты быть ими—это твоя добрая воля. Но если хочешь получить эти награды, то выполни такіе-то и такіе-то подвиги".

Такимъ образомъ, въ силу ряда причинъ (о которыхъ будетъ рѣчь ниже) кары и награды изъ нешаблонизированныхъ формъ переходятъ въ шаблонизированныя и вполнѣ точно зафиксированныя [1]).

Этотъ процессъ есть лишь частный случай общаго мѣнового процесса, гдѣ сначала обмѣнъ вещи на вещь ничѣмъ не регулировался и не было установлено никакихъ эквивалентныхъ мѣновыхъ цѣнностей. Съ теченіемъ времени—эквивалентность и шаблонность устанавливается. „За такую-то вещь—можно получить то-то".

Далѣе—шаблонизируется постепенно и сама единица обмѣна: всѣ цѣнности начинаютъ выражаться одной цѣнностью, каковой становятся деньги. Мало-по-малу всякая вещь получаетъ вполнѣ опредѣленную цѣну, выраженную въ деньгахъ, и шаблонизація такимъ образомъ достигаетъ своего высшаго развитія.

Въ области каръ и наградъ «прейсъ-курантъ» преступленій и заслугъ данъ. Но не дана еще «единица обмѣна», которая одна могла бы замѣнить всѣ виды «каръ» (ссылку, заключеніе, смертн. казнь, лишеніе правъ и т. д.) и всѣ виды наградъ. Можно ли предполагать, что такая единица установится и въ преступно-карательномъ и услужно-наградномъ курсѣ? На этотъ вопросъ мы попытаемся отвѣтить въ предпослѣдней главѣ, при изученіи историческихъ тенденцій каръ и наградъ.

---

[1]) Доказывать, что вначалѣ ни кары, ни награды не были зафиксированными и зависѣли отъ воли карателя и награждателя—авторъ считаетъ излишнимъ, т. к. это истина, извѣстная всякому, кто немного занимался сравнительной исторіей права, этнографіей, этнологіей и исторіей культуры.

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛАВА V-я.

Вліяніе каръ и наградъ на поведеніе человѣка.

§ 1.

Мотиваціонное дѣйствіе наградъ и наказаній.

Въ уголовномъ правѣ уже издавна существуетъ рядъ теорій, которыя указывали на то, что наказанія способны въ значительной степени вліять на поведеніе индивида, заставляя его воздерживаться подъ страхомъ наказанія отъ ряда поступковъ, запрещенныхъ закономъ, или исполнять рядъ поступковъ, требуемыхъ тѣмъ же закономъ. Въ послѣднее время къ подобному вліянію каръ на поведеніе человѣка стали относиться нѣкоторые изслѣдователи скептически [1]).

Мы не раздѣляемъ этого скептицизма и думаемъ, что какъ кары, такъ и награды вліяли и вліяютъ на поведеніе человѣка. Мало того, мы имѣемъ смѣлость утверждать, что если бы не было этихъ рычаговъ—поведеніе, какъ цѣлыхъ народовъ, такъ и отдѣльныхъ личностей, было бы существенно инымъ.

Утверждая это, мы прежде всего исходимъ изъ того положенія, что цѣлевыя и утилитарныя соображенія человѣка способны такъ или иначе вліять на поведеніе индивида. Выражаясь еще яснѣе, мы можемъ сказать, что на поведеніе человѣка вліяютъ представленія тѣхъ выгодъ или невыгодъ (каковы бы они конкретно ни были), которыя онъ

---

[1]) См., напр., Ферри. Op. cit. т. 1, 352 и слѣд.

связываетъ съ тѣми или иными поступками, въ качествѣ послѣдствій этихъ поступковъ. Если какой-нибудь поступокъ кажется данному человѣку влекущимъ за собой рядъ желательныхъ для него послѣдствій (наслажденіе, счастье, пользу, выгоду и т. д.), то это соображеніе о желательныхъ для него послѣдствіяхъ соотвѣтствующимъ образомъ вліяетъ на психику человѣка и заставляетъ его совершить поступокъ, который безъ этого воздѣйствія не совершился бы. Выражаясь образно, здѣсь представленія тѣхъ благъ, которыя вытекаютъ изъ его поступка, являются особымъ рычагомъ, который давитъ соотвѣтственнымъ образомъ на поведеніе человѣка и заставляетъ его совершить тотъ или иной актъ.

Точно такимъ же рычагомъ являются и представленія о рядѣ нежелательныхъ для даннаго человѣка послѣдствіяхъ, вытекающихъ изъ того или иного его поступка. Эти нежелательныя послѣдствія (страданіе, вредъ, невыгода и т. д.), которыя обрушатся на него, если только онъ совершитъ тотъ или иной актъ, заставляютъ его воздерживаться отъ даннаго акта, который безъ давленія этого второго рычага неминуемо совершился бы.

Награды и наказанія являются частнымъ случаемъ этихъ желательныхъ и нежелательныхъ послѣдствій; представленіе наградной реакціи (какъ нѣкоего „блага“ „выгоды“ желательныхъ послѣдствій), которая можетъ произойти, если будетъ совершенъ тотъ или иной актъ, соотвѣтствующимъ образомъ давитъ на психику человѣка и заставляетъ его совершить актъ или воздержаться отъ совершенія, или терпѣть что-нибудь, что безъ этого воздѣйствія едва-ли бы произошло.

То же относится и къ карамъ. Кары являются однимъ изъ видовъ тѣхъ нежелательныхъ послѣдствій, которыя соотвѣтствующимъ образомъ воздѣйствуютъ на поведеніе человѣка и дѣлаютъ его инымъ въ сравненіи съ тѣмъ поведеніемъ, которое было бы, если бы этого рычага каръ не было.

Въ животномъ мірѣ, гдѣ эти цѣлевыя соображенія или соображенія тѣхъ или иныхъ „невыгодъ“ или „выгодъ“,—какъ послѣдствій того или иного поступка —отсутствуютъ,—иначе и регулируется поведеніе.

Здѣсь все совершается инстинктивно, по разъ выработанному подъ дѣйствіемъ естественнаго подбора шаблону. Здѣсь, какъ только данъ тотъ или иной раздражитель—слѣдуетъ соотвѣт-

ствующій актъ. Всѣ тѣ поступки, которые совершаютъ пчелы, муравьи, шмели и т. п., регулируются не соображеніями выгоды и невыгоды, не представленіями желательныхъ или нежелательныхъ послѣдствій своего поступка, а простымъ инстинктомъ, разъ навсегда выработаннымъ подъ воздѣйствіемъ подбора.

Иное дѣло поведеніе человѣка, въ которомъ принимаютъ участіе цѣлевыя соображенія. Здѣсь уже, какъ ниже будетъ указано, не все дѣлается автоматично. И на рядѣ конкретныхъ фактовъ можно убѣдиться, что представленія тѣхъ или иныхъ „выгодъ“ и „невыгодъ“—какъ слѣдствій поступка—существенно видоизмѣняютъ поведеніе. Кары и награды являются частнымъ случаемъ этихъ выгодъ или невыгодъ—поэтому и они имѣютъ такое же воздѣйствіе [1]). Подтвержденіемъ можетъ служить безконечное число фактовъ, ежедневно совершающихся вокругъ насъ въ жизни. Приведемъ нѣкоторые изъ нихъ. Изъ наблюденій надъ дѣтьми, вѣроятно, извѣстно каждому, какое искушеніе представляютъ для нихъ „лакомства“. Сплошь и рядомъ бываютъ случаи, когда они не прочь бы съѣсть конфеты, лежащія на столѣ или въ буфетѣ. Но представленіе о томъ, что „папа“ и „мама“ будутъ недовольны и дадутъ соотвѣтствующій выговоръ, удерживаетъ ихъ отъ этого поступка. Не будь здѣсь этого недовольства папы и мамы (карательная реакція)—конфеты были бы съѣдены.

Какъ извѣстно, у женщинъ половыя эмоціи и возможность половой жизни даны въ современномъ обществѣ очень часто раньше, чѣмъ возможно ихъ безнаказанное удовлетвореніе. (Бракъ). Сплошь и рядомъ мы видимъ, слышимъ и читаемъ, что дѣвушка любитъ молодого человѣка и любима имъ. Она хотѣла бы „отдаться“ ему, но, имѣя въ перспективѣ позоръ и порицаніе общества (наказаніе), она остается „невинной“ вплоть до законнаго брака, а иногда и на всю жизнь. Здѣсь опять-таки на лицо

---

[1]) И чѣмъ культурнѣе человѣкъ—тѣмъ большее значеніе въ его поведеніи играютъ цѣлевыя соображенія, такъ какъ тѣмъ болѣе способнымъ онъ становится заглядывать въ будущее и высчитывать цѣпь послѣдствій, получающихся изъ тѣхъ или иныхъ поступковъ. Первобытный же человѣкъ, по самой своей психической организаціи, не способенъ представлять себѣ отдаленныя цѣли, а потому эти цѣли и не играютъ для него большой роли. Для него есть выгоды и невыгоды сегодняшняго и завтрашняго дня, но выгодъ, которыя наступятъ черезъ годъ или 5 лѣтъ, для него нѣтъ, а потому онъ и не можетъ координировать свое поведеніе сообразно съ ними.

поступокъ (актъ воздержанія), вызванный давленіемъ наказанія. Не будь этого рычага—половая жизнь регулировалась бы совершенно иначе, что мы и видимъ, напр., въ первобытныхъ обществахъ, гдѣ нѣтъ наказанія за половую жизнь до брака. Напротивъ, гораздо болѣе снисходительное отношеніе общественнаго мнѣнія къ подобнымъ же поступкамъ молодыхъ людей ведетъ за собой и большее число ихъ „паденій". Рычагъ давитъ слабже и поэтому менѣе сильно видоизмѣняетъ поведеніе—„молодыхъ людей".

Въ тѣхъ же условіяхъ, гдѣ мужчинамъ подъ страхомъ смерти запрещено половое сожительство съ опредѣленной группой женщинъ (въ первобытныхъ обществахъ съ женщинами другой половины, напр., у Камилароевъ Кумиту съ Кумиткой)—тамъ подобное запрещеніе въ высшей степени рѣдко нарушается. Между тѣмъ, не будь этого представленія о смертной карѣ, половая жизнь между этими половинами была бы иной.

Изъ наблюденій надъ политической жизнью, вѣроятно, каждому извѣстна группа „сочувствующихъ". Это группа людей, имѣющихъ идеалы тождественные съ идеалами революціонеровъ, они находятъ вредными, отжившими и нетерпимыми дѣйствія правительства; всѣ ихъ симпатіи на сторонѣ революціонеровъ, и они рады каждой ихъ побѣдѣ. При такихъ условіяхъ было бы для нихъ вполнѣ естественнымъ бороться вмѣстѣ съ революціонерами, разрушать негодные институты и создавать новые. Однако, они „ограничиваются" простымъ сочувствіемъ, которое при томъ стараются ничѣмъ не обнаруживать, подчиняются всѣмъ декретамъ правительства и дѣлаютъ то, что они считаютъ безнравственнымъ, неправымъ, вреднымъ и т. д. Почему? Потому что рычагъ возможныхъ наказаній давитъ въ данномъ направленіи. Не будь этого рычага—они были бы не только „сочувствующими", но и „активными" работниками.

Очень часто при усмиреніи бунтовъ многіе солдаты „съ болью въ сердцѣ" стрѣляли въ „бунтовщиковъ". Для многихъ изъ нихъ эти акты усмиренія были совершенно «неестественны». И несомнѣнно, совершеніе подобныхъ актовъ почти всецѣло обязано своимъ существованіемъ факту грозящаго въ видѣ смертной казни наказанія. Не будь этого рычага—несомнѣнно, мы имѣли бы массу случаевъ отказа отъ усмиренія и вообще нарушенія военной дисциплины.

А сколько есть чиновниковъ, которые честны не по убѣжденію, а только изъ боязни наказанія; они съ удовольствіемъ взяли бы взятки, и, если не берутъ, то только благодаря мотиваціонному дѣйствію наказанія—боязни лишенія службы, пониженія, позора и т. д.

Сколько есть лицъ (преступниковъ), морально-правовыя убѣжденія которыхъ нисколько не противорѣчатъ совершенію ряда убійствъ, насилій и т. д. въ каждый данный моментъ. И если они не дѣлаютъ это постоянно, то только изъ боязни, что подпадутъ подъ вліяніе наказанія. Наказаніе давитъ на ихъ поведеніе и видоизмѣняетъ его.

Подобныхъ примѣровъ мотиваціоннаго давленія каръ можно привести сколько угодно. Само существованіе каръ—лучшее свидѣтельство этого.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что мотиваціонное дѣйствіе наказаній далеко не ограничивается областью междучеловѣческихъ отношеній, а выходитъ за его предѣлы, въ міръ отношеній между человѣкомъ и его богомъ, человѣкомъ и животными и т. д. (Религіозная карательная мотивація см. ниже).

Все сказанное о мотиваціонномъ давленіи каръ цѣликомъ приложимо и къ мотиваціонному давленію наградъ. Награды—это тотъ второй рычагъ, благодаря которому человѣкъ совершаетъ, или воздерживается, или терпитъ рядъ поступковъ, которыхъ безъ давленія наградъ онъ не совершилъ бы, не воздерживался и не терпѣлъ бы.

Возьмемъ для иллюстраціи явленіе «взятокъ». Здѣсь въ первомъ дѣйствіи передъ вами человѣкъ (напр., чиновникъ, интендантъ, приставъ и т. д.), который рѣшительно отказывается совершить или воздержаться или терпѣть рядъ поступковъ, о которыхъ вы просите.

Но вотъ на сцену выступаетъ взятка (награда-услуга) и поведеніе индивида рѣзко мѣняется... Онъ совершаетъ рядъ поступковъ, которыхъ не совершилъ бы безъ награды. Не даромъ еще въ Библіи говорится: „Даровъ не принимай, ибо дары слѣпыми дѣлаютъ зрячихъ и превращаютъ дѣло правыхъ".

Такъ называемые «ренегаты и измѣнники» даютъ второй рѣзкій примѣръ мотиваціоннаго вліянія наградъ, въ особенности въ тѣхъ условіяхъ, когда награда является двойной: даетъ рядъ «благъ» и вмѣстѣ съ этимъ освобождаетъ отъ ряда наказаній

За послѣдніе годы мы были свидѣтелями фактовъ, гдѣ лица, сочувствующія прежнимъ идеаламъ и признающія за нѣчто отрицательное тѣ акты, которые имъ предлагается дѣлать, тѣмъ не менѣе, благодаря давленію наградъ, измѣняли свое поведеніе и переходили въ противоположный станъ борющихся сторонъ. А сколько актовъ обязано своимъ существованіемъ исключительно наградамъ, безъ которыхъ они не могли бы совершиться! Въ былое время, сколько „недорослей“ изнывало надъ книгами (время Петра и Анны Іоанновны), исключительно изъ-за того, чтобы получить соотвѣтственныя права и привиллегіи [1]). Сколько такихъ же „недорослей“ томится теперь въ учебныхъ заведеніяхъ, которымъ столько же дѣла до изучаемой ими науки, сколько до жителей Марса! Если бы уничтожили абсолютно всѣ дипломы и привиллегіи, связанныя съ образованіемъ, то вся эта категорія „недорослей“ моментально забросила бы книги и занялась бы совершенно иными дѣлами... Не будь давленія наградъ—поведеніе ихъ рѣзко измѣнилось бы...

Вообще невозможно перечислить всѣ акты, обязанные своимъ существованіемъ исключительно наградамъ. Въ соціальной дѣйствительности мы имѣли и имѣемъ великое множество актовъ и величественно-прекрасныхъ и отвратительно-подлыхъ, вызванныхъ исключительно наградой. Чиновникъ, рабочій, студентъ, ученый, поэтъ, служащій и т. д.—всѣ они совершаютъ въ своей жизни массу поступковъ, которыхъ безъ наградного давленія они не совершили бы... Награда въ томъ или иномъ видѣ (повышеніе по службѣ, увеличеніе жалованія, хорошій отзывъ профессора и дипломъ, общественная признательность, кафедра, та или иная ученая степень и т. д.) является паромъ, толкающимъ на рядъ актовъ дѣйствія, терпѣнія или воздержанія.

Изъ художественныхъ образовъ Иваръ Карено и его товарищъ даютъ великолѣпный образецъ постепеннаго измѣненія поведенія подъ вліяніемъ наградъ [2]).

Здѣсь прекрасно показано, какъ подъ вліяніемъ давленія награды поведеніе того и другого постепенно измѣнялось, и въ концѣ концовъ каждый изъ нихъ „сжегъ все то, чему онъ поклонялся, и поклонился тому, что раньше онъ сжигалъ“.

---

[1]) См. соотв. указы Петра и Анны Іоанновны, въ частности, указъ 1714 г.

[2]) См. трилогію Гамсуна: „У вратъ царства, Драма жизни и Закатъ“.

Въ ряду другихъ наградъ имѣется одинъ видъ ея, такъ называемая, слава, которая заставляетъ жертвовать самой жизнью многихъ изъ людей, начиная съ Ахиллеса и кончая авіаторами нашихъ дней или революціонерами, желающими оставить вѣчную память о себѣ, или другими, обрекшими себя для полученія славы на страданія и лишенія. Я не буду приводить дальнѣйшихъ примѣровъ мотиваціоннаго дѣйствія наградъ. Ихъ каждый подберетъ сколько угодно. Преломляясь и измѣняясь на протяженіи исторіи они выступаютъ въ различныхъ конкретныхъ формахъ и выступаютъ буквально на каждомъ шагу. И здѣсь область явленій не ограничивается междучеловѣческими отношеніями. Тѣ же отношенія и то же мотиваціонное дѣйствіе наградъ исходило отъ потусторонняго міра и возникало въ отношеніяхъ человѣка съ животными... (см. ниже).

Изъ сказаннаго видна та громадная роль, которую какъ въ судьбахъ личности, такъ и группы играютъ акты, вызываемые карами и наградами [1]).

---

§ 2.

Основныя теоремы мотиваціоннаго вліянія наказаній и наградъ на поведеніе людей.

Изъ обыденной жизни мы знаемъ, что прежде всего одно и то же наказаніе или одна и та же награда неодинаково дѣйствуютъ на поведеніе различныхъ людей. Одинъ готовъ продать Христа за 30 сребренниковъ, другой же не измѣнитъ ни на іоту своего поведенія и при давленіи большей награды. И обратно, различныя награды и наказанія имѣютъ неодинаковое мотиваціонное вліяніе на одного и того же человѣка.

---

[1]) Въ силу сказаннаго мы не можемъ не согласиться съ Г. Тардомъ, вполнѣ правильно настаивающимъ на тезисѣ громаднаго вліянія наказанія на поведеніе человѣка и его важную роль въ соціальной жизни. Il est prouvé, je crois, говоритъ онъ, закончивъ параграфъ объ Efficacité des peines, que les peines, même imparfaitement appliquées, comme elles sont, rendent service à la sociète". La philosophie Pènale 1891. 477—487. Ниже будутъ приведены дальнѣйшія подтвержденія вліянія каръ и наградъ на поведеніе человѣка и будетъ указано—въ чемъ заключалась ихъ соціальная роль.

Въ виду этого, позволительно спросить, чѣмъ обусловливается эта неодинаковость вліянія указанныхъ рычаговъ?

Конечно, указать всѣ условія, которыя опредѣляютъ силу этого вліянія, невозможно: они слишкомъ разнообразны и многочисленны. Въ виду этого въ нашу задачу входитъ только формулировка основныхъ и наиболѣе важныхъ условій, которыя имѣютъ въ данномъ пунктѣ рѣшающее значеніе.

Для того, чтобы рѣшить эту проблему, расчленимъ общій вопросъ на слѣдующіе три вопроса: 1) чѣмъ обусловливается различная степень вліянія одной и той же награды или кары на одного и того же человѣка; 2) чѣмъ обусловливается степень вліянія одной и той же кары или награды на различныхъ людей и 3) чѣмъ обусловливается степень вліянія различныхъ каръ и наградъ на одного и того же человѣка.

I. Начнемъ съ перваго случая, какъ наиболѣе простого. Итакъ, чѣмъ обусловливается различная степень вліянія одной и той же награды или одного и того же наказанія на одного и того же человѣка, при допущеніи его неизмѣняемости?

А) Такимъ основнымъ условіемъ является время. При прочихъ равныхъ условіяхъ одна и та же награда или одно и то же наказаніе тѣмъ сильнѣе вліяютъ на поведеніе человѣка, чѣмъ моментъ ихъ выполненія ближе [1]). Наказаніе, готовое обрушиться сейчасъ, и награда, которую можно получить сейчасъ, дѣйствуютъ гораздо сильнѣе, чѣмъ награды и наказанія, отодвигаемыя въ неопредѣленное будущее, и чѣмъ они дальше отодвигаются, тѣмъ степень ихъ вліянія становится меньше.

За извѣстнымъ предѣломъ времени, различнымъ для различныхъ индивидовъ, вліяніе ихъ равно нулю. Пояснимъ сказанное. Мотиваціонное вліяніе наказанія, состоящаго въ лишеніи жизни, совершенно различно тогда, когда оно грозитъ непосредственно и когда оно грозитъ, скажемъ, черезъ 10-ть лѣтъ. Въ первомъ случаѣ очень часто отъ наказываемаго можно добиться

---

[1]) Здѣсь для краткости мы будемъ всѣ вышеустановленные типы наградныхъ и карательныхъ актовъ по объекту (терпѣніе, воздержаніе и дѣланіе) называть просто наградой и карой.

почти всего, что не превышаетъ его силы. Исторія войнъ и инквизиціи даетъ не мало иллюстрацій къ этому положенію.

Исторія войнъ даетъ рядъ фактовъ, гдѣ угроза непосредственно-грозящей смертью заставляла пойманнаго вражескаго солдата раскрывать угрожающимъ всѣ тайны своего войска. Иліада и здѣсь даетъ недурной примѣръ. Долонъ, пойманный Одиссеемъ и Діомедомъ, подъ страхомъ смерти разсказываетъ имъ все, что онъ знаетъ о своемъ войскѣ, хотя этотъ актъ для него и является совершенно «неестественнымъ» поступкомъ. Изъ тѣхъ писемъ приговоренныхъ, которыя опубликовалъ В. Г. Короленко въ своихъ статьяхъ, направленныхъ противъ смертной казни, ясно видно то постепенное возрастаніе ужаса передъ смертью, по мѣрѣ ея приближенія, которое испытываютъ приговоренные. Иногда этотъ ужасъ бываетъ настолько великъ, что приговоренные сходятъ съ ума передъ смертью или же становятся палачами, чтобы спасти свою жизнь, несмотря на отвращеніе ихъ къ этому ремеслу. Иначе обстоитъ дѣло тогда, когда смерть грозитъ черезъ 10, 20, 30 лѣтъ.

Въ этомъ случаѣ она неясно и смутно рисуется гдѣ-то вдали, приговоренный можетъ успокаивать себя тѣмъ, что есть еще достаточно времени для жизни, что за это время можно и попросту умереть...

То же относится и къ мотиваціонному вліянію другихъ каръ. Исторія инквизиціи и застѣнковъ даетъ не мало фактовъ, которые въ общемъ вполнѣ подтверждаютъ выставленное положеніе. Насколько сильно вліяніе непосредственно угрожающей пытки, это ясно изъ тѣхъ примѣровъ, гдѣ обреченный на пытки, передъ моментомъ истязанія, желая хоть на время отдалить ее, выдавалъ очень часто всѣ тайны, всѣхъ сообщниковъ, не только дѣйствительныхъ, но и «мнимыхъ», сознавался въ такихъ преступленіяхъ, въ которыхъ онъ никогда не былъ повиненъ и т. д. Иначе дѣйствуетъ отдаленное наказаніе. Его вліяніе на поведеніе тѣмъ слабже, чѣмъ оно дальше. Угроза неминуемымъ наказаніемъ черезъ 10-ть, 20-ть и т. д. лѣтъ—малодѣйствительна. Очень маленькое, но близкое наказаніе вслѣдствіе этого можетъ быть равносильнымъ жестокому, интенсивному наказанію. Вслѣдствіе этого вполнѣ понятно, почему потустороннее наказаніе, обѣщаемое почти всѣми религіозными системами, рисуется въ ужаснѣйшемъ видѣ, надѣляется крайне жестокими чертами и опредѣляется „вѣч-

нымъ и безконечнымъ". Загробная кара—кара отдаленная, поэтому она, чтобы имѣть вліяніе на поведеніе индивида, должна компенсировать недостатокъ ея отдаленности избыткомъ ужаса и жестокости. Въ противномъ случаѣ она была бы безсильной.

Да и то при всей жестокости этой кары, она, благодаря ея отдаленности во времени, сплошь и рядомъ бываетъ недѣйствительной... То же mutatis mutandis относится и къ другимъ видамъ кары при данныхъ условіяхъ...[1])

Все сказанное о карахъ цѣликомъ приложимо и къ области наградъ. Одна и та же награда производитъ тѣмъ большее вліяніе на поведеніе одного и того же человѣка (ceteris paribus), чѣмъ она ближе. Это положеніе давно уже было схвачено народной мудростью и выразилось въ пословицѣ: „лучше синица въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ".

Въ обыденной жизни мы сплошь и рядомъ встрѣчаемся съ фактами, гдѣ непосредственное, но небольшое «благо» предпочитается большому, но отдаленному благу... Этимъ же объясняется и тотъ, опять-таки практикуемый религіозными системами, фактъ, что отдаленная, въ особенности же загробная награда, чтобы имѣть мотиваціонную силу, должна быть грандіозной, продолжительной и высшей наградой. И дѣйствительно, занебесное блаженство всѣхъ религіозныхъ системъ обладаетъ данными признаками: оно вѣчно, неизъяснимо-прекрасно, оно абсолютно. Этотъ фактъ роста силы наградъ или роста цѣнности одной и той же награды по мѣрѣ уменьшенія времени, отдѣляющаго насъ отъ нее, былъ уже давно замѣченъ (хотя и невѣрно приложенъ) «школой воздержанія» въ политической экономіи, указавшей на то, что отсрочка потребленія какого-либо полезнаго продукта уменьшаетъ его положительную цѣнность (Сеніоръ и др.). Это положеніе есть частный случай указываемаго здѣсь закона и нельзя не согласиться съ нимъ. М. И. Туганъ-Барановскій, вполнѣ правильно отвергающій тѣ выводы, которые сдѣлала данная школа изъ этой посылки въ приложеніи къ проблемѣ прибыли, несомнѣнно правъ, когда говоритъ: «Но несомнѣнно, продолжительная отсрочка потребленія не можетъ считаться въ хозяйственномъ отношеніи фактомъ без-

---

1) См. Записки изъ мертваго дома Достоевскаго, гдѣ приведены поразительные факты боязни непосредственно близкаго наказанія. Стр. 55, 59, 187 и др.

различнымъ— она является обстоятельствомъ, уменьшающимъ въ данный моментъ цѣнность предмета, которымъ можно будетъ воспользоваться только по прошествіи продолжительнаго времени. Если мнѣ предстоитъ выборъ между двоякимъ употребленіемъ моего труда, при чемъ при одномъ употребленіи я воспользуюсь своимъ трудовымъ продуктомъ немедленно, а въ другомъ случаѣ только черезъ десять лѣтъ, то, конечно, при обычныхъ условіяхъ, я предпочту первое... потому, что во второмъ случаѣ цѣнность получки, благодаря продолжительной отсрочкѣ потребленія, меньше» [1]).

При желаніи можно подтвердить сказанное рядомъ фактовъ, число которыхъ можно увеличить ad libitum.

Указанная теорема о роли времени имѣетъ, однако, различное значеніе на различныхъ стадіяхъ исторіи человѣчества. Особенно важную роль играетъ она въ поведеніи первобытнаго и вообще неразвитаго человѣка. Для него всякая, сколько-нибудь отдаленная награда или кара, какъ бы она ни была велика—не имѣетъ никакого значенія. Это обусловливается характеромъ его психо-физической организаціи.

„Не обладая никакими повѣствованіями о прошлыхъ событіяхъ, человѣкъ, въ его нецивилизованномъ состояніи, не способенъ къ познаванію длинныхъ послѣдовательностей. Вслѣдствіе этого, то предвидѣніе отдаленныхъ результатовъ, которое возможно для осѣдлаго общества, обладающаго мѣрами и письменнымъ языкомъ, для него невозможно. Это значитъ, что соотвѣтствіе во времени развито здѣсь лишь въ очень тѣсныхъ предѣлахъ. Воспроизведенія сознанія простираются здѣсь лишь на немногочисленныя послѣдовательности явленій, которыя при томъ не отличаются обширностью. И здѣсь существуетъ лишь очень умѣренное удаленіе отъ рефлективной жизни, въ которой побужденіе и дѣйствіе находятся въ непосредственной связи между собою“ [2]).

При такомъ положеніи дѣла вполнѣ понятно, что отдаленная во времени кара или награда ни-

---

1) М. И. Туганъ-Барановскій. Основы политической экономіи 1-е изд. стр. 640.

2) Спенсеръ. Основ. соціологіи. § 39 и слѣд. 47 стр.

сколько не вліяютъ на поведеніе первобытнаго человѣка, ибо онѣ равны для него несуществующей карѣ и наградѣ. И дѣйствительно, «австралійцевъ описываютъ какъ неспособныхъ къ сколько-нибудь настойчивому труду, коль скоро вознагражденіе за этотъ трудъ можетъ быть получено только въ будущемъ». Отсюда же безпечность первобытныхъ людей относительно будущаго, не предусмотрительность ихъ, импульсивность и дѣтская веселость ихъ поведенія; отсюда же характерная для нихъ черта—отсутствіе накопленія тѣхъ или иныхъ благъ на черный день и т. д. [1]).

Отсюда же становится понятнымъ и необходимымъ, что для воздѣйствія путемъ каръ и наградъ на поведеніе первобытнаго и вообще нецивилизованнаго человѣка (неразвитаго, ребенка и т. д.) необходимо, чтобы кары и награды были на лицо и наступали тотчасъ по совершеніи того или иного акта. Въ противномъ случаѣ онѣ будутъ безсильны и безцѣльны. Этимъ объясняется рядъ явленій, характерныхъ для первобытнаго времени: напр., поштучная система вознагражденія, отсутствіе на первыхъ порахъ занебесныхъ санкцій (ибо они отдаленны), рядъ фактовъ, говорящихъ о томъ, что здѣсь кары и награды должны были наступать немедленно [2]) и т. д.

По мѣрѣ развитія сознанія расширяется способность предвидѣнія будущаго, и тѣмъ самымъ растетъ возможность регулированія поведенія, исходя изъ представленій отдаленныхъ каръ и наградъ. Теперь культурный человѣкъ координируетъ свое поведеніе съ карой и наградой, которыя наступятъ черезъ 10, 20, 30 и т. д. лѣтъ, а иногда и выходятъ за предѣлы его жизни (слава).

Такимъ образомъ, хотя приведенная теорема о значеніи времени при одной и той же карѣ или наградѣ вѣрна вообще, но она имѣетъ различное значеніе для различныхъ людей въ зависимости отъ ихъ способности предвидѣть будущее. [Отсюда само собой вытекаетъ педагогическое правило: чѣмъ ниже по своему развитію человѣкъ, каковыми являются неразвитые люди, дѣти и т. д., тѣмъ немедленнѣе должны наступать кары и на-

---

[1]) См. Ibid. 37 стр. §§ 34, 35 и др.
[2]) См. ниже „Историч. тенденціи каръ и наградъ".

грады, чтобы вліять на ихъ поведеніе]. Само собой разумѣется, что данной теоремѣ нисколько не противорѣчитъ и то явленіе, что великіе люди живутъ для будущаго, что они предпочитаютъ будущую отдаленную награду настоящей [1]). Не противорѣчитъ это по той простой причинѣ, что настоящей наградѣ предпочитается не равноцѣнная будущая награда, а также, какъ и въ случаѣ съ потусторонними наградами, награда безконечно-болѣе цѣнная, высокая, вѣчная и т. д. Поэтому, это не противорѣчіе, а прямое подтвержденіе даннаго закона.

Такова первая теорема мотиваціоннаго вліянія каръ и наградъ.

В) На ряду съ этой теоремой можно формулировать и вторую теорему, отчасти связанную съ первой. Она будетъ гласить: «Одна и та же кара или награда тѣмъ сильнѣе вліяютъ на поведеніе одного и того же человѣка, чѣмъ сильнѣе въ немъ увѣренность въ ихъ неизбѣжности» [2]).

Если бы, напримѣръ, преступники были убѣждены въ томъ, что за преступленіемъ неизбѣжно послѣдуетъ наказаніе, то можно было бы смѣло утверждать, что число преступленій сократилось бы въ этомъ случаѣ на громадный процентъ. Вѣдь, большинство изъ нихъ, совершая преступленіе, всегда надѣется такъ или иначе избѣгнуть наказанія. Съ этою цѣлью и выбираются для совершенія преступленія такія условія, которыя даютъ надежду «схоронить концы въ воду», и безнаказанно улизнуть. Конечно, реальной почвой для этого служитъ фактъ недоказанности въ соціальной жизни такихъ же непреложныхъ законовъ, какъ, напр., въ области физико-химическихъ явленій. Если я знаю, что, бросившись съ шестого этажа—я разобьюсь на смерть, опустивши въ расплавленный свинецъ—я обожгу палецъ, воткнувши иголку въ глазъ—я ослѣпну,—то вполнѣ понятно, что эта неизбѣжность послѣдствій будетъ сильнѣе давить на мотивы моего поведенія и сильнѣе удерживать меня отъ этихъ поступковъ, чѣмъ неопредѣленная вѣроятность, дающая надежду на то, что „можетъ быть я разобьюсь, а можетъ быть и нѣтъ, можетъ быть „удивлю міръ“ своей храбростью и героизмомъ.

---

[1]) См., напр., А. Шопенгауэръ. Aphorismen zur Lebensweisheit. Univers-Bibliothek. 87 и слѣд.

[2]) Сравни. Ферри. Угол. соціологія. т. II. 247 и слѣд.

То же относится и къ любому акту. Степень вліянія неизбѣжной кары будетъ гораздо бо̀льшей, чѣмъ вѣроятной кары. Съ этой точки зрѣнія опять-таки малая, но неизбѣжная кара или награда можетъ быть равна по своему значенію большой, но только вѣроятной карѣ или наградѣ. Связь этой теоремы съ предыдущей заключается вь томъ, что кары или награды непосредственно близкія по времени кажутся и неизбѣжными; чѣмъ болѣе они отдаленны—тѣмъ болѣе они гадательны и тѣмъ меньшей становится увѣренность въ ихъ наступленіи, что, опять-таки, объясняется гадательнымъ характеромъ соціальной жизни [1]).

Такова вторая теорема.

II. Теперь спросимъ себя, отъ чего зависитъ различная степень мотиваціоннаго вліянія одной и той же кары и награды на различныхъ людей или на одного и того же человѣка, взятаго не неизмѣняющимся, какъ въ только что разобранномъ положеніи, а взятаго въ различные періоды его жизни, слѣд., въ состояніяхъ, отличныхъ другъ отъ друга?

Въ этомъ случаѣ рѣшающихъ условій слишкомъ много, учесть ихъ всѣхъ невозможно, поэтому приходится довольствоваться указаніемъ только нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ условій... Въ самомъ дѣлѣ, почему одинъ за награду, состоящую въ чечевичной похлебкѣ, готовъ продать право своего первородства, а другой за полъ-міра не измѣняетъ ни на іоту своего поведенія? Проблема, какъ видно, въ высшей степени важная, и достаточно интересная...

А) Первое положеніе, которое опредѣляетъ одно изъ важнѣйшихъ въ данномъ отношеніи условій, позволительно формулировать такъ: одна и та же награда или кара при прочихъ равныхъ условіяхъ произведетъ тѣмъ большее вліяніе на поведеніе различныхъ людей или

---

[1]) Въ связи съ этой теоремой стоитъ и тотъ фактъ, что въ историческомъ процессѣ нерѣдко различныя соціальныя группы, не имѣя фактической возможности схватывать большинство преступниковъ и наказывать ихъ, пытались (непроизвольно) компенсировать это фактическое безсиліе страшножестокими обѣщаніями каръ за преступленіе и такимъ образомъ пытались самимъ обѣщаніемъ терроризировать непокорныхъ. Разъ мало увѣренности въ томъ, что кары постигнутъ виновника, эта неувѣренность непроизвольно компенсируется жестокостью и грандіозностью наказаній.

одного и того же человѣка въ различные періоды его жизни, чѣмъ больше данный человѣкъ нуждается въ этой наградѣ для удовлетворенія соотвѣтствующей потребности или чѣмъ большее „благо“ отнимаетъ у него кара. Таковъ второй законъ мотиваціоннаго дѣйствія каръ и наградъ. Что этотъ законъ вѣренъ—это подтверждается множествомъ фактовъ, ежедневно наблюдаемыхъ нами въ обыденной жизни. Приведу нѣкоторые.

Награда въ видѣ красивой игрушки, обѣщанной ребенку за хорошее поведеніе, существенно вліяетъ на его поступки, удерживая отъ актовъ не рекомендуемыхъ и поощряя къ актамъ рекомендуемымъ, тогда какъ та же награда почти нисколько не давитъ на поведеніе взрослаго или старика. Причина этого различія кроется въ томъ, что ребенку нужна игрушка, а старику или взрослому она не нужна. Для перваго игрушка „цѣнность“, а потому и награда, для второго—она „безцѣнна“, а потому не составляетъ награды. Если же взять практиковавшуюся раньше и практикующуюся еще теперь въ различныхъ формахъ награду, состоящую въ обладаніи любимой и красивой женщиной, то эта награда не окажетъ никакого вліянія на ребенка или на дряхлаго старика, тогда какъ взрослаго человѣка она можетъ побудить къ совершенію самыхъ опасныхъ и необычныхъ поступковъ... Причина этого различія та же, что и въ первомъ примѣрѣ. Не иначе обстоитъ дѣло и въ рядѣ другихъ случаевъ, напр., награда, состоящая въ передачѣ той или иной суммы денегъ не одинаково подѣйствуетъ на человѣка, члена того общества, гдѣ деньги служатъ орудіемъ обмѣна, и человѣка, гдѣ эту роль деньги не играютъ. Въ первомъ случаѣ деньги „цѣнность“, во второмъ случаѣ онѣ безцѣнны или въ лучшемъ случаѣ могутъ служить только предметомъ украшенія.

И обратно, награда раковинками, служившими въ нѣкоторыхъ примит. об-вахъ орудіемъ обмѣна,—можетъ имѣть большое значеніе для члена этого общества, и почти никакого значенія для насъ. Ceteris paribus награда въ видѣ той или иной пищи произведетъ сильное вліяніе на голоднаго (примѣръ, голодный Ісавъ, продающій первородство Іакову за чечевичную похлебку), тогда какъ для сытаго она можетъ не имѣть никакого значенія. Подобно этому, награда въ видѣ шубы или красиваго платья, или рубля денегъ, или въ видѣ похвалы и т. д., можетъ очень сильно видоизмѣнить поведеніе мерзнущаго, не имѣющаго красивой

одежды, бѣдняка, не имѣющаго ни гроша. молодого человѣка, написавшаго первую работу, и т. д.;тогда какъ на поведеніе тепло и красиво одѣтаго богача, обладающаго милліонами, ученаго, пользующагося міровой извѣстностью и т. д. она не окажетъ никакого или же въ лучшемъ случаѣ окажетъ безконечно-малое давленіе...

Во всѣхъ этихъ случаяхъ различіе вліянія наградъ обусловливается (ceteris paribus) исключительно различной степенью нуждаемости въ данной наградѣ приведенныхъ различныхъ лицъ или одного и того же лица въ различные періоды его жизни.

То же слѣдуетъ сказать и о карахъ. Одна и таже кара (ceteris paribus) тѣмъ сильнѣе измѣняетъ поведеніе человѣка, чѣмъ большей она дѣлаетъ степень неудовлетворенности той или иной потребности. Угроза отнять у голоднаго пищу, у мерзнущаго—одежду, у бѣдняка—послѣдніе гроши и т. д. болѣе дѣйствительна для голоднаго, чѣмъ для сытаго, для мерзнущаго, чѣмъ не мерзнущаго, для бѣдняка, чѣмъ для богача и т. д... Угроза заключеніемъ въ тюрьмѣ болѣе дѣйствительна для того, кто не переноситъ тюремнаго заключенія, чѣмъ для того, кто легко уживается и приспособляется къ данной обстановкѣ, угроза смертною казнью можетъ произвести сильнѣйшую пертурбацію въ поведеніи человѣка, дорожащаго жизнью, тогда какъ на поведеніе человѣка, которому „все равно—жить или не жить“ давленіе этой кары будетъ незначительно. Всѣ эти, какъ и множество другихъ аналогичныхъ фактовъ, являются частными случаями указаннаго общаго положенія [1])...

Изъ этого положенія видно, что степень вліянія или цѣнности наградного дѣйствія или карательнаго акта зависитъ не только отъ природы и содержанія самой кары или награды, но

---

[1]) Въ силу сказаннаго нельзя не признать глубоко вѣрными слѣдующія положенія Тарда о тюремномъ заключеніи, положенія, представляющія частный случай формулированной теоремы: Одно и то же наказаніе, а именно, тюремное заключеніе, говоритъ онъ, причиняетъ различныя страданія различнымъ людямъ, въ зависимости отъ ихъ степени развитія, количества и качества ихъ потребностей и т. д. Крестьянинъ заключенный страдаетъ менѣе, чѣмъ человѣкъ съ большими потребностями. „Это слово (тюремное) заключеніе, продолжаетъ Тардъ, есть абстрактная этикетка, данная лишеніямъ чрезвычайно разнообразнымъ и несходнымъ: это лишеніе для крестьянина заключается въ лишеніи его возможности работать мотыкой (piocher), обрабатывать землю,

и отъ природы и свойствъ соотвѣтствующаго человѣка... Поэтому несомнѣнно былъ правъ К. Менгеръ, когда говорилъ: „характеръ благъ не есть нѣчто присущее благамъ, не есть ихъ свойство, но представляется намъ просто, какъ отношеніе, въ которомъ находятся нѣкоторые предметы къ человѣку и съ исчезновеніемъ котораго они, разумѣется, тотчасъ перестаютъ быть благами“ [1]). То же вполнѣ приложимо и къ карамъ.

В) Какъ частный случай нижеприводимаго болѣе общаго закона можно формулировать слѣдующее четвертое положеніе: Степень мотиваціоннаго вліянія одной и той же кары или награды на различныхъ людей зависитъ отъ характера и интенсивности (устойчивости) ихъ научно-религіозно-моральнаго міровоззрѣнія и міропониманія. Это условіе является рѣшающимъ для области потусторонннихъ наградъ и каръ, игравшихъ и играющихъ огромную роль въ жизни человѣчества и рѣшающимъ образомъ вліявшихъ на его поведеніе.

Поведеніе каждаго вѣрующаго въ бытіе посюсторонняго и потустороннаго воздаянія, исходящаго отъ того или иного божества, чуть невсе цѣликомъ регулируется этими карами и наградами. Стоитъ для примѣра взять хотя бы культъ предковъ. Для того, кто вѣруетъ и признаетъ существованіе душъ предковъ, приписываетъ имъ силу награждать или наказывать, вредить или помогать—для того награды и кары, исходящія отъ этихъ душъ, весьма дѣйствительны, и заставляли и заставляютъ совершать массу актовъ, которые безъ подобной вѣры никоимъ образомъ быть не могли бы. Совершеніе ряда актовъ: месть, заботы о поддержаніи очага, всевозможныя жертвы, начиная отъ возліяній вина и кончая человѣческими гекатомбами—умерщвле-

---

пить въ гостиницѣ; для рабочаго въ лишеніи его посѣщеній шантана, разговоровъ о политикѣ въ кафе, посѣщеній своей метрессы, возможности бастовать и т. д., для человѣка высшихъ классовъ—тюремное заключеніе означаетъ лишеніе его путешествій по желѣзн. дорогѣ, куренія дорогихъ сигаръ, обладанія хорошенькими женщинами и т. д.“... Точно также и смертная казнь тѣмъ страшнѣе кажется человѣку, и тѣмъ сильнѣе вліяетъ на его поведеніе, чѣмъ больше радостей и счастья даетъ этому человѣку жизнь...

G. Tarde. La philosophie penale 581—582 См. также Достоевскій. Записки. 51—56, 68 и др.

[1]) К. Менгеръ. Основанія полит. экономіи. Перев. подъ ред. Орженцкаго стр. 3.

ніемъ женъ, дѣтей, и рабовъ, рядъ актовъ, требуемыхъ отъ женщины, рядъ институтовъ въ родѣ римскаго adoptio [1]) и т. д.— всѣ эти акты вызваны были исключительно мотиваціоннымъ дѣйствіемъ указанныхъ рычаговъ, исходящихъ отъ умершихъ предковъ. Не будь этой вѣры—не имѣло бы мѣста и потусторонее карательно-наградное воздѣйствіе, а слѣд., не было бы и всѣхъ указанныхъ актовъ и институтовъ. Если я не вѣрю въ существованіе душъ—то для меня ихъ угрозы покарать или наградить меня за тѣ или иные поступки будутъ только смѣшными. Если же убѣжденъ въ бытіи ихъ—я буду дѣлать то же, что дѣлали и всѣ вѣровавшіе въ культъ предковъ.

Сказанное можно приложить и къ любой религіи. Акты жертвоприношенія, моленія, мистеріи, колдовство и т. д. мы находимъ почти въ любой религіи.

И несомнѣнно, что потусторонняя карательно-наградная санкція играла громадную роль въ направленіи и характерѣ поведенія человѣка. Безконечное множество поступковъ дѣлалось или не дѣлалось (воздержаніе отъ нихъ) исключительно подъ вліяніемъ потусторонней санкціи.

Всякая религіозная система предписывала до мельчайшихъ деталей извѣстное поведеніе, рекомендуя одни поступки, приказывая другіе и запрещая третьи, обѣщая награду за послушаніе (рай и т. д.) и кару за наказаніе (адъ и пр.) и, нѣтъ сомнѣнія, что ея правила и давленіе ея санкцій не было пустымъ звукомъ, а было могучимъ рычагомъ, управлявшимъ поведеніемъ человѣка и вызвавшимъ къ жизни рядъ поступковъ, предметовъ и институтовъ, какъ добрыхъ, такъ и отвратительныхъ [2]), которыхъ безъ этой санкціи не было бы.

Это „расписаніе поведенія“ имѣется въ каждой крупной религіи и для иллюстраціи я позволю привести отрывки изъ „Библіи“, Законовъ Ману и „Корана“, рекомендующіе одно

---

[1]) См. Ф. Де-Куланжъ. Гражданск. община древняго міра, въ которой прекрасно показано это вліяніе потустор. мотиваціоннаго давленія на всю древнюю жизнь (passim), а также Bouglé Essai sur le régime des castes. 1908 II и III ч.

[2]) То же говоритъ и Тейлоръ. „Вѣра въ будущее возмездіе сдѣлалась въ самомъ дѣлѣ могучимъ рычагомъ въ жизни народовъ. Распространяясь съ одинаковой силой на добро и на зло, она становилась могуществ. средствомъ для многихъ религій“. (167 стр.). См. также Гюйо. Иррелигіозность будущаго, пер. подъ ред. Фриче, гл. III.

и запрещающіе другое и въ то же время указывающіе на положительныя и отрицательныя слѣдствія послушанія и непослушанія.

„Если ты будешь слушать гласа Господа, Бога твоего, тщательно исполнять всѣ заповѣди Его, которыя заповѣдую тебѣ сегодня, то Господь, Богъ твой поставитъ тебя выше всѣхъ народовъ земли. И прійдутъ на тебя всѣ благословенія сіи, и исполнятся на тебѣ, если будешь слушать гласа Господа, Бога твоего. Благословенъ ты въ городѣ и благословенъ ты на полѣ. Благословенъ плодъ чрева твоего, и плодъ земли твоей, и плодъ скота твоего, и плодъ твоихъ воловъ, и плодъ овецъ твоихъ! Благословенны житницы твои, и кладовыя твои. Благословенъ ты при входѣ твоемъ, и благословенъ ты при выходѣ твоемъ. Поразитъ предъ тобою Господь враговъ твоихъ, возстающихъ на тебя; однимъ путемъ они выступятъ противъ тебя, а семью путями побѣгутъ отъ тебя... И дастъ тебѣ Господь изобиліе во всѣхъ благахъ, въ плодѣ чрева твоего, и въ плодѣ скота твоего, и въ плодѣ полей твоихъ на землѣ, которую Господь клялся отцамъ твоимъ дать тебѣ. Откроетъ тебѣ Господь добрую сокровищницу Свою, небо, чтобы оно давало дождь землѣ твоей во время свое, и чтобы благословлять всѣ дѣла рукъ твоихъ: и будешь давать взаймы многимъ народамъ, а самъ не будешь брать взаймы. Сдѣлаетъ тебя Господь главою, а не хвостомъ, и будешь только на высотѣ, а не будешь внизу, если будешь повиноваться заповѣдямъ Господа, Бога твоего, и не отступишь отъ всѣхъ словъ, ни направо, ни налѣво, чтобы пойти вслѣдъ иныхъ боговъ и служить имъ.

Если же не будешь слушать гласа Господа, Бога твоего, и не будешь стараться исполнять всѣ заповѣди Его и постановленія Его, кото-

---

Де-Роберти. „Новая постановка“. Б. Киддъ. Соціальн. эволюція, passim. СПБ. 1899 г. Прекрасный эмпирическій матеріалъ даютъ также, напр., Четьи-Минеи. Здѣсь изъ жизнеописанія ряда святыхъ, напр. Евдокіи (Мартъ 1-е число), видно, что язычники, „мытари“ и блудницы переставали ими быть и дѣлались великими подвижниками и мучениками исключительно благодаря воздѣйствію потусторонняго давленія каръ и наградъ (рай и адъ). Вліяніе каръ и наградъ, исходящихъ отъ сверхъестественныхъ существъ, весьма выпукло обрисовано также и въ книгѣ Дюркгейма Les formes. См. passim.

рыя я заповѣдую тебѣ сегодня, то прійдутъ на тебя всѣ проклятія сіи и постигнутъ тебя.

Проклятъ ты будешь въ городѣ, и проклятъ ты будешь на полѣ. Прокляты будутъ житницы твои и кладовыя твои. Проклятъ будетъ плодъ чрева твоего и плодъ земли твоей, плодъ твоихъ воловъ и плодъ овецъ твоихъ. Проклятъ ты при входѣ твоемъ и проклятъ при выходѣ твоемъ. Пошлетъ Господь на тебя проклятіе, смятеніе и несчастіе во всякомъ дѣлѣ рукъ твоихъ, какое ни станешь ты дѣлать, доколѣ не будешь истребленъ и ты скоро погибнешь за злыя дѣла твои, за то, что ты оставилъ Меня, пошлетъ Господь на тебя моровую язву, доколѣ не истребитъ онъ тебя съ земли, въ которую ты идешь, чтобы владѣть ею. Поразитъ тебя Господь местью, горячкою, лихорадкою, воспаленіемъ, засухою, палящимъ вѣтромъ и ржавчиною; и они будутъ преслѣдовать тебя, доколѣ не погибнешь. И небеса твои, которыя надъ головою твоею, сдѣлаются мѣдью, и земля подъ тобой желѣзомъ... Предастъ тебя Господь на пораженіе врагамъ твоимъ... И будутъ трупы твои пищею всѣмъ птицамъ небеснымъ и звѣрямъ, и не будетъ отгоняющаго ихъ. Поразитъ тебя Господь проказою Египетскою, почечуемъ, коростою и чесоткою, отъ которыхъ ты не возможешь исцѣлиться. Поразитъ тебя Господь сумасшествіемъ, слѣпотою и оцѣпенѣніемъ сердца... Съ женою обручишься, и другой будетъ спать съ нею; домъ построишь, и не будешь жить въ немъ; виноградникъ насадишь и не будешь пользоваться имъ... И ты будешь ѣсть плодъ чрева твоего, плоть сыновъ твоихъ и дочерей твоихъ, въ осадѣ и стѣсненіи, въ которомъ стѣснитъ тебя врагъ твой... И какъ радовался Господь, дѣлая вамъ добро и умножая васъ, такъ будетъ радоваться Господь, погубляя васъ и истребляя васъ... Жизнь твоя будетъ висѣть передъ тобою, и будешь трепетать ночью и днемъ, и не будешь увѣренъ въ жизни твоей. Отъ трепета сердца твоего, которымъ ты будешь объятъ, и отъ того, что ты будешь видѣть глазами твоими, утромъ ты скажешь: о если бы пришелъ вечеръ! а вечеромъ скажешь: о если бы наступило утро!...“

„Вотъ, я сегодня предложилъ тебѣ жизнь и добро, смерть и зло... Избери жизнь, дабы жилъ ты и потомство твое, любилъ Господа, Бога твоего, слушалъ гласъ Его и прилѣплялся къ Нему; ибо въ этомъ жизнь твоя и долгота дней твоихъ, чтобы пребы-

вать тебѣ на землѣ, которую Господь съ клятвою обѣщалъ отцамъ твоимъ, Аврааму, Исааку и Іакову, дать имъ“ [1]).

Подобнаго рода мотивація (гл. обр.—карательная) проходитъ черезъ все пятикнижіе. То же мы видимъ и въ Новомъ Завѣтѣ, гдѣ доминируетъ главнымъ образомъ наградная мотивація (заповѣди блаженства и т. д.). Примѣромъ двусторонней мотивації могутъ служить рядъ мѣстъ: притча о десяти дѣвахъ, о талантахъ, о страшномъ судѣ и т. д. „Тогда скажетъ Царь тѣмъ, которые по правую сторону Его: пріидите, благословенные Отца Моего, наслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра. Ибо алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть, жаждалъ и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня; былъ нагъ, и вы одѣли Меня, былъ боленъ, и вы посѣтили Меня; въ темницѣ былъ, и вы пришли ко Мнѣ...

Тогда скажетъ и тѣмъ, которые по лѣвую сторону: идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его. Ибо алкалъ Я, и вы не дали Мнѣ ѣсть, жаждалъ, и вы не напоили Меня и т. д. И пойдутъ сіи въ муку вѣчную, а праведники въ жизнь вѣчную“ [2]).

Что же касается „Законовъ Ману“, то эпиграфомъ ко всей книгѣ здѣсь могутъ служить ея же собственные стихи о значеніи наказанія и награды. „Только наказаніе правитъ всѣми созданными существами, только наказаніе охраняетъ ихъ, наказаніе бодрствуетъ надъ ними, когда они спятъ“. „Наказаніемъ весь міръ держится въ порядкѣ, ибо трудно найти человѣка безвиннаго; изъ страха наказанія весь міръ предается свойственнымъ ему занятіямъ“ и т. д. [3]). Оставаясь вѣрнымъ этимъ стихамъ, этотъ религіозно-правовой кодексъ не скупясь отпускаетъ кары въ изобиліи и въ видѣ посюсторонних и въ видѣ потусторонних каръ („Превращеніе души въ верблюда, въ ящерицу и т. д.). То же можно сказать и о наградахъ. Каждый актъ строго расписанъ и за каждый актъ назначена его карательная или наградная цѣна.

То же видимъ мы и въ Коранѣ.

---

1) Второзаконіе. гл. 28 и 30-я.
2) Отъ Матѳея, гл. 25.
3) Законы Ману. 7, 14—32. и др.

„Люди справедливые будутъ пить изъ чашъ, наполненныхъ смѣсью съ кафуромъ. Вотъ источникъ, изъ котораго будутъ пить служители Господа; они проведутъ его по желобамъ туда, куда пожелаютъ,—справедливые люди, исполняющіе свои обѣты и страшащіеся того дня, бѣдствія котораго распространяются вдаль. Кто, вздыхая о кушаньѣ своемъ, подаетъ ѣду бѣдному, сиротѣ и плѣнному, говоря: мы даемъ вамъ пищу эту, чтобы угодить Господу и не требуемъ отъ васъ ни награды, ни дѣлъ милосердныхъ. Мы боимся со стороны Господа дня страшнаго и несущаго бѣдствія—Господь также сохранилъ ихъ отъ несчастья дня сего, онъ придалъ блескъ ихъ челу и осыпалъ ихъ радостями; за постоянство ихъ онъ даровалъ имъ рай и одежды шелковыя“ и т. д. (Дальше идетъ описаніе рая уже приведеннаго выше). Это положительная санкція за послушаніе, заканчивающаяся стихами: „Вотъ предостереженіе: пусть тотъ, кто хочетъ, идетъ путемъ правымъ, ведущимъ къ Господу. Онъ охватитъ своимъ милосердіемъ тѣхъ, кого пожелаетъ. Онъ приготовилъ дурнымъ людямъ наказаніе тягостное“ [1]). (Двусторонняя санкція). А вотъ и примѣръ карательной санкціи за неисполненіе предписанныхъ правилъ поведенія.

„Горе невѣрнымъ въ сей день! (судный п. с.).
Развѣ мы не уничтожили народы прошлыхъ вѣковъ?
Развѣ не замѣнили мы ихъ народами болѣе свѣжими?
Такъ поступаемъ мы съ людьми виновными...
Горе невѣрнымъ въ сей день!
Подвергнитесь же наказанію, которое вы считали ложью.
Ступайте подъ тѣнь (дымъ), которая протянется тремя столбами, но не затѣняетъ; она ни къ чему не послужитъ Вамъ и не защититъ васъ отъ пламени;
Она будетъ выбрасывать искры величиною съ башню;
Похожія на рыжихъ верблюдовъ
Горе и т. д.
Вкушайте же и наслаждайтесь здѣсь на землѣ, еще нѣкоторое время вы—люди преступные.
Горе...
Когда имъ говорятъ: преклоните колѣна свои, они не преклоняютъ ихъ.

---

[1]) Коранъ. „Человѣкъ“. LXXVI. ст. 1—31.

Горе невѣрнымъ въ сей день!
Въ какую же другую книгу они увѣруютъ потомъ?“ [1]).

Мотивацію, подобную приведеннымъ примѣрамъ, мы встрѣчаемъ и въ другихъ религіозныхъ системахъ. Каждая изъ нихъ была въ значительной своей части регуляторомъ поведенія, гдѣ регулирующій центръ находился въ потустороннемъ мірѣ.

И конечно, эти награды и наказанія не были пустыми словами, а дѣйствительно руководили и руководятъ поведеніемъ цѣлыхъ народовъ и отдѣльныхъ личностей. Существованіе церквей, сословія шамановъ, жрецовъ, священниковъ, папства, существованіе культа, многочисленныхъ обрядовъ и актовъ—все это продуктъ мотиваціоннаго вліянія религіозныхъ санкцій, и подтвержденіе этого вліянія. Безконечный рядъ историческихъ фактовъ: храбрая битва Скандинавскихъ воиновъ, жертвующихъ жизнью, дабы блаженствовать въ Валгаллѣ, христіанскіе мученики, съ радостью идущіе на смерть, дабы перейти въ „лоно Отца“, тысячи арабовъ, умирающіе въ битвѣ, дабы поскорѣе перейти въ обѣщанный имъ рай, камчадалы, кончающіе съ собой чтобы обжираться на томъ свѣтѣ саломъ и жиромъ, религіозныя войны средневѣковья, инквизиція, костры ad majorem gloriam Dei, крестовые походы съ ихъ участниками, которымъ дано отпущеніе грѣховъ и т. д. и т. д.—всѣ эти факты съ возникшими изъ нихъ институтами обязаны своимъ существованіемъ, если не исключительно, то главнымъ образомъ, давленію каръ и наградъ, исходящихъ отъ тѣхъ или иныхъ божествъ.

Послѣ всего сказаннаго, надѣемся, несомнѣнно дѣйствіе подобныхъ религіозныхъ санкцій для того, кто въ нихъ убѣжденъ или вѣруетъ [2]).

Слѣдовательно, основнымъ условіемъ мотиваціоннаго вліянія подобныхъ потусторонныхъ санкцій является убѣжденіе или вѣрованіе въ реаль-

---

[1]) Ibid. Посланные. LXXVII. ст. 14—49.

См. подобную же двухстороннюю мотивацію въ Авестѣ. Avesta. III. Fragm. XXXVIII. von Spiegel. I. Fargard. 19-й. ст. 90 и слѣд. у Данте вся „Божеств. комедія“. (Адъ, Чистилище и Рай). Другіе примѣры см. у Тейлора т. II-й. стр. 136—165. Мензисъ. Исторія религій. (Passim). Бартъ. Религіи Индіи. Харузинъ. Этнографія. IV. 191 и до конца. Летурно. Соціологія по даннымъ этнографіи. Вѣрованія.

[2]) Опять-таки и здѣсь Достоевскій даетъ рядъ великолѣпныхъ иллюстрацій быстраго измѣненія поведенія въ томъ случаѣ, когда вѣра въ Бога

ность этихъ санкцій и тѣхъ существъ, отъ которыхъ исходятъ эти санкціи. Если индивидъ убѣжденъ въ ихъ непреложности—онѣ будутъ дѣйствительны, если онъ убѣжденъ въ ихъ иллюзорности—онѣ будутъ безсильны... А такъ какъ, въ конечномъ счетѣ, эта убѣжденность зависитъ отъ той или иной высоты научныхъ знаній индивида—то отсюда слѣдуетъ, что дѣйствіе или недѣйствіе подобныхъ каръ и наградъ зависитъ отъ характера знаній и высоты его, присущихъ данному индивиду.

Но это еще не все. Въ этомъ отношеніи имѣетъ значеніе не только самый характеръ убѣжденій, но и степень ихъ устойчивости и интенсивности въ переживаніи тѣхъ или иныхъ лицъ...

Мы знаемъ примѣры, гдѣ люди, вѣрующіе въ реальность этихъ санкцій, подъ давленіемъ другихъ (земныхъ) санкцій часто нарушали правила, предписываемыя первыми.

Но наряду съ такими „маловѣрами“ мы знаемъ также личностей, которыя подъ вліяніемъ давленія занебесныхъ санкцій ни на шагъ не отступали отъ требуемыхъ ими правилъ при давленіи самыхъ огромныхъ земныхъ санкцій. Чѣмъ же объяснить это различіе?

Занебесная санкція одна и та же, личности той и другой категоріи вѣрятъ въ ихъ реальность, земная санкція, заставляющая нарушить „должный“ шаблонъ поведенія, можетъ быть допущена одинаковой, а итогъ получается различный?.. Очевидно, что это различіе можетъ вытекать только изъ различной степени устойчивости или интенсивности этого убѣжденія. Чѣмъ сильнѣе убѣжденъ кто-нибудь въ истинности, непреложности и справедливости „должнаго“ поведенія, требуемаго занебесными санкціями, тѣмъ давленіе ихъ будетъ сильнѣе, тѣмъ неуклоннѣе будетъ соблюдаться требуемое ими поведеніе и тѣмъ недоступнѣе будетъ данная личность для давленія другихъ (земныхъ) каръ и наградъ, требующихъ нарушенія поведенія, диктуемаго зане-

---

и въ его справедливый судъ исчезаетъ. Начиная съ поведенія Кириллова (въ Бѣсахъ) съ его принципомъ: „разъ Бога нѣтъ, то я обязанъ заявить своеволіе“, и кончая поведеніемъ Смердякова съ его выводомъ: „разъ Бога нѣтъ, то все позволено“, съ выводомъ, примѣненнымъ имъ на практикѣ,— Достоевскій съ истинно-геніальной интуиціей прозорливо усмотрѣлъ это вліяніе идей Бога на поведеніе человѣка и связаннаго съ этой идеей возмездія за добро и зло.

бесными санкціями. И обратно, чѣмъ слабѣе эта степень устойчивости и увѣренности—тѣмъ слабѣе будетъ вліяніе занебесныхъ санкцій и тѣмъ легче возможны отступленія отъ диктуемаго ими поведенія.

Въ виду этого въ вышеприведенномъ положеніи и подчеркнута, наряду съ характеромъ убѣжденія, интенсивность и степень увѣренности въ самой непреложности санкцій...

Таковъ 1-й примѣръ зависимости мотиваціоннаго вліянія одной и той же кары или награды отъ характера и устойчивости опредѣленныхъ научно-религіозно-моральныхъ убѣжденій... Изъ этого примѣра видно, что здѣсь эти убѣжденія служатъ той стѣной, которая защищаетъ индивида отъ вліянія различныхъ санкцій. Но нѣтъ сомнѣнія, что эти убѣжденія могутъ состоять не только изъ вѣрованій въ существованіе потусторонняго божества, которое требуетъ надлежащаго поведенія, но „должное поведеніе“ можетъ диктоваться и собственными убѣжденіями даннаго лица.

Въ виду этого можно формулировать болѣе общее положеніе слѣдующаго характера, приложимое не только къ морально-религіознымъ убѣжденіямъ, связаннымъ съ существованіемъ божествъ, а вообще къ любому шаблону поведенія, къ любому „должному“ поведенію:

C) Степень мотиваціоннаго вліянія одной и той же кары или награды зависитъ отъ того, насколько поведеніе, требуемое ими, совпадаетъ или противорѣчитъ тому поведенію, которое данный индивидъ считаетъ „должнымъ“ и „справедливымъ“: въ случаѣ совпаденія требуемаго и „морально-должнаго“ (по убѣжденію даннаго лица) поведенія это вліяніе больше, чѣмъ въ случаѣ нейтральнаго отношенія требуемаго поведенія къ „должному“; въ случаѣ нейтральнаго отношенія больше, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда требуемое поведеніе противорѣчитъ „должному“; при достаточной интенсивности и устойчивости „должнаго“ поведенія вліяніе награды можетъ совершенно парализоваться силой этого „должнаго“ поведенія. Въ случаѣ равновѣсія давленій „должнаго“ импульса и санк-

ціи индивидъ будетъ колебаться между двумя требуемыми поведеніями. Въ случаѣ неустойчивости „должнаго“ поведенія оно можетъ быть побѣждено поведеніемъ, требуемымъ давленіемъ награды.

То же ceteris paribus относится и къ наказаніямъ. Одна и та же кара тѣмъ сильнѣе вліяетъ на поведеніе человѣка, чѣмъ болѣе совпадаетъ требуемое ею поведеніе съ поведеніемъ, диктуемымъ совѣстью даннаго человѣка. Въ случаѣ конфликта двухъ поведеній побѣда зависитъ отъ устойчивости и интенсивности „должнаго“ поведенія: это поведеніе можетъ быть настолько устойчивымъ, что никакая кара, даже смерть, не можетъ повліять на него; но оно можетъ быть и болѣе слабымъ—тогда оно уступитъ мѣсто поведенію, требуемому карой. При ихъ равномъ давленіи индивидъ будетъ колебаться между двумя противоположными поведеніями.

Вообще въ этихъ случаяхъ поведеніе человѣка напоминаетъ вѣсы, на одной чашкѣ которыхъ лежитъ „грузъ“ поведенія, диктуемаго моральной совѣстью даннаго человѣка.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда (при совпаденіи поведенія) грузъ санкціи кладется на эту же чашку—понятно, что чашка еще больше перетягиваетъ другую. Но когда грузъ (одной и той же кары или награды) кладется на другую чашку, (при случаѣ противорѣчія), то (принимая во вниманіе неизмѣнность кары или награды) перевѣсъ той или иной чашки зависитъ исключительно отъ степени устойчивости естественнаго поведенія.

Конкретными примѣрами указанныхъ различныхъ случаевъ можетъ служить рядъ фактовъ. Если я съ любовью и безъ всякаго давленія что-нибудь дѣлаю, напр., изучаю что-нибудь или помогаю кому-нибудь, то при условіи награды за это—я это буду дѣлать еще усерднѣе... Если допустимъ, что для меня морально-обязательнымъ является убійство того, кто меня оскорбилъ (кровная месть, рыцарская и военная честь), то тѣмъ больше будетъ мотивовъ сдѣлать это, когда за убійство я буду такъ или иначе вознагражденъ или за терпѣніе оскорбленія буду наказанъ. Но иной уже будетъ степень давленія кары или

награды, когда этотъ естественнный для меня актъ запрещенъ подъ угрозой смерти или когда за терпѣніе оскорбленія я буду вознагражденъ въ этомъ или въ томъ мірѣ. (Напр., занебесная санкція Новаго Завѣта). Здѣсь уже обѣ силы направлены не въ одну, а въ противоположныя стороны. Онѣ сталкиваются. Возникаетъ, такъ называемая, борьба мотивовъ, и исходъ борьбы зависитъ (при условіи неизмѣнности кары или награды) единственно отъ устойчивости актовъ, диктуемыхъ „морально-должными“ убѣжденіями. Если они устойчивы—то кара и награда безсильны. Примѣромъ этого исхода можетъ служить тотъ дикарь, который по словамъ Гюйо, блѣднѣлъ и худѣлъ отъ того, что ему подъ страхомъ смерти было запрещено мстить его оскорбителю. Съ одной стороны здѣсь „долгъ“ отмщенія требовалъ мести, съ другой—санкція въ видѣ смерти требовала воздержанія. И все же въ концѣ концовъ первая тенденція побѣдила давленіе кары, дикарь исчезъ, и черезъ нѣкоторое время возвратился веселый, убивъ своего врага.

Антигона, хоронящая трупъ своего брата (поведеніе, диктуемое ея „совѣстью“), несмотря на угрозу смертью за это—второй примѣръ побѣды поведенія, диктуемаго морально-правовыми убѣжденіями, надъ поведеніемъ, требуемымъ карой [1]).

---

[1]) Именно этой прочной устойчивостью „должныхъ“ шаблоновъ поведенія и объясняется неуспѣхъ тѣхъ или иныхъ каръ, стремящихся „вытравить“ рядъ поступковъ. Этимъ недосмотромъ и объясняются ошибочныя мнѣнія о безсиліи каръ, примѣромъ которыхъ могутъ служить взгляды Ферри. Для подтвержденія своего положенія Ферри приводитъ рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ якобы о безсиліи каръ противодѣйствовать преступленіямъ. Какъ показалъ уже Тардъ, анализъ Ферри весьма поверхностенъ и неглубокъ. Напр., онъ приводитъ въ качествѣ подтвержденія своего положенія тотъ фактъ, что рядъ жестокихъ каръ, изданныхъ противъ дуэлистовъ въ 17-мъ в., не уменьшили нисколько число дуэлей, тогда какъ теперь, когда этихъ строгихъ каръ нѣтъ, число дуэлей по меньшей мѣрѣ въ сто разъ меньше, чѣмъ во времена Людовика XIII. Тардъ вполнѣ резонно на это отвѣчаетъ, что страхъ эшафота, острога и тюрьмы въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, ничто въ сравненіи съ страхомъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, требовавшимъ дуэли, и въ случаѣ отказа отъ нея, шельмовавшимъ „такихъ“ преступниковъ передъ обществ. совѣстью. И моральныя убѣжденія дуэлянтовъ, и общественное мнѣніе требовало тогда дуэли. Въ силу этого этотъ „должный“ шаблонъ поведенія былъ весьма устойчивъ и могъ весьма успѣшно сопротивляться давленію самыхъ жестокихъ каръ. Лучше эшафотъ или тюрьма, чѣмъ вѣчное „безчестіе“, казавшееся неизбѣжнымъ въ случаѣ отказа отъ дуэли.

См. Tarde. La philosophie penale, стр. 482—483.

Христіанскіе мученики, исповѣдующіе своего Бога, несмотря на пытки и казни, революціонеры, продолжающіе свою борьбу, несмотря на тѣ же кары, всякій человѣкъ, исполняющій свой долгъ, въ ущербъ своимъ интересамъ и такъ или иначе карае-мый за это исполненіе своего долга (тогда какъ за неисполне-ніе его онъ могъ бы быть награжденъ),—все это примѣры по-бѣды „морально-должнаго“ поведенія надъ поведеніемъ, требуе-мымъ давленіемъ санкцій.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда давленіе морально-правовыхъ убѣжденій одинаково давленію кары или награды—„борьба мо-тивовъ“ принимаетъ особенно интенсивный характеръ. Чело-вѣкъ похожъ тогда на Буриданова осла, не знающаго, куда по-вернуть голову, потому что и по лѣвую и по правую сторону его находится сѣно. Давленіе съ обѣихъ сторонъ одинаково, и онъ стоитъ въ нерѣшительности. То же дѣлается и съ челове-комъ при такихъ условіяхъ. „To be or not to be“ (Быть или не быть“)—вотъ знаменитая формула Шекспира, выражающая это состояніе. Человѣкъ въ подобномъ случаѣ колеблется, не зная, итти ли ему направо или итти налѣво... Онъ будетъ подобно Гамлету взвѣшивать мотивы и ничего не дѣлать до тѣхъ поръ, пока что-нибудь не нарушитъ этого равновѣсія.

Обширный классъ людей, приносящихъ свой „долгъ“ въ жертву тѣхъ или иныхъ выгодъ—даетъ рядъ фактовъ, иллюстри-рующихъ третій исходъ, т.-е. побѣду поведенія, диктуемаго ка-рой или наградой, надъ „должнымъ“ поведеніемъ. И здѣсь, ко-нечно, когда соотвѣтствующія убѣжденія устойчивы—побѣда пер-ваго надъ вторымъ не обходится безъ мукъ совѣсти и борьбы мотивовъ. Прекрасную художественную иллюстрацію этого исхо-да представляетъ Макбетъ Шекспира. Весь трагизмъ состоянія Макбета состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ столкновеніи по-веденія, требуемаго «совѣстью» (долгъ подданнаго не убивать короля-благодѣтеля Дункана), съ поведеніемъ, требуемымъ награ-дой, состоящей въ славѣ и королевской власти. Моральныя убѣжденія его говорятъ, что онъ долженъ охранять короля и не долженъ его убивать; наградное давленіе—требуетъ противопо-ложныхъ актовъ. Отсюда трагизмъ.

«Родной и подданный—я не могу
Поднять руки на короля; говоритъ онъ; хозяинъ—
Убійцѣ долженъ затворить я дверь,—
Не самъ своимъ ножемъ зарѣзать гостя.

Дунканъ царилъ такъ доблестно и кротко!
Высокій санъ такъ чисто сохранялъ!
Его убить? О! страшенъ будетъ вопль
Прекрасныхъ доблестей его души!
За черный грѣхъ онъ прогремитъ проклятье,
Какъ трубы ангеловъ; въ сердцахъ пробудитъ
Онъ состраданье, какъ грудной младенецъ,
Несомый бурею; какъ херувимъ
Промчится вихремъ надъ землей! Убійство
Возстанетъ призракомъ передъ людьми
И выжжетъ слезы изъ очей народа!
И что влечетъ меня? Желанье славы...
Какъ ярый конь, поднявшись на дыбы,
Оно обрушится—и я задавленъ»...

Вслѣдствіе такой-то борьбы и получается состояніе, которое такъ мѣтко характеризуетъ леди Макбетъ словами: «Хочу, а вслѣдъ затѣмъ: не смѣю» [1]).

Но въ концѣ концовъ, подъ вліяніемъ манящей награды и при содѣйствіи лэди Макбетъ, долгъ нарушается и поступокъ, вызванный наградой, совершается...

Иваръ Карено „Заката“ Гамсуна—второй примѣръ, иллюстрирующій этотъ же исходъ конфликта. И всѣ безчисленные факты, гдѣ индивидъ что-нибудь дѣлаетъ или воздерживается отъ

---

[1]) Макбетъ. I-е дѣйствіе, сцена VI.

Однако, нельзя эту теорему толковать слишкомъ примитивно и упрощенно. Изъ сказаннаго „любители сильныхъ каръ и наградъ“, пожалуй, могутъ вывести то практическое слѣдствіе, что кары и награды будутъ тѣмъ сильнѣе вліять на поведеніе человѣка, чѣмъ онѣ будутъ больше и по количеству и качеству. (Нашъ тезисъ гласилъ: при неизмѣнности каръ и наградъ степень ихъ вліянія зависитъ отъ совпаденія или несовпаденія поведенія, требуемаго ими, съ поведеніемъ, считаемымъ „должнымъ“ и обязательнымъ).

Но примѣнять и толковать такъ просто данную теорему нельзя. Приведу примѣръ, который разъяснитъ суть дѣла... Предположимъ, что мы имѣемъ дѣло съ докторомъ, который считаетъ своимъ долгомъ совершенно безвозмездно лѣчить бѣднаго больного. Предположимъ, теперь, что ему сказано, если онъ вылѣчитъ—то ему будетъ награда въ 1000 руб., если не вылѣчитъ—то „голова съ плечъ“. Спрашивается, что получится въ этомъ случаѣ?—Вѣроятно то, что докторъ откажется отъ самаго лѣченія. Это давленіе санкцій тамъ, гдѣ уже имѣется болѣе высокій мотивъ поведенія (безкорыстный долгъ помощи ближнему), только напортитъ суть дѣла, оскорбитъ убѣжденія доктора. отниметъ у его поступка характеръ его „нравственной цѣнности“ и т. д. Итогъ получится отрицательный... Если-бы у

чего-нибудь исключительно „за страхъ“, но противъ „совѣсти“— всѣ они являются частными случаями этого общаго положенія...

Въ указанныхъ положеніяхъ, какъ мы видѣли, громадное значеніе имѣетъ устойчивость и интенсивность морально-правовыхъ убѣжденій, диктующихъ то или иное поведеніе. Таковъ фактъ и его приходится констатировать. Но съ другой стороны нѣтъ надобности скрывать, что эти термины заключаютъ въ себѣ много неяснаго и требуютъ разложенія ихъ на болѣе простые и точные элементы. Иначе говоря, необходимо отвѣтить на вопросъ: чѣмъ вызывается и обусловливается сама интенсивность и устойчивость убѣжденій? почему у однихъ людей, имѣющихъ даже одинаковое міровоззрѣніе, одинаковыя религіозныя вѣрованія, и одинаковый характеръ морально-правовыхъ убѣжденій, они оказываются неодинаково-устойчивыми; почему у однихъ легко они поддаются дѣйствію каръ и наградъ, у другихъ же людей—совершенно не подвержены ихъ вліянію? Въ силу чего у однихъ поведеніе легко измѣняется подъ давленіемъ рычаговъ каръ и наградъ, у другихъ же оно остается неизмѣннымъ?

Отвѣтить исчерпывающе на эти вопросы—мы не беремся. Но, прослѣживая послѣдовательно основные принципы, которые будутъ формулированы въ седьмой главѣ, мы не можемъ не оттѣнить и здѣсь ихъ значенія; этимъ я хочу сказать, что од-

---

даннаго доктора не было этого прочнаго сознанія долга безкорыстно лѣчить— дѣло обстояло бы иначе. Тутъ умѣстны были бы кары и награды. Въ прошломъ дѣйствительно такъ и было. Въ законѣ Гаммураби, напр., мы имѣемъ рядъ статей о докторѣ такого характера. „Если докторъ вылѣчитъ... глазъ человѣка, онъ получаетъ десять сиклей серебра, если же испортитъ и не вылѣчитъ—пусть у него (у доктора) отрѣжутъ руки“. (см. La loi de Hammourabi. Scheil. 1904. статьи 215, 216—по 227). Здѣсь эти санкціи имѣли смыслъ. Тамъ же, гдѣ уже выработалось сознаніе нравственной самоцѣнности извѣстнаго поступка, тамъ всякій излишекъ кары или награды практически вреденъ. Вообще можно сказать, что тамъ, гдѣ кары и награды залѣзаютъ въ область поступковъ, вызываемыхъ болѣе возвышенными (этически) мотивами—„долгомъ“—тамъ они вредны, безполезны и т. д. Отсюда—педагогическое правило—не злоупотреблять ихъ примѣненіемъ. Лучше недостатокъ каръ и наградъ, чѣмъ ихъ избытокъ.

Вредъ, получающійся въ первомъ случаѣ, несравненно меньше вреда во второмъ случаѣ. Избытокъ ихъ портитъ и наказываемыхъ и всѣхъ окружающихъ, онъ замѣняетъ возвышенные мотивы низменными и вызываетъ обратный результатъ...

нимъ изъ существенныхъ условій, дѣлающихъ тѣ или иныя морально-правовыя убѣжденія, (а соотвѣтственно и акты, ими вызываемые) устойчивыми, является фактъ повторенія и привычки. А именно, чѣмъ бо̀льшее число разъ мнѣ приходилось совершать тотъ или иной актъ на почвѣ моихъ убѣжденій, тѣмъ болѣе и болѣе устойчивыми дѣлаются какъ сами убѣжденія, такъ и вызываемые ими акты, и на почвѣ этого, въ концѣ концовъ, образуются опредѣленныя диспозиціи, импульсивно заставляющія отвергать иное поведеніе.

Это положеніе подтверждается многочисленными наблюденіями и фактами. Однимъ изъ такихъ фактовъ являются факты борьбы съ „искушеніями“. Предположимъ, что мы имѣемъ передъ собой первобытнаго человѣка, который только что усвоилъ принципъ „не кради“, какъ „должную“ норму поведенія. Предположимъ далѣе, что онъ находится въ условіяхъ, допускающихъ безнаказанную кражу... Если онъ ее не совершитъ въ этотъ разъ, въ другой, въ третій и т. д., то въ концѣ концовъ этотъ принципъ войдетъ „въ плоть и кровь“ даннаго человѣка и онъ чисто импульсивно будетъ отвергать возможность совершенія подобнаго акта. Кража въ силу простой импульсіи, выработанной на почвѣ подобнаго повторенія, будетъ вызывать въ немъ отвращеніе. А въ силу этого, тѣмъ энергичнѣе онъ будетъ противодѣйствовать обратному акту, требуемому карой или наградой. Мы думаемъ, что наше „естественно-импульсивное“ отвращеніе къ подобнымъ актамъ, какъ и къ актамъ лжи, убійства, насилія и т. д.—выработалось именно такимъ путемъ, который можетъ создавать въ нашей душѣ соотвѣтствующія диспозиціи. Одного „убѣжденія“ для недѣланія подобныхъ актовъ еще недостаточно. Мы изъ обычной жизни знаемъ, что есть много людей, которые имѣютъ прекрасныя убѣжденія, но поступаютъ очень „непрекрасно“. Ихъ убѣжденія очень непрочны, неустойчивы и то и дѣло нарушаются по той простой причинѣ, что они не осуществлялись въ жизни, не повторялись, не вошли въ привычку. Такія неосуществляемыя убѣжденія „висятъ въ воздухѣ“ и вполнѣ понятно, что они очень непрочны и легко поддаются мотиваціонному дѣйствію каръ и наградъ. Фактъ же ихъ реализаціи при каждомъ соотвѣтствующемъ условіи, иначе говоря ихъ повторенія, все болѣе и болѣе укрѣпляетъ эти убѣжденія, дѣлаетъ ихъ все болѣе и болѣе устойчивыми и

создаетъ въ концѣ концовъ при благопріятныхъ условіяхъ такую устойчивость, которая иногда совершенно не поддается дѣйствію санкцій [1]).

То же относится и ко всѣмъ другимъ актамъ, вызываемымъ убѣжденіями. Если я считаю „должнымъ“ возвращать взятыя мной въ заемъ деньги и возвращаю ихъ разъ, два, три и т. д.,— то у меня это убѣжденіе, благодаря реализирующему его повторенію, превращается въ нѣчто прочное, устойчивое и способное сопротивляться всякому искушенію. Иной исходъ получится, если я, имѣя это убѣжденіе, его нарушаю разъ, два, три и т. д. Тогда убѣжденіе превращается въ „безплотную идею“, очень шаткую, неустойчивую и неспособную сопротивляться даже весьма малымъ давленіямъ выгодъ и невыгодъ...

Аналогично съ этимъ получится и съ убѣжденіемъ „не лгать“ ..

---

[1]) См. объ этомъ недурную ст. А. Бауэра. Essai sur la logique de l' education morale (Revue... de Sociologie. 1912 № 2). Съ другой стороны эта многократная реализація и частая борьба противъ „искушенія“ можетъ быть разсматриваема, какъ разновидность того психологическаго явленія, которое выдвинуто было особенно рѣзко проф. Петражицкимъ. Я имѣю въ виду его методы „противодѣйствія“ и „дразненія“.

„Импульсіи имѣютъ тенденцію возрастать въ силѣ, въ случаяхъ препятствованія ихъ реализаціи и удовлетворенію... особенно, если препятствія въ удовлетвореніи переживаемой импульсіи представляются субъекту одолимыми, но при попыткахъ одолѣнія фактически не одолѣваются вполнѣ или окончательно, не переставая представляться одолимыми“. Теорія права т. I. стр. 5.

Въ этомъ случаѣ кары и награды, препятствующія удовлетворенію нравственнаго долга, могутъ быть разсматриваемы, какъ одни изъ противодѣйствующихъ и дразнящихъ средствъ, возбуждающихъ все сильнѣе и сильнѣе соотвѣтственный и противорѣчащій имъ моральный импульсъ. Это дразненіе въ концѣ концовъ ведетъ къ тому, что нравственный импульсъ получаетъ несокрушимую силу и человѣкъ исполнитъ его, хотя-бы для этого пришлось итти на смерть. Иначе говоря, здѣсь кары и награды вызываютъ возможность реализаціи и повторенія этой реализаціи моральныхъ убѣжденій. Этимъ до извѣстной степени объясняется тотъ парадоксъ, что „запретный плодъ сладокъ“ что „запрещеніе чего-нибудь, разъ это „что-нибудь“ является морально свойственнымъ данному индивиду“, очень часто имѣетъ результаты противоположные тѣмъ, которые имѣлись въ виду. Кары христіанъ, мучениковъ, резолюціонеровъ и т. д. сплошь и рядомъ вызывали лишь болѣе сильный импульсъ къ совершенію своихъ „должныхъ“ шаблоновъ поведенія. Эти кары „дразнятъ“ эти импульсы, даютъ поводъ къ ихъ повторенію и вызываютъ все болѣе и болѣе сильную тенденцію пренебречь санкціями и поступать такъ, какъ велитъ нравственный долгъ.

Повтореніе акта „нелганія“ укрѣпляетъ это убѣжденіе и дѣлаетъ его устойчивымъ. Человѣкъ импульсивно отталкиваетъ въ этомъ случаѣ всякій актъ лжи. Инымъ будетъ результатъ, если онъ, имѣя это убѣжденіе, будетъ его нарушать, т.-е. не будетъ имѣть повтореній акта „нелганья“. Въ этомъ случаѣ, убѣжденіе его „не лгать“ не можетъ быть устойчивымъ.

Подобныхъ фактическихъ аргументовъ можно привести сколько угодно. Мало того... Благодаря отсутствію повторенія убѣжденіе не только дѣлается непрочнымъ, а потому легко подверженнымъ давленію каръ и наградъ,—оно можетъ даже совсѣмъ исчезнуть и, при повтореніи актовъ, противоположныхъ убѣжденію, можетъ даже смѣниться убѣжденіемъ противоположнымъ.

Эта перемѣна одного убѣжденія другимъ противоположнымъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ обязана именно повторенію акта противоположнаго убѣжденію.

Всѣ „взяточники“ начинаютъ брать взятки, имѣя убѣжденіе моральной ея непозволительности. Но мало-по малу, при частомъ «взиманіи взятки», въ ихъ сознаніи убѣжденіе «нельзя брать взятки»—слабѣетъ и, въ концѣ концовъ, они берутъ взятку безъ всякихъ упрековъ своей совѣсти, какъ нѣчто вполнѣ позволительное, допустимое и т. д.

Возьмите исторію большинства рецидивистовъ-воровъ и „закоренѣлыхъ“ убійцъ... Всѣ они начинаютъ свою «карьеру» съ убѣжденія, что красть нельзя, что убивать нельзя. Но однократное нарушеніе этого принципа уже ослабляетъ это убѣжденіе; чѣмъ большее число разъ повторяется актъ, противорѣчащій этимъ убѣжденіямъ, тѣмъ меньшее и меньшее противодѣйствіе оказываютъ послѣдніе, и кончается очень часто дѣло тѣмъ, что первоначальное убѣжденіе „нельзя красть и убивать“ смѣняется противоположнымъ, возводящимъ въ принципъ кражу и убійство. (См. гл. III., а также данныя Ломброзо, Ферри и др.)

Какъ видно изъ сказаннаго, здѣсь мы имѣемъ въ виду рикошетное вліяніе тѣхъ или иныхъ актовъ на психику индивида. Это вліяніе является частнымъ случаемъ общаго положенія теорій Джемса-Ланге, раздѣляемой и Рибо, согласно которой въ основѣ всякихъ психическихъ аффектовъ лежатъ тѣ или иныя органическія (физическія и физіологическія) измѣненія. Эта теорія, непріемлемая цѣликомъ,

несомнѣнно права постольку, поскольку она утверждаетъ вообще способность самихъ актовъ вліять на психику индивида.

(По болѣе точной терминологіи Л. І. Петражицкаго, — поскольку она утверждаетъ рикошетное вліяніе актовъ на психическія переживанія). И дѣйствительно, приведенные примѣры доказываютъ вполнѣ правильность сказаннаго... Въ качествѣ дальнѣйшихъ примѣровъ можно привести такіе общеизвѣстные факты... Часто преднамѣренное и искусственное совершеніе ряда актовъ, напр., гнѣва, ярости, печали, улыбки и т. д. (соотвѣтствующія движенія, мимика, характеръ голоса и рѣчи и т. д.) фактически ведетъ къ подлинному психическому переживанію гнѣва, ярости и т. д. Самый фактъ частаго выполненія этихъ актовъ преобразуетъ строй психическихъ переживаній и навсегда кладетъ печать на психику индивида. Солдатъ, идущій въ битву сначала лишь по приказанію начальства, выполняя рядъ дѣйствій борьбы, гнѣва и ненависти, въ концѣ концовъ, благодаря одному факту выполненія этихъ актовъ, дѣйствительно проникается ненавистью, переживаніями вражды и т. д... Артистъ, выполняющій рядъ актовъ короля Лира или Отелло,—въ концѣ концовъ, дѣйствительно довольно часто преображается въ своего героя и переживаетъ именно тѣ эмоціи, которыя должны быть у героя—Отелло, Лира... Сами мы знаемъ, что достаточно иногда разсмѣяться (актъ, выражающій веселье) и печаль можетъ смягчиться...

Изъ этихъ примѣровъ видно, что, повторяя достаточно часто тотъ или иной актъ индивидъ, благодаря именно повторенію, можетъ измѣнить, ослабить или укрѣпить тѣ или иныя психическія струны и убѣжденія. Ничѣмъ инымъ, какъ этимъ фактомъ объясняются тѣ явленія, что человѣкъ, вначалѣ съ отвращеніемъ берущійся за ремесло палача, въ концѣ концовъ, благодаря частому исполненію актовъ палача, мѣняетъ свои убѣжденія, перестаетъ чувствовать отвращеніе къ ремеслу, и не только по актамъ, но и по психическимъ убѣжденіямъ превращается въ подлиннаго изверга; преступникъ, подходя къ жертвѣ безъ злостныхъ эмоцій, выполняя акты нападенія, выражающія вражду, гнѣвъ, ненависть и т. п., сплошь и рядомъ настолько „увлекается“, что дѣйствительно „наполняется“ ненавистью „къ своей жертвѣ“; отсюда—безцѣльныя раны, истязанія и звѣрства надъ жертвой

или ея трупомъ, которыя такъ часто встрѣчаются въ уголовной хроникѣ [1]).

Обобщая всѣ эти случаи въ примѣненіи къ нашему положенію, мы можемъ сказать, что самъ фактъ многочисленнаго повторенія тѣхъ или иныхъ актовъ (подъ вліяніемъ каръ и наградъ) можетъ (благодаря рикошетному вліянію акта на психику) какъ усилить, такъ и расшатать уже имѣющіяся убѣжденія. Многократная реализація моральныхъ убѣжденій укрѣпляетъ и дѣлаетъ ихъ устойчивыми, многократное же нарушеніе ихъ вытравляетъ, расшатываетъ и можетъ даже совершенно уничтожить имѣющіяся убѣжденія и выработать убѣжденія противоположнаго характера.

Отсюда понятно, что фактъ привычки и повторенія не есть фактъ безразличный по отношенію къ устойчивости „должныхъ“ убѣжденій и должнаго поведенія, а тѣмъ самымъ и къ степени мотиваціоннаго вліянія каръ и наградъ.

Этимъ я не хочу сказать, что устойчивость „должнаго“ поведенія всецѣло сводится къ явленіямъ повторенія, а хочу только сказать, что повтореніе играетъ въ этомъ отношеніи одну изъ самыхъ существенныхъ ролей...

Это же положеніе можетъ быть подтверждено и въ обратномъ отношеніи, а именно, путемъ каръ и наградъ можно отучить отъ какого-нибудь поступка гораздо скорѣе того человѣка, который его многократно не повторялъ, чѣмъ того, который повторялъ его многократно.

Эту истину выражаетъ народная пословица, гласящая: «трудно что-нибудь сдѣлать въ первый разъ»; и дѣйствительно, для человѣка, на своемъ вѣку зарѣзавшаго 100 человѣкъ, въ 101-й разъ зарѣзать уже будетъ не такъ трудно. И пожалуй, довольно сильныя кары или награды нужны, чтобы удержать его отъ этой „привычки“, тогда какъ достаточно легкаго неодобренія для того, чтобы удержать отъ убійства человѣка, еще не напрактиковавшагося въ этомъ ремеслѣ. Человѣка, только что начинающаго курить, очень легко отучить отъ этого путемъ простого уговора или порицанія, тогда какъ отчаяннаго курильщика

---

[1]) Многочисленные примѣры и обоснованіе этого рикошетнаго вліянія актовъ въ связи съ повтореніемъ на психику человѣка см. въ Психологіи Джемса и въ „Психологіи чувствъ“ Рибо. О значеніи привычки и повторенія см. ниже гл. VII.

заставить бросить куренье, дѣйствуя той же наградой или карой, едва ли удастся.

Впрочемъ, во избѣжаніе недоразумѣній слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что бываютъ „привычки и привычки“. Обычай подавать руку знакомому—привычка. Но обычай спать или ѣсть вѣдь тоже привычка. Поэтому, прилагая данный законъ, слѣдуетъ брать акты однородные, а не разнородные: нельзя, напр., въ одномъ случаѣ этотъ законъ прилагать къ привычкѣ подаванія руки, а въ другомъ—къ спанью, ибо это функціи разнородныя, имѣющія различное значеніе для жизни организма.

Но, при надлежащей постановкѣ и пониманіи даннаго закона можно его прилагать и безъ данной оговорки. Дѣло въ томъ, что біологическіе законы (см. ниже) даютъ основаніе для слѣдующаго вывода:

Если вѣрны принципы теоріи развитія и происхожденія организмовъ и если вѣрно въ основныхъ чертахъ то генеалогическое дерево видовъ, которое даетъ біологія, то слѣдуетъ думать, что акты, свойственные простѣйшимъ организмамъ и въ то же время не исчезнувшіе на слѣдующихъ ступеняхъ жизни вплоть до человѣка—суть акты наиболѣе древніе; а разъ они наиболѣе древніе—то и наибольшее число разъ повторявшіеся, а разъ они наибольшее число разъ повторялись, то должны быть и наиболѣе устойчивы, а разъ они наиболѣе устойчивы, то согласно нашему закону, наиболѣе не искоренимы; ergo—всего менѣе подвержены мотиваціонному вліянію наградъ и наказаній.

Цѣпь силлогизмовъ безупречна и вся исторія жизни служитъ подтвержденіемъ ихъ. Каковы основные функціи простѣйшихъ?—Питаніе, выдѣленіе, движеніе и размноженіе. Они наиболѣе древни—слѣд., наименѣе искоренимы. И дѣйствительно, попытка искоренить ихъ путемъ давленія каръ и наградъ абсолютно недѣйствительна.

Не попытка ихъ трансформаціи или временной задержки, а именно уничтоженія. Никакія кары и награды не въ силахъ это сдѣлать. Правда, можно довести изморомъ человѣка до смерти, но вѣдь рѣчь идетъ не о б ъ у н и ч т о ж е н і и о р г а н и з м а, а объ искорененіи и уничтоженіи в ъ э т о м ъ о р г а н и з м ѣ (а организмъ необходимо предполагаетъ понятіе жизни), опредѣленныхъ функцій и актовъ. И ясно, что эта задача безнадежная. Это положеніе служитъ прямымъ подтвержденіемъ сказаннаго.

Подобно этому, можно сказать, что тѣ акты или функціи, которые появились на ступеняхъ животной лѣстницы болѣе раннихъ и сохранились въ рядѣ всѣхъ послѣдующихъ ступеней вплоть до человѣка, болѣе неизмѣнны и устойчивы, чѣмъ акты появившіеся на ступеняхъ болѣе позднихъ, т. к. первые, очевидно, повторялись большее число разъ. Таковы, напр., акты работы желудка, легкихъ, кровеносныхъ сосудовъ, сердца и т. д.

Всѣ они появились гораздо раньше, чѣмъ, напримѣръ, акты, удовлетворяющіе тѣ или иныя эстетическія потребности, или акты употребленія тѣхъ или иныхъ опьяняющихъ и одуряющихъ веществъ, или акты ношенія одежды, постройки жилищъ и т. под., появившіеся только въ человѣческомъ обществѣ... Нѣтъ надобности говорить, что первые несравненно болѣе устойчивы, чѣмъ вторые. Можно путемъ тѣхъ или иныхъ каръ и наградъ отучить человѣка отъ пьянства, отъ употребленія одежды, отъ постройки домовъ, отъ слушанія тростниковой дудки или симфоніи Бетховена, но отучить его отъ того, чтобы не билось его сердце, чтобы его легкіе не дышали, чтобы онъ не спалъ— нельзя... Можно убить организмъ, но уничтожить подобныя функціи нельзя... Всѣ привычки, повторявшіяся меньшее число разъ, болѣе измѣнчивы и гибки, чѣмъ привычки, повторявшіяся большее число разъ. Этимъ и объясняется тотъ законъ регресса, что болѣе поздно пріобрѣтенные акты, т. е. менѣе часто повторявшіеся, исчезаютъ при вырожденіи всего раньше. Въ каждомъ человѣкѣ подъ покровомъ ангела тлѣютъ еще угли дьявола, которые при извѣстныхъ условіяхъ могутъ вспыхнуть и сжечь все ангельское [1]).

То же можно было бы приложить и къ любому отдѣльному акту отдѣльнаго человѣка. Количество повтореній какого-либо акта однимъ и тѣмъ же человѣкомъ указывало бы, до извѣстной степени, насколько устойчива въ немъ та или иная функція. Если данный человѣкъ убилъ на своемъ вѣку 100 человѣкъ, то ясно, что убить 101-го для него уже ничего не стоитъ.

---

[1]) См. Ламееръ. Esquisse de la Zoologie, работы, Рибо, Heger'a и др., поправка къ этому закону см. Демооръ, Массаръ и Фандерфельде. Регрессивная эволюція въ біологіи и соціологіи. Изд. Поповой. СПБ. 1898. 137—174 и слѣд.

Въ этомъ случаѣ актъ убійства для даннаго человѣка несравненно болѣе „естественъ“, чѣмъ для убійцы, убившаго одного человѣка. Отсюда само собой слѣдуетъ—что искоренить въ первомъ его „склонность“ гораздо труднѣе, чѣмъ во второмъ. И нужна для этого искорененія несравненно болѣе сильная кара или награда, чѣмъ для второго. Этотъ фактъ давно уже былъ замѣченъ и не даромъ уже древніе карательные законы за повтореніе преступленія назначали болѣе ужасную кару. Недаромъ также еще въ древности было обращено вниманіе на наслѣдственность преступленій и цѣлыя семьи объявлялись нечистыми и изгонялись изъ обществъ или же налагалось проклятіе до пятаго колѣна. Если мы имѣемъ передъ собой убійцу, потомка знаменитой семьи Юка, происшедшей отъ предка пьяницы и въ 75 лѣтъ давшей 200 воровъ и убійцъ, 288 немощныхъ и 90 проститутокъ,—то не будетъ ошибкой предсказать, что этотъ убійца и впредь будетъ убивать [1])...

Ломброзо сказалъ бы, что онъ неисправимый, прирожденный преступникъ. Я этого не скажу, потому что, между прирожденнымъ и случайнымъ преступникомъ нѣтъ абсолютной грани, а вся разница между ними, въ конечномъ счетѣ, (ceteris paribus) сводится къ тому же числу повтореній индивидуальныхъ-ли или наслѣдственно пріобрѣтенныхъ—безразлично. Въ виду того, что акты преступленія (напр., убійства) не есть абсолютно-необходимая потребность человѣческаго организма (это доказывается существованіемъ людей не убійцъ), и въ виду того, что убійства и преступленія вызваны не абсолютно-необходимыми для всѣхъ людей и временъ условіями, а условіями, въ извѣстномъ смыслѣ, случайными, которыя могутъ быть удалены, то само собой отсюда становится яснымъ излишній пессимизмъ Ломброзо объ неисправимости данной категоріи преступниковъ. Нѣтъ! И они исправимы, но исправимы, какъ видно изъ сказаннаго, съ гораздо большимъ трудомъ, чѣмъ „случайные“ преступники...

Дрессировка животныхъ даетъ еще болѣе ясныя доказательства даннаго положенія. Нѣтъ надобности доказывать, что дрессировать животныхъ гораздо труднѣе, чѣмъ „дрессировать“ (воспитывать) людей... Спрашивается, почему? Потому, что шаблоны ихъ поведенія чрезвычайно устойчивы (инстинкты). А устойчивость ихъ, въ свою очередь, объясняется многочисленно-

---

[1]) См. Г ю й о. Воспитаніе и наслѣдственность, стр. 9. Изд. Знанія.

стью родового и индивидуальнаго повторенія при однообразныхъ условіяхъ... Человѣка можно отучить отъ мясной пищи и пріучить къ растительной, но сдѣлать то же со львомъ или тигромъ несравненно труднѣе и даже, едва ли возможно, по крайней мѣрѣ, въ теченіе одного или немногихъ поколѣній..'

То же приложимо и ко всякой привычкѣ. Отучить „привычнаго“ пьяницу отъ вина гораздо труднѣе, чѣмъ человѣка только еще пріучающагося выпивать, привычнаго развратника, чѣмъ только что павшаго, привыкшаго къ чаю, чѣмъ не привыкшаго, привычнаго игрока, чѣмъ случайнаго, привычнаго вора, чѣмъ въ первый разъ совершившаго кражу и т. д. Всѣ эти и безчисленные другіе факты служатъ одновременно и доказательствомъ и иллюстраціей вышеприведеннаго положенія объ устойчивости „должныхъ“ нормъ поведенія и отношенія къ этому факта повторенія.

III. Теперь возьмемъ третій случай. Допустимъ, что у насъ имѣется одинъ и тотъ же индивидъ и различныя кары и награды. Спрашивается, отъ чего зависитъ то обстоятельство, что не всѣ кары и награды давятъ одинаково на поведеніе даннаго индивида, а однѣ вліяютъ сильнѣе, а другія—слабѣе. Чѣмъ обусловливается это обстоятельство? Дать общій отвѣтъ на этотъ вопросъ совершенно невозможно...

Правда, можно формулировать этотъ отвѣтъ въ такомъ видѣ:

Изъ двухъ или большаго числа карательныхъ актовъ та кара имѣетъ большее вліяніе, которая кажется данному индивиду болѣе страшной, жестокой, страдательной—вообще большей и количественно и качественно. Изъ двухъ или большаго числа наградныхъ актовъ—та награда имѣетъ большее мотивацiонное вліяніе, которая въ данный моментъ является для него болѣе желательной, пріятной, нужной и вообще—лучшей и качественно и количественно.

Но это положеніе, будучи вѣрнымъ въ общемъ все же содержитъ въ себѣ рядъ иксовъ, которые для точности необходимо было бы раскрыть. Однимъ изъ такихъ иксовъ является вопросъ: въ силу чего тотъ или иной актъ кары кажется данному индивиду болѣе страшнымъ, чѣмъ другой? и почему тотъ или иной наградной актъ является для него болѣе желательнымъ, чѣмъ

всякій другой? Могутъ на это отвѣтить, что данный видъ кары, напр., смертная казнь или сдираніе кожи и вырываніе ногтей причиняетъ большее страданіе, чѣмъ всякій другой, напр., лишеніе чести или заключеніе въ тюрьмѣ... И обратно, данная награда болѣе желательна (а потому и болѣе сильно вліяетъ на поведеніе индивида), потому, что она удовлетворяетъ болѣе интенсивную потребность его...

Но все это, будучи въ общемъ пріемлемымъ,—тѣмъ не менѣе, содержитъ въ себѣ рядъ неясностей и многочисленныхъ исключеній. Начнемъ съ каръ. Несомнѣнно, что кары можно по ихъ матеріальному содержанію классифицировать въ опредѣленный порядокъ—по степени уменьшенія ихъ жестокости. Такъ, уголовные кодексы почти всѣхъ странъ указываютъ, что самымъ жестокимъ видомъ кары является смертная казнь въ ея различныхъ видахъ: (сожженіе, утопленіе, сдираніе кожи, четвертованіе, вытягиваніе кишекъ, колесованіе, кипяченіе въ маслѣ, винѣ и водѣ, удушеніе, побитіе камнями, низверженіе со скалы, отдача на съѣденіе звѣрямъ, зарываніе въ землю, повѣшеніе, разстрѣлъ, гильотинированіе и т. д.). Такъ какъ смертная казнь отнимаетъ всѣ блага жизни и самое жизнь—то, конечно, она въ большинствѣ случаевъ и всего сильнѣе можетъ подѣйствовать на поведеніе.

Дальше могутъ итти рубрики уродующихъ и мучительныхъ наказаній; затѣмъ—пожизненное заключеніе въ тюрьмѣ, въ каторгѣ, отнятіе свободы, чести, имущества и т. д...

Каждая послѣдующая кара, въ общемъ, менѣе грозна, чѣмъ предыдущая и, вѣроятно, большинство предпочтетъ лишеніе руки—смерти, лишеніе имущества —пожизненной каторгѣ и т. д.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ много исключеній изъ этого общаго правила! Лишеніе жизни страшно тому, кто цѣнитъ жизнь; а тому, для кого она есть сумма безсмысленныхъ страданій—для того смертная казнь пожалуй скорѣе желательна, чѣмъ страшна... Вся категорія самоубійцъ, „разочаровавшихся въ жизни“, должна быть отнесена къ рубрикѣ подобныхъ лицъ. А развѣ мало лицъ, предпочитающихъ смерть лишенію чести? Сколько женщинъ покончило съ собой, начиная съ Виргиніи, предпочитая смерть лишенію чести!.. Сколько людей, проигравшихъ чужія деньги, или такъ или иначе запятнавшихъ себя, предпочитаетъ смерть лишенію чести и добраго имени! Сколько людей предпочло бы смерть длиннымъ и мучительнымъ истязаніямъ! Исторія пытокъ

и ьойнъ даетъ не мало фактовъ, гдѣ жертвы просили своихъ палачей убить ихъ, а не истязать, гдѣ раненые просили покончить съ ними, а не оставлять ихь мучиться. И сколько людей, страдающихъ такъ или иначе, предпочло бы умереть, если бы ихъ не останавливали тѣ или иные мотивы загробнаго мщенія за самоубійство, или боязнь причинить страданія близкимъ и т. д.!

Если такъ обстоитъ дѣло съ взаимоотношеніемъ смертной казни и другихъ каръ, то ясно, что остальные виды каръ еще болѣе различно могутъ оцѣниваться различными людьми: одинъ предпочтетъ моментальное уродованіе лица продолжительному истязанію, другой второе—первому; одинъ согласится скорѣе пожертвовать обѣими руками, но сохранитъ имущество, другой—наоборотъ. Для одного пожизненное заключеніе будетъ болѣе пріемлемо, чѣмъ продолжительныя и частыя истязанія, для другого—напротивъ... Одинъ пожертвуетъ имуществомъ, но сохранитъ честь, другой поступитъ наоборотъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что, несмотря на то, что въ общемъ можетъ быть и возможна извѣстная классификація карательныхъ актовъ по степени ихъ жестокости (тѣмъ самымъ и по степени ихъ мотиваціоннаго вліянія), однако, она допускаетъ столь значительныя исключенія, что сомнительнымъ становится и сама общность правила. Это колебаніе еще рѣзче проявляется въ области наградныхъ актовъ. Здѣсь почти невозможна какая бы то ни была классификація различныхъ наградъ, степень желательности которыхъ была бы одинаковой для всѣхъ людей. Да, несомнѣнно вѣрно, что та изъ наградъ будетъ болѣе желательной (а слѣд., будетъ имѣть и большее мотиваціонное вліяніе), которая пригодна для удовлетворенія наиболѣе интенсивной въ данный моментъ потребности. Но какъ узнать, какая потребность по своему матеріальному характеру наиболѣе интенсивна? И можно ли предполагать, что невозможенъ случай, въ которомъ двѣ или большее число потребностей являются одинаково интенсивными? Какъ тутъ выбираютъ или чѣмъ, въ такомъ случаѣ, руководствуются люди?

Казалось бы, можно сказать, вмѣстѣ съ К. Менгеромъ, что „обыденный опытъ показываетъ, что для людей вообще наибольшее значеніе имѣютъ тѣ удовлетворенія потребностей, отъ которыхъ зависитъ сохраненіе ихъ жизни, и что мѣра значенія остальныхъ удовлетвореній потребностей сообразуется для нихъ

со степенью (продолжительностью и интенсивностью) благополучія, находящагося въ зависимости отъ этихъ удовлетвореній". Поэтому, если хозяйствующія лица (замѣните ихъ здѣсь „награждаемыми" лицами. П. С.) должны сдѣлать выборъ между удовлетвореніемъ потребности, отъ котораго зависитъ сохраненіе ихъ жизни, и другимъ, отъ котораго зависитъ лишь ихъ большее или меньшее благополучіе, то они обыкновенно отдаютъ предпочтеніе первому удовлетворенію; точно также при выборѣ между удовлетвореніями потребностей, отъ которыхъ зависитъ болѣе высокая степень ихъ благополучія, т.-е. большая его продолжительность при равной интенсивности и большая интенсивность при равной продолжительности, и тѣми, отъ которыхъ зависитъ меньшая степень благополучія, отдается предпочтеніе первымъ" [1]). Отсюда само собой слѣдуетъ, что напр., награда въ видѣ пищи гораздо болѣе желательна для голоднаго, чѣмъ награда въ видѣ шахматной доски или билета на концертъ Шаляпина... Все это въ о б щ е м ъ вѣрно. Но опять-таки и здѣсь имѣются такія значительныя исключенія, что общность правила становится въ высшей степени относительной. Кто не знаетъ многочисленныхъ случаевъ, въ которыхъ предпочиталась награда, удовлетворяющая потребности, неудовлетвореніе которыхъ вовсе не грозило жизни, наградамъ, весьма важнымъ для жизни; примѣрами могутъ служить тѣ лица, которыя жертвовали самой жизнью (не говоря уже о жертвѣ другихъ благъ, удовлетворяющихъ потребности) ради минутнаго обладанія любимымъ существомъ. Эти факты (а уголовная и „героическая" хроника показываетъ, что ихъ не мало) свидѣтельствуютъ о томъ, что выборъ между удовлетвореніемъ потребности, важной для жизни, и потребности, неважной для нея, далеко не всегда бываетъ въ пользу первой. Въ самомъ дѣлѣ, можно было бы жить и безъ обладанія той или иной женщиной, однако, достаточно бываетъ обѣщанія этой награды, чтобы побудить человѣка на поступки, неминуемо отнимающіе отъ него честь, свободу, имущество и очень часто самую жизнь.

Казалось, можно было бы жить безъ убійства своего врага, и удовлетвореніе этой потребности отмщенія вовсе ужъ не такъ необходимо для жизни, однако, дикарь, о которомъ говоритъ

---

[1]) К. М е н г е р ъ. Основанія полит. экономіи. Пер. подъ ред. Р. М. Орженцкаго. стр. 87—88.

Гюйо въ своемъ «Очеркѣ морали», рискнулъ поставить на карту всю свою жизнь, лишь бы отомстить ему. А вѣдь потребность отмщенія—тоже потребность. И при томъ свойственная не только этому дикарю, но почти бывшая у всѣхъ народовъ и сохранившаяся еще и теперь въ Корсикѣ (vendetta), на Кавказѣ и сплошь и рядомъ фигурировавшая, какъ награда [1]).

Водка или табакъ несомнѣнно менѣе полезны для жизни, чѣмъ молоко или конфеты, однако, удовлетвореніе „водочной“ потребности—алкоголикъ и „курительной“ потребности—курильщикъ—предпочтутъ не только молоку и конфетамъ, а сплошь и рядомъ (какъ напр., самоѣды и др. первобытные народы) удовлетворенію цѣлаго ряда потребностей, въ высшей степени важныхъ для жизни...

Да въ концѣ концовъ мы и теперь еще сплошь и рядомъ поступаемъ не „хозяйственно“, а затѣмъ, едва ли въ большинствѣ случаевъ, предпочитая то или иное благо, руководствуемся разсужденіями и гаданіями въ родѣ того: насколько это благо полезно для жизни, насколько степень удовлетворенія такой-то потребности интенсивна и продолжительна и т. д. Эта раціональность поведенія можетъ быть будетъ возможна для будущаго раціональнаго человѣка, но она не является свойствомъ прошлаго и настоящаго исторіи. Все это пригодно для „политики“ благъ и наградъ, а не для теоріи ихъ...

Вѣдь раньше Менгера и школы предѣльной полезности эти же принципы были формулированы (и пожалуй, глубже) Бентамомъ, который въ своей «Deontologie» опредѣлилъ благо—какъ удовольствіе, а изъ различныхъ удовольствій рекомендовалъ выбрать то, которое: 1) наиболѣе интенсивно, 2) продолжительно, 3) несомнѣнно, 4) близко, 5) плодотворно, 6) чисто и 7) распространенно [2]).

Но, не говоря уже о томъ, что никто не пользуется этой нравственной ариѳметикой при выборѣ благъ, помимо этого, она,

---

[1]) См. примѣръ мести, какъ награды. Библія, 2-я книга Царствъ. гл. 21 стихи 1—7, а о распространенности мести см. М. М. Ковалевскій. Современный обычай и древній законъ. т. II стр. 1—18, Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣд. 371—384, работы Летурно, Du Boys, Thönissen'a, Черри, Makarewicz'a и др.

[2]) Oeuvres de I. Bentham т. 3-й. Bruxelles 1840 г. 448 стр. и слѣд.

несмотря на ея цѣнность, не всегда годна даже и для политики благъ и наградъ [1]).

Да и всѣ эти положенія, какъ Менгера, такъ и Бентама, не болѣе ясны, чѣмъ формулированное нами положеніе, а такъ какъ послѣднее свободно отъ тѣхъ недоразумѣній, которыя неразрывно связаны съ положеніемъ Менгера и Бентама, то само собой разумѣется, что предпочтительна наша формулировка...

Формально она вѣрна, но что уже каждому к о н к р е т н о кажется наиболѣе желательнымъ или не желательнымъ—награда ли въ видѣ пищи, или обладанія женщиной, или въ видѣ денегъ, или въ видѣ головы врага или кого-нибудь другого (вспомните Саломею и ея желанную награду—голову Іоанна Предтечи), или въ видѣ вина, книгъ и т. д.,—то подвести подъ одинъ принципъ всѣ эти „награды", мы считаемъ немыслимымъ, ибо сама дѣйствительность здѣсь не монистична, а плюралистична...

То же относится и къ карамъ... Оцѣнка тѣхъ и другихъ различными людьми производится на основаніи различныхъ мотивовъ—поэтому и наука, фиксирующая эти мотивы, принуждена изображать факты такъ, каковы они есть. Иное дѣло „политика" каръ и наградъ. Здѣсь возможенъ и даже необходимъ тотъ или иной единый высшій принципъ, но у насъ здѣсь объ ней рѣчи пока нѣтъ.

---

§ 3.

Дрессирующее вліяніе каръ и наградъ.

Въ предыдущей главѣ мы занимались изученіемъ вопроса, насколько можно измѣнить уже установившіеся шаблоны поведенія, дѣйствуя путемъ каръ и наградъ. Въ предшествующемъ мы видѣли, что это возможно, и установили нѣкоторыя общія положенія, показывающія, отъ чего зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ карательно-наградного давленія.

---

[1]) См. объ этомъ Г ю й о. Исторія и критика англійск. ученій о нрав-ти СПБ. 1893 г., гдѣ читатель найдетъ глубокую критику всѣхъ указанныхъ принциповъ.

Здѣсь же мы займемся этимъ вопросомъ съ другой стороны. Допустимъ, что кары и награды успѣшно дѣйствуютъ, т.-е., что подъ давленіемъ этихъ санкцій индивидъ совершаетъ поступокъ, который безъ ихъ дѣйствія не совершился бы; спрашивается, какія измѣненія произойдутъ въ поведеніи индивида, если давленіе каръ и наградъ будетъ продолжаться и впредь и такъ же успѣшно?

Возьмемъ для ясности конкретный случай. Предположимъ, что я „привычный“ курильщикъ. Предположимъ далѣе, что издается законъ, согласно которому каждый актъ куренія карается годичнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ, а каждому отставшему отъ куренія дается награда въ 1000 рублей [1])... Мотиваціонное давленіе будетъ довольно сильное, и, вѣроятно, я отстану курить или, по крайней мѣрѣ, допустимъ, что я отстану курить. Не курю сегодня, завтра, цѣлый мѣсяцъ, годъ и т. д. Спрашивается, что будетъ дальше со мной? Изобразимъ кратко процессъ. Въ первые дни тенденція къ куренію у меня будетъ несомнѣнно очень сильной, но затѣмъ, съ нѣкоторыми неровностями, она будетъ постепенно падать и становиться тѣмъ слабѣе, чѣмъ больше проходитъ времени. Черезъ нѣкоторое время (обычно мѣсяца черезъ три, или четыре) эта тенденція совсѣмъ почти исчезаетъ. Если, допустимъ, что я не курю пять или 10-ть лѣтъ, и если черезъ 10-ть лѣтъ самый законъ будетъ уничтоженъ, буду ли я курить? Вѣроятно нѣтъ, если знаю вредъ табака и если никакихъ потрясеній со мной не будетъ.

Какъ раньше куреніе было привычкой, такъ теперь для меня некуреніе, благодаря долговременной дрессировкѣ, превратилось въ привычку и изъ „несвойственнаго“ мнѣ поступка превратилось въ нормальный. Значитъ, вслѣдствіе достаточно продолжительнаго и успѣшнаго мотиваціоннаго давленія каръ и наградъ можетъ быть уничтоженъ въ поведеніи индивида рядъ актовъ...

И обратно, если мы допустимъ, что законъ не запрещалъ, а приказывалъ курить, то тогда черезъ 5—10-ть лѣтъ его дѣйствія куреніе для некурящаго стало бы привычкой и продолжало

---

[1]) Примѣръ, какъ видно, недалекій отъ дѣйствительности. Всѣ запрещенія куренія, пьянства и т. д., практикуемыя въ гимназіяхъ и въ училищахъ съ одной стороны, и китайскій законъ, запрещающій употребленіе опіума—съ другой, суть ничто иное, какъ разновидности этого примѣра.

бы существовать, какъ „естественный актъ“ даже и тогда, когда исчезла бы вызвавшая его причина, т.-е. уничтоженъ былъ бы данный законъ. Примѣръ съ курильщикомъ можетъ служить прототипомъ всѣхъ остальныхъ. Извѣстно, что англичане въ нѣкоторыхъ своихъ колоніяхъ, гдѣ сохранилась еще кровная месть, подъ страхомъ наказанія запретили ее. Что получится изъ этого? Если мотиваціонное дѣйствіе кары будетъ достаточно сильно, то въ первое время будутъ воздерживаться отъ мести подъ давленіемъ кары. Въ дальнѣйшемъ, при достаточномъ числѣ повтореній этого воздержанія оно само станетъ привычкой, и не нужно будетъ никакого закона и кары, чтобы это воздержаніе продолжало существовать. Разъ оно с т а л о п р и в ы ч к о й—в с я к о е д а в л е н і е и з л и ш н е и з а к о н ъ б у д е т ъ у н и ч т о ж е н ъ. Въ исторіи извѣстны факты, гдѣ мы видимъ, какъ свободный вначалѣ народъ, подпавъ подъ чужое иго и вынося это иго вначалѣ только благодаря строгимъ карамъ и наградамъ, потомъ привыкалъ къ нему, и постепенно дѣлался „рабомъ по привычкѣ“ или „природнымъ рабомъ“. Долгая дрессировка постепенно вытравила изъ него свободную душу и мысль о собственномъ достоинствѣ, и превратила въ раба, для котораго уже не нужны карательные законы, чтобы заставить его повиноваться капризамъ деспота: онъ уже по природѣ своей сталъ холопомъ и повиновеніе стало его потребностью [1]).

Факты военной дрессировки даютъ не мало аналогичныхъ случаевъ. Всякому, вѣроятно, извѣстны „принципы и методы“ военной дрессировки. Если только что попавшій въ солдаты

---

[1]) Какъ уже было указано выше—дрессирующее вліяніе каръ и наградъ, основанное на многочисленномъ повтореніи одного и того же акта (дѣланія, воздержанія и терпѣнія) связано въ большинствѣ случаевъ и съ з а к о н о м ъ р и к о ш е т н а г о в л і я н і я а к т а на психическія струны души. Актъ, противорѣчащій моральнымъ убѣжденіямъ, вначалѣ можетъ совершаться лишь подъ давленіемъ каръ и наградъ. Но частое совершеніе самого акта постепенно ослабляетъ само психическое переживаніе должнаго, которому онъ противорѣчитъ, и, въ концѣ концовъ, можетъ даже окончательно разрушить должныя убѣжденія и замѣнить ихъ иными, противоположными. Разъ эта стадія достигнута—тогда давленіе санкціи становится уже совершенно излишнимъ; требуемый ими актъ въ этомъ случаѣ будетъ исполняться уже и безъ нихъ—спонтанно...

Въ качествѣ исторической иллюстраціи приведу слѣдующій примѣръ подобнаго дрессирующаго вліянія, указываемый Тардомъ. Согласно архивнымъ даннымъ въ теченіе 15 и 16 вѣковъ въ Испаніи инквизиціей было приговорено къ смертной казни и къ галерамъ 300,000 человѣкъ за „свобо-

деревенскій парень стоитъ не прямо и ходитъ неуклюже, пускаются въ ходъ съ педагогическими цѣлями насмѣшки („что пузо-то выпятилъ“), ругань, удары, и въ результатѣ этого получается „бравый солдатъ“, „грудь колесомъ“, „руки по швамъ“, „глазами ѣстъ начальство“ и т. д. Кары и награды въ совокупности передѣлываютъ весь обликъ солдата и полученная выправка продолжаетъ сохраняться (особенно у николаевскихъ ветерановъ) даже и тогда, когда она уже не нужна, т. е. по выходѣ въ отпускъ.

Подобно этому и рядъ другихъ актовъ, напр., честность, вѣжливость, хорошія манеры и т. д.,—вначалѣ совершающихся лишь подъ вліяніемъ каръ и наградъ, при продолжающемся давленіи ихъ и при достаточномъ числѣ повтореній становятся „привычными“ и дѣлаютъ излишней всякую санкцію...

Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы видимъ, что при достаточномъ вліяніи и продолжительности давленія санкцій акты, совершавшіеся въ первое время лишь благодаря мотиваціонному дѣйствію каръ и наградъ, въ дальнѣйшемъ начинаютъ выполняться уже безъ ихъ давленія, по привычкѣ, и обратно, воздержаніе или терпѣніе какого-нибудь акта (напр., деспотизма) вначалѣ возможное только благодаря санкціямъ, потомъ дѣлается „нормальной привычкой“ и выполняется спонтанно...

На этомъ же принципѣ базируется и дрессировка животныхъ. „Пріемы дрессировки собаки (какъ и всѣхъ животныхъ), вполнѣ

домыслiе и религіозныя преступленія“. Эта ужасная цифра даетъ основаніе полагать, что въ это время (исторически—цвѣтущій періодъ для Испаніи) въ Испаніи больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было существовало смѣлыхъ, независимыхъ и дѣятельныхъ мыслителей. Но 300,000 жертвъ и страхъ жестокихъ каръ, терроризировавшій населеніе и аргументируемый кострами, пытками, etc.—не прошли безслѣдно даже для цѣлаго народа. По мѣрѣ карательной расправы импульсы—„вѣровать и дѣйствовать, иначе, чѣмъ требовала инквизиція“, должны были постепенно подавляться. И достаточно продолжительная дрессировка въ этомъ направленіи сдѣлала свое дѣло. Послѣ этого періода работа свободной мысли въ странѣ упала, оффиціальная вѣра постепенно внѣдрилась въ плоть и кровь народа и сдѣлала страну образцовой съ точки зрѣнія католическаго клерикализма... „Костры достигли своей цѣли“. Они измѣнили въ значительной степени сами психическія переживанія и убѣжденія.

См. Tarde. La philos. penale. 484.

справедливо говоритъ Летурно, заключаются въ своевременныхъ наказаніяхъ и наградахъ и въ созданіи такимъ путемъ въ памяти животнаго автоматической ассоціаціи между дѣйствіями, которыя хотятъ поощрить, и извѣстными пріятными впечатлѣніями, или наоборотъ. Для собакъ, отъ природы не дисциплинированныхъ, чтобы добиться болѣе или менѣе успѣшныхъ результатовъ, необходима продолжительная и строгая дрессировка. Нужно обращаться то къ карательной, то къ поощрительной системѣ воспитанія, къ побоямъ и ошейнику, или къ ласкамъ и лакомымъ кускамъ. Но послѣ достаточнаго числа хорошо выдрессированныхъ поколѣній, все измѣняется; искусственная наклонность организуется и становится прирожденной и наслѣдственной“ [1]). Я не буду приводить дальнѣйшихъ примѣровъ дрессирующаго вліянія каръ и наградъ. И изъ сказаннаго ясно, что они играютъ ту же роль, какую играетъ веревка, которой привязывается дерево къ прямому колу, заставляющая кривое дерево держаться прямо. Пройдетъ достаточно времени и веревка будетъ излишней: дерево „привыкнетъ“ само быть прямымъ [2])...

---

[1]) Летурно. Нравственность. Стр. 45.

[2]) Дрессирующее вліяніе наградъ и наказаній есть частный случай того общаго закона, который Е. В. Де-Роберти называетъ „Закономъ предваренія“, Зиммель терминомъ „Die Treue“, и который можно вполнѣ назвать закономъ „соціальной инерціи“. „Es ist eine Tatsache von den grössten sociologischen Wichtigkeit, dass unzählige Verhältnisse in ihrer sociologischen Structur ungeändert beharren, auch wenn das Gefühl oder die praktische Veranlassung die sie ursprünglich entstehen liessen, verschwunden sind. Die sonst unbezweifelbare Wahrheit: Zerstören ist leichter, als Aufbauen—gilt für gewisse menschliche Beziehungen nicht ohne weiteres. Die Treue ein eigner Seelenzustand ist, gerichtet auf den Bestand des Verhältnisses als solchen, und unabhängig von den spezifischen Gefühls—oder Willensträgern seines Inhaltes“ и т. д. (Зиммель. Sozio-logie. стр. 581—589). То же болѣе систематично и глубоко проведено и въ работахъ Е. В. Де-Роберти, (см. въ частности, „Новую постановку“. стр. 158—160).

Этотъ законъ покоится почти всецѣло на фактѣ привычки и рикошетнаго вліянія акта на психику и имъ объясняются всѣ тѣ пережитки, которые существуютъ въ данный моментъ въ общественной жизни. Исполненіе ряда обрядовъ, когда причины, вызвавшія ихъ, исчезли, и они потеряли всякій смыслъ существованія, существованіе ряда институтовъ, точно также утратившихъ всякій смыслъ, а иногда и прямо вредныхъ, исполненіе каждымъ изъ насъ ряда актовъ „по инерціи“ и т. д.—все это частные примѣры этого общаго закона.

На этомъ же фактѣ основанъ и знаменитый Тейлоровскій „методъ пережитковъ“, давшій такіе блистательные результаты въ области

Во всѣхъ этихъ случаяхъ кары и награды, въ соединеніи съ повтореніемъ и рикошетнымъ вліяніемъ его на психику, являются той магической силой, которая трансформируетъ наши нравы, наше поведеніе, наши привычки и вообще всю нашу жизнь.

исторіи культуры. Въ его трудѣ „Первоб. культура“ читатель найдетъ и массу примѣровъ, подтверждающихъ указанное положеніе закона „обществ. инерціи“.

По существу, всѣ обычаи, соблюдаемые по традиціи, какъ въ области индивидуальной, такъ и въ соціальной жизни, а также „право прецедента“ суть—частные случаи указаннаго общаго положенія. Особенно много иллюстрацій этого закона можно найти въ внѣшнихъ формахъ соціальныхъ взаимоотношеній Англіи, гдѣ особенно велико уваженіе къ традиціи; для примѣра можно указать на процедуру открытія парламента, костюмъ „спикера“, etc.

ГЛАВА VI-я.

Соціальная роль каръ и наградъ.

§ 1.

Соціальная борьба, какъ слѣдствіе и симптомъ антагонизма моральныхъ убѣжденій.

Очертивъ въ предыдущемъ классъ преступленій и подвиговъ, наказаній и наградъ, и ихъ вліяніе на поведеніе человѣка, теперь мы можемъ выйти за предѣлы индивида въ сферу соціальной жизни и заняться изученіемъ соціальной роли санкцій.

Мы видѣли, что преступный актъ вызываетъ оскорбленіе, оскорбленіе переходитъ въ непріязнь по отношенію къ преступнику, а иногда и въ вражду и ненависть, которыя затѣмъ „разряжаются“ въ рядѣ карательныхъ актовъ. Эти акты направлены не только на воздаяніе или возмездіе, но и на недопущеніе и уничтоженіе преступныхъ посягательствъ.

Взаимодѣйствіе двухъ лицъ принимаетъ въ этомъ случаѣ конфликтный характеръ, ихъ поведеніе сталкивается и получаетъ ту форму, которая извѣстна подъ именемъ борьбы [1]).

[1]) Терминъ „борьба“ есть по существу терминъ соціальной категоріи. Для его смысла необходимо допускать извѣстныя специфическія душевныя переживанія борющихся лицъ. Тамъ, гдѣ этого не приходится предполагать, тамъ употребленіе этого термина по сути дѣла незаконно. Правда, говорятъ напр., „о борьбѣ міровъ“, столкновеніе двухъ планетъ или камней называютъ также борьбой, избитый терминъ „борьба за существованіе“ безцеремонно прилагаютъ и къ амебамъ, и къ растеніямъ и т. д.—но эти фразы суть

Стоитъ только вступить въ общеніе двумъ или большему числу лицъ, изъ которыхъ каждый понимаетъ по своему разрядъ должнаго, а соотвѣтственно и рекомендованнаго и запрещеннаго поведенія, и конфликтъ или борьба между ними будетъ неизбѣжной. Представимъ себѣ, напр., двухъ лицъ, изъ которыхъ одинъ не считаетъ непозволительнымъ „присваивать“ себѣ вещи другого и дѣйствительно присваиваетъ ихъ, а другой является убѣжденнымъ защитникомъ права собственности, и всякое покушеніе на этотъ принципъ считаетъ запрещеннымъ. Допустимъ, что они стали вмѣстѣ жить. Ясно, что намъ не приходится ожидать согласія и гармоніи въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Конфликтъ въ ихъ взаимномъ поведеніи будетъ неизбѣжнымъ, а тѣмъ самымъ неизбѣжными будутъ и взаимная вражда и борьба въ той или иной формѣ... Возьмемъ еще примѣръ. Допустимъ, что въ одной соціальной группѣ приходится жить первобытному человѣку, считающему „должной“ нормой поведенія принципъ «убивай всякаго иноплеменника», и современному человѣку, считающему вообще всякое убійство актомъ запрещеннымъ. Первый, исполняя свою обязанность, будетъ

лишь метафорическія выраженія, пережитокъ антропоморфныхъ представленій. Борьба предполагаетъ всегда нѣкоторое у с и л і е, нѣкоторое „напряженіе“ и т. п., а усиліе, напряженіе и т. д.—это переживанія чисто психическія. Кто можетъ приписывать камнямъ или растеніямъ „усилія“, „напряженія“ и т. п., тотъ, конечно, можетъ говорить и о борьбѣ камней. Но ясно, что говорить объ „усиліи“ камня—это говорить метафорами, а не научнымъ языкомъ. Какъ и термины „высшіе и низшіе организмы“ и т. п., терминъ борьба не долженъ былъ бы употребляться въ ненадлежащей сферѣ. Можно говорить о столкновеніи камней, о притягательныхъ и отталкивательныхъ движеніяхъ амебъ, а не о борьбѣ. (См. L e-D a n t e k. Lamarkien. p. 7). Вполнѣ правильно указываетъ Зиммель, что Was „Kampf“ ist, istü berhaupt eine rein innere Erfahrung. Von aussen her sieht man gewisse Aktionen von Wesen, deren jedes sozusagen aus seinem Raum nicht zu verdrängen ist, vermöge der Undurchdringlichkeit der Materie in das andre im genauen Sinne nicht eingreifen kann. Dass die eigentümlichen Bewegungen je zweier solcher Wesen „Kampf“ sind, ist eine psychologische Interpetation, das Ineinander, die in Gegenbewegungen sich vollziehende Einheit, die wir so benennen, ist eigentlich garnicht zu definieren und ihrem Wesentlichen nach garnicht äusserlich anzuschauen, sondern kann nur innerlich erlebt werden. Soziologie 754—5. Во всякомъ случаѣ „борьба“, какъ соціальная категорія, въ отличіе отъ другихъ видовъ борьбы, имѣетъ право и должна быть выдѣлена изъ остальныхъ категорій „борьбы“ (неорганич. столкновеній и біологически-рефлекторныхъ притяженій и отталкиваній). Ея отличительнымъ признакомъ является именно то, что въ основѣ ея лежатъ психическія переживанія, вызывающія соотвѣтственные акты...

стараться убивать всякаго чужеродца; второй, исполняя также свою обязанность, будетъ препятствовать первому совершать его должные акты. Въ итогѣ различное пониманіе должныхъ актовъ влечетъ за собою конфликтъ поведеній, а послѣдній—столкновеніе и борьбу. Допустимъ далѣе, что въ одной соціальной группѣ приходится жить человѣку, считающему обязанностью хозяина, къ которому онъ пришелъ въ гости, предоставить въ его пользованіе свою дочь или жену, а себѣ приписывающему право—«пользоваться» женою или дочерью хозяина въ теченіе ночи. (Явленія гостепріимнаго гетеризма). А хозяиномъ пусть будетъ человѣкъ, съ обычнымъ современнымъ моральнымъ сознаніемъ, который подобные акты считаетъ „безнравственными" и запрещенными. Первый будетъ требовать осуществленія своего права, второй откажетъ. Въ результатѣ—взаимное оскорбленіе, вражда, конфликтъ и борьба въ той или иной формѣ...

Не увеличивая подобныхъ примѣровъ на основаніи сказаннаго, мы можемъ слѣлать слѣдующій выводъ: если нормы «должнаго» поведенія двухъ или большаго числа лицъ совершенно различны, а въ зависимости отъ этого различны для каждаго изъ нихъ и нормы поведенія „запрещеннаго и рекомендованнаго", то между поведеніемъ этихъ лицъ, соприкасающихся другъ съ другомъ, не можетъ установиться гармоническій consensus и необходимо возникнетъ конфликтъ, а тѣмъ самымъ и борьба этихъ лицъ другъ съ другомъ. Въ этомъ случаѣ сожительство этихъ лицъ не можетъ носить «мирный» характеръ, ихъ совокупность не можетъ образовать „замиренной" соціальной группы съ прочными и постоянными формами общенія.

Изъ сказаннаго же мы можемъ сдѣлать и второй выводъ: если нормы должнаго, запрещеннаго и рекомендованнаго поведенія двухъ или большаго числа лицъ одинаковы, если каждый изъ нихъ считаетъ „должными", запрещенными и рекомендованными тѣ же акты, что и другіе, или—еще яснѣе,—если каждый изъ нихъ приписываетъ другимъ и себѣ тѣ же права и обязанности, которыя приписываютъ ему и себѣ и другіе, то поведеніе такихъ лицъ, согласное

съ ихъ переживаніями, исключаетъ возможность конфликта, вражды и борьбы. Каковы бы ни были по внѣшней формѣ взаимныя акціи и реакціи, въ этомъ случаѣ нѣтъ мѣста антагонизму, враждѣ и ненависти: каждый изъ нихъ исполняетъ свои права и свои обязанности, которыя таковыми же признаются и другими. Одинъ человѣкъ можетъ даже бить другого, но если тотъ и другой приписываютъ бьющему право бить, а избиваемому обязанность терпѣть побои, то съ точки зрѣнія того и другого здѣсь не было бы борьбы, а была бы мирная форма взаимодѣйствія. Борьба требуетъ противорѣчія убѣжденій и вытекающаго отсюда взаимнаго столкновенія и сопротивленія; въ приводимомъ же фактѣ намъ не дано ни сопротивленіе, ни конфликтъ убѣжденій, а напротивъ дано полное совпаденіе въ пониманіи должнаго взаимнаго поведенія. Ихъ общеніе въ этомъ случаѣ будетъ носить чисто мирный характеръ, между ихъ поведеніемъ будетъ полный consensus, выражающійся во внѣ въ безконфликтномъ постоянствѣ взаимоотношеній, образующихъ въ своей совокупности то, что носитъ названіе „организаціи“ или структуры группы...

Говоря коротко—различное пониманіе должнаго, рекомендованнаго и запрещеннаго поведенія ведетъ къ борьбѣ, одинаковое—къ миру и взаимному consens'у [1]). А отсюда въ свою очередь слѣдуетъ выводъ:

---

[1]) Сказанное, однако, не слѣдуетъ толковать въ томъ смыслѣ, что „одинаковость пониманія“ должнаго и т. д. поведенія, т.-е. одинаковое распредѣленіе правъ и обязанностей означаетъ то, что каждый приписываетъ себѣ тѣ же права и обязанности, что и другому. Напр., если я признаю за исправникомъ право арестовать кого-нибудь и обязанность охранять жителей отъ воровъ, то и за собой признаю я то же право и ту же обязанность. Это было бы извращеніемъ нашего положенія. Наше положеніе объ одинаковомъ распредѣленіи правъ и обязанностей означаетъ не тождество самихъ правъ и обязанностей, приписываемыхъ различнымъ людямъ и себѣ, а тождество надѣленія правами и обязанностями. Если, напр., браминъ приписываетъ себѣ право жить насчетъ судры и бить его, а судрѣ приписываетъ обязанность кормить его и въ потѣ лица трудиться, и если судра, въ свою очередь, признаетъ своей обязанностью работать для брамина и подставлять спину для его ударовъ, а брамину приписываетъ право на все это—то, хотя сами права и обязанности, принадлежащія брамину и судрѣ, различны, тѣмъ не менѣе одинаковое пониманіе взаимныхъ правъ и обязанностей—на лицо. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и слѣдуетъ понимать наши выраженія: „одинаковое пониманіе“ должныхъ нормъ поведенія. „Неодинаковое“ же пониманіе означаетъ неодинаковость надѣленія взаимными правами и обязанностями.

Если въ какой-нибудь соціальной группѣ наблюдаются конфликты взаимнаго поведенія ея членовъ, проявляющіеся въ той или иной формѣ борьбы,—значитъ пониманіе должныхъ, рекомендованныхъ и запрещенныхъ шаблоновъ поведенія различными членами группы далеко отъ единства и тождественности [1]). Наличность конфликтовъ является симптомомъ и діагностическимъ признакомъ неодинаковаго пониманія нормъ поведенія. Подобно тому, какъ рядъ внѣшнихъ признаковъ часто служитъ симптомомъ внутренней болѣзни организма, такъ и конфликты поведенія служатъ показателемъ тоже „болѣзненнаго“ процесса внутри группы. Впрочемъ, термины „болѣзненный“, какъ и „патологическій“, заключающіе въ себѣ извѣстный оцѣночный элементъ, не совсѣмъ удачны, и лучше ихъ замѣнить терминомъ „дисгармоническій“.

---

§ 2.

Внутри-групповая роль санкцій.

Принявъ во вниманіе сказанное, теперь обратимся къ фактамъ. Человѣкъ, говорятъ, общественное животное. Это положеніе несомнѣнно вѣрно въ томъ смыслѣ, что внѣ группы, исторія намъ не даетъ человѣка. Абсолютно-изолированнаго человѣка, живущаго внѣ общенія съ другими людьми, мы не знаемъ... Намъ всегда даны группы, а не отдѣльные люди, живущіе раздѣльно другъ отъ друга.

Какую бы, однако, соціальную группу мы ни взяли—будетъ ли то кланъ, или тотэмъ, или фратрія, или родъ, или семья,

---

[1]) Конечно, мы можемъ представить себѣ конфликты поведенія или борьбу и безъ вызывающаго ее „конфликта убѣжденій“. Таковой является напр., „борьба за существованіе“ на низшихъ ступеняхъ органическаго міра, гдѣ о предварительномъ конфликтѣ убѣжденій и рѣчи быть не можетъ въ силу отсутствія здѣсь психики. Но эта борьба будетъ уже не явленіемъ соціальнымъ, а біологическимъ. Мы же говоримъ лишь о соціальной борьбѣ, т.-е. борьбѣ, въ основѣ которой лежатъ психическія переживанія, остальные же разряды „борьбы“ въ сферу нашего изученія непосредственно не входятъ. Ихъ изучаютъ физики, химики и біологи, а не соціологи.

или государство, или церковь, etc.—всѣ эти группы, какъ надъиндивидуальныя единства, представляютъ „замиренную среду“, съ опредѣленной организаціей, съ опредѣленнымъ фиксированнымъ шаблономъ поведенія, съ опредѣленнымъ уставомъ должнаго, запрещеннаго и рекомендованнаго взаимодѣйствія ея членовъ. Ни въ какой постоянной группѣ нѣтъ безпрерывной внутригрупповой войны всѣхъ противъ всѣхъ, а напротивъ нормальнымъ состояніемъ ея является consensus взаимнаго поведенія ея членовъ.

Внутри-групповой конфликтъ есть лишь явленіе исключительное и относительно рѣдкое. Въ тѣ моменты, когда этотъ конфликтъ принимаетъ широкіе размѣры, когда онъ охватываетъ большинство членовъ этой группы, въ тѣ моменты и группа, какъ нѣкоторое единство, перестаетъ существовать и распадается на рядъ группъ. Но мы знаемъ, что подобное распаденіе могло быть лишь спорадическимъ. Если бы оно было постояннымъ явленіемъ, то историческій процессъ постепеннаго расширенія „замиренныхъ соціальныхъ круговъ“ былъ бы немыслимъ, а равнымъ образомъ малопонятнымъ тогда было бы, почему человѣчество, находившееся въ непрерывной взаимной борьбѣ, не исчезло...

Какъ бы то ни было, но свидѣтельство фактовъ даетъ намъ группы въ видѣ замиренныхъ круговъ. Въ каждой группѣ имѣется опредѣленный порядокъ взаимоотношеній, требующихся отъ каждаго члена и опредѣленное распредѣленіе правъ и обязанностей каждаго соучастника группы. Этотъ оффиціально групповой шаблонъ поведенія, проявляющійся въ постоянствѣ отношеній, и составляетъ то, что называется ея „организаціей“.

Онъ представляетъ какъ бы „костякъ“ или „скелетъ“ группы, на которомъ дальше выводятся другіе болѣе детальные узоры поведенія [1]). Во всѣхъ группахъ подобный „костякъ“ или организація даны.

---

[1]) Имѣется рядъ соціологовъ, которые пытаются установить различіе между соціальными группами, а соотвѣтственно и между соціологіей и коллективной психологіей, исходя изъ того, имѣется ли въ данной совокупности людей организація и постоянство отношеній или нѣтъ. Совокупность взаимодѣйствующихъ людей, въ отношеніяхъ которыхъ дана „организація“ и постоянство отношеній, они называютъ обычно „обществомъ“ и считаютъ подобные аггрегаты объектомъ соціологіи. Таковы по ихъ мнѣнію государство, семья, кланъ и т. д. Совокупность же людей, въ отношеніяхъ которыхъ якобы нѣтъ постоянства отношеній, организаціи и т. п.—они назы-

Если возьмемъ первобытное тотэмическое общество, то мы увидимъ, что поведеніе и акты мужского пола подчинены шаблону отличному отъ шаблона поведенія (или взаимоотношенія) женскаго пола. Мужчины en masse выполняютъ однѣ функціи, женщины—другія.

Далѣе—какъ мужчины, такъ и женщины, раздѣляются на рядъ возрастныхъ группъ. Функціи, „права и обязанности“ каждой возрастной группы отличны другъ отъ друга, и, въ основныхъ чертахъ, вполнѣ опредѣленно зафиксированы...

Какъ половыя, такъ и политическія функціи, функціи пользованія добычей и т. д. точно также имѣютъ опредѣленные шаблоны или обнаруживаютъ устойчивую форму, которая и осуществляется постоянно при соотвѣтственныхъ условіяхъ. (Дѣленіе мужчинъ и женщинъ на двѣ половины, обычно—трафаретные шаблоны брачныхъ отношеній, которыя всѣми выполняются и которыя считаются „должными“, организація правленія—главарь, совѣтъ старѣйшинъ и вѣче изъ мужчинъ полноправной возрастной группы; способы рѣшенія тѣхъ или иныхъ вопросовъ и способы ихъ осуществленія, способы совершенія общественныхъ празднествъ,—напр. австралійское „короборри“ мистерій, моленій и т. д.).

Въ основныхъ своихъ чертахъ способы взаимоотношеній опредѣленно зафиксированы и неуклонно выполняются. Каждый

ваютъ „коллективами“, „случайными аггрегатами“ и считаютъ подобныя группы—объектомъ коллективной или соціальной психологіи. Въ качествѣ такихъ аггрегатовъ обычно указываются: толпа, театральная публика, публика, собравшаяся въ трамваѣ, на пристани, на улицѣ, съѣзды и т. д...

См. напр. Сигеле „Преступная толпа“ СПБ. 1896 г. 3—17. Де-ля-Грассери. De la psycho—sociologie. Revue internationale de sociologie. 1912 г. №№ 3 и 4. Лебонъ. Психологич. законы эволюціи народовъ. СПБ. 1906 г. гл. „Душа расъ“. П. Россси. Psicologia collettiva. Milano. 1900. 213. Sociologia e psicologia collettiva. 2 изд. 99—112, 145—149 и др.

Я думаю, что подобное подраздѣленіе соціальныхъ группъ возможно было бы только въ томъ смыслѣ, если бы подъ „обществами и организованными аггрегатами“ мы понимали „замиренныя“ соц. группы, а подъ „неорганизованными и случайными аггрегатами“—совокупность индивидовъ, находящихся въ состояніи болѣе или менѣе постоянной борьбы и войны всѣхъ противъ всѣхъ. Иное дѣленіе, и, въ частности, вышеизложенное дѣленіе непріемлемо. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ съѣздъ, или толпа въ трамваѣ, на пароходѣ, толпа, собравшаяся въ театрѣ,—обычно „мирная толпа“—можетъ быть названа неорганизованнымъ аггрегатомъ? Развѣ такъ-таки здѣсь нѣтъ должныхъ и не должныхъ шаблоновъ поведенія? Развѣ поведеніе членовъ этихъ аггрегатовъ случайно, не подчи-

членъ тотэма выполняетъ тѣ функціи, которыя ему „предназначены“: мужчина-ребенокъ, не перешедшій во вторую возрастную группу, не можетъ выполнять функцій, свойственныхъ второй возрастной группѣ; если бы онъ это почему-либо попытался сдѣлать—въ результатѣ вызвалъ бы реакцію со стороны остальныхъ, которая заставила бы его подчиниться „обычаю“ дѣдовъ и отцовъ...

Мужчина не можетъ вступать въ брачныя отношенія съ женщиной своей половины. Шаблонъ брачныхъ взаимоотношеній таковъ, что онъ позволяетъ ему вступать въ половыя сношенія только съ женщиной (соотвѣтствующей возрастной группы) другой половины. (У Камиларoевъ, напр., дѣлящихся на Кумитовъ и Кроковъ, мужчина Кумитъ можетъ быть мужемъ женщины Кроки и обратно—таковъ шаблонъ,—но Кумитъ съ Кумиткой не можетъ имѣть брачныхъ сношеній).

Подобнымъ же образомъ, тотъ или иной шаблонъ данъ на лицо и во всѣхъ остальныхъ видахъ взаимодѣйствія первобытной группы [1]).

Такимъ образомъ, рядъ процессовъ и формъ поведенія заранѣе зафиксированъ въ томъ или иномъ видѣ и выполняется большинствомъ членовъ.

нено никакимъ правиламъ и не обнаруживаетъ организаціи? Стоитъ поставить эти вопросы—и сразу же становится яснымъ, что говорить объ отсутствіи правилъ, постоянства отношеній и организаціи здѣсь не приходится: не говоря уже „о правилахъ приличія“, о трамвайныхъ, театральныхъ, пароходныхъ правилахъ и приказахъ, регулирующихъ поведеніе индивидовъ, въ нихъ собравшихся,—эта организованность дана и въ одинаковомъ „обычномъ правѣ“, имѣющимся у собравшихся. Пусть кто-нибудь попытается кричать во время представленія пьесы, не заплатить кондуктору трамвая плату, высморкаться въ платье своей сосѣдки и т. д.—и онъ очень „чувствительно“ убѣдится и въ организаціи, и въ постоянствѣ отношеній, и въ моральномъ единствѣ собравшихся, а тѣмъ самымъ и аггрегатовъ. Иной была бы картина, если бы собравшіеся представляли не мирную, но воюющую группу.

[1]) Объ организаціи первобытной группы см. рядъ трудовъ, въ частности Харузинъ. Этнографія. Семья и родъ. Ковалевскій. Происхожденіе семьи и собственности. Его же. Соціологія т. II. Его же. La società primitiva. (Cosentini. Sociologia. 1912. Capo II). Морганъ. Первобытное общество. Тахтаревъ. Очерки по исторіи культуры, въ особенности же Б. Спенсеръ и Гилленъ. The native tribes of Central Australia u of South Australia; а также работы Файсона, Хаупта, Фразера, Стрелова и др.

Аналогичное же мы найдемъ и во всѣхъ остальныхъ обществахъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ...

Разбойничья банда съ ея атаманомъ, есаулами и остальными членами, функціи которыхъ строго распредѣлены и зафиксированы; родъ, съ „домачиномъ“ или „патріархомъ“ во главѣ и съ различными категоріями остальныхъ сородичей; древнее кастовое общество съ рядомъ общественныхъ кастъ, изъ которыхъ функціи каждой обнаруживаютъ тотъ же шаблонъ, рабовладѣльческое общество съ извѣстными трафаретами взаимоотношеній господъ и рабовъ и т. д.—всѣ эти и безчисленныя другія общества даютъ намъ рядъ шаблоновъ, которые и составляютъ организацію или „конституцію“ (писаную или неписаную—безразлично) этихъ соціальныхъ аггрегатовъ.

Что же касается такихъ обществъ, какъ новѣйшія государства, научныя, техническія, спортсменскія, церковныя и т. д. общества—то „конституція государствъ“, „уставы“ обществъ, „символъ вѣры“ и вѣроученіе церкви—вотъ внѣшніе показатели шаблонныхъ взаимодѣйствій, имѣющихся въ данныхъ соціальныхъ аггрегатахъ... Какъ и въ любомъ первобытномъ обществѣ, и здѣсь на лицо даны шаблоны ряда процессовъ общенія, которые заранѣе „предопредѣляютъ“ формы ряда взаимоотношеній и неуклонно выполняются большинствомъ членовъ.

Констатировавши это фактическое положеніе, теперь мы должны спросить себя: *какъ возможна подобная замиренность? Какъ возможно подобное мирное постоянство отношеній?* Въ силу чего нѣтъ здѣсь постоянныхъ конфликтовъ и войны, если „не всѣхъ противъ всѣхъ“, то одной части группы съ другой?

Постановка этихъ вопросовъ имѣетъ свой смыслъ и основаніе. Въ самомъ дѣлѣ, разъ нѣтъ постоянной борьбы, разъ нормальное состояніе группы есть мирное состояніе,—то это наводитъ насъ на предположеніе, что „должныя“ нормы поведенія здѣсь всѣми понимаются одинаково. Это предположеніе само собой напрашивается потому, что въ силу сказаннаго выше, *если бы былъ конфликтъ убѣжденій, то долженъ былъ бы быть налицо и конфликтъ поведеній, т. е. взаимная внутригрупповая борьба.* А отсюда, казалось бы, само собой слѣдуетъ, разъ нѣтъ борьбы, ergo—есть consensus моральныхъ нормъ поведенія. Въ силу этого consensus'a и исключается всякая борьба, всякій конфликтъ и возможна устойчивая, мирная организація группы.

Это умозаключеніе кажется съ перваго взгляда вѣроятнымъ и правдоподобнымъ. Но... при болѣе детальномъ изученіи дѣла правдоподобность его становится подозрительной. Она подозрительна потому прежде всего, что представляетъ выводъ отъ слѣдствія къ причинѣ, что, какъ извѣстно, дѣлать не особенно рекомендуется. А во-вторыхъ, даже допустивши, что это умозаключеніе правдоподобно, непонятнымъ становится самъ фактъ возможности этого consensus'а въ пониманіи должнаго взаимнаго поведенія.

Въ самомъ дѣлѣ: какъ возможенъ былъ бы этотъ consensus? Даже допустивши, что онъ д а н ъ уже въ группѣ, малопонятнымъ становится его сохраненіе и поддержаніе въ теченіе ряда десятилѣтій.

Очевидно, это было бы возможно при двухъ случаяхъ. Во-первыхъ, при отсутствіи измѣненій въ внутри-групповой жизни. Тогда было бы понятно, что разъ одинаковость моральныхъ убѣжденій членовъ группы дана и дано безконфликтное поведеніе, то этотъ „миръ" не можетъ нарушиться въ силу того, что жизнь группы не измѣняется, не эволюціонируетъ, а „стоитъ на мѣстѣ".

Второе условіе, при которомъ разъ данная безконфликтность могла бы существовать и въ дальнѣйшемъ, заключалось бы въ допущеніи о д н о в р е м е н н а г о и сходнаго измѣненія моральныхъ шаблоновъ поведенія у всѣхъ членовъ группы. Моральныя убѣжденія могли бы измѣниться, но соціальный consensus убѣжденій и поведенія членовъ группы могъ бы существовать въ силу того, что убѣжденія, а соотвѣтственно и поведеніе, измѣнялись бы одновременно и въ одномъ направленіи у всѣхъ членовъ группы.

Въ этомъ случаѣ эволюція групповой жизни была бы похожа на роту марширующихъ солдатъ, которые хотя и двигаются впередъ, но порядка и стройности въ этомъ движеніи не нарушаютъ...

Таково второе условіе, при которомъ было бы понятнымъ сохраненіе допущеннаго нами consensus'а въ пониманіи нормъ поведенія у всѣхъ членовъ группы.

Но ясно, что ни то, ни другое условіе de facto никогда не даны. „Статическое" состояніе ни для какой группы невозможно. Самъ фактъ жизни въ группѣ и взаимнаго общенія ея членовъ между собою, какъ будетъ показано ниже, чисто механическимъ путемъ вызываетъ непрерывныя измѣненія въ жизни группы.

Не менѣе невозможнымъ является и второе условіе.

Моментальная, одновременная и тождественная смѣна шаблоновъ поведенія у всѣхъ членовъ группы не только въ древнихъ обществахъ, но и въ современныхъ обществахъ почти не дана, хотя послѣднія и имѣютъ въ этомъ отношеніи рядъ преимуществъ по сравненію съ древними обществами (см. ниже). Разъ это такъ, то спрашивается, к а к ъ ж е в о з м о ж н а э т а о т н о с и т е л ь н а я б е з к о н ф л и к т н о с т ь в н у т р и — г р у п п о в о й ж и з н и? Въ силу сказаннаго, ясно, что почти всегда въ любой группѣ есть и должны быть „отщепенцы“, инако вѣрующіе и инако мыслящіе, чѣмъ другіе, вѣрующіе и мыслящіе согласно оффиціальнымъ шаблонамъ поведенія группы. Спрашивается, почему же поведеніе этихъ двухъ группъ не всегда сталкиваются другъ съ другомъ?

Вотъ здѣсь-то и выступаютъ кары и награды и ихъ мотиваціонно-дрессирующіе вліяніе.

К а ж д а я с о ц і а л ь н а я г р у п п а в с е г д а и м ѣ е т ъ в ъ с в о е й с р е д ѣ „и н а к о - м ы с л я щ и х ъ“, т.-е. п р е с т у п н и к о в ъ, н о н е в с ѣ „и н а к о - м ы с л я щ і е“ р е а л и з у ю т ъ с в о и „п р о т и в о о б щ е с т в е н н ы я“ н о р м ы д о л ж н а г о п о в е д е н і я. Напротивъ, сплошь и рядомъ, эти „отщепенцы“, несмотря на конфликтъ своихъ представленій „должнаго“ поведенія съ представленіями другой части группы, нормы которой являются и оффиціальными нормами группового поведенія, сплошь и рядомъ они ведутъ себя не согласно своимъ убѣжденіямъ, а согласно нормамъ „оффиціальнымъ“. Подобное противорѣчіе убѣжденій и поступковъ вызывается ничѣмъ инымъ, какъ давленіемъ каръ и наградъ, исходящихъ отъ другой части соціальной единицы. Т о л ь к о к а р ы и н а г р а д ы м о г у т ъ о с т а н о в и т ь и х ъ о т ъ и с п о л н е н і я а к т о в ъ, т р е б у е м ы х ъ и х ъ м о р а л ь н ы м ъ с о з н а н і е м ъ (т.-е. представленіями должнаго, запрещеннаго и рекомендованнаго поведенія). Если бы ихъ не было, то не было бы ничего, что помѣшало отщепенцамъ вести себя согласно своимъ нормамъ поведенія, а значитъ безъ нихъ невозможно было бы и безконфликтное состояніе замиренной группы. Б е з ъ к а р ъ и н а г р а д ъ в н у т р и г р у п п о в а я б о р ь б а б ы л а б ы н е с п о р а д и ч е с к и м ъ, а п о с т о я н н ы м ъ я в л е н і е м ъ и в з а и м о д ѣ й с т в і е л ю д е й в ъ с а-

момъ дѣлѣ было бы bellum omnium contra omnes.

Именно кары и награды, а ничто иное, заставляли и заставляютъ такихъ „отщепенцевъ“ дѣлать то, что они считаютъ по своимъ убѣжденіямъ запрещеннымъ и преступнымъ дѣлать, воздерживаться отъ тѣхъ актовъ, воздержанія отъ которыхъ не требуетъ ихъ моральная совѣсть, и терпѣть то, что безъ каръ и наградъ они не стали бы терпѣть... Мотиваціонное давленіе санкцій являлось здѣсь тѣмъ рычагомъ, который поддерживалъ безконфликтное состояніе группы, заставляя отщепенцевъ вести себя согласно требуемымъ „оффиціально“ шаблонамъ поведенія, шаблонамъ, противорѣчащимъ ихъ собственнымъ нормамъ должнаго поведенія. А по мѣрѣ того, какъ подъ вліяніемъ мотиваціоннаго давленія они все чаще и чаще выполняли эти „противоестественные“ для нихъ поступки, по мѣрѣ того начинало дѣйствовать дрессирующее вліяніе санкцій въ связи съ рикошетнымъ дѣйствіемъ акта на психику, въ результатѣ чего „отщепенцы“ и „инако-вѣрующіе“ превращались въ „единовѣрующихъ“, въ „истинныхъ сыновъ своей группы“, забывая свои нормы и впитывая въ плоть и кровь требуемые карами и наградами шаблоны поведенія.

Слѣд., нашъ отвѣтъ на вопросъ: какъ возможно безконфликтное и мирное взаимоотношеніе членовъ группы другъ къ другу при наличности конфликтнаго состоянія ихъ нормъ должнаго поведенія?—гласитъ: оно возможно благодаря соединенному дѣйствію мотиваціоннаго и дрессирующаго вліянія каръ и наградъ. Это они виновники того, что поведеніе индивидовъ принимаетъ формы, не конфликтныя другъ съ другомъ, и взаимодѣйствіе ихъ происходитъ безъ значительныхъ треній. Если бы, напр., въ Россіи, гдѣ шаблоны „должнаго“ поведенія фиксированы въ „Сводѣ законовъ“, вдругъ уничтожены были бы всѣ санкціи, какъ положительныя, такъ и отрицательныя, какъ исходящія отъ государственной власти, такъ и отъ общественнаго мнѣнія,—то можно себѣ представить, какая пертурбація произошла бы въ междуиндивидуальномъ поведеніи членовъ государства: во первыхъ, безконечно возросли бы убійства, т. к. многіе не убиваютъ другихъ не потому, что актъ убійства для нихъ противенъ, а изъ боязни кары; соотвѣтственнымъ образомъ

повысилась бы и цифра другихъ преступленій противъ личности; участились бы кражи и грабежи, нападенія на банки и на казначейства, т. к. многіе не крадутъ и не грабятъ опять таки лишь изъ боязни наказанія; масса должниковъ отказалась бы отъ платежей: „свобода слова“ приняла бы своеобразныя формы; тысячи людей, не надѣясь на награды, бросили бы службу или стали бы вести ее недобросовѣстно; тысячи студентовъ перестали бы учиться, т. к. ученье не давало бы правъ и дипломовъ, и вообще, выражаясь языкомъ Ману, „ворона стала бы клевать жертвенный пирогъ, а собака стала бы лизать жертвенныя снѣди и не осталось бы ни у кого собственности, низшіе захватили бы мѣста высшихъ“.[1])

Однимъ словомъ характеръ внутригруппового взаимодѣйствія совершенно измѣнился бы и измѣнился бы въ сторону повышенія конфликтовъ и борьбы. Стараго шаблона поведенія стала бы держаться лишь часть подданныхъ, которые „законно“ поступали не только за страхъ, но и за совѣсть. Другая же часть, которая несомнѣнно имѣется, круто перемѣнила бы свое поведеніе въ томъ направленіи, какое диктуется ей ея моральными убѣжденіями. Кары же и награды, какъ государственныя, такъ и общественныя, долженствующія наступить въ случаѣ поведенія, несогласнаго съ шаблономъ, требуемымъ карами и наградами,— являются той магической силой, которая сначала (благодаря мотиваціонному дѣйствію) удерживаетъ индивида отъ „преступленій“ и подталкиваетъ „на подвиги“, а затѣмъ и чуждые ему вначалѣ акты и поступки дѣлаетъ органически свойственными (дрессирующе-рикошетное вліяніе каръ и наградъ).

Вообще говоря, какъ только въ соціальной группѣ появилась гетерогенность пониманія должнаго взаимсотношенія между двумя или большимъ числомъ ея частей[2]), выходомъ изъ этого положенія могутъ быть только два основныхъ способа:

I. а) Первый возможный исходъ тотъ, что г р у п п а м о ж е т ъ р а с п а с т ь с я на двѣ или большее число частей... Часть членовъ съ одними шаблонами взаимоотношеній отдѣлится отъ другой, имѣющей также одинаковые шаблоны. Конкретный примѣръ такого исхода даетъ Библія „И былъ споръ между пасту-

---

[1]) З а к о н ы М а н у. 7, 21.

[2]) А какъ увидимъ ниже, эта гетерогенность непрерывно вызывается самимъ фактомъ соціальнаго общенія.

хами скота Аврамова и между пастухами скота Лотова. И сказалъ Аврамъ Лоту: Да не будетъ раздора между мною и тобою, и между пастухами моими и пастухами твоими; ибо мы родственники. Не вся ли земля передъ тобою? Отдѣлись же отъ меня. Если ты налѣво, то я направо; а если ты направо—то я налѣво... И избралъ себѣ Лотъ всю окрестность Іорданскую, и двинулся Лотъ къ востоку. И отдѣлились они другъ отъ друга. Аврамъ сталъ жить на землѣ Ханаанской, а Лотъ сталъ жить въ городахъ окрестности и раскинулъ шатры до Содома".[1]) Дальнѣйшими примѣрами этого исхода могутъ служить, напр., эмиграція квакеровъ изъ Англіи въ Америку, удаленіе плебеевъ на Священную гору, раздѣленіе крестьянской семьи на двѣ изъза взаимныхъ ссоръ и т. д. Разновидностями этого исхода могутъ служить и рядъ другихъ явленій, бывшихъ и существующихъ еще и теперь. Сюда относится, до извѣстной степени, изгнаніе одного или ряда членовъ изъ группы. Остракизмъ, русское изгойство, кавказское абречество и. т. д., и вообще удаленіе ряда членовъ изъ группы (добровольное или принудительное), членовъ, поведеніе которыхъ не совпадаетъ съ поведеніемъ остальныхъ,— все это разновидности даннаго исхода. Недурно формулированъ этотъ исходъ Пушкинымъ въ словахъ стараго Цыгана, обращенныхъ къ Алеко...

„Оставь насъ, гордый человѣкъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не тиранимъ, не казнимъ,
Не нужно крови намъ и стоновъ,
Но жить съ убійцей не хотимъ".

Поведеніе Алеко, какъ и всѣхъ удаляемыхъ изъ группы лицъ, не совпадаетъ съ шаблонами группы и группа раздѣляется путемъ ли добровольнаго рѣшенія, какъ въ примѣрѣ съ Лотомъ, или путемъ насильственнаго изгнанія, каковое имѣло мѣсто въ случаяхъ изгойства, остракизма, абречества, нѣмецкаго Friedlosigkeit и т. д.

b) Таковъ первый возможный исходъ. Разновидностью его служитъ борьба на жизнь и на смерть между частями группы, шаблоны поведенія которыхъ противорѣчатъ другъ другу... Сюда же относятся и столкновенія двухъ обществъ, съ различ-

---

[1]) Бытіе, гл. 13.

ными шаблонами поведенія [1]). Результатомъ этой борьбы можетъ быть полное уничтоженіе одной изъ враждующихъ сторонъ.

Между различными группами, или между двумя частями группы, или между двумя индивидами, благодаря конфликтамъ возникаетъ борьба. И чѣмъ тверже, устойчивѣе шаблоны поведенія каждой изъ враждующихъ группъ, тѣмъ ожесточеннѣе, свирѣпѣе война, которая кончается лишь у н и ч т о ж е н і е м ъ о д н о й и з ъ в р а ж д у ю щ и х ъ сторонъ. Примѣровъ подобнаго исхода особенно много даетъ животный міръ, гдѣ шаблоны поведенія особенно устойчивы... „Борьба за существованіе“ между различными видами животныхъ можетъ быть разсматриваема, какъ частный видъ этого исхода...

И человѣческая исторія даетъ не мало примѣровъ даннаго исхода. Вражда двухъ родовъ въ древнихъ общинахъ, на почвѣ кровной мести, сплошь и рядомъ приводившая къ гибели одной или обѣихъ сторонъ, первобытныя войны между различными группами, кончавшіяся поголовнымъ истребленіемъ одной стороны; уничтоженіе цѣлыхъ народовъ, напр., мексиканцевъ и перуанцевъ другими народами; всѣ вообще войны народовъ, приводившія и приводящія къ уничтоженію значительной части враждующей стороны; религіозныя столкновенія, на подобіе Варфоломеевской рѣзни; казнь „преступниковъ“ въ прошломъ и въ настоящемъ; убійство однимъ индивидомъ другого (убійство—месть, дуэль, смертные поединки и т. д.)—все это различныя иллюстраціи даннаго исхода и рѣшенія конфликтовъ. Такимъ образомъ оба указанные исхода ведутъ къ распыленію и разрушенію группы, къ ея распаденію на двѣ половины или же къ гибели одной или обѣихъ половинъ.

II. Но возможенъ и иной исходъ. Разгорѣвшаяся борьба кончается не полнымъ уничтоженіемъ болѣе слабой стороны, но н а с и л ь с т в е н н ы м ъ п о д ч и н е н і е м ъ е я п о б ѣ д и т е-

---

[1]) Для насъ здѣсь совершенно безразлично, на какую изъ двухъ теорій происхожденія расъ и группъ мы встанемъ: на полигенетическую ли теорію Гумпловича или на теорію происхожденія различныхъ группъ изъ одного источника. Для насъ важна лишь наличность конфликтныхъ шаблоновъ поведенія двухъ индивидовъ или двухъ группъ; а эта наличность можетъ быть не только при столкновеніи двухъ различныхъ группъ, но можетъ и должна появиться и въ предѣлахъ одной группы. (См. ниже гл. VII).

лямъ; побѣдители силой [1]) принуждаютъ побѣжденныхъ поступать такъ, какъ требуютъ шаблоны поведенія первыхъ. Въ этомъ случаѣ единство группы или общества остается, но оно основывается не на „добровольномъ“ „согласіи“ всѣхъ членовъ поступать опредѣленнымъ образомъ, не на consensus'ѣ представленій должнаго поведенія всѣхъ членовъ группы, а на насильственномъ принужденіи однихъ другими. Равнымъ образомъ изъ двухъ различныхъ столкнувшихся группъ можетъ возникнуть одна группа, основанная на томъ же принужденіи...

Средствами „принужденія“ являются тѣ или иныя акціи и реакціи, положительныя или отрицательныя, сознательно или безсознательно устанавливаемыя.

Существованіе подобныхъ положительныхъ и отрицательныхъ актовъ, наказаній и наградъ, заставляющихъ однихъ насильственно поступать „противъ своей воли“ такъ, какъ указываютъ другіе, и служитъ свидѣтельствомъ негармоничной, безпорядочной или конфликтной смѣны однихъ шаблоновъ взаимоотношеній другими, или однихъ шаблонныхъ актовъ, приспосабливающихъ къ соціальной средѣ, другими.

Сдѣлаемъ резюме сказаннаго. Если бы въ каждой соціальной единицѣ представленія должнаго, запрещеннаго и рекомендованнаго поведенія и соотвѣтствующее этимъ представленіямъ поведеніе было одинаково у всѣхъ членовъ группы, то внутригрупповая жизнь и ея эволюція совершалась бы безконфликтно, гармонично и не давала бы мѣста никакой борьбѣ и никакимъ кризисамъ...

Но предположеніе этого единства моральнаго сознанія недопустимо. Въ каждый данный моментъ въ „несвободныхъ“ соціальныхъ группахъ (т.-е. такихъ, выступленіе и выходъ изъ которыхъ не зависятъ отъ воли индивида: государство, семья, тотэмъ и т. д.) имѣется на лицо разнородность пониманія

---

[1]) Подъ силой мы понимаемъ не только чисто физическую силу, но все то, что даетъ одному индивиду или одной группѣ перевѣсъ надъ другой, а т. к. болѣе высокая степень умственнаго развитія здѣсь играетъ сплошь и рядомъ рѣшающую роль, то игнорировать „психическую силу“ мы никоимъ образомъ не можемъ.

должнаго поведенія, и въ силу этого, конфликтъ „убѣжденій". Разъ этотъ конфликтъ данъ, то группа можетъ избѣгнуть конфликта взаимнаго поведенія или тѣмъ, что она раздѣлится на двѣ или большее число частей (Аврамъ, Лотъ, патриціи, плебеи и т. д.), или же въ ней начнется борьба антагонистическихъ сторонъ не на жизнь, а на смерть. Когда одна изъ борющихся сторонъ будетъ уничтожена—тогда вновь возможно моральное единство и безконфликтное поведеніе другой стороны.

Оба эти «выхода», однако, являются болѣе рѣдкими, чѣмъ третій исходъ, а именно, насильственное подчиненіе одной части группы другой и насильственное принужденіе болѣе слабой части къ тому поведенію, которое согласно съ моральными воззрѣніями болѣе сильной части... Средствами принужденія являются карательные и наградные акты. Они дѣлаютъ возможнымъ монистически-безконфликтное поведеніе внутри группы и мѣшаютъ гетерогенно-конфликтному поведенію. Говоря образно, они служатъ тѣми обручами, которые связываютъ группу въ единство и не даютъ возможности ей разсыпаться. Благодаря имъ дѣлается возможнымъ болѣе или менѣе мирное общеніе антагонистическихъ единицъ...

Слѣд., внутригрупповая роль каръ и наградъ заключается въ созданіи, сохраненіи и укрѣпленіи внутри-групповой солидарности, въ недопущеніи ея распада, въ подавленіи взаимной борьбы и въ приведеніи ея антагонистическихъ элементовъ къ общему моральному единству, что достигается при посредствѣ дрессирующе-рикошетнаго вліянія санкцій.

Отсюда понятно, почему кары и награды даны въ любой соціальной группѣ. Они неизбѣжны потому, что всегда въ такихъ группахъ даны антагонистическіе элементы [1]). А разъ они есть, неизбѣжны и кары съ наградами, какъ слѣдствіе и симптомъ этого индивидуальнаго антагонизма.

Иначе говоря, сами санкціи есть скрытый видъ борьбы, которая не реализуется, коль скоро нѣтъ нарушенія „оффиціальнаго" требуемаго поведенія. Они только какъ бы висятъ въ воздухѣ. Но коль скоро «преступленіе» совершилось—кары и награды принимаютъ вещественную форму и поражаютъ въ тѣхъ

---

[1]) Почему они даны, см. ниже...

или иныхъ формахъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ виновниковъ. Часть ихъ прямо уничтожается, иногда весьма мучительными способами. Часть изгоняется и становится «внѣ міра», безъ защиты и покрова. Часть изолируется по мѣстамъ ссылки и заключенія. Часть подвергается менѣе суровымъ наказаніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для большаго устрашенія другихъ производится попутно рядъ весьма поучительныхъ демонстрацій при этихъ мѣрахъ: выставляются на показъ головы, руки и ноги казненныхъ, указываются тѣ „деликатессы“, которые постигнутъ виновника, и эти «деликатессы» аргументируются дѣйствительнымъ ихъ выполненіемъ: сдирается публично кожа съ виновниковъ, ихъ голые черепа подставляются подъ падающую каплями холодную воду, распарываются животы и извлекаются кишки, члены тѣла уродуются различными пытками: колесованіемъ, вытягиваніемъ жилъ, отсѣкаются руки и ноги, выкалываются глаза и т. д. и т. д. [1]). Съ другой стороны дается рядъ наградъ тѣмъ, кто вѣрно и честно исполняетъ свой долгъ; эти награды сыплются въ самыхъ различныхъ формахъ, перечислять которыя здѣсь нѣтъ надобности.

Такими путями устанавливается и поддерживается внутригрупповая солидарность. Она достигается съ одной стороны прямымъ уничтоженіемъ, удаленіемъ и наказаніемъ главныхъ и наиболѣе упорныхъ изъ „диссидентовъ“, съ другой стороны— устрашеніемъ и терроризированіемъ всѣхъ тѣхъ, кто былъ бы склоненъ поступать не согласно съ нормами болѣе сильной стороны... А съ третьей стороны, въ томъ же направленіи дѣйствуютъ и награды, побуждая индивида инымъ путемъ вести себя «солидарно». Въ итогѣ и получается „худой миръ“, но миръ, а все же не постоянная борьба.

Такимъ образомъ, кары и награды, хотя и довольно дорого обошлись человѣчеству, хотя и унесли въ могилу несмѣтное число жертвъ, хотя и причинили безконечныя страданія, — но все же ихъ основная роль внутри-группы заключалась въ установленіи, поддержаніи и укрѣпленіи единства группы, взаимнаго consensus'a въ поведеніи ея членовъ, и вообще говоря—солидарности группы.

---

[1]) См. болѣе подробно объ этомъ A. B a u e r. Essai sur les revolutions. Paris 1906 г. стр. 16—17 и passim.

Иллюстрировать сказанное излишне, ибо любая исторія любой соціальной группы—есть сплошная иллюстрація изложенныхъ положеній.

---

§ 3.

Внѣгрупповая роль каръ и наградъ.

Начнемъ и здѣсь съ констатированія фактовъ. Всякому человѣку, немного знакомому съ исторіей, извѣстенъ тотъ фактъ, что исторія человѣчества представляетъ картину постепеннаго расширенія замиренныхъ соціальныхъ круговъ. На начальныхъ стадіяхъ здѣсь намъ не дано широкихъ соціальныхъ единицъ. Общежительные союзы здѣсь малочисленны и обнимаютъ всего отъ 40—до 1000 членовъ... По вычисленіямъ Сутерланда общества низшихъ „дикарей“ состоятъ въ среднемъ изъ 40 человѣкъ, среднихъ—150, высшихъ 360; общества „варваровъ“ уже болѣе многочисленны, среднее число для „низшихъ“ „варварскихъ“ обществъ равняется 6,500 членовъ, среднихъ—228,000, высшихъ—442,000. Общества же „цивилизованныхъ“ народовъ уже далеко оставляютъ по своей численности предыдущія общества. Число индивидовъ низшаго цивилизованнаго народа даетъ въ среднемъ цифру въ 4,200,000, средняго—5,500,000, высшаго—24,000,000. Наконецъ, общества „культурныхъ“ народовъ, начинаясь съ 30,000,000 доходятъ теперь, какъ мы знаемъ, почти до 200,000,000 [1]).

Изъ этихъ цифръ ясно видно это постепенное расширеніе соціально замиренныхъ и солидарныхъ общественныхъ круговъ. Не нужно думать при этомъ, что это расширеніе совершилось исключительно путемъ разрастанія каждой группы, что замиренная среда въ 100,000,000 членовъ получилась изъ группы въ 40 человѣкъ, расширившейся путемъ простого размноженія на почвѣ полового общенія. Нѣтъ, расширеніе происходило не путемъ размноженія одной группы, а главнымъ образомъ путемъ сліянія двухъ или большаго числа группъ въ одну.

---

[1]) См. Сутерландъ. Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта. Изд. Павленкова. СПБ. 1900 г.

Указавъ на этотъ фактъ, я обращу вниманіе читателя еще и на другой, а именно на то, что на первыхъ стадіяхъ развитія между группами существовала непримиримая вражда и постоянный антагонизмъ. Слово чужеродецъ (hostis) было синонимомъ врага (hostis), котораго должно было убить. Всѣ „чужаки“ были врагами, которыхъ необходимо было уничтожать. Иначе говоря— всѣ „чужаки“ были самыми „опасными и нетерпимыми преступниками“, которыхъ слѣдовало наказывать самымъ нещаднымъ образомъ. Отмѣтивъ это, теперь я ставлю вопросъ: какъ возможно было это расширеніе замиренныхъ соціальныхъ круговъ? Какъ возможно это сліяніе абсолютно-враждебныхъ группъ въ одно солидарное соціальное единство?

Могутъ на это отвѣтить, что оно достигалось путемъ договора, путемъ мирнаго соглашенія. Этотъ отвѣтъ, приложимый отчасти къ такимъ союзамъ, какъ новѣйшія федераціи, Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Швейцаріи, и Германіи—въ приложеніи къ древнимъ обществамъ былъ бы наивнымъ и невѣрнымъ. Мирное соглашеніе возможно только теперь, да и то еще подъ угрозой штыковъ и пушекъ. Для древности же оно было почти невозможно... Только теоріи, исходящія изъ принципа договора (Руссо, Гоббсъ и др.) и изъ принципа полнаго раціонализма человѣческаго поведенія, могли бы думать такъ. Но эти теоріи, какъ будетъ показано ниже, совершенно наивны и невѣрны. А потому и „теорія договоровъ“ не соотвѣтствуетъ фактическому положенію дѣла...

Единственно возможный отвѣтъ на поставленный вопросъ гласитъ: расширеніе соціально-замиренныхъ круговъ было возможно лишь благодаря соединенному мотиваціонно-дрессирующему вліянію наградъ и наказаній. Безъ этихъ рычаговъ подобное расширеніе сферы „мира“ на древнихъ, а отчасти еще и на современныхъ ступеняхъ развитія, немыслимо и невозможно. Вполнѣ правъ Штейнмецъ, когда говоритъ, что въ древности „безъ аггрессивности немыслимо никакое расширеніе группы“ [1]).

Коротко говоря, и з д ѣ с ь с о ц і а л ь н а я р о л ь к а р ъ и н а г р а д ъ з а к л ю ч а л а с ь в ъ с о з д а н і и, р а с ш и р е н і и и у к р ѣ п л е н і и к р у г а с о л и д а р н о с т и.

---

[1]) См. великолѣпный трудъ S t e i n m e t z'a. Die philosophie des Krieges. Leipzig. 1907 г. стр. 23.

Какъ совершалось обычно сліяніе группъ?—Путемъ войнъ. А что такое война?—Коллективное наказаніе одной группы другою. Что служитъ ея поводомъ?—Ненадлежащее поведеніе другой группы, иначе говоря, преступное поведеніе ея. Это преступное поведеніе, выражающееся въ конечномъ счетѣ въ томъ, что одна группа не исполняетъ того, что она должна была бы исполнять съ точки зрѣнія другой группы (не исполняетъ ея требованій), квалифицируется какъ запрещенный актъ и вызываетъ карательную реакцію, именуемую войною. Каковъ же былъ тотъ механизмъ, благодаря которому возможнымъ становилось сліяніе воюющихъ группъ и ассимиляція побѣдителемъ побѣжденнаго? Когда одинъ народъ (особенно въ прошломъ) при столкновеніи побѣждалъ другую общественную группу, то ассимиляція побѣдителемъ побѣжденнаго въ большинствѣ случаевъ совершалась не въ силу добровольнаго подражанія, а подражанія вынужденнаго: нравы, обычаи, законы и институты побѣдителя-народа усваивались побѣжденнымъ народомъ не безъ давленія каръ и наградъ. Исключительно благодаря этому давленію въ первое время побѣжденные выполняли предписанія и обычаи побѣдителя; но, повторяя много разъ предписанные шаблоны побѣдителя, побѣжденные незамѣтно привыкали къ нимъ и, послѣ достаточнаго числа повтореній, эти вначалѣ чуждые шаблоны теряли постепенно характеръ чуждости и становились „своими“, для исполненія которыхъ уже дѣлались излишними всякія кары и награды.

Добровольное подражаніе здѣсь играло лишь частичную роль, особенно же въ древнія эпохи, когда одинъ общественный кругъ противостоялъ другому, какъ непримиримо-враждебная единица. Кругъ А и кругъ В, столкнувшись другъ съ другомъ, могли ассимилироваться и заставить одинъ другого усвоить свои нравы, обычаи и воззрѣнія только при условіи безпощадныхъ каръ и крупныхъ наградъ. Эти рычаги volens-nolens заставляли вначалѣ побѣжденныхъ подчиняться шаблонамъ сильнѣйшаго; но потомъ, благодаря дрессирующему (и рикошетному) вліянію повторенія и привычки, незамѣтно „неестественные“ акты стали „естественными“ и ассимиляція этихъ двухъ круговъ была достигнута. Если бы не было этого фактора при столкновеніи двухъ группъ, изъ которыхъ каждая смотритъ на другую съ ненавистью и презрѣніемъ—то никакое подражаніе не могло бы вызвать ассимиляціи и было бы совершенно безсильно... А вѣдь такими фак-

тами полна человѣческая исторія, и нужно ли поэтому подчеркивать громаднѣйшую роль совокупнаго дѣйствія мотиваціоннаго и дрессирующаго вліянія каръ и наградъ... Можно смѣло сказать, что если бы не было этихъ факторовъ, то сомнительнымъ была бы возможность роста соціально-солидарныхъ круговъ и весь ходъ человѣческой исторіи былъ бы инымъ.

И дѣйствительно, обращаясь къ даннымъ исторіи мы находимъ полное подтвержденіе нашихъ положеній.

Обратимся къ фактамъ.

На зарѣ исторіи, мы видимъ, что столкновенія группъ носятъ безпощадный характеръ. Побѣдители почти поголовно убиваютъ или съѣдаютъ побѣжденныхъ. Въ Полинезіи побѣжденные поголовно истреблялись, не исключая женъ и дѣтей; тѣ же свѣдѣнія имѣются о кафрахъ, краснокожихъ индѣйцахъ, о древнихъ персахъ, египтянахъ [1]), евреяхъ [2]), грекахъ [3]), римлянахъ [4]), магометанахъ и т. д. [5]). Отсюда принципъ „Omnia in victoriâ lege belli licuerunt“.

Затѣмъ мало-п-омалу начинаютъ убиваться не всѣ, а только наиболѣе опасная часть побѣжденныхъ. Прежде всего оставляется жизнь маленькимъ дѣтямъ и женщинамъ, какъ элементу наиболѣе легко способному ассимилироваться съ побѣдителями. Женщины оставляются, какъ производительницы дальнѣйшаго потомства, а дѣти усыновляются. Остальной же элементъ убивается...

Переходя въ дальнѣйшемъ къ рабству, какъ первому значи-

---

[1]) См. соотвѣтствующіе факты у Вакка ро. Les bases sociologiques... стр. 90 и слѣд.

[2]) „И предалъ его (амморейскій народъ) Господь, Богъ нашъ, (въ руки наши) и мы поразили его и сыновъ его, и весь народъ его, и взяли въ то время всѣ города его, и предали заклятію всѣ города, мужчинъ, и женщинъ и дѣтей, не оставили никого въ живыхъ“. Второзаконіе 2-я гл., см. 3, Исходъ, гл. IV, V и др.

[3]) „Пусть ни единый изъ нихъ (троянцевъ) не избѣгнетъ погибели мрачной!

Всѣ да погибнутъ отъ нашей руки. И младенецъ утробный.

Въ лонѣ у матери пусть не спасется и этотъ! Всѣ вмѣстѣ.

Внѣ Иліона да сгинутъ они безъ слѣда, безъ могилы“! Иліада п. VI, ст. 50 и слѣд.

[4]) Возьмите, напр., войну съ самнитянами, съ кимврами и тевтонами, почти поголовно уничтоженными; милліонъ сто тысячъ евреевъ, убитыхъ Титомъ и т. д.

[5]) „Когда вы встрѣтите невѣрныхъ, убивайте ихъ“. Коранъ XLVII, 4.

тельному факту сліянія двухъ группъ, посмотримъ, какія мѣры употребляются здѣсь.

Побѣдители уже не уничтожаютъ поголовно побѣжденныхъ, а уничтожаютъ только часть ихъ, наиболѣе опасную. Остальнымъ же они оставляютъ жизнь, предписывая имъ опредѣленные шаблоны поведенія. Спрашивается, какъ же возможно заставить побѣжденныхъ исполнять эти чуждые для нихъ шаблоны? Говорить на первыхъ порахъ о мирномъ и гуманномъ убѣжденіи вести себя такъ, какъ предписываютъ побѣдители, было бы, конечно, наивно.

Не приводя многочисленныхъ фактовъ, мы можемъ сослаться здѣсь, помимо Ваккаро, на рядъ другихъ трудовъ и, въ частности, на трудъ Steinmetza Die Philosophie des Krieges (1907 г.), гдѣ читатель и найдетъ соотвѣтственные факты. Штейнметцъ говоритъ, что только у немногихъ совершенно изолированныхъ и захудалыхъ первобыт. группъ нѣтъ войны, а вообще же „война обычное занятіе“ первобытныхъ группъ, стр. 56—7, 190.

Единственнымъ средствомъ подобнаго подчиненія было ничто иное, какъ принужденіе, базирующееся на соединеніи мотивационнаго и дрессирующаго вліянія каръ и наградъ. Жестокость, кнутъ, физическія пытки, убійство, въ случаѣ малѣйшаго неповиновенія съ одной стороны, подачки, милости и вообще тѣ или иные наградные акты, съ другой—вотъ тѣ средства, которыя практиковались въ томъ или иномъ видѣ въ таковыхъ случаяхъ. Только при ихъ наличности возможно было присоединеніе группы побѣжденныхъ къ группѣ побѣдителей и образованіе изъ двухъ или большаго числа группъ новаго, болѣе обширнаго аггрегата.

„Завоеванные и раздѣленные другъ отъ друга рабы становились болѣе жалкими и несчастными, чѣмъ домашнія животныя. Ихъ господинъ могъ ихъ продать, изувѣчить, мучить и убить. Напуганные еще воспоминаніями объ убійствѣ ихъ родственниковъ и согражданъ, преступленіями, сожженіемъ и разрушеніемъ ихъ городовъ, осиротѣвшіе и одинокіе на землѣ, находящіеся подъ постояннымъ дамокловымъ мечемъ, висящимъ надъ ихъ головою,—эти несчастные гнулись подъ тяжестью рабства и умирали истощенные и покинутые“ [1]).

Принимая различныя формы въ деталяхъ, то форму раздѣленія и распыленія покоренныхъ по различнымъ мѣстамъ, то

---

[1]) Ваккаро. Op. cit. 105.

форму перевода ихъ съ родныхъ мѣстъ на новыя мѣста и т. д.— этотъ методъ воздѣйствія путемъ каръ и наградъ былъ вначалѣ единственно возможнымъ и приложимымъ для сохраненія покоренныхъ въ подчиненіи, иначе говоря, для образованія единой группы изъ побѣдителей и побѣжденныхъ.

Кнутъ—вотъ символъ рабства, хотя символъ очень гуманный въ сравненіи съ тѣми карами, какія въ это время имѣли здѣсь мѣсто. Достаточно было малѣйшаго протеста, чтобы вызвать самыя безпощадныя кары. Изъ многочисленныхъ историческихъ фактовъ приведу для иллюстраціи одинъ или два, изъ исторіи Ассиріи, которые очень наглядно рисуютъ суть дѣла.

„Въ началѣ моего царствованія, говоритъ Тукла-Палаззаръ I-й, въ надписи, сдѣланной на Ассирійскихъ памятникахъ, я побѣдилъ 20,000 московъ и пять ихъ королей, которые не платили дани и податей, которыя должны были платить богу Ассуру, моему господину... Я наполнилъ ихъ трупами овраги горъ. Я отрубилъ (tranché) имъ головы. Я разрушилъ стѣны ихъ городовъ, взялъ ихъ рабовъ, добычу и сокровища. Шесть тысячъ изъ нихъ, которые ускользнули изъ моихъ рукъ, обнимали мои колѣни: я сдѣлалъ ихъ плѣнниками (prisonniers). Въ это же время я пошелъ войной на страну Цумуковъ, которые возстали противъ меня и отказались платить дань и подать богу Ассуру, моему повелителю, которую они должны были платить. Я завоевалъ (опустошилъ) всю ихъ территорію. Я отнялъ у нихъ рабовъ, добычу и сокровища; я сжегъ, опустошилъ и разрушилъ всѣ ихъ города. —Повинуясь совѣтамъ повелителя Ассура... я напалъ на страну Каріасовъ и арміи обширной страны Куркіевъ. Я... побѣдилъ ихъ. Я наполнилъ трупами ихъ всѣ пропасти горъ; я занялъ 25 ихнихъ городовъ, которые я сжегъ, разрушилъ и сравнялъ съ землей... Я покрылъ развалинами страну Саранитовъ и Аммонитовъ, которые съ нѣкотораго времени не обнаруживали повиновенія... Я преслѣдовалъ ихъ войска, какъ испуганныхъ животныхъ; я занялъ ихъ города и захватилъ ихъ боговъ. Я сдѣлалъ ихъ плѣнниками, я овладѣлъ ихъ имуществомъ и сокровищами. Я сжегъ, разрушилъ и сравнялъ съ землей ихъ города... Я наложилъ на нихъ суровое наказаніе (суровый приговоръ) моего властвованія“ и т. д.

А вотъ и другой примѣръ, не менѣе краснорѣчиво говорящій о тѣхъ же методахъ сохраненія единства группы. Въ этотъ разъ перечисляетъ свои подвиги Ассурназирабалъ. „Въ Нистумѣ... я

подвергъ острію меча 260,000 сражающихся. (J'ai passé au fil de l'épée); я имъ срѣзалъ головы, чтобы выстроить пирамиды. Я захватилъ Буба, сына Бубы, начальника Нистумы, я содралъ съ него кожу, и повѣсилъ ее на стѣнѣ города". Жители Sygi, возставшіе противъ меня, „чтобы спасти свою жизнь, обнимали мои колѣна. Я убилъ по одному человѣку на каждые два человѣка,... я разрушилъ стѣну передъ громадными воротами города; я приказалъ содрать кожу съ предводителей возставшихъ и ихъ кожами я покрылъ эту стѣну... Я сдѣлалъ короны изъ ихъ головъ, гирлянды изъ ихъ труповъ, нанизанныхъ на веревки" [1]) и т. д.

Эти слова памятниковъ съ достаточной яркостью изображаютъ способъ объединенія побѣжденныхъ и побѣдителей и ту роль, которую играли при этомъ кары въ соединеніи съ наградами... То же самое, съ тѣми или иными измѣненіями практиковались и другими народами [2])...

Но съ теченіемъ времени, побѣжденные мало-помалу привыкали къ тому, что отъ нихъ требовалось побѣдителями. Холопство и рабство мало-помалу становились все болѣе и болѣе привычными, какъ бы изъ вѣка положенными на долю рабовъ. Старыя вольности и традиціи забывались и, въ результатѣ, черезъ нѣсколько поколѣній, дрессирующее вліяніе каръ и наградъ оказывало свое дѣло и... онѣ становились излишними...

Если бы для кого-нибудь нужны были дальнѣйшіе факты— то ихъ можно было бы привести ad libitum. Стоитъ вспомнить, напр., ростъ другихъ восточныхъ деспотій, расширеніе предѣловъ римской имперіи, какъ и всякой другой, основаніе большинства государствъ и т. д.—чтобы увидѣть, что все это совершалось почти исключительно благодаря работѣ каръ и наградъ. Какъ, напр., была присоединена Галлія къ Риму?

— Чрезвычайно просто: Цезарь явился и изъ 3-хъ милліоновъ населенія уничтожилъ 1,000,000 и... этого было достаточно для „расширенія замиренной" среды. Кимвры и тевтоны, а равно и евреи, чуть не поголовно были уничтожены. Если нужны еще факты, то можно указать на пирамиды человѣческихъ головъ, оставляемыхъ позади себя Чингисъ-ханами, Тамерланами, Наполеонами и tutti quanti. А кому и этого мало—тому мы

---

[1]) Цитирую по Ваккаро. Les bases... 108 и 109.
[2]) См. Ваккаро. Ibid. гл. VI.

просто укажемъ на исторію любого государства и на любую войну, всегда представляющую ничто иное, какъ коллективную кару, налагаемую одной группой на другую. См. Steinmetz. Op. cit, гл. II, III и passim.

Таковъ же былъ методъ дѣйствія персовъ, грековъ, римлянъ (Omnia in victoriâ lege belli licuerunt, Parcere subjectis et debellare superbos); факты покоренія новыхъ племенъ: (peregrini dediticii, сдававшіеся безъ всякихъ условій in arbitratu, dictione, potestate populi romani), безпощаднаго усмиренія рабовъ (напр. возстаніе Спартака), индивидуальныя расправы съ непокорными рабами и т. д. То же приходится сказать и о большинствѣ другихъ народовъ: всюду на первыхъ порахъ образованіе болѣе широкихъ соціальныхъ группъ происходило не добровольно, а исключительно путемъ соединеннаго дѣйствія мотиваціоннаго и дрессирующаго вліянія каръ и наградъ. [1])

Не говоря уже о прошломъ, и теперь, если внимательно присмотрѣться къ колоніальной политикѣ крупныхъ европейскихъ государствъ, то нельзя не видѣть въ ней точнаго воспроизведенія или проведенія тѣхъ же принциповъ. И теперь замиреніе и ассимиляція вновь покоренныхъ странъ цѣликомъ основывается на соединенномъ дѣйствіи мотиваціоннаго и дрессирующаго вліянія каръ и наградъ, а не на фактѣ добровольнаго, сознательнаго или безсознательнаго подражанія, какъ думалъ Гардъ. Первымъ проявленіемъ этого метода воздѣйствія карами и наградами служитъ фактъ оставленія въ только что занятой странѣ вооруженной силы (войска); вторымъ — безпощадная кара всѣхъ протестантовъ и непокорныхъ, съ цѣлью прямого удаленія бунтарей и въ «примѣръ другимъ» («дабы не повадно было»), доходящая и теперь очень часто до настоящихъ звѣрствъ; третьимъ — обѣщаніе, аргументируемое разстрѣлами и штыками, и впредь такъ же поступать со всякимъ, кто будетъ нарушать «богомъ установленные и гуманностью требуемые» законы побѣдителей... Таковъ первый актъ, представляющій примѣненіе на практикѣ мотиваціоннаго вліянія указанныхъ рычаговъ. Второй актъ растягивается на десятки лѣтъ: побѣжденные подъ

---

[1]) Однимъ изъ частныхъ видовъ такого метода является „дикая вира“ (коллект. отвѣт-сть), практиковавшаяся почти всюду при покореніи новыхъ народовъ, напр., норманны такъ поступили при покореніи Англіи, недавно князь Дундуковъ наложилъ ту же дикую виру на ингушей при покореніи Кавказа и т. д,

вліяніемъ такой «гуманности» волей-неволей принуждены исполнять приказы «бѣлолицыхъ дьяволовъ»; чѣмъ чаще они ихъ исполняютъ—тѣмъ больше и больше привыкаютъ и сживаются съ ними, въ то же время забывая свои обычаи. Наконецъ, наступаетъ эпилогъ: благодаря долговременной дрессировкѣ свои обычаи забыты, а чужіе обычаи сдѣлались своими. Такъ поступаетъ и поступала Германія, Англія, Франція, Россія, Японія и т. д.

Возьмите далѣе способы и характеръ распространенія религіи среди этихъ покоренныхъ или вообще языческихъ народовъ.

Для примѣра можно взять распространеніе ислама и христіанства... Что первый изъ нихъ обязанъ своему распространенію не мирному подражанію, а главнымъ образомъ насильственному вкорененію его путемъ оружія (слѣд., путемъ приложенія мотиваціоннаго и дрессирующаго вліянія каръ и наградъ)—это несомнѣнно, пускалась въ ходъ, какъ посюсторонняя, такъ и потусторонняя санкція. То же въ общемъ приложимо и къ христіанству. Мнѣ вспоминается фактъ обращенія въ христіанство литовцевъ, которыхъ „сманивали“ креститься путемъ даренія новообращеннымъ бусъ, крестиковъ, бѣлой одежды и т. д. Наряду съ этимъ вспоминается и фактъ крещенія новгородцевъ, кратко резюмированный въ поговоркѣ „Добрыня крестилъ мечемъ“, вспоминаются тѣ многочисленные факты, гдѣ христіанамъ, среди покореннаго народа или низшаго класса, дѣлались всевозможныя льготы, и давались привиллегіи, вспоминаются средневѣковыя религіозныя войны, борьба различныхъ сектъ (напр., въ Византіи аріанства съ православіемъ), выполнявшаяся не столько путемъ аргументовъ и доводовъ, сколько путемъ силы и оружія съ практикованіемъ карательно-наградныхъ санкцій, вспоминается инквизиція и Торквемада, дѣйствовавшій ad majorem gloriam Dei путемъ костровъ, застѣнковъ, пытокъ, истязаній и т. д. и т. д.[1])—и во всемъ этомъ я почти не вижу доброволь-

---

1) Въ этомъ отношеніи особенно поучительна исторія религіозной свободы и отдѣльные ея эпизоды: въ частности средневѣковье, эпохи религіозныхъ войнъ (cujus regio ejus religio), а затѣмъ различные факты, разсказывающіе о способахъ распространенія христіанства среди другихъ народовъ—язычниковъ; та роль, которую играли здѣсь по сю и потусторонніе санкціи и т. д.

См. въ частности. R u f i n i. La libertà religiosa, а также г. Ли. Исторія инквизиціи, passim.

наго подражанія, но зато прямо бьютъ въ глаза всевозможнѣйшіе способы реализаціи мотиваціонно-дрессирующаго вліянія каръ и наградъ.

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, можно сказать, что распространеніе тѣхъ или иныхъ нравовъ, обычаевъ, правовыхъ и моральныхъ воззрѣній, институтовъ, религій и вообще—расширеніе соціально-солидарныхъ круговъ и ассимиляція одной группы другой—въ прошломъ возможно было только при помощи мотиваціонно-дрессирующаго вліянія каръ и наградъ, а не въ силу только простого подражанія. Мало того, даже „подражаніе—мода"—специфическое явленіе нашего времени—и то въ значительной степени основано на мотиваціонномъ давленіи этихъ рычаговъ. Каждый подражающій модѣ, подражаетъ въ большинствѣ случаевъ не просто въ силу слѣпого подражанія, а въ значительной мѣрѣ сознательно, побуждаемый наградно-карательными мотивами. Желаніе вызвать къ себѣ интересъ, зависть, стать центромъ вниманія и т. д.—съ одной стороны, и желаніе избѣгать насмѣшекъ, ироніи, пренебреженія и вообще самошокированія въ области ли убѣжденій, привычекъ, нравовъ, или въ области костюма, прически, „манеръ" и т. д.—всѣ эти импульсы играютъ едва ли не основную роль и въ модѣ—подражаніи [1]).

Такимъ образомъ кары и награды, дѣйствуя снизу и сверху, служатъ тѣми рычагами, которые устанавливаютъ и поддерживаютъ обществ. солидарность, которая на первыхъ порахъ групповой жизни безъ нихъ не могла бы существовать. А существовать она не могла бы потому, что при неприспособленности членовъ группы къ общественному бытію, при конфликтномъ характерѣ развитія группы (неодновременной смѣны шаблоновъ), группа безъ ихъ принудительной силы неминуемо бы распалась. И чѣмъ большей была эта опасность распыленія, тѣмъ интенсивнѣе дѣйствовали эти рычаги: тѣмъ мучительнѣе, жестче были наказанія и тѣмъ неограниченнѣе были награды... Съ развитіемъ

---

[1]) См. точное опредѣленіе подражанія у Дюркгейма. Самоубійство (изд. Карбасникова) с. 130—40 и гл., трактующая о подражаніи, какъ факторѣ самоубійства. Мы не можемъ не согласиться съ Дюркгеймомъ въ его оцѣнкѣ роли подражанія въ соціальной жизни, роли, которая была страшно раздута Тардомъ, не давшимъ точнаго опредѣленія этого понятія и подводившимъ подъ него самыя разнородныя и противоположныя явленія, чѣмъ и объясняется успѣхъ теоріи подражанія—съ одной стороны, и вскрывается безсодержательность и пустота этого понятія—съ другой.

общественной жизни, съ постепеннымъ смягченіемъ привычекъ, измѣняемыхъ и уничтожаемыхъ этими рычагами, иначе говоря, съ постепеннымъ ростомъ общественнаго приспособленія—характеръ ихъ становится все мягче и мягче, все ограниченнѣе и ограниченнѣе, и можно думать, что въ будущемъ они будутъ близки къ уничтоженію.

Въ процессѣ исторической смѣны различныхъ шаблоновъ эти рычаги напоминаютъ жернова, которые размалываютъ безпощадно и неумолимо все то, что попадаетъ подъ ихъ дѣйствіе. Поэтому, можетъ быть, и не такъ ужъ ошибались полицейскіе 18-го вѣка (Вольфъ, Юсти, и др.)., когда придавали важное значеніе этимъ жерновамъ въ дѣлѣ государственнаго воспитанія широкихъ массъ. Подобно этому, правъ и Тардъ, когда говоритъ, что «покровительственныя и запретительныя мѣры... остаются могущественнымъ оружіемъ въ рукахъ правительствъ, даже единственнымъ, при помощи котораго они могутъ свободно и быстро дѣйствовать на пользу выгодныхъ для нихъ индустрій и въ ущербъ тѣмъ, которыя имъ кажутся незаслуживающими довѣрія. Полицейскіе и уголовные законы аналогичны запретительнымъ пошлинамъ: умѣло направляемые твердой властью они даютъ замѣтный результатъ, иногда скорѣе поверхностный, чѣмъ глубокій, но часто рѣшительный» [1]).

Но еще большимъ значеніе каръ и наградъ станетъ въ томъ случаѣ, когда мы примемъ во вниманіе, что исходящіе отъ государства или оффиціальной власти карательно-наградныя санкціи далеко не исчерпываютъ область этихъ санкцій. Какъ мы видѣли выше, они исходятъ и исходили, какъ отъ коллективовъ, такъ и отъ индивидовъ, какъ отъ посюсторонней, такъ и отъ потусторонней власти. И совокупности этихъ однородныхъ явленій мы въ значительной степени обязаны всѣмъ нашимъ прогрессомъ, нашей культурой и цивилизаціей.

Плохо бы, однако, насъ поняли, если бы подумали, что мы являемся какими-то апологетами санкцій. Во избѣжаніе этого недоразумѣнія заявимъ, что къ такимъ апологетамъ мы не принадлежимъ. Но это не мѣшаетъ теоретику-изслѣдователю изучать явленіе такъ, какъ оно дано, и приписывать ему тѣ функціи, которыя оно, дѣйствительно, выполняло. Мы и указываемъ

---

[1]) Тардъ. Преступникъ и преступленіе. Москва. 1906 г. изд. Сытина. стр. 268.

на эту функцію, причемъ въ термины «единство группы, солидарность» и т. п. мы не вносимъ никакого оцѣночнаго элемента. Укрѣпленіе солидарности еще не значитъ восхожденіе съ низшей морали на высшую. Если болѣе сильная часть группы или болѣе сильная группа имѣетъ нормы поведенія и вообще культуру болѣе низкую, чѣмъ побѣжденная часть, то, дѣйствуя путемъ каръ и наградъ, она можетъ принудить къ болѣе грубому и низменному поведенію побѣжденныхъ, давно уже оставившихъ позади себя эту ступень. Въ результатѣ долгой дрессировки моральная совѣсть, поведеніе, нравы, обычай и т. д. побѣдителей и побѣжденныхъ могутъ слиться и сдѣлаться одинаковыми, а слѣд., сліяніе двухъ группъ въ одно органически-цѣлое тѣло будетъ достигнуто, но эта солидарность достигнута будетъ не повышеніемъ, а пониженіемъ культурнаго уровня. Вообще говоря: кары и награды—слѣпыя силы. Онѣ чисты и непорочны какъ дѣва, но, какъ за дѣву, за нихъ нельзя поручиться—какой онѣ плодъ дадутъ. Характеръ этого послѣдняго будетъ зависѣть отъ того, отъ кого будутъ исходить санкціи, противъ кого они будутъ направлены и какія цѣли достигаются ими. Если всѣ эти условія положительны, то и плодъ можетъ получиться хорошій. Если они отрицательны—то и плодъ будетъ никуда негоднымъ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что было бы, конечно, лучше, если бы исторія человѣчества совсѣмъ не знала борьбы и конфликтовъ, проявляющихся внутри группы въ видѣ междуиндивидуальныхъ и оффиціально-позитивныхъ карательныхъ и наградныхъ актовъ, а внѣ группы въ видѣ междугрупповыхъ конфликтовъ—войнъ. Но такое состояніе возможно было бы лишь тогда, когда соціальная жизнь стояла бы на одномъ мѣстѣ и не эволюціонировала, или тогда, когда измѣненія внутри-групповыхъ шаблоновъ поведенія совершались бы одновременно и въ одномъ направленіи у всѣхъ членовъ группы, а равнымъ образомъ, сліяніе двухъ группъ могло бы происходить чисто мирнымъ путемъ. Первое условіе—совершенно невозможно и недопустимо.

Соціальная жизнь въ силу, чисто механическихъ причинъ, порождаемыхъ самимъ фактомъ общенія, не можетъ стоять на одномъ мѣстѣ и должна эволюціонировать. А второе условіе имѣлось бы на лицо лишь тогда, когда люди съ самаго начала были бы «ангелами», поведеніемъ которыхъ управлялъ бы всецѣло одинъ разумъ. Но люди—не падшіе ангелы... Напротивъ—

ангельское состояніе мыслимо какъ отдаленная цѣль будущаго, какъ конечный результатъ продолжительной исторической дрессировки, совершавшейся въ значительной степени механически, безъ какого бы то ни было цѣлеполаганія. Будучи въ началѣ лишь разновидностью животныхъ со всѣми животными свойствами, люди могли прогрессировать также лишь наугадъ, случайно и стихійно...

Человѣчеству, находившемуся въ такомъ состояніи, была поставлена непомѣрная задача. Ему было сказано: «ты надѣлено всѣми животными инстинктами, тебѣ не дано яснаго знанія, тебѣ не дано и пастыря, который зналъ бы къ какой цѣли вести тебя и какъ нужно дѣйствовать, чтобы успѣшнѣе достигнуть этого желаннаго маяка. Ты предоставлено самому себѣ. Иди, куда хочешь. Совершенствуйся—если можешь. Процвѣтай и прогрессируй, если ты это сдѣлать въ состояніи, если же не въ состояніи—то погибай!“

И человѣчество все же не погибло. Ощупью, наугадъ, безконечное число разъ ошибаясь, оставляя позади себя трупы и моря крови, оно все же стало на путь прогресса и жизни, а не на путь гибели, и съ колебаніями, съ отклоненіями, съ поворотами медленно пошло по этой дорогѣ... Но это стоило ему неисчислимыхъ жертвъ и безконечныхъ страданій. Пришлось однимъ „унавоживать“ собой дорогу прогресса, чтобы другіе могли пройти по этой дорогѣ. Нужно было выстроить изъ череповъ однихъ пирамиды, изъ ихъ труповъ — гирлянды, изъ ихъ страданій—предметъ забавы, чтобы другіе могли жить и двигаться впередъ... Нужны были убійства, чтобы понять ихъ недопустимость, нужны были звѣрства и жестокости, чтобы сдѣлаться гуманными и воспитать въ себѣ состраданіе и любовь. Однимъ словомъ, нужны были безпощадныя кары и награды. чтобы сдѣлать ихъ ненужными въ дальнѣйшемъ. Когда люди были звѣрями—тогда необходимы были звѣрства, когда они будутъ ангелами, тогда санкціи исчезнутъ. А будутъ ли они ангелами и становятся ли ими — этимъ вопросомъ мы займемся въ послѣдующихъ главахъ. Теперь же сдѣлаемъ основные выводы, вытекающіе изъ вышеизложеннаго пониманія соціальныхъ конфликтовъ и соціальной роли каръ и наградъ.

1) Если соціальная борьба, внутригрупповая и внѣ-групповая, есть ничто иное, какъ кары и награды, обязанная своимъ бытіемъ неодинако-

вому пониманію должнаго, запрещеннаго и рекомендованнаго поведенія различными членами группы или различными группами,—то, очевидно, всякій ростъ и увеличеніе этого конфликта убѣжденій долженъ выражаться и въ ростѣ жестокости и грандіозности санкцій. Иначе говоря, всякій разъ, когда внутри соціальной группы происходитъ увеличеніе ея разнородности, вызываемой различными причинами, когда поведеніе ея членовъ, диктуемое моральной совѣстью, становится все болѣе и болѣе разнороднымъ—тогда линія каръ и наградъ должна повышаться, чтобы воспрепятствовать распыленію группы. То же повышеніе линіи санкцій должно наблюдаться и тогда, когда гетерогенность группы вызывается внѣшними причинами — столкновеніемъ съ другой разнороцной группой и включеніемъ ея въ составъ группы побѣдителей.

2) Чѣмъ устойчивѣе шаблоны поведенія антагонистическихъ частей группы или антагонистическихъ группъ, тѣмъ болѣе жестокими должны быть кары и обильными награды, чтобы сломить сопротивленіе антагонистической группы или части группы, связать ее въ одно цѣлое и вообще привести ея поведеніе къ одному знаменателю. Чѣмъ менѣе устойчивы эти шаблоны—тѣмъ мягче должны быть санкціи.

Это повышеніе и пониженіе кривой санкцій происходило и происходитъ, какъ будетъ показано въ слѣдующей главѣ, не преднамѣренно и не произвольно, а чисто спонтанно и самопроизвольно.

Запомнимъ эти дедуктивные выводы. Они пригодятся намъ при изученіи кривой санкцій и ея историческихъ тенденцій.

Если факты подтвердятъ ее—значитъ наши предыдущія положенія, изъ которыхъ дедуктивно мы вывели эти слѣдствія, не совсѣмъ фантастичны и опираются на подлинное изученіе сущаго.

А теперь перейдемъ къ генетической сторонѣ дѣла, такъ какъ уже и въ предыдущемъ пришлось выставить нѣсколько положеній догматически и они требуютъ обоснованія, а съ другой стороны, изученіе генезиса намъ дастъ рядъ слѣдствій, которыя также пригодятся при анализѣ историческихъ тенденцій каръ и наградъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА VII-я.

Какъ возникаетъ и измѣняется организація группы.

§ 1.

Теоріи „механистовъ и финалистовъ“.

Совокупность индивидовъ, находящихся между собою въ психическомъ взаимодѣйствіи, составляетъ соціальную группу. Такъ какъ въ поведеніи индивида различаются три рода актовъ: должные, запрещенные и рекомендованные акты, то тѣ же категоріи даны и въ каждой болѣе или менѣе постоянной соціально-замиренной средѣ.

„Фактъ ея замиренности“ предполагаетъ, что въ данной группѣ есть „оффиціальный“ уставъ (писаный или неписаный—все равно) общеобязательнаго пониманія должныхъ, запрещенныхъ и рекомендованныхъ актовъ. Часть группы можетъ понимать и иначе содержаніе каждаго изъ этихъ разрядовъ, но она принуждается поступать не согласно своимъ убѣжденіямъ, а согласно „оффиціально“-групповому шаблону поведенія... Совокупность тѣхъ взаимныхъ акцій и реакцій, которыя признаются этимъ уставомъ „должными“, составляетъ организацію группы, ея „костякъ“, обнаруживающійся въ „постоянствѣ отношеній“ съ одной стороны, и въ рядѣ матеріализировавшихся институтовъ—съ другой. „Сверху и снизу“ этихъ должныхъ отношеній располагаются рекомендованныя и запрещенныя отношенія (подвиги и преступленія) и реакціи на нихъ—отношенія наградныя и карательныя... (См. объ этомъ выше). Таковы факты, которые мы принуждены констатировать. Спросимъ себя теперь: какъ

возможна организація группы? Какъ устанавливаются и образуются эти устойчивыя должныя взаимоотношенія, имѣющіяся въ каждой группѣ и составляющія ея скелетъ? Почему содержаніе этихъ должныхъ взаимоотношеній (а соотвѣтственно и услужно-преступныхъ) въ одной группѣ одно, а въ другой—другое. И почему оно въ одной и той же группѣ съ теченіемъ времени непрерывно измѣняется?

Вопросъ, поставленный нами, какъ извѣстно, вопросъ чрезвычайно старый, на который получено множество разнородныхъ отвѣтовъ.

Если не считать совершенно нелѣпыхъ и ничего не объясняющихъ отвѣтовъ, которые почему-то государствовѣды считаютъ долгомъ излагать подъ именемъ „теорій“ провиденціализма, Божественнаго установленія и пр.,—то всѣ предложенныя гипотезы позволительно свести къ двумъ основнымъ видамъ: 1) къ теоріи чисто-біологической, къ теоріи безсознательнаго происхожденія общественныхъ институтовъ и моральныхъ правилъ и 2) къ теоріи раціоналистической—къ теоріи цѣлевого происхожденія ихъ.

Сущность первой теоріи сводится къ слѣдующему. [1]) Установившійся въ каждой группѣ шаблонъ „должнаго“ поведенія каждаго члена, въ силу котораго рядъ актовъ его получаетъ квалификацію должныхъ, а рядъ другихъ квалификацію запрещенныхъ и рекомендованныхъ—есть явленіе чисто случайное, обязанное своимъ существованіемъ безсознательному подбору. Если молитва и изученіе Ведъ—обязанность брамина, защита страны—кшатрія, земледѣліе—судры,—то эти акты для каждаго изъ нихъ стали обязательными не благодаря какому-нибудь сознательному установленію, руководимому пользой и другими цѣлевыми соображеніями, а просто благодаря безсознательному процессу естественнаго отбора и

---

[1]) Для краткости мы въ дальнѣйшемъ будемъ говорить только о „должныхъ“ поступкахъ и шаблонахъ поведенія, не упоминая о запрещенныхъ и рекомендованныхъ, такъ какъ характеръ и содержаніе первыхъ всецѣло предопредѣляетъ характеръ и содержаніе послѣднихъ. Если актъ противорѣчитъ должному шаблону—онъ будетъ запрещеннымъ, если согласенъ съ нимъ, но превосходитъ обязат. предѣлы—онъ будетъ рекомендованнымъ, слѣд., выяснивъ вопросъ о происхожденіи, содержаніи и смѣнѣ „должныхъ“ взаимоотношеній, мы тѣмъ самымъ выясняемъ вопросъ и объ остальныхъ азря дахъ поведенія.

безсознательному приспособленію. Какъ пчела совершенно безсознательно совершаетъ рядъ шаблонныхъ дѣйствій и какъ различные разряды пчелъ имѣютъ различныя „права и обязанности“ (напр., функціи „царицы“—однѣ, „трутня“—другія, пчелы работницы—третьи)—такъ же случайно и безсознательно установилась и опредѣленная организація группы, и опредѣленный шаблонъ „должнаго“ поведенія каждаго члена. Этотъ шаблонъ затѣмъ передается отъ поколѣнія въ поколѣніе по наслѣдству, подобно инстинктамъ, благодаря повторенію все болѣе и болѣе входитъ въ привычку, и становится въ концѣ концовъ органически свойственнымъ каждому члену автоматическимъ шаблономъ. По характеру своего происхожденія эти шаблоны поведенія, слѣд., представляютъ дальнѣйшее развитіе свойствъ, имѣющихся въ чисто-біологическомъ мірѣ, а потому подлежатъ тѣмъ же законамъ, что и послѣднія.

Таковъ первый отвѣтъ, формулированный въ его наиболѣе рѣзкой формѣ. Этотъ отвѣтъ ищетъ объясненія всецѣло въ біологическихъ свойствахъ организма, начиная съ свойствъ и функцій простой клѣтки [1]).

2) Вторая теорія прямо противоположна изложенной. Она вообще исходитъ изъ предпосылки, что всѣ акты человѣка всегда совершаются и вызываются тѣми или иными цѣлевыми соображеніями. Въ частности, соображеніями пользы. Поэтому и нормы поведенія, данныя въ каждой группѣ, установились не случайно, а сознательно, и намѣренно. Лица, устанавливавшія ихъ, руководились соображеніями пользы, безопасности и экономіи силъ, и въ этихъ-то цѣляхъ и установили опредѣленный шаблонъ поведенія, признавъ одни акты—должными, другіе—пре-

---

[1]) До извѣстной степени сюда, кромѣ Л е б а, Б о н а, В а к с в е й л е р а, могутъ быть отнесены и такіе авторы, какъ Л е т у р н о, ищущій объясненія нравственности въ свойствахъ клѣтки, Л а н е с с а н ъ, принципіально отождествляющій нравственные акты людей съ актами животнаго міра, С у т е р л а н д ъ, выводящій нравственность и ея категоріи изъ біологическихъ инстинктовъ, въ частности, родительскаго инстинкта (См. Л е т у р н о. L'évolution de la morale гл. II. Paris. 1887. L' Evolution Jurid. 1891 гл. Origine biologique de l'idée du droit L a n e s s a n. La morale naturelle Paris. 1908, стр. 403 и слѣд., и passim. С у т е р л а н д ъ. Происхожденіе и развитіе нравств. инстинкта. СПБ: 1900. 1—41 и слѣд.). Но съ другой стороны, эти біологисты, исходя изъ рефлексовъ, уже въ сами рефлексы вводятъ сознаніе, принципъ цѣли и т. д.—благодаря чему они и оказываются „монистами“, соединяющими несоединимое.

ступными, третьи — желательными. Слѣд., два основныхъ тезиса, часто смѣшиваемыхъ между собою и самими теоретиками этого направленія, таковы: 1) нормы поведенія установлены сознательно и произвольно, съ опредѣленными цѣлевыми соображеніями (цѣлеполагательность) и 2), эти нормы, установленныя въ цѣляхъ общей пользы, — дѣйствительно полезны и цѣлесообразны (цѣлесообразность).

Представителей этого теченія многое множество. Наиболѣе рѣзкимъ примѣромъ его можетъ служить „договорная теорія“ происхожденія обществъ (Пуффендорфъ, Локкъ, Гоббсъ, Гроцій, Руссо). Въ болѣе же новое время огромное большинство государствовѣдовъ являются ея сторонниками. Многіе изъ нихъ и само общество находятъ только тамъ, гдѣ дано общее стремленіе индивидовъ къ достиженію общихъ цѣлей. Es gibt eine sociale Gruppe dort, говоритъ, напр., Макаревичъ, wo zwei oder mehrere Individuen der Erreichung eines gemeinschaftlichen Zieles nachstreben. „jeder sozialen Norm, говоритъ онъ далѣе, liegt der soziale Utilitarismus zu Grunde“. [1]) Подобно этому и Іерингъ, напр., въ качествѣ motto всей своей книги „Цѣль въ правѣ“ ставитъ изреченіе: Der Zweck ist der Schöpfer des ganzen Rechts“. Мало того, онъ думаетъ далѣе, что „дѣяніе безъ цѣли такая же безсмыслица, какъ слѣдствіе безъ причины“. Даже само понятіе жизни у него обусловливается понятіемъ цѣли. Сущность жизни, говоритъ онъ, есть воленіе, и „жизнь есть практическое, ссобразное съ цѣлью, установленіе связи между внѣшнимъ міромъ и собственнымъ бытіемъ“. Не мудрено, поэтому, что для него и дѣянія по привычкѣ, и по принужденію, и дѣянія сумасшедшаго, и дѣянія животныхъ суть дѣянія цѣлевыя, совершаемыя благодаря волѣ ихъ дѣлать [2]).

Подобно этому и такія лица, какъ Еллинекъ, отвѣчая на вопросъ о возникновеніи правовыхъ и государственныхъ учрежденій, рѣшаютъ его въ томъ же смыслѣ произвольнаго и цѣлеполагательнаго установленія ихъ. Но такъ какъ извѣстно, что сплошь и рядомъ законодатели, издавая опредѣленную норму

---

[1]) См. Makarewicz. Einführung in die Philosophie des Strafrechts. 36 и 44. Спенсеръ. Осн. соц. т. II. 243.

[2]) Іерингъ. Цѣль въ правѣ. т. I, стр. 1—17 и слѣд. СПБ. 1881.

поведенія, хотятъ этимъ достичь одного, а на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ другое, то лица, подобныя Еллинеку, пытаются это противорѣчіе объяснить тѣмъ, что, молъ, нельзя предусмотрѣть всѣхъ послѣдствій волевого акта, а потому и немудрено, что законъ предполагался для достиженія однихъ цѣлей, а выполняетъ совсѣмъ иныя. Этимъ заявленіемъ они пытаются „снять“ противорѣчіе фактовъ съ ихъ тезисомъ и тѣмъ самымъ исключить теорію „стихійно-безсознательнаго“ происхожденія правовыхъ учрежденій и нормъ [1]).

Между этими двумя крайностями помѣщаются почти всѣ отвѣты на данный вопросъ, въ частности, и теорія Гумпловича съ ея различеніемъ внутри и внѣгрупповыхъ правилъ поведенія и съ его тесріей „силы“ и „неравенства“. Для него внутригрупповой шаблонъ поведенія („нравственность“) есть результатъ одновременно и инстинктивно-безсознательныхъ процессовъ, и разумнаго усмотрѣнія; слѣд., его точка зрѣнія въ этомъ отношеніи представляетъ комбинацію перваго и второго отвѣтовъ [2]).

Что же касается его пониманія права и отличія его отъ нравственности (нравственность возникаетъ внутри группы, а право есть результатъ междугрупповыхъ столкновеній, всегда „возникаетъ изъ неравенства и имѣетъ въ виду поддержать и утверждать его чрезъ установленіе господства болѣе сильныхъ надъ болѣе слабыми“, поэтому „право есть ничто иное, какъ упорядоченное неравенство“) [3]) и въ связи съ этимъ его теоріи происхожденія государства, то, во-первыхъ, она невѣрна, какъ это прекрасно показали рядъ авторовъ, и въ частности, М. М. Ковалевскій [4]), во-вторыхъ, она представляетъ не рѣшеніе поставленнаго вопроса, а его откладываніе. Въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ допустить вмѣстѣ съ Гумпловичемъ, что правовыя нормы представляютъ нормы, установленныя большей силой въ цѣляхъ упорядоченія господства; но спрашивается—на основаніи чего они устанавливаются: на основаніи ли утилитарныхъ сообра-

---

[1]) Еллинекъ. Право современнаго государства. 26—32. СПБ. 1903. Аналогичное говоритъ и Вундтъ въ своей Ethik. (Законъ „гетерогеніи цѣлей“).

[2]) Гумплowичъ. Основы соціологіи. 283—299.

[3]) Гумплowичъ. Ibid., стр. 189, 284—288, 301—303 и др.

[4]) М. Ковалевскій. Современные соціологи. СПБ. 1905 г., стр. 98—133.

женій или на основаніи простого рефлекса? являются ли они продуктомъ раціональнаго усмотрѣнія или результатомъ безсознательной дѣятельности? Вѣдь взаимныя отношенія группъ, устанавливающіяся послѣ столкновенія, не съ неба валятся, а такъ или иначе обусловлены внутригрупповыми свойствами и правилами каждой группы и принимаютъ тотъ или иной характеръ въ зависимости отъ этихъ внутригрупповыхъ шаблоновъ? Гумпловичъ на этотъ вопросъ не отвѣчаетъ, онъ его даже не ставитъ, между тѣмъ по отношенію къ нимъ (т. е. междугрупповымъ шаблонамъ) вопросъ имѣетъ совершенно то же значеніе, что и къ внутригрупповымъ отношеніямъ. И нетрудно видѣть, что и ихъ происхожденіе придется объяснить согласно первой или второй теоріи или ихъ комбинаціи.

Теперь передъ нами стоитъ вопросъ: которая же изъ двухъ теорій должна быть признана болѣе правильной?

Наше мнѣніе расходится и съ той, и съ другой...

Для того, чтобы достаточно ясно разобраться въ этой сложной проблемѣ, мы должны ее расчленить на рядъ подпроблемъ: 1) Проблему генезиса сознанія или психики. Такъ какъ переживанія долга, подвига и преступленія есть переживанія психическія—то прежде всего должно быть объяснено само происхожденіе психическаго. Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ въ скрытомъ видѣ и отвѣтъ на вопросъ о только что указанныхъ переживаніяхъ. 2) Такъ какъ каждый изъ этихъ актовъ, а особенно „должный" разрядъ актовъ и взаимоотношеній, составляющихъ ядро групповой организаціи, пріобрѣтаетъ форму шаблонную, то должна быть выяснена a) какъ природа этой шаблонности, такъ и b) причины ея установленія. 3) Такъ какъ исторія показываетъ, что содержаніе каждой категоріи актовъ мѣняется, то должно быть объяснено: a) почему оно непрерывно мѣняется и b) почему въ одномъ случаѣ наполняются „формы" должнаго, запрещеннаго и рекомендованнаго однимъ „содержаніемъ", а въ другомъ—другимъ.

Таковы тѣ подпроблемы, на которыя распадается проблема генезиса и эволюціи моральныхъ переживаній и соціальной организаціи. Теперь перейдемъ къ первой „безсознательно-біологической" теоріи...

I. Какой отвѣтъ она даетъ намъ на первый вопросъ. Послѣдовательно проведенная первая теорія на вопросъ о генезисѣ

психики отказывается отвѣчать. Она находитъ незаконной даже саму постановку вопроса. Для нея „между ѣдой гусеницы и мышленіемъ человѣка по существу нѣтъ никакого различія“. Поведеніе человѣка и всѣ его переживанія для нея совершенно однородны съ поведеніемъ, переживаніями и актами амебъ, Cytozoa, растеній и т. д. и есть лишь совокупность тропизмовъ, таксисовъ и т. п., т.-е. оно чисто механистично и автоматично. Что такое для нея „нравственность“? Да не что иное, какъ инстинктъ. „Основаніемъ для нравственности, говоритъ Лебъ, являются наши инстинкты, такіе же наслѣдственные, какъ и морфологическія особенности нашего тѣла. Мы пьемъ и ѣдимъ и размножаемся не потому, что метафизики признали это желательнымъ, но потому, что, подобно автоматамъ, мы должны это дѣлать... Мы любимъ общество людей потому, что насъ побуждаютъ къ этому наслѣдственныя условія, мы боремся за правду и справедливость и готовы отдать за нихъ жизнь, потому что инстинктивно желаемъ видѣть счастливыми подобныхъ намъ людей. Нашей моралью мы обязаны только нашимъ инстинктамъ, которые, совсѣмъ, какъ форма нашего тѣла, опредѣляются внутри насъ законами химіи и наслѣдственности“[1]).

Таковъ вкратцѣ отвѣтъ, даваемый этой теоріей на поставленные вопросы. Согласно ей нѣтъ никакого основанія проводить различіе между поведеніемъ человѣка и амебы или гусеницы. Тутъ и тамъ простые рефлексы и инстинкты, которые изъ поколѣнія въ поколѣніе передаются по наслѣдству. Тутъ и тамъ существа дѣйствуютъ въ силу необходимости и нѣтъ даже основанія поведеніе человѣка или высшихъ животныхъ выдѣлять въ какую-то особую категорію.

Детальная критика всей этой механистической концепціи завела бы насъ далеко, поэтому мы позволимъ себѣ отослать читателя къ работамъ В. А. Вагнера, гдѣ съ достаточной компетентностью и основательностью указана ошибочность этого „монизма снизу“ [2]).

---

[1]) Ж. Лёбъ. Жизнь. Новыя идеи въ біологіи. Сб. № 1. 119—120.

[2]) См. Вагнеръ. Біо-психологія т. I. 187—249. Изъ очерченнаго отвѣта механистической теоріи видно, что она по существу совершенно не способна отвѣтить на наши вопросы. Мы спрашиваемъ ее, какъ произошли наши переживанія запрещеннаго, должнаго и рекомендованнаго, почему они развиваются, измѣняются и наполняются различнымъ содержаніемъ?—а намъ

Отъ себя же мы замѣтимъ слѣдующее: Лёбъ и за нимъ идущій Ваксвейлеръ говорятъ о тождествѣ поведенія человѣка и Citozoa, о полной механистичности перваго, какъ и второго, прежде всего на томъ основаніи, что, молъ, всѣ наши акты, чувства, понятія добра и зла инстинктивны и необходимы. Что они необходимы, разъ они совершаются—это несомнѣнно. Но эта необходимость еще не даетъ основанія отождествлять ихъ другъ съ другомъ и покрывать однимъ терминомъ инстинкта совершенно разнородныя вещи...

А что это различіе поступковъ человѣка (и высшихъ животныхъ)—съ одной стороны, и рефлексо-инстинктивныхъ актовъ низшихъ животныхъ дѣйствительно существуетъ—это видно изъ слѣдующаго.

А) Если бы дѣйствительно устойчивый шаблонъ каждой че-

на это отвѣчаютъ: нѣтъ психики и нѣтъ такихъ переживаній. Но они даны намъ непосредственно и осознаются нами—отвѣчаемъ мы.—Все это лишь инстинкты—отвѣчаютъ намъ. Но если это инстинкты, то чѣмъ же отличаются они отъ инстинктовъ шмеля или др. низшихъ животныхъ?—На этотъ вопросъ отвѣта мы не получаемъ.

Вообще, разъ это теченіе выбросило за бортъ своего научнаго корабля психику и сознаніе—то оно тѣмъ самымъ выбросило и право, и нравственность, и добро, и зло, и вообще соціальное явленіе. Міръ людей, находящихся между собой въ психическомъ общеніи, перестаетъ быть въ этомъ случаѣ самимъ собой и превращается въ простыя тѣла и центры энергіи, **ихъ** поведеніе превращается въ совокупность простыхъ движеній и т. д., т.-е. вмѣсто соціальнаго явленія получается простой комплексъ физическихъ тѣлъ...и только. Въ силу этого одного обстоятельства уже можно дать этой теоріи формальный отводъ. Поэтому я не могу не согласиться съ слѣдующими словами А. Г о т ь е, написанными по поводу цитированной статьи Леба: „Ж. Лёбъ, смѣшивая матеріальные экономическіе акты съ актами умозрѣнія или пониманія, писалъ въ номерѣ нашего журнала: „если мы обязаны нашей моралью нашимъ инстинктамъ, которые, совсѣмъ, какъ и формы нашего тѣла, связаны съ нами химически и наслѣдственно“... Читая эти слова, я не понимаю, какъ одинъ и тотъ же „химическій“ инстинктъ, который, по мнѣнію г-на Лёба, въ силу матеріальной, а потому обязательной реакціи, неизбѣжно долженъ привести насъ къ чувству личнаго самосохраненія, какъ этотъ инстинктъ толкаетъ храбраго въ огонь на защиту родины, или заставляетъ миссіонеровъ итти умирать въ дикой странѣ, проповѣдуя евангеліе безвѣстнымъ бѣднякамъ“. Въ той же статьѣ А. Готье, пользуясь опытами Атфатера, ясно указываетъ, что сознаніе, способность сравнивать ощущенія, акты воли и акты разума—„невещественны“ ибо на всѣ эти акты „н е р а с х о д у е т с я н и с к о л ь к о э н е р г і и, они не связаны ни съ какой дѣятельностью или расходомъ энергіи и не принадлежатъ къ явленіямъ одного съ нею порядка“.

А. Г о т ь е. О состояніи жизни. Нов. идеи въ біологіи № 1. 121—127.

ловѣческой группы былъ исключительно продуктомъ наслѣдственно полученныхъ „инстинктовъ“, то онъ долженъ былъ бы обладать всѣми свойствами инстинктовъ. Характерная же черта инстинктовъ заключается въ ихъ негибкости, закостенѣлости, неспособности къ развитію и къ болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ. „Принято считать, говоритъ В. Вагнеръ, инстинктивныя движенія шаблонными; многочисленные факты устанавливаютъ справедливость этого заключенія въ такой степени, что мнѣніе Бюффона, а позднѣе Ламарка и Дарвина, о томъ, что инстинкты животныхъ представляютъ собою признаки для опредѣленія видовъ болѣе надежные, чѣмъ признаки морфологическіе, можно считать научно установленными“. Тотъ же выдающійся біо-психологъ указываетъ далѣе, что инстинкты совершенно не способны къ тому, что мы называемъ развитіемъ. „Тамъ, гдѣ съ возрастомъ инстинкты измѣняются, мы наблюдаемъ не развитіе, а смѣну однихъ другими, при чемъ смѣна эта часто происходитъ безъ всякой внутренней связи смѣняющихся способностей...

Готовыя для даннаго періода жизни „знанія“ въ слѣдующій періодъ смѣняются новыми, тоже готовыми, какъ декораціи театральной сцены“ [1]).

Если теперь съ этими, такъ сказать, абсолютными шаблонами сравнить шаблоны даже примитивнаго человѣческаго общества (не говоря уже о болѣе культурныхъ его видахъ), въ томъ видѣ, какъ его рисуетъ современная наука о первобытной культурѣ, то нельзя не видѣть, что шаблоны этого общества не абсолютно-безсознательны и инстинктивны, такъ какъ они не такъ абсолютно устойчивы и тверды, какъ инстинкты и, помимо всего, способны въ значительной своей части къ непрерывному, хотя и медленному развитію. Оба эти признака уже даютъ основаніе различать эти шаблонные акты отъ инстинктовъ.

В) Несомнѣнно, эти шаблоны первобытнаго общества на первыхъ порахъ были лишь нѣсколько модифицированными инстинктами, но несмотря на все это въ значительной своей части они обнаруживаютъ уже элементъ сознательности и имѣютъ уже нѣкоторую сознательную мотивировку (хотя бы въ видѣ ссылки: „такъ поступали наши отцы, такъ поступаемъ и мы“, „такъ

---

[1]) В а г н е р ъ. Біологическія основанія сравнительн. психологіи. Изд. Вольфа, т. I, стр. 252 и 343, см. также стр. 337—365, т. II. passim. 19—22.

поступали встарину, такъ должны поступать и мы“, „такъ велѣлъ поступать Богъ“, „или духъ предка, или тотэмическое и анимистическое существо“ и т. д.; вообще всѣ ссылки на то или иное основаніе поведенія и правила есть уже сознательная мотивировка, а извѣстно, что—какъ бы примитивно общество ни было—оно имѣетъ рядъ шаблоновъ съ подобными ссылками или на обычай, или на религіозное требованіе и т. д.).

А разъ это такъ, то о полной „инстинктивности“ и безсознательности шаблоновъ здѣсь говорить уже не приходится.

C) Не приходится говорить объ этомъ и потому, что эти шаблоны способны къ постепенному развитію, а не мѣняются какъ театральныя декораціи съ измѣненіемъ возраста или условій на подобіе смѣны инстинктовъ. Для этого достаточно взять какой-нибудь шаблонъ почти изъ любой области общественной жизни, напр., хотя бы исторію религіозныхъ вѣрованій, или исторію семьи, и наблюдать за его измѣненіемъ; это наблюденіе покажетъ, что въ его измѣненіи мы имѣемъ дѣло не съ моментальными пертурбаціями и смѣной, а съ медленнымъ и непрерывнымъ развитіемъ, длящимся иногда въ теченіи сотенъ лѣтъ.

Если же теперь мы будемъ восходить отъ первобытныхъ обществъ къ болѣе культурнымъ, то мы находимъ одновременно и возрастаніе сознательности, обнаруживающееся въ ростѣ утилитарныхъ соображеній и въ нравственно-правовой мотивировкѣ, и параллельно съ этимъ, все болѣе и болѣе растущую быстроту измѣненія шаблоновъ, измѣняющихся въ наше время до неузнаваемости въ теченіе жизни одного поколѣнія...

Въ этомъ случаѣ ясно, что ни о какихъ инстинктахъ и наслѣдственно-полученныхъ безсознательныхъ шаблонахъ рѣчи быть не можетъ...

D) Не говоря уже о другихъ чертахъ различія—достаточно указать на слѣдующій фактъ, чтобы убѣдиться въ различной природѣ шаблонныхъ актовъ человѣка и шаблонныхъ взаимоотношеній, данныхъ въ группѣ,— съ одной стороны, и инстинктивныхъ шаблоновъ—съ другой.

Какъ извѣстно, инстинкты передаются по наслѣдству. Въ силу этого поведеніе любого животнаго, напр., шмеля, уже заранѣе „предопредѣлено“, и будетъ одинаковымъ и въ томъ случаѣ, когда онъ будетъ жить въ одной средѣ, и въ томъ случаѣ—когда онъ будетъ жить въ другой. Ему не нужно „учиться“, онъ не учившись ученъ и потому одинаково

будетъ вести себя и тогда, когда будетъ жить въ средѣ себѣ подобныхъ, и тогда, когда еще до момента своего появленія будетъ изолированъ (до выхода его изъ кокона, или до выхода цыпленка изъ скорлупы яйца) [1]).

Спрашивается, можно ли то же сказать и о шаблонныхъ актахъ человѣка? передаваемы ли и они по наслѣдству, какъ утверждаютъ Лебъ и вообще „монисты снизу“? одинаково ли будетъ вести себя человѣкъ и тогда, когда онъ родится и вырастетъ въ своей группѣ (напр., въ первобытной), и тогда, когда онъ до рожденія или въ періодѣ младенчества будетъ перенесенъ въ иную среду (напр., въ среду культурнаго общества)?

Сама постановка этихъ вопросовъ уже даетъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ и отвѣтъ отрицательный... Здѣсь наслѣдственной передачи шаблонныхъ актовъ (кромѣ чисто физіологическихъ функцій—выдѣленіе, сонъ, питаніе, дыханіе и т. д.), не происходитъ, а равно нѣтъ и „предопредѣленности“ поведенія. Возьмите младенца первобытной группы и перенесите его въ культурную среду съ иными нравами, обычаями, воспитаніемъ, обученіемъ и т. д., и въ результатѣ вы будете имѣть человѣка съ совершенно инымъ поведеніемъ, въ сравненіи съ тѣмъ, которое было бы у него, если бы онъ выросъ въ первобытной группѣ. Если бы онъ выросъ въ послѣдней, гдѣ должнымъ актомъ считается, напр., кровная месть, то шаблонъ его поведенія въ случаѣ обиды состоялъ бы въ рядѣ актовъ, направленныхъ на отмщеніе за обиду и реализующихся въ актѣ убійства врага. Если же онъ вырастетъ въ культурной средѣ съ иной моральной атмосферой—то этого акта едва ли отъ него можно ожидать. Точно также измѣнились бы шаблоны его поведенія и въ другихъ сферахъ жизни, напр., въ половой, въ области питанія, одѣванія, вставанія, манеръ и т. д. Робинзоновскій Пятница можетъ служить иллюстраціей къ сказанному; его поведеніе послѣ знакомства съ Робинзономъ стало инымъ, чѣмъ до знакомства съ нимъ.

Одинъ и тотъ же мальчикъ будетъ имѣть различные шаблоны поведенія тогда, когда онъ пройдетъ курсъ обученія въ школахъ, и когда не будетъ учиться. Далѣе, знанія, вѣрованія, моральные принципы не передаваемы по наслѣдству; если не

---

[1]) См. объ этомъ превосходные опыты Вагнера надъ шмелемъ и др. животными. Біо-психологія т. II, стр. 23 и слѣд.

научить ребенка грамотѣ, то умѣнья читать, писать и т. д. онъ въ силу наслѣдственности не получитъ. Если совершенно изолировать его отъ общества—то онъ даже не будетъ знать, что такое зло и что есть добро, что нравственно и что безнравственно. Его психическія переживанія и содержаніе этихъ переживаній будутъ иными. А разъ они будутъ иными—инымъ будетъ и его поведеніе [1]).

Не настаивая далѣе на этихъ общеизвѣстныхъ положеніяхъ. изъ сказаннаго мы можемъ заключить: а) въ шаблонныхъ актахъ человѣка (за исключеніемъ чисто физіологическихъ) нѣтъ той „предопредѣленности", которая дана въ рефлексо-инстинктивныхъ шаблонахъ; b) инстинкты наслѣдственны, шаблонные акты человѣка не наслѣдственны; первые не требуютъ обученія, вторые безъ обученія—не появляются; c) инстинкты неизмѣняемы, шаблонные акты одного и того же человѣка въ теченіе одной и той же жизни могутъ весьма рѣзко измѣняться. Выводъ: шаблонные акты человѣка нельзя никоимъ образомъ отождествлять съ инстинктами.

e) Правда, сторонники этой теоріи, наконецъ, могутъ указать на то, что рядъ шаблонныхъ актовъ человѣка сплошь и рядомъ выполняется безсознательно, автоматически и потому, де, по крайней мѣрѣ эти-то шаблонные акты ничѣмъ не отличаются отъ инстинктовъ. Мы не будемъ оспаривать наличности такихъ актовъ у человѣка. Они дѣйствительно есть и дѣйствительно не сопровождаются сознаніемъ. Это т. н. привычные акты. Сплошь и рядомъ мы, напр., здороваемся съ кѣмъ-нибудь механически, не обращая на это вниманіе; точно также дѣлаемъ рядъ движеній, напр., пишемъ, иногда жестикулируемъ, передвигаемъ ноги при ходьбѣ и т. д.—„безсознательно". Это вѣрно. Но спрашивается—можно ли въ силу этого отождествлять эти акты съ инстинктами?..

Нѣтъ, и вотъ почему. Большинство нашихъ шаблонныхъ привычныхъ актовъ раньше не были привычными; нужна была долгая выучка и дрессировка, чтобы они стали привычными.

---

[1]) См. о томъ же. В. Бехтеревъ. О воспитаніи въ младенческомъ возрастѣ. Вѣстн. психологіи. 1913 г. вып. III. Прекрасными фактами, подтверждающими сказанное, могутъ служить факты, сообщаемые Николаи Тульпомъ, Коннором и др., о нахожденіи мальчиковъ, выросшихъ внѣ челов. общества. Они не знали даже языка и имѣли вполнѣ „звѣриный видъ и нравы". См. А. Погодинъ. Языкъ, какъ творчество. 178—179.

Прежде чѣмъ „механически“ подавать руку при видѣ знакомаго, насъ не мало въ дѣтствѣ наставляли это дѣлать.

Прежде чѣмъ механически выводить буквы, намъ не мало пришлось перемарать бумаги, вычерчивая со всѣмъ стараніемъ палки и крючки. Прежде чѣмъ механически ходить, насъ не мало учили этому въ дѣтствѣ, и процессъ ходьбы вначалѣ едва ли можно считать не требующимъ вниманія и сознанія.

То же mutatis mutandis можно сказать и о другихъ шаблонныхъ актахъ. Почти всѣ они вначалѣ были непривычными, и требовали сознанія и сопровождались имъ, а потомъ уже, благодаря повторенію, они мало-помалу превратились въ автоматическіе акты. Значитъ, наши безсознательные акты вначалѣ были сознательными, инстинкты же никогда не были и не могли быть сознательными. Итогъ: и здѣсь наблюдается различіе между инстинктами и шаблонными актами человѣка [1]). Въ результатѣ всего сказаннаго мы приходимъ къ выводу, что отождествлять даже шаблонные акты человѣка съ инстинктивными шаблонами нельзя; значитъ, выставленный выше тезисъ „біологистовъ“ падаетъ [2]).

Слѣд., общій нашъ выводъ по отношенію къ этой теоріи будетъ такой: а) поскольку эта теорія говоритъ о безсознательности сознательно-психическихъ переживаній (должнаго, запрещеннаго и рекомендуемаго)—постольку она впадаетъ въ contradictio in adjecto: „безсознательная сознательность“—нелѣпость; b) поскольку же она утверждаетъ тождественность шаблонныхъ актовъ человѣка и шаблонныхъ формъ взаимодѣйствія людей съ инстинктивными шаблонами и съ инстинктивными формами взаимодѣйствія, данными, напр., въ обществѣ пчелъ, муравьевъ и т. д.,—ея отождествленіе оказывается лишеннымъ основаній.

II. Итакъ, первую теорію мы рѣшительно отвергаемъ. Значитъ ли это, что мы принимаемъ вторую?—Ничуть. Оба основныхъ тезиса второй теоріи мы считаемъ непріемлемыми. Пер-

---

[1]) См. объ этомъ. Вагнеръ. Op. cit. т. II. 253—266.

[2]) То же различіе мы получимъ, если будемъ исходить изъ анализа мотиваціи поведенія „простѣйшихъ“ и человѣка. Согласно выводамъ, установленнымъ Петражицкимъ, мотивація амебъ, протозоа и т. д.—есть „простѣйшая“ мотивація, гдѣ не дано еще ни представленій, ни чувствъ, ни др. элементовъ дифференцированной психики. Акціонная, основная и др. виды мотиваціи человѣческаго поведенія—имъ совершенно недоступны См. Петражицкій. Теорія права. т. I-й. 1—25.

вый тезисъ ея гласитъ, что всѣ соціальные институты и нормы поведенія установлены произвольно; съ опредѣленной цѣлью, ради достиженія тѣхъ или иныхъ заранѣе поставленныхъ задачъ. Назовемъ этотъ тезисъ—тезисомъ ц ѣ л е п о л а г а т е л ь н о с т и. В т о р о й т е з и с ъ г л а с и т ъ: разъ они установлены съ опредѣленной цѣлью, то такой цѣлью можетъ быть только общая польза, общая безопасность, „экономія силъ“ и т. д. Поэтому, какъ выражается Макаревичъ, въ основѣ всякой нормы должна лежать соціальная польза и поэтому организація каждой группы и совокупность ея нормъ д ѣ й с т в и т е л ь н о б ы л и п о л е з н ы и ц ѣ л е с о о б р а з н ы. Назовемъ этотъ тезисъ—тезисомъ ц ѣ л е с о о б р а з н о с т и н о р м ъ и о б щ е с т в е н н о й о р г а н и з а ц і и.

Теперь разсмотримъ обоснованность каждаго изъ нихъ. Начнемъ съ перваго.

а) Тезисъ цѣлеполагательности покоится на той предпосылкѣ, что всѣ акты, совершаемые человѣкомъ, совершаются всегда ради тѣхъ или иныхъ цѣлей. Безъ цѣли нѣтъ дѣйствія, категорически заявляетъ Іерингъ, какъ и всѣ „финалисты“, отождествляя сознаніе съ цѣлеполаганіемъ. „Всякое дѣйствіе есть изъявленіе воли, а воленіе безъ цѣли немыслимо“, безаппеляціонно прибавляютъ они.

Такъ ли это однако? Я думаю, что не совсѣмъ такъ и что сторонники цѣлеполагательности въ этомъ случаѣ похожи на тѣхъ допросчиковъ Мити Карамазова, которые также никакъ не могли понять, какъ Митя безъ всякой цѣли могъ захватить пестикъ. Приведемъ эту сцену, она достаточно характерно подчеркиваетъ, что человѣкъ можетъ совершить рядъ актовъ сознательно, но безъ цѣлеполаганія. „Какую же цѣль имѣли вы въ предметѣ, вооружаясь такимъ орудіемъ?“ спрашиваютъ Митю.—Какую цѣль? Никакой цѣли! Захватилъ и побѣжалъ. „Зачѣмъ же, если безъ цѣли“? Митѣ, искренно разсказывавшему все дѣло такъ, какъ было, никакъ не могли повѣрить слѣдователь и прокуроръ. „Да помилуйте же, господа! волнуется первый. Ну, взялъ пестикъ... Ну для чего берутъ въ такихъ случаяхъ что-нибудь въ руку?.. Я не знаю для чего... Схватилъ и побѣжалъ. Вотъ и все“!.. [1])

Теперь мы знаемъ, что Митя былъ правъ, и что захватилъ

---

[1]) Б р а т ь я К а р а м а з о в ы. стр. 559—60.

онъ пѣстикъ безъ всякой цѣли. Его актъ вызванъ былъ не цѣлевой мотивацiей, а той, которую такъ мѣтко охарактеризовалъ Л. I. Петражицкiй терминомъ „предметной“ мотивацiи. Вообще, какъ показали изслѣдованiя проф. Петражицкаго, отождествлять сознанiе съ цѣлеполагательностью нельзя [1]). Въ своемъ поведенiи человѣкъ руководится не только цѣлевой мотивацiей, но и рядомъ другихъ мотивацiй. Сплошь и рядомъ мы совершаемъ рядъ актовъ, исходя изъ положенiя „потому что“, а „не для того, чтобы“. Напр., если кто-нибудь меня оскорбилъ, то я реагирую на это бранью, презрѣнiемъ, рядомъ актовъ, не имѣя вовсе въ виду какую нибудь „цѣль“. И реагирую при томъ сознательно. Если кто-нибудь при мнѣ бьетъ другого, то я реагирую на это путемъ словъ „гадко“, «преступно» и т. д., опять-таки сознательно, но безъ всякаго представленiя цѣли. Рядъ чисто психическихъ явленiй, какъ, напр., память, ассоцiацiи, чувства и т. д., хотя и составляютъ „элементы разумныхъ способностей“, однако, не представляютъ ничего цѣлевого или цѣлепонимательнаго...

„Часто высказываемое философами, психологами, юристами, моралистами, экономистами и т. д. и принимаемое за какую-то само собой разумѣющуюся истину положенiе, будто всякiе наши поступки имѣютъ извѣстную цѣль, будто дѣйствiя безъ цѣли что-то нелѣпое, невозможное, представляетъ коренное заблужденiе“, вполнѣ правильно говоритъ Петражицкiй. «Преобладающая масса дѣйствiй людей и животныхъ имѣетъ безцѣльный характеръ, совершается вовсе не для достиженiя какой-либо цѣли, основывается не на цѣлевой, а на иныхъ видахъ мотивацiи» [2]).

Если же взять далѣе, такъ называемые „привычно-автоматическiе“ акты—то при ихъ совершенiи не возникаетъ въ душѣ не только представленiя о цѣли, но даже и никакого психическаго процесса.

Стоитъ взять, напр., акты разговора на иностранномъ языкѣ въ моменты, когда еще только начинаешь говорить на немъ, и въ моменты, когда онъ уже усвоенъ. Въ первомъ случаѣ выборъ соотвѣтствующихъ словъ требуетъ концентрацiи сознанiя, полнаго вниманiя и т. д. Во второмъ же случаѣ слова „находятся“ сами, безсознательно приходятъ сами

---

[1]) См. подробно объ этомъ Л. I. Петражицкiй. Теорiя права. т. I. гл. I-я.

[2]) Петражицкiй. Ibid. 16—17.

и не требуютъ вовсе никакого вниманія, а тѣмъ болѣе представленія о цѣли. То же самое приложимо, напр., и къ актамъ письма. При обученіи письму рисованіе каждой буквы, крючка и палочки дѣлается съ полнымъ напряженіемъ сознанія. Когда же, благодаря многократному повторенію, мы привыкаемъ писать,— то самъ процессъ письма можетъ и не сопровождаться сознаніемъ. Вниманіе и сознаніе направлено лишь на изложеніе мыслей, а самъ же процессъ начертанія этихъ мыслей совершается автоматически. Вообще говоря, если бы мотивація движеній и поступковъ живыхъ существъ была устроена такъ, „что безъ цѣлевыхъ разсчетовъ невозможно было бы никакое дѣйствіе, говоритъ проф. Петражицкій, это было бы громадною растратой жизненной энергіи и времени, особенно зловредной для существъ въ тѣхъ случаяхъ, когда для спасенія жизни и удачнаго осуществленія иныхъ біологическихъ функцій требуется моментальная реакція, вообще быстрое приспособленіе къ обстоятельствамъ. Сложный психическій процессъ цѣлевой мотиваціи требуетъ соотвѣтственно большой затраты времени, и занятіе цѣлевыми разсчетами со стороны индивида вело бы нерѣдко къ его гибели“. [1]). Дѣйствительно въ такомъ

---

[1]) Петражицкій. Op. cit. стр. 19.

Изъ сказаннаго видно, что говорить о сознаніи, какъ цѣлеполаганіи, совершенно немыслимо и невозможно. Поэтому, думать вмѣстѣ съ Іерингомъ, напр., что хотя привычные акты и не сопровождаются сознаніемъ, но все же они цѣлевые акты—никоимъ образомъ нельзя. Правда, на это намъ возражаютъ слѣдующее и возражаютъ не только такія лица, какъ Іерингъ, но и такіе компетентные біо-психологи, какъ В. А. Вагнеръ, точно также отождествляющій разумъ съ цѣлеполагательностью. Въ отвѣтъ на мое замѣчаніе по поводу его II-го т. Біо-психологіи, что нельзя отождествлять разумъ (сознаніе), съ цѣлеполагательностью, многоуважаемый ученый въ своей статьѣ „Біологи и юристы въ вопросахъ сравнительной психологіи“ пишетъ: „я вовсе не утверждаю, будто-бы такихъ случаевъ, когда разумныя дѣйствія (или слова) у человѣка могутъ быть лишены цѣли—не бываетъ. Такіе случаи возможны.., но, такіе случаи ничего не измѣняютъ въ справедливости сдѣланнаго мной утвержденія, на которомъ я настаиваю, а именно, что разумные акты, въ отличіе отъ актовъ не разумныхъ (инстинктивныхъ) являются цѣлепонимательными. Случаи, когда цѣль дѣйствія не представляется ясной для производящаго это дѣйствіе человѣка или вовсе исчезаетъ у него изъ вида... могутъ быть либо онтогенетическаго происхожденія, когда слова или дѣйствія вслѣдствіе повторности обращаются сначала въ привычку, а затѣмъ во вторично-автоматическій актъ, либо могутъ быть филогенетическаго происхожденія, когда дѣйствія или слова удерживаются цѣлымъ рядомъ поколѣній въ качествѣ пережитковъ прошлаго

случаѣ человѣкъ, подобно Гамлету, долженъ былъ бы вѣчно „маячить“ между „быть и не быть“ и больше говорить и разсуждать, чѣмъ дѣлать.

Въ силу всего сказаннаго, 1-й тезисъ этой теоріи мы считаемъ непріемлемымъ, т.-е. не находимъ возможности утверждать, что организація любой соціальной группы создана преднамѣренно, произвольно, въ силу тѣхъ или иныхъ цѣлевыхъ соображеній,—пользы, безопасности, экономіи силъ, лучшаго удовлетворенія своихъ потребностей и т. д... Утверждать это невозможно даже относительно современнаго, культурнаго человѣка, утверждать же это, напр., по отношенію къ австралійскимъ негритосамъ, или бушменамъ — было бы непростительной ошибкой. Даже сами формы мышленія ихъ, какъ это недурно показалъ Леви-Брюль, отличны отъ нашихъ законовъ логики и

уцѣлѣвшихъ отъ времени, когда слова эти или дѣйствія имѣли ясно выраженную опредѣленную цѣль. Традиціи передаются въ качествѣ соціальнаго наслѣдства такъ же, какъ передаются инстинкты, хотя и другими путями и на основаніи другихъ законовъ“. См. мою рецензію на вышеупомянутую книгу, Вѣстн. психологіи 1913 г. вып. II й. Отвѣтъ В. А. Вагнера. Вѣстн. психол. 1913 г. вып. III-й. См. аналогичную же аргументацію у Іеринга. Цѣль въ правѣ, стр. 14, 15.

Если бы даже все дѣло и обстояло такъ, какъ пишетъ проф. Вагнеръ, то и тогда нѣтъ основанія отождествлять разумъ (т.-е. психику, сознаніе въ нашемъ смыслѣ), съ цѣлепонимательностью, ибо самимъ же проф. Вагнеромъ констатируется, что могутъ быть акты разумные, но не цѣлепонимательные. Какъ они произошли—это уже вопросъ другой. А важно то, что феноменологія психическихъ процессовъ намъ даетъ акты разумные, но не цѣлевые. Въ каждый данный моментъ имѣются у насъ, слѣд., поступки разумные, но разнородные: одни сопровождаются цѣлевыми представленіями, другіе—нѣтъ, а потому игнорировать эту разнородность и называть оба класса явленій однимъ и тѣмъ же терминомъ „цѣлепонимательныхъ или цѣлеполагательныхъ“ —не позволительно съ логической точки зрѣнія... Это одно. Во-вторыхъ, намъ думается, что нельзя смѣшивать актовъ хотя и разумныхъ, но не цѣлевыхъ, съ автоматически-привычными актами, какъ это дѣлаетъ нашъ выдающійся біо-психологъ. Категорія автоматически-привычныхъ актовъ сплошь и рядомъ не сопровождается никакимъ сознаніемъ, т.-е. разумомъ, она сплошь и рядомъ стоитъ внѣ психики, или сознанія. Это слѣдуетъ, во-первыхъ, изъ того, что не всякій нервный процессъ сопровождается сознаніемъ. (См. Гефдингъ. Очерки психологіи, стр. 71). Во-вторыхъ, изъ того, что рядъ привычныхъ актовъ, напр., акты, состоящіе въ управленіи велосипедомъ, лодкой, акты „хорошихъ манеръ“, разговора (самого подбора словъ), разъ они стали автоматическими, то они совершаются „безсознательно“. Я могу править велосипедомъ, думая совершенно о другомъ, могу имѣть „хорошія манеры“, будучи занятымъ совершенно иными дѣлами и мыслями и т. д. Въ силу этого, аргументъ, что всѣ разумные,

не подчинены, напр., закону противорѣчія, а управляются отличнымъ отъ него „закономъ соучастія“ (Loi de participation) [1]). Требовать полную цѣлепонимательность своихъ актовъ отъ дикаря—это значило бы требовать отъ него то, что нельзя требовать, какъ мы видѣли, и отъ современнаго человѣка, а отсюда правило: нельзя думать, чтобы та или иная структура соціальн. группы была создана цѣлепонимательно, преднамѣренно, съ опредѣленнымъ разсчетомъ и т. д.

b) Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію второго основного тезиса школы „финалистовъ“, тезиса—„цѣлесообразности“ или полезности преднамѣренно созданной организаціи и цѣлесообразности нормъ поведенія должнаго, недолжнаго и рекомендованнаго. Такъ, напр., Макаревичъ, какъ и многіе другіе, настаивая на цѣлесообразности преднамѣренно созданной организаціи аргументируетъ свое положеніе такими фактами: существующій во многихъ первобытныхъ группахъ обычай убивать дѣтей, стариковъ, былъ несомнѣнно полезенъ при недостаткѣ средствъ существованія, пьедерастія, установленная якобы преднамѣренно въ рядѣ группъ,—то же была полезна, такъ какъ вела къ невозможности роста соціальной группы, что при ограниченности

но не цѣлевые акты, ееть акты автоматически-привычные—переваливаетъ черезъ край. Такіе акты—совсѣмъ безсознательны, и потому въ счетъ итти не могутъ... Надо было доказать, что акты разумные, но не цѣлевые есть тѣ же цѣлевые разумные акты, но утратившіе цѣль, благодаря повторенію, а вмѣсто этого получается тезисъ: могутъ быть акты вначалѣ разумно-цѣлевыми, но затѣмъ, они могутъ, благодаря повторенію, сдѣлаться безсознательными. Ясно, что это не то, что требовалось подтвердить! Въ-третьихъ, въ силу второго положенія, весьма спорнымъ становится и происхожденіе разумно (сознательно) не цѣлевыхъ актовъ, спорнымъ становится утвержденіе, что разумно—не цѣлевые акты суть многократно-повторявшіеся цѣлепонимательные акты. Во всякомъ случаѣ, наблюденія надъ своими и чужими поступками говорятъ, что для происхожденія такихъ актовъ вовсе не обязательно многократное повтореніе.

Дѣти, напр., сплошь и рядомъ, послѣ словъ „папы“, что „мучить кошку—не хорошо и гадко“, что „лгать—нельзя“ и т. д.—при видѣ подобныхъ актовъ, реагируютъ на это словами: „мучить кошку—гадко“, лгать—нельзя“ и т. п., не имѣя ни многократнаго повторенія, ни какой-нибудь цѣли, но сопровождая свой актъ сознаніемъ и исходя изъ положенія „не для того, чтобы“, а „потому что, такъ сказалъ папа“. Подобныхъ фактовъ можно привести ad libitum. Въ силу всего сказаннаго, мы не находимъ возможности и въ данномъ пунктѣ присоединиться къ „финалистамъ“.

[1]) См. Левн-Брюль. Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures. Paris. 1912.

средствъ существованія было весьма полезно и т. д. [1]). Вообще согласно положеніямъ этого теченія приходится сказать: запрещенные акты были запрещены потому, что они признаны были вредными для жизни группы, и дѣйствительно были вредны. „Должные“ акты установлены потому, что они признаны были необходимыми для жизни и благосостоянія группы и дѣйствительно были таковыми. Рекомендованными же дѣлались тѣ или иные акты, потому, что они признаны были полезными и дѣйствительно были таковыми.

Теперь спросимъ себя: вѣренъ ли этотъ тезисъ? Прежде всего ясно, что въ приводимыхъ Макаревичемъ случаяхъ не приходится искать преднамѣреннаго установленія хотя бы по той простой причинѣ, что первобытный человѣкъ ужъ больно мудрымъ выходитъ въ его изображеніи, такимъ мудрымъ, что знаетъ даже о причинной связи акта полового общенія и его слѣдствія—рожденія, наступающаго въ общемъ черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ акта. Дедуктивно можно предвидѣть, что такая мудрость едва ли можетъ быть приписываема первоб. человѣку и вообще дикарю. Факты подтверждаютъ вполнѣ эту дедукцію. Преднамѣреннаго установленія здѣсь не могло быть хотя уже потому, что дикари причиной рожденія человѣка считаютъ вовсе не половой актъ (а потому для избѣжанія увеличенія народонаселенія группы и не могутъ преднамѣренно устанавливать пьедерастію), и ни въ какую связь его съ рожденіемъ не ставятъ, а объясняютъ рожденіе иначе. Рожденіе для нихъ есть воплощеніе души предка въ женщину или самку, которая случайно проходила мимо мѣстопребыванія души: камня, дерева, растенія и т. д. У австралійцевъ, напр., по даннымъ Спенсера и Гиллена есть даже спеціальныя мѣста и вещи, въ которыхъ обитаютъ души („нанья“, „чуринги“, „камни эратипа“). Когда женщина проходитъ вблизи ихъ—они „впрыгиваютъ“ въ нее и появляются на Божій свѣтъ въ видѣ новаго человѣка. Если женщина, принужденная проходить мимо такихъ мѣстъ, не хо-

---

[1]) Макаревичъ. Op. cit. 45 и слѣд. Das was für eine gegebene sociale Gruppe schädlich ist, muss von derselben als schlecht aufgefasst werden, was für sie nützlich ist, als gut. (45). Die Tugend ist diejenige Richtung des Willens, diese psychische Kraft, welche sich in gesellschaftlich nützlichen Handlungen aussert (58) и т. д.

четъ имѣть ребенка—она горбится, подражаетъ движеніямъ старухи и говоритъ: „не тронь меня, я старая женщина“ [1]).

Какъ согласовать эти факты и „теоріи рожденія съ пьедерастіей, якобы преднамѣренно установленной съ цѣлью избѣжать увеличенія населенія группы?

То же можно сказать и о другихъ „преднамѣренно“ установленныхъ нормахъ и обычаяхъ. Говорить о преднамѣренности здѣсь можно лишь, не зная подлиннаго положенія дѣла. Тоже слѣдуетъ сказать и объ Іерингѣ съ его „эгоистически—мудрымъ“ человѣкомъ, только и занятымъ взвѣшиваніемъ выгодъ и невыгодъ, пользы и вреда [2]). „Раціонализированные Гамлеты“, какими рисуются въ изображеніи финалистовъ люди вообще и первобытные люди, въ частности, есть фикція и плодъ ихъ „научной“ фантазіи, плохо знакомой съ данными этнографіи, психологіи и антропологіи.

Что же касается того, полезны ли и цѣлесообразны ли были тѣ или иные обычаи, установившіеся въ соціальныхъ группахъ то мы, признавая, что часто они были дѣйствительно полезными, хотя и создавались не преднамѣренно, никоимъ образомъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, что они всегда были полезны. Допустить послѣднее— значило бы допустить „предустановленную гармонію“ или же приписать первобытнымъ людямъ такую дозу премудрости, какой не только они, но и самые культурные люди не могутъ обладать.

Вполнѣ правъ Дюркгеймъ, когда говоритъ, что „есть не мало моральныхъ обычаевъ, которые не менѣе обязательны, чѣмъ другіе, и въ которыхъ, однако, нельзя замѣтить, какую пользу они могутъ принести группѣ. Какова общественная польза того уваженія къ мертвымъ, нарушеніе котораго, между тѣмъ, для насъ такъ особенно ненавистно, той утонченной стыдливости, кото-

---

[1]) См. аналогичн. факты, у Фразера. Тотэмизмъ и экзогамія. (англ. текстъ) т. IV. 1910 г. стр. 59.

Стреловъ. Die. Aranda—und Loritja-Stämme in Zentr. Australien. Франкф.—на Майнѣ. 1907 г., предисловіе.

[2]) См. напр., у Іеринга объясненіе смѣны обычая поголовнаго истребленія врага—обычаемъ обращенія его въ рабство. Примитивный человѣкъ у него становится какимъ-то бухгалтеромъ, математикомъ, вписывающимъ въ свою конторскую книгу выгоды и невыгоды каждаго акта и обычая. Только Іерингъ и могъ такъ „обуржуазить“ дикаря. Цѣль въ правѣ. 185—187.

рую культурные классы соблюдаютъ, какъ повелительный долгъ? Спенсеръ прекрасно доказалъ, что широкая филантропія, вошедшая у насъ теперь въ нравы, не только безполезна, но даже вредна для общества.

Она имѣетъ результатомъ сохраненіе жизни массы неспособныхъ, которые не только ни къ чему не годятся, но еще мѣшаютъ своимъ присутствіемъ свободному развитію другихъ.

Нельзя отрицать того, что мы содержимъ въ нашихъ госпиталяхъ цѣлое народонаселеніе изъ кретиновъ, идіотовъ, сумасшедшихъ, неизлѣчимыхъ всякаго рода,... существованіе которыхъ поддерживается только лишеніями, падающими на здоровыхъ и нормальныхъ работниковъ; нѣтъ такой тонкой діалектики, которая могла бы уничтожить свидѣтельство фактовъ“;... помимо того „въ современныхъ націяхъ существуетъ все увеличивающаяся масса вырождающихся, этихъ вѣчныхъ кандидатовъ на самоубійство или преступленіе, этихъ творцовъ безпорядка и дезорганизаціи, на которыхъ мы тратимъ материнскія заботы, распространенію которыхъ мы покровительствуемъ, хотя они представляютъ для будущаго все болѣе опасную угрозу“... Несмотря на прямой вредъ такихъ шаблоновъ, „однако, чѣмъ болѣе мы подвигаемся впередъ, тѣмъ болѣе развивается эта столь мало экономическая добродѣтель“...

„Ко всѣмъ этимъ примѣрамъ можно было бы присоединить еще массу другихъ, какъ, напр., правило, требующее почитанія старшихъ, или то, которое запрещаетъ мучить животныхъ и т. д.

Нѣкогда для еврея поѣсть свинины было настоящимъ моральнымъ преступленіемъ; однако, врядъ ли можно было бы утверждать, что этотъ обычай былъ необходимъ для еврейскаго общества.

Полезны обществу или нѣтъ моральные обычаи—очевидно, что вообще они установились не въ виду этой цѣли; ибо для того, чтобы общая польза могла быть источникомъ моральной эволюціи, надо было бы, чтобы въ большинствѣ случаевъ она могла быть объектомъ для представленія достаточно яснаго и способнаго опредѣлить поведеніе“. Но эту тонкость утилитарныхъ соображеній, сознательнаго расчета, настойчивости въ достиженіи отдаленной пользы нельзя требовать не только отъ древняго, но сплошь и рядомъ и отъ современнаго человѣка.

И теперь мы не можемъ достаточно ясно предвидѣть даже нашу личную выгоду и быть увѣреннымъ въ ея достиженіи.

Для этого „надо принять въ расчетъ такую массу обстоятельствъ и условій, надо имѣть столь совершенное и полномѣрное понятіе о вещахъ, что увѣренность въ подобныхъ случаяхъ становится невозможной. Но еще гораздо труднѣе добиться увѣренности, когда дѣло идетъ о выгодѣ не отдѣльной личности, а цѣлаго общества... Для этого необходимы способности предвидѣнія и комбинированія въ такой мѣрѣ, въ какой ихъ далеко не имѣется у средняго человѣка... Итакъ, очевидно, что моральныя заповѣди мало-мальской сложности не имѣли первоначальной цѣлью общественнаго интереса“ [1]).

Лишнимъ подтвержденіемъ сказаннаго служитъ то, что и теперь, несмотря на методическое стремленіе построить науку „общественной или соціальной политики“ или „соціальной гигіены“ почти всѣ попытки остаются еще малоуспѣшными.

Трудно видѣть какую-нибудь пользу въ обычаяхъ, требовав-

---

[1]) Дюркгеймъ. О раздѣленіи общественнаго труда. Одесса. 1900. стр. 9—11.

Правда, на это можно возразить, что обычаи казались полезными обществу. „Но такое объясненіе не объясняетъ ничего, ибо оно не даетъ намъ понять, почему въ такомъ множествѣ случаевъ общества обманывались и налагали обычаи, которые сами по себѣ не были даже полезны. Въ концѣ концовъ это мнимое рѣшеніе проблемы сводится къ труизму, ибо, если общества принуждаютъ всякаго индивида повиноваться этимъ правиламъ, то, конечно, потому, что—вѣрно или нѣтъ—они думаютъ, будто это правильное, пунктуальное повиновеніе необходимо для насъ; потому что они сильно связаны съ нимъ. Значитъ, это все равно, какъ если бы сказали, что об-ва считаютъ эти правила необходимыми потому, что считаютъ ихъ необходимыми. Намъ же слѣдовало объяснить, почему они ихъ считаютъ таковыми“. Ibid. 54.

„Безъ сомнѣнія, взгляды и привычки, одинаково принадлежащіе значительной части человѣчества, въ большинствѣ случаевъ представляютъ результаты здраваго сужденія и практической мудрости,—говоритъ Э. Тейлоръ. Но во многихъ другихъ случаяхъ мы видимъ совершенно иное. Изъ того, что многія обширныя общества людей вѣрили вліянію дурного глаза и различныхъ созвѣздій, приносили въ жертву тѣламъ умершихъ—рабовъ и различные предметы, поддерживали преданія объ исполинахъ, убивающихъ чудовищъ, и о людяхъ, обращающихся въ звѣрей—изъ всего этого есть основаніе заключать, что подобныя идеи были дѣйствительно порождены извѣстными, соотвѣтственными причинами, но еще нѣтъ основанія утверждать, что упомянутые обряды на самомъ дѣлѣ полезны, вѣрованія раціональны и преданія достовѣрны“. Исторія культуры, т. I, стр. 12. СПБ. 1896.

См. также Vaccaro. Genesi e funzione delle leggi penali. 1908, стр. 44, 45, и Дюркгеймъ. Les formes élémentaires de la vie religieuse. Paris. 1912 г. стр. 114 (примѣчаніе), 373 и др.

шихъ жертвъ при постройкѣ дома, въ запретахъ употреблять въ пищу животныхъ, которыя были совершенно безвредны, въ безконечныхъ жертвахъ, закалавшихся на могилѣ царьковъ или умершихъ вообще (закланіе женъ, рабовъ, лошадей и т. д.) Трудно также видѣть разумность и цѣлесообразность въ такихъ приказахъ и запрещеніяхъ, какъ слѣдующіе. На Мадагаскарѣ ложь и обманъ считаются вполнѣ дозволенными, но преслѣдовать сову или кошку—есть величайшее преступленіе. На островѣ Самбу пройти случайно по тѣни кого-нибудь—есть величайшее преступленіе. Убить священное животное въ древнемъ Египтѣ—значило подвергнуться неминуемо смертной казни. Въ Китаѣ величайшее преступленіе—не носить траура послѣ смерти родственниковъ [1]). На островѣ Фиджи если кто-нибудь недостаточно низко кланялся вождю—онъ тутъ же убивался на мѣстѣ. Въ Королевствѣ Уганда сановникъ, „выставившій на одинъ только дюймъ свою голую ногу, въ то время, когда должно сидѣть скорчившись, или завязавшій свою „твиди“ противно правиламъ“—подвергался смертной казни [2]). Не легко замѣтить также полезность и разумность и такихъ предписаній: „30-ти лѣтній мужчина долженъ жениться на двѣнадцатилѣтней, двадцатичетырехлѣтній на восьмилѣтней дѣвушкѣ“ [3]). Брахманъ „не долженъ задувать огня своимъ ртомъ“, „онъ никогда не долженъ смотрѣть на солнце, когда оно заходитъ или восходитъ, затмевается или отражается въ водѣ, или стоитъ по срединѣ неба“; онъ не долженъ ѣсть, имѣя на себѣ только одну одежду; онъ не долженъ купаться нагимъ, онъ не долженъ дѣлать урины на дорогѣ, на пепелъ, или въ загонѣ для коровъ“ [4]) и т. д.

Было бы безполезно приводить подобные запреты и приказы. Не только отъ древнихъ обществъ, но и въ современныхъ обществахъ есть столько нецѣлесообразныхъ и прямо вредныхъ приказовъ и запретовъ, заблужденій и ошибокъ, что нельзя не согласиться съ слѣдующими словами того же Vaccaro: „Un giorno i nostri nepoti ritterranno come irragionevoli e barbari molti dei nostri costumi e delle nostre leggi, e ne avranno ben d'onde“ [5]).

---

[1]) См. Vaccaro. Genesi. стр. 43—45.
[2]) Спенсеръ. Осн. соц. т. II. 229.
[3]) Ману. 9, 94.
[4]) Ibid. 9. 35—80 и др.
[5]) Op. cit. 45.

Многіе изъ обычаевъ имѣли пользу, но многіе были прямо вредными, такъ что поддерживать и второй тезисъ финалистовъ мы не можемъ. Даже и тѣ обычаи, которые были полезны—и тѣ установились, какъ было показано выше, въ большинствѣ случаевъ не преднамѣренно, и не ради какой-то цѣли, а внѣ всякихъ цѣлевыхъ соображеній—спонтанно и „случайно“, отчасти подъ вліяніемъ естественнаго подбора.

---

§ 2.

Безсознательное возникновеніе соціальной организаціи.

Итакъ, согласно сказанному въ приложеніи къ человѣческому обществу, обѣ теоріи слѣдуетъ признать односторонними. Чтобы отчетливо представлялся порядокъ послѣдующаго изложенія, формулируемъ по возможности ясно основныя положенія, о которыхъ мы намѣрены вести рѣчь...

1) Совокупность всѣхъ актовъ, совершаемыхъ человѣкомъ, можетъ быть раздѣлена на двѣ части: a) на акты, сопровождаемые сознаніемъ или психическими переживаніями и b) на акты безсознательные. Въ pendant къ этому можно сказать: совокупность всѣхъ взаимоотношеній, существующихъ въ соц. группѣ, могутъ быть раздѣлены натѣ же двѣ категоріи.

2) По своему происхожденію одни акты, выполняемые человѣкомъ, возникли безсознательно, другіе—сознательно, и въ частности—подъ вліяніемъ цѣлевой мотиваціи.

Въ pendant къ этому можно утверждать: совокупность всѣхъ устойчивыхъ взаимоотношеній, данныхъ въ группѣ и образующихъ ея организацію, по своему происхожденію можетъ быть раздѣлена на отношенія: a) возникшія сознательно и b)—безсознательно. (При чемъ не слѣдуетъ думать, что безсознательными являются обязательно отношенія и акты безсознательно

возникшіе, а сознательными—сознательно установленные. Одно дѣло—сознательное или безсознательное п р о и с х о ж д е н і е ихъ, другое—сознательность или безсознательность и х ъ в ы п о л н е н і я и л и с о в е р ш е н і я въ каждый данный моментъ).

Сообразно съ этими тезисами, порядокъ вопросовъ, которыхъ мы принуждены коснуться, рисуется въ такомъ видѣ:

1) Прежде всего мы должны отвѣтить на вопросъ: какъ возможно безсознательное происхожденіе шаблонныхъ актовъ и въ pendant къ этому, какъ возможно безсознательное установленіе организаціи?

2) Слѣдующій вопросъ гласитъ: какъ возникаетъ вообще сознаніе (психика), а въ связи съ этимъ, чѣмъ вызывается переходъ безсознательныхъ актовъ въ сознательные? Въ связи съ этимъ

3) 3-й вопросъ будетъ гласить: какова механика перехода безсознательныхъ актовъ въ сознательные и обратно?

Послѣ этихъ вопросовъ мы уже можемъ заняться анализомъ природы самихъ актовъ и природы общественныхъ взаимодѣйствій.

Итакъ, какъ возможно безсознательно—механическое происхожденіе шаблонныхъ актовъ и шаблонныхъ взаимоотношеній, образующихъ скелетъ групповой организаціи?

Начнемъ съ простѣйшихъ случаевъ.

Жизнь, говоритъ Спенсеръ, это постоянное п р и с п о с о б л е н і е внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ отношеніямъ [1]). Я не буду входить въ обсужденіе того вопроса, насколько полно и всесторонне въ этомъ опредѣленіи схваченъ феноменъ жизни. Для меня важно только то, что каждый носитель жизни, т.-е. каждый организмъ представляетъ нѣчто такое, что для своего существованія должно постоянно приспособляться къ окружающимъ его условіямъ, иначе говоря, должно хранить извѣстное равновѣсіе между совокупностью его силъ и между силами окружающей его внѣшней среды. Пока это равновѣсіе есть—организмъ, какъ нѣкоторое „единство“, существуетъ, разъ это равновѣсіе нарушено—организмъ, при невозможности возстановить его, погибаетъ и перестаетъ существовать, какъ автономное единство... Почему это такъ?—вопросъ другой. Вѣроятно, это объясняется сложностью организованной

---

[1]) Основы біологіи т. I. § 1 и слѣд. § 30.

матеріи, состоящей изъ химическихъ элементовъ чрезвычайно подвижныхъ (кислородъ, водородъ, азотъ, элементы углерода, фосфора, желѣза и кремнеземовъ и т. д.) аллотропично-изомеричныхъ, способныхъ принимать различные виды. Эта сложность состава, при подвижности и разнородности химическихъ реакцій элементовъ, и дѣлаютъ, вѣроятно, чрезвычайно измѣнчивой и подвижной организованную матерію.

Какъ бы то ни было, но взаимозависимость организма отъ среды, указываемая Спенсеромъ, несомнѣнна.

Отсюда вытекаетъ слѣдующее положеніе: чѣмъ сложнѣе среда, окружающая индивида, чѣмъ она измѣнчивѣе, тѣмъ долженъ быть сложнѣе организмъ, тѣмъ онъ долженъ быть дифференцированнѣе, чтобы имѣть возможность сопротивляться измѣнчивому вліянію среды и поддерживать равновѣсіе, нарушаемое измѣненіями внѣшнихъ силъ, грозящихъ разрушить организмъ.

Это положеніе подтверждается эмпирическими данными.

Въ глубинѣ морей, гдѣ царствуетъ спокойствіе и однообразіе—и организмы въ высшей степени просты. Это—просто однообразныя, желатиноподобныя массы, не имѣющія почти никакой дифференціаціи.

Нѣсколько выше, гдѣ среда уже менѣе однообразна, гдѣ даны и теченія и рядъ другихъ измѣненій—и организмы уже сложнѣе: тамъ встрѣчаются инфузоріи и рядъ простѣйшихъ организмовъ, обладающихъ зачатками дифференціаціи.

Наконецъ, еще выше, гдѣ даны и воздѣйствіе свѣта, и теплоты, и различныхъ механическихъ и органическихъ факторовъ, гдѣ вообще среда уже болѣе сложна—тамъ и организмы болѣе сложны и дифференцированы...

То же наблюдается и на земной поверхности. Чѣмъ сложнѣе среда—тѣмъ сложнѣе и организмъ. Соціальная среда человѣка (какъ увидимъ ниже) есть самая сложная среда, поэтому неудивительно, что человѣкъ самое сложное, и самое дифференцированное существо изъ всѣхъ организмовъ...[1]).

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что равновѣсіе между внутренними силами организма и внѣшними силами можетъ быть достигнуто лишь тогда, когда организмъ п р и с п о с о б л я е т с я къ этимъ внѣшнимъ силамъ (къ средѣ), а приспособленіе въ свою

---

[1]) См. объ этомъ. V a c c a r o. Les Bases sociologiques du Droit et de l'Etat. Paris—1898. 1-я гл. 6 стр. и слѣд.

очередь означаетъ, что организмъ опредѣленнымъ образомъ привыкаетъ реагировать на то или иное внѣшнее раздраженіе.

Если среда остается болѣе или менѣе однообразной—то и рядъ функцій организма, возстановляющихъ равновѣсіе, разъ достигнуто приспособленіе—спонтанно повторяется каждый разъ, какъ только начинаетъ дѣйствовать соотвѣтствующій раздражитель. На ту или иную акцію со стороны среды организмъ отвѣчаетъ соотвѣтствующей реакціей. Разъ эти раздраженія среды не измѣняются рѣзко, а долгое время остаются неизмѣнными—то однообразными остаются и тѣ акты со стороны организма, посредствомъ которыхъ онъ приспособляется къ нимъ. А въ силу такого многочисленнаго повторенія въ итогѣ получается то, что эти акты приспособленія или возстановленія равновѣсія превращаются въ простой шаблонъ, т.-е. слѣдуютъ безъ всякаго затрудненія каждый разъ, какъ только данъ соотвѣтствующій раздражитель [1]).

Конечно, этотъ процессъ приспособленія, наблюдаемый на

---

[1]) Я не останавливаюсь на роли страданія и удовольствія въ этомъ процессѣ созданія шаблоновъ. Несомнѣнно, однако, что ихъ роль (въ царствѣ высшихъ животныхъ) весьма значительна въ томъ смыслѣ, что въ общемъ состояніе равновѣсія или гармоніи со средой есть въ то же время и состояніе нестрадательное, тогда какъ диссонансъ со средой, неприспособленность, ведущая къ гибели—сопровождается и состояніемъ страдательнымъ, слѣдовательно, вызываетъ стимулъ къ уничтоженію этого диссонанса, иначе говоря, рядъ актовъ, безсознательно направленныхъ къ приспособленію къ средѣ. При значительномъ числѣ повтореній актовъ приспособленія между этими актами и удовольствіемъ образовывается связь, своего рода ассоціація, которая и побуждаетъ организмъ возстанавливать равновѣсіе каждый разъ, какъ оно нарушено. Такимъ образомъ, въ общемъ нельзя отрицать значительную роль страданія и наслажденія въ возникновеніи шаблонныхъ актовъ приспособленія. Однако, нельзя эту роль преувеличивать, какъ сдѣлали это, напр., Паттенъ и Л. Уордъ въ своихъ работахъ, утверждая, что страданіе и наслажденіе—главные и единственные факторы цивилизаціи. Нельзя, во-первыхъ, потому, что гедонистическая мотивація есть въ большинствѣ случаевъ слѣдствіе, а не причина тѣхъ или иныхъ актовъ, вызываемыхъ неприспособленностью, во-вторыхъ, потому, что не всегда состояніе удовольствія есть и состояніе біологически-полезное для сохраненія жизни... Очень часто состояніе удовольствія есть состояніе вредное для жизни организма. Поэтому нельзя всякую динамику организмовъ сводить къ тому или иному чувственному состоянію, что, конечно, не мѣшаетъ признанію за этими факторами важной роли.

(См. работы Уорда, „Психическіе факторы цивилизаціи“. Очерки соціологіи и Динамич. соціологію и замѣчанія Ваккаро въ „Les Bases sociologiques. гл. II. 26—47.).

всѣхъ ступеняхъ жизни, не совершался такъ быстро и такъ просто. Нужны были иногда десятки поколѣній, чтобы тотъ или иной видъ животныхъ или растеній могъ выработать такіе „приспособляющіе“ шаблонные акты.

Цѣлые виды, при измѣненіи условій, не могли приспособиться и уничтожились. Смѣна геологическихъ періодовъ, какъ мы знаемъ, была и смѣной животныхъ и растительныхъ видовъ, т.-е. исчезновеніемъ ряда видовъ, не сумѣвшихъ приспособиться, и появленіемъ новыхъ видовъ, въ достаточной степени измѣнившихся и выработавшихъ новые шаблонные акты, приспособлявшіе ихъ къ новымъ условіямъ.

Такимъ образомъ, появленіе шаблонныхъ актовъ обязано ничему иному, какъ однообразію условій и ихъ большей или меньшей неизмѣнности. Если условія эти несложны, однообразны и и не подвержены рѣзкимъ и быстрымъ колебаніямъ, то и организмъ простъ, несложенъ и недифференцированъ, ибо приспособленіе къ несложной средѣ возможно и при несложности организма. Если же среда, въ которой живетъ организмъ, сложна, то и организмъ, для поддержанія необходимаго для жизни равновѣсія или приспособленія, долженъ дифференцировать свои реакціи, а эти реакціи, дифференцировавшись и повторяясь много разъ, въ свою очередь вызываютъ глубокія измѣненія организма и превращаются въ шаблонный актъ.

Всѣ „инстинкты“ животныхъ и шаблонныя реакціи растеній, напр., мимозы и нѣкоторыхъ насѣкомоядныхъ растеній, шаблонно реагирующихъ на извѣстныя внѣшнія раздраженія, и представляютъ ничто иное, какъ созданные, такимъ образомъ многократно—повторявшіеся въ теченіе поколѣній акты реагированія на однообразныя раздраженія среды.

Всякій организмъ, мало-мальски дифференцированный, имѣетъ такіе шаблоны поведенія и, пожалуй, всѣ акты низшихъ животныхъ сводятся къ такимъ шаблоннымъ актамъ [1]).

Мало того, вся анатомическая структура любого организма, всѣ его органы, ткани, форма и функціи различныхъ частей организма можетъ и должна разсматриваться, какъ застывшіе,

---

[1]) Отсюда видно, что эти безсознательные шаблоны поведенія или взаимоотношенія организма и среды представляютъ рядъ тѣхъ актовъ, которые Л. І. Петражицкій, называетъ актами, имѣющими простѣйшую, чисто эмоціональную мотивацію.

овеществленные шаблоны, какъ результатъ многократнаго повторенія однообразныхъ актовъ, необходимыхъ для приспособленія или поддержанія равновѣсія между организмомъ и средой...

Это явленіе кратко формулируется современной физіологіей въ видѣ положенія „функція создаетъ органъ“, положенія воспроизводящаго въ основныхъ чертахъ законы, установленные безсмертнымъ Ламаркомъ. Приведемъ ихъ. П е р в ы й з а к о н ъ. „У всякаго животнаго, не достигшаго предѣла своего развитія, болѣе частое и продолжительное употребленіе какого бы то ни было органа укрѣпляетъ мало-помалу этотъ органъ, развиваетъ его, увеличиваетъ и сообщаетъ ему силу, пропорціональную продолжительности его употребленія; тогда какъ постоянное неупотребленіе органа непремѣнно ослабляетъ его, приводитъ въ упадокъ, прогрессивно уменьшаетъ его способности и, наконецъ, заставляетъ его исчезнуть“.

„В т о р о й з а к о н ъ. Все, что природа заставила особей пріобрѣсти или утратить подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, въ которыхъ съ давнихъ поръ пребывала ихъ порода и, слѣдовательно, подъ вліяніемъ преобладающаго употребленія извѣстнаго органа или подъ вліяніемъ постояннаго неупотребленія извѣстной части, все это сохраняетъ—путемъ размноженія, въ новыхъ особяхъ, происходящихъ отъ прежнихъ, если только пріобрѣтенныя измѣненія общи обоимъ поламъ, или тѣмъ особямъ, отъ коихъ произошли новыя“. „Это двѣ неизмѣнныя истины, которыхъ не признаютъ развѣ только тѣ, кто никогда не наблюдалъ природы и не слѣдилъ за ея дѣйствіями, или тѣ, кто впалъ въ заблужденіе, съ которымъ мнѣ приходится теперь бороться“.

„Въ этомъ отношеніи люди ужъ давно какъ бы предугадали истинное положеніе вещей—почему создалось даже слѣдующее изреченіе, перешедшее въ общеизвѣстную пословицу: привычка—вторая натура“.

„Не органы, т.-е. не природа и форма частей тѣла животнаго обусловливаютъ привычки и частныя способности послѣдняго, но напротивъ, его привычки, его образъ жизни и тѣ внѣшнія условія, въ которыхъ находились особи, отъ коихъ данное животное произошло, обусловили съ теченіемъ времени форму его тѣла, число и состояніе его органовъ и, наконецъ, присущія ему способности“.

„Время и благопріятныя внѣшнія обстоятельства являются

двумя главными средствами, которыми пользуется природа, чтобы создать всѣ свои произведенія; извѣстно, что для нея время не имѣетъ границъ, а потому оно всегда въ ея распоряженіи".

„Сила привычекъ такъ велика, что ихъ необыкновенное дѣйствіе сказывается даже на устройствѣ органовъ, и животныя, съ издавна пріобрѣтенными опредѣленными привычками, отличаются по своимъ способностямъ отъ тѣхъ, которыми усвоены другія" [1]).

Исходя изъ этихъ принциповъ, Ламаркъ, какъ извѣстно, не безъ успѣха объяснилъ все разнообразіе животнаго и растительнаго міра.

Сообразно съ этимъ можно вмѣстѣ съ Ле-Дантекомъ сказать: «Жизнь есть послѣдовательная смѣна функцій, а животное (организмъ) послѣдовательная смѣна органовъ, опредѣляемыхъ этими функціями» [2]).

Такимъ образомъ, шаблонный актъ—есть актъ, многократно повторявшійся при однообразныхъ условіяхъ. Поэтому, можно было бы на подобіе Архимеда сказать: дайте мнѣ организмъ и дайте мнѣ неизмѣнныя и приблизительно однообразныя условія, и я вамъ дамъ шаблонный актъ, если только организмъ выживетъ.

Выработанный въ теченіе ряда поколѣній шаблонный актъ передается въ силу наслѣдственности слѣдующимъ поколѣніямъ, если только условія (среда) рѣзко не мѣняются. (Такъ какъ въ дальнѣйшемъ придется не разъ встрѣчаться съ вопросомъ о наслѣдственности, то я здѣсь кратко формулирую свое отношеніе къ нему, исходя изъ данныхъ современной біологіи. Что наслѣдственность вообще существуетъ—это никѣмъ не оспаривается. Спорнымъ является лишь вопросъ о наслѣдственной передачѣ, такъ называемыхъ, индивидуально—пріобрѣтенныхъ признаковъ. Но и среди этихъ признаковъ, передача признаковъ, пріобрѣтенныхъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, почти никѣмъ не оспаривается. (См. К н и п о в и ч ъ. Курсъ общей зоологіи. 362 стр.). Вообще же относительно группы индивидуально пріобрѣтенныхъ признаковъ существуютъ двѣ противоположныя теоріи: теорія Спенсера—Рибо, отвѣчающая положительно на этотъ вопросъ, и теорія Вейсмана—дающая отрица-

---

[1]) Л а м а р к ъ. Философія зоологіи. Москва 1911 г. стр. 189—191, 289 и вся 7-я глава.

[2]) Л е-Д а н т е к ъ. Познаніе и сознаніе. СПБ. 1911 г. стр. 60 и слѣд.

тельный отвѣтъ. Та и другая теорія, согласно изслѣдованіямъ Делажа, Валля, Адами, Гальтона и Ле-Дантека должны быть признаны односторонними и проблема наслѣдственности находитъ свое разрѣшеніе въ слѣдующемъ положеніи: „наслѣдованіе индивидуально-пріобрѣтенныхъ признаковъ достовѣрно и неоспоримо, когда внѣшнія условія, вызвавшія ихъ появленіе, остаются неизмѣнными и простыми; если же эти условія подвижно—измѣнчивы и сложны—наслѣдованіе индивидуально—пріобрѣтенныхъ признаковъ—невозможно“. И вполнѣ понятно, что только таково можетъ быть рѣшеніе вопроса. Вѣдь родовые признаки нѣкогда также (согласно теоріи эволюціи) были индивидуально пріобрѣтенными признаками. Они превратились въ родовые лишь послѣ многократнаго повторенія ихъ въ рядѣ поколѣній при однообразныхъ условіяхъ. Это многократное повтореніе и сдѣлало ихъ родовыми; мало того, изъ того же закона Ламарка вытекаетъ, что и основныя черты рода обязаны своимъ существованіемъ (вплоть до строенія, формы и величины органовъ) тому же повторенію при неизмѣнныхъ условіяхъ. А отсюда неизбѣжно вытекаетъ указанное выше положеніе, которое уничтожаетъ абсолютную границу между «родовыми» и «индив.-пріобрѣтенными» признаками, сводя все различіе къ характеру среды и къ количеству повтореній. (См. Рибо. L'Hérédité psychologique. 1897 г. Вейсманъ. Опытъ о наслѣдственности. Богатую литературу даетъ Draghicesco. Du rôle de l'individu. стр. 58 и слѣд.; см. также Vaccaro. Op. cit. Стр. 11, Вольтманъ. Теорія Дарвина. СПБ. 1900, 197 и слѣд. Дюркгеймъ. Op. cit. (243—262)).

Повтореніе акта въ послѣдующихъ поколѣніяхъ все болѣе и болѣе шаблонизируетъ его, и послѣ достаточнаго числа филогенетическаго повторенія актъ въ концѣ концовъ превращается въ чистый автоматическій шаблонъ, возникающій вполнѣ самопроизвольно (спонтанно) всякій разъ, какъ только данъ соотвѣтствующій внѣшній раздражитель. Таково происхожденіе всѣхъ „рефлексовъ“, „инстинктовъ“ и „автоматическихъ движеній“ всегда шаблонныхъ и самопроизвольныхъ, таково же должно быть происхожденіе и ряда физіологическихъ шаблонныхъ актовъ и процессовъ. „Объективный методъ, говоритъ В. А. Вагнеръ, доказываетъ намъ съ полной очевидностью, что мастеръ инстинктивной работы скрытъ въ ряду вымершихъ поколѣній и что результатъ этого мастерства (филогенетич. повторенія П. С.) у современныхъ представителей даннаго вида фиксированъ въ

точно опредѣленныхъ инстинктахъ“ и т. д. [1]). Таково въ краткихъ чертахъ происхожденіе шаблоновъ.

Теперь спросимъ себя, можно ли эти шаблоны, имѣющіеся почти у всѣхъ представителей животнаго и растительнаго царства, назвать с о з н а т е л ь н о—выработанными, установленными въ виду тѣхъ или иныхъ цѣлевыхъ и утилитарныхъ соображеній?

Отвѣтить положительно на поставленный вопросъ—это значило бы слишкомъ злоупотреблять понятіемъ сознательнаго, это значило бы приписывать сознаніе и интеллектуальныя функціи простѣйшимъ организмамъ, у которыхъ нѣтъ нервной системы, это означало бы антропоморфизировать растительный и животный міръ... Происхожденіе подобныхъ шаблоновъ, несомнѣнно, чисто механическое, руководимое и устанавливаемое не цѣлевыми соображеніями клѣтокъ и не иными видами интеллектуально-эмоціональной мотиваціи, а естественнымъ подборомъ. Если амеба, при прикосновеніи къ ея псевдоподіи сѣрной кислоты, оттягиваетъ ее, если пчела обнаруживаетъ рядъ шаблонныхъ актовъ въ своемъ поведеніи (въ постройкѣ сотъ, въ актахъ кормленія, въ актахъ собиранія меда), если ласточка въ постройкѣ своего гнѣзда, или бобръ въ постройкѣ своего жилья, или кротъ въ постройкѣ своей норы и т. д.—слѣдуютъ одному и тому же шаблону, то это дѣлается не вслѣдствіе какихъ-то утилитарныхъ соображеній или иныхъ видовъ сознательной мотиваціи, а просто автоматически они совершаютъ то, что ими получено по наслѣдству отъ предковъ, а у предковъ въ свою очередь, выработались эти шаблоны не путемъ гаданій и соображеній, а путемъ безсознательнаго многократнаго повторенія однихъ актовъ при относительно-неизмѣнныхъ условіяхъ, подъ „руководствомъ“ подбора...

„Для выясненія психической природы дѣятельности животныхъ, говоритъ тотъ же Вагнеръ (особенно безпозвоночныхъ), нѣтъ надобности ни въ „счастливыхъ мысляхъ“, ни въ „случайныхъ догадкахъ“, которыя будто осѣняли предковъ современной намъ фауны, нѣтъ надобности предполагать у нихъ ни наличности ума, ни наблюдательности, ни способности къ размышленію, которыя за многими изъ нихъ такъ охотно предполагаютъ авторы-монисты ad hominem (Летурно, Эспинасъ, Ро-

---

[1]) В а г н е р ъ. Біо-психологія. 338—339.

Взаимоотношеніе индивида и окружающаго его общества есть только частный видъ взаимоотношенія индивида и внѣшнихъ условій.

Для недѣлимыхъ, не живущихъ общественною жизнью, внѣшнюю среду составляютъ к о с м и ч е с к і я у с л о в і я; для недѣлимыхъ, членовъ общества, въ составъ среды, помимо космическихъ условій, входитъ еще и общество другихъ сочленовъ (соціальная среда); какъ въ первомъ случаѣ необходимо приспособленіе къ космическимъ условіямъ, выражающееся во внѣ въ видѣ ряда шаблонныхъ актовъ, которыми организмъ реагируетъ на привычныя раздраженія, такъ и во второмъ случаѣ необходимо приспособленіе къ той же внѣшней средѣ, въ составъ которой входитъ и общество сочленовъ, приспособленіе, выражающееся также въ рядѣ шаблонныхъ реакцій, слѣдующихъ въ отвѣтъ на соотвѣтствующія раздраженія, исходящія со стороны сочленовъ. Эти шаблонныя акціи и реакціи и составляютъ шаблонныя формы взаимоотношеній

Такимъ образомъ, все сказанное выше о безсознательномъ происхожденіи автоматическихъ шаблоновъ приложимо и къ шаблоннымъ взаимоотношеніямъ общества. Всѣ шаблоны взаимоотношенія пчелъ, муравьевъ, шмелей и т. д.—получены и выработаны, именно, по указанному типу... Поэтому, краткій очеркъ происхожденія безсознательно-шаблонныхъ актовъ организма былъ тѣмъ самымъ и очеркомъ безсознательнаго происхожденія шаблонныхъ взаимоотношеній въ томъ или иномъ обществѣ.

Переходя послѣ этой небольшой экскурсіи въ область безсознательнаго происхожденія шаблоновъ къ человѣческому обществу, спросимъ себя: есть ли въ немъ такіе шаблоны? Отвѣтъ будетъ несомнѣнно положительный. Прежде всего всѣ наслѣдственно полученные шаблоны суть шаблоны, созданные даннымъ, а не инымъ путемъ. Сама анатомическая и вообще біологическая организація человѣка, предопредѣляющая характеръ и форму поведенія,—есть полученный по наслѣдству результатъ, продуктъ естественнаго подбора, выработанный путемъ вышеуказаннаго механизма. Далѣе, въ поведеніи его, предопредѣляемомъ устройствомъ и структурой организма,—имѣется рядъ актовъ чисто шаблонныхъ, представляющихъ результатъ филогенетическаго развитія. Таковы, напр., дѣятельность желудка, легкихъ, сердца, акты иннервацiи мускуловъ, процессы страха, сна, про-

сыпанія, половыя переживанія, переживанія голода, жажды, совокупность тѣхъ актовъ, которые психологи называютъ „рефлексами“, „истинктами“, „первично-автоматическими движеніями“ и т. д... Въ созданіи ихъ не принимали участія никакія утилитарныя, цѣлевыя и вообще сознательныя гаданія... Они создались благодаря дѣйствію всеизмалывающаго жернова—естественнаго подбора, сводящагося къ взаимодѣйствію среды и организма... А совокупность этихъ шаблонныхъ актовъ, въ свою очередь, предопредѣляетъ характеръ и форму взаимоотношеній членовъ общества... При чемъ одни изъ этихъ шаблонныхъ актовъ представляютъ наслѣдство, полученное отъ животныхъ (до человѣческихъ) стадій развитія, другіе же могли появиться уже въ видѣ homo sapiens, и, повторяясь въ рядѣ поколѣній, превратиться въ наслѣдственно передаваемый механическій шаблонъ.

Почему я отдергиваю руку отъ обжегшаго ее огня, почему я засыпаю и просыпаюсь, почему у дѣтей, не имѣвшихъ никогда личнаго опыта, при видѣ тѣхъ или иныхъ предметовъ обнаруживается страхъ [1]), почему при видѣ червяка многіе вскрикиваютъ и обнаруживаютъ тотъ же страхъ, почему совершаются у насъ ассоціаціи по смежности или по сходству, почему ощущеніе равняется логарифму раздраженія и т. д.?—Было бы наивно думать, что въ созданіи этихъ физіологическихъ и психологическихъ шаблоновъ принимали какое-нибудь участіе сознаніе вообще и, въ частности, цѣлевыя соображенія, и что они совершаются ради тѣхъ или иныхъ цѣлей, на основаніи тѣхъ или иныхъ гаданій о пользѣ или вредѣ этихъ шаблонныхъ актовъ. Они созданы „механически“, получены нами по наслѣдству отъ предыдущихъ (частью животныхъ и частью человѣческихъ) поколѣній и спонтанно, сами собой, возникаютъ всякій разъ, какъ только даны соотвѣтствующіе раздражители...

То же относится и къ многимъ шаблонамъ взаимоотношеній въ томъ или иномъ обществѣ. И здѣсь, какъ и въ созданіи шаблонныхъ актовъ пчелы и т. д.,—доминирующая роль остается за естественнымъ подборомъ, за безсознательнымъ приспособленіемъ, продолжающемся иногда десятки и сотни лѣтъ, повтореніемъ ряда актовъ при однообразныхъ условіяхъ и т. д. Если,

---

[1]) См. Рибо. Психологія чувствъ, изд. Павленкова 1899. Стр. 225—227; Петражицкій. Теорія права и Введеніе въ теорію права и нрав-ти.

почему-либо эти шаблоны взаимоотношеній для кого-нибудь и оказываются полезными, то польза ихъ порождена не сознательными гаданіями, а дѣйствіемъ неуклюжаго и, по правдѣ говоря, довольно дорого стоющаго естественнаго подбора [2]).

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, мы можемъ формулировать сказанное такъ: рядъ актовъ, какъ чисто индивидуальныхъ, вызываемыхъ необходимостью приспособленія къ космической средѣ, такъ и рядъ актовъ взаимодѣйствія между членами группы, представляющихъ акціи и реакціи, вызываемыя взаимнымъ приспособленіемъ другъ къ другу (къ соціальной средѣ), принимаютъ шаблонную форму не благодаря сознательному установленію шаблоновъ въ цѣляхъ общей пользы и т. п., а обязаны своимъ возникновеніемъ безсознательному дѣйствію естественнаго подбора.

Въ этомъ смыслѣ ихъ появленіе совершилось „механически“, „безсознательно“, „случайно“. Установились они послѣ многочисленныхъ повтореній, массы жертвъ и неудачныхъ исходовъ; шаблонную же форму приняли они благодаря тому, что среда (космическая и соціальная) оставалась болѣе или менѣе неизмѣнной. Повторяясь однообразно при такихъ условіяхъ, всякій разъ, какъ появляется соотвѣтственный раздражитель, они становились все болѣе и болѣе привычными, передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе и въ результатѣ образовали прочный и устойчивый шаблонный актъ, который выполнялся и выполняется безъ всякихъ соображеній объ его основахъ, мотивахъ, пользѣ и т. д., просто въ силу „біологической и соціальной инерціи“. И дѣйствительно, не только первобытный человѣкъ, но и мы совершаемъ большинство нашихъ шаблонныхъ актовъ безъ всякихъ вопросовъ объ ихъ основаніяхъ или ихъ пользѣ.

Таково безсознательное происхожденіе шаблонныхъ актовъ въ животномъ и въ человѣческомъ мірѣ.

---

[1]) См. объ этомъ У о р д ъ. Психическіе факторы цивилизаціи. Москва, 1897 г., гл. XXXIII.

§ 3.

Почему безсознательныя взаимоотношенія становятся сознательными?

Слѣдующій по очереди вопросъ, на который мы должны отвѣтить, это вопросъ: въ силу какихъ условій возникаетъ тотъ специфическій видъ бытія, который носитъ названіе психики или сознанія, а въ приложеніи къ интересующему насъ вопросу онъ будетъ гласить: въ силу какихъ условій рефлексо-инстинктивные безсознательные акты и взаимоотношенія становятся сознательными?

Какъ извѣстно, поведеніе животныхъ регулируется рефлексо-инстинктивными безсознательными актами, происшедшими въ силу естественнаго отбора такъ, какъ очерчено было въ предыдущемъ параграфѣ. Въ виду этого намъ необходимо объяснить, почему эти безсознательные акты стали сознательными, чѣмъ обусловливалась эта ломка инстинктовъ и переходъ ихъ изъ безсознательнаго бытія въ бытіе сознательное?

Напомнимъ что, „разумно-сознательные“ акты даны уже и въ до-человѣческомъ мірѣ. Явленія памяти, ассоціаціи, объектной мотиваціи и даже гедонистически-цѣлепонимательной мотиваціи—констатированы уже въ зародышѣ и у высшихъ животныхъ.

Исчерпать здѣсь всѣ условія—едва ли возможно и эту задачу мы не беремъ на себя. Для нашихъ цѣлей вполнѣ достаточно указать здѣсь на одинъ изъ основныхъ факторовъ, заставляющихъ безсознательные акты переходить въ сознательные и тѣмъ самымъ частично объясняющихъ появленіе и происхожденіе сознанія...

Этотъ факторъ уже отмѣченъ Ламаркомъ во второй половинѣ его закона и его кратко можно формулировать такъ: однимъ изъ главныхъ факторовъ, вызывающихъ переходъ безсознательныхъ актовъ въ сознательные, является фактъ вторженія непривычныхъ условій въ сферу „привычной

жизни организма“ (конечно, уже обладающаго соотвѣтственной нервной системой). Это положеніе есть лишь обратная сторона тезиса: многократное повтореніе какого-нибудь акта при однообразныхъ условіяхъ превращаетъ сознательный актъ въ безсознательный—вторично-автоматическій. А это положеніе, какъ извѣстно, является общепринятой истиной и подтверждается на каждомъ шагу.

Иначе говоря, безсознательными актами, если раньше они и были сознательными, являются акты вполнѣ приспособленные къ соотвѣтствующимъ условіямъ или внѣшнимъ раздраженіямъ, т.-е. многократно повторявшіеся, сознательными—акты, еще не достигшіе гармоніи съ раздраженіями среды или акты „неприспособленные“.

То же самое положеніе Ле-Дантекъ такъ формулируетъ на языкѣ универсальной механики: „приспособленіе, являющееся результатомъ функціональной ассимиляціи, превращаетъ изъ сознательной въ безсознательную любую частичную функцію, которая, какъ таковая, можетъ быть опредѣлена съ нѣкоторой точностью“. „Такимъ образомъ, явленіе болѣзненное (читай—непривычное), или, что то же самое, явленіе сознательное есть диссонансъ, противорѣчащій установившимся связямъ. Какъ только консонансъ установился окончательно, сознаніе, сопровождавшее до сихъ поръ процессъ преобразованія колебательнаго движенія, исчезаетъ“. „Слѣд., сознаніе пробуждается только нарушеніемъ равновѣсія или ритма и существуетъ впредь до установленія новой системы равновѣсія“ [1]).

И нетрудно на нашихъ собственныхъ и чужихъ поступкахъ убѣдиться въ истинности сказаннаго. Одинъ и тотъ же актъ (напр., заучиваніе стихотворенія, ноктюрна на піанино, обученія письму, чтенію и т. д.), вначалѣ требующій интенсивнаго напряженія и концентраціи сознанія при достаточномъ числѣ повтореній превращается въ актъ автоматическій и мы

---

[1]) Дантекъ. Познаніе и сознаніе. 65—67, 71 и др.
О вліяніи однообразія, повторенія и привычки см. Гефдингъ. Очерки психол. 49—51. Цигенъ. Op. cit. 13, 20, 50—57. Джемсъ. Психологія. Гл. X. Спенсеръ. Основ. психологіи. 71 стр. и passim. (изд. Сытина), а затѣмъ работы Тарда, Сигеле—Преступная толпа, Михайловскаго Патологическая магія, „Герои и толпа“, Борьба за индивидуальность и др. Бехтерева. Внушеніе и его роль въ обществ. жизни, изд. Риккера, его же Гипнотизмъ (изд. Битнера) и др.

машинально твердимъ: „Пт҃ичка Божія не знаетъ, ни заботы, ни труда"; машинально играемъ труднѣйшую вещь на піанино и т. д. И при прочихъ равныхъ условіяхъ—актъ будетъ производиться тѣмъ автоматичнѣе, чѣмъ онъ бо̀льшее число разъ повторялся. Полное „приспособленіе" означаетъ и полную автоматичность акта, который спонтанно возникаетъ и протекаетъ въ свойственныхъ ему формахъ—лишь только данъ соотвѣтствующій раздражитель. Всѣ наши „рефлексы", „инстинкты" и вообще автоматическія движенія означаютъ акты, однообразно повторявшіеся многое число разъ при однообразныхъ условіяхъ (въ филогенетической или онтогенетической жизни).

Человѣкъ, обучающійся иностранному языку, при разговорѣ на немъ вначалѣ долженъ концентрировать все свое вниманіе, тогда какъ, достаточно изучивши его, онъ уже совершенно машинально подбираетъ нужныя ему слова; то же происходитъ съ человѣкомъ, обучающимся кататься на велосипедѣ, править лодкой, рубить дрова, строгать, писать, читать, имѣть „хорошія манеры", „прилично—держаться въ обществѣ" и т. д. и т. д.

Полное овладѣніе тѣмъ или инымъ актомъ, полное приспособленіе его къ требуемымъ условіямъ—ceteris paribus—означаетъ и полную его автоматичность и тѣмъ самымъ шаблонность.

При этомъ, конечно, слѣдуетъ имѣть въ виду то обстоятельство, что количество повтореній, необходимыхъ для превращенія сознательной функціи въ безсознательную, можетъ и должно быть различно въ зависимости отъ характера функціи, ея трудности, сложности, характера ея задачъ, и условій.

Правда, казалось бы, есть акты, которые мы выполняемъ въ 1-й разъ и, тѣмъ не менѣе, они не сопровождаются сознаніемъ и, обратно, есть акты, которые мы выполняемъ много разъ, и однако, всегда приходится выполнять ихъ сознательно. Все это казалось бы, является противорѣчіемъ сказанному.

Но прежде всего трудно указать такой актъ, который бы производился въ первый разъ и былъ безсознателенъ. Я позволю себѣ утверждать, что такихъ актовъ с о в е р ш е н н о нѣ т ъ. Тѣ же акты, которые кажутся таковыми, представляютъ во-первыхъ акты, выполняемые даннымъ человѣкомъ (автоматично) дѣйствительно въ первый разъ, но зато многократно п о в т о р я в ш і е с я въ филогенетическомъ развитіи. Поэтому они не противорѣчатъ моему положенію. Такъ, напр., ребенокъ, никогда не искусанный собаками, при видѣ ихъ обнаруживаетъ

страхъ [1]), тотъ же ребенокъ въ 1-й мѣсяцъ своей жизни дѣлаетъ рядъ движеній руками и ногами, издаетъ крикъ „уа“ [2]), взрослый человѣкъ при видѣ какого-нибудь опаснаго предмета машинально отстраняется отъ него, и т. д. Всѣ эти и подобные акты, автоматически выполняемые въ первый разъ человѣкомъ,— есть результатъ наслѣдственно полученнаго филогенетическаго повторенія. Но могутъ быть акты и нѣсколько иного рода. Предположимъ, что я иду по берегу рѣки, вдругъ вижу, что кто-нибудь тонетъ, я моментально бросаюсь въ рѣку безъ всякихъ разсужденій, машинально, благодаря одному факту раздраженія, которымъ было то обстоятельство, что я увидѣлъ утопающаго человѣка („предметная мотивація“). Допустимъ, что актъ этотъ совершенъ мной автоматически, что я его не производилъ раньше и что точно въ такой формѣ онъ не повторялся въ филогенезисѣ. Какъ его объяснить? На это слѣдуетъ отвѣтить такимъ образомъ: Пусть актъ совершенъ машинально, пусть онъ въ точно такой формѣ не повторялся моими предками; но это означаетъ только то, что онъ въ близкой и родственной формѣ долженъ былъ имѣть повтореніе въ филогенетической жизни, напр., въ видѣ актовъ спасанія жизни человѣка вообще; рядъ этихъ однородныхъ, хотя конкретно, можетъ быть, и нѣсколько различныхъ повтореній акта спасанія, имѣвшихъ мѣсто въ жизни предыдущихъ поколѣній, создали соотвѣтствующій „инстинктъ“, или диспозицію къ подобнаго рода актамъ спасанія. Разъ данъ мнѣ однородный раздражитель, то диспозиція къ „акту спасанія“ механически толкаетъ меня къ тому, чтобы я бросился въ воду спасать тонущаго.

Вѣдь и инстинктивные акты животныхъ, напр., постройка логова тарантуломъ, ячейки пчелой, гнѣзда ласточкой и т. п., несмотря на свою полную автоматичность, даютъ тѣ или иныя колебанія, въ зависимости отъ свойствъ почвы, мѣста, крыши и ряда конкретныхъ условій. И они, несмотря на свою полную шаблонность и безсознательность, допускаютъ варіаціи и колебанія [3]). Тѣмъ болѣе это должно имѣть мѣсто въ актахъ человѣка. И здѣсь различіе условій, вызвавшихъ актъ, можетъ вызвать то или иное различіе конкретныхъ формъ механическаго

---

[1]) См. Рибо. Психологія чувствъ. 225—227.

[2]) См. В. М. Бехтеревъ. О развитіи нервно-псих. дѣят—сти... ребенка, Вѣстникъ психологіи. 1912 в. II.

[3]) См. Вагнеръ. Op. cit. 254 и слѣд.

акта, т.-е. общая, филогенетически-полученная диспозиція можетъ принимать различныя формы (напр., диспозиція къ спасенію человѣка конкретно проявится при пожарѣ въ одной формѣ, при опасности утонуть—въ другой, при опасности попасть подъ трамвай—въ третьей и т. д.), но если актъ выполняется автоматически—импульсивно, хотя бы и въ 1-й разъ, то импульсивность его вытекаетъ именно изъ этой филогенетически—пріобрѣтенной диспозиціи, выработавшейся на почвѣ многократнаго повторенія его въ родовомъ опытѣ.

Обобщая этотъ случай, можно его формулировать такъ: пусть въ филогенетическомъ опытѣ повторялся актъ, состоящій въ одномъ случаѣ изъ элементовъ (движеній, побужденій и условій): a, b, c, d, въ другомъ—a, b, c, e; въ третьемъ—a, b, c, f; элементы a, b, c—общіе; d, e, f—различные, въ зависимости отъ различія условій; если теперь мнѣ дана наличность a, b, и c (диспозиція), то хотя 4-й элементъ и новъ, напр., M, тѣмъ не менѣе я машинально выполню соотвѣтствующій актъ, именно, благодаря общей диспозиціи (a, b, c), хотя конкретно онъ, благодаря M, и выразится въ новой формѣ [1]).

Что же касается теперь того возраженія, что могутъ быть акты многократно повторявшіеся и тѣмъ не менѣе не автоматически-выполняемые—то это говоритъ только о томъ, что въ виду ли сложности и трудности акта, или новымъ условіямъ и т. п. (см. ниже) приспособленіе еще не достигнуто, поэтому не достигнута и автоматичность.

Обратный выводъ изъ этого закона есть тотъ, что вторженіе новыхъ условій въ область непривычнаго подъ страхомъ смерти или страданій заставляетъ измѣнить установившійся шаблонъ дѣйствій, и вводитъ совершеніе акта въ поле сознанія.

---

[1]) Въ качествѣ иллюстраціи этого положенія можно указать изъ онтогенезиса, напр., акты чтенія. Пока не выработана общая диспозиція къ чтенію, или нѣтъ еще полнаго усвоенія механизма чтенія—самый разборъ буквъ требуетъ вниманія и сознанія. Когда же приспособленіе на лицо, т.-е. человѣкъ вполнѣ усвоилъ механизмъ чтенія, то несмотря на то, что онъ читаетъ никогда не читанную имъ книгу (конкретно, значитъ, расположеніе словъ и буквъ новое)—процессъ чтенія совершается безсознательно и соединеніе буквъ въ слова, словъ въ предложенія совершается механически. Это значитъ, что разъ выработана общая диспозиція къ актамъ чтенія—то и конкретно новое счетаніе словъ и буквъ можетъ совершаться безъ сознанія. Безъ общей же диспозиціи къ чтенію, очевидно, подобное явленіе невозможно.

Это касается какъ нервныхъ и физіологическихъ процессовъ, такъ и актовъ поведенія человѣка. Движенія сердца, при «привычныхъ» (нормальныхъ) условіяхъ не сопровождаются сознаніемъ, но коль скоро условія и характеръ дѣятельности сердца становятся новыми, непривычными—его безсознательная работа начинаетъ сопровождаться сознаніемъ, что обнаруживается хотя бы въ видѣ болевого ощущенія. То же касается и другихъ процессовъ,—дыханія, пищеваренія и т. д. То же относится и къ актамъ поведенія человѣка. Когда мы пишемъ, то обычно никогда не замѣчаемъ движеній нашей руки, напр., актовъ погруженія пера въ чернильницу. Это безсознательныя шаблонныя движенія. Но если, опустивъ перо, мы не находимъ чернильницы или чернилъ въ ней (новое условіе)—то актъ маканія переступаетъ „порогъ“ сознанія и изъ безсознательнаго становится сознательнымъ. Вошло новое условіе—и кора безсознательности привычнаго акта—проламывается. Актъ изъ безсознательнаго становится сознательнымъ.

Повтореніе превращаетъ сознательный актъ въ безсознательный лишь при большей или меньшей однозначности акта, при болѣе или менѣе однообразномъ его повтореніи, вызываемомъ однообразіемъ условій (среды),—ея устойчивостью въ теченіе извѣстнаго времени. Если же условія мѣняются все время—то не можетъ образоваться и привычный автоматическій шаблонъ; точно также если при достаточно продолжительной одинаковости условій, вызвавшей созданіе автоматическаго акта, вдругъ въ привычныя условія врывается новый элементъ, который нарушаетъ установившуюся гармонію между актомъ и средой—то актъ становится изъ приспособленнаго неприспособленнымъ, изъ безсознательнаго сознательнымъ. Благодаря измѣненію условій инстинктивная координація поступковъ замѣняется новой координаціей ихъ, которая у человѣка принимаетъ сознательный характеръ...

Въ силу сказаннаго приходится полагать, что и въ происхожденіи сознанія или разума изъ предшествующихъ ему рефлексо-инстинктивныхъ переживаній этотъ факторъ—вторженіе новыхъ условій и растущая быстрота смѣны этихъ условій—сыграли основную роль. Не допустивши этого условія—мы не поймемъ совершенно процессъ роста сознанія, каковой процессъ данъ намъ въ исторіи человѣчества.

Такова въ краткихъ чертахъ механика смѣны безсознательныхъ шаблонныхъ актовъ сознательными и переходъ сознательныхъ актовъ въ безсознательно-автоматическія дѣйствія.

Если вѣрны наши положенія, то изъ нихъ вытекаютъ слѣдующіе выводы: 1) актъ, будучи наслѣдственно полученнымъ, а, слѣдовательно, по своему происхожденію чисто безсознательнымъ,—несмотря на свое безсознательное происхожденіе, можетъ перейти въ категорію сознательныхъ, разъ условія, породившія его, измѣнились, а тѣмъ самымъ исчезла гармонія между нимъ и средой. И обратно, не всякій актъ,—сознательно установленный или сопровождающійся въ данный моментъ сознаніемъ, остается постоянно таковымъ. Благодаря повторенію при одинаковыхъ условіяхъ онъ можетъ перейти въ автоматически выполняемый актъ.

Это я и имѣлъ въ виду, когда въ началѣ 3-го параграфа данной главы указалъ, что одно дѣло сознательное или безсознательное происхожденіе тѣхъ или иныхъ шаблонныхъ актовъ, другое дѣло сознательный или безсознательный характеръ ихъ совершенія въ каждый данный моментъ, каждымъ человѣкомъ или группой лицъ.

2) Если измѣнившіяся условія, вызвавшія переходъ безсознательнаго акта въ сознательный и, соотвѣтственно съ этимъ, измѣнившія характеръ самого акта, въ дальнѣйшемъ остаются постоянными, то новый устанавливающійся актъ по мѣрѣ своего приспособленія къ нимъ, повторяясь много разъ, постепенно теряетъ свой сознательный характеръ, стремясь перейти въ простой автоматически-шаблонной актъ. Полное приспособленіе означаетъ и полную автоматичность.

3) Если условія не остаются постоянными, а непрерывно измѣняются, то акты, приспособляющіе къ нимъ организмъ, (хотя бы и приняли сознательно-установленную шаблонную форму), не повторяясь однообразно достаточное число разъ, не успѣваютъ „закостенѣть“ и „автоматизироваться“, а замѣняются, оставаясь сознательными, новыми сознательными шаблонами.

4) А изъ всего сказаннаго само собой вытекаетъ, что быстрота измѣненія шаблонныхъ актовъ и степень ихъ сознательности (ceteris paribus) зависитъ отъ быстроты измѣненія условій (среды).

Таковы тѣ слѣдствія, которыя вытекаютъ изъ установленныхъ положеній. Если онѣ, и въ частности, послѣдній выводъ,

вѣрны, то, согласно методу сопутствующихъ измѣненій, ростъ сознательности или „разума“ долженъ сопровождаться одновременно усложеніемъ среды и растущей быстротой ея измѣненій и обратно.

Параллельно съ этимъ, этотъ же ростъ сознательныхъ актовъ долженъ быть одновременно и процессомъ постепеннаго разрушенія инстинктивно-безсознательныхъ актовъ. Это вытекаетъ изъ того, что появленіе инстинктивнаго акта вызываетъ многочисленнымъ его повтореніемъ (онто-филогенетическимъ) при однихъ и тѣхъ же условіяхъ. А разъ условія мѣняются и процессъ ихъ измѣненія все болѣе и болѣе ускоряется—то результатомъ этого должно быть съ одной стороны, разрушеніе инстинктивно-безсознательныхъ актовъ и переходъ ихъ въ акты, сопровождаемые сознаніемъ, съ другой—все меньшая и меньшая возможность для установленія новыхъ инстинктивно-автоматическихъ актовъ.

Если «сопутствіе измѣненій» въ томъ и другомъ случаѣ намъ дѣйствительно удастся констатировать—то это будетъ служить индуктивнымъ подкрѣпленіемъ вышеустановленныхъ дедукцій.

Разъ центръ тяжести нашей проблемы заключается въ наличности новыхъ и постоянно-текущихъ условій или въ вѣчно движущейся средѣ, то спрашивается: ч т о э т о з а у с л о в і я, к о т о р ы я в ѣ ч н о т е к у т ъ и с о в с е р а с т у щ е й б ы с т р о т о й и з м ѣ н я ю т с я, н е д а в а я в о з м о ж н о с т и р я д у а к т о в ъ ш а б л о н и з и р о в а т ь с я и а в т о м а т и з и р о в а т ь с я?

Гдѣ и въ чемъ искать такое perpetuum mobile или такую текучую среду, съ достаточно рѣзкими измѣненіями и колебаніями?

Если мы возьмемъ ф и з и ч е с к у ю с р е д у, окружающую человѣка и высшихъ животныхъ, то она не можетъ быть искомой средой,—perpetuum mobile? Де Роберти, Драгическо и Дюркгеймъ правы, когда говорятъ, что физическій міръ, начиная съ древнѣйшихъ временъ исторіи и кончая нашимъ временемъ, по существу остался тѣмъ же, чѣмъ и былъ. Онъ устойчивъ, постояненъ и неподвиженъ. Что характеризуетъ жизнь природы, говоритъ Дюркгеймъ, такъ это регулярность доходящая до монотонности. Каждое утро солнце поднимается на горизонтѣ, каждый вечеръ оно закатывается; каждый мѣсяцъ луна совершаетъ одинъ и тотъ же циклъ; монотонно течетъ рѣка въ однихъ и

тѣхъ же берегахъ, одна и та же перемѣна временъ года возбуждаетъ однѣ тѣ же переживанія.

Несомнѣнно и здѣсь бываютъ неожиданныя событія, напр., затменіе солнца, луна исчезающая за облаками, разливъ рѣки и т. д. Но эти случайныя и кратковременныя пертурбаціи могутъ возбудить и переживанія тоже только случайныя и преходящія. Нормально теченіе (неорган.) природы однообразно, а однообразная монотонность не можетъ вызвать мало-мальски сильныхъ эмоцій[1]).

Человѣкъ, разъ приспособившись къ физической средѣ, благодаря ея монотонности и неподвижности, можетъ обратиться въ автомата. Очертанія горъ, распредѣленіе суши и моря, климатическія измѣненія и т. д.—все это въ теченіе челов. исторіи почти неизмѣнилось; если же перемѣны и совершались, то они шли такъ медленно, что для одного человѣка они равносильны были отсутствію перемѣнъ. Такая среда не можетъ быть нашей искомой вѣчно текучей средой, съ рѣзкими колебаніями, потрясающими прочно-застывшіе инстинктивные шаблоны и вызывающими новыя переживанія.

Подобно этому и біологическіе факторы—приспособленіе къ физической средѣ и законъ наслѣдственности—не могутъ быть искомыми факторами и условіями. Это факторы не революціонные, а консервативные, стремящіеся разъ навсегда автоматизировать акты, приспособивъ ихъ къ воздѣйствію внѣшней среды и передавая затѣмъ по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Единственнойсредой,удовлетворяющей всѣмъ требуемымъ качествамъ, является соціальная среда, самъ фактъ жизни въ обществѣ подобныхъ или самъ фактъ соціальнаго взаимодѣйствія. Эта среда представляетъ изъ себя дѣйствительно perpetuum mobile. Она неустойчива, вѣчно подвижна, способна давать рѣзкія колебанія и т. д. Психологія (Бэнъ, Гербартъ, Гефдингъ и др.) твердо установила, что для появленія сознанія необходимы различныя состоянія и смѣна однихъ воспріятій другими. Такое разнообразіе можетъ дать, только соціальная среда. Индивидъ, живущій въ обществѣ, непрерывно подвергается разно-

---

[1]) Дюркгеймъ. Les formes... de la vie religieuse. 119. См. также Драгическо. Op. cit. 139 и слѣд. Де-Роберти Sociologie de l'action. 1-я гл. Дюркгеймъ, Разд. общ. труда, гл. V.

образнѣйшимъ воздѣйствіямъ со стороны другихъ, отвѣчаетъ на нихъ, цѣпь акцій и реакцій завязывается то съ однимъ, то съ другимъ, въ результатѣ получается сплошной потокъ взаимодѣйствія, бьющій различными эффектами и смолкающій развѣ только во время сна. Въ природѣ нѣтъ катаклизмовъ, а соціальная жизнь есть сплошной катаклизмъ. Не случайностью является тотъ фактъ, что сознаніе расцвѣло всего болѣе въ породѣ homo sapiens., въ породѣ жившей и живущей въ наиболѣе постоянныхъ, широкихъ и сложныхъ общественныхъ союзахъ. Именно этотъ фактъ общежитія, т.-е. существованія человѣка въ соціальной средѣ, и долженъ быть отнесенъ къ числу факторовъ рѣшающихъ для появленія и роста психики (сознанія). Именно, самому факту соціальнаго взаимодѣйствія мы должны приписать причину, почему инстинкты, приспособленные къ средѣ однообразной и устойчивой, должны были ломаться и разрушаться. Существо съ такими инстинктами, попавъ въ текущій потокъ соціальной среды, должно было испытывать непрерывные толчки, акты его оказывались неприспособленными, дисгармонировали съ вѣчной текучестью (вначалѣ, правда, медленной); отъ сотрясеній пружины инстинкта становились все болѣе и болѣе слабыми и въ концѣ концовъ—разрушались, перемолотыя жерновомъ общительнаго потока, сносившаго углы, и производившаго трещины въ устойчивыхъ шаблонахъ.

Гдѣ дано общество, тамъ дано и измѣненіе, хотя измѣненіе и неодинаковое, имѣющее различныя степени подвижности, однако, никогда надолго не застывающее.

И очевидно, чѣмъ будетъ больше и шире эта среда, чѣмъ она будетъ сложнѣе, дифференцированнѣе—тѣмъ она будетъ подвижнѣе и гибче...

Отсюда вполнѣ понятно, что индивиду, окруженному такой средой, не приходится остановиться на однажды достигнутомъ шаблонѣ. Условія, къ которымъ былъ приспособленъ этотъ шаблонъ, измѣнились, поэтому требуется новый шаблонъ. Автоматичность акта, благодаря измѣненію, исчезаетъ, появляется сознаніе и начинается выработка новаго акта приспособленія. Новый актъ, шаблонизировавшись, можетъ остаться автоматическимъ, если новыя измѣненія соціальной среды не сдѣлаютъ его негоднымъ. Если же между дальнѣйшими измѣненіями соціальной среды и новымъ актомъ снова появится диссонансъ, то этотъ шаблонъ долженъ будетъ снова замѣниться новымъ и

т. д. Вся соціальная жизнь и представляетъ ничто иное, какъ подобную смѣну шаблоновъ.

Такимъ образомъ, въ соціальной средѣ и въ ея механикѣ находимъ мы тѣ постоянныя дрожжи, которыя дѣлаютъ необходимымъ постоянное измѣненіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ростъ сознанія.

Разъ появившись, сознаніе неизбѣжно должно было расти въ силу тѣхъ же причинъ. Въ этомъ фазисѣ взаимодѣйствіе безконечно углубляется. Путемъ обмѣна переживаній, осуществляемаго языкомъ, обмѣна ощущеніями, представленіями и взаимозараженія эмоціональными импульсами, потокъ взаимодѣйствія становится подлиннымъ потокомъ, въ которомъ живая жизнь неумолчно клокочетъ. Легкая способность взаимозараженія (что констатировано рядомъ этнографовъ у первобытныхъ людей), приводившая къ сліянію въ однихъ порывахъ и импульсахъ, взаимно отражавшихся отъ индивида къ индивиду, до безконечности усиливала эмоціональныя переживанія, и тѣмъ давала мѣсто для тѣхъ рѣзкихъ контрастовъ, которые были необходимы для возникновенія сознанія, его роста и перехода безсознательно-инстинктивныхъ актовъ—въ сознательные... Раздраженіе въ этомъ случаѣ могло перейти въ ощущеніе, комплексъ ихъ давалъ восприятіе, а слѣды ихъ составляли то, что называется представленіемъ. Такимъ путемъ составлялось знаніе. Поэтому нельзя не назвать мѣткимъ само опредѣленіе соціальной среды и соц. взаимодѣйствія, данное Де-Роберти, какъ „коллективнаго или соборнаго опыта“ [1]).

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, сдѣлаемъ резюме предыдущаго анализа. Основные тезисы будутъ таковы:

1) Причиной, вызвавшей и вызывающей переходъ автоматически-безсознательныхъ актовъ и взаимоотношеній въ акты, сопровождаемые сознаніемъ, является вторженіе въ сферу привычнаго непривычныхъ условій.

2) Если эти условія (среда) непрерывно измѣняются—то

---

[1]) См. подробное развитіе этихъ положеній въ работахъ Де-Роберти. Примѣромъ весьма послѣдовательнаго проведенія полной параллели между структурой соц. группы и психическими категоріями и объясненія послѣднихъ черезъ первую можетъ служить работа Драгическо. Du rôle de d'individu dans le déterminisme sociale, гдѣ съ большой тонкостью развиты и аргументированы излагаемыя нами положенія. См. также Дюркгеймъ. Les formes... 205 и слѣд. а также—введеніе и заключеніе.

меньше и меньше становится возможнымъ „застываніе“ актовъ въ безсозн. механическія формы.

3) Чѣмъ сложнѣе среда и чѣмъ быстрѣе она измѣняется, тѣмъ быстрѣе должна возрастать сознательность и падать автоматичность, за исключеніемъ тѣхъ шаблонныхъ актовъ, которые при рядѣ измѣненій могутъ быть приспособленными къ нимъ. Такими шаблонами могутъ быть только соціально полезные шаблоны. Они, продолжая существованіе при всѣхъ измѣненіяхъ, все большее и большее число разъ повторяются, а потому могутъ становиться все болѣе и болѣе автоматическими, въ противоположность актамъ соціально-вреднымъ, которые, какъ акты неприспособленные къ новымъ условіямъ, должны все болѣе и болѣе вывѣтриваться...

4) Такой вѣчно-текучей средой можетъ быть только соціальная среда, самъ фактъ общенія съ другими. Поэтому она есть и источникъ, и двигатель сознанія.

Теперь, пользуясь методомъ сопутствующихъ измѣненій, провѣримъ указанную связь между характеромъ соціальной среды (соц. взаимодѣйствіемъ), сознаніемъ и автоматичностью актовъ и взаимоотношеній.

Историческое наблюденіе даетъ повсюду полное подтвержденіе сказанному, которое схематически можно изобразить такъ:

Структура об-ва.	Степень сознательности.	Степень автоматичности и неподвижности взаимоотношеній.
Первобытныя об-ва немногочисленны, просты и несложны. Соціальн. взаимодѣйствіе однообразно и не глубоко [1]).	Степень сознательности—низкая. Нѣтъ даже еще мышленія, согласно съ законами логики. Даны конкретныя представленія, а абстрактныхъ понятій нѣтъ. Умственная дѣятельность — слабая. Счетъ ограничивает-	Поведеніе въ значительной мѣрѣ автоматическое. Царствуютъ прочные издавна установившіеся шаблоны взаимоотношеній. Акты устойчивы, негибки и неспособны къ гибкой и быстрой эво-

[1]) См. Этнограф. работы объ организ. перв. группъ. Кромѣ нихъ. Зиммель. Соціальн. дифференціація. Дюркгеймъ. Разд. общ. труда. гл. II. Спенсеръ. Основы соц. I и II т. Драгическо и др.

ся цифрами первыхъ люціи... Царствуетъ двухъ десятковъ и „подражаніе-обычай“. т. д. [1]).

Во всѣхъ сферахъ эволюція совершается страшно медленно.

Въ обществахъ болѣе широкихъ, сложныхъ и дифференцированныхъ, съ болѣе сложной и глубокой сѣтью взаимоотношеній наблюдается	и болѣе высокая степень умственнаго развитія, болѣе сложная психика и болѣе развитое сознаніе и одновременно	поведеніе членовъ группы уже менѣе автоматично, болѣе сознательно; большую роль начинаетъ играть цѣлевая мотивація и параллельно происходитъ индивидуализація поведенія. „Обычай“ начинаетъ смѣняться „модой“.

Эволюція структуры об-ва, ростъ сознанія и измѣненіе поведенія (индив. и обществ.) совершается уже гораздо быстрѣе.

Чѣмъ сложнѣе обво, чѣмъ оно шире и дифференцированнѣе, чѣмъ болѣе интенсивно происходитъ въ немъ взаимодѣйствіе,	тѣмъ выше его „культура“, и цивилизація, богаче и сложнѣе духовная жизнь, тѣмъ быстрѣе она прогрессируетъ,	тѣмъ болѣе сознательно гибко и измѣнчиво поведеніе членовъ, тѣмъ меньше автоматичности и тѣмъ быстрѣе совершается эволюція индив. и соціальн. поведенія. Царство „моды“.

Тѣмъ быстрѣе совершается измѣненіе во всѣхъ сферахъ общ. жизни.

[1]) См. Левн-Брюль. Les fonctions mentales...

Параллельно съ этимъ подтверждается и второй выводъ, сдѣланный нами выше, а именно: постепенное уничтоженіе и вывѣтриваніе инстинктовъ и чисто-автоматическихъ шаблоновъ, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ, которые были полезны при всѣхъ измѣненіяхъ, т. е. инстинктовъ соціально-полезныхъ, приспособлявшихъ вообще къ соціальной средѣ. Вся исторія развитія человѣчества съ этой точки зрѣнія есть ни что иное, по справедливому выраженію В. А. Вагнера, какъ борьба съ инстинктами, сначала бывшая просто диссонансомъ и антагонизмомъ между разумомъ и инстинктомъ, а затѣмъ кончившаяся подчиненіемъ инстинкта разуму. Не менѣе правъ онъ, когда говоритъ, что „мы должны довести до конца начатую борьбу съ тѣми элементами, съ которыми когда то гармоническое развитіе согласовалось, а потомъ нарушилось... Не гармоническое между разумнымъ и инстинктивнымъ, какимъ оно было у животныхъ, а дисгармоническое въ этомъ смыслѣ, до полнаго подчиненія инстинктивнаго разумному, должно быть девизомъ этой борьбы“ [1]).

Таковъ въ краткихъ чертахъ нашъ отвѣтъ на вопросъ о причинахъ и факторахъ, вызвавшихъ появленіе сознанія и способствующихъ его росту, и объ условіяхъ, вызывающихъ переходъ безсознательныхъ актовъ въ акты, сопровождаемые сознаніемъ.

---

§ 4.

Схема общественной эволюціи.

Если разрѣзать по вертикали всѣ акты, совершаемые человѣкомъ, то послѣ сказаннаго понятно, что всѣ они распадутся на двѣ категоріи:

на акты { безсознательные и сознательные.

Категорія безсознательныхъ актовъ въ свою очередь распадается на акты: первично-автоматическіе, чисто инстинктивные, никогда не бывшіе сознательными и b) втори-

---

[1]) См. объ этомъ подр. Вагнеръ Op. cit., т. II 405—428.

чно-автоматическіе, бывшіе нѣкогда сознательными, но въ силу повторенія переставшіе быть таковыми.

Категорія актовъ, сопровождаемыхъ сознаніемъ, также разнородна, сюда войдутъ прежде всего акты инстинктивные, которые перестали быть таковыми въ силу диссонанса съ новыми условіями, и далѣе акты, только что пріобрѣтенные и не успѣвшіе дойти до стадіи автоматизма. Психическій процессъ, побуждающій и сопровождающій совершеніе такихъ актовъ можетъ принимать не только форму цѣлевой мотивації, но и рядъ другихъ формъ, какъ это превосходно показалъ Л. І. Петражицкій [1]).

Разъ таковы категоріи актовъ человѣка—то эти же категоріи будутъ даны и въ любой соціальной группѣ. Ея организація, т. е. совокупность наиболѣе устойчивыхъ формъ взаимоотношенія ея членовъ слагается изъ акцій и реакцій составляющихъ группу индивидовъ. Каждый изъ нихъ долженъ быть приспособленъ къ соціальной средѣ и всѣ члены должны быть приспособлены другъ къ другу. Въ результатѣ этого приспособленія образуется опредѣленный, относительно устойчивый modus vivendi между ними, т. е. скелетъ или костякъ группы. Этотъ скелетъ, въ силу сказаннаго, обязанъ своимъ установленіемъ двоякаго рода актамъ: актамъ безсознательнымъ и актамъ сознательнымъ, частнымъ видомъ которыхъ являются акты цѣлевые. Чѣмъ примитивнѣе общество, тѣмъ большую роль въ созданіи его организаціи принимаютъ акты безсознательные. Чѣмъ оно болѣе сложно, тѣмъ болѣе высокимъ является уровень сознанія его членовъ и тѣмъ большее вліяніе имѣетъ сознаніе и на измѣненіе и организацію структуры общества...

При безсознательномъ возникновеніи организаціи, т. е. приспособленія членовъ группы другъ къ другу—это приспособленіе совершается „наугадъ“, безъ всякихъ гаданій и соображеній. Въ силу этого понятно, что это приспособленіе можетъ быть не только цѣлесообразнымъ, но и вреднымъ, можетъ вести группу и ея членовъ не только къ дальнѣйшему развитію, но и къ смерти отдѣльныхъ членовъ или всей группы... При сознательномъ же приспособленіи, частнымъ видомъ котораго является преднамѣренное установленіе тѣхъ или иныхъ взаимоотношеній, status группы можетъ установиться уже болѣе цѣлосообразный, такъ какъ въ этомъ случаѣ акты и взаимоотношенія складыва-

---

[1]) См. Петражицкій. Теорія права т. I гл. 1-я.

ются уже не вовсѣмъ „наугадъ“, но подъ руководствомъ коллективнаго, взаимнаго опыта. Какъ показано было выше, соціальная жизнь по своей сушности не статична, а динамична. На зарѣ исторіи въ первобытныхъ соціальныхъ группахъ ея текучесть, конечно, очень медленна. Эта медленность и относительная неподвижность даетъ возможность для образованія чисто автоматическихъ и шаблонныхъ формъ взаимодѣйствія.

Акты индивидовъ, взаимодѣйствующихъ другъ съ другомъ, встрѣчаются, скрещиваются и сбразуютъ свого рода потокъ, въ которомъ они взаимно смалываются, приспособляясь другъ къ другу. На дисгармоническій актъ индивида А остальные индивиды рефлекторно отвѣчаютъ рядомъ реакцій. Поведеніе ихъ сталкивается, возникаетъ конфликтъ, завязывается чисто рефлекторная животная борьба, съ многочисленными жертвами, на которыя не скупилась мельница соціальной динамики.

Послѣ безчисленныхъ столкновеній, взаимныхъ натисковъ и обратныхъ реакцій, послѣ множества жертвъ и борьбы обычно устанавливался извѣстный consensus, опять-таки безсознательный, въ которомъ взаимныя отношенія членовъ группы такъ или иначе были согласованы и координированы. Этотъ status могъ держаться долго при медленномъ темпѣ соціальнаго развитія и у членовъ могли образоваться чисто-автоматически—устойчивые шаблоны поведенія. Чѣмъ большее число разъ они повторялись, тѣмъ становились все тверже и тверже.

Но соціальное взаимодѣйствіе все же не можетъ застыть въ силу своей природы. Хотя и медленно, но все же съ теченіемъ времени оно вноситъ новыя измѣненія и новыя условія въ среду, окружающую индивидовъ. При достаточно долгомъ времени эта среда оказывается настолько измѣненной, что значительная часть установившихся шаблоновъ оказывается уже непригодной и неприспособленной. Чисто механически возникаетъ потребность выработки новыхъ приспособливающихъ актовъ. Одни индивиды вырабатываютъ ихъ скорѣе, другіе медленнѣе, у однихъ старыя привычки скорѣе вывѣтриваются, у другихъ—тише. Между тѣми и другими вновь возникаетъ конфликтъ. Установившаяся гармонія взаимодѣйствія падаетъ. Соціальная машина растраивается. Снова устанавливается чисто безсознательная борьба, столкновенія, подъ жерновомъ соціальной мельницы снова отшлифовываются взаимные акціи и реакціи, чтобы удалить изъ нихъ ненужные углы, треніе, взаимное сцѣпленіе,

и послѣ долгой шлифовки, въ которой гибнутъ тысячи жертвъ, можетъ установиться снова извѣстный consensus на болѣе или менѣе продолжительное время. Въ эти періоды consensus'а порядокъ нарушается только частично, отдѣльными членами, которые обычно, подъ вліяніемъ согласныхъ реакцій большинства, гибнутъ. Затѣмъ новыя измѣненія снова нарушаютъ порядокъ, снова наступаетъ кризисъ, снова во всю начинаетъ работать жерновъ соціальной мельницы и т. д.

Таковымъ рисуется въ общихъ чертахъ механика соціальной эволюціи въ ея до сознательной стадіи, данной главнымъ образомъ въ животныхъ обществахъ.

Въ иномъ видѣ рисуется уже та же соціальная механика въ стадіи сознательной. И здѣсь намъ дана та же совокупность взаимодѣйствующихъ индивидовъ, но ихъ акціи и реакціи уже не чисто-рефлекторны, а сопровождаются психическими переживаніями. Здѣсь актъ дисгармоническій не есть просто акція, и отвѣтъ на него не есть простой рефлексъ, а тотъ и другой актъ уже „окрашивается" соціально-психическими чертами дозволеннаго, запрещеннаго и рекомендованнаго. Актъ дисгармоническій—вызываетъ уже специфическое переживаніе, обозначаемое терминами оскорбленіе, обида, преступленіе, возбуждаетъ злостныя переживанія и, хотя и спонтанно, вызываетъ реакцію, но уже не просто безсознательную, а напротивъ, сопровождаемую своеобразнымъ психическимъ процессомъ.

Какъ въ деталяхъ произошелъ этотъ процессъ „окрашиванія" взаимныхъ акцій и реакцій соціально-психическими чертами и какъ возникли соотвѣтственныя переживанія преступности, дозволенности и рекомендованности—мы едва ли когда-нибудь узнаемъ. Данныя этнографіи застаютъ дикарей уже обладающихъ переживаніями, и запретовъ (табу), и должнаго, и рекомендованнаго. Точно также исторія соотвѣтствующихъ словъ мало даетъ намъ въ этомъ отношеніи. Она говоритъ только о томъ, что въ первое время не было той дифференцированности понятій, которая имѣется въ данное время: доброе сливалось то съ истиннымъ (у индійцевъ), то съ храбрымъ (αγαθός у грековъ), то съ одареннымъ внѣшними благами (bonus—у римлянъ), то съ „пригоднымъ", „подходящимъ" („gut", Gatte—у нѣмцевъ) и т. д.; то же относится и къ злому.

Точно также, вначалѣ эти оцѣночныя нормы не были современными нормами, независимыми отъ отдѣльныхъ предметовъ,

а были чисто личными свойствами, а позже свойствами предметовъ, неотдѣлимыми отъ послѣднихъ. Есть на лицо «добрый» человѣкъ А, злой человѣкъ В, есть «добрый» предметъ Х (имущество, богатство), есть «злой предметъ» У, но вообще добра и зла еще нѣтъ. Но затѣмъ постепенно эти оцѣнки переходятъ и на поступки, сначала также отдѣльные, а затѣмъ мало-помалу создается рядъ шаблоновъ, за которыми упрочиваются положительныя или отрицательныя этическія оцѣнки. Измѣненіе значенія этическихъ словъ «обнаруживаетъ передъ нами два всеобщихъ явленія: первое состоитъ въ томъ, что отъ внѣшнихъ преимуществъ тѣлеснаго строенія и упражненія, какъ и отъ внѣшняго соблюденія предписаній культа и обычая, оцѣнка все болѣе и болѣе переходитъ на внутреннія качества и характеръ; второе—въ томъ, что при обращеніи вниманія на пользу, приносимую дѣйствіями отдѣльной личности своему ближнему или обществу, первоначально практическая пригодность давала главный масштабъ для оцѣнки, и только позднѣе рядомъ съ нею постепенно завоевали себѣ значеніе и такія индивидуальныя качества, отъ которыхъ другой не можетъ ожидать себѣ непосредственной пользы. На обоихъ путяхъ нравственныя представленія углубляются (переходятъ на внутреннія качества), на второмъ они именно освобождаются отъ себялюбивыхъ мотивовъ». [1]).

Изъ этихъ данныхъ, конечно, нельзя составить полную картину этого процесса постепеннаго «окрашиванія» «безцвѣтныхъ» рефлекторно-автоматическихъ дѣйствій въ соціально психическіе оцѣночные цвѣта, такъ же, какъ, по справедливому замѣчанію Бергсона, нельзя описать и составить изъ «частей» даже такой простой актъ, какъ движеніе руки сверху внизъ. Здѣсь, какъ и всюду, приходится въ таковыхъ случаяхъ довольствоваться обозначеніемъ тѣхъ основныхъ координатныхъ точекъ, черезъ которыя проходитъ кривая процесса.

Какъ бы то ни было, но это «окрашиваніе» совершилось и оно дано уже въ самыхъ примитивныхъ группахъ. Съ развитіемъ соціальной жизни эта окраска принимала формы все болѣе и болѣе разнообразно-причудливыя. Должное, запрещенное и рекомендованное пріобрѣли постепенно мистическій характеръ, сдѣлались своего рода ипостасями и самоцѣнностями, святость

---

[1]) См. Вундтъ. Этика. Спб. 1887. 25—45.

или грѣховность которыхъ объяснялась то велѣніями и святостью предковъ (такъ отцы заповѣдали), то героевъ, то Бога, то святостью „нравственнаго долга“, то всеобщей пользой, то прогрессомъ и т. д. и т. д.

Самъ же механизмъ соціальной эволюціи, за исключеніемъ этихъ психическихъ переживаній, остался тѣмъ же.

Такъ же намъ дана группа съ опредѣленными, хотя и сознательными, устойчивыми взаимоотношеніями. Одни виды поведенія квалифицируются какъ должные, другіе запрещенные, третьи—рекомендованные. Эта установка нормъ поведенія происходитъ подъ дѣйствіемъ той же всеизмалывающей мельницы соціальнаго динамизма, хотя здѣсь отборъ годныхъ и негодныхъ актовъ уже и различается отъ естественнаго отбора. Акціи и реакціи также сталкиваются, взаимно отшлифовываются, углы и неровности взаимно стираются, но все это уже устанавливается и передается не путемъ физіологической наслѣдственности, а путемъ наслѣдственности соціально-психической, т. е. зараженія другихъ своими переживаніями, мыслями, чувствами, эмоціями и моральными импульсами. Равнымъ образомъ и передача шаблоновъ поведенія происходитъ не физіологически, а психически, путемъ такъ называемой традиціи, воспитанія, обученія, т. е. того же психическаго зараженія однихъ поколѣній другими. Здѣсь борьба и конфликтъ психическихъ переживаній. Потокъ взаимодѣйствія есть прежде всего взаимная шлифовка психическихъ переживаній, а затѣмъ уже актовъ.

Въ этомъ процессѣ измалыванія одни изъ диссонирующихъ психическихъ переживаній гибнутъ, другія остаются и рано или поздно, но, если группа не погибла въ взаимной борьбѣ, устанавливаются „среднія моральныя цѣны“ и нормы, которыя и дѣлаются „оффиціальными“ групповыми единицами измѣренія. Само собой разумѣется, что этотъ конфликтъ и эта борьба психическихъ акцій и реакцій сопровождается и физической борьбой. Исходами борьбы, какъ было указано выше, могутъ быть или взаимное уничтоженіе борющихся сторонъ, или уничтоженіе одной стороны, или распаденіе группы на двѣ и большее число частей, или наконецъ, установленіе взаимнаго consensus'a, который многими не нарушается благодаря давленію каръ и наградъ. Этотъ consensus опять можетъ существовать болѣе или менѣе

долгое время. Единичные его нарушители, поведеніе которыхъ диссонируетъ съ установленными шаблонами, квалифицируются какъ преступники и такъ или иначе „обезвреживаются“. Основная черта преступности ихъ актовъ заключается, согласно сказанному выше, въ простомъ противорѣчіи ихъ съ установившимся порядкомъ [1]), благодаря чему они и оскорбляютъ и вызываютъ вражду къ себѣ. Въ теченіе этого „гармонически-мирнаго“ періода установленныя формы поведенія, благодаря повторенію и рикошетному вліянію акта на психику, могутъ окрѣпнуть и „отвердѣть“.

Въ силу этого всякій противорѣчащій имъ актъ вызываетъ спонтанно реакцію, называемую карой.

Но опять-таки въ силу самопроизвольнаго динамизма соціальной среды, вѣчно мѣняющейся, рано или поздно эти установившіяся формы взаимодѣйствія, за исключеніемъ соціально-полезныхъ, снова оказываются уже устарѣлыми, требуется снова приспособленіе, оно не можетъ совершаться одновременно у всѣхъ членовъ группы; одни отстаютъ, другіе—опережаютъ. Возникаетъ снова конфликтъ (революція), начинается борьба и разражается кризисъ. Снова жертвы, злобные акты, убійства, машина динамизма снова начинаетъ приспособлять переживанія и акты индивидовъ другъ къ другу, снова они взаимно отшлифовываютъ другъ друга, уничтожаютъ одни формы переживаній и импульсовъ, укрѣпляютъ другія и, въ концѣ концовъ, если группа не гибнетъ и не распадается, въ ней устанавливается снова мирное состояніе. Снова начинаютъ укрѣпляться новыя формы поведенія и т. д. безъ конца. Приведу нѣсколько иллюстрацій къ очерченной здѣсь схемѣ, согласно которой происходитъ смѣна шаблоновъ поведенія.

У различныхъ племенъ Австраліи, по изслѣдованіямъ Б. Спенсера и Гиллена, обычной формой брака является групповой бракъ. Это обычный шаблонъ. Не допустить къ женѣ во время празднествъ („короборри“) другихъ мужчинъ считается здѣсь преступленіемъ, влечетъ за собой ту или иную реакцію въ видѣ наказанія, и въ случаѣ недопущенія—„протестанты“ насильственно принуждаются къ исполненію общихъ обычаевъ. Но въ

---

1) Сравни. P o s t. Bausteine... „Man kann im Allgemeinen den Grundzatz aufstellen, dass in einem concreten etnischen Kreise das jenige strafbar erscheint was die Existenz der Organisation desselben gefährdet“ т. I, 224. Oldenburg 1880.

дальнѣйшемъ положеніе дѣла мѣняется. Условія существованія измѣняются, измѣняются и брачныя функціи. Появляется индивидуальная семья. Въ началѣ ея возникновенія происходитъ тотъ же конфликтъ стараго и новаго шаблоновъ поведенія въ области семейной организаціи. До дѣхъ поръ, пока сторона „стараго шаблона“ доминировала — она сохраняла единство группы путемъ принужденія (наказанія) „протестантовъ“ къ исполненію своихъ шаблоновъ. Но въ дальнѣйшемъ побѣда оказалась на сторонѣ „протестантовъ“ и они, считая старые правила преступными, прибѣгли къ тому же принужденію и карамъ, дабы заставить несогласныхъ съ ними поступать такъ, какъ требуютъ ихъ установившіеся шаблоны.

Какъ извѣстно, обычай кровной мести былъ свойствененъ большинству (если не всѣмъ) первобытныхъ народовъ... Въ каждой такой группѣ онъ укоренился и говоря, словами М. М. Ковалевскаго, мститель „не видитъ въ своемъ дѣйствіи ничего позорнаго, считаетъ его, наоборотъ, доблестнымъ, заслуживающимъ всякой славы, поступкомъ“ [1]). Таковъ нормальный шаблонъ группы, какъ въ Осетіи, изслѣдованной М. М. Ковалевскимъ, такъ и въ рядѣ другихъ группъ... Разъ таковъ шаблонъ, то понятно, что нарушеніе (т. е. отказъ отъ мести) какимъ-нибудь членомъ группы (нарушеніе, опять-таки вызванное тѣми или иными новыми для даннаго члена условіями, напр., его измѣнившимися убѣжденіями, сознаніемъ риска, раньше несознаваемаго, отвращеніемъ къ убійству и т. д.) вызываетъ конфликтъ между шаблономъ его поведенія и шаблономъ остальныхъ членовъ группы, продолжающихъ признавать месть „долгомъ“. Въ первобытныхъ группахъ этотъ конфликтъ разрѣшается репрессіей, которая постигаетъ нарушителя мести (т. е. человѣка отказавшагося отъ мести) репрессіей, выражающейся въ формѣ опозоренія или въ другихъ болѣе суровыхъ формахъ, вплоть до изгнанія его изъ соціальнаго круга.

Но положеніе дѣла совершенно мѣняется съ дальнѣйшимъ развитіемъ жизни группы. Если вновь появившіяся условія, заставлявшія сначала одного индивида, а затѣмъ и нѣсколькихъ воздерживаться отъ мести (напр., измѣненіе убѣжденія) — въ дальнѣйшемъ сохраняются, то сторона воздерживающаяся отъ

---

[1]) М. Ковалевскій. Современный обычай и древній законъ. Москва. 1886, стр. 8, т. II.

мести можетъ оказаться болѣе сильной, и тогда она, въ свою очередь, насильственно заставитъ подчиниться ея шаблону другую часть, придерживающуюся еще старыхъ шаблоновъ и, въ свою очередь, будетъ разсматривать кровную месть какъ преступленіе.

На лицо опять тотъ же конфликтъ, вызванный не одновременнымъ измѣненіемъ шаблоновъ взаимоотношенія у различныхъ членовъ группы. Простѣйшимъ примѣромъ этого являются современныя общества, карающія за самоуправство...

Измѣненіе условій, влекущее необходимость измѣненія шаблоновъ, можетъ быть вызвано не только внутригрупповымъ взаимодѣйствіемъ (колект. опытъ), но и внѣшними для группы причинами. Такъ, напр., для многихъ племенъ Азіи, покоренныхъ англичанами, самый фактъ покоренія вызываетъ необходимость измѣненія шаблоновъ и перемѣняетъ роли сторонъ, считающихъ „долгомъ“ месть и такимъ же „долгомъ“ воздержаніе отъ мести... Послѣдняя сторона безъ вмѣшательства англичанъ (новое условіе) была во многихъ группахъ слабой, малочисленной и, конечно, поэтому должна была терпѣть наказаніе (въ формѣ позора) за нарушеніе шаблона мести. Но англичане, считая месть антинравственной, запретили ее подъ страхомъ сильныхъ наказаній, и роли сторонъ перемѣнились. Сторона мстящая теперь оказалась „преступной“, и такъ какъ отказаться отъ мести моментально и добровольно она не можетъ (привычку сразу не сбросишь), то и терпитъ наказаніе; а существованіе послѣднихъ говоритъ о томъ, что измѣненіе шаблоновъ въ группѣ не идетъ одновременно, а разновременно: одни отстаютъ, другіе опаздываютъ—въ результатѣ получается конфликтъ, разрѣшаемый болѣзненной операціей наказанія и на-

грады.

То же mutatis mutandis относится и къ любымъ шаблонамъ, въ любомъ человѣческомъ обществѣ... Выразителенъ въ этомъ отношеніи фактъ смѣны религіозныхъ убѣжденій, частнымъ примѣромъ котораго можетъ служить конфликтъ язычества съ христіанствомъ...

Благодаря росту коллективнаго опыта въ сознаніи отдѣльныхъ лицъ древне-еврейскаго общества, а затѣмъ и греко-римскаго появилось убѣжденіе въ лживости и неистинности старыхъ еврейскихъ, а затѣмъ и римскихъ религіозныхъ шаблоновъ... Общество такимъ образомъ въ данномъ отношеніи распалось на

двѣ части: христіанъ, признающихъ новые религіозные шаблоны, и язычниковъ, не успѣвшихъ еще разувѣриться въ старыхъ шаблонахъ. Въ результатѣ—конфликтъ. А разъ конфликтъ—то общество должно или распасться окончательно, или, если оно не распадается, его единство должно поддерживаться принудительно. А разъ на лицо принужденіе, то тѣмъ самымъ и его внѣшніе симптомы—кара и награда. И мы видимъ преслѣдованія и мученія христіанъ, казни, тюремныя заключенія съ одной стороны, и совращеніе ихъ въ язычество путемъ наградъ—съ другой. Съ теченіемъ времени (особенно въ средніе вѣка) роли христіанъ и язычниковъ мѣняются: первые изъ преступниковъ превращаются въ подвижниковъ и вмѣсто каръ получаютъ награды, вторые же превращаются въ преступниковъ и принуждаются къ совершенію и соблюденію христіанскихъ шаблоновъ путемъ болѣзненныхъ операцій каръ и наградъ (см. ниже).

Такимъ образомъ, источникъ того, что называется преступленіемъ и реакціи на это преступленіе—(актъ наказанія), приходится искать именно въ конфликтномъ характерѣ развитія соціальной группы...

Вначалѣ этотъ конфликтъ шаблоновъ чисто импульсивенъ и чисто импульсивна и реакція на него. Но съ ростомъ сознанія (соціальности) къ голой импульсивности присоединяются тѣ или иные сознательные мотивы: существующіе шаблоны превращаются въ „должныя“ и „обязательныя“, нарушеніе ихъ превращается въ „преступленіе“, реакція на преступленіе превращается въ „наказаніе“, требуемое Богомъ, справедливостью, искупленіемъ и т. д...

Такова „вѣчная цикличность“ соціальнаго развитія. Какъ видно изъ сказаннаго, человѣчеству задано было рѣшеніе историческаго уравненія и уравненія весьма нелегкаго. Ему было сказано: „человѣкъ долженъ жить въ обществахъ и приспособляться къ общественному бытію, устанавливая прочныя формы взаимоотношеній другъ съ другомъ. Но въ то же время онъ самъ и его поведеніе должно непрерывно эволюціонировать и смѣнять одни шаблоны на другіе. Разума ему не дается. Если нуженъ онъ ему, то пусть создаетъ его, какъ умѣетъ. Если сумѣетъ приспособиться и эволюціонировать—будетъ жить, не сумѣетъ—погибнетъ“. И человѣкъ рѣшилъ это уравненіе, пожертвовавъ милліонами себѣ подобныхъ и оставивъ на каждой пяди своего пути моря крови. Рѣшилъ ли онъ окончательно

это уравненіе и уменьшается ли число жертвъ, которыя „унаваживаютъ“ дорогу прогресса—этотъ вопросъ мы будемъ рѣшать въ слѣдующей главѣ, а теперь прорезюмируемъ основные тезисы, которые излагались выше.

1) Соціальная среда и соціальное взаимодѣйствіе динамичны по своей природѣ.

2) Сообразно съ этимъ измѣненіе ея вызываетъ необходимость измѣненія и шаблоновъ групповаго поведенія.

3) Благодаря не одинаковой эластичности старыхъ шаблоновъ у различныхъ индивидовъ группы, и благодаря тому, что не всѣ индивиды стоятъ въ одинаковомъ отношеніи къ новымъ условіямъ, приспособленіе къ новымъ условіямъ шло и идетъ не одновременно (не pari passu) у различныхъ членовъ, а разновременно, одни опаздываютъ, другіе опережаютъ (это относится какъ къ міру животныхъ, такъ и людей).

4) Благодаря этой неодновременности въ данной группѣ появлялся конфликтъ шаблоновъ, а тѣмъ самымъ и конфликтъ между различными частями группы...

5) Разрѣшеніе этого конфликта можетъ быть двоякое: 1) или данная группа, какъ надъиндивидуальное единство, перестаетъ существовать и распадается, или 2) единство ея устанавливается принудительно... Изъ этихъ двухъ исходовъ болѣе общимъ является второй способъ разрѣшенія конфликтовъ.

6) Болѣе сильная часть группы заставляетъ насильно соблюдать „протестантовъ“ ея шаблоны посредствомъ двоякаго рода дѣйствій: положительныхъ (наградъ) и отрицательныхъ (каръ).

7) Въ животныхъ обществахъ этотъ конфликтъ случается очень рѣдко (благодаря меньшей измѣнчивости условій), и носитъ въ большинствѣ случаевъ механическій характеръ. (Они болѣе приспособлены къ средѣ).

8) Въ человѣческихъ обществахъ, гдѣ взаимодѣйствіе интенсивнѣе (а значитъ и условія болѣе измѣнчивы) этотъ конфликтъ случается гораздо чаще и принимаетъ сознательно-мотивированную форму, проявляющуюся въ выраженіяхъ: „долженъ“, „обязанъ“, „имѣетъ право“ и т. д. Нарушеніе шаблона превращается въ „преступленіе“, реакція—въ „наказаніе“, „сверхнормальный“ актъ—въ подвигъ, реакція—въ награду.

ГЛАВА VIII-я.

Эволюціонныя тенденціи кáръ и наградъ.

§ 1.

Историческія тенденціи, вытекающія изъ предыдущаго.

Изъ совокупности предыдущихъ положеній дедуктивно вытекаютъ три основныхъ слѣдствія:

1) Такъ какъ съ усложненіемъ и расширеніемъ соціальныхъ круговъ процессъ взаимодѣйствія совершается все сильнѣе и сильнѣе и окружающая каждаго индивида соціальная среда становится все сложнѣе и сложнѣе (узоръ, образуемый здѣсь пересѣченіями соціальныхъ круговъ несравненно запутаннѣе, средствъ взаимодѣйствія безконечно больше—книги, обученіе, телефонъ, телеграфъ, почта, газеты, журналы, пути сообщенія и т. д.), то поднимаясь отъ менѣе развитыхъ и болѣе простыхъ обществъ къ обществамъ болѣе культурнымъ, сложнымъ и дифференцированнымъ—мы должны наблюдать и болѣе быструю смѣну шаблоновъ.

2) Такъ какъ, помимо раціональныхъ причинъ, въ силу одного естественнаго подбора шаблоны соціально-полезные должны оставаться, а оставаясь, они все большее и большее число разъ повторяются, а разъ большее число разъ повторяются, то все болѣе и болѣе становятся органически-присущими человѣку—то изъ этого слѣдуетъ, что чѣмъ далѣе развивается соціальная жизнь, тѣмъ болѣе и болѣе должны расти и укрѣпляться соціально полезные шаблоны, вытѣсняя соціально-вредные. Если же это такъ, то кары и награды, вызвавшія или принудительно заставлявшія выполнять соціально-полезные шаблоны поведенія, должны все болѣе и болѣе падать, ибо по мѣрѣ того, какъ растетъ устойчивость соціально-полезнаго поведенія—по мѣрѣ того уменьшается надобность и цѣлесообразность давленія каръ и наградъ.

3) Шаблоны же поведенія, полезные только для одного этапа развитія или же вообще соціально-вредные, благодаря болѣе быстрому измѣненію условій, успѣваютъ меньшее число разъ повторяться. Если же они меньшее число разъ повторяются, то они становятся болѣе гибкими или менѣе привычными; разъ они болѣе гибки—легче поддаются искорененію. Если это такъ, то значитъ съ ростомъ культуры нужны и менѣе жестокіе способы воздѣйствія для ихъ искорененія или, иначе говоря, уничтоженія соціальныхъ конфликтовъ. Такъ какъ такими способами воздѣйствія были кары и награды, то изъ сказаннаго вытекаетъ, что съ ростомъ соціальности онѣ должны становиться все менѣе и менѣе жестокими. Иначе говоря, кары и награды должны постепенно падать.

Второй и третій тезисъ ведутъ къ одному и тому же выводу а именно къ паденію каръ и наградъ съ ростомъ соціальнаго взаимодѣйствія. Второй—потому, что соціально-полезные акты взаимоотношеній, укрѣпляясь, дѣлаютъ давленіе санкцій излишнимъ, третій потому, что соціально вредные акты съ растущей быстротой измѣненія условій все болѣе и болѣе расшатываются, становятся все менѣе и менѣе устойчивыми, а потому для своего уничтоженія требуютъ все менѣе и менѣе сильное давленіе санкцій.

Подобно тому, какъ требуется болѣе сильный ударъ и болѣе тяжелый ломъ для того, чтобы пробить толстый слой льда—подобно этому требовались и жестокія кары и грандіозныя награды, чтобы „пробить“ и „искоренить“ соціально-вредные шаблоны поведенія человѣка первобытныхъ эпохъ, когда эти шаблоны поведенія въ огромной своей части были результатомъ многовѣковаго родового повторенія и, благодаря этому, успѣли кристаллизоваться и застыть. Наряду съ этими шаблонами и остальные его шаблоны поведенія были несравненно болѣе устойчивы, чѣмъ соціально-вредные шаблоны поведенія современнаго человѣка, ибо при меньшей подвижности и большей устойчивости соціальной среды—они большее число разъ повторялись и соотвѣтственно создавали болѣе сильную диспозицію къ подобнымъ актамъ.

И обратно: подобно тому, какъ достаточно легкаго прикосновенія къ только что застывшему тонкому слою льда, чтобы его разрушить, также достаточно и легкаго давленія не жестокихъ

каръ и наградъ, чтобы измѣнить эти подобія шаблоновъ въ желательную сторону.

Таковы основныя слѣдствія, вытекающія изъ всего предыдущаго. Если дѣйствительно историческій обзоръ подтвердитъ ихъ, этимъ самымъ до извѣстной степени подтверждается и истинность всѣхъ предыдущихъ тезисовъ. Конечно, историческая конкретность слишкомъ сложна. Было бы безплодной попыткой искать въ ней абсолютно точныхъ и совершенно прямо проведенныхъ линій, указывающихъ на эти тенденціи—однако, признаніе ея зигзагообразности не мѣшаетъ признанію и опредѣленныхъ послѣдовательныхъ тенденцій, достаточно рѣзко очерченныхъ и выдѣляющихся своимъ постоянствомъ среди остальныхъ, „случайныхъ“ возвратовъ и отклоненій.

Но и эти зигзаги также не случайны. Повышенія и пониженія кривой санкцій также обнаруживаютъ извѣстную закономѣрность. Если вѣрно понята нами соціальная роль наградъ и наказаній, источникъ ихъ происхожденія, а равно и источникъ происхожденія преступленій и подвиговъ, обязанныхъ своимъ существованіемъ, какъ и кары съ наградами, конфликтному ходу соціальнаго развитія,—то изъ этихъ положеній можно извлечь рядъ дедуктивныхъ выводовъ и „пророчествъ“ относительно того, когда кривая каръ и наградъ, преступленій и подвиговъ должна повышаться и когда понижаться. Эти выводы мы сдѣлаемъ въ своемъ мѣстѣ и постараемся провѣрить ихъ на историческомъ матеріалѣ посредствомъ метода сопутствующихъ измѣненій. А теперь перейдемъ сначала къ прослѣживанію исторической тенденціи прогрессирующей быстроты общественной эволюціи и постепеннаго паденія санкцій, стараясь очерчивать лишь постоянныя линіи и игнорируя пока зигзаги, которыми мы займемся уже потомъ, и такимъ образомъ восполнимъ данныя, необходимыя для объясненія подлинной кривой каръ и наградъ (преступленій и подвиговъ) [1]).

---

[1]) Такъ какъ авторъ пишетъ не исторію этихъ явленій, то вполнѣ понятно, что онъ не ставитъ своей задачей детальное описаніе ихъ судебъ и измѣненій, а ограничивается указаніемъ общихъ и главныхъ этаповъ развитія, отсылая читателей, желающихъ изучить эти явленія подробно, къ ряду трудовъ, приводимыхъ имъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

§ 2.

Тенденція прогрессирующей быстроты соціальной эволюціи.

Доказывать историческій ростъ быстроты измѣненія шаблоновъ поведенія съ ростомъ соціальности и сложности общества нѣтъ надобности, ибо это трюизмъ, всѣмъ и каждому извѣстный. Достаточно для этого сравнить послѣднее столѣтіе со всѣми предыдущими,—это сравненіе весьма ясно и весьма опредѣленно говоритъ о томъ, что измѣненія, происшедшія въ теченіе 19-го столѣтія въ соціальной жизни культурныхъ государствъ, начиная съ экономическаго уклада и кончая высшими видами творческой дѣятельности,—были столь крупны и столь велики, что раньше для этого нужны были бы, вѣроятно, десятки тысячелѣтій. „Человѣческая культура, въ томъ числѣ хозяйственная жизнь, техника, орудія и способы производства матеріальныхъ благъ и т. д. движется впередъ не пропорціонально времени, а въ ускоряющейся прогрессіи по отношенію ко времени, совершенно справедливо говоритъ Л. І. Петражицкій. На низшихъ, примитивныхъ стадіяхъ развитія жизнь относительно неизмѣнна, процессъ культурныхъ измѣненій присходитъ весьма медленно, на высшихъ стадіяхъ развитія измѣненія дѣлаются все быстрѣе и быстрѣе. Столь сильныя измѣненія человѣческой жизни, для которыхъ на примитивныхъ стадіяхъ развитія требуются десятки тысячъ лѣтъ, происходятъ на послѣдующихъ ступеняхъ въ теченіе тысячелѣтій, затѣмъ столѣтій, а теперь въ частности подъ вліяніемъ могучаго фактора человѣческаго прогресса—науки, десятилѣтія вносятъ болѣе сильныя измѣненія, чѣмъ какія прежде достигались въ теченіе тысячелѣтій“ [1]).

Достаточно сравнить первыя стадіи человѣческаго общества и современные этапы, чтобы увидѣть громадную разницу ихъ въ этомъ отношеніи. Всѣ наблюдатели и изслѣдователи первобытной жизни единогласно говорятъ о консервативности, неизмѣнности и неподвижности соціальной жизни первобытныхъ обществъ. Здѣсь взглядъ людей обращенъ назадъ, основаніемъ поведенія служитъ обычай отцовъ и дѣдовъ, съ стереотипностью

---

[1]) Теорія права. т. II стр. 567 и слѣд.

воспроизводимый многочисленными поколѣніями. Выражаясь языкомъ Тарда, здѣсь царитъ „подражаніе—обычай“, копирующій древность. По своей неизмѣнности эти общества стоятъ очень близко къ неподвижнымъ и въ теченіе долгихъ вѣковъ живущимъ по разъ созданному инстинкту животнымъ обществомъ.

И это вполнѣ понятно. Условія здѣсь относительно просты, а потому устойчивы. Разъ приспособившись къ этимъ условіямъ и выработавши соотвѣтственные шаблоны поведенія—каждый индивидъ и все общество съ неизмѣннымъ однообразіемъ исполняютъ ихъ, такъ же, какъ однообразно исполняютъ ихъ и животныя, живущія въ обществахъ.

Но мало-по-малу все же взаимодѣйствіе, т.-е. обмѣнъ чувствами, ощущеніями, импульсами, представленіями и т. д. дѣлаетъ свое дѣло, къ этому присоединяется факторъ размноженія, иногда—нападеніе той или иной группы и т. д.—все это постепенно начинаетъ мало-по-малу измѣнять самую среду, а тѣмъ самымъ и индивида. Общества растутъ и дифференцируются. Дифференцируется, развивается и индивидъ. Весь историческій процессъ, взятый въ цѣломъ, въ концѣ концовъ превращается въ все быстрѣе и быстрѣе несущійся потокъ, имѣя въ себѣ самомъ причину и условіе для этой прогрессіи быстроты. Въ концѣ концовъ мы приходимъ къ состоянію, гдѣ характерной чертой становится „подражаніе—мода“. Интересъ и вниманіе сосредоточивается уже не на старинѣ, не на прошломъ, а на новомъ, будущемъ, которое и копируется съ моментальной быстротой.

Приводить отдѣльныя историческія доказательства сказаннаго было бы совершенно безцѣльнымъ дѣломъ, по той простой причинѣ, что всѣ стороны человѣческой культуры подтверждаютъ это положеніе. Возьмемъ ли мы измѣненія экономическаго уклада, происшедшія за послѣднее столѣтіе, или очертанія и измѣненія политическихъ тѣлъ, или техническія изобрѣтенія, или почту, телеграфъ, дороги и т. д., или измѣненія въ морально-правовой области и въ институтахъ, или прогрессъ науки и связанныхъ съ нею сторонъ культуры: міровоззрѣнія, религіи, искусства, и т. д.—всюду неоспоримо бьетъ въ глаза эта поражающая быстрота измѣненій, испытанныхъ Европой за послѣднее столѣтіе, начиная съ 1789 года, отдѣляющаго „старый порядокъ“ отъ новаго. Если бы мы взяли первобытное общество—то нужны были бы именно десятки тысячелѣтій для того, чтобы въ немъ могли произойти подобныя измѣненія. Помимо всего, простымъ подтвержденіемъ сказаннаго служитъ весьма наглядъ-

ный экспериментъ, состоящій въ сравненіи жизни деревни, гдѣ все же условія несравненно проще и однообразнѣе, чѣмъ въ большомъ городѣ, съ жизнью этого города [1]).

Въ первой, говоря словами поэта, „вѣковая тишина“, во второмъ—вѣчная сутолока и вѣчная торопливость. Въ первой царитъ элементъ консерватизма и традиціи, во второмъ—мода и радикализмъ. Обитатель первой—крестьянинъ, обитатель второго—рабочій.

Первый всюду и вездѣ былъ оплотомъ реакціи, второй—застрѣльщикомъ революціи. Въ первой „механическая“солидарность, соблюдаемые десятками лѣтъ нравы, обычаи, взгляды, завѣщанные дѣдами, во второмъ—быстро ломаемые обычаи, постоянное измѣненіе, „легкость нравовъ“ и т. п. Въ первой—строгое порицаніе и кара за всякое отступленіе отъ шаблона, во второмъ—вполнѣ извинительное отношеніе ко всякимъ новшествамъ и отступленіямъ. Недаромъ еще въ древности пословица говорила, что „города дѣлаютъ людей свободными“...

Вообще въ виду того, что данный тезисъ никѣмъ не оспаривается, что всѣ соціологи, начиная съ Кондорсэ, Конта, Спенсера и кончая Тардомъ, Дюркгеймомъ, Де-Роберти, Зиммелемъ и т. д., указывали почти во всѣхъ своихъ работахъ на данную тенденцію—то совершенно было бы безцѣльно „ломиться въ открытую дверь“...

Считая этотъ тезисъ установленнымъ, обратимся къ остальнымъ двумъ или вѣрнѣе къ тому слѣдствію, которое изъ нихъ вытекаетъ, а именно къ историческому обзору постепеннаго паденія каръ и наградъ, вызываемому двумя противоположными причинами: a) все болѣе и болѣе растущей устойчивостью соціально-полезныхъ актовъ поведенія, вслѣдствіе чего дѣлается совершенно излишнимъ давленіе этихъ рычаговъ, нѣкогда нужное и необходимое, и b) все увеличивающейся непрочностью и неустойчивостью соціально-вредныхъ шаблоновъ поведенія, обусловливаемой все растущей быстротой измѣненія соціальныхъ условій.

Такъ какъ обѣ эти причины неразрывны другъ съ другомъ, то каждый конкретный случай паденія каръ и наградъ несомнѣнно обусловливается дѣйствіемъ той и другой.

---

[1]) См. статьи Бюхера, Зиммеля и др. въ сборникѣ „Большіе города“, изд. Просвѣщенія, гдѣ чрезвычайно ярко и выпукло обрисованы специфически-соціальныя черты города.

§ 3.

Историческая тенденція паденія каръ.

Паденіе санкцій происходитъ въ двухъ формахъ: кары и награды уменьшаются и по своей интенсивности, и по количеству караемыхъ и награждаемыхъ лицъ. Подъ паденіемъ интенсивности каръ мы понимаемъ постепенное ослабленіе ихъ жестокости и мучительности, а подъ ограниченіемъ объема лицъ, подвергаемыхъ ихъ вліянію, мы понимаемъ постепенное ограниченіе круга караемыхъ лицъ.

Для удобства и большей ясности подраздѣлимъ подтвержденіе этихъ положеній на двѣ части: сначала покажемъ на различныхъ примѣрахъ истинность закона паденія каръ, затѣмъ то же самое покажемъ по отношенію къ наградамъ.

I. Паденіе каръ, сопутствующее постепенный ростъ соціальнаго взаимодѣйствія.

а) Паденіе каръ въ области религіознаго карательнаго давленія.

Такъ какъ взаимоотношеніе человѣка и высшаго существа всегда было до извѣстной степени двойникомъ, отображавшимъ взаимоотношенія людей между собою, то это даетъ основаніе предполагать, что если указанная тенденція вѣрна въ приложеніи къ отношеніямъ людей, то она должна быть вѣрной и въ приложеніи къ взаимоотношенію человѣка и его Бога [1]). Это

---

[1]) Что взаимоотношенія человѣка и его божества были въ общемъ всегда отраженіемъ взаимоотношеній человѣка и окружающаго его общества—это подтверждается не только ходячимъ мнѣніемъ, гласящимъ: „человѣкъ творитъ боговъ по своему подобію“ или Шиллеровскимъ изреченіемъ, что Die Götter sind das Abbild der Menschen, но и почти всѣми этнографическими изслѣдованіями и трудами, а равно и чисто соціологическими работами, изъ которыхъ, помимо Гюйо, съ его опредѣленіемъ религіи, какъ соціоморфизма (см. его Иррелигіозность будущаго), можно здѣсь указать на работу Зиммеля „Религія“ (Москва 1909 г.) и на солидный трудъ Дюркгейма не разъ уже цитированный мною: „Элементарныя формы религіозной жизни“ (Paris 1912). Какъ въ этихъ, такъ и въ рядѣ др. работъ (работы Тейлора, Фразера, Штейнмеца и др.) достаточно ярко и убѣдительно показана полная параллель указанныхъ взаимоотношеній и доказано ихъ сходство, что и даетъ основаніе для изученія исторіи каръ и наградъ обратиться къ изученію отраженій ея въ человѣко-божескихъ отношеніяхъ.

См. Зиммель. Стр. 19, 20, 21, 28—9, гл. III и passim. Дюркгеймъ.—passim, въ частности — Livre II, гл. VI и VII. Steinmetz. Etnologische Studien zur ersten Entwicklung der Strafe. T. II. 1894. 349—366 и др.

значитъ, что и въ этихъ отношеніяхъ мы должны увидѣть ту же тенденцію. И дѣйствительно, какъ бы люди не понимали это высшее существо, разъ есть вѣра въ его бытіе и вѣра въ то, что онъ одно предписываетъ, другое рекомендуетъ, третье запрещаетъ — eo ipso между человѣкомъ и этимъ высшимъ существомъ возникаютъ опредѣленныя отношенія. Если эти отношенія гармоничны, т.-е. акты и поступки человѣка совпадаютъ съ заповѣдями Бога, то этимъ самымъ исключается нужность и надобность всякаго карательнаго воздѣйствія. Если же Богъ предписываетъ одно, а человѣкъ дѣлаетъ другое, то, вполнѣ понятно, Богъ долженъ такъ или иначе принудить человѣка къ исполненію его заповѣдей. А такъ какъ всякое принужденіе, въ концѣ концовъ, сводится къ мотиваціонному давленію каръ и наградъ, то при негармоничности ихъ взаимоотношеній должны были появиться и эти санкціи. И очевидно, они будутъ тѣмъ интенсивнѣе и расточительнѣе, чѣмъ устойчивѣе поступки человѣка, противорѣчащіе Божьимъ заповѣдямъ. По мѣрѣ же того, какъ эта устойчивость поступковъ ослабляется, т.-е. по мѣрѣ того, какъ закоренѣлость въ преступныхъ актахъ уменьшается, по мѣрѣ этого должна падать и интенсивность каръ. Когда же отношенія человѣка и верховнаго существа гармоничны, то и санкціи должны исчезнуть, ибо они теряютъ всякій смыслъ.

Попытаемся теперь кратко показать это на нѣкоторыхъ системахъ религіозныхъ вѣрованій.

Не будетъ большой ошибки, если я скажу, что отношенія человѣка и верховнаго существа въ древнихъ обществахъ были чуть не сплошь конфликтны и дисгармоничны, а поэтому связь ихъ была не связью гармоніи и любви, а связью, основанной исключительно на давленіи каръ и наградъ, или на страхѣ каръ и на надеждѣ выгодъ. Этотъ фактъ былъ уже подмѣченъ многими авторами и, въ частности, Гюйо. «Правительство небесное, говоритъ онъ, было всегда не болѣе, какъ проэкціей правительства человѣческаго съ системой карательныхъ мѣръ, сначала страшныхъ, затѣмъ все болѣе и болѣе мягкихъ“ [1]).

И дѣйствительно, въ религіи Ассиро-Вавилонянъ, Евреевъ, Арабовъ, древнихъ персовъ, Мексиканцевъ, въ первичныхъ религіяхъ Индіи и многихъ другихъ народовъ это карательное давле-

---

[1]) Иррелигіозность будущаго. Стр. 70, пер. подъ ред. Фриче.

ніе выступаетъ во всей своей наготѣ. Въ этихъ отношеніяхъ повсюду выступаетъ съ ясностью страхъ передъ карами потусторонннихъ существъ.

Этотъ страхъ передъ карательной силой потусторонннихъ существъ выступаетъ уже на первыхъ ступеняхъ общественной жизни.

„Для дикихъ племенъ страхъ передъ душами умершихъ, какъ передъ злобными духами, является какъ нельзя болѣе обычнымъ“, говоритъ Э. Тейлоръ, обобщая многочисленный рядъ фактовъ. По понятіямъ новозеландцевъ, австралійцевъ, патагонцевъ, монголовъ, китайцевъ, туземцевъ индо-Китая и Индіи и т. д. эти духи свою мстительность обращаютъ противъ всѣхъ живыхъ, если такъ или иначе не умилостивить ихъ“ [1]). То же, на основаніи многихъ фактовъ утверждаетъ Харузинъ. „Общимъ для низшихъ культурныхъ расъ можетъ считаться убѣжденіе, что мертвые не представляютъ изъ себя добрыхъ по природѣ существъ: они благодѣтельны только, если ихъ ублаготворяютъ жертвами“, „въ нихъ, въ начальномъ періодѣ человѣческаго развитія, по крайней мѣрѣ, видятъ скорѣе злобныхъ, чѣмъ добрыхъ и покровительствующихъ существъ. Страхъ передъ умершимъ былъ первымъ импульсомъ къ появленію и развитію культа мертвыхъ, перешедшаго (потомъ) въ культъ предковъ“ [2]).

Изъ этого видно, что разъ страхъ составляетъ основу культа, разъ духи склонны постоянно карать—то тѣмъ самымъ уже данъ

---

[1]) Тейлоръ. Ист. культ. т. II. 172.

[2]) Этнографія IV. 197—198. См. также. Спенсеръ. Основ. соціологіи. Спб. 1898 г. 391—393. „Страхъ передъ живыми, говор. Спенсеръ, становится корнемъ политическаго контроля, а страхъ передъ мертвыми становится корнемъ религіознаго контроля... Мы должны признать въ страхѣ передъ мертвыми такой обществ. факторъ, который вначалѣ играетъ не менѣе важную роль, чѣмъ страхъ передъ живыми, если только его роль на самомъ дѣлѣ еще не важнѣе“. Ibid. 272—273. Подобно этому и Steinmetz утверждаетъ, что изъ изученныхъ 144 примит. народностей у большинства констатированъ страхъ передъ мертвыми. Wir finden also Totenfurcht mehr als zweimal so oft als Ahnenliebe und erstere anderthalbmal so oft deutlich ausgeprägt als letztere... Jedenfalls tritt die Totenfurcht also mehr hervor als die Ahnenliebe“ Die Etnol. Studien. т. I. 282—285.

Далѣе онъ же подчеркиваетъ, что Духъ наказываетъ вначалѣ просто потому, что ему сдѣлано непріятное и вредное, потомъ ужъ онъ наказываетъ почти всюду смертью для общей пользы и чѣмъ ниже народъ, тѣмъ эгоистичнѣе божество его, и тѣмъ оно болѣе жестоко караетъ. См. т. II. 349—393.

намъ конфликтъ человѣка и окружающихъ его сверхъестественныхъ существъ и на ряду съ этимъ дана неограниченность этихъ каръ. И дѣйствительно, о какихъ-либо границахъ и предѣлахъ каръ здѣсь нѣтъ и рѣчи. Духи карающъ и мстятъ безъ всякаго принципа, не разбирая ни правыхъ, ни виновныхъ; посылаютъ болѣзни, страданія, бѣдствія, мучатъ, истязаютъ, причиняютъ смерть и т. д. [1]). Неограниченность каръ (и наградъ) здѣсь правило.

Поднимаясь отъ этихъ примитивныхъ вѣрованій къ системамъ болѣе высокимъ—мы встрѣчаемся съ тѣми же принципами.

О религіи Ассиро-Вавилонянъ Мензисъ говоритъ: она „не заслуживаетъ названія религіи, такъ какъ единственнымъ мотивомъ его является страхъ, и въ немъ еще не достигнуто дружескаго отношенія съ невидимой силой“ [2]). И нѣтъ надобности говорить о томъ, что карательные акты со стороны боговъ были не рѣдкостью, чѣмъ и объясняется пышный культъ ихъ, жертвоприношенія (не исключая и человѣческихъ) и т. д.

Въ законахъ Ману читаемъ: „Чтобъ помогать королю въ его дѣлахъ, Господь съ самаго начала произвелъ генія наказанія, защитника всѣхъ существъ, исполнителя справедливости, собственнаго своего сына. Боязнь наказанія именно дозволяетъ всѣмъ движущимся и недвижущимся созданіямъ наслаждаться тѣмъ, что имъ принадлежитъ, и она же мѣшаетъ имъ удалиться отъ своихъ обязанностей. Наказаніе управляетъ человѣческимъ родомъ, наказаніе его охраняетъ, наказаніе бодрствуетъ, когда все спитъ; наказаніе—это справедливость, говорятъ Мудрецы. Всѣ классы развратились бы, всѣ границы были бы уничтожены, міръ представлялъ бы хаосъ, если бы наказаніе не исполняло своей обязанности“ [3]).

И первоначальныя представленія Ригъ-Ведъ о взаимоотношеніяхъ людей и боговъ показываютъ, что о духовной гармоніи въ ихъ взаимоотношеніяхъ говорить не приходится: боги похожи на наемныхъ хранителей, которые могутъ сдѣлать какое угодно зло, если ихъ достаточно не ублаготворить. Если кто-нибудь „платилъ“ имъ, они исполняли любое его желаніе. Литурги-

---

[1]) См. объ этомъ указанныя работы. Спенсеръ. Основы соціологіи. Гл. IX по XXVI. Ковалевскій. Соціологія. Т. II и др.

[2]) Мензисъ. Исторія религіи. Спб. 1905, стр. 69.

[3]) Законы Ману. Гл. 7. 14—24.

ческія формулы даютъ такіе образчики: „желаетъ ли кто сдѣлать зло? Пусть онъ скажетъ (Сурьѣ): „порази такого-то; послѣ я заплачу тебѣ приношеніемъ“. И (Сурья) желая получить приношеніе, поражаетъ его“ [1]). И самъ характеръ жертвоприношеній, изъ которыхъ человѣческая жертва „упоминается со зловѣщей многократностью“ [2]) достаточно ясно говоритъ о томъ, что карательно-наградныя санкціи въ самыхъ неограниченныхъ формахъ—норма, а не исключеніе для древнѣйшей стадіи Ведійской религіи.

То же въ еще большей степени приложимо и къ религіи семитовъ: ханаанитовъ, финикіянъ, евреевъ и арабовъ, мексиканцевъ и др. Достаточно упомянуть имена Ваала, Ашеры, Молоха и культъ, ужасный культъ человѣческихъ гекатомбъ—чтобы согласиться съ тѣмъ, что здѣсь всего меньше естественности отношеній, что человѣкъ каждую минуту могъ подвергнуться карѣ—жестокой и ужасной и долженъ былъ постоянно умилостивлять своихъ повелителей. (См. Спенсеръ. Осн. соц. т. I и II).

То же приложимо и къ религіи древнихъ персовъ, евреевъ, и арабовъ. Религія «Заратустры» знаетъ не мало какъ посюсторонихъ, такъ и потусторонихъ наказаній и наградъ [3]).

Что же касается Ветхаго Завѣта, то не нужно доказывать, что въ немъ кары неограничены, какъ по своей интенсивности, такъ и по объему круга караемыхъ лицъ.

Изъ вышеприведеннаго отрывка [4]) видно, что нѣтъ такой кары, которой бы не наказывалъ Іегова непослушныхъ. Всѣ карательные акты: и голодъ, и безплодіе, и болѣзни, и слѣпота, и рабство, и пытка, и смертная казнь, вплоть до кары, состоящей въ съѣданіи своихъ дѣтей—все это пускается въ ходъ. Мало того, карается не только виновный, но и невинный. За грѣхи отцовъ караются не только отцы, но и все потомство. Формулы въ родѣ: «Господь поразитъ тебя и потомство твое необычай-

---

[1]) А. Бартъ. Религіи Индіи. Москва. 1897 г. 43 стр.

[2]) Ibid. стр. 66.

Другая характерная черта боговъ Ведъ—ихъ мстительность—также подтверждаетъ сказанное. См. Спенсеръ. Индукціи этики. „Мщеніе“.

[3]) Avesta. Von Spiegel. т. I, стр. 171, 221, 239, т. III фрагм. XXXVIII и др.

[4]) Второзаконіе гл. 2, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 13, 14, 15, и слѣд., въ особ. же гл. 27 - 30 и др.

ными язвами»—обычныя формулы пятикнижія. Въ той же 28-й гл. Второзаконія мы видимъ, какъ обрекаются дѣти на съѣденіе своими отцами за то, что согрѣшили ихъ отцы. И наказаніе за грѣхъ Адама —всего потомства, за грѣхъ фараона—всей земли Египетской, за грѣхъ Хама—всего его потомства и т. д.—фактическія иллюстраціи этой количественной неограниченности каръ. Но мало и этого; оказывается, карается не только умышленное преступленіе, но и преступленіе по ошибкѣ и невѣдѣнію. „Если же кто изъ народа согрѣшитъ по ошибкѣ и сдѣлаетъ что-нибудь противъ заповѣдей Господнихъ, чего не надлежало дѣлать, и виновенъ будетъ" или „если кто прикоснется къ чему-нибудь нечистому, но не зналъ того, то онъ нечистъ и виновенъ"—эти и рядъ подобныхъ положеній вполнѣ ясно подтверждаютъ сказанное [1]).

То же вполнѣ приложимо и къ религіи Ислама. И здѣсь исполненіе той или иной заповѣди рекомендуется не изъ чувства долга, а подъ страхомъ кары или же изъ выгоды. Карательно-наградныя санкціи, исходящія отъ Бога, и здѣсь встрѣчаются почти на каждомъ шагу... (См. образецъ въ гл. о Мотиваціонномъ вліяніи каръ и наградъ).

Эта же неограниченность каръ древнихъ религій выступаетъ и проявляется и у Римлянъ. Это видно изъ того, что смертная казнь у нихъ возникла изъ человѣческой жертвы, которая приносилась въ жертву богамъ отъ общины, въ качествѣ искупленія и очищенія ея отъ гнѣва боговъ, который могъ возникнуть благодаря совершенію преступленія однимъ изъ ея членовъ. Die Hinrichtung erscheint als Menschenopfer; die gemeinde entsühnt sich dadurch, dass sie den Ubeltäter der Gottheit als Opfer darbringt; говоритъ Hitzig. Сама возможность покарать всю общину изъ-за проступка одного ея члена—лишній разъ говоритъ о расточительности каръ[2]).

Не приводя дальнѣйшихъ примѣровъ мы можемъ обобщить всѣ приведенныя положенія въ сдѣдующемъ видѣ: наиболѣе

---

[1]) Левитъ, гл. 4 и 5-я. То же и въ „Законахъ Ману". См. напр. гл. 4, 222, гл. 5, 20—21, гл. 11, 45 и др.

[2]) См. Zum ältesten Strafrecht der Kulturvölker, стр. 47. Lepzig. 1905, а также Mommsen Die geschichte der Todesstrafe. Reden und Aufsätze 1905. 437 и слѣд. Аналогичное же наблюдалось и у др. народовъ, въ частности у Германцевъ, см. Brunner. Grundzuge der deutschen Rechtsgeschichte. 1905, стр. 19.

древнія и крупныя системы религій, а равнымъ образомъ и религіозныя вѣрованія примитивныхъ народовъ показываютъ, что взаимоотношенія человѣка и боговъ (духовъ) регулировались главнымъ образомъ посредствомъ санкцій карательныхъ и (какъ увидимъ ниже) наградныхъ. Нѣтъ почти ни одной религіозной системы прошлаго, которая бы не прибѣгала къ санкціямъ, (безразлично) посюстороннимъ или потустороннимъ.

Обращая вниманіе на самый характеръ карательной санкціи мы видимъ, что она почти всюду неограничена какъ по интенсивности каръ, такъ и по количеству лицъ, подвергаемыхъ карамъ. Всѣ кары, начиная отъ мучительной казни виновныхъ и невинныхъ и кончая болѣе легкими видами наказанія, практиковались религіями въ цѣляхъ воспитанія человѣчества. И человѣкъ исполнялъ заповѣдь Бога не столько изъ чувства долга, не столько изъ любви къ самому Богу, сколько изъ страха передъ грозной Божьей карой, грозившей ему или здѣсь на землѣ или тамъ, въ потустороннемъ мірѣ.

Теперь перейдемъ отъ этихъ системъ къ системамъ болѣе новымъ, нашедшимъ свое выраженіе въ міропониманіяхъ философовъ, моралистовъ и основателей религій, жившихъ въ болѣе цивилизованныхъ обществахъ, или въ обществахъ болѣе культурныхъ, сложныхъ и дифференцированныхъ.

Конечно, прослѣдить постепенное исчезновеніе санкцій въ этихъ системахъ—не входитъ въ мою задачу [2]). Я ограничусь лишь тѣмъ, что укажу нѣкоторыя вѣхи, обозначающія и указывающія дорогу этой тенденціи.

На границѣ новыхъ отношеній къ Богу (личному или сверхличному—здѣсь для насъ безразлично) стоитъ „Новый Завѣтъ“. Революція, произведенная имъ, по словамъ Вундта, заключалась въ томъ, что въ отношеніи человѣка къ божеству, въ противоположность древности и первобытнымъ религіознымъ миросозерцаніямъ, гдѣ господствующимъ мотивомъ былъ страхъ, «ученіе Христа противопоставило мотивъ любви, сравнивая отношенія между Богомъ и человѣкомъ съ отношеніями между отцомъ и дѣтьми» [1]).

---

1) Цитирую по русскому переводу „Этики“ Вундта. СПБ. 1881 г., стр. 312.

2) См. для этой цѣли труды по исторіи философіи и этикѣ.

Правда, какъ было уже указано выше, и Евангеліе не вполнѣ свободно отъ потусторонних санкцій, но важно уже само выдѣленіе этого мотива, являющагося рѣшительнымъ поворотомъ въ сторону чистаго любовнаго долга, свободнаго отъ всякихъ соображеній выгоды и невыгоды...

Дальше средневѣковое лихолѣтье вмѣстѣ съ общимъ паденіемъ культуры снова дѣлаетъ уклонъ въ сторону стараго пути, (Августинъ и схоластическая этика), но затѣмъ тенденція уменьшенія санкцій въ взаимоотношеніяхъ человѣка и его Бога красной нитью проходитъ черезъ всю исторію новаго времени.

Она проявляется и въ нѣмецкой мистикѣ (Мейстеръ Экгартъ) и въ религіозной концепціи Бруно, и въ концепціяхъ нѣмецкихъ мистиковъ 16-го столѣтія. Всюду здѣсь мы видимъ сліяніе человѣка и Бога, указаніе на ихъ односущность и эта тенденція, проходя черезъ Декарта, картезіанцевъ, окказіоналистовъ, Локка, Спинозу, Шефтсбюри, Лессинга, Гете, Шиллера, Пуффендорфа, Томазія и мн. др., находитъ свое окончательное выраженіе въ самоцѣнности доброй воли и въ категорическомъ императивѣ Канта. Въ системѣ послѣдняго, мы видимъ полное отсутствіе какихъ-либо санкцій и обоснованіе глубокой самоцѣнности самого долга. Всѣ послѣдующія религіозно-нравственныя концепціи (Фихте, Шеллингъ, Шлейермахеръ и др.), какъ бы онѣ ни были различны другъ отъ друга—въ данномъ пунктѣ—всѣ они идутъ вмѣстѣ. И такія „безсанкціонныя“ системы морали, какъ мораль Гюйо, и такія религіозныя концепціи, какъ концепція „Бога—Любви“ Толстого—есть только вполнѣ логическія слѣдствія и практическія завершенія этой единой тенденціи. Понятіе Бога постепенно очищается, приближается къ человѣку, теряетъ свой „не человѣческій“ характеръ, превращается въ нѣкоторое мистическое начало и это начало все чаще и сильнѣе получаетъ названіе „Любви“, идеала, „всепрощенія“ „всепримиренія“ и „всеединства“. Правъ Мензисъ, когда, заканчивая свою книгу, говоритъ, что съ развитіемъ религіозныхъ вѣрованій постепенно происходитъ и очищеніе Бога отъ суррогатовъ каръ и наградъ. „Потребность въ самомъ Богѣ, а не только въ дарахъ его возникаетъ и усиливается въ сердцахъ, и люди становятся способными къ той высочайшей религіи, которая можетъ быть названа жизнью души вмѣстѣ съ Богомъ“ [1]).

---

[1]) Мензисъ. Исторія религіи. 328.

И стоитъ только человѣку съ современными моральными воззрѣніями вообразить себя въ такихъ отношеніяхъ къ высшему существу, въ какихъ находились люди прошлаго, какъ тотчасъ же возникаетъ въ немъ сознаніе невозможности этого, ибо эти отношенія, цѣликомъ построенныя на карахъ и наградахъ, несовмѣстимы для насъ съ понятіемъ Бога, идеала, высшей цѣнности и вообще высшаго начала. Не только по отношенію къ Богу, но даже по отношенію къ другу, товарищу и любимому человѣку мы не допускаемъ этихъ «торгашескихъ» отношеній. Тѣмъ болѣе не можемъ допустить ихъ по отношенію къ высшему существу.

Это значитъ, религія санкцій и мораль санкцій уже отжили для насъ, мы уже переросли ихъ, они излишни и не нужны намъ.

Такимъ образомъ, какой бы волнистой ни казалась историческая линія прослѣживаемой нами тенденціи — эта волнистость не мѣшаетъ видѣть, что узоры санкцій, чрезвычайно богатые и пышные вначалѣ, постепенно таютъ съ ростомъ цивилизаціи и культуры и уже въ наше время они сводятся къ нулю. Всякая цѣнность (а значитъ, и высшая цѣнность—Богъ) для насъ цѣнна и достойна уваженія, поклоненія лишь постольку, поскольку она самоцѣнна, а не базируется на карахъ и наградахъ...

Внѣшнимъ показателемъ этого закона служитъ законъ постепеннаго паденія каръ за религіозныя преступленія. Извѣстно, что въ древности почти всѣ преступленія сводились къ преступленію противъ божества; грѣхъ и собственно преступленіе не отдѣлялись другъ отъ друга. Поэтому вполнѣ понятно, что религіозныя преступленія вызывали и самыя жестокія наказанія, которыя въ то же время были и самыми распространенными видами каръ. Дюркгеймъ правъ, когда съ фактическими данными въ рукахъ показываетъ, какъ религіозныя преступленія постепенно выходятъ изъ области караемыхъ уголовнымъ правомъ преступленій. У первобытныхъ народовъ и группъ почти каждое преступленіе сводится къ оскорбленію того или иного божества (тотэма, фетиша, предка и т. д.) [1]) Въ Пятикнижіи почти всѣ преступленія—преступленія противъ Бога, караемыя смертью. Въ

---

[1]) См. объ этомъ. M a k a r e w i c z. Einführung in die Phil. Strafrechts 155—204 и 240—245 P o s t. Bausteine т. I. 305—310.

Греціи—объемъ ихъ (γραφὴ ἀσεβείας)—уже меньше, въ Римѣ религ. преступленія, вначалѣ очень жестоко каравшіяся, постепенно становятся все менѣе и менѣе жестоко караемыми (профанація locus sacer, locus religiosus, разводъ въ случаѣ брака per confarreationem, продажа сына, происшедшаго отъ такого брака, выставленіе мертвеца на дневной свѣтъ, совершеніе безъ дурного умысла чего-нибудь изъ scelera inexpiabilia). Тяжко караемыми остаются только Scelera inexpiabilia, которые сводятся къ 4-мъ видамъ преступленій. [1])

Въ средніе вѣка съ возникновеніемъ варварства вновь вспыхиваютъ и религіозныя кары. Горятъ костры, въ застѣнкахъ льется кровь, одинъ Торквемада сжигаетъ до 20,000 тысячъ народу—но постепенный ростъ цивилизаціи ведетъ и къ постепенному паденію религіозныхъ каръ, къ паденію, проявляющемуся въ ростѣ вѣротерпимости и религіозной свободы [2]).

Въ настоящее время, по воззрѣнію современнаго уголовнаго права, религіозныя преступленія, какъ таковыя, не наказуемы и не составляютъ собственно преступленія. Да и сама религія, чѣмъ она выше, тѣмъ менѣе и менѣе способна обращаться „за содѣйствіемъ“ къ карамъ и наградамъ. Такова эволюція взаимоотношеній Бога и человѣка подтверждающая вполнѣ выставленный тезисъ. (См. ниже паденіе наградъ въ области религіозныхъ вѣрованій).

II. Теперь попытаемся показать ту же тенденцію въ развитіи между-человѣческихъ отношеній. Въ виду того, что здѣсь эта тенденція можетъ проявляться въ различныхъ видахъ—мы постараемся подтвердить наше положеніе фактами, внѣшне, казалось бы разнородными, но по существу свидѣтельствующими о томъ же законѣ паденія каръ съ ростомъ цивилизаціи, т.-е. съ углубленіемъ, усложненіемъ и расширеніемъ соціальнаго взаимодѣйствія.

---

[1]) См. Дюркгеймъ. О раздѣленіи обществ. труда. Стр. 79, 80 и 127 – 130, 133, 134 и слѣд. Du Boys. Histoire du droit crim. des peuples anciennes. Paris 1845 гл. IX и слѣд.

[2]) См. исторію вѣротерпимости и свободы совѣсти: Francesco Rufini. La liberta religiosa 2 т. Torino. 1901, а также работу Люццати. Свобода совѣсти и мысли.

b) Сравнительная исторія права, въ частности, исторія карательнаго права [1]) показываетъ съ полной очевидностью это постепенное паденіе каръ какъ по интенсивности, такъ и по объему той сферы, которая подвергалась наказанію. Въ самомъ дѣлѣ исторія наказаній устанавливаетъ въ суммарномъ своемъ видѣ слѣдующія стадіи развитія каръ въ эпоху самоуправства родовъ: 1) Самая древняя стадія характеризуется, какъ стадія неурегулированной и неограниченной кровной мести (все равно публичной ли или частной). Никакихъ границъ мести не поставлено; всѣ виды каръ, какія можно только придумать, пускаются въ ходъ. „Месть есть наказаніе крайне неравномѣрное или безмѣрное, такъ какъ мѣра его лежитъ только въ субъективномъ чувствѣ пострадавшаго“. Когда Янъ Вышатичъ убѣдился въ винѣ волхвовъ, онъ сказалъ бѣлозерцамъ: „мстите своихъ“. „Они же, говоритъ лѣтописецъ—биша ихъ и взвѣсиша на дубъ“. Здѣсь, добавляетъ Сергѣевичъ, мы встрѣчаемся съ чрезвычайно жестокимъ видомъ мести: виновныхъ сперва подвергаютъ всякимъ истязаніямъ, а потомъ вѣшаютъ [2]). Достаточно одного акта преступленія, чтобы породить вѣковѣчную вражду между цѣлыми группами, вражду, кончавшуюся нерѣдко полнымъ уничтоженіемъ враждующихъ группъ. „Rache ist ursprünglich unbeschränkt erlaubt. Alles hängt von dem Ermessen, aber auch von der Macht des Verletzten ab... Wenn beide Gegner Familien haben, beteiligen sich auch diese letzteren am Kampfe so lange, bis sie nicht selten sich gegenseitig ausrotten“ [3]), такъ резюмируетъ Макаревичъ первоначальную неограниченность частной мести [4]).

---

1) Здѣсь, какъ и всюду, мы подразумѣваемъ подъ карательнымъ правомъ область болѣе широкую, чѣмъ собственно уголовное право, которое по обычному пониманію подразумѣваетъ публичность производства, публичный вредъ и защиту общества. Какъ эти, такъ и всѣ другія положенія о карахъ, подразумѣваютъ какъ индивидуальную реакцію на преступленіе, такъ и общественную.

2) Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія. 372 стр.

3) Makarewicz. Einführung 246. Ковалевскій. Совр. об. стр. 37—38 „Обиженный или его родственники становятся обидчиками и такъ изъ одного поколѣнія въ другое, нерѣдко до полнаго истребленія одного изъ враждующихъ родовъ“.

4) То же относится и къ первобытной общественной мести. Die gemeinschaftliche Rache, wie jede andere, kennt keine Schranken, die Vernichtung des Gehassten ist ihr Ziel, ihr Ideal; wie das vor sich geht, die aussere Form (подразумѣвается здѣсь прямое убійство или исключеніе – непрямое убійство) ist ihr gleichgültig. Макаревичъ. Einführung. 216.

Изслѣдованія М. М. Ковалевскаго [1]), Штейнмеца, Поста, Летурно, Черри, Вестермарка и т. д.—говорятъ о томъ же. Въ мою задачу не входитъ приведеніе соотвѣтствующихъ фактовъ. Это отняло бы много времени и мѣста. Излагая здѣсь общія данныя—за конкретнымъ матеріаломъ я отошлю читателя къ различнымъ трудамъ, гдѣ онъ найдетъ подтвержденіе указанныхъ здѣсь положеній [2])...

Изъ сказаннаго видно, что кары здѣсь неограничены, какъ по интенсивности, такъ и по количеству жертвъ, на которыхъ они падаютъ, благодаря какому-нибудь одному преступленію. Карается не только одно лицо, но рядъ его ближнихъ и будущихъ родственниковъ. Вражда, разъ возникнувъ, переходитъ отъ отцовъ къ дѣтямъ, отъ нихъ къ внукамъ и т. д., ad infinitum.

По количеству караемыхъ лицъ—кара безгранична, также

Штейнмецъ, особенно тщательно изслѣдовавшій эпоху первобытной мести, ставитъ послѣдовательно рядъ вопросовъ: мстительны ли дикари, продолжительна ли ихъ месть, интенсивна ли она, направляется ли противъ лицъ и вещей совершенно невинныхъ, носитъ ли она групповой характеръ, имѣетъ ли она первоначально характеръ неограниченный—и на всѣ эти вопросы даетъ положительный отвѣтъ, документированный сотнями фактовъ и наблюденій. См. его Etnol Studien... т. I. 299—334 и 360—406.

При этомъ не слѣдуетъ думать, что кровная месть слѣдовала только въ случаяхъ особо тяжкихъ преступленій—она de facto слѣдовала за всякимъ оскорбленіемъ. „Говоря о кровной мести, историки права обыкновенно допускаютъ существованіе ея съ самаго начала только въ случаѣ совершенія наиболѣе тяжкихъ преступленій, убійствъ, увѣчій или оскорбленій семейной чести. Безпристрастный разборъ древнѣйшихъ законодательныхъ памятниковъ не оправдываетъ такого заключенія. Обращаясь къ варварскимъ сводамъ, мы находимъ въ нихъ рѣшительное доказательство тому, что всякаго рода правонарушенія, не исключая имущественныхъ, могли дать древнему германцу поводъ къ мщенію“, говор. М. М. Ковалевскій. (Соврем. обычай... т. II. 26, 27, 31). См. также Kohler. Zur Lehre von der Blutrache. Würzburg, 1885. 11 стр. Mayer. Geschichte der Strafrechte. Trier. 1876 г. стр. 38.

[1]) Ковалевскій. Современный обычай, т. II, стр. 1—18.

[2]) См. кромѣ указанныхъ здѣсь работъ Черри. Развитіе карательной власти въ древнихъ общинахъ стр. 1—45 и др. Летурно. L'évolution juridique. Paris 1891. Онъ, напр., такъ характеризируетъ неограниченность мести первоб. народовъ. Vendetta (анархич. ордъ) ne termine pas le conflit, comme il arrive souvent dans les pays où le talion est devenu juridique, mais tout vengeance quellequ'elle soit, en suscite un autre et indéfiniment (18). Его-же L'Evolution de la morale passim. Спенсеръ. Научн.-основ. нрав-ти. Мщеніе стр. 369—385. СПБ. 1896. Westermarck. The origin and development of the moral ideas. т. I, 477—496. London 1906, Post. Bausteine für... allgem. Rechtwissenschaft. т. I, 4-я гл. Ольденбургъ. 1880.

какъ она безгранична и по своей интенсивности. Обычными и почти исключительными видами кары на этой степени служитъ или прямое убійство, сопровождаемое жестокими и мучительными истязаніями, или же непрямое убійство—изгнаніе и отдача „на потокъ и разграбленіе“ (Friedlosigkeit и Ausstossung), фактически сводившаяся къ тому-же убійству, такъ какъ человѣка, объявленнаго friedlos—каждый могъ, а очень часто, и долженъ былъ убить, какъ „голоднаго и хищнаго волка“ [1]). Этимъ объясняется, почему смертная казнь въ томъ или иномъ видѣ является древнѣйшимъ видомъ наказанія и на первыхъ ступеняхъ—почти исключительнымъ. Наиболѣе древнія свѣдѣнія, сохранившіяся о наказаніи, указываютъ почти всегда только на смертную казнь или на исключеніе—равносильное смерти. Такъ было у многихъ народовъ, такъ было у Осетинъ, германцевъ, римлянъ [2]) и т. д. На болѣе первичныхъ ступеняхъ это же явленіе предстаетъ передъ нами въ виду людоѣдства и другихъ формъ истребленія врага.

Формы увѣчащихъ и мучительныхъ наказаній, потеря свободы (рабство), композиціи и т. д.—все это формы, малосвойственныя наиболѣе первичнымъ ступенямъ.

Здѣсь конфликтъ шаблоновъ поведенія влечетъ за собой кару, доводящую до смерти и влекущую рядъ жертвъ. Противникамъ какъ будто тѣсно на землѣ, шаблоны ихъ поведенія какъ будто до того устойчивы и негибки—что нѣтъ надежды путемъ давленія болѣе легкихъ каръ видоизмѣнить ихъ и въ результатѣ такого положенія мы видимъ печальный итогъ: смерть и убійство, убійство и смерть,—во всѣхъ формахъ, съ пытками и мученіями, какія только могъ изобрѣсти первобытный умъ.

Такова первая стадія каръ, по истинѣ неограниченныхъ и на протяженіи долгихъ лѣтъ уничтожившихъ (и продолжающихъ

---

[1]) Der friedlos, говоритъ Бруннеръ, ist nicht nur aus der Friedens-und Rechtsgemeinschaft ausgeschlossen, sondern kann und soll als Feind des Volkes von jedermann busslos getötet werden. Gründzuge der deutschen Rechtsgeschichte. 18 стр.

См. также Макаревичъ. стр. 215 и слѣд. Westermack. The origin... moral ideas. XX гл.

[2]) См. напр. Zum ältesten Strafrechts der Kulturvölker. Das öffentliche Strafrecht (Римлянъ) kennt als Strafe ursprünglich nur die Todesstrafe. (46). „Verschiedene Strafen stellen sich als Spielarten oder Abspaltungen der Friedlosigkeit dar“. У германцевъ (59). Относительно грековъ см. 16 стр. и См. Post. Bausteine. т. I. 202—4.

еще и теперь уничтожать кой-гдѣ, (напр. въ Корсикѣ съ ея знаменитой vendetta) цѣлыя тысячи и сотни тысячъ „неприспособленныхъ“ и слабыхъ борцовъ.

Дальнѣйшая исторія каръ уже наглядно показываетъ ихъ ограниченіе, какъ по интенсивности, такъ и по количеству лицъ, подвергаемыхъ карательнымъ воздѣйствіямъ. Это ограниченіе проявляется въ различныхъ формахъ. Одной изъ такихъ формъ является установленіе убѣжищъ, куда могли скрываться лица, которымъ угрожала месть. Такими убѣжищами были обычно храмы, нѣкоторыя мѣста и т. д. Извѣстно, что подобныя мѣста убѣжищъ были у евреевъ [1]), германцевъ, обитателей Зап. Европы [2]) и т. д. Разновидностью этого ограниченія права мести является и установленіе времени или срока, въ теченіе котораго можно было мстить.

Такъ, напр., у тѣхъ же германцевъ можно было мстить въ теченіе года со днемъ послѣ оскорбленія.

Главнѣйшимъ же видомъ ограниченія первобытнаго неограниченнаго наказанія является законъ тальона, установленіе равенства между преступленіемъ и наказаніемъ [3]). Раньше, на предыдущей стадіи убійство слѣдовало въ качествѣ отмщенія не только за убійствомъ, но и за любымъ нарушеніемъ должнаго шаблона. Исавъ хотѣлъ убить Іакова за то, что послѣдній обманомъ получилъ право первородства; по „Русской правдѣ“ можно было мстить убійствомъ не только за убійство, но и за кражу и за нанесеніе ранъ. Теперь же, съ установленіемъ тальона предписывается строгое равенство каръ съ преступленіемъ.

---

[1]) Второзаконіе гл. 19. Das mosaische Gesetz beschränkte und regelte diese tief eingewurzelte und weitverbreitete Blutsitte. Mayer. Gesch. der Strafrechte. стр. 38.

[2]) Идея „Королевскаго міра“. См. Ковалевскій. Ibid. 47.

[3]) Историки каръ по справедливости признаютъ установленіе тальона новой стадіей мести. „Die unbeschränkte Rache muss, mit der Zeit ihre Beschränkung finden, sie findet sie in der Talion“. Макаревичъ. Ibid. 217. Черри. Развитіе карат. власти стр. 45. Петурно.. Evolution juridique 22 и др. Это же отличіе jus talionis отъ первоначальной неограниченной мести подчеркивается и М. М. Ковалевскимъ. Совр. обычай 37—38. 42. „Признавая безграничность кровной мести на первыхъ порахъ, мы необходимо приходимъ къ заключенію, что результатомъ послѣдовательнаго ея примѣненія могло быть только совершенное истребленіе одного изъ враждующихъ родовъ. Неудивительно поэтому, если стремленіе избѣжать такого исхода вызвало... попытку ограниченія мести путемъ примѣненія къ ней начала равнаго возмездія“, 42 и слѣд.

„Душа за душу, глазъ за глазъ, зубъ за зубъ, рука за руку, нога за ногу. Какой кто сдѣлаетъ вредъ ближнему своему, тѣмъ должно отплатить ему“ [1]).

Какой бы жестокой ни казалась намъ система тальона, однако, по сравненію съ предыдущей стадіей она является уже громаднымъ прогрессомъ. Въ самомъ дѣлѣ, раньше достаточно было малѣйшаго оскорбленія, чтобы оно повлекло за собой убійство, теперь же эта неограниченная месть вводится въ опредѣленныя границы; за поврежденіе глаза, или руки, или зуба нельзя уже мстить убійствомъ, а можно воздать только поврежденіемъ глаза же, или руки, или зуба.

Точно также въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя воздать преступнику буквально тѣмъ же (напр., при воровствѣ), преступленіе карается опять-таки уже не смертью, а символическимъ тальономъ. (Лишеніе руки, ослѣпленіе вора, т. к. кражу совершили руки или соблазнили на кражу глаза). Благодаря закону тальона кары терпятъ ограниченіе сразу, и по своей интенсивности, и по распространенности. Смертная казнь постепенно замѣняется болѣе легкими видами каръ, въ то же время преступленія перестаютъ постепенно возбуждать многовѣковую вражду родовъ, ибо какъ только получена «душа за душу», — долгъ мести удовлетворенъ, и вражда можетъ быть ликвидирована.

И исторія самого тальона показываетъ наглядно то же дальнѣйшее ограниченіе каръ... Вначалѣ тальонъ есть долгъ, неисполненіе котораго влечетъ за собой кару того, кто не исполнилъ долгъ мести. Онъ самъ становится предметомъ позора и и порицанія окружающихъ. Иначе говоря, вначалѣ тальонъ есть долгъ и осуществленіе его приказывается. Но потомъ постепенно необходимость мстить уменьшается, и „тальонъ—долгъ“ превращается въ „тальонъ—факультативный“, т. е. не предписываемый, а только допускаемый. А эта съ виду очень незначительная перемѣна есть, въ дѣйствительности, новый ударъ, существенно ограничившій силу и интенсивность каръ; но разъ тальонъ становится не обязательнымъ, а только дозволяемымъ, то тѣмъ самымъ дается возможность путемъ принесенія просьбы о прощеніи и пощадѣ избѣгнуть и самой мести. И дѣйствительно, одновременно съ паденіемъ обязательности мести появля-

---

[1]) Второзаконіе гл. 19.

ется обычай просьбы о пощадѣ, сопровождаемый дѣйствительно обычаемъ прощенія и отказа отъ мести [1]).

Наконецъ заключительнымъ звеномъ всей этой до государственной (въ узкомъ смыслѣ) стадіи развитія является система композицій, т. е. денежнаго выкупа. „Потерпѣвшій получалъ что-либо цѣнное вмѣсто безполезной мести, его гордость вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворялась признаніемъ вины со стороны преступника, общество выигрывало отъ этого въ томъ, что безпорядкамъ и стычкамъ полагался конецъ“ [2]). Система композицій, выражаясь образно, была водой, которая заливала готовый возникнуть огонь борьбы и мести. Вначалѣ будучи необязательной (обиженный могъ выбрать или месть или взять выкупъ), она постепенно все шире и шире входила въ жизнь и постепенно вытѣснила почти всѣ (за исключеніемъ немногихъ) акты мести или акты каръ. Сначала это дѣлалось путемъ соглашенія самихъ сторонъ, потомъ стало передаваться на усмотрѣніе третейскаго судьи (поэтъ у Брегоновъ, глава рода, патріархъ, индусскіе брамины, кельтическіе друиды, израильскіе первопресвитеры, германскіе рахимбурги и т. д.), а параллельно съ этимъ совершалось все большее и большее вытѣсненіе выкупомъ мести.

Итакъ, кратко приведенная здѣсь исторія развитія каръ, въ своемъ суммарномъ видѣ свойственная почти всѣмъ народамъ ясно и неопровержимо подтверждаетъ историческую тенденцію паденія каръ. Она гласитъ: „Отъ неограниченной мести—къ тальону, отъ обязательнаго тальона къ факультативному, отъ обязательной мести—къ допускаемой, отъ разрѣшаемой мести—къ системѣ композицій и прощенія. Таковъ путь

---

[1]) Макаревичъ. Die weitere analoge Phase, welche die vindicta publica, der Privatrache ähnlich durchmachen muss, ist eine eigenthümliche Form der Beschwichtigung, die Bitte um Verzeihung стр. 231—232.

[2]) Черри. стр. 45. Макаревичъ 232. Ковалевскій. Соврем. обычаи 55 и слѣд. Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія. „Die zwei Hauptmotive, welche zum Ubergange der Blutrache in die Composition führen, sind das Friedensbedurfniss einerseits und Ersatzbedurfniss anderseits. Steinmetz. Op.cit. т. I. 410. У него же см. и различные фазисы этого перехода, его форму, стадіи борьбы между местью и композиціями и анализъ ближайшихъ причинъ этого перехода. 407—476. См. также. Kohler. Op. cit. 11—20.

постепеннаго ограниченія каръ и ихъ постепеннаго паденія.

с) Въ предыдущемъ я привелъ постепенное паденіе каръ, главнымъ образомъ, по отношенію къ ихъ интенсивности. Теперь кратко прослѣдимъ постепенное ограниченіе круга наказываемыхъ лицъ.

Историческая тенденція, проявляющаяся въ этомъ отношеніи можетъ быть формулирована такъ: отъ коллективной кары къ индивидуальной и отъ неограниченной вмѣняемости къ неограниченной невмѣняемости.

Что кары на первичныхъ ступеняхъ соціальной эволюціи были коллективны, это подтверждаютъ всѣ историки сравнительнаго права и этнографы. За вину одного терпѣлъ наказаніе въ видѣ мести или въ видѣ денежнаго штрафа (позднѣе) весь его родъ, или кланъ, или семья. На первичныхъ ступеняхъ, говоритъ Колеръ, «месть не только право, но и долгъ, и она наступаетъ всегда, независимо отъ того, намѣренно или случайно было совершено убійство и направляется не только противъ убійцы, но и противъ его семьи или рода» [1]). Нѣтъ здѣсь ни индивидуализаціи каръ, ни вмѣняемости.

Точно также и по мнѣнію Штейнмеца, первичная месть—месть коллективная, слѣпая (blinde), не различающая виновныхъ отъ невиновныхъ, «кровная месть, говоритъ онъ, вначалѣ никоимъ образомъ не ограничивается наказаніемъ преступника и виновнаго, напротивъ, она направляется противъ всѣхъ сочленовъ его группы»; „кровная месть вначалѣ неограниченна во всѣхъ отношеніяхъ“: и по жестокости, и по количеству караемыхъ лицъ, и по продолжительности (передается изъ поколѣнія въ поколѣніе). Мало того, она направляется сплошь и рядомъ на первый попавшійся предметъ (die völlig ungerichtete Rache) [2]). Я считаю излишнимъ дѣлать дальнѣйшія выписки на этотъ счетъ въ виду общеизвѣстности этого явленія.

Если мы перейдемъ къ исторіи композицій и денежныхъ наказаній, то и здѣсь мы встрѣтимся съ тѣмъ же фактомъ коллективности каръ и отсутствія всякаго различія между виновнымъ и невиновнымъ. И здѣсь вначалѣ, какъ въ

---

1) Kohler. Op. cit. 9.
2) Setinmetz. Op. cit. т. II гл. Die Blutrache, т. I 318—334.

догосударственный, такъ и въ государственный періодъ, дана на лицо „круговая отвѣтственность“, здѣсь „каждый родичъ отвѣчаетъ за каждаго родича, одинаково, какъ за всякое правонарушеніе, такъ и за всякій долгъ“; „въ періодъ государственности общины часто отвѣтственны за преступленіе, совершенное въ ихъ предѣлахъ“; „часто даже на государственной стадіи родственники преступниковъ сонаказываются за совершенныя послѣдними преступленія“ [1]). Круговая отвѣтственность, коллективная кара и коллективный штрафъ извѣстны и евреямъ, и римлянамъ, и грекамъ, и германцамъ. [2]), и др. народамъ“. Въ періодъ вѣчеваго уряда (Gauverfassung) за соблюденіе мира отвѣчаютъ сотоварищи (Genossenschaft), Марка (Mark), Гау (Markfiede) „и совершенно“ не обращалось вниманіе на преступную волю“, говоритъ и Бернеръ [3]).

Если обратиться къ древнѣйшимъ законодательнымъ сводамъ и историческимъ фактамъ, то здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ же фактомъ коллективной вины, коллективнаго наказанія и отсутствія всякаго различенія между дѣйствительно виновнымъ и невиннымъ. При этомъ караются не только современники преступника, но наказаніе постигаетъ и рядъ будущихъ, еще не родившихся поколѣній. Наказанія становятся „вѣчными“ и поражаютъ безконечное число лицъ за одно преступленіе. Въ Библіи, какъ извѣстно, наказывались дѣти и потомки виновнаго „до седьмого колѣна“. Угрозы Іеговы очень часто даже не ограничиваются и 7-мью колѣнами, а идутъ дальше, обѣщая безпощадныя вѣчныя наказанія „всему потомству“.

То же мы найдемъ и въ другихъ кодексахъ. „Если наказаніе не падаетъ на самого преступника, то падаетъ на его сыновей; если не на сыновей, то по крайней мѣрѣ на внуковъ; но разъ совершенное беззаконіе никогда не остается безъ по-

---

[1]) Постъ. Зачатки госуд. и прав. отношеній М. 1901. 107—111.

[2]) Mayer. Geschichte der Strafrechte. 49—50, 142—147.

[3]) Бернеръ. Учебникъ. 117—118. То же самое было и въ древней Руси. „Въ древнѣйшій періодъ Русск. Угол. права, а именно въ періодъ Русской Правды, наказаніе падало не только на лицъ физическихъ, но и на лицъ юридическихъ—на общины, на верви. Вервь обязана была заплатить виру не только въ случаѣ неизвѣстности преступника, но она платила дикую виру, даже при наличности виновнаго и притомъ совмѣстно съ этимъ послѣднимъ. Ibid—341. „Вира“, платимая общиной, и „дикая вира“, платимая часто ею же. 172—179.

слѣдствій для того, кто совершилъ его“, „онъ погибаетъ со всѣмъ развѣтвленіемъ и корнемъ“ [1]), читаемъ мы въ сводѣ Ману. За лжесвидѣтельство одного, читаемъ тамъ же, поражаются его родственники. Лжесвидѣтельство относительно мелкаго скота убиваетъ пять родственниковъ, относительно коровъ—десять, относительно лошадей—сто, и лжесвидѣтельство относительно людей убиваетъ тысячу родственниковъ. „Лжесвидѣтельствомъ по дѣлу относительно золота онъ убиваетъ рожденныхъ и неродившихся“ [2]). Эта же безграничность каръ по количеству караемыхъ лицъ и отсутствіе всякой вмѣняемости проявляется въ древности и даже болѣе поздно (въ силу специфическихъ причинъ) въ рядѣ разнообразныхъ формъ и фактовъ. Карались всѣ сопричастныя къ виновнику, хотя и совершенно непричастныя къ преступленію лица. Пытка и наказаніе въ Египтѣ примѣнялись и къ виновному и къ членамъ его семьи, въ случаѣ смерти виновнаго [3]). Ольга за смерть мужа мститъ всѣмъ древлянамъ. Въ трагедіи „Эдипъ“ мы видимъ пережитокъ наказанія совершенно невиннаго человѣка. Обращаясь къ древнимъ сагамъ и пѣснямъ, мы всюду находимъ подтвержденіе того же факта—кары коллективной, налагаемой на совершенно невинныхъ съ нашей точки зрѣнія лицъ. Такъ въ „Пѣснѣ о Нибелунгахъ“ мы читаемъ въ XXXII авентурѣ о томъ, какъ Бледель говоритъ Данкварту, совершенно невинному въ смерти Зигфрида. „Мой приходъ долженъ быть твоимъ концомъ изъ-за Гагена, твоего брата, который убилъ Зигфрида: за это поплатишься у гунновъ ить и много другихъ витязей“.—„Нѣтъ, отвѣчаетъ Данквартъ, иначе пришлось бы намъ раскаяться въ этой поѣздкѣ ко двору (Этцеля). Когда убили Зигфрида, былъ я тогда малымъ ребенкомъ. Не знаю я за собой ничего, въ чемъ обвиняетъ меня (Кримхильда).—И я не знаю ничего больше про тебя, отв. Бледель, сдѣлали это твои родичи Гунтеръ и Гагенъ, но... придется Вамъ смертью заплатить за горе Кримхильды“, и дѣйствительно, они всѣ до единаго избиваются [4]).

И въ болѣе позднѣе время, въ силу специфическихъ при-

---

[1]) Законы Ману. 4, 173—174.

[2]) Ibib. 8, 97—101. Относительно отсутствія вмѣняемости см. 4, 222, 5, 20—21, 11; 45 и др.

[3]) Capart. Esquisse d'une histoire du droit pénal. égyptien. Bruxelles 1900. 23—26.

[4]) Пѣснь о Нибелунгахъ. СПБ. 1896. 75, 76.

чинъ (см. ниже), эти групповыя наказанія мы находимъ въ томъ или иномъ видѣ.

Таковы, напр., кары, налагавшіяся у насъ въ древности церковью и извѣстные подъ названіемъ „вседомовнаго отлученія“ или же папскіе „интердикты“, налагавшіеся на цѣлыя области и страны или наказанія цѣлыхъ городовъ (напр. Новгорода Іоанномъ IV) и областей, нерѣдко бывшія въ прошломъ. Изъ-за вины одного здѣсь карались сотни и тысячи невинныхъ [1])...

Но съ теченіемъ времени наказаніе начинаетъ индивидуализироваться. Месть начинаетъ направляться постепенно только на виновнаго, штрафъ тоже. Возникаетъ принципъ вмѣняемости и все болѣе и болѣе растетъ число невмѣняемыхъ лицъ [2]).

Изъ этой тенденціи ясно видна вся „злостность“ психики первобытныхъ людей, ихъ неприспособленность къ взаимному мирному житію и устойчивость ихъ шаблоновъ поведенія. Рычагъ каръ здѣсь давилъ во всю, чтобы хоть сколько-нибудь приспособить людей и группы другъ къ другу. Индивида поражали самыя суровыя кары. Они налагались на него на вѣки-вѣчные. Но и этого было мало. Надо было усугубить жестокость каръ еще наказаніемъ другихъ лицъ, почему-либо близкихъ къ преступнику. И кара поражала и ихъ, въ случаѣ совершенія преступленія. Но и этого было мало. Поражались не только современники, но и не родившіяся поколѣнія. Наказаніе угрожало и имъ. Такимъ образомъ, „безличный законодатель“ какъ бы говорилъ каждому: „берегись, не совершай преступленіе, если совершишь его, то подвергнешься лютой смерти и ты, и твои родственники, и все ваше поколѣніе“. И подвергались. Жерновъ борьбы и вражды мололъ во всю, кровь лилась, люди гибли и только послѣ долгой и кровавой дрессировки мало-по-малу стали расшатываться злостные импульсы, жестокіе нравы и постепенно выработались болѣе соціальныя чувства и болѣе совершенное поведеніе.

Тотъ же процессъ можно прослѣдить и принявъ во вниманіе эволюцію субъектныхъ и адресатныхъ представленій, очерченную нами выше. Эта эволюція состояла, какъ было указано, въ по-

---

[1]) См. С у в о р о в ъ. Учебн. церковн. права. 1912. 283—289.

[2]) См. изображеніе постепеннаго развитія въ этомъ направленіи въ рядѣ работъ: Штейнмеца, Поста, Макаревича, Ковалевскаго, Колера и др.

степенномъ ограниченіи сферы субъектовъ преступленія и сферы караемыхъ лицъ.

Какой бы волнистой ни казалась линія, ограничивающая сферу наказываемыхъ лицъ,—однако, ея тенденція постоянна и сводится она къ все большему и большему уменьшенію числа лицъ, наказываемыхъ за преступленіе. Стоитъ сравнить область существъ, наказывавшихся раньше и наказываемыхъ теперь—чтобы согласиться съ даннымъ положеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, на первичныхъ дикихъ и полуцивилизованныхъ ступеняхъ развитія ни о какомъ „вмѣненіи“ или „отношеніи воли преступника къ преступленію“ не можетъ быть и рѣчи. Выражаясь языкомъ, принятымъ въ уголовномъ правѣ, тамъ принималась во вниманіе только объективная сторона преступленія—вредъ, причиненный преступнымъ дѣяніемъ,—о субъективной же сторонѣ—насколько сознательно или безсознательно было совершенно преступленіе—древность совершенно не знаетъ. На этомъ основаніи наказывались неодушевленные предметы (Ксеркъ высѣкъ море), животныя (средневѣковые процессы противъ саранчи, библейское повѣствованіе о убійствѣ быка и т. д.), и люди, безъ разбора—умышленно ли совершили они преступленіе или неумышленно. Мало того, наказывались лица, съ нашей точки зрѣнія, явно непричастныя къ преступленію (родные, соплеменники, родившіеся и не родившіеся еще на свѣтъ потомки и т. д.), наказывались, какъ было указано выше по отношенію къ евреямъ и индусамъ,—за преступленія, совершенныя по ошибкѣ или незнанію.—Однимъ словомъ сфера караемыхъ лицъ была очень широка и безгранична...

Въ области религіознаго карательно-наградного права это выражается между прочимъ въ положеніи. Die Götter rechnen nur mit Tatsachen, nicht mit der Absicht“ [1]).

Но съ ходомъ историческаго процесса, съ ростомъ взаимодѣйствія (опыта) происходитъ постепенное ограниченіе сферы караемыхъ лицъ, проявляющееся въ все растущемъ значеніи субъективной стороны преступленія. Этотъ ростъ проявляется въ различеніи съ одной стороны дѣяній случайныхъ, неосторож-

---

[1]) Подробное обоснованіе всего сказаннаго читатель найдетъ у Макаревича: въ его Einführung, въ гл. Von der objektiven zur subjektiven Schuld“. 358—440, а отчасти,—особенно по отношенію къ русскому карат. праву—у Сергѣевича въ Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ“. 341—371 Ковал. Совр. обычай. 81, 91, и др.

ныхъ, умышленныхъ и предумышленныхъ. Случайныя и отчасти неосторожныя дѣянія, хотя бы сами по себѣ съ внѣшней стороны онѣ и были преступленіями—теперь не наказываются. Параллельно съ этимъ все болѣе и болѣе при наложеніи наказанія принимается во вниманіе личность преступника и его состояніе передъ и во время совершенія преступнаго акта. Личности не нормальныя, или дѣйствовавшія во время преступленія подъ вліяніемъ особыхъ аффектовъ, необходимой самообороны, крайней необходимости, опьяненія и т. д.—постепенно перестаютъ наказываться... Область „вмѣняемыхъ“ преступниковъ съ ходомъ цивилизаціи все болѣе и болѣе ограничивается.

Слѣдовательно, вкратцѣ тенденція ограниченія круга караемыхъ лицъ—обратная сторона общей тенденціи паденія каръ—сводится къ слѣдующему: Чѣмъ древнѣе и некультурнѣе общество, тѣмъ шире кругъ караемыхъ лицъ—караются неодушевленные предметы, животныя, всѣ люди, имѣвшіе отношеніе къ преступленію и совершенно непричастные къ нему—съ нашей точки зрѣнія. Карается преступленіе—какъ умышленное—такъ и случайное, никакого различія между „вмѣняемыми“ и „невмѣняемыми“ нѣтъ; чѣмъ культурнѣе общество, тѣмъ кругъ караемыхъ преступниковъ уже: караются только люди, но и то не всѣ;—караются только дѣйствительные преступники и ихъ соучастники; но и не всѣ преступники, а только преступники „вмѣняемые“, область которыхъ все болѣе и болѣе ограничивается, больше и больше растетъ условій, дѣлающихъ невмѣняемыми лицъ, совершившихъ преступленіе. Кратко процессъ можно формулировать: отъ коллективной кары къ индивидуальной и отъ неограниченной вмѣняемости, къ неограниченной невмѣняемости.

Значитъ, и здѣсь мы видимъ ту же тенденцію ослабленія и паденія каръ, проявляющуюся въ видѣ ограниченія сферы караемыхъ лицъ *).

---

*) Основныя и самыя крупныя теченія въ современной наукѣ уголовнаго права – антропологическая и соціологическая школа—цѣликомъ уничтожаютъ категорію „вмѣняемыхъ“ преступниковъ и признаютъ всякое преступленіе причинно-обусловленнымъ—поэтому вопросъ о вмѣненіи преступниковъ цѣликомъ замѣняютъ вопросомъ объ его опасности; уничтоживъ „вмѣненіе“, вполнѣ логично эти школы уничтожаютъ и наказаніе, какъ рядъ актовъ, причиняющихъ преступнику страданіе. Нельзя наказывать больныхъ, а надо ихъ лѣчить—таковъ ихъ лозунгъ—завершающій многовѣковую эволюцію ограниченія караемыхъ лицъ и ставящій точку на і.

d) Ту же тенденцію мы увидимъ, если обратимъ наше вниманіе на тѣ мотивы, которые лежали въ основѣ карательныхъ актовъ менѣе культурныхъ и болѣе культурныхъ общественныхъ группъ. Вначалѣ, при системѣ кровной мести,—кара была чисто импульсивной безсмысленной реакціей, реакціей животной, необходимо вытекавшей изъ природы человѣка, не преслѣдовавшей никакихъ цѣлей, или какъ многіе ее справедливо называютъ—реакціей слѣпой. Это первая степень, обнаруживающая наиболѣе ярко біологическій характеръ каръ.

Затѣмъ, со времени установленія болѣе прочныхъ и широкихъ формъ общежитія—основнымъ мотивомъ наказанія и его цѣлью становится страхъ. Онъ лежитъ въ основѣ карательныхъ актовъ почти всѣхъ европейскихъ государствъ до 17-го и 18-го столѣтій. Цѣлью наказанія становится устрашеніе, особенно ярко проявившееся въ нѣкоторыхъ религіозно-правовыхъ и чисто правовыхъ сборникахъ; примѣрами могутъ служить Библія, законы Ману, Коранъ и множество другихъ сборниковъ. „Если не будешь стараться исполнять всѣ слова закона сего, написанныя въ книгѣ сей, и не будешь бояться сего славнаго и страшнаго имени Господа Бога твоего, то Господь поразитъ тебя и потомство твое“... [1]).

Таковъ основной мотивъ всѣхъ каръ Библіи. То же выше мы видѣли и въ законахъ Ману, то же красной нитью проходитъ черезъ Коранъ. И въ чисто свѣтскихъ юридическихъ памятникахъ то же проходитъ красной нитью, выражаясь въ различныхъ словесныхъ формахъ, сводящихся по существу къ формулѣ „дабы не повадно было“...

Начиная же съ 18-го вѣка мотивы наказанія постепенно улучшаются: цѣлью его становится уже не устрашеніе преступника, а предупрежденіе преступленій, исправленіе и лѣченіе самого преступника. Эта тенденція сопровождается параллельной тенденціей паденія и уничтоженія жестокихъ, мучительныхъ и увѣчащихъ каръ путемъ замѣны ихъ карами, не вредящими жизни и здоровью преступника, не причиняющими ему страшныхъ физическихъ страданій, не уродующими его—съ одной

---

[1]) Второзаконіе, гл. 28.

Могло быть и такъ, что идея возмездія примѣнялась по отношенію къ чужеродцамъ, а идея устрашенія—по отношенію къ сородичамъ. См. Ковалевскій. Современный обычай, стр. 173 и др.

стороны, съ другой—тенденціей все большаго и большаго перенесенія отвѣтственности и вины за преступленіе съ личности преступника на все общество, продуктомъ котораго онъ является [1]). Вмѣстѣ съ этимъ карательная власть начинаетъ играть уже не на чувствѣ страха, а обращается къ чувству человѣческаго достоинства, совѣсти и гуманности преступника. А этотъ фактъ показываетъ, что теперь уже нѣтъ надобности играть на грубыхъ инстинктахъ, а достаточна вполнѣ апелляція къ болѣе высокимъ переживаніямъ и свойствамъ человѣка.

Если мы попытаемся путемъ простого уговора или вынесенія порицанія задержать голодную кошку отъ нападенія на мышь, или голоднаго волка отъ нападенія на овцу—то, конечно, наша попытка будетъ безполезной. Хищность этихъ, какъ и другихъ подобныхъ животныхъ, чрезвычайно устойчива и требуетъ для своего уничтоженія болѣе сильныхъ каръ: бичей, физическихъ страданій, выстрѣловъ, раскаленнаго желѣза (таковы обычно средства воспитанія и дрессировки цирковыхъ животныхъ). Игрой на ихъ чувствѣ собственнаго достоинства тутъ ничего не подѣлаешь и поэтому жестокія кары здѣсь необходимы, если мы хотимъ ихъ выдрессировать. То же относится и къ предыдущимъ временамъ жизни человѣчества. Тогда шаблоны были болѣе устойчивы, многіе изъ нихъ были соціально вредны, и поведеніе людей не было приспособлено другъ къ другу, поэтому вполнѣ понятно, что и давленіе было болѣе сильное и грубое. Теперь же, когда шаблоны эластичны, когда даже трудно эти шаблоны назвать шаблонами въ собственномъ смыслѣ (ибо они очень измѣнчивы и подвижны), когда эта приспособленность въ взаимной жизни значительно увеличилась—предыдущія формы наказанія совершенно излишни и вредны. Разъ болѣе легкія формы его достаточны—болѣе жестокія не нужны [2]). И дѣйствительно, простой выговоръ въ присутствіи общества теперь способенъ повліять на человѣка болѣе сильно, чѣмъ лишеніе глаза древняго преступника; простая апелляція къ чувству собственнаго достоинства теперь сплошь и рядомъ болѣе дѣйствительна, чѣмъ самыя страшныя угрозы въ древности. А все это вмѣстѣ взятое

---

[1]) См. объ этомъ подробно. S. Mayer. Geschichte der Strafrechte, стр. 26 и слѣд. Чубинскій. Курсъ угол. политики. 1909 г. 54—257.

[2]) Л. І. Петражицкій. Акціи, биржевая игра и теорія экономическихъ кризисовъ. Спб. 1911. 16—20. См. Его же. Къ вопросу о соц. идеалѣ. Юрид. Вѣстникъ. 1913. II кн.

опять-таки говоритъ о той же прослѣживаемой нами тенденціи.

Нельзя не согласиться съ слѣдующими прекрасными словами Л. І. Петражицкаго. „Исторія права наглядно намъ показываетъ, какъ съ теченіемъ времени медленно, но неуклонно система общественной мотиваціи постепенно передвигается съ болѣе низкихъ и грубыхъ струнъ на болѣе высокія и мягкія, на сколь грубую, близкую къ животной психику (инстинктивно и безсознательно) расчитано было примитивное право и какъ оно съ теченіемъ времени, такъ сказать, мѣняло свой взглядъ на объектъ своего воздѣйствія къ лучшему и измѣняло пріемы воздѣйствія сообразно прогрессу этической культуры ввѣреннаго его руководству общества... грандіознымъ доказательствомъ (этого) этическаго прогресса является научная, психологическая исторія права вообще, какъ цѣлаго правопорядка въ его основныхъ общихъ чертахъ...

Какими средствами правовой строй въ разныя времена достигалъ того, чтобы заставить людей исполнять тѣ тяжелыя работы, которыя необходимы были для поддержанія жизни и развитія культуры возрастающаго количественно и разнообразящагося качественно народонаселенія, какіе психическіе двигатели утилизировались древнимъ правомъ для производства тѣхъ культурныхъ работъ, которыя создали почву для дальнѣйшаго экономическаго и иного прогресса? Для этихъ цѣлей примѣнялись къ людямъ тѣ же мѣры, посредствомъ которыхъ при современной культурѣ люди заставляютъ работать животныхъ. Работали рабы подъ руководствомъ надсмотрщика съ кнутомъ. При томъ хозяевамъ этихъ рабочихъ первоначально право предоставляло не только полное распоряженіе тѣлесными наказаніями, но также и неограниченное право смертной казни. Дальнѣйшее развитіе права состояло въ постепенномъ смягченіи пріемовъ руководства поведеніемъ рабовъ со стороны господъ, далѣе, въ переходѣ рабства въ болѣе ограниченныя формы несвободы, наконецъ, въ полномъ устраненіи всякихъ остатковъ рабства. Теперь преобладающимъ стимуломъ производства хозяйственныхъ благъ является стремленіе къ хозяйственному обезпеченію или улучшенію хозяйственнаго положенія своего и своей семьи—стимулъ болѣе доброкачественный и высокій, нежели кнутъ надсмотрщика рабовъ.

Съ распространеніемъ хозяйственной дѣятельности госу-

дарственнаго и иныхъ коллективныхъ хозяйствъ все большая и большая часть гражданъ работаетъ и производитъ не непосредственно для своихъ цѣлей, а трудится на общую пользу. Здѣсь стремятся получить преобладающее значеніе чувство долга и забота о соблюденіи общихъ интересовъ. Въ свою очередь характерно развитіе мотиваціи въ области государственной службы. Какъ здѣсь на болѣе низкой ступени развитія рѣзка и внушительна мотивація, какія рѣшительныя мѣры существуютъ и примѣняются для направленія поведенія государственныхъ служителей! Опала и казнь—съ одной стороны, самыя щедрыя милости съ другой. Съ теченіемъ времени государства все болѣе и болѣе опираются на болѣе высокіе мотивы своихъ органовъ и жалованіе въ значительной степени получаетъ значеніе лишь условія, которое дѣлаетъ возможнымъ служеніе общему благу. Поштучное вознагражденіе за исполненіе государственной обязанности, жестокая опала и казнь, съ одной стороны, и чрезвычайныя милости за похвальное поведеніе—съ другой, какъ сильно дѣйствующіе эгоистическіе стимулы, переходятъ въ область исторіи“ [1]).

Обращаясь къ внимательному изученію механизма соціальной жизни и тѣхъ побужденій, которыя заставили индивидовъ болѣе или менѣе гармонично жить другъ съ другомъ, и исполнять добросовѣстно лежащую на каждомъ изъ нихъ обязанность. мы не можемъ не видѣть, что въ древности основнымъ регуляторомъ были жестокія кары (и награды). Многое изъ того, что теперь дѣлается само собой, безъ санкцій, въ древности добывалось лишь путемъ самыхъ суровыхъ каръ... Не только въ области долгового права, но и въ любой соціальной области „безлично-собирательный“ соціальный законадатель, очевидно, не могъ положиться на чувство долга индивидовъ, которое побуждало бы каждаго изъ нихъ вести себя хорошо и добросовѣстно исполнять свою роль и свою обязанность. Нѣтъ! грубая психика и устойчивость шаблоновъ требовали и грубыхъ средствъ, побуждающихъ къ „добросовѣстному“ поведенію. Поэтому не мудрено, что поведеніе всѣхъ индивидовъ, съ самыхъ высшихъ и до самыхъ низшихъ, здѣсь было обложено санкціями. „Если ты будешь вести себя хорошо и хорошо исполнять свою роль—то получишь такую-то награду, если плохо—то будешь жестоко нака-

---

[1]) Петражицкій. Акціи 16—21.

занъ“—вотъ общая формула, резюмирующая характеръ нравовъ того времени... Теперь, напр., законъ «довѣряетъ» и докторамъ, и архитекторамъ, и правителямъ, и свидѣтелямъ на судѣ, и даже самимъ подсудимымъ; онъ имъ не обѣщаетъ поштучной награды, онъ ихъ не пытаетъ и онъ не грозитъ имъ жестокими карами въ случаѣ неудачи. Иначе обстояло дѣло въ прошломъ.

Для того, чтобы добыть хорошее поведеніе отъ раба—нуженъ былъ кнутъ. И не только отъ раба, но и отъ всякаго человѣка.

Египетскіе памятники, напр., весьма картинно говорятъ о томъ, что удары, кнутъ, побои и т. д.—были обычнымъ „педагогическимъ“ пріемомъ при постройкахъ, полевыхъ работахъ и вообще всюду. «Молодой человѣкъ имѣетъ спину и слушаетъ того, кто его бьетъ». „Слухъ (послушаніе) молодого человѣка на его спинѣ“, такъ краснорѣчиво передаетъ указанное положеніе дѣла папирусъ Аназта. Когда надсмотрщикъ билъ кого-нибудь при лѣнивомъ исполненіи послѣднимъ своей работы, то обычно произносилась фраза: «Есть нѣкто позади тебя». Эта фраза говоритъ о томъ, что если бы не было надсмотрщика и каръ, то трудно было бы ждать отъ рабочихъ усердія и вниманія [1]).

Раскройте древніе кодексы и вы встрѣтите то же.

„Если докторъ лѣчилъ тяжело раненаго и... человѣкъ этотъ умеръ—пусть ему отрѣжутъ руку“. „Если докторъ открылъ бѣльмо... и испортилъ глазъ—пусть ему отрѣжутъ руку“.

«Если архитекторъ построилъ домъ... и если построенный домъ развалился и убилъ своего хозяина, этотъ архитекторъ присуждается къ смерти». „Если убитъ сынъ хозяина, пусть убьютъ сына архитектора“. «Если убитъ (развал. домомъ) рабъ хозяина—архитекторъ долженъ дать своего раба хозяину». „Если судовщикъ законопатилъ для кого-нибудь судно и не выполнилъ добросовѣстно свою работу, если въ этотъ же самый годъ этотъ послѣдній отправился въ плаваніе на этомъ суднѣ и потерпѣлъ аварію—пусть судовщикъ обмѣнитъ судно, отремонтируетъ его на свой счетъ и возвратитъ отремонтированное судно владѣльцу» [2]) и т. д. Эти статьи кодекса Гаммураби весьма характерно подчеркиваютъ вышесказанное.

Если бы таковыми же остались и теперь законы регулирующія докторскую, архитекторскую и др. дѣятельности, то, по-

---

[1]) См. C a p a r t. Esquisse d'un histoire du droit penale égyptien. 26,-27.

[2]) L a l o i d e H a m m o u r a b i par. Seiil. ст. 215, 218, 228, 229 235 и др.

жалуй, мало было бы желающихъ заниматься этими спеціальностями. Поведеніе лицъ, занимающихся теперь этой профессіей, настолько улучшилось, что добросовѣстное исполненіе своей обязанности добывается отъ нихъ и безъ этихъ санкцій. А раньше, очевидно, дѣло обстояло не такъ. Чтобы они добросовѣстно выполняли свою работу, требовалось двойное давленіе наградъ (см. ниже) и каръ.

То же мы встрѣчаемъ, напр., и въ кодексѣ Ману, безъ различія соціальнаго положенія лица, будетъ ли это царь, или пастухъ, или кучеръ. „Царь, который надлежащимъ образомъ охраняетъ своихъ подданныхъ, получаетъ отъ всѣхъ и каждаго шестую часть ихъ духовной заслуги (наград. мотив. П. С.); если онъ не охраняетъ ихъ, шестая часть ихъ вины также падаетъ на него“ (карат. мотив.). „Царь, который не охраняетъ народа, но получаетъ свою часть натурою, поземельныя подати... идетъ по смерти немедленно въ адъ“. Такой царь объявляется «принимающимъ на себя всѣ вины своего народа» [1].

Стоитъ сравнить современное положеніе царей, неотвѣтственныхъ за свои дѣла, съ этимъ положеніемъ, и разница сама собой будетъ ясна. Теперь монархи не получаютъ ни наградъ, ни каръ. Они въ силу своего долга добросовѣстно исполняютъ свои обязанности. Во времена же Ману, очевидно, этого не приходилось ожидать безъ санкцій. То же же было, какъ сейчасъ увидимъ, и у др. древнихъ народовъ.

„Всѣ врачи, читаемъ дальше, которые худо обращаются со своими паціентами, должны заплатить штрафъ, по отношенію къ животнымъ первый или низшій, по отношенію къ людямъ— высшій“ [2].

„Царь долженъ заставить разрѣзать на части бритвами золотыхъ дѣлъ мастера, поступающаго нечестно, самаго вреднаго изъ всѣхъ терновъ“ [3].

«Ткачъ, получившій десять пала нитей, долженъ возвратить ткань по вѣсу одной пала больше; тотъ, кто дѣлаетъ иначе,

---

[1]) Законы Ману. Гл. 8, 304—5, 307—8, 397. и др. „Царь, который вслѣдствіе помраченія безразсудно притѣсняетъ своихъ подданныхъ, въ скоромъ времени вмѣстѣ съ своими родственниками лишится царства и жизни“, 7, 111 см. аналог. ст. 7, 27—28, 8, 171, 336, 9, 250 и др., грозящія лишеніемъ жизни и царства.

[2]) Ibid. Гл. 9. 284.

[3]) Ibid. 9, 292.

долженъ быть принужденъ заплатить штрафъ въ двѣнадцать панъ» [1]).

„Если повозка опрокидывается отъ неумѣнія кучера, хозяинъ долженъ быть присужденъ къ штрафу въ 200 панъ. Если кучеръ умѣлый, но небрежный, онъ одинъ долженъ быть оштрафованъ“ [2]).

Однимъ словомъ, какой бы поступокъ ни взять, какую бы функцію ни разсматривать—всюду добросовѣстное исполненіе добывается отъ индивида не просто, а путемъ каръ—смерти, изувѣченій, штрафовъ и т. д. [3]).

Раскройте Библію и опять-таки Вы видите, что Іегова не просто говоритъ: „ты долженъ это дѣлать, а это не долженъ“. Очевидно, и онъ плохо „вѣрилъ“ въ добросовѣстность своего народа того времени, и вотъ мы видимъ, что каждый приказъ и запретъ облагается тяжелыми карами и наградами. Если добросовѣстно будешь жить—тебя ожидаетъ награда, недобросовѣстно—ужасная кара [4]).

То же было и въ другихъ странахъ по отношенію какъ къ царямъ, такъ и ко всѣмъ, кончая лицами, стоящими на низахъ общественной лѣстницы... Въ Египтѣ шефъ полиціи, небрежно исполнявшій свою обязанность, весьма строго наказывался. Король, хотя былъ и божествомъ, однако, такъ же не избѣгалъ опеки и суда. Послѣ его смерти созывалось экстра-ординарное собраніе для рѣшенія вопроса, достойно ли онъ правилъ. „Публичное обвиненіе было правомъ каждаго гражданина, и если король былъ признанъ виновнымъ въ злоупотребленіи, онъ былъ лишаемъ погребенія“ говоритъ Капартъ“ [5]). „Начальники часто подлежатъ суду своихъ подчиненныхъ, говоритъ Постъ. Какъ король Сенаара, когда этого требовало благо государства, могъ быть казненъ, а Bertat ежегодно подвергаютъ своихъ королей суду, такъ, по свидѣтельству, Хуарроса въ государствѣ кичесовъ „ahagues“ могли отрѣшить царя отъ должности за жестокость и тиранію, и его въ такихъ случаяхъ наказывали конфискаціей имущества и смертью. Цейлон-

---

[1]) Ibid. 8, 397.
[2]) Ibid. 8, 292—3.
[3]) См. далѣе, напр. 8, 399—400, 408—9, и др.
[4]) См. напр. Второзаконіе. Гл. 4, 5, 6, 7, 8, 9, 27, 28, 30 и др.
[5]) Capart. Op. cit. 37. Правда, нѣкоторые изслѣдователи подвергаютъ сомнѣнію этотъ обычай.

скіе кандійцы утверждали, что ихъ—во всемъ остальномъ—неограниченный государь можетъ быть вызванъ на судъ послѣднимъ изъ своихъ подданныхъ... въ томъ случаѣ, если онъ нарушаетъ основные законы государства“ и т. д. [1]).

То же констатировано у ряда другихъ народовъ—древнихъ туркестанцевъ [2]), бедуиновъ [3]), и т. д. Стѣсненіе, угроза божескими карами, исходящая отъ боговъ или жрецовъ и министровъ, опекающихъ царя, убійство его, низложеніе и т. д.—обычное явленіе въ древности.

Если ужъ глава союза не свободенъ въ древности отъ санкцій, то само собой понятно, что другія лица еще менѣе свободны, отъ нихъ еще менѣе можно ждать добровольнаго усерднаго исполненія возложенныхъ на нихъ функцій и еще болѣе приходится давить на ихъ поведеніе наказаніями, дабы получить отъ нихъ требуемое поведеніе. Я уже выше привелъ примѣры такого „давленія“ на врачей, архитекторовъ, рабовъ, кучеровъ, пастуховъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ и т. д. Для полноты еще можно указать на рядъ фактовъ. Теперь, напр., свидѣтели не подвергаются никакой пыткѣ. Современное право имѣетъ „довѣряетъ“ въ томъ, что они добросовѣстно исполнятъ свой долгъ. Иначе было въ прошломъ... Тамъ, оказывается, и свидѣтелей нерѣдко пытали и били. Не заходя далеко впередъ, достаточно сослаться хотя бы на такіе факты, какъ наши указы 16-го вѣка. Въ дополнительномъ указѣ къ Судебнику Ив. Грознаго 21 авг. 1556 г. читаемъ. «А которые люди въ обыскѣхъ въ одномъ дѣлѣ двои рѣчи говорятъ, и изъ тѣхъ людей, изо ста человѣкъ, выбравъ лутчихъ людей, прикащиковъ и крестьянъ пяти или шти бити кнутьемъ, а игуменовъ и поповъ и діаконовъ отсылати къ Святителю“. За ложь боярамъ и дьякамъ грозитъ великая Государева опала, а людемъ ихъ и крестьяномъ быти кажненнымъ, какъ и въ разбойныхъ дѣлѣхъ“; если старосты будутъ поступать «не по Государеву указу», «ино старостъ казнити безъ милости» [4]).

Какъ извѣстно это явленіе не специфически русское, а имѣвшее мѣсто и у другихъ народовъ. Къ этому факту самъ собой

---

[1]) Постъ. Зачатки. 115—116.
[2]) Постъ. Ibid. 116.
[3]) Спенсеръ. Осн. соц. II, 294.
[4]) См. Утинъ и Лазаревскій. Доп. указъ ст. 6,—10,—13.

примыкаетъ обычай п ы т о к ъ при допросахъ. Ихъ повсемѣстное существованіе опять-таки говоритъ о томъ, что «правосудіе» не могло полагаться и довѣрять искренности виновнаго, а добывало ее путемъ жесточайшаго истязанія.

Было бы безполезно приводить дальнѣйшіе примѣры и подтвержденія: ихъ такъ много, что исчерпать ихъ совершенно немыслимо. Всѣ они говорятъ о томъ, что въ древности нужное для группы поведеніе индивида добывалось не добровольно, а путемъ жесточайшихъ каръ (и наградъ). Кары и награды буквально опутывали всю жизнь и всѣ акты. Ихъ молотъ висѣлъ надъ головой каждаго, готовый ежеминутно поразить виновника [1]).

По мѣрѣ того, какъ развивается соц. жизнь, и улучшается психика и поведеніе людей,—по мѣрѣ того санкціи все болѣе и болѣе падаютъ. Теперь мы совершаемъ добровольно множество поступковъ, которые раньше добывались наказаніемъ. И поэтому понятно, что наказанія для насъ излишни, какъ излишне и запугиваніе ими; онѣ сыграли свою роль и, когда стали излишни, пали или же изъ болѣе жестокихъ формъ перешли въ формы менѣе жестокія. А все это опять-таки подтвержденіе указываемой нами тенденціи паденія каръ.

В о о б щ е, п о м ѣ р ѣ т о г о, к а к ъ п с и х и к а и п о в е д е н і я л ю д е й с о ц і а л ь н а г о с о ю з а с т а н о в я т с я в с е б о л ѣ е и б о л ѣ е п р и с п о с о б л е н ы м и д р у г ъ к ъ д р у г у, п о м ѣ р ѣ т о г о опека надъ ними выражающаяся въ правѣ кого-нибудь налагать рядъ каръ на другихъ членовъ союза, постепенно падаетъ, и нужное поведеніе добывается отъ индивида безъ

---

[1]) Аналогичный матеріалъ, помимо правовыхъ кодэксовъ, можно найти въ изобиліи и въ народныхъ сказкахъ, гдѣ особенно ярко выступаютъ эти карательно-наградныя санкціи въ цѣляхъ полученія отъ того или иного индивида добросовѣстнаго исполненія своей функціи. Беру для примѣра одно изъ многихъ мѣстъ изъ „Тысячи и одной ночи“. „Я желаю, говоритъ царь (въ разсказѣ о „Камарѣ и свѣдущей Халимѣ“), обращаясь къ ювелирамъ, чтобы вы искусно прокололи эту царицу жемчужинъ. И тотъ, кто сумѣетъ это сдѣлать, не повредивъ чудеснаго вещества, тотъ можетъ просить у меня,—чего хочетъ, и все будетъ дано ему, и даже болѣе того! Но если онъ не вполнѣ хорошо исполнитъ это и если повредитъ жемчужину, хотя бы самую малость, то его ждетъ лютая смерть, я велю отрубить ему голову, заставивъ испытать всѣ мученія, которыя заслужитъ онъ своею святотатственною оплошностью!“ (См. Тысяча и одна ночь) т. IV СПБ. 1903, стр. 32—33.

всякихъ санкцій. Это мы показали сейчасъ въ общемъ видѣ, то же мы покажемъ и на исторіи отдѣльныхъ соціальныхъ взаимоотношеній. Возьмемъ для примѣра исторію семейственныхъ отношеній.

е) Здѣсь законъ паденія каръ обнаруживается въ постепенномъ ограниченіи тѣхъ каръ, которыя отецъ семьи имѣлъ право налагать на остальныхъ членовъ. Возьмемъ для примѣра исторію римскаго института семьи.

Здѣсь вначалѣ мы имѣемъ дѣло съ pater familias, который имѣлъ неограниченную власть надъ дѣтьми. Онъ имѣлъ право выбрасывать своихъ новорожденныхъ дѣтей, имѣлъ jus vendendi и т. д., вплоть до jus vitae ac necis. Въ отношеніи имущественныхъ правъ сынъ не могъ имѣть никакой собственности—однимъ словомъ patria potestas была безгранична, и отецъ могъ карать и миловать своихъ дѣтей—какъ ему угодно.

Но по мѣрѣ роста римской гражданственности, мало-по-малу права отца карать и миловать ограничиваются. Одинъ изъ leges regiae, подтвержденный потомъ законами XII таблицъ, ограничиваетъ право отца выбрасывать новорожденныхъ дѣтей тѣмъ, что это право отецъ можетъ примѣнять только къ уродамъ—monstra. Затѣмъ, въ императорское время у pater familias отнимается jus vitae necisque и самовольное убійство приравнивается къ parricidium. Законы же XII таблицъ ограничиваютъ и jus vendendi положеніемъ: si pater filium ter venum duit, filius a patre liber esto (если отецъ три раза продастъ сына, сынъ освобождается отъ patria potestas), а затѣмъ троекратная продажа замѣняется однократной. Такимъ образомъ исторія семейственныхъ отношеній Рима весьма наглядно показываетъ ростъ личныхъ правъ сына, обратной стороной котораго является паденіе карательныхъ правъ отца.

То же относится и къ имущественнымъ отношеніямъ отца и сына. Неограниченность имущественныхъ правъ отца, начиная съ эпохи паденія республики, мало-по-малу ограничивается.

При Ю. Цезарѣ изъ неограниченныхъ имущественныхъ правъ отца исключается peculium castrense, затѣмъ появляется pecilium quasi castrense, которымъ сынъ имѣлъ право распоряжаться по своему усмотрѣнію. Къ этому при Константинѣ присоединяется bona materna, при Аркадіи и Гоноріи—bona materni generis и, наконецъ, при Юстиніанѣ—bona adventicia. Такимъ образомъ, и здѣсь процессъ развитія показываетъ ростъ имущественныхъ

правъ сына и паденіе карательныхъ правъ отца. Этотъ же процессъ свойствененъ большинству народовъ, въ частности и русскимъ [1]).

И у насъ несомнѣнно въ древности дѣти находились въ полной зависимости личной и имущественной отъ отца, отцы имѣли право безнаказанно карать дѣтей, продавать ихъ въ рабство, заключать ихъ браки и т. д., вплоть до jus vitae nicisque. Дѣти не имѣли никакихъ правъ и за всякую жалобу на родителей еще по судебнику 1550 дѣти подлежали наказанію кнутомъ, съ прибавленіемъ „нещадно“. Каждое преступленіе дѣтей противъ отца и матери каралось нещадно, тогда какъ преступленія противъ дѣтей карались слабо или никакъ не карались. (Карамзинскій списокъ рекомендуетъ духовнымъ судамъ „творити всяко волю ея, а дѣтямъ не дати воли“). Еще по Уложенію за убійство сына отецъ карался только тюремнымъ годичнымъ заключеніемъ, и церковнымъ покаяніемъ, тогда какъ сынъ, убившій отца или мать, подвергался смертной казни „безъ всякія пощады“. Но мало-по-малу права отца, въ частности, и его карательныя права, ограничивались. Судебникъ Ивана VI запрещаетъ отцу-рабу продавать своихъ свободныхъ дѣтей. Въ XVII в. за убійство отцомъ сына налагаются уже наказанія (хотя и слабыя). Петръ Великій еще болѣе ограничиваетъ произволъ родителей надъ дѣтьми. Параллельно съ этимъ растетъ и имущественная самостоятельность послѣднихъ, болѣе или менѣе ясно проявляющаяся со времени введенія помѣстной системы [2]).

Современный намъ уголовный кодексъ уже чрезвычайно ограничилъ власть родителей надъ дѣтьми, а царящее въ обществѣ моральное сознаніе почти уравняло ихъ. То же mutatis mutandis относится почти и ко всѣмъ историческимъ народамъ [3]).

---

f) Л. І. Петражицкій даетъ еще рядъ другихъ доказательствъ той же тенденціи паденія каръ. „Какъ мало общаго съ семейными отношеніями имѣетъ долговое право! Но обратимся къ историческимъ документамъ съ вопросомъ, какія мѣры право

---

1) См. Сергѣевичъ. стр. 490 и слѣд., гдѣ данъ краткій сравнительно историческій матеріалъ по этому вопросу.

2) Сергѣевичъ. Op. cit. стр. 492—497, 410—412.

3) См. объ этомъ Л. І. Петражицкій. Акціи. 17—18.

въ различныя эпохи считало необходимыми для того, чтобы обезпечить со стороны должниковъ уваженіе къ правамъ кредитора и исполненіе обязательственнаго обѣщанія, напр., возвратъ занятыхъ денегъ. По законамъ XII таблицъ кредиторы могли разсѣчь должника на части, пропорціональныя суммѣ ихъ требованій; впослѣдствіи римское право довольствовалось угрозою личной свободѣ (продажа въ рабство), потомъ имущественными наказаніями (напр., присужденіемъ неисправнаго должника къ уплатѣ двойной суммы долга). Дальнѣйшее развитіе права, очевидно, предполагаетъ въ народныхъ массахъ развитіе сравнительно высокаго уровня добросовѣстности и честности гражданъ въ области обязательственнаго оборота, ибо оно довольствуется возложеніемъ на должника только обязанности возмѣщенія дѣйствительныхъ убытковъ въ случаѣ неисправности и при томъ и это сравнительно скромное средство понужденія и угрозы отчасти уже въ римскомъ правѣ, но еще болѣе въ современномъ правѣ, постепенно ограничивается и смягчается. Такой же порядокъ развитія, какъ въ римскомъ правѣ, находимъ и въ исторіи долгового права другихъ народовъ“ [1]).

---

[1]) Петражицкій. Акцій. 18—19. Опять-таки и этотъ фактъ представляетъ явленіе весьма распространенное въ средѣ другихъ народовъ. На первичныхъ стадіяхъ соц. жизни мы всюду встрѣчаемъ рядъ жестокихъ понудительныхъ мѣръ, посредствомъ которыхъ добывается отъ должника нужное поведеніе—возвратъ долга. У индусовъ эти кары извѣстны подъ именемъ дарна (Darna). „Существуетъ нѣсколько видовъ ея. Въ одномъ случаѣ заимодавецъ заклинаетъ должника стоять на какомъ-либо одномъ мѣстѣ, воздерживаться отъ пищи и питья, пока онъ не уплатитъ долговъ... Въ другомъ случаѣ заимодавецъ появляется съ большою тяжестью передъ дверью своего должника и торжественно клянется до тѣхъ поръ оставаться въ такомъ положеніи, пока тотъ не уплатитъ“, произнося проклятія должнику на тотъ случай, если онъ, заимодавецъ, потеряетъ жизнь въ такомъ положеніи. Если бы это случилось, то домъ должника былъ бы разнесенъ до основанія, а его бы продали, какъ раба, вмѣстѣ со всѣми домочадцами. Въ третьемъ случаѣ заимодавецъ выстраиваетъ передъ домомъ должника большой дерев. помостъ, привязываетъ къ послѣднему „корову или старую женщину и угрожаетъ поджечь его, если должникъ не уплатитъ“... На западномъ берегу Декана, по свид. Марко Поло, заимодавецъ можетъ поймать должника, очертить его кругомъ, изъ котораго тотъ не можетъ выйти до уплаты долга. „А если-бы онъ попытался убѣжать, то онъ подлежитъ смерти“. Прежде на Цейлонѣ должнику, не желавшему платить, клали на спину большой камень, который онъ долженъ былъ носить, пока не уплатитъ. Если онъ упорствовалъ—на него накладывали все больше и больше камней. Въ другомъ случаѣ должнику втыкали колючки въ обнаженныя ноги. Въ Кореѣ, должникъ, не заплатившій во время долга,

g) То же проявляется и въ другихъ сферахъ соціальной жизни. Возьмемъ для примѣра исторію отношеній мужа и жены, на которую также указываетъ Л. І. Петражицкій. Исторія эта есть опять-таки ничто иное, какъ постепенное паденіе manus mariti (власти мужа надъ женой). Съ развитіемъ соціальной жизни постепенно происходитъ улучшеніе отношеній мужа и жены, и это улучшеніе имѣетъ своимъ послѣдствіемъ постепенное паденіе карательныхъ правъ мужа и постепенное освобожденіе жены изъ-подъ его власти, изъ-подъ опеки его или общества, постепенный ростъ ея личныхъ правъ. Это ясно видно изъ исторіи Римскаго права. То же происходило и въ Греціи [1]), а равно и въ другихъ странахъ. Не заходя въ глубь исторіи, достаточно сравнить для этого идеалъ Домостроя и современныя воззрѣнія на отношенія мужа и жены. Наша морально-правовая психика рѣшительно отвергаетъ Домостроевскіе идеалы, битье жены кнутомъ и т. д. Женщина постепенно освобождается отъ тѣхъ путъ, которыя въ свое время были нужны и необходимы. Суффражистское теченіе есть лишь вполнѣ послѣдовательный выводъ и завершеніе этой постоянной исторической тенденціи.

Вообще говоря, какую-бы сферу соціальной жизни мы ни взяли, то поведеніе индивида, которое было с о ц і а л ь н о-п о-

---

получаетъ каждые 14 дней палочные удары по голенямъ до полной уплаты своего долга. Если онъ умретъ—должны платить его родственники; если и они не уплачиваютъ, то подвергаются той же бастоннадѣ. Въ Борну кади вступаетъ во владѣніе имуществомъ должника и уплачиваетъ долгъ, а должника связываютъ и кладутъ на спину до тѣхъ поръ, пока онъ не дастъ согласія. Въ Конго, у мандингскихъ народовъ, у меевъ, у орангъ-бенуа, у древнихъ германцевъ и въ древней Галліи и т. д., неисправные должники продавались въ рабство. У ряда народовъ не только самъ должникъ, но и его жена и дѣти—подвергались той же участи. (Постъ. Зачатки, 234—37. См. у Поста др. аналог. факты). То же, какъ мы знаемъ, было и въ древней Руси. Теперь уже этихъ „понудительныхъ“ мѣръ или вовсе нѣтъ, или онѣ потеряли свой жестокій и карат. характеръ.

Аналогичное же мы встрѣчаемъ и въ др. близкихъ къ долговому праву сферахъ соц. жизни. Напр., еще въ Судебн. Ивана IV ст. 90 гласитъ: „А кто у кого взявъ, идучи въ торговлю, да пропіетъ, или инымъ какимъ безумiемъ тотъ товаръ погубитъ безъ напрасьнства, ино того выдати истцу головою до искупа“. Сравнительная исторія права и здѣсь указываетъ на то, что это явленіе было общераспространеннымъ. А какъ этотъ, такъ и другіе подобные факты, говорятъ о томъ же богатствѣ каръ въ древности и ихъ постепенномъ паденіи.

[1]) Относит. Греціи см. Бузескулъ. Женскій вопросъ въ древней Греціи (1905 г.) Passim и 41—2.

лезно, вначалѣ добывалось обычно не просто, а путемъ каръ. Затѣмъ же, съ постепеннымъ приспособленіемъ индивида къ этой функціи, совершавшимся не безъ мотиваціонно-дрессирующе-рикошетнаго вліянія каръ, это соціально-полезное поведеніе его начинаетъ добываться уже съ меньшимъ давленіемъ каръ, а то и безъ всякой кары.. Возьмемъ, напр., стремленіе индивида къ образованію и къ наукѣ. Раньше, не только у насъ, но и всюду нужны были и дѣйствительно практиковались кары, чтобы заставить человѣка учиться.. Если онъ получалъ образованіе—за это получалъ рядъ наградъ, если же не учился—подвергался тѣмъ или инымъ лишеніямъ. И это касается не только насъ, русскихъ, съ нашими указами Петра и Анны, запрещавшими „недорослямъ“ даже вступленіе въ бракъ (Указъ 28 февр. 1714 г.), но одинаково и другихъ народовъ. Теперь подобныя мѣры уже излишни. Потребность въ знаніи уже достаточно сознана, и для значительной части общества стремленіе къ знанію уже не нуждается ни въ какихъ внѣшнихъ стимулахъ, оно стало „безкорыстнымъ“. Вообще, трудно перечислить различныя стороны соціальной жизни, гдѣ дана на лицо та же тенденція постепеннаго паденія карательной санкціи. При внимательномъ и вдумчивомъ отношеніи каждый можетъ уловить ту же тенденцію въ любой сферѣ соціальной жизни, разъ акты, требовавшіеся и требуемые отъ индивида, есть акты соціально-полезные.

---

h) Обратимъ теперь вниманіе на слѣдующаго рода характерное обстоятельство, опять-таки вполнѣ опредѣленно и, можетъ быть даже болѣе, чѣмъ что бы то ни было другое, говорящее о томъ же постепенномъ вывѣтриваніи каръ и наградъ и о все растущемъ улучшеніи человѣческой психики и поведенія. Всякій актъ человѣка есть или мысль, или слово, или поступокъ въ узкомъ смыслѣ этого термина. Прошлое не допускало ни свободы мысли, ни свободы слова, ни свободы дѣянія. Оно наказывало всѣ эти виды актовъ, не исключая и чисто-психическаго акта. Всѣ три категоріи облагались суровыми карами и вызывали репрессію. Стоитъ, однако, бросить ретроспективный взглядъ на исторію, и исторія показываетъ, какъ мало-по-малу первые два вида актовъ ускользаютъ отъ наказанія. Мысль или чистый умыселъ, каковъ бы онъ ни былъ, перестаетъ быть караемымъ. За этимъ мало-по-малу растетъ и свобода слова. Въ настоя-

щее время кары падаютъ (за небольшими исключеніями) лишь на д ѣ й с т в і я. „Мыслительные“ акты и „словесные“ акты перестали быть караемыми, первые—совсѣмъ, вторые за небольшими исключеніями. Этотъ, съ виду неважный фактъ, въ дѣйствительности представляетъ громадную, неопровержимую „улику“ въ пользу паденія санкцій и въ то же время улучшенія челов. психики, т. к. паденіе санкцій вовсе не вызвало роста „словесно-мыслительныхъ“ преступленій. Оскорбленій, клеветы, диффамаціи, призывовъ къ преступнымъ актамъ вовсе не больше въ тѣхъ странахъ, гдѣ введена свобода слова, чѣмъ въ тѣхъ, гдѣ она не введена. Съ этой точки зрѣнія моментъ уничтоженія въ уголовномъ кодексѣ той или иной стороны статей, карающихъ за „религіозныя преступленія (въ собственномъ смыслѣ) и за преступленія словесныя—съ одной стороны, и появленіе въ основныхъ законахъ той же страны статей, гарантирующихъ поддаппымъ свободу совѣсти, культа, вѣроученія и вѣротерпимости, а равно и свободу слова и печати—есть показатель громаднаго моральнаго прогресса, совершеннаго этой страной.. А эти моменты, какъ извѣстно, суть специфическое достояніе новаго времени и даже его конца 19-го вѣка [1]).

і) Наличность той же тенденціи обнаруживается и въ слѣдующемъ фактѣ.

Всматриваясь въ различныя кары за правонарушенія, данныя въ законодательныхъ сводахъ, мы не можемъ не замѣтить два различныхъ вида каръ. О д н ѣ к а р ы стремятся в о з с т а н о в и т ь п р е ж н е е п о л о ж е н і е, нарушенное тѣмъ

---

[1]) Е. В. Д е - Р о б е р т и вполнѣ правъ, поэтому, когда говоритъ: „Прошлое искало рѣшенія этой тяжелой проблемы (свободы мысли, слова и дѣйствія), въ исключительномъ господствѣ идей и чувствъ, освященныхъ долгимъ обычаемъ, надъ идеями и чувствами диссидентовъ, или же въ абсолютныхъ репрессіяхъ, направляемыхъ противъ мысли и совѣсти меньшинства. Настоящее съ этой точки зрѣнія представляетъ нѣчто среднее, видъ полуподчиненія, полудавленія соціальной личности. Теперь охотно допускаютъ свободу мысли и обставляютъ серьезными гарантіями свободу слова. Но останавливаются еще передъ свободой или скорѣе н е о б х о д и м о с т ь ю д ѣ й с т в і я. Какимъ образомъ будущее рѣшитъ эту важную проблему?—Мы не можемъ этого предвидѣть. Но можетъ быть будущія поколѣнія найдутъ въ ихъ коллективномъ сознаніи, все болѣе и болѣе развивающемся и совершенствующемся, новый источникъ моральной энергіи, который позволитъ имъ разсѣять или существенно смягчить этотъ современный иллогизмъ“.

De Roberty Qu'est-ce que le Crime? 1899, p. 7.

или инымъ запрещеннымъ поступкомъ, другія—кромѣ этого возстановленія еще наложить на преступника нѣкоторый излишекъ наказанія. Это различіе до извѣстной степени соотвѣтствуетъ современному различію санкцій за гражданскія и уголовныя правонарушенія. Наказаніе гражданскаго правонарушенія en masse состоитъ обычно въ возстановленіи положенія, бывшаго до правонарушенія; виновный возвращаетъ потерпѣвшему то, что онъ незаконно присвоилъ и только. Выражаясь языкомъ Дюркгейма, гражданская санкція есть санкція чисто реститутивная. Иначе обстоитъ дѣло съ наказаніями за уголовныя преступленія. Здѣсь кара не возстановляетъ положеніе, бывшее до правонарушенія, а налагаетъ на преступника, въ видѣ кары въ собственномъ смыслѣ, еще нѣкоторый излишекъ наказанія за его преступленіе.. Иначе говоря, санкція уголовная—есть en masse санкція репрессивная. Отсюда, само собой слѣдуетъ, что кары за гражданскія преступленія гораздо менѣе интенсивны, чѣмъ кары уголовныя. Первыя могутъ даже не быть вовсе, если нѣтъ частнаго ходатайства или иска, тогда какъ вторыя всегда налагаются, если только извѣстенъ самый фактъ преступленія и его виновники..

Разъ это такъ, то спрашивается, каково взаимоотношеніе того или другого права въ историческомъ процессѣ? Растетъ ли одно изъ нихъ на счетъ другого? И если растетъ, то что изъ этого вытекаетъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ таковъ. Древность, вообще говоря, незнаетъ такого раздѣленія: здѣсь всякое правонарушеніе ведетъ за собой кару репрессивную, а не реститутивную[1]), т.-е. всякое правонарушеніе можетъ разсматриваться, какъ уголовное преступленіе. Выше было показано, что кровная мѣсть слѣдовала не только при важныхъ и

---

[1]) Историкамъ права, говоритъ М. М. Ковалевскій, хорошо извѣстно „отсутствіе на первыхъ порахъ всякаго различія между уголовной и гражданской отвѣтственностью, чѣмъ и объясняется то явленіе, что къ возмѣщенію матеріальнаго вреда всегда присоединяется требованіе добавочнаго платежа, настолько значительнаго, что вмѣстѣ съ возмѣщеніемъ убытковъ онъ покрываетъ собою болѣе или менѣе весь достатокъ обидчика". „Въ моихъ глазахъ онъ этотъ „грабежъ" („потокъ и разграбленіе") является ни чѣмъ инымъ, какъ средствомъ разорить виновнаго и тѣмъ вызвать, если дѣло идетъ о домашнемъ ворѣ, то же оставленіе имъ родственной среды, какимъ родъ грозитъ домашнему убійцѣ". Совр. соц. 142.

личныхъ оскорбленіяхъ, но и при имущественныхъ и незначительныхъ проступкахъ [1]). Равнымъ образомъ при чисто имущественныхъ правонарушеніяхъ наказаніе даже въ эпоху композицій состояло не только въ простомъ возмѣщеніи ущерба, но еще и въ нѣкоторомъ добавочномъ штрафѣ или въ нѣкоторомъ добавочномъ наказаніи, сверхъ возмѣщенія убытка, т.-е. оно было уголовной карой.

Такъ, напр., въ древнѣйшемъ кодексѣ Гаммураби читаемъ: Si un homme a donné en depot devant témoins, á un autre, argent, or, ou toute autre chose, et si celui-ci lui conteste, on fera comparaître cet individu, et il d o u b r e r a et d o n n e r a tout ce qu'il a contesté" [2]).

И Дюркгеймъ, вмѣстѣ съ Семнеръ Меномъ обратившій вниманіе на этотъ фактъ (хотя и не вполнѣ вѣрно истолковавшій), правъ, когда говоритъ, что древнее право почти сплошь было репрессивно, а не реститутивно; и въ сохранившихся юридическихъ памятникахъ тѣмъ болѣе репрессивныхъ нормъ, чѣмъ регулировавшееся ими поведеніе и организація общества примитивнѣе.

„Все еврейское право, поскольку оно дается намъ въ пятикнижіи, въ разныхъ степеняхъ проникнуто существенно репрессивнымъ характеромъ". То же относится и къ законамъ Ману. „Законы XII-ти таблицъ относятся къ обществу уже болѣе развитому и болѣе близкому къ намъ, чѣмъ еврейскій народъ, поэтому уголовное право не занимаетъ уже всего мѣста... Изъ 115 отрывковъ этого закона, которые удалось возстановить Фойгту, только 66 могутъ быть приписаны реститутивному праву; 49 имѣютъ рѣзко карательный характеръ". „Салическій законъ относится къ обществу, менѣе развитому, чѣмъ Римъ IV-го вѣка.. Поэтому уголовное право тутъ имѣло больше значенія. Изъ 293 параграфовъ (въ изданіи Вайца) только 25

---

[1]) „Законодательство арійскихъ народностей заключаетъ въ себѣ несомнѣнныя данныя на счетъ примѣнимости кровной мести на первыхъ порахъ къ разнообразнѣйшимъ видамъ обидъ: личныхъ и имущественныхъ". Соврем. обычай 31. Въ эпоху самоуправства родовъ „между преступленіемъ и гражданскимъ правонарушеніемъ не имѣется никакихъ различій... Отдѣльный уставъ гражданскаго и отдѣльный уставъ уголовнаго судопроизводства въ это время были бы немыслимы" Ibid. 112.

[2]) L a l o i d e H a m m o u r a b i par V. Scheil. Paris. 1904. § 124. См. также § 107, 112, 101 и др.

(почти 9%) не имѣютъ репрессивнаго характера"; тогда какъ „въ болѣе близкомъ къ намъ законѣ бургундовъ" уголовный элементъ уже менѣе великъ. „Изъ 311 параграфовъ мы насчитали 98, т. е. почти треть, не представляющихъ никакого карательнаго характера". „Наконецъ, законъ визиготовъ, который еще ближе къ намъ по времени и относится къ народу, еще болѣе культурному, свидѣтельствуетъ о новомъ прогрессѣ въ томъ же направленіи. Хотя въ немъ еще преобладаетъ уголовное право, но реститутивное имѣетъ почти равное значеніе" [1]). То же относится и къ законамъ Гаммураби, Вавилонскаго царя. Здѣсь изъ 282 параграфовъ, по нашему подсчету (исключая статей государственнаго регулированья жалованья и цѣнъ за разныя услуги) чисто реститутивныхъ статей не больше 60-ти. Большинство же статей носитъ строго репрессивный характеръ. (Изъ 282 ст. 36 караютъ смертною казнью, исключая другихъ статей, ведущихъ косвенно къ тому же результату).

Итакъ, эти данныя говорятъ, что вначалѣ все право носитъ почти исключительно репрессивный характеръ; реститутивнаго права вначалѣ нѣтъ. А такъ какъ репрессивное право болѣе жестоко и болѣе сурово, чѣмъ реститутивное, то вполнѣ понятно, что ростъ этого послѣдняго, въ ущербъ первому, тѣмъ самымъ означаетъ уменьшеніе интенсивности наказаній.

Изъ приведенныхъ положеній видно, что этотъ ростъ реститутивнаго права, за счетъ права репрессивнаго, несомнѣненъ. „Реститутивное право выдѣлилось изъ репрессивнаго, поглощавшаго его первоначально; оно имѣетъ теперь свои собственныя черты, свое собственное устройство, свою индивидуальность. Оно существуетъ, какъ отдѣльный юридическій видъ, снабженный спеціальными органами, спеціальной процедурой", говоритъ Дюркгеймъ. Начиная съ IV вѣка, когда римское право было еще въ большей своей части репрессивно, „репрессивное право все теряло свое относительное значеніе. Если и допустить, что оно не уменьшилось во множествѣ случаевъ, если и предположить, что множество поступковъ, вначалѣ считавшихся уголовными, не перестали съ теченіемъ времени быть караемыми (а обратное этому мы видимъ въ религіозныхъ преступленіяхъ), то во всякомъ случаѣ оно не возросло замѣтнымъ образомъ; мы знаемъ, что, начиная съ эпохи XII таблицъ, главные крими-

---

[1]) Дюркгеймъ. О раздѣл. общ. труда, стр. 107—116.

нальные типы римскаго права установились... Наоборотъ, договорное право, процессуальное, публичное, все болѣе и болѣе увеличивались. По мѣрѣ того, какъ подвигаешься впередъ, видишь, какъ немногія и тощія формулы, касавшіяся этихъ пунктовъ въ законахъ XII таблицъ, развиваются и увеличиваются, превращаясь въ объемистыя системы классической эпохи. Семейное право тоже усложняется и дифференцируется по мѣрѣ того, какъ къ первоначальному гражданскому праву присоединяется преторское право“ [1])—такъ резюмируетъ Дюркгеймъ эволюцію римскаго права, которая по его мнѣнію, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, является частнымъ видомъ общей тенденціи, свойственной, по крайней мѣрѣ, большинству народовъ.

Такимъ образомъ, и это явленіе есть прямое подтвержденіе прослѣживаемой нами исторической тенденціи. Правда, объясненіе этого факта, даваемое Дюркгеймомъ, нѣсколько иное, чѣмъ наше. Онъ отказывается раздѣлять то мнѣніе, что жестокость каръ въ древности обусловливается „жестокостью“ нравовъ прошлаго. Но, въ дальнѣйшемъ, оказывается, что онъ опровергаетъ собственно говоря, не теорію жестокости нравовъ, а теорію, утверждающую, что болѣе жестокое наказаніе назначается за тѣ преступленія, которыя совершаются болѣе часто, а болѣе легкое за тѣ, которыя совершаются болѣе рѣдко. Но, ясно, что теорія „жестокости“ нравовъ и теорія „частоты“ тѣхъ или иныхъ преступленій вещи совершенно разнородныя. И мы, до извѣстной степени (но не вполнѣ) согласны съ Дюркгеймомъ въ томъ, что обычно „преступленія наказываются тѣмъ суровѣе, чѣмъ они рѣже“, но это не мѣшаетъ намъ утверждать, что жестокость каръ въ древности вызвана (въ общемъ безсознательно) жестокостью, т.-е. неприспособленностью, грубостью психики и громадной устойчивостью „должныхъ“ шаблоновъ поведенія. Эта устойчивость шаблоновъ поведенія не позволяетъ нарушать въ одной и той же группѣ эти шаблоны слишкомъ часто. Отсюда—рѣдкость и немногочисленность преступленій въ древности; когда же это нарушеніе какимъ-либо членомъ совершается, нарушеніе, вызываемое измѣненіемъ условій, или когда сталкиваются двѣ разнородныя группы, шаблоны поведенія которыхъ противорѣчатъ другъ другу,—то этотъ конфликтъ шаблоновъ (преступленіе) при

---

[1]) Дюркгеймъ. Op. cit. 112—114.

ихъ сильной устойчивости необходимо долженъ принимать острыя формы. Борьба двухъ центровъ необходимо должна принимать жестокій характеръ: такъ какъ шаблоны поведенія одной стороны могутъ быть сломлены и измѣнены только путемъ остраго и жестокаго мотиваціоннаго давленія каръ.

Отсюда—необходимость жестокости. По мѣрѣ того, какъ смѣна шаблоновъ совершается все чаще и чаще,—шаблоны становятся менѣе устойчивыми, разъ менѣе устойчивыми—то болѣе способными къ измѣненію; а значитъ, вмѣсто жестокихъ каръ становятся достаточными и болѣе легкія кары [1]). А это значитъ, что репрессивное право должно было замѣняться реститутивнымъ правомъ (какъ правомъ болѣе „легкимъ“), что мы и видѣли въ дѣйствительности.

Такимъ образомъ, сами положенія Дюркгейма, гласящія, что „тамъ, гдѣ часты насильственные акты—они терпимы; ихъ преступность обратно пропорціональна ихъ частотѣ“ и что „преступленія наказываются тѣмъ суровѣе, чѣмъ они рѣже“ [2])—находятъ объясненіе только въ нашей интерпретаціи, а не въ иной. Даже сама теорія Дюркгейма, указывающая на обширность и интенсивность коллективнаго сознанія, какъ на причину репрессивности древняго права, понятна и пріемлема только съ указанной точки зрѣнія. Дѣйствительно, необходимость жестокихъ каръ за нарушеніе сильныхъ и интенсивныхъ состояній коллективнаго сознанія въ цѣляхъ е щ е б о л ь ш а г о у к р ѣ п л е н і я солидарности—сама по себѣ непонятна. М. М. Ковалевскій вполнѣ правъ, когда иронически спрашиваетъ: „почему „благонамѣреннымъ людямъ“, чтобы укрѣпиться въ своемъ общественномъ сознаніи, необходимо причинить страданіе виновному“ [3]).

Иначе обстоитъ дѣло, если мы станемъ на точку зрѣнія теоріи „конфликта шаблоновъ“ отдѣльныхъ ли индивидовъ, или индивида и группы, или двухъ группъ.

Разъ шаблоны столкнулись, то исходъ можетъ быть одинъ изъ указанныхъ выше: или разъединеніе столкнувшихся центровъ; или же уничтоженіе одного или обоихъ, или же насильственное

---

[1]) Д ю р к г е й м ъ. Op. cit. 115—116.

[2]) При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду и другую сторону этого процесса, а именно, шаблоны поведенія, соціально полезныя, могутъ и должны все болѣе и болѣе дѣлаться привычкой, что, какъ указано было выше, тоже должно вести къ паденію каръ.

[3]) М. К о в а л е в с к і й. Соврем. соціологи. 141—142.

принужденіе побѣжденнаго центра побѣдителемъ. А это насильственное принужденіе къ исполненію шаблоновъ побѣдителя сводится ни къ чему иному, какъ къ примѣненію каръ (и наградъ). Чѣмъ неподвижнѣе шаблоны той и другой стороны, тѣмъ эти „лекарства“ соціализаціи должны быть болѣе жестокими, чѣмъ они гибче—тѣмъ гибче и мягче послѣднія. Шаблоны древнихъ обществъ устойчивы, поэтому и кары безграничны; соціально вредные шаблоны поведенія людей цивилизованныхъ обществъ менѣе устойчивы—поэтому и кары нашего времени мягки и гуманны.

I) Теперь прослѣдимъ то же явленіе паденія интенсивности каръ на исторіи отдѣльныхъ преступленій.

Возьмемъ для примѣра наиболѣе частыя и наиболѣе каравшіяся преступленія: воровство, адюльтеръ и измѣну данной общественной группѣ. Замѣтимъ предварительно слѣдующее: каждое изъ этихъ преступленій конкретно было различно въ различныхъ обществахъ, а въ нѣкоторыхъ общественныхъ группахъ оно вообще и малоизвѣстно. Мы будемъ имѣть въ виду, конечно, лишь тѣ общественныя группы, въ которыхъ эти акты считались преступленіями. Это разъ. Во-вторыхъ, разъ конкретно они проявлялись различно у различныхъ народовъ, то подъ воровствомъ, напр., какъ преступленіемъ у Мексиканцевъ слѣдуетъ понимать то, что именно они понимали. Такъ, для большинства первобытныхъ народовъ воровство или присвоеніе себѣ чужой вещи хитростью, обманомъ и насиліемъ вовсе не составляетъ преступленія, когда оно совершено по отношенію къ иноземцамъ; преступленіемъ оно является лишь тогда, когда совершено внутри своей группы, по отношенію къ своимъ сородичамъ или соплеменникамъ. Въ этомъ случаѣ, актъ присвоенія чужого—дѣйствительно воровство, считается преступленіемъ и вызываетъ соотвѣтствующую кару. Поэтому для историческаго сравненія необходимо брать только эти и подобныя имъ явленія, которыя считаются преступленіемъ въ данной группѣ и влекутъ за собой кару.

То же относится и къ адюльтеру. Нѣтъ надобности говорить, что воззрѣнія на характеръ брака чрезвычайно измѣнчивы. То, что для насъ является прелюбодѣяніемъ, для человѣка первобытной группы, съ ея широкой свободой половыхъ отношеній, „коммунальнымъ“ бракомъ, позднѣе полигаміей и поліандріей—вовсе не могло быть таковымъ. Но и здѣсь имѣются опредѣленныя границы, нарушеніе которыхъ считается за прелюбо-

дѣяніе въ собственномъ смыслѣ, т. е. за поступокъ „не должный“ и потому караемый. Обычно всѣ мужчины и женщины первобытныхъ группъ дѣлятся на двѣ половины; каждая женщина (достигшая соотвѣтствующаго возраста) другой половины de jure можетъ быть женой мужчины первой половины и обратно, каждый мужчина второй половины можетъ быть мужемъ женщины другой половины (экзогамія). Но половыя сношенія мужчины и женщины о д н о й половины считаются непозволительными и, въ случаѣ ихъ совершенія, караются. Подъ адюльтеромъ, какъ преступленіемъ, мы и должны понимать въ каждой группѣ рядъ тѣхъ актовъ, совершаемыхъ на половой почвѣ, которые въ данной группѣ запрещены и совершеніе которыхъ вызываетъ всегда кару. То же относится и къ измѣнѣ и вообще къ поступкамъ, оскорбляющимъ непосредственно общество ли цѣликомъ или его представителей (короля, его чиновниковъ и т. д.).

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній перейдемъ къ обзору каръ за каждое изъ указанныхъ преступленій, игнорируя совершенно тѣ мотивы, благодаря которымъ данный актъ, напр., воровство и грабежъ, считаются за преступленіе. Начнемъ съ воровства и вообще незаконнаго присвоенія чужой вещи, какъ акта караемаго.

Почти у всѣхъ первобытныхъ народовъ этотъ актъ, совершенный по отношенію къ своимъ сородичамъ, к а р а е т с я с м е р т ь ю—въ видѣ ли кровной мести или въ видѣ казни, налагаемой по рѣшенію тѣхъ или иныхъ органовъ суда. Это мы встрѣчаемъ и у австралійцевъ, въ Полинезіи, у племенъ Африки, у Бамбарра, у обитателей Формозы, у Атцековъ, у Карагуа [1] и т. д.

Что касается Мексики, то здѣсь преимущественнымъ видомъ наказанія за воровство была та же смертная казнь; только иногда, когда согласенъ былъ обиженный, воръ вмѣсто смерти обращался въ рабство [2]).

Въ законѣ Гаммураби—въ огромномъ большинствѣ та же

---

[1]) См. Л е т у р н о. L'Evolution juridique, стр. 28, 54, 64, 79, 81, 95 и др. Е г о ж е. Нравственность Passim. „Dass in der That die Folge eines Diebstahles ursprünglich oft Blutrache war, говоритъ П о с т ъ, ergiebt sich aus dem weitverbreiteten Racherecht gegen den ertappten Dieb“. P o s t. Bausteine. T. I. 289 и слѣд.

[2]) Л е т у р н о. Oppid. cit. 116.

смертная казнь, иногда замѣнявшаяся уплатой штрафа въ 30-ть и 10-ть разъ большаго цѣны похищеннаго [1]).

Въ Египтѣ за воровство вначалѣ была также смертная казнь. Но съ дальнѣйшей цивилизаціей Египта постепенно она смягчалась и стала замѣняться увѣчащими карами—отрѣзаніемъ носа и т. д.—съ одной стороны, и обращеніемъ въ рабство—съ другой [2]).

У Кабиловъ—смерть или денежная пеня, въ Монголіи—смерть или палочные удары, въ недавнемъ Китайскомъ кодексѣ обычнымъ наказаніемъ были палочные удары, ошейникъ и клеймленіе; въ Абиссиніи—отсѣченіе руки, У Арабовъ—смерть, въ Бутанѣ—рабство [3]) и т. д.

У осетинъ, индусовъ, кельтовъ, германцевъ и въ древней Руси—изгнаніе и отдача „на потокъ и разграбленіе“ [4]) или выкупъ, въ случаѣ же furtum manifestum—убійство.

У Евреевъ въ пятикнижіи указываются, какъ наказанія за воровство, денежн. пеня, продажа въ рабство, а при furtum manifestum и при кражѣ людей—убійство [5]).

Въ Индіи, помимо изгнанія и штрафа—отрѣзаніе рукъ, носа и т. д. Въ Аѳинахъ за кражу человѣка и за кражу furtum manifestum—назначалась смерть, за остальныя—денежные штрафы различной степени [6]).

Аналогичное видимъ и въ Римѣ. По закону XII таблицъ за furtum manifestum (ночью и въ случаѣ сопротивленія)—смерть; то же и за furtum conceptum cum lance et licio, за дневное воровство безъ сопротивленія — рабство, за furtum nec manifestum—двойной штрафъ [7]).

То же, какъ сказано выше, относится и къ Германцамъ, къ обитателямъ Исландіи, Швеціи, Даніи, Норвегіи; и здѣсь за furtum manifestum — смерть, nec manifestum — денежная пеня, отрѣзаніе уха, глаза, носа и т. п. [8]).

---

[1]) La loi de Hammourabi. § 6, 7, 8, 9, 10, 14, 25, 34 и др.

[2]) Летурно. Ibid. 140. Du Boys L'Histoire du droit criminel des peuples anciens 1845, стр. 22.

[3]) Ibid, стр. 140, 148, 171—173, 204, 224, 248 и др.

[4]) Ковалевскій. Соврем. обычай, стр. 160, 161, 171 и др. Сергѣевичъ. 419—420. Brunner. Grundzüge. 75 стр.

[5]) Исходъ. 21 и 22 гл.

[6]) Du Boys. Op. cit. стр. 175, 176.

[7]) Rein. Das Criminalrecht der Römer. 1844. 296—301.

[8]) Летурно. Op. cit. 437 и слѣд.

Наконецъ, въ средніе вѣка наказаніе смертной казнью съ предварительной пыткой становится, до нѣкоторой степени, нормой наказанія за воровство [1]).

Такова въ общихъ чертахъ картина наказаній за воровство въ древнихъ общинахъ и соціальныхъ единствахъ. Почти повсюду здѣсь мы видимъ смертную казнь въ качествѣ одной изъ наиболѣе распространенныхъ видовъ наказанія. Къ той же смерти ведутъ фактически и изгнанія и отдачи на потокъ и разграбленіе, а иногда и въ 30-ть или меньшее число разъ большій въ сравненіи съ цѣной украденнаго штрафъ, въ случаѣ неуплаты котораго виновный казнится.

Если теперь сопоставимъ съ этими наказаніями, наказанія за воровство современныхъ уголовныхъ кодексовъ, въ частности, даже русскаго уголовнаго кодекса, то не можемъ не видѣть громадной разницы между ними. По нашему уголовному уложенію 1903 г.самая строгая кара за воровство—это каторга на срокъ не свыше восьми лѣтъ и то только тогда, когда воровство соединено съ религіознымъ преступленіемъ (кража священныхъ вещей, принадлежащихъ церкви, ст. 588) или же „разбой учиненъ посредствомъ весьма тяжкаго или тяжкаго тѣлеснаго поврежденія, въ церкви, въ открытомъ морѣ, нѣсколькими лицами, вторгшимися для сего въ обитаемыя зданія или иное помѣщеніе, лицомъ, запасшимся оружіемъ или орудіемъ для нападенія или защиты, шайкою“ (ст. 589 и 590). Обычная же мѣра наказанія—заключеніе въ тюрьмѣ отъ 3-хъ до 6-ти мѣсяцевъ (ст. 581) или же, въ случаяхъ ночного воровства, насилія, похищенія изъ могилы и т. д.—заключеніе въ исправительномъ домѣ до 3-хъ лѣтъ.

Смертной казни за воровство совершенно нѣтъ, какъ нѣтъ и увѣчащихъ и мучительныхъ наказаній. Самая строгая кара—каторга не свыше 8-ми лѣтъ—полагается въ общемъ для тѣхъ случаевъ, въ которыхъ въ древности (furtum manifestum, воръ, застигнутый на мѣстѣ преступленія, религіозное преступленіе и т. д.) слѣдовала неизбѣжно смертная казнь. Если далѣе принять во вниманіе законъ о досрочномъ освобожденіи и обычный болѣе снисходительный приговоръ въ сравненіи съ закономъ, многочисленные случаи оправданія—то контрастъ будетъ еще

---

[1]) Ibid. 478. стр. См. также. Mayer-Homberg. Die fränkischen Volksrechte im Mittelater. 1 т. 1912 г. 149 и сл.

большимъ. То же mutatis mutandis относится и къ большинству западно-европейскихъ кодексовъ.

Изъ сказаннаго вытекаетъ заключеніе: какой бы извилистой ни казалась историческая линія наказаній за воровство неоспоримо слѣдующее: современныя кары за воровство гораздо болѣе мягки, чѣмъ кары бывшія въ менѣе цивилизованныхъ и культурныхъ обществахъ и государствахъ. Это положеніе несомнѣнно. Но мало того, та же тенденція паденія каръ за воровство видна и изъ ряда слѣдующихъ фактовъ.

Тамъ, гдѣ воръ не былъ казнимъ смертью за первую кражу, (а въ болѣе дикихъ об-вахъ,—какъ мы видѣли это обычное явленіе) то, часто онъ казнился смертью за вторую или третью кражу.

Такъ, напр., было въ Индіи по законамъ Ману. Третья кража здѣсь вела къ смерти [1]). Такъ же было и у насъ. По нашему первому и второму Судебникамъ вторая кража вела за собой также смертную казнь. Но по мѣрѣ роста цивилизаціи смертная казнь все болѣе и болѣе отдаляется. По Уложенію Алексѣя Михайловича смертная казнь назначается уже не за вторую, а за третью кражу, по воинскому Уставу Петра—за четвертую, а теперь за 4-е воровство, разбой и вымогательство, при томъ до истеченія пяти лѣтъ со дня отбытія наказанія, виновный наказывается срочной каторгой, смертной же казни—совершенно нѣтъ. Такимъ образомъ и здѣсь линія паденія наказаній—ясна.

То же мы увидимъ, если будемъ брать исторію наказаній въ одномъ и томъ же государствѣ. Въ Египтѣ, какъ было уже указано выше, вначалѣ воровство каралось смертью. Но потомъ оно постепенно стало замѣняться обращеніемъ въ рабство или же отрѣзаніемъ уха, носа и т. д.

Въ Аѳинахъ законы Дракона знали только смертную казнь. Но законы Солона допускаютъ убійство вора уже только въ случаѣ воровства ночью, или днемъ (когда краденое стоитъ свыше 50-ти драхмъ), въ остальныхъ же случаяхъ назначаются денежные штрафы [2]).

Въ Римѣ законы XII таблицъ допускали еще убійство за furtum manifestum, но въ позднѣйшей системѣ классическаго

---

[1]) З. Ману. IX, 772.
[2]) Du Boys. Op. cit. 172—176.

права убійство уже замѣняется всецѣло штрафомъ—poena quadrupli, плюсъ возвращеніе украденной вещи.

То же проявляется и въ исторіи русскаго права. Вначалѣ была частная месть. Затѣмъ наряду съ штрафами фигурируютъ отдача на потокъ и разграбленіе и смертная казнь. (Русская правда и Псковская судная грамота) [1]), по судебникамъ первая кража влечетъ наказаніе кнутомъ, вторая—смерть, по Уложенію—первая кража влечетъ за собою кнутъ, тюремное заключеніе на 2 года и отрѣзаніе лѣваго уха, вторая—кнутъ, тюремное заключеніе на 4-ре года и отрѣзаніе праваго уха, третья смерть (при разбоѣ за второй разбой—смерть), по воинскому уставу—смерть наступала только въ случаѣ 4-ой кражи не свыше 20-ти рублей. Теперь же смертной казни нѣтъ, какъ нѣтъ и кнута, отрѣзанія уха и т. д. [2]).

Не приводя дальнѣйшихъ доказательствъ, мы думаемъ, что вышеизложенное даетъ намъ право утверждать, что и на исторіи наказаній за воровство можно прослѣдить ту же тенденцію паденія каръ. Хотя съ наступленіемъ среднихъ вѣковъ наказанія за воровство дѣлаютъ огромный прыжокъ въ сравненіи съ карами Рима, однако; и этотъ фактъ не будетъ казаться страннымъ, если мы примемъ во вниманіе, что конецъ античнаго міра и переходъ къ среднимъ вѣкамъ былъ одновременно и паденіемъ болѣе высокой культуры и замѣной ея культурой варваровъ и дикарей. Цивилизація соціальныхъ группъ средневѣковья съ ея разбросанностью жилыхъ мѣстъ, безпрерывными войнами, религіознымъ фанатизмомъ, съ нашествіемъ варваровъ и т. д.—была по существу разрушеніемъ и паденіемъ цивилизаціи, а не ея подъемомъ. Отсюда, вполнѣ понятно, что и кары должны были сдѣлать соотвѣтствующій прыжокъ вверхъ и поддерживались долгое время на этой высотѣ безконечными войнами, спорами и столкновеніями—съ одной стороны, и закономъ общественной инерціи—съ другой (см. ниже объ этомъ). Но начиная съ конца 17-го вѣка линія интенсивности каръ быстро и послѣдовательно падаетъ снова, и сказанное позволяетъ думать, что она съ возрастающей быстротой будетъ стремиться къ нулю, если подъемъ цивилизаціи, т. е. соціальное взаимодѣйствіе, не остановится почему либо.

---

[1]) Сергѣевичъ. 382, 420—21.

[2]) Серг. Ibid. 369, Латкинъ. Учебникъ ист. русск. права. Спб. 1909. 466.

m) Теперь то же кратко сдѣлаемъ и по отношенію къ адюльтеру, принимая во вниманіе сдѣланныя выше оговорки.

Почти во всѣхъ примитивныхъ общинахъ и группахъ неразрѣшенныя половыя сношенія влекутъ за собой смерть для виновниковъ въ формѣ ли мести, или публичнаго приговора, или изгнанія.

Такъ обстоитъ дѣло у краснокожихъ, аборигеновъ Индіи, въ Новой Зеландіи, въ Полинезіи, въ древней Мексикѣ, въ древнемъ Египтѣ, въ древнемъ Китаѣ, въ Японіи, у Бедуиновъ, у Арабовъ, у Евреевъ, въ древнемъ Вавилонѣ, въ Индіи и т. д. У нѣкоторыхъ изъ нихъ возможны по желанію оскорбленнаго и композиціи (въ Индіи, у негровъ Африки, у Кабиловъ и др.) [1]).

Библія гласитъ: „Если кто будетъ прелюбодѣйствовать съ женою замужнею; если кто будетъ прелюбодѣйствовать съ женою ближняго своего: да будутъ преданы смерти и прелюбодѣй и прелюбодѣйка“. (То же относится и къ половымъ сношеніямъ съ матерью, невѣсткой, съ мужчиной, съ матерью и дочерью, съ скотиной и т. д.) [2]).

Законъ Ману гласитъ: „Если жена... невѣрна своему мужу, пусть король броситъ ее на съѣденіе собакамъ на многолюдной площади“ и „пусть онъ присудитъ любовника къ сожженію на раскаленной желѣзной кровати“ [3]).

Законъ Гаммураби гласитъ: „Если жена человѣка была схвачена на постели съ другимъ мужчиной—пусть ихъ свяжутъ вмѣстѣ и бросятъ въ воду, такъ какъ мужъ не позволитъ жить своей женѣ, а король—своему подданному“ [4]).

У Арабовъ обычно полагается смерть. Коранъ пытается

---

1) См. Петурно. Op. cit. стр. 36, 37, 43, 53, 65, 119, 138, 174—5, 251—54, 276, 300 и др. La loi de Hammourabi. § 129, 130.

Библія. Левитъ. XX. Westermarck. The origin of the moral ideas. т. I. 189, т. II 428.

М. Ковалевскій. Совр. обычай, т. II 153, 167 и др. Makarewicz. Einführung. 153, 195 и др.

„In Samoa and New Guinea murder and adultery are punished capitally, among the mishmis adultery committed against the consent of the husband is punished with death, among the Congo natives“ the only capital crimes are stated to be those of poisoning and adultery и т. д. Westermarck. 189. Post. Bausteine, т. I. 256—269 и слѣд.

2) Левитъ. XX.

3) Ману. VIII кн., 371—372.

4) La loi de Hammourabi. § 129.

смягчить эту кару, но и то долженъ допустить въ извѣстныхъ случаяхъ смерть.

Аналогичное же мы видимъ вначалѣ и въ Египтѣ, и въ Аѳинахъ, и въ Римѣ.

Вначалѣ въ Египтѣ была смерть за адюльтеръ (сожженіе); но потомъ она постепенно замѣнилась отрѣзаніемъ носа (уродованіе), 100 ударами розогъ и т. д. [1]). Точно также въ Аѳинахъ вначалѣ жена и любовникъ поступали въ полное распоряженіе мужа, и мужъ обязательно долженъ былъ изгнать жену. Такую жену каждый аѳинянинъ могъ „обнажить, разорвать платье, бить и убить“. Если же мужъ не изгонялъ жену, то онъ самъ несъ извѣстное наказаніе въ видѣ штрафа [2]). Въ Римѣ по закону XII таблицъ жену, нарушившую долгъ вѣрности, „Cognati necanto uti volent“, супругъ, заставшій жену en flagrant могъ убить жену, могъ увѣчить любовника и т. д., pater familias имѣлъ права жизни и смерти надъ виновными. Но затѣмъ lex Julia de adulteriis запретилъ убійство какъ жены, такъ и любовника (если послѣдній не рабъ). Хотя изгнаніе жены въ случаѣ адюльтера осталось, но предыдущіе виды наказанія были замѣнены штрафомъ; Антонинъ еще болѣе сузилъ область наказаній, запретивши убивать мужу или преслѣдовать по суду жену и любовника, если онъ самъ раньше обвинялся въ адюльтерѣ.

Но съ паденіемъ античнаго міра и съ полнымъ торжествомъ христіанства кары за адюльтеръ, какъ и слѣдовало ожидать, снова дѣлаютъ рѣзкій скачокъ, рѣзко проявившійся въ законѣ Константина, гласящемъ: „Sacrilegas nuptias glaudio puniri opportet“ [3]).

У выступившихъ въ это время на историческую сцену варваровъ мы видимъ ту же жестокость каръ за адюльтеръ. Кровную месть и смерть мы находимъ и въ Ирландіи, и у кельтовъ, и у бургундовъ и т. д.

Законы баварцевъ устанавливаютъ кровныя деньги въ пользу мужа въ 160 су. Но въ случаѣ en flagrant мужъ могъ безнаказанно убить жену и любовника. То же находимъ мы и у Бур-

---

[1]) Летурно. Op. cit. 138.

[2]) Du Boys. Op. cit. 183—184. Летурно. Ibid. 337—338.

[3]) Летурно. Op. cit. 369—371. Вообще въ III и IV вѣкахъ по Р. Х., когда наступило начало паденія Римской имперіи, и въ средніе вѣка—въ эпоху вандализма и мракобѣсія—линія наказаній поднимается. Почему?—см. ниже.

гундовъ. Правда Вестготовъ также разрѣшаетъ убійство, а въ случаѣ неубійства—любовникъ и его имущество поступаютъ въ полное распоряженіе оскорбленнаго мужа; исландскіе законы узаконяютъ убійство въ случаѣ адюльтера съ замужней женщиной, съ дочерью, съ матерью, съ сестрой (adoptive), съ пріемной дочерью и пріемной матерью [1]).

Наконецъ, въ средніе вѣка и въ началѣ новыхъ вѣковъ главнѣйшими видами наказанія были: публичная месть, обезчещиваніе, штрафы и иногда, въ особыхъ случаяхъ—казнь [2]).

Что касается исторіи каръ за адюльтеръ у насъ въ древности, то наблюденія этнографовъ надъ обычаями различныхъ мѣстъ Россіи,—съ одной стороны, и историческія свидѣтельства—съ другой (свидѣтельства смоленскихъ договоровъ съ нѣмцами) говорятъ, что убійство практиковалось и у насъ въ древности, на ряду съ выкупомъ. Градскіе законы назначаютъ прелюбодѣямъ наказанія болѣзненныя и членовредительныя [3]).

Если теперь сравнить эти наказанія съ современными уголовными карами за адюльтеръ, то нѣтъ надобности говорить, что послѣднія несравненно мягче и гуманнѣе. За прелюбодѣяніе по Уложенію 1903 г. нѣтъ ни смертной казни, ни членовредительныхъ наказаній, а обычный видъ наказанія—арестъ, заключеніе въ исправительномъ домѣ и церковное покаяніе. Только въ особо тяжкихъ случаяхъ любодѣяніе (съ ребенкомъ, путемъ тяжкаго насилія и поврежденій и т. д.) карается каторгой не свыше десяти лѣтъ [4]).

Изъ сказаннаго ясна прослѣживаемая нами тенденція... Контрастъ между древними и современными карами еще болѣе станетъ великъ, если мы примемъ во вниманіе интуитивное право современнаго общества, которое еще болѣе снисходительно смотритъ на адюльтеръ, чѣмъ оффиціальное право.

То же можно было бы показать и относительно другихъ преступленій, свойственныхъ различнымъ эпохамъ и различнымъ народамъ, напр., убійства, госуд. измѣны и т. д.

---

[1]) Петурно. Ibid. 412—414.

[2]) Ibid. 476—478. Два любовника падчерицъ Филиппа Красиваго были наказаны путемъ содранія съ нихъ (живыхъ) кожи.

[3]) Сергѣевичъ. 428—436.

[4]) Уголовное уложеніе. ст. 513, 529, 408—418.

n) Наконецъ, если перейти къ исторіи самихъ карательныхъ системъ, то и она говоритъ о томъ же постепенномъ смягченіи и исчезновеніи каръ. Въ этомъ пунктѣ нельзя не согласиться съ слѣдующимъ закономъ качественной варіаціи каръ, формулированнымъ Дюркгеймомъ. „Наказанія, лишающія свободы и только одной свободы на различные періоды въ зависимости отъ тяжести преступленій, стремятся все болѣе и болѣе сдѣлаться нормальнымъ типомъ репрессіи“ [1]).

Древность почти не знала каръ, состоящихъ въ лишеніи свободы.—Правда, и тамъ преступника задерживали, но само заключеніе его не считалось за кару. Это была просто мѣра превентивная, чтобы не дать возможности преступнику скрыться отъ наказанія [2]). Такое положеніе дѣла объясняется отчасти тѣмъ, что въ сравненіи съ другими видами кары—кара, состоящая только въ лишеніи свободы, была слишкомъ слабымъ страданіемъ; а съ другой стороны тѣмъ, что этотъ видъ каръ требуетъ и предполагаетъ уже наличность спеціальныхъ мѣстъ заключенія, каковыя въ первое время не имѣлись. Только уже позже, когда выдѣлилась въ обществѣ крѣпкая центральная власть, и появились дворцы, замки и т. п. мѣста заключенія—этотъ видъ наказанія могъ упрочиться...

Но если не было этой кары, зато въ изобиліи были другія несравненно болѣе жестокія формы наказаній. Всякая жестокость, всякое звѣрство, какое только можно было выдумать, пускалось въ ходъ. Съ одной стороны—смертная казнь во всѣхъ ея видахъ и формахъ, казнь не только виновника, но и его близкихъ. На ряду съ ней, всевозможныя увѣчащія и мучительныя кары: отрѣзаніе уха, носа, половыхъ органовъ, отсѣченіе руки, ноги, выкалываніе глазъ, сдираніе кожи, причиненіе ожоговъ, подставленіе голаго черепа подъ капли медленно-капающей холодной воды, растягиваніе жилъ и суставовъ, дробленіе костей, „копченіе“, прокалываніе тѣла, вбитіе гвоздей и иголокъ подъ ногти, и въ формахъ казни: вытягиваніе кишекъ, сожженіе, разрываніе на части, колесованіе, закапываніе живымъ въ землю, сажаніе

---

[1]) См. Durkheim. Deux Lois de l'évolution pénale. L'année sociologique. 4-ème année 78.

[2]) См. Фойницкій Ученіе о наказаніи. 308.

на колъ, залитіе горла раскаленнымъ металломъ, сверженіе со скалы, и т. д. и т. д.—однимъ словомъ всякое звѣрство, какое только могъ выдумать умъ, пускалось въ ходъ...

Было бы утомительно, да и тяжело описывать исторію этихъ звѣрствъ. Кто хочетъ полюбопытствовать на этотъ счетъ, тотъ не мало матеріала найдетъ въ 2-хтомной работѣ Helbing'a [1]), посвященной какъ разъ исторіи пытокъ, мученій и звѣрствъ, налагаемыхъ на преступника въ различныхъ государствахъ „съ древности и до нашихъ дней".

Мы пропустимъ изложеніе этой исторіи, а возьмемъ ея окончательные итоги. А эти итоги говорятъ, что всѣ виды мучительныхъ, членовредительныхъ и увѣчащихъ каръ исчезли изъ обихода карательной практики. Раньше мысль карателей направлена была всецѣло на то, какъ бы причинить преступнику возможно больше страданій, теперь мысль уголовнаго законодателя сосредоточена на томъ, чтобы свести до минимума, до нуля страдательный элементъ въ карѣ. Поэтому, не удивительно, что почти единственнымъ видомъ репрессіи сдѣлалось лишеніе свободы. Этотъ видъ кары вытѣснилъ мало по малу всѣ другіе виды наказаній. Раньше онъ самъ по себѣ даже не считался наказаніемъ. Теперь онъ нормальный видъ каръ. Жестокость послѣднихъ и въ этомъ отношеніи стремится къ нулю [2]). Въ настоящее время почти окончательно вывѣтрились и вымираютъ символическіе остатки этихъ позорящихъ и увѣчащихъ каръ, какъ, напр., клеймленіе, „бубновые тузы" и т. п.

Почти единственнымъ видомъ каръ, отличнымъ отъ лишенія свободы, является смертная казнь. Но и она быстро исчезаетъ и окончательное исчезновеніе этого звѣрства есть лишь вопросъ времени и времени очень не продолжительнаго. Въ рядѣ государствъ (Румынія, Португалія, Голландія, Швейцарія, Италія Норвегія и многіе изъ штатовъ Америки) она уже отмѣнена законодательнымъ путемъ. Въ другихъ государствахъ она хотя de jure и существуетъ, но de facto давно уже исчезла (въ Бельгіи, напр. послѣдняя казнь была совершена въ 1866 г., въ Швеціи въ

---

[1]) См. Helbing. Die Tortur. т. I и II (Berlin). а по отношенію къ Россіи недавно вышедшую работу Евреинова „Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи".

[2]) Къ тому же выводу приходитъ и Helbing въ своей интересной работѣ. См. т. II, гл. 15, 263—266.

1905). И въ тѣхъ государствахъ, гдѣ она существуетъ еще de jure, de facto она также быстро вымираетъ. Во Франціи, напр., въ 1803 г. было 605 казней, въ 1814—183, въ 1816—514, въ періодъ съ 1826 г. по 1830 приходится на каждый годъ 72 жертвы, затѣмъ цифра падаетъ до 31 и съ небольшими колебаніями „линія смерти“ въ 1906 и 1909 г. падаетъ до нуля. Аналогичную же тенденцію обнаруживаетъ „линія смерти“ въ Германіи, въ Даніи, въ Венгріи, въ Австріи, въ Испаніи, въ Греціи, въ Сербіи и въ Финляндіи.

Менѣе опредѣленна тенденція паденія лишь въ Англіи, Болгаріи, въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Россіи. Въ послѣдней наблюдается громадный скачокъ вверхъ за наши революціонные годы, скачокъ, однако, объясняющійся специфическими причинами и нисколько не противорѣчащій по существу тенденціи уничтоженія смертной казни [1]). (См. ниже объясненіе этого скачка). Вымираніе ея неизбѣжно, а поэтому мы остаемся лишь съ лишеніемъ свободы, какъ единственнымъ видомъ наказанія. Такая эвалюція каръ весьма знаменательна и не требуетъ излишнихъ толкованій насчетъ того, подтверждаетъ ли она или нѣтъ нашъ основной тезисъ.

Но мало того. И сама исторія тюремнаго заключенія, какъ особаго вида репрессіи, для интересующаго насъ вопроса весьма поучительна. Вначалѣ, если оно и разсматривалась какъ кара, то лишь потому, что соединено было съ рядомъ другихъ жестокихъ каръ, которыя были неразрывны отъ нея. По законамъ Ману тюрьма была лишь мѣстомъ, въ которомъ демонстрировались ради устрашенія преступники. „Царь долженъ всѣ тюрьмы помѣщать вблизи большой дороги, читаемъ мы тамъ, гдѣ страдающіе и обезображенные преступники могутъ быть видимы“ [2]). Описаніе тюремъ Дагомеи, данное аббатомъ Лафито, и аналогичныя описанія тюремъ Мексики, древнихъ Афинъ, древней Японіи, Швейцаріи и др. древнихъ народовъ, рисуютъ намъ въ ужасныхъ краскахъ картину заключенія того времени. Проф. И. Я. Фойницкій сравнительно мягко въ такихъ чертахъ набрасываетъ контуры этой картины: „примѣняясь какъ наказаніе, тюрьма означала мучительное тѣлесное страданіе, сопровождалась нало-

---

[1]) См. работу М. Н. Гернета. Смертная казнь, откуда и беру я эти данныя. Москва. 1913, гл. II и III-я.

[2]) Ману. 9, 288.

женіемъ оковъ, кандаловъ, приковываніемъ къ стѣнѣ и отбывалась въ помѣщеніяхъ, наименѣе удобныхъ для жизни, въ сырыхъ подвалахъ, въ погребахъ и т. п. О заботахъ санитарныхъ не было и рѣчи; тюремные сидѣльцы бросались въ лучшемъ случаѣ на солому, которая оставлялась до полнаго гніенія, больные тутъ же умирали и трупы ихъ продолжали лежать неубранными долгое время... Словомъ, на воротахъ такихъ тюремъ можно было начертать дантовскія слова отчаянія: lasciate ogni speranza, voi ch'entrate" (оставьте всякую надежду тѣ, кто сюда входитъ) [1]).

Нужно ли говорить, что современныя тюрьмы представляютъ нѣчто совсѣмъ отличное отъ этой картины, что въ нихъ страдательный элементъ доведенъ до минимума и стремятся его все болѣе и болѣе уменьшить. Этимъ я отнюдь не хочу сказать, что современное заключеніе, особенно одиночное, не вызываетъ страданій и можетъ быть восхваляемо. Нѣтъ! Я очень хорошо знаю, какъ отзывается заключеніе на заключенныхъ. Достаточно съ этой цѣлью прочесть хотя бы „Открытое письмо обществу заключеннаго за № 1776" [2]). Но это не мѣшаетъ мнѣ при сравненіи бывшей тюрьмы и современной тюрьмы утверждать громадную пропасть между той и другой и несравненно большую гуманность второй. И чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе и болѣе это гуманизированіе растетъ. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ будущемъ она превратится въ пансіонъ для больныхъ членовъ общества, каковыми уже начинаютъ теперь становиться мало по малу пріюты и колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ. Резюмируя кратко эволюцію карательныхъ мѣръ можно сказать: Отъ безграничнo-жестокихъ и звѣрскихъ убійствъ, отъ мучительно-увѣчащихъ каръ—къ безстрадательному изолированію отъ общества и лишенію возможности дѣлать преступленія"— такова формула этой эволюціи.

о) Наконецъ, и въ этой сферѣ новѣйшее время выдвинуло рядъ новыхъ институтовъ, наносящихъ новые удары наказаніямъ. Я говорю объ институтахъ „условнаго осужденія" и „досрочнаго освобожденія", являющихся новымъ

---

[1]) Фойницкій. Op. cit. 308.

[2]) См. Современная тюрьма и ея вліяніе. Пер. подъ ред. П. И. Люблинскаго.

послѣдовательнымъ шагомъ въ дѣлѣ уничтоженія каръ, все болѣе и болѣе стремящихся къ нулю. Съ этой точки зрѣнія значеніе этихъ институтовъ поистинѣ громадно и при надлежащемъ ихъ распространеніи они будутъ одними изъ главныхъ могильщиковъ, закапывающихъ разъ навсегда болѣзненные способы лѣченія соціальныхъ недуговъ.

Всѣ эти разряды историческихъ фактовъ, число которыхъ можно было бы значительно увеличить, вполнѣ опредѣленно подтверждаютъ выставленныя выше положенія — о необходимости паденія каръ, полученныя нами дедуктивно. Изъ приведеннаго матеріала видно, что тенденція паденія каръ, вызываемая улучшеніемъ и прогрессомъ соціально полезнаго поведенія—съ одной стороны, и ослабленіемъ и паденіемъ устойчивости соціально-вреднаго поведенія—съ другой, съ ростомъ цивилизаціи вообще и цивилизаціи даннаго народа—въ частности, проявляется въ различнѣйшихъ видахъ: 1) Въ уменьшеніи давленія каръ въ взаимоотношеніяхъ человѣка къ Богу, сопровождающемся одновременно постепеннымъ паденіемъ и уничтоженіемъ религіозныхъ каръ; 2) въ переходѣ отъ неограниченной мести къ тальону, отъ тальона къ композиціямъ и въ параллельномъ процессѣ постепеннаго смягченія жестокости каръ, 3) въ постепенномъ ограниченіи сферы лицъ, поражаемыхъ наказаніемъ: это ограниченіе проявляется въ уничтоженіи коллективныхъ наказаній, въ видѣ все большаго и большаго роста субъективной стороны преступленія за счетъ объективной,—что во внѣ обнаруживается въ ростѣ снисходительности къ преступнику, въ принятіи все большей и большей доли вины на счетъ общества, среды и наслѣдственности, въ расширеніи круга „невмѣняемыхъ“, въ ростѣ поводовъ для такого невмѣненія и т. д.; 4) въ измѣненіи самихъ мотивовъ наказанія: раньше въ основѣ кары было слѣпое возмездіе или же принципъ устрашенія, отсюда—жестокость и мучительность каръ, увѣчья и изуродованія, пытки на допросахъ и т. д.; но съ ростомъ цивилизаціи эти мотивы каръ смѣняются иными, болѣе гуманными мотивами: цѣлью каръ становится не устрашеніе преступника, не его уничтоженіе или причиненіе ему страданій, а предупрежденіе преступленій, защита общества, исправленіе и лѣченіе самого преступника; и правосудіе играетъ уже не на эмоціи страха, а аппеллируетъ къ совѣсти, къ чувству собственнаго чело-

вѣческаго достоинства преступника и т. д.; отсюда—гуманный, не страдательный и не увѣчащій характеръ каръ. Внѣшнимъ показателемъ этого процесса служитъ фактъ замѣны лишеніемъ свободы всѣхъ другихъ наказаній и гуманизація самого лишенія свободы, и нѣтъ сомнѣнія, что эта тенденція гуманизаціи каръ все болѣе и болѣе будетъ расти, что мы и видимъ въ наше время; 5) въ ростѣ реститутивнаго права, какъ права менѣе жестокаго, на счетъ права репрессивнаго; 6) въ паденіи вообще каръ, какъ средствъ добыванія соц.-полезнаго поведенія, въ виду улучшенія психики во всѣхъ сферахъ соц. жизни; 7) въ постепенномъ паденіи жестокости каръ за отдѣльныя преступленія, въ частности за адюльтеръ, воровство и убійство, которое проявляется какъ en masse, такъ и частично, въ исторіи отдѣльнаго народа по мѣрѣ роста въ немъ цивилизаціи; 8) въ свободѣ мысли и слова, 9) въ паденіи каръ въ сферѣ ряда соціальныхъ отношеній, въ частности семейственныхъ; 10) въ аналогичной же тенденціи въ сферѣ договорнаго права и въ рядѣ другихъ соц. взаимоотношеній; 11) въ паденіи подопечности подданныхъ, женщинъ и т. д.; 12) въ институтахъ „условнаго осужденія и досрочнаго освобожденія“.

Таково свидѣтельство исторіи, которое можно подкрѣпить еще тысячами др. фактовъ. Спрашивается теперь, *можно ли думать, что кары совершенно исчезнутъ*? Дюркгеймъ въ цитированной статьѣ также ставитъ этотъ вопросъ и отвѣчаетъ на него отрицательно. Изъ того факта, что кары смягчились, нельзя еще думать, что „кары стремятся къ нулю“. Основаніемъ для такого вывода, по мнѣнію Дюркгейма, является то обстоятельство, что если моральное сознаніе и смягчилось, то все же оно не стало тупымъ, а разъ такъ, то оно всегда будетъ реагировать на рядъ поступковъ, которые и въ будущемъ будутъ считаться преступленіями, напр., преступленія противъ личности [1]).

Не трудно видѣть, что этотъ аргументъ весьма слабъ. 1) Моральное сознаніе и теперь квалифицируетъ не менѣе отрицательно, чѣмъ раньше, рядъ актовъ въ качествѣ преступныхъ, но это не мѣшало ему до безконечности смягчить кары. (А по Дюркгейму такое положеніе дѣла необъяснимо). А разъ такъ, то отчего бы не допустить и впредь дальнѣйшее смягченіе ихъ, смяг-

---

[1]) См. Deux Lois.... 94—95.

ченіе до нуля, какъ предѣла перемѣнной. 2) Нельзя утверждать, что преступленія будутъ всегда; поскольку историч. процессъ показываетъ постепенное улучшеніе психики и поведенія человѣка, мы имѣемъ основаніе думать, что и впредь будетъ то же самое, а потому—преступленія можетъ быть дойдутъ тоже до минимума, близкаго къ нулю. Наконецъ, пусть этого не будетъ, но преступленія должны потерять весь свой „преступный“ характеръ при сознаніи причинной ихъ необходимости, порожденной самимъ обществомъ, а поэтому, возможно до состоянія близкаго къ нулю (предѣлъ) дойдутъ и наказанія. Это уже отчасти случилось за послѣднее время.

Мы не беремся пророчествовать, но поскольку исторія показываетъ постепенное и все ускоряющееся вымираніе карательныхъ актовъ и улучшеніе соціальной психики и поведенія человѣка, постольку нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что это и впредь не будетъ совершаться. А разъ это такъ, то, очевидно, предѣломъ эволюціи, къ которому стремится перемѣнная каръ, можетъ быть лишь нуль, т.-е. исчезновеніе каръ.

III. Тотъ же выводъ дастъ и обозрѣніе исторіи междугрупповыхъ или международныхъ карательныхъ актовъ, извѣстныхъ подъ именемъ войны... Еще Владиміръ Соловьевъ въ своемъ „Оправданіи добра“ говорилъ, что война нужна была для того, чтобы уничтожить войну—и онъ былъ правъ. Въ pendant къ этому можно было бы сказать, что кары нужны были для того, чтобы уничтожить кары... То же самое говоритъ и Тардъ. „Какъ бы ни были жестоки войны, вызванныя возникновеніемъ регулярныхъ армій—онѣ составляютъ все же преимущество сравнительно съ безчисленными кровавыми столкновеніями феодальныхъ милицій или первобытныхъ родовъ... Когда королевская армія замѣнила въ каждомъ государствѣ провинціальныя и феодальныя милиціи, эта армія считала въ своихъ рядахъ солдатъ гораздо меньше, нежели состояло въ упомянутыхъ милиціяхъ, и вслѣдствіе этого столкновенія королевскихъ армій порождали гораздо меньше бѣдствій. Что же касается колоссальныхъ современныхъ армій, то сама колоссальность ихъ предопредѣляетъ неизбѣжность окончательнаго столкновенія, послѣдствіемъ котораго явится колоссальное завоева-

ніе, всеобъединяющее и всепримиряющее“ [1]). Въ своихъ же „Соціальныхъ Законахъ“ онъ достаточно убѣдительно показываетъ историческій законъ постепеннаго сокращенія стадіи „противоположенія“ или борьбы, очевидно, «обреченнаго къ прогрессивному ослабленію и устраненію», иначе говоря—„къ своему собственному разрушенію“ [2]).

Я, конечно, сознаю, что подобнаго рода утвержденія многимъ и многимъ могутъ показаться чистой утопіей, и сознаю, что для того, чтобы показать эту неутопичность, нужны факты и аргументы. Этого сдѣлать я здѣсь не могу въ виду того, что для этого одного нужно было бы написать цѣлую, а можетъ быть и не одну книгу. Но это не мѣшаетъ мнѣ сказать, что такихъ фактовъ имѣется въ вполнѣ достаточномъ количествѣ, они уже собраны рядомъ ученыхъ, къ трудамъ которыхъ „маловѣрные“ и могутъ обратиться. Не перечисляя многихъ работъ, я укажу здѣсь лишь на книгу Ваккаро «Соціологическія основы права и государства» и на книгу Штейнметца „Философія войны“. Авторъ послѣдней, хотя и держится противоположнаго взгляда, однако, это не мѣшаетъ ему объективно анализировать явленіе войны. А въ его данныхъ внимательный читатель найдетъ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, аргументовъ въ пользу того положенія, что в о й н ы, к а к ъ м е ж д у г р у п п о в ы я п р е с т у п л е н і я—н а к а з а н і я,—в ы м и р а ю т ъ и д о л ж н ы в ы м е р е т ь.

Обычно, когда говорятъ о войнѣ и доказываютъ утопичность пассифистовъ, указываютъ, какъ на основной и рѣшающій аргументъ, на то, что, молъ, современныя войны по количеству своихъ жертвъ, по своей кровавости и жестокости несравнимы съ былыми войнами. Это мнѣніе опирается на тотъ фактъ, что орудія войны теперь несравненно болѣе губительны, чѣмъ орудія прошлаго времени, когда боролись при помощи мечей, луковъ и т. п. И дѣйствительно, съ перваго взгляда кажется, что этотъ аргументъ является рѣшающимъ, что даже наивно было бы сравнивать эти примитивныя средства борьбы съ современными пушками, скорострѣлами, динамитомъ и порохомъ, современные броненосцы и аэропланы съ пирóгами дикарей, и маленькіе отряды древняго времени съ современными стотысячными арміями.

---

[1]) Т а р д ъ. Законы подражанія. 192—193.
[2]) Соціальные Законы. 77—78 и слѣд.

Поэтому кажется, что численность жертвъ войны теперь безконечно превосходитъ численность жертвъ прошлаго.

Однако, болѣе внимательное изученіе дѣла далеко не оправдываетъ такого заключенія. Забудемъ пока о процентѣ потерь по отношенію къ населенію, а обратимъ вниманіе исключительно на абсолютныя цифры. А эти цифры говорятъ, что число жертвъ войны въ 19 столѣтіи во всякомъ случаѣ не больше, а меньше, чѣмъ въ предыдущія столѣтія и, что отдѣльныя войны того же 19-го столѣтія по числу потерь не представляютъ чего-то исключительнаго; напротивъ, въ прошломъ намъ даны отдѣльныя войны гораздо болѣе кровавыя, чѣмъ войны 19 в., хотя тогда еще и не знали ни пушекъ, ни динамита... Приведемъ факты.. Общія потери всей Европы за конецъ 18-го и первую половину 19-го столѣтія, падающія главнымъ образомъ на періодъ 1800—1815 г.г. (Наполеоновскія войны), исчисляются лучшими статистиками во всякомъ случаѣ не болѣе 3,000,000 человѣкъ. (Lagneau, Levasseur, Berndt) [1]). Періодъ съ 1813 г. по 1863 г. былъ относительно мирнымъ періодомъ. Дальнѣйшія данныя таковы: потери всѣхъ народовъ, участвовавшихъ въ крымской войнѣ исчисляются Левассеромъ въ 175,000 убитыхъ и раненыхъ, потери прусскихъ армій въ австро-прусской войнѣ 1866 г. равняются (по даннымъ Энгеля) 10,887 ч., въ итальянской войнѣ общія потери французовъ, итальянцевъ и австрійцевъ достигаютъ 8,963 убитыхъ и 48,125 раненыхъ (Левассеръ), общее число убитыхъ франко-прусской войны равно приблизительно 180,000 (40,881 пруссаковъ и 139,000 французовъ) [2]). Фишеръ исчисляетъ общія потери русскихъ (убитыми и ранеными) въ русско-японской войнѣ) въ 450,000, потери японцевъ—въ 250,000 [3]). Первыя четыре войны, говоритъ Штейнметцъ, во второй половинѣ 19 в. были наиболѣе губительными въ Европѣ. Дѣлая извѣстныя поправки, онъ считаетъ общее число потерь (убитыми) за эти четыре войны въ 284,721 человѣкъ.

Таковы основныя данныя за 19-й вѣкъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они неполны, но все же они даютъ нѣкоторую почву для сравненія. Если принять эти данныя, то можно сказать, что всѣ евро-

---

[1]) См. Steinmetz. Philosophie des Krieges. 1907 г. 50.

[2]) Ibid. 48—49.

[3]) Ibid. 47. Штейнметцъ вполнѣ правильно говоритъ, что „здѣсь раненые не отдѣлены отъ убитыхъ, и мы вообще достовѣрностью относительно этихъ чиселъ не обладаемъ“.

пейскія войны 19-го столѣтія унесли съ собой около 3½ милліоновъ жертвъ.

Спрашивается теперь—даны ли въ прошломъ хотя бы нѣкоторыя войны, или столѣтія, которыя могли бы сравниться съ войнами 19 в. и его общей суммой потерь? Отвѣтъ придется дать положительный. Начнемъ съ древняго востока. Въ цитированныхъ выше (въ гл. о Соціальной роли каръ и наградъ) ассирійскихъ памятникахъ намъ разсказывается о томъ, что Ассурназирабалъ въ Нистумѣ подвергъ острію меча 260,000 и выстроилъ изъ ихъ головъ пирамиды, что Тукла-Палассаръ I побѣдилъ 20,000 московъ и отрубилъ имъ головы [1]). Какъ видно отсюда, Нистумскій подвигъ Ассурназирабала превосходитъ едва ли не всѣ европейскія войны 19 в., отдѣльно взятыя, и почти равняется общему числу убитыхъ въ четырехъ главныхъ войнахъ второй половины 19 стол. А вѣдь это только отдѣльный эпизодъ изъ его битвъ, какъ отдѣльнымъ эпизодомъ является и «подвигъ» Палассара.

Переходя къ древней Европѣ, здѣсь мы встрѣчаемся хотя бы съ такими цифрами. Осада Сиракузъ стоила аеинянамъ 20,000 человѣкъ (Белохъ), въ Теламонской битвѣ римляне умертвили около 40,000 кельтовъ; число италиковъ, убитыхъ въ Ганнибальской войнѣ, по подсчету Моммзена, было не менѣе 300,000 человѣкъ [2]). По сообщенію Плутарха Цезарь за 10-тилѣтній періодъ своей галльской войны уничтожилъ изъ трехмилліоннаго населенія Галліи не менѣе 1,000,000. Изъ той же исторіи Рима мы узнаемъ, что почти поголовно были уничтожены кимвры, тевтоны и самнитяне; а Титъ уничтожилъ до 1,100,000 евреевъ. Обращаясь къ войнамъ Азіи и, въ частности, къ исторіи Китая, мы встрѣчаемся съ еще болѣе поразительными цифрами. Такъ, напр., во время войны Китая съ 233 по 263 г. населеніе его уменьшилось приблизительно съ 50 милліоновъ до 8-ми (потеря въ 42,000,000): гражданская война въ томъ же Китаѣ, тянувшаяся съ 754 по 760-й годъ, уменьшила населеніе его съ 45,000,000 до 9,000,000 (потеря въ 36,000,000). Борьба Китая съ монголами (XIII в.) стоила Китаю половины его населенія [3]). При возстаніи Тайпинговъ генераломъ Мантчу (Mantschu) Jih въ

---

[1]) См. Vaccaro. Les Bases. Гл. IV.
[2]) Mommsen. Римская исторія. ч. II. 1858 г. 186.
[3]) Steinmetz. 60.

одинъ мѣсяцъ было умерщвлено до 70,000 возставшихъ, при осадѣ Нанкина Мантчу потеряли до 60,000 въ одной битвѣ, и т. д. (Spielmann).

Не приводя дальнѣйшихъ цифръ уже и изъ сказаннаго видно, что XIX в. вовсе не представляетъ чего-то исключительнаго по величинѣ жертвъ войны. Стоитъ указать на эти цифры, стоитъ, далѣе, вспомнить опустошительныя войны Чингисъ-хана, Тамерлана и др., оставлявшія послѣ себя горы труповъ, пирамиды череповъ и моря крови...

Но вѣдь это абсолютныя цифры, сами по себѣ еще весьма мало говорящія. Подлинную величину потерь и степень жестокости войнъ даютъ не эти абсолютныя, а лишь относительныя цифры, а именно число жертвъ войны падающихъ, напр., на 1,000 человѣкъ населенія. Только эти цифры могутъ быть рѣшающими цифрами. Вѣдь, если на 1,000 человѣкъ приходится 10 убійствъ, а на 20 человѣкъ—8, то было бы наивно думать, что преступность въ первомъ случаѣ стоитъ выше. Такъ же и здѣсь. Если мы примемъ во вниманіе количество населенія отдѣльнаго государства или всей Европы въ 19 в. и количество населенія въ прошлыхъ вѣкахъ, то паденіе губительности и жестокости войны (или междугрупповыхъ каръ)—станетъ поистинѣ громаднымъ.

На первыхъ порахъ «группы человѣческія должны быть разсматриваемы въ принципѣ, какъ естественно-враждебныя и находящіяся въ постоянной войнѣ», по своей жестокости не знающей никакихъ предѣловъ и границъ [1]). Здѣсь война—обычное занятіе и ведется она безпрерывно. Почти всѣ первобытные народы (за исключеніемъ немногихъ или совершенно изолированно-живущихъ или абсолютно-захудалыхъ) непрерывно сражаются и убійство чужеземцевъ для нихъ священный долгъ. Wir haben konstatieren können, das die Wilden, wahrscheinlich nach der alleersten Stufe, blutdurstig waren und ihre Kriege in der grausamsten Weise mit ungeheueren Verlusten an Menschen führten», такъ резюмируетъ Штейнметцъ (какъ и Ваккаро, Летурно и др.) [2]) свои многочисленныя наблюденія надъ первобытными народами. Хотя здѣсь группы и немногочисленны,—но

---

[1]) См. подробное фактическое обоснованіе этихъ положеній у Ваккаро: Les Bases... гл. V—VIII и у Steinmetz'a,—гл. 3-я.

[2]) Ibid. 57.

всѣ онѣ вѣчно воюютъ и воюютъ съ весьма и весьма большой жестокостью. Процентъ жертвъ войны здѣсь долженъ считаться близкимъ къ отношенію 100 на 100. Полное уничтоженіе врага--вотъ цѣль этихъ войнъ. Нѣтъ пощады никому—ни старикамъ, ни женамъ, ни дѣтямъ. Всѣ поголовно уничтожаются или, захваченные, съѣдаются.

Побѣда одной группы надъ другой была равносильна поголовному истребленію побѣжденной группы. То же встрѣчаемъ и на первыхъ болѣе высокихъ ступеняхъ развитія. „Я думаю, говоритъ Штейнметцъ, что мы должны принять вмѣстѣ съ Летурно, что древніе израильтяне, какъ и всѣ народы, стоящіе на той же ступени культуры, ставили цѣлью войны полное уничтоженіе противника“ [1]).

И дѣйствительно, читая библію мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ положенія въ родѣ слѣдующаго: „и мы поразили его и сыновъ его и весь народъ его... и не оставили никого въ живыхъ“ [2]), или... „А Іуй поставилъ внѣ дома восемьдесятъ человѣкъ, и сказалъ: душа того, у котораго спасется кто-либо изъ людей, которыхъ я отдаю Вамъ въ руки, будетъ вмѣсто души спасшагося... бейте ихъ, чтобы ни одинъ не ушелъ“ [3]). Такъ и было сдѣлано. То же читаемъ въ Иліадѣ. „Пусть ни единый изъ нихъ (троянцевъ) не избѣгнетъ гибели мрачной! Всѣ да погибнутъ отъ нашей руки! И младенецъ утробный въ лонѣ у матери пусть не спасется и этотъ! Всѣ вмѣстѣ внѣ Иліона да сгинутъ они безъ слѣда, безъ могилы и т. д. [4]). Коранъ повелѣваетъ. „Когда встрѣтите невѣрныхъ—убивайте ихъ!“ [5]). Подобно этому гласитъ и римскій лозунгъ: „Omnia in victoria Lege belli licuerunt“.

Итакъ, вначалѣ мы находимъ поголовное уничтоженіе врага. (100 на 100, 1 убитый на 1 человѣка).

Затѣмъ, идетъ постепенное паденіе относительныхъ цифръ.

Начинаютъ щадить женщинъ и дѣтей, какъ слабый и не опасный элементъ—съ одной стороны, и какъ средство наслажде-

---

[1]) Ibid. 58.
[2]) Второзаконіе, гл. 2. См. также Исходъ гл. IV, V и др.
[3]) 4-я кн. Царствъ. 10.
[4]) Иліада. л. VI ст. 50 и сл.
[5]) Коранъ XLVII, 4.

нія и увеличенія населенія—съ другой. Мужчины же продолжаютъ поголовно избиваться.

Затѣмъ и мужчины начинаютъ щадиться: оставляютъ жизнь наименѣе опаснымъ, и уничтожаютъ вожаковъ (parcere subjectis et debellare superbos). Постепенно смерть начинаетъ замѣняться рабствомъ [1])...

Приведу нѣсколько фактовъ для иллюстраціи. Цезарь, уничтоживший 1 милліонъ изъ 3 милліоновъ,—уничтожилъ одного изъ каждыхъ 3-хъ человѣкъ. Въ памятникѣ Ассурназирабала читаемъ: „Жители Sygi, возставшіе противъ меня, обнимали мои колѣна, чтобы спасти свою жизнь. Я убилъ по одному человѣку на каждые два человѣка“. Война съ Сиракузами стоила аѳинянамъ 20,000 жертвъ. А все населеніе Аѳинъ не превышало 30,000. Процентъ павшихъ равенъ почти 66%. (66 на 100). Та же практика существовала и въ древнихъ азіатскихъ войнахъ (Чингисъ-ханъ и др.), въ войнахъ Рима, Греціи, и въ войнахъ, переходныхъ отъ древняго міра къ среднимъ вѣкамъ (Меровингскія войны, нашествія викинговъ и т. д.). „Sie plunderten die Städte, verheerten das Land, verbrannten die Klöster, töten die Männer. In den dürstersten Farben wird der Zustand des französischen Landes im neunten Jahrhundert geschildert, das flache Land war ganz verlassen, weil man nur noch in den befestigten Städten zu wohnen wagte“, такъ характеризуетъ тотъ же Штейнметцъ войны этой эпохи [2])...

Даже еще въ эпоху Ренессанса мы встрѣчаемся съ этими звѣрскими жестокостями. Послѣ взятія Піаденцы Сфорцой его войска бѣшенствовали въ продолженіи 40 дней, пока не уничтожили почти все населеніе; венеціанцы послѣ битвы при Cagliari перебили всѣхъ генуэзскихъ плѣнныхъ, испанцы въ Америкѣ и въ Нидерландахъ подвизались въ этомъ же родѣ и т. д.

Я не буду приводить дальнѣйшихъ иллюстрацій.

Сравнимъ теперь съ этими цифрами современныя относительныя потери войны. Потери пруссаковъ за періодъ войны 1870—71 г.г. равняются одному на тысячу, т.-е. по вычисленію Штейнмеца, составляютъ годичный процентъ, меньшій обычнаго ежегоднаго колебанія смертности въ той же Пруссіи [3]). „Теперь“, говоритъ

---

[1]) См. подробно у Ваккаро.
[2]) Ibid. 62—63.
[3]) Ibid. 71.

онъ, „нормальныя колебанія смертности вообще больше, чѣмъ относительныя потери войны“.

Нужно ли послѣ этого доказывать паденіе жестокости и кровавости междугрупповыхъ каръ! И чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе рѣдкими становятся войны, справедливо утверждаютъ и Штейнмецъ и Ваккаро.

„По мѣрѣ того, какъ человѣческія группы расширяются, войны между ними становятся менѣе частыми.., ибо когда группы человѣческія малочисленны, то достаточно одного знака начальника, чтобы вся группа взялась за оружіе и пошла на непріятеля, отстоящаго на нѣсколько километровъ. Когда же, напротивъ эти группы велики и населеніе занимаетъ обширную территорію—то нужно уже больше времени для организаціи арміи“—а потому невозможны и постоянныя войны.

„Но ростъ человѣческихъ аггрегатовъ не только дѣлаетъ войны болѣе рѣдкими, онъ уменьшаетъ еще и интенсивность борьбы и величину зла, порождаемаго войнами“. Первобытныя войны, въ виду того, что въ нихъ принимаетъ участіе вся группа, сплошь и рядомъ ведутъ къ полному уничтоженію группы. Иначе обстоитъ дѣло въ борьбѣ крупныхъ аггрегатовъ. Здѣсь сражается лишь часть населенія, а потому поголовнаго уничтоженія никоимъ образомъ быть не можетъ. „Какъ только армія разбита—между побѣдителями и побѣжденными наступаетъ миръ и взаимное приспособленіе. И теперь цѣлью войны служитъ уже не уничтоженіе врага, а лишь его подчиненіе“ [1]). Что же касается настоящаго и будущаго войнъ, то „вѣроятно, война будетъ разсматриваться какъ преступленіе, оскорбляющее человѣчество“ [2]). Таковы выводы Ваккаро, обоснованные на историческомъ матеріалѣ. Нужно ли говорить, что дѣло обстоитъ именно такъ, а не иначе. Вся дѣятельность дипломатіи, при всѣхъ ея отрицательныхъ сторонахъ, развѣ не является дѣятельностью, преслѣдующей задачу сохраненія мира? Развѣ такіе институты, возникшіе въ наши дни, какъ Гаагская конференція, Междупарламентскій союзъ мира, и рядъ аналогичныхъ институтовъ, имѣющихся въ каждой странѣ и преслѣдующихъ ту

---

[1]) Steinmetz. Ibid.
[2]) Vaccaro. Op. cit. 178—191 и слѣд.

же цѣль сохраненія мира—развѣ (помимо всего) все это не реализація вышеприведенныхъ положеній?

Развѣ не фактъ—удивительный ростъ пассифистическихъ настроеній и столь же быстрый ростъ враждебности къ войнѣ? Развѣ для громадной части человѣчества уже теперь война не является отрицательнымъ и недопустимымъ явленіемъ? Развѣ мы не являемся ежедневыми свидѣтелями всевозможнѣйшихъ митинговъ протеста противъ войны? Развѣ нѣтъ международнаго права уже и теперь, до извѣстной степени, ограничивающаго произволъ и жестокость войны? Развѣ демократія не считаетъ однимъ изъ своихъ основныхъ положеній и задачъ уничтоженіе войны и сохраненіе братства народовъ?

Все это факты и потому они имѣютъ значеніе. Если взять ихъ въ своей совокупоости, то они являются достаточно—вѣскимъ показателемъ того, куда идетъ исторія и какія судьбы ожидаютъ войну [1]).

Правда, тотъ же Штейнметцъ, работой котораго мы пользовались, думаетъ, что войны не исчезнутъ. Но поскольку обоснованы его другіе выводы, постольку плохо аргументированъ этотъ. Основной его аргументъ заключается въ

---

[1]) Та же тенденція исчезновенія междугрупповыхъ каръ проявляется и въ рядѣ другихъ фактовъ:

а) Если сравнить составъ войска и отношеніе военной части группы къ невоенной въ древнихъ и современныхъ обществахъ, то итогъ этого сравненія таковъ: въ первобытныхъ об-вахъ войско составляется изъ всей группы и процентъ военной части группы равенъ 100%. Затѣмъ постепенно изъ войска исключаются женщины, дѣти и рабы; входятъ въ него только мужчины, затѣмъ только мужчины—собственники (Египетъ, Грецiя, Римъ, тевтоны, древніе англичане при Вильг. Завоевателѣ и т. д.), затѣмъ не всѣ мужчины собственники, а только часть мужского населенія опредѣленнаго возраста, составляющая совершенно ничтожный % по отношенію ко всему населенію государства. Кратко говоря, тенденція здѣсь такова, что % военной части, будучи вначалѣ равнымъ 100 на 100, стремится въ дальнѣйшемъ къ нулю. И теперь уже онъ ничтоженъ.

b) Если далѣе сравнить продолжительность времени военной службы, падавшаго на каждаго члена группы, то и здѣсь результатъ сравненія весьма убѣдителенъ. Въ древности „воинская служба“ была пожизненной. Каждый членъ группы долженъ былъ каждую минуту быть готовымъ либо къ защитѣ, либо къ нападенію. Въ дальнѣйшемъ время службы различными путями ограничивается: во время посѣва и жатвы необязательна воинская служба, у свевовъ и англичанъ при Альфредѣ В. вводятся двѣ перемѣны: пока одна часть несетъ воинскую повинность, другая свободна, пожизненная служба ограничивается опредѣленнымъ числомъ годовъ (въ Римѣ,

томъ, что исчезновеніе войнъ возможно было бы лишь при сліяніи большей части человѣчества въ одно государственное цѣлое. Но это вѣдь „глупая мечта коммунистовъ—съорганизовать въ одно цѣлое все человѣчество, 1,600,000,000 душъ!“ [1]). Мнѣ думается, однако, что если бы даже и такъ было, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ этомъ, ибо переходъ отъ группъ въ 40 человѣкъ до группъ въ 200,000,000 человѣкъ, совершенный дикимъ человѣчествомъ, во всякомъ случаѣ не меньшій шагъ, чѣмъ переходъ отъ 200,000,000 обществъ къ обществу въ 1,600,000,000 душъ. Въ первомъ случаѣ увеличеніе количества членовъ организованной группы произошло въ 500,000 р а з ъ, в о в т о р о м ъ—т о л ь к о в ъ 8-м ь р а з ъ. Задача для современнаго человѣчества въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлали предыдущія болѣе невѣжественныя поколѣнія, безконечно болѣе легкая. Поэтому, пожалуй, эту мечту не только коммунистовъ, но и не коммунистовъ, не слѣдовало бы называть dumme Traum!

Вспомогательнымъ аргументомъ для Штейнмеца служитъ слѣдующее: окончательное исчезновеніе войны кромѣ того предполагаетъ исчезновеніе „воинскаго духа“, исчезновеніе удовольствія риска (Wagelust), жестокости (Grausamkeit) и отваги (Mut). Но ни одинъ изъ этихъ элементовъ, по мнѣнію Штейнмеца, не

напр., временемъ отъ 17 до 65 л.); затѣмъ это число все болѣе и болѣе уменьшается. Теперь, какъ извѣстно, фактически продолжительность сводится къ 2—3 годамъ, а въ странахъ въ родѣ Швейцаріи—она близка къ нулю. Т. о. тенденція продолжительности воинской службы можетъ быть резюмирована въ выраженіи: о т ъ п о ж и з н е н н о й с л у ж б ы к ъ 2—3-хъ г о д и ч н о й, о т ъ 2—3-хъ г о д и ч н о й—к ъ н у л е в о й.

с) Уже Спенсеръ прекрасно подмѣтилъ, что весь укладъ древнихъ обществъ представляетъ в о е н н ы й укладъ. Эволюція общественной организаціи является ничѣмъ инымъ, какъ постепеннымъ уничтоженіемъ военной организаціи и переходомъ къ организаціи не военной. Эта тенденція опять таки неоспорима и подтверждается тысячами фактовъ, однимъ изъ которыхъ является фактъ постепеннаго роста гражданской власти на счетъ военной. Въ древности обществомъ правили военачальники и войско, теперь ихъ роль—ничтожна. И чѣмъ культурнѣе страна, тѣмъ меньшее значеніе имѣютъ въ ней военныя власти и военные законы. „Военныя положенія“ и передача власти въ руки военачальниковъ въ такихъ странахъ основными законами исключаются, или сводятся къ минимуму (Швейцарія, Англія, Штаты Америки и т. д.). А эти факты сами за себя говорятъ для того, кто умѣетъ видѣть и слышать.

См. подробнѣе С п е н с е р ъ. Осн. соц. II, §§ 458—463, гл. VI, XII, XVII и XVIII.

[1]) Ibid. 331.

исчезаетъ, а потому хотя войны будутъ и болѣе рѣдкими, менѣе жестокими и кровавыми,—но онѣ все же будутъ [1]). Странная аргументація! Что касается улучшенія психики и паденія жестокости войнъ, то самъ же Штейнмецъ показалъ недурно это;—она, по его же предыдущимъ словамъ, исчезаетъ. Ну, а исчезновеніе Wagelust и Mut вовсе не нужно. Будто эти чувства не могутъ найти приложеніе внѣ войны? Будто храбръ и отваженъ только тотъ, кто умѣетъ рѣзать и убивать людей? Будто и теперь рисковать можно только въ войнахъ и титулъ храбреца получить только на войнѣ? Странная дѣтски-наивная аргументація!

Въ виду этого, мы позволяемъ думать, прочно стоя на данныхъ исторіи, что не мечты пассифистовъ, которыхъ онъ (не исключая и Гаагской конф.) называетъ dumme Traum, есть утопія, а, напротивъ, обратныя мечты.

„Междугрупповая борьба, вражда, война, порабощенія, угнетенія, эксплуатаціи и проч. исчезнутъ съ лица земли, оставивъ только печальную память былого варварства, групповыхъ эгоизмовъ, злостности, жестокости и т. д.“ совершенно вѣрно утверждаетъ Л. І. Петражицкій [2]).

Въ прошломъ, при грубости моральной психики и при неприспособленности людей къ широкимъ соціальнымъ аггрегатамъ—войны были неизбѣжны и, если угодно, даже разумны. По мѣрѣ того, какъ развивается соціальность, онѣ становятся все менѣе и менѣе нужными, и нѣтъ сомнѣнія, что рано или поздно исчезнетъ и этотъ видъ междугрупповой кары. И здѣсь будетъ достигнуто необходимое приспособленіе, и будутъ выработаны соотвѣтствующіе шаблоны поведенія, которые сдѣлаютъ ненужными войны и кровавыя схватки.

Такимъ образомъ, какъ бы зигзагообразна ни была исторія каръ, какъ внутригрупповыхъ, такъ и междугрупповыхъ—она все же не есть „шагъ на мѣстѣ“ и не случайное скрещеніе расходящихся линій, а подъ пестрымъ кружевомъ конкретности она съ достаточной рѣзкостью обнаруживаетъ паденіе каръ, какъ по интенсивности, такъ и по количеству караемыхъ лицъ. Если мы теперь не крадемъ, не убиваемъ и не насилуемъ другихъ, то не потому, что эти поступки караются, а потому, что свойствен-

---

[1]) 294—233.

[2]) Петражицкій. Къ вопросу о соціальномъ идеалѣ. Юрид. вѣстн. 1913, кн. II. 34.

ная намъ психика отвергаетъ эти акты, какъ акты ей несвой ственные, органически-противные, отвратительные и т. д. Для значительнаго числа лицъ въ каждомъ цивилизованномъ обществѣ уже и въ наше время уголовный кодексъ, если не весь, то въ огромной своей части—излишенъ и ненуженъ, ибо тѣ соціально-вредные акты, за которые кодексъ назначаетъ тѣ или иныя наказанія, для этой части невозможны—органически; какъ желудокъ выбрасываетъ обратно вредную пищу, также и психика этихъ лицъ импульсивно отвергаетъ ихъ; не только совершеніе, но и мысль о совершеніи вызываетъ въ нихъ акты отвращенія. Для такихъ лицъ—кары излишни. Они и безъ каръ ихъ не совершатъ. А исторія ведетъ неизбѣжно къ увеличенію такихъ лицъ въ обществѣ, а тѣмъ самымъ къ все большему и большему паденію каръ.

---

§ 4.

Историческая тенденція паденія наградъ.

Теперь ту же тенденцію прослѣдимъ и въ области наградныхъ актовъ. Де-Грассери, коснувшись мелькомъ вопроса о наградномъ или „преміальномъ“ правѣ, думаетъ, что карательное право должно постепенно падать, а наградное все болѣе и болѣе расти.

„Пенальное право, говоритъ онъ, будетъ уменьшаться, а преміальное право—расти, второе можетъ даже цѣликомъ замѣстить первое“ [1]).

Я не думаю, чтобы это было такъ и, въ частности, вотъ почему. Если бы, дѣйствительно, акты кары стали падать (а это вѣрно), а акты награды стали расти—то, по существу дѣла, никакого значительнаго измѣненія не произошло бы: ростъ наградъ означалъ бы тотъ же ростъ каръ, но выраженный не прямо, а косвенно.

---

[1]) De-Grasserie. Des principes Sociologiques de la criminologie. Paris. 1901, стр. 28—32.

Представимъ себѣ классъ учениковъ. Если я даю выговоръ Петрову, то этотъ выговоръ можетъ считаться наказаніемъ лишь тогда, когда (въ данномъ ли классѣ или въ другихъ школахъ) имѣются на лицо ученики, не получившіе выговора... Сравнивая положеніе перваго и остальныхъ мы создаемъ представленіе о данномъ выговорѣ—какъ о карѣ. Если же абсолютно всѣ ученики получили бы выговоръ—то этотъ актъ не считался бы за кару, а просто за нововведеніе или новый законъ. Подобно этому, тѣ явленія или акты, которые свойственны всѣмъ людямъ, напримѣръ, смерть—не являются наказаніемъ. Чтобы актъ естественной смерти могъ быть наказаніемъ, необходимо существованіе категоріи безсмертныхъ людей. Въ этомъ случаѣ, противопоставляя первыхъ вторымъ и причисляя къ категоріи первыхъ какого-нибудь Иванова—мы можемъ говорить о смерти, какъ о наказаніи. То же и въ другихъ случаяхъ. Если бы всѣ граждане Россіи должны были просидѣть 10 лѣтъ въ крѣпости и обязательно отбыть эту повинность, на подобіе воинской повинности, то никому бы и въ голову не пришло считать 10-тилѣтнее заключеніе за актъ кары. Изъ этихъ примѣровъ видно, что наказаніе предполагаетъ (выражаясь образно) р а з л и ч і е у р о в н е й. Если уровни жизни всѣхъ членовъ общества одинаковы, то какъ бы ни низокъ былъ этотъ общій уровень, какъ бы ни мучительна и страдательна была жизнь—ни одинъ изъ этихъ мучительныхъ актовъ жизни не можетъ фигурировать въ качествѣ наказанія [1]). Тотъ или иной актъ дѣлается наказаніемъ лишь тогда, когда онъ вводитъ разницу уровней или точнѣе, низводитъ индивида (преступника) ниже нормальнаго въ данной группѣ уровня.

Отсюда слѣдуетъ, что всякая кара можетъ быть только при разницѣ уровней и чѣмъ многочисленнѣе эта пирамида уровней, и чѣмъ рѣзче они различаются другъ отъ друга—тѣмъ сложнѣе, богаче и интенсивнѣе кары.

Эту разницу уровней можно создать двояко: 1) низвести опредѣленную часть данной соціальной группы ниже нормальнаго уровня (наказаніе низводимой части) и 2) возвести опре-

---

[1]) Возьмемъ, напр., группы, гдѣ было въ обычаѣ убійство стариковъ. Такъ какъ это убійство было нормой, иначе—участью каждаго старика, то понятно, что ни члены группы, ни сами убиваемые не считали эту жестокую мѣру—наказаніемъ.

дѣленную часть выше нормальнаго уровня. Въ этомъ случаѣ имѣемъ награду для возводимыхъ и прямой кары нѣтъ ни для кого. Но стоитъ вдуматься немного въ это явленіе и тогда не трудно видѣть, что та часть группы, которая осталась на прежнемъ уровнѣ—по существу—подвергнута карѣ, но карѣ не путемъ низведенія ея на уровень, лежащій ниже нормы, а путемъ возвышенія другой части на уровень, лежащій выше нормы. Еще Гете замѣтилъ эту обратимость награды въ наказаніе, говоря:

„Чтобы честь другимъ воздать
Себя должны мы развѣнчать“...

И рядъ соціальныхъ институтовъ, въ частности, нашъ институтъ «мѣстничества» великолѣпно подтверждаютъ сказанное.

Бояре видѣли кару и безчестіе для себя не только въ актѣ прямого низведенія ихъ съ высшаго мѣста на низшее, но и въ актѣ возведенія другихъ въ положеніе, одинаковое съ ними, или же въ положеніе высшее. Если возводимый былъ почему-либо „не въ версту“ такому боярину, то сидѣть съ нимъ на одинаковомъ мѣстѣ было безчестіемъ, и принимались за наказаніе, какъ еще большимъ наказаніемъ считалось возведеніе пожалованнаго на болѣе высокое мѣсто.

То же можно видѣть и въ рядѣ ежедневныхъ фактовъ соціальной жизни. Всегда и вездѣ кары и награды предполагаютъ неодинаковость уровней. Какъ бы эта неодинаковость уровней ни создавалась—путемъ-ли пониженія однихъ ниже нормы (прямая кара для понижаемыхъ и косвенная награда для части, оставшейся на прежнемъ уровнѣ) или путемъ повышенія части группы выше нормы (прямая награда для повышаемыхъ и косвенная кара для оставляемыхъ на прежнемъ уровнѣ)—разъ она есть—то всегда есть на лицо и кары, и награды.

Между этими двумя случаями различіе только то, что въ первомъ случаѣ—вся г р у п п а а б с о л ю т н о п о н и ж а е т с я, во второмъ—а б с о л ю т н о п о в ы ш а е т с я. Но такъ какъ абсолютныхъ уровней нѣтъ, то важны только относительныя уровни, т.-е., тѣ уровни, которые на лицо въ данной группѣ и которые можно сравнить между собою... Если дифференціація уровней есть и продолжаетъ развиваться и дальше—значитъ—есть всегда и караемые и награждаемые, а тѣмъ самымъ и кары и награды, хотя бы эта градація и создавалась путемъ возвышенія надъ нормой, т.-е. путемъ прямыхъ наградъ. Поэтому,

нельзя въ этомъ случаѣ говоритъ о паденіи каръ, какъ это дѣлаетъ Грассери.

Если онъ утверждаетъ, что кары падаютъ, то онъ долженъ утверждать, что и награды падаютъ: ихъ параллельный ходъ неизбѣженъ. Утверждая же, что награды все болѣе и болѣе растутъ, что въ будущемъ онѣ должны цѣликомъ уничтожить кары—онъ впадаетъ въ глубокую ошибку, ибо разъ есть награждаемые, тѣмъ самымъ даны и караемые (тѣ, кто не награждается), разъ есть награда—тѣмъ самымъ дана и кара. Великій Гете въ своемъ афоризмѣ былъ проницательнѣе Грассери.

Въ виду сказаннаго, мы не можемъ пойти вмѣстѣ съ Грассери. Если вѣрна тенденція паденія каръ, то eo ipso слѣдуетъ, что и награды должны постепенно падать. Если же награды растутъ, то значитъ, и кары должны расти. Выше мы видѣли, что кары съ развитіемъ историческаго процесса падаютъ, покажемъ теперь кратко, что такова же и историческая тенденція наградъ...

И въ этомъ параграфѣ я буду указывать только общіе штрихи, отсылая читателя къ различнымъ работамъ, гдѣ онъ найдетъ подтвержденіе и фактическое обоснованіе сказаннаго.

А) Возьмемъ опять для начала взаимоотношенія Бога и человѣка въ примитивныхъ и въ высокихъ обществахъ. Вначалѣ опять передъ нами на лицо чисто «торгашескія» отношенія Бога и человѣка. Взаимной гармоніи между ними нѣтъ; все отношеніе, по вѣрному замѣчанію Барта и Мензиса, характеризуется словами: „do, ut des“. „Вотъ тебѣ масло, пошли намъ коровъ“. [1]) И въ качествѣ награды богамъ давалось все, что только первобытный человѣкъ могъ дать, вплоть до многочисленныхъ человѣческихъ жертвъ. Послѣднія, какъ извѣстно, свойственны большинству первоначальныхъ крупныхъ религіозныхъ системъ. О человѣческихъ жертвахъ очень много говорится и въ Ведахъ, онѣ даны въ религіи ассиро-вавилонянъ, пережитки ихъ даны въ Авестѣ, въ Библіи, онѣ же даны въ Коранѣ (война съ иновѣрными во имя Бога)... Онѣ даны у грековъ въ видѣ человѣческихъ жертвъ во славу умершихъ и т. д. Эта же человѣческая жертва выступаетъ въ распространенномъ въ древ-

---

[1]) Бартъ. Религіи Индіи. 32, Мензисъ. Исторія религіи. 49.

ности обычаѣ умерщвленія рабовъ, женъ, плѣнныхъ и просто свободныхъ людей на могилѣ умершаго прѐдка, въ греко-римскомъ институтѣ весталокъ, посвященія Богу людей, цѣлыхъ городовъ, въ средневѣковыхъ кострахъ, религіозныхъ войнахъ и т. д.

«Человѣческія жертвоприношенія умершимъ встрѣчаются въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ почти повсемѣстно», говоритъ Харузинъ [1]).

Помимо людей, въ качествѣ наградъ богамъ служили различные предметы обихода (орудія, украшенія, вино, табакъ и т. д.), скотъ и вообще тѣ или иныя цѣнности.

Съ совершенствованіемъ религіозныхъ вѣрованій происходитъ постепенное паденіе наградъ. Человѣческія жертвоприношенія мало-по-малу исчезаютъ. Главнѣйшіе способы, посредствомъ которыхъ совершалось это паденіе человѣческихъ жертвъ, таковы: 1) „Жертва не убивается, но надъ ней продѣлывается рядъ пріемовъ, рисующихъ дѣйствительное жертвоприношеніе. 2) Человѣческая жертва замѣняется изображеніемъ. 3) Лицамъ, которыя должны были бы быть принесенными въ жертву, предписываются извѣстные обряды, выражающіе желаніе ихъ слѣдовать за покойникомъ“. Параллельно съ этимъ по словамъ того же Харузина, „пріемы культа“ (вообще) измѣняются въ двухъ направленіяхъ: 1) жертвоприношенія дѣлаются менѣе обильными, 2) реальная жертва замѣняется символической“ [2]).

То же говоритъ и Тейлоръ. Жертва—„даръ“, по его мнѣнію, постепенно переходитъ въ простые знаки почитанія. „Въ исторіи жертвоприношеній мы видимъ, что многіе народы додумались до мысли, что можно сократить издержки на жертвы, не вредя ихъ дѣйствительности“. Это сокращеніе жертвы происходило путемъ: a) принесенія части вмѣсто цѣлаго: вмѣсто цѣлаго человѣка или животнаго приносилась часть, напр., ноготь и мн. др., (въ Авестѣ, напр., приносится глазъ), b) принесенія вмѣсто цѣнной жизни—другой, менѣе цѣнной (сына, раба, животнаго, изображенія), c) путемъ подражанія дѣйствительному жертвоприношенію, путемъ символизаціи и т. д. [3]).

---

[1]) См. относящіеся сюда факты, у Харузина, стр. 271, гл. XI, XII, XIII, у Тейлора, Летурно, Фразера, Кунова: Ursprung der Religion und des Gottesglaubens. 1913. Гл. VII и т. д.

[2]) Харузинъ. Этнографія. IV стр. 279, 265 и др.

[3]) Тейлоръ. Op. cit. т. II стр. 245 и слѣд.

Сказанное относится какъ къ человѣческимъ жертвамъ—наградамъ, такъ и ко всѣмъ другимъ видамъ жертвъ—наградъ. Этотъ процессъ паденія ихъ можно обнаружить не только при сравненіи разнородныхъ религій, но и въ позднѣйшихъ наслоеніяхъ одной и той же религіозной концепціи. Въ Библіи, напр., существованіе вначалѣ человѣческихъ жертвъ несомнѣнно; (см. напр., Левитъ, вся гл. 27) но сказаніе объ Авраамѣ и Исаакѣ уже можетъ служить примѣромъ символическаго принесенія человѣка въ награду Богу. (Здѣсь только уже воспроизведеніе дѣйствій жертвоприношенія). У пророковъ же на лицо уже реакція противъ жертвъ—наградъ Богу, состоящихъ изъ скота. „Къ чему Мнѣ множество жертвъ вашихъ? говоритъ Господь (у Исаіи): Я пресыщенъ всесожженіями овновъ и тукомъ откормленнаго скота, и крови тельцовъ, и агнцевъ, и козловъ не хочу... Не носите больше даровъ тщетныхъ; куреніе отвратительно для Меня, новомѣсячій и субботъ, праздничныхъ собраній не могу терпѣть: беззаконіе—и празднованіе“ и т. д. [1]).

Если старыя религіи „крестили огнемъ и водою“, то новыя религіи дѣйствительно крестятъ духомъ. Раньше не важно было внутреннее настроеніе обращающагося къ Богу. Достаточно было принести опредѣленное количество жертвъ—наградъ и Богъ былъ подкупленъ, достаточно было произнести и продѣлать рядъ обрядовъ—и цѣль была достигнута. Если же она почему-либо не достигалась—то иногда кары падали и на божество. Иначе обстоитъ дѣло въ болѣе высокихъ религіяхъ, напр., въ христіанствѣ. Стоитъ вспомнить изреченіе Христа: „если ты принесешь даръ твой къ жертвеннику... оставь тамъ даръ твой предъ жертвенникомъ, и пойди, прежде примирись съ братомъ твоимъ, и тогда прійди и принеси даръ твой“ [2]), Его сказаніе о лептѣ вдовы и т. п.—чтобы ясно видѣть, что награды, культъ и т. д. здѣсь уже не имѣютъ почти никакого значенія, а главное значеніе получаетъ внутренняя гармонія человѣка съ божествомъ [3]).

Внѣшнимъ показателемъ этой исторической тенденціи служитъ постепенное паденіе культа, обрядовъ, и связанныхъ съ ними жертвъ божеству по мѣрѣ совершенствованія религіозной концепціи. Въ этомъ смыслѣ можно считать правильной попу-

---

[1]) Книга пророка Исаіи, гл. I.
[2]) Отъ Матѳея, гл. 5.
[3]) Особенно характерны въ этомъ отношеніи „посланія“ Іоанна Богослова.

лярную Тріаду: религіи Отца, Сына и Духа. Религія Духа—есть религія безъ культа, безъ карательно-наградныхъ отношеній съ божествомъ—религія полной внутренней гармоніи и единства человѣка съ Богомъ. И такія религіозныя концепціи—какъ міропониманіе Л. Н. Толстого, гдѣ Богъ и человѣкъ едины, гдѣ нѣтъ ни культа, ни молитвъ, ни каръ, ни наградъ, вполнѣ логическое завершеніе многовѣкового историческаго развитія...

Чѣмъ больше гармоніи между человѣкомъ и его Богомъ, тѣмъ меньше карательно-наградныхъ санкцій, чѣмъ дисгармоничнѣе ихъ отношенія—тѣмъ большее значеніе получаютъ кары и награды [1])...

„Должное“ поведеніе обѣихъ сторонъ, раньше возможное только путемъ давленія каръ и наградъ, постепенно входитъ въ „привычку“, пріобрѣтаетъ характеръ самоцѣнности и начинаетъ соблюдаться само собой, безъ всякаго давленія наградной санкціи.

В) Теперь постараемся кратко прослѣдить ту же историческую тенденцію паденія наградъ и въ области междучеловѣческихъ отношеній.

На низшихъ ступеняхъ награды неограниченны во всѣхъ отношеніяхъ: а) неограниченны по интенсивности, в) по количеству награждаемыхъ лицъ и с) неограниченны во времени... Но съ ходомъ соціальнаго процесса происходитъ постепенное ограниченіе ихъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, т.-е. наградные акты становятся менѣе и менѣе интенсивными, падаютъ на меньшее и меньшее число лицъ, и, наконецъ, все болѣе и болѣе ограничиваются во времени. Въ какомъ смыслѣ я употребляю эти термины, выяснится сейчасъ...

Для ясности будемъ имѣть пока дѣло только съ „предметными“ наградными актами. Интенсивная неограниченность награды заключается въ томъ, что предметнымъ дополненіемъ наградного акта можетъ быть все, что угодно; говоря короче, въ древности въ качествѣ наградъ фигурировалъ любой предметъ и любой актъ. Съ ростомъ соціальнаго взаимодѣйствія этотъ кругъ предметныхъ дополненій наградного акта все бо-

---

1) См. Гюйо. Иррелигіозность будущаго. Гл. III и passim, Fr. Cosentini. Sociologia. Torino. 1912. Capo V.

лѣе и болѣе ограничивается. Мало-по-малу выступаютъ такіе „предметы“, которые наградами быть не могутъ, не потому, чтобы они потеряли свою цѣнность, но потому, что для мотиваціоннаго вліянія на поведеніе индивида... достаточны другія болѣе легкія (менѣе интенсивныя) награды. Дѣйствительно, въ древности мы видимъ, что въ качествѣ предметовъ-наградъ употребляется все, что только можно употребить. Не говоря уже о такихъ предметахъ, какъ предметы обихода, оружіе, утварь, шкуры, скотъ, деньги, земля и проч., здѣсь мы видимъ, что въ качествѣ предметовъ-наградъ постоянно фигурируютъ люди и при томъ не въ единственномъ числѣ, а во множественномъ. Стоитъ вспомнить всевозможные случаи „выдачи головою“, награжденія кѣмъ-нибудь кого-нибудь посредствомъ передачи послѣднему множества людей, съ которыми онъ могъ дѣлать все, что угодно—и сказанное само собой становится яснымъ.

Здѣсь нѣтъ никакихъ границъ. Съ полученной наградой—человѣкомъ или группою людей—награжденный могъ дѣлать все, что ему заблагоразсудится: могъ съѣсть ее и дѣйствительно съѣдалъ (антропофагія, столь распространенная у дикихъ племенъ); могъ истязать ее и наслаждаться страданіями, могъ изнасиловать, если предметомъ награды была женщина; могъ просто, ради удовольствія, убивать и сажать на колъ; могъ, наконецъ, заставить его работать на себя, въ качествѣ скотины (рабство, крѣпостничество и т. д.).

Какъ видно изъ сказаннаго, награды дѣйствительно были неограниченны по интенсивности. Въ виду «жесткости» и устойчивости шаблоновъ поведенія требовалось громадное давленіе на нихъ, что и вызвало необходимость неограниченныхъ наградъ. Антропофагія, и прямое уничтоженіе враговъ, рабство, колонатъ, крѣпостничество—таковы институты, выразившіе во внѣ эту неограниченность наградъ. Не только имущество, но и самъ человѣкъ дѣлался простой res, съ которой награжденный могъ дѣлать все, что ему угодно. При всемъ желаніи видѣть здѣсь границу или предѣлъ—я его не нахожу... Всякій цѣнный предметъ можетъ быть наградой и съ каждымъ изъ нихъ можно дѣлать все, что угодно. Не восходя къ отдаленной древности, стоитъ взять изъ древнихъ художественныхъ и религіозныхъ памятниковъ нѣсколько мѣстъ, чтобы убѣдиться въ сказанномъ. Беру одно изъ многочисленныхъ мѣстъ Библіи. Для того, чтобы получить отъ

своего народа «должное» поведеніе, Іегова не просто говоритъ: «ты долженъ», а непремѣнно съ обѣщаніемъ безконечныхъ выгодъ за исполненія «долга». «Итакъ, соблюдай заповѣди, и постановленія, и законы, которые сегодня заповѣдую тебѣ исполнять. И если вы будете слушать законы сіи..., то .. истребишь всѣ народы, которыхъ Господь, Богъ твой, даетъ тебѣ и не пощадитъ ихъ глазъ твой». «И будетъ Господь, Богъ твой, изгонять предъ тобою народы сіи мало-по-малу; не можешь ты истребить ихъ скоро, чтобы (земля не сдѣлалась пуста и) не умножились противъ тебя полевые звѣри. Но предастъ ихъ тебѣ Господь, Богъ твой, и приведетъ ихъ въ великое смятеніе, такъ что они погибнутъ. И предастъ царей ихъ въ руки твои, и ты истребишь имя ихъ изъ поднебесной». Вмѣстѣ съ этимъ Израиль получитъ землю, «съ большими и хорошими городами, которыхъ ты (Израиль) не строилъ, и съ домами, наполненными всякимъ добромъ, которыхъ ты не наполнялъ, и съ колодезями, высѣченными изъ камня, которыхъ ты не высѣкалъ, съ виноградниками и маслинами, которыхъ ты не садилъ, и будешь ѣсть и насыщать» [1]).

Изъ этихъ отрывковъ видно, что здѣсь предметомъ награды служатъ и люди, и ихъ близкіе, и ихъ имущество. Награждаемый можетъ наслаждаться ихъ уничтоженіемъ, овладѣть ихъ «благами»; мало того, въ качествѣ награды идутъ даже страданія и мученія этихъ народовъ. «И шершней нашлетъ Господь Богъ на нихъ, доколѣ не погибнутъ оставшіеся и скрывшіеся отъ лица твоего», добавляетъ Іегова [2])...

Въ Ведахъ, въ Коранѣ, въ Иліадѣ мы видимъ то же самое. Человѣкъ со всѣмъ своимъ имуществомъ и здѣсь является въ качествѣ предмета награды, съ которымъ награждаемый можетъ поступать по полной своей волѣ, требовать отъ него совершенія чего угодно, воздержанія и терпѣнія—какого онъ хочетъ, вплоть до убійства и истязанія его... Не находя нужнымъ распространяться подробнѣе объ этихъ общеизвѣстныхъ вещахъ—я ограничусь сказаннымъ, подчеркнувши еще разъ то, что убійство враговъ и людоѣдство, рабство и крѣпостничество—прямое подтвержденіе интенсивной неограниченности „предметныхъ“ наградъ.

---

1) Второзаконіе, гл. 7., ст. 11—25, гл. 6, ст. 10—11, см. также гл. 4. 5, 30, 28, 11, чиселъ 31 и др.

2) Второзаконіе, гл. 7, ст. 20.

Эта неограниченность наградъ еще болѣе рѣзко выдѣляется, если принять во вниманіе то обстоятельство, что человѣкъ служилъ наградой не только въ единственномъ, но и в о м н о ж е с т в е н н о м ъ ч и с л ѣ... Уже изъ приведеннаго примѣра Библіи видно, что цѣлые народы съ ихъ женами, дѣтьми, правительствомъ, страною и со всѣмъ имуществомъ были предметными дополненіями наградъ. И всѣ первобытныя войны, въ которыхъ народъ-побѣдитель присваивалъ себѣ, какъ собственность, побѣжденную группу,—служатъ свидѣтельствомъ этой неограниченности награды. Побѣжденные, взятые въ плѣнъ, переходили въ полное распоряженіе побѣдителя, для котораго, по отношенію къ нимъ, не существовало никакихъ обязательствъ. На этой почвѣ, какъ я уже указалъ, и выросли институты людоѣдства, рабства и крѣпостничества... И практика правителей, и членовъ группъ и государствъ, не вышедшихъ еще изъ этой стадіи, даетъ безчисленные факты даренія за особыя услуги, продажи, и т. д. цѣлыхъ массъ рабовъ и ихъ присныхъ. Стоитъ вспомнить обычаи присваиванія себѣ побѣжденныхъ враговъ, ихъ уничтоженія въ „честь“ и „во славу“ какого-нибудь героя или царька, римскіе тріумфы, гдѣ побѣдитель, помимо другихъ почестей, получалъ право жизни и смерти надъ множествомъ людей, существовавшій повсюду обычай даренія услужнику цѣлыхъ селъ, деревень, городовъ съ ихъ населеніемъ, безграничную власть примитивныхъ царьковъ, по капризу убивавшихъ сотни своихъ подданныхъ (въ родѣ кафрскаго Мосселикатси); прибавьте къ этому обычай вождей въ древности и въ средніе вѣка предоставлять солдатамъ въ видѣ награды завоеванные ими страны и города, со всѣмъ ихъ населеніемъ, вандализмъ, расцвѣтавшій на этой почвѣ, и рядъ другихъ фактовъ—и интенсивная неограниченность наградъ станетъ ясной.

Итакъ, изъ этого краткаго перечня фактовъ неоспоримо вытекаетъ заключеніе; что въ древности награды были абсолютно неограниченны по своей интенсивности. Все, что только могло быть цѣннымъ въ сознаніи людей этого времени,—все это шло въ качествѣ предметнаго дополненія наградного акта.

Но мало этого, та же неограниченность проявляется и въ иной формѣ. Подобно тому, какъ въ области первобытныхъ каръ мы видѣли коллективную кару, налагаемую не только на виновника, но и на его присныхъ и потомковъ, не принимавшихъ съ нашей точки зрѣнія никакого участія въ преступленіи, также и

здѣсь, награждается не только виновникъ услуги, но благодаря ему и лица, съ нашей точки зрѣнія совершенно непричастныя къ подвигу; такими лицами обычно являются близкіе къ услужнику „присные“ (члены семьи, рода, племени, города, государства и т. д.) или его потомки. Всѣ „блага“, получаемыя услужникомъ въ качествѣ награды, распространяются и на этихъ присныхъ. Въ итогѣ получается неограниченность награды „въ пространствѣ и во времени“. Раскройте Библію и вы видите тамъ, что и Іегова награждаетъ милостью не только „услужника“ Ноя, Авраама, Іакова и т. д.—но и все ихъ потомство. Обычная формула гласитъ: „дамъ тебѣ и потомкамъ твоимъ послѣ тебя землю, на которой ты странствуешь, всю землю Ханаанскую, во владѣніе вѣчное“ [1]). „Я Господь, Богъ твой... Творящій милость до тысячи родовъ любящихъ Меня“ [2]). Въ Библіи даже подчеркивается, что награда потомкамъ дается не потому, что они ее заслуживаютъ, а лишь потому, что она была дана дѣйствительнымъ услужникамъ безъ ограниченія во времени; сами же потомки не только не заслуживаютъ награды, но, наоборотъ, —заслуживаютъ наказаніе. „Не за праведность твою и не за правоту сердца твоего идешь ты наслѣдовать землю ихъ (другихъ народовъ), обращается Іегова къ этимъ потомкамъ, но... дабы исполнить слово, которымъ клялся Господь отцамъ твоимъ Аврааму, Исааку и Іакову. Посему знай (нынѣ), что не за праведность твою Господь, Богъ твой, даетъ тебѣ овладѣть сею доброю землею, ибо ты народъ жестоковыйный“ [3]).

Древность, по существу, индивидуальной награды не знаетъ. Подвигъ члена группы—здѣсь подвигъ всей группы; слава члена рода—слава всего рода; слава члена города—слава всего города [4]).

Этимъ фактомъ объясняется то широко-распространенное въ древности явленіе, что честь человѣка зависитъ отъ чести его группы или рода. Слава, полученная какимъ-нибудь родоначальникомъ, не ограничивалась его собственной славой, но неизбѣжно распространялась на всѣхъ его „сочленовъ“ и переходила за предѣлы его времени—къ будущему потомству. Отсюда—понятно,

---

[1]) Бытія, 17 г. 7—8, тоже гл. 22, 26, 28, 35.
[2]) Исходъ, 20 гл., 23, 34, Втораз. 7 гл.
[3]) Второзаконіе, гл. 9.
[4]) Вспомните споръ греческихъ городовъ о томъ, кому изъ нихъ принадлежитъ честь назвать своимъ одного изъ семи греческихъ философовъ.

что въ древности всюду (см. напр. въ Иліадѣ) честь человѣка—опредѣляется честью его рода. „Справедливо указывали, говоритъ Зиммель, что... у грековъ, у римлянъ, у германцевъ, знатное происхожденіе имѣло цѣну, далеко превосходившую реальную силу и значеніе личности. Благородное происхожденіе, рядъ предковъ, ведущій свое начало отъ боговъ, является едва ли не высшимъ изъ всего того, что воспѣваетъ греческій поэтъ; у римлянъ несвободное происхожденіе налагало на человѣка несмываемое пятно, а у германцевъ различіе въ происхожденіи было основаніемъ для глубокаго правового неравенства“ [1]). На этой именно почвѣ, какъ увидимъ подробнѣе ниже, возникли и держались такіе институты, какъ касты, свойственныя древности, и являющіяся ничѣмъ инымъ, какъ внѣшними проявленіями этой неограниченности наградъ во времени. Принципъ наслѣдственности соціальныхъ привиллегій, принципъ, опять-таки свойственный „старому порядку“ (наслѣдственная аристократія, наслѣдственныя соціальныя привиллегіи и т. д.) болѣе общее явленіе даннаго же порядка—неограниченности наградъ во времени и пространствѣ.

Ихъ существованіе—проявленіе даннаго же принципа..

Итакъ, сказанное позволительно резюмировать слѣдующимъ образомъ: въ древности награды, подобно карамъ, были неограниченны во всѣхъ отношеніяхъ 1) и по своей интенсивности—все могло быть и было наградой вплоть до людей и ихъ благъ. Это видно изъ институтовъ людоѣдства и рабства, въ которыхъ человѣкъ былъ простой „res“, 2) и по своей протенсивности — награждается не только самъ „услужникъ“, но и его „присные“, 3) и по времени—за услугу награда слѣдуетъ не только услужнику, но и его потомству. Это обнаруживается въ кастовомъ устройствѣ древняго общества, въ наслѣдственности соціальнаго положенія и, вообще, въ общественномъ (но не техническомъ) раздѣленіи труда. Таковы общіе штрихи неограниченности наградъ въ древности [2]).

---

[1]) Зиммель. Соціальная дифференціація. 42—43.

[2]) То же явленіе проявляется и въ древнихъ сказкахъ, гдѣ очень часты такія обращенія къ услужникамъ: „проси себѣ, чего ты хочешь“, „проси себѣ, какую хочешь награду“.

Теперь посмотримъ, какова была дальнѣйшая судьба ихъ.

Историческій процессъ показываетъ, что ростъ соціальнаго взаимодѣйствія, выражающійся во внѣ въ видѣ расширенія соціальныхъ круговъ и усложненія соціальныхъ отношеній, сопровождается и параллельнымъ процессомъ паденія наградъ, какъ по интенсивности, такъ и по ихъ протенсивности. Ограниченіе и паденіе интенсивности наградъ выражается прежде всего въ томъ, что человѣкъ перестаетъ быть мало-по-малу „предметомъ“ наградного акта. Смѣна антропофагіи рабствомъ, рабства—крѣпостничествомъ, крѣпостничества—паденіемъ сословій и свободнымъ человѣкомъ—ясно говоритъ о постепенной тенденціи исключенія человѣка изъ „предметовъ“ награды, а тѣмъ самымъ—тенденціи ограниченія содержанія послѣдней. Дѣйствительно, антропофагія означаетъ абсолютную неограниченность въ эксплуатаціи, и въ распоряженіи человѣка человѣкомъ. Здѣсь правиломъ служитъ то, что для рабства является уже исключеніемъ, —а именно—право отнятія жизни и фактическое убійство ради удовлетворенія своихъ аппетитовъ.

Замѣна этого института рабствомъ, гдѣ отнятіе жизни служитъ уже исключеніемъ—громадный шагъ впередъ. Хотя рабъ, говорятъ, былъ и res, а не persona, хотя dominus имѣлъ надъ нимъ de jure jus vitae necisque—но лишеніе жизни раба фактически сдѣлалось уже исключеніемъ въ общемъ правилѣ. Это означаетъ, что когда человѣкъ при рабствѣ передавался кому-нибудь въ качествѣ награды—то услужникъ получалъ надъ нимъ, фактически, уже не полную власть, а власть использовать всѣ его силы, но не распоряжаться его жизнью въ силу простого каприза... Таковъ первый этапъ ограниченія. Если теперь остановимся на эволюціи рабства—то и здѣсь исторія его показываетъ ту же тенденцію. Вначалѣ права господина надъ рабомъ совершенно не ограничены, онъ можетъ дѣлать съ нимъ все, что ему угодно. Но затѣмъ, мало-по-малу появляется рядъ ограниченій правъ господина.

Такъ, напр., въ Римѣ lex Petronia воспретилъ отдавать рабовъ ad bestias depugnandas, Адріанъ подчиняетъ контролю судовъ право приведенія въ исполненіе jus vitae ac necis господина, Ант. Пій даетъ рабамъ право жаловаться на жестокость и злоупотребленія господъ; наряду съ этимъ постепенно увеличивается

число случаевъ освобожденія раба помимо воли господина; таковы случаи освобожденія императорской эпохи: a) ex edicto Glaudiano, b) освобожденіе въ награду за открытіе убійцы господина, c) вступленіе въ монастырь или въ духовный санъ и d) 20-ти лѣтняя давность пользованія свободою bona fide. „Внѣшнее положеніе рабовъ постоянно улучшалось, говоритъ Э. Мейеръ, законодательство беретъ раба подъ свою защиту и старается оградить его стъ наиболѣе крайнихъ насилій и злоупотребленій. Правда, оно не могло даровать ему самостоятельнаго права существованія. Но фактическія условія уже давно далеко опередили положеніе закона. Установившійся обычай признаетъ за рабомъ право пріобрѣтать собственность (peculium), которая уважается его господиномъ, и при посредствѣ которой онъ можетъ откупиться на свободу. Если не юридически, то фактически получаютъ признаніе и брачныя отношенія рабовъ (contubernium), и многіе господа позволяютъ своимъ рабамъ составлять духовныя завѣщанія (quasitestamenta)“ [1]) и т. д. Во II и въ III-мъ вѣкѣ, какъ мы знаемъ, рабство падаетъ и переходитъ въ институтъ колоновъ и въ институтъ крѣпостничества, которые, при всей ихъ непривлекательности--все же были дальнѣйшимъ шагомъ въ эволюціи постепеннаго исключенія человѣка изъ „предметовъ“ награды.

Наконецъ, сословныя рамки средневѣковья, въ свою очередь, сметаются и наступаетъ эпоха договорнаго свободнаго труда, въ которой всякій человѣкъ перестаетъ быть res и исключается изъ предметовъ награды совершенно. Онъ становится самоцѣнностью.

Тотъ же процессъ происходилъ и повсюду [2]). Въ данный моментъ человѣкъ уже ни въ коемъ случаѣ не можетъ служить предметомъ награды ни для кого и ни для чего. Никто не имѣетъ права награждать кого-бы то ни было ни старымъ, ни молодымъ человѣкомъ, передавать кому бы то ни было право жизни и смерти надъ нимъ, въ качествѣ награды за услугу. Наша морально-правовая совѣсть возмущается этимъ. Пусть этотъ процессъ шелъ изгибами—но людоѣдства больше нѣтъ, международное право все болѣе и болѣе ограничиваетъ произволъ

---

[1]) Э. Мейеръ. Рабство въ древности. СПБ. 1899 г. 46.

[2]) См. Петурно. Эволюція рабства. Изд. Сытина. Москва 1897 г. Ковалевскій. Соціологія., т. II., гл. VII.

побѣдителей надъ побѣжденными, рабство исчезло, крѣпостничества нѣтъ, они канули въ Лету и невозможно ихъ возвращеніе...

Такимъ образомъ человѣкъ—первое ограниченіе интенсивности наградъ. Но ограниченіе „предметовъ"-наградъ не кончается исключеніемъ только человѣка изъ предметнаго дополненія наградъ. Разъ самъ «человѣкъ», какъ самоцѣнность, пересталъ быть предметомъ наградъ, вмѣстѣ съ тѣмъ пересталъ фигурировать, въ качествѣ «предметнаго» дополненія наградного акта, и рядъ предметовъ и существъ, связанныхъ съ человѣкомъ: прежде всего его «присные»—жена, дѣти, etc.

Далѣе исключается та совокупность благъ, которая составляетъ его собственность. Это особенно рѣзко проявляется въ фактахъ войнъ. Раньше, какъ уже выше было показано, однимъ изъ средствъ, которымъ старались побудить солдатъ на большую храбрость, было обѣщаніе предоставить имъ въ качествѣ награды въ ихъ полное распоряженіе взятые города, ихъ населеніе и все «благо» этого населенія. И исторія показываетъ, что города дѣйствительно разрушались, населеніе убивалось или обращалось въ рабство, женщины насиловались, имущество побѣжденныхъ становилось добычей побѣдителей и т. д. Иначе обстоитъ дѣло теперь. Какъ бы ни были велики жестокости современной войны, однако, до такихъ звѣрствъ дѣло все же не доходитъ, а если и бываетъ нѣчто подобное въ видѣ исключительнаго случая—то вызываетъ всеобщее и единодушное порицаніе. Теперь побѣдители, овладѣвшіе тѣмъ или инымъ городомъ, не отбираютъ отъ бывшихъ собственниковъ-побѣжденныхъ ихъ земли, не насилуютъ женъ и не убиваютъ мирное населеніе; нѣтъ, они только временные гости среди побѣжденныхъ, права которыхъ не нарушаются побѣдителями. Во всякомъ случаѣ, ни одинъ изъ современныхъ полководцевъ не рискнетъ и не рискуетъ для приданія солдатамъ большей храбрости обѣщать имъ въ видѣ добычи все населеніе и имущество побѣжденныхъ. Напротивъ, нормальнымъ для нашего времени служатъ призывы, какъ разъ обратные: поступать съ побѣжденными гуманно, не оскорблять ихъ правовыхъ и религіозныхъ нормъ, гарантія жителямъ побѣжденныхъ городовъ неприкосновенности ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ и т. д.

Тотъ же процессъ постепеннаго ограниченія «предметовъ» награды проявляется и въ исторіи любой страны и въ исторіи Рос-

сіи, въ частности. И у насъ раньше люди, цѣлыя селенія и города фигурировали въ качествѣ предметовъ-награды... Стоитъ вспомнить древніе обычаи даренія рабовъ, крѣпостныхъ, цѣлыхъ волостей и городовъ, обычаи весьма распространенные еще во времена Петра и Екатерины—чтобы это было очевидно.

Что же видимъ мы теперь? Въ наше время, въ качествѣ „предметовъ"-награды, фигурируютъ съ 1859 г. лишь слѣдующія вещи: (III-й томъ свода Законовъ) Общія гражданскія награды по закону исчерпываются: Высочайшимъ благоволеніемъ, чинами, орденами, знаками отличія Краснаго Креста, арендой, землей, пенсіями и пособіями, подарками отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, единовременными денежными выдачами, званіемъ личнаго и потомственнаго гражданина и дворянина, медалями, кафтанами, предоставленіемъ правъ государственной службы лицамъ, йхъ неимѣющимъ, и несчитаніемъ судимости. Этимъ исчерпываются почти всѣ виды общегражданскихъ наградъ.

Равнымъ образомъ мы не находимъ никакихъ исключительныхъ наградъ и духовнымъ, военнымъ и морскимъ чиновникамъ и „услужникамъ".

Обычныя награды духовенства заключаются въ награжденіи камилавкой, наперстнымъ крестомъ, чиномъ протоіерея и т. п.

Награды по военной и морской службѣ таковы: 1) Высочайшее благоволеніе, 2) чины, 3) ордена, 4) назначеніе арендъ и пожалованіе земель, 5) подарки съ вензелевымъ изображеніемъ Высочайшаго имени, 6) единовременныя денежныя выдачи, переводъ въ гвардію, золотое оружіе, знаки отличія безпорочной службы, медали, кресты и медаль за спасеніе погибающихъ.

Я отлично знаю, что подъ этими скромными видами современныхъ наградъ кроются подчасъ довольно значительныя привиллегіи и денежныя суммы, но все же это не то, что было въ прошломъ, все же это въ лучшемъ случаѣ денежное вознагражденіе изъ суммъ государства, а не награда, предоставляющая одному человѣку другого съ его семьей, не jus vitae necisque.

Тѣми же видами ограничиваются и награды Западно-Европейскихъ кодэксовъ.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что съ развитіемъ соціальнаго процесса область наградъ ограничивается прежде всего тѣмъ, что рядъ предметовъ и, прежде всего, человѣкъ, мало-по-малу перестаютъ

фигурировать въ качествѣ предметнаго дополненія наградного акта.

Но награды ограничиваются не только въ этомъ смыслѣ, онѣ ограничиваются и во времени, т.-е. награда въ видѣ тѣхъ или иныхъ привиллегій дается человѣку уже не на „безконечное“ время, не распространяется на все его потомство, а касается только личности самого „услужника“. Доказывать этотъ тезисъ не приходится, ибо вполнѣ достаточнымъ доказательствомъ служитъ процессъ постепеннаго паденія „общественнаго раздѣленія труда“, иначе говоря—процессъ паденія наслѣдственнаго прикрѣпленія къ опредѣленной кастѣ или сословію. Что кастовое и сословное устройство общества—неразрывно связанное съ древними государствами, напр., съ древнимъ Китаемъ, Мексикой, Перу, Египтомъ, Индіей, Персіей, Греціей и Римомъ—пало—это несомнѣнно. Въ наше время юридическое положеніе отца уже не опредѣляетъ положеніе сына. „Наслѣдственность профессіи, вполнѣ правильно замѣчаетъ Буглэ, не является больше правиломъ. Теоретически всѣ профессіи открыты для всѣхъ. Съ другой стороны никакая профессія не ограничиваетъ болѣе соціальную подвижность (вступленіе въ нее и выходъ изъ нея) своихъ членовъ, никакой соціальный кругъ болѣе не находится подъ запретомъ“ (tabou) [1]).

Не менѣе правъ и Л. І. Петражицкій, когда говоритъ, что „преимущественныя права по соціальному положенію (по кастамъ, сословіямъ, классамъ, профессіямъ и т. д.) слабнутъ и вымираютъ... На основаніи соотвѣтственнаго историческаго матеріала можно... относительно привиллегій по соціальному положенію утверждать, что онѣ осуждены на полное вымираніе“ [2]).

Съ поступательнымъ ходомъ исторіи временная неограниченность наградъ все болѣе и болѣе падаетъ. „Декларація правъ человѣка и

---

[1]) См. C. Bouglé. La démocratie devant la science. Paris. 1904. 152 и passim. См. Его же. Le régime des castes. 1908. Его же. Эгалитаризмъ. (СПБ. 1904).

[2]) Петражицкій Теорія права, т. I. 90, 91. Вообще изъ обширнѣйшей литературы по данному вопросу см. М. Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Его же Прогрессъ. Вѣстникъ Европы. 1912 февраль. De Roberty. Sociologie de l'action. passim. Lalande. La dissolution opposée'à l'evolution. Paris. Alcan, работы Михайловскаго, Токвиля, Тарда и т. д.

гражданина“ во Франціи, табель о рангахъ“ у насъ и принципъ“ равенства всѣхъ передъ закономъ“, вошедшій въ правовой строй всѣхъ цивилизованныхъ государствъ, являются внѣшними показателями паденія наслѣдственности наградъ или привиллегій. Правда, у насъ сохранились еще титулы „потомственныхъ“ дворянъ и гражданъ, нѣчто подобное сохранилось еще и на западѣ—но все это пережитки, обреченные на вымираніе, и теперь уже потерявшіе специфически-кастовый характеръ, такъ какъ они открыты для каждаго, кто удовлетворяетъ извѣстнымъ требованіямъ, хотя бы раньше принадлежалъ и не къ этому классу...

Демократическое движеніе, неотдѣлимое отъ принципа равенства, является обратной стороной этого процесса ограниченія и паденія временной неограниченности наградъ. Торжество перваго означаетъ крушеніе вторыхъ, а что демократизмъ и эгалитаризмъ растутъ (хотимъ ли мы этого или нѣтъ)—это стоитъ внѣ сомнѣнія. „Равенство передъ закономъ есть минимумъ, закрѣпленный за всѣми гражданами государства, говоритъ Бугле. Архаическое право жило раздѣленіями. Оно соизмѣряло штрафы съ рангомъ, съ расой, съ вѣроисповѣданіемъ. Всѣ эти различія отброшены новѣйшимъ правомъ. Всѣ конституціи XIX-го вѣка имѣютъ въ качествѣ основного принципа принципъ равенства всѣхъ передъ закономъ. Почти всѣ добавляютъ тутъ же, что граждане имѣютъ равное право на занятіе общественныхъ должностей (sont égaux devant les fonctions publiques) и могутъ быть допущены къ ихъ исполненію. При старомъ режимѣ большая часть публичныхъ должностей была наслѣдственной или продажной... Современное право выбросило всѣ запрещенія этого рода“. Прибавьте къ этому постоянно растущее расширеніе избирательныхъ круговъ, все шире и полнѣе осуществляемый принципъ всеобщаго голосованія, все увеличивающееся число чисто демократическихъ законовъ и т. д.—едва ли послѣ всего этого будетъ неосторожностью сказать, что демократизмъ быстро растетъ, а слѣдовательно, наслѣдственныя награды и привиллегіи быстро падаютъ [1]).

Итакъ, первое подтвержденіе паденія наградъ—это ихъ постепенное ограни-

---

[1]) Бугле. La démocratie. 2, 3 и слѣд. М. Ковалевскій. Соврем. соціологи. 169. Его же Происхожденіе современной демократіи.

ченіе какъ по „интенсивности“, такъ и повременной и количественной „безконечности“, каковыми онѣ были въ прошлыхъ этапахъ историческаго развитія.

C) Та же тенденція паденія наградъ доказывается и тѣмъ, что весьма многочисленный разрядъ поступковъ человѣческихъ, поступковъ, которые вначалѣ совершались лишь подъ вліяніемъ наградъ въ дальнѣйшемъ, благодаря многократному повторенію ихъ— съ одной стороны, и соціально-полезному ихъ характеру — съ другой, стали совершаться безъ наградъ, спонтанно и самопроизвольно... [1]).

Этотъ разрядъ фактовъ весьма многочисленъ и разнообразенъ, поэтому привести хотя бы большую часть ихъ нѣтъ возможности. Я приведу лишь нѣкоторые изъ нихъ.

a) Встарину сохраненіе жизни плѣннымъ возможно было только подъ условіемъ выкупа—награды; это относится одинаково какъ къ первобытнымъ народамъ, такъ и къ средневѣковью.

Иліада даетъ прекрасныя иллюстраціи къ этому положенію. Приведу одинъ изъ нихъ. Ликаонъ, побѣжденный Ахилломъ, обнимаетъ его колѣни и говоритъ ему:

„Вотъ у твоихъ я колѣнъ! Ты внемли моей просьбѣ и сжалься...
Въ день, какъ меня ты забралъ среди нашего пышнаго стада
И на священный Лемносъ, отъ отца и дружины далеко
Моремъ послалъ, чтобы продать. И тебѣ сто быковъ я доставилъ.
Нынѣ же втрое тебѣ за свободу принесъ бы я выкупъ“.
Но и выкупъ безполезенъ въ данномъ случаѣ.

---

[1]) Это явленіе—коррелятивно-аналогичному же явленію въ области каръ, которое было проиллюстрировано нами выше на рядѣ фактовъ. Здѣсь, для экономіи времени и мѣста я привожу лишь нѣсколько фактовъ. При желаніи эти факты могли бы быть увеличенными ad libitum. См. также Петражицкій. Къ вопросу о соц.-идеалѣ. 32 и слѣд.

„Выкупа мнѣ не сули, не прельщай, о безумецъ, словами!—
отвѣчаетъ Ахиллъ,
Прежде, покуда Патроклъ судьбой еще не былъ настигнутъ,
Сердцу отраднѣй казалось щадить благородныхъ Троянцевъ.
Многихъ тогда забиралъ я живьемъ, продавая ихъ въ рабство—
Нынѣ-жъ никто не спасется отъ смерти!“ И онъ убиваетъ Ликаона [1]).

Обычными исходами для побѣжденнаго въ эти времена были либо смерть, либо рабство, освобожденіе отъ котораго возможно было только подъ условіемъ громадной награды.

Теперь же, какъ извѣстно, международное право всѣхъ государствъ заставляетъ съ плѣнными обращаться гуманно и по окончаніи войны безъ всякаго выкупа они возвращаются на родину.

b) Подобно этому, въ эпоху мести виновникъ и его семья могли избѣжать кровнаго отмщенія лишь подъ условіемъ той же награды въ видѣ выкупа. Теперь же, хотя и нѣтъ никакой награды, однако отмщеніе не слѣдуетъ за оскорбленіемъ.

Актъ воздержанія отъ соціально-вреднаго поступка мести совершается самъ собой безъ всякаго наградного давленія.

c) Раньше, чтобы побудить лицъ, призванныхъ къ исполненію общественныхъ функцій, къ добросовѣстному и усердному исполненію этихъ функцій, необходимо было давленіе на ихъ поведеніе награды и кары. Безъ этихъ рычаговъ, разъ они существовали, очевидно, невозможно было добросовѣстное исполненіе ими своихъ обязанностей. Отсюда—распространенный въ древности обычай поштучнаго вознагражденія, взиманіе виры въ свою пользу за каждый актъ суда и расправы, безмѣрныя награды побѣдителямъ [2])—въ видѣ римскихъ тріумфовъ, львиная доля въ военной добычѣ въ пользу вождей и героевъ. Громадныя выгоды, падавшія на долю проконсуловъ, пропреторовъ, намѣстниковъ, сатраповъ и т. д.

---

[1]) Иліада. XXI, 75—110.
[2]) См. П е т р а ж и ц к і й. Акціи... стр. 20.

Теперь же подобные пріемы воздѣйствія на поведеніе лицъ, исполняющихъ общественныя функціи, отошли въ область исторіи. Съ одной стороны исчезли такія исключительныя награды, какъ тріумфы и громадныя привиллегіи, назначаемыя правителямъ областей. Съ другой, вмѣсто поштучнаго вознагражденія имѣется строго опредѣленное жалованье, точная опредѣленность котораго и говоритъ о томъ, что здѣсь дѣло идетъ не о приманкѣ, которая нужна для людей грубыхъ, а о необходимомъ условіи для исполненія своихъ обязанностей; что же касается добросовѣстности ихъ исполненія—то точная фиксація жалованья и говоритъ о томъ, что она само собой предполагается, что добросовѣстность выполненія общественныхъ функцій сдѣлалась уже «долгомъ», и не требуетъ то обильныхъ наградъ, то жестокихъ каръ.

Это воздѣйствіе наградной приманки раньше практиковалось не только по отношенію къ простымъ смертнымъ, но и по отношенію къ монархамъ, и къ вождямъ. Теперь же по отношенію къ монархамъ подобные пріемы не употребляются. Теперь предполагается, что монархъ безъ всякихъ карательно-наградныхъ санкцій будетъ работать честно на общую пользу.

Отсюда принципъ а б с о л ю т н о й б е з о т вѣ т с т в е н н о с т и м о н а р х а. Это въ наше время, пожалуй, единственное лицо, стоящее абсолютно внѣ каръ и наградъ, а тѣмъ самымъ лицо, работающее внѣ всякихъ корыстныхъ соображеній на общую пользу, ради самой общей пользы...

Встарину же ничего подобнаго не было; не было принципа безотвѣтственности монарха, точно—опредѣленнаго цивильнаго листа и т. д.; вмѣсто всего этого употреблялись карательно-наградныя приманки: въ случаѣ услуги—грандіозная награда; въ случаѣ неудачи—кара [1]).

d) То же измѣненіе произошло и съ исторіей народнаго представительства.

Раньше депутатъ получалъ отъ своихъ избирателей мандатъ, который онъ долженъ былъ о б я з а т е л ь н о защищать и ни на іоту не отступать отъ него („повелительный мандатъ“). Въ этомъ случаѣ онъ получалъ награды и могъ быть депутатомъ. Если же онъ позволялъ уклоняться отъ тѣхъ предписаній, ко-

---

[1]) Беру у Л. І. П е т р а ж и ц к а г о.

торыя вручены ему были мандатомъ избирателей, онъ лишался избирателями депутатскаго званія (кара).

Иначе обстоитъ дѣло теперь. Теперь депутатъ ничѣмъ не связывается, онъ дѣйствуетъ по своей совѣсти и убѣжденію („представительный мандатъ“). Очевидно, что такое положеніе дѣла могло получиться только тогда, когда дѣйствительно соціально-полезная защита интересовъ избирателей сдѣлалась „долгомъ“, присущимъ самому депутату. Разъ это такъ, то, понятно, что всякіе карательно-наградные акты излишни въ этомъ случаѣ...

e) Раньше, почти вплоть до новаго времени, акты взаимной помощи и многочисленные акты защиты одного человѣка другимъ могли совершаться только при условіи награды. Не говоря о первобытныхъ временахъ—достаточно указать для этого средніе вѣка съ отношеніями синьора къ вассалу. За охрану и покровительство со стороны синьора вассалъ долженъ былъ вознаградить его рядомъ „услугъ“ съ своей стороны—быть вѣрнымъ ему, сражаться за него, выкупать его изъ плѣна и т. д. Но соціальная полезность этихъ актовъ обусловила собой то положеніе, что теперь подобное спасеніе жизни, здоровья и независимости другого стало внутренней потребностью и «долгомъ». Это проявляется какъ въ многочисленныхъ индивидуальныхъ актахъ самопожертвованія и альтруизма, такъ и въ публично-правовыхъ институтахъ „охраненія народнаго здравія“, общественной безопасности, пріютахъ, въ безплатныхъ столовыхъ, въ общественной помощи голодающимъ, калѣкамъ, въ организаціи безплатныхъ больницъ, безплатныхъ лекцій, школъ и библіотекъ, амбулаторій, консультацій, концертовъ, страхованій отъ старости, несчастныхъ случаевъ, увѣчья, безработицы и т. д. и т. д... Всѣ эти безконечно-разнообразные институты, растущіе съ каждымъ днемъ, говорятъ о томъ же процессѣ перехода ряда актовъ, ранѣе совершавшихся лишь подъ условіемъ наградъ, въ акты, совершающіеся добровольно, и сдѣлавшіеся внутреннимъ, органически-потребнымъ долгомъ.

f) Какъ частный случай общаго явленія-паденія и ненужности давленія санкцій для достиженія добросовѣстнаго исполненія соціально-полезныхъ поступковъ—можно привести тѣ факты, которые показываютъ, какъ добывалось это добросовѣстное исполненіе обязанностей отъ различныхъ лицъ: докторовъ,

архитекторовъ, конопатчиковъ, строителей лодокъ и т. д. въ прошломъ и теперь. Раньше для достиженія отъ соотвѣтствующаго лица добросовѣстнаго поведенія употреблялись самыя жестокія санкціи: поштучныя награды и жестокія кары... Чтобы показать яснѣе, въ чемъ здѣсь дѣло—приведу нѣсколько статей изъ закона Гаммураби.

„Если докторъ, читаемъ тамъ, лѣчилъ тяжело раненаго... и вылѣчилъ его, если онъ открылъ бѣльмо человѣка... и вылѣчилъ глазъ...—онъ получитъ 10 сиклей серебра".

„Если докторъ лѣчилъ тяжело раненаго... и человѣкъ этотъ умеръ, если докторъ открылъ бѣльмо... и испортилъ глазъ—пусть ему отрѣжутъ руки".

„Если архитекторъ построилъ домъ для другого и довелъ его до благополучнаго конца, этотъ другой долженъ дать архитектору въ качествѣ награды (pour son cadeau) два сикля серебра", (deux cicles d'argent, par Sar de superficie).

„Если архитекторъ построилъ домъ... и если построенный домъ развалился и убилъ своего хозяина, этотъ архитекторъ присуждается къ смерти".

„Если судовщикъ (batelier) законопатилъ судно для кого-нибудь, этотъ послѣдній долженъ дать судовщику два сикля серебра въ качествѣ награды" (pour sa récompense).

Теперь такія двустороннія санкціи немыслимы, невозможны и излишни.

Если операція доктора не удалась—то никто не приказываетъ отрѣзать ему руки.

Если больной излѣченъ докторомъ (земскимъ, городскимъ и т. д.) вовсе не обязательно давать ему гонораръ... Паденіе санкцій совершилось съ той и съ другой стороны, а это говоритъ, именно, о томъ, что доктора, архитектора и т. д. въ огромномъ большинствѣ случаевъ теперь уже и безъ нихъ достаточно добросовѣстно относятся къ своей задачѣ и обязанности.

То же mutatis mutandis относится и къ другимъ соціально-полезнымъ актамъ.

g) Не увеличивая примѣровъ, достаточно, наконецъ, сослаться какъ на ф а к т ъ—на прогрессъ морально-правовыхъ ученій. Процессъ ихъ развитія кратко можно формулировать такъ: вначалѣ они гласили: „н е д ѣ л а й т о г о-т о, ибо если сдѣлаешь—то будетъ такая-то кара, а если воздержишься, будетъ такая-то награда". (Посюсторонняя и потусторон-

няя карательно-наградная мотивація). Теперь же нормой можетъ служить мораль самоцѣнности добра, особенно рѣзко формулированная Кантомъ. „Ты долженъ что-нибудь дѣлать или не дѣлать не потому, что за это ждутъ тебя кары или награды, а исключительно изъ любви къ самому долгу“. Отсюда—„поступай такъ, чтобы максима твоей воли всегда могла въ то же время имѣть значеніе принципа всеобщаго законодательства“ [1]) (Кантъ, Христосъ, Конфуцій, Толстой и т. д.).

Что этотъ принципъ растетъ, и все болѣе и болѣе входитъ въ жизнь, что чѣмъ выше психика даннаго лица, тѣмъ меньше она нуждается въ карахъ и наградахъ—все это не теорія, а фактъ, могущій быть на каждомъ шагу констатированнымъ...

А все это вмѣстѣ взятое говоритъ о томъ, что по мѣрѣ роста соціальности совершается постепенное нравственное восхожденіе на новыя и новыя ступени; то, что раньше дѣлалось только подъ вліяніемъ каръ или наградъ, въ дальнѣйшемъ—разъ оно соціально полезно—становится внутренно—потребнымъ долгомъ, совершается безъ всякихъ наградъ, а слѣдов., и сами награды, дѣлаясь излишними, падаютъ и теряютъ свое значеніе.

D) Дальнѣйшимъ показателемъ той же тенденціи служитъ историческая линія постепеннаго ограниченія «вмѣняемыхъ» субъектовъ услуги (и преступленія), ведущая, въ свою очередь, къ постепенному ограниченію и награждаемыхъ лицъ [2]). Подобно тому, какъ въ области преступленій все болѣе и болѣе ограничивается область «вмѣняемыхъ» преступниковъ (а тѣмъ самымъ и область караемыхъ лицъ), подобно тому, какъ съ ростомъ сознанія вина съ головы преступника все болѣе и болѣе переходитъ на общество, также и здѣсь «героическій» культъ богоподобныхъ «услужниковъ» все болѣе и болѣе меркнетъ и все болѣе и болѣе заслуга переносится на плечи общества. Культъ героевъ даже у такихъ лицъ, какъ Карлейль, лишь слабое отраженіе того культа, который былъ свойствененъ первобытнымъ людямъ, приписывавшимъ своимъ героямъ такіе «услуги»

---

[1]) См. Кантъ. Основоположенія метафизики нравовъ.
[2]) См. гл. IV (выше).

и «подвиги», которые Карлейль все же не могъ приписать «героямъ». Съ этой точки зрѣнія весь историческій процессъ можетъ разсматриваться, какъ постепенное замѣщеніе подвиговъ и услугъ, раньше приписывавшихся отдѣльнымъ лицамъ, подвигами той «безголовой и безличной толпы, которая называется «массой», народомъ, обществомъ» и т. д. Современная исторія уже больше не объясняетъ процвѣтаніе или паденіе какого-нибудь общества, а равнымъ образомъ и любое историческое событіе, «подвигами» или «преступленіями» отдѣльныхъ лицъ, героевъ, царей, вождей и т. д. Она покончила счеты съ «героизмомъ» и разъ навсегда съ нимъ разсталась... А это говоритъ, какъ нельзя рельефнѣе, именно о томъ, что «услуга» мало-помалу перестаетъ приписываться отдѣльнымъ лицамъ, она соціализируется, а поэтому соціализируется и награда... Выше же было указано, что соціализированная награда перестаетъ быть наградой, а становится нормой...

Этотъ, самъ по себѣ кажущійся весьма незначительнымъ, фактъ играетъ и игралъ громадную роль въ соціальной жизни по отношенію къ наградамъ и вообще привиллегіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, поскольку мы тому или иному индивиду приписываемъ громаднѣйшія услуги, тѣмъ самымъ мы приписываемъ ему и право на соотвѣтственныя награды. И чѣмъ большимъ будетъ приписываемый индивиду «подвигъ», тѣмъ большую награду онъ получаетъ со стороны приписывающихъ. Таково положеніе дѣла теперь, таково же оно было и въ прошломъ. Б о л ь ш а я у с л у г а в л е ч е т ъ за с о б о й и б о л ь ш у ю н а г р а д у; м е н ь ш а я у с л у г а—м е н ь ш у ю; б е з к о н е ч н о-б о л ь ш а я у с л у г а — б е з к о н е ч н о-б о л ь ш у ю н а г р а д у. Такова пропорціональность взаимоотношенія услуги и награды, существовавшая на протяженіи исторіи. Здѣсь, конечно, не важно, основательно и разумно ли приписывалась тому или иному индивиду та или иная услуга. Важенъ лишь тотъ фактъ, что кѣмъ-нибудь приписывается кому-нибудь совершеніе того или иного подвига... Разъ онъ приписанъ кому-нибудь, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ является наградная реакція, по крайней мѣрѣ, со стороны приписывающихъ... Фактически, конечно, это приписываніе сплошь и рядомъ было ложнымъ, невѣрнымъ; но это не измѣняетъ сути дѣла...—именно, пропорціональности приписываемыхъ услугъ и наградъ...

Если эта пропорціональность дѣйствительно существовала и существуетъ, то мы должны ее найти въ исторіи. Попытаемся кратко это сдѣлать.

Конкретной формой, въ которой обнаруживаются падающія на долю кого-нибудь (индивида или группы) награды, являются «привиллегіи» и «права» этого индивида или группы. Исторія этихъ привиллегій и должна подтвердить указанную пропорціональность услугъ и наградъ... Вмѣстѣ съ этимъ указанная точка зрѣнія отчасти раскрываетъ и тайну образованія и существованія деспотизма, кастъ, сословій, классовъ—вообще, какъ личныхъ, такъ и групповыхъ привиллегій.

Если вѣрно предыдущее положеніе, то, слѣд., можно утверждать, что совокупность всѣхъ „правъ и привиллегій“, свойственныхъ тому или иному общественному сегменту (кастѣ, классу, или же отдѣльному индивиду) должна быть болѣе или менѣе пропорціональной величинѣ услугъ и подвиговъ, совершеніе которыхъ приписывается данному сегменту или индивиду въ данномъ обществѣ...

Обратимся къ фактамъ. Въ первобытномъ обществѣ мы встрѣчаемъ распаденіе группы на сегменты, основанное на чисто біологическихъ различіяхъ по полу и по возрасту. Мужская часть группы болѣе привиллегирована, чѣмъ женская. А изъ возрастныхъ группъ наиболѣе привиллегированной является группа зрѣлыхъ мужчинъ и не дряхлыхъ стариковъ (геронтократія); наиболѣе безправной группой является группа дѣтей и дряхлыхъ, безпомощныхъ стариковъ...

Нетрудно видѣть, почему такую форму приняло сегментированіе общества. Мужчины являются болѣе привиллегированной частью группы потому, что, благодаря перевѣсу силы и ловкости, они защищали группу отъ внѣшнихъ опасностей, сражались, были болѣе лучшими охотниками и рыболовами, чѣмъ женщины. Такимъ образомъ главнѣйшія „услуги“: защита группы отъ опасности и обезпеченіе ея главными видами пищи лежали на мужчинахъ. Отсюда понятно, что на ихъ долю приходилась и большая часть „наградъ“. Только они участвовали въ правленіи, имъ принадлежало лучшее мѣсто въ шалашѣ, лучшій кусокъ пищи и т. д. Понятнымъ также становится и привиллегированность взрослыхъ группъ.

Взрослые мужчины и не дряхлые старики являются носителями с и л ы и о п ы т а, особенно необходимаго въ эту эпоху. Отсюда понятно, почему только они обсуждаютъ и рѣшаютъ общественныя дѣла, почему только изъ ихъ среды выбирается вожакъ, чародѣй и старѣйшина и т. д. Что же касается дѣтей и дряхлыхъ старцевъ, то, очевидно, ихъ „услуги“ равны нулю, они только лишняя обуза для группы, лишніе потребители пищи, объ избыткѣ которой говорить не приходится. Вслѣдствіе этого нѣтъ ничего удивительнаго, если ихъ жизнью не дорожатъ, если ихъ убиваютъ и съѣдаютъ, особенно въ эпохи голоданія.

Изъ этихъ бѣглыхъ штриховъ мы видимъ, что сегментація первобытнаго общества въ принципѣ подтверждаетъ выставленный тезисъ. Этотъ тезисъ подтверждается и индивидуальными привиллегіями. Наиболѣе привиллегированными особами въ первобытномъ обществѣ являются вождь и чародѣй. Но большія привиллегіи требуютъ отъ нихъ и большихъ подвиговъ и экстраординарныхъ качествъ; такими качествами являются: сила, ловкость, храбрость, хитрость, знаніе чародѣйственныхъ обрядовъ и заклинательныхъ формулъ, увеличивающихъ пищу, предотвращающихъ болѣзни, указывающихъ виновника смерти или болѣзни (смерть и болѣзнь не считаются въ первобытномъ обществѣ естественными явленіями) и т. д.

Все это услуги не малыя; поэтому и привиллегіи за нихъ полагаются чрезвычайныя. Вождь или шаманъ (чародѣй, жрецъ) главнѣйшія лица въ примитивныхъ обществахъ. Безъ этихъ экстраординарныхъ свойствъ никто вначалѣ не можетъ быть вождемъ или чародѣемъ. Примѣровъ, подтверждающихъ пропорціональность услугъ и наградъ, можно привести ad libitum.

Такъ обстоитъ дѣло по даннымъ Б. Спенсера и Гиллена у австралійцевъ, по Хауиту у Камиларoевъ и Курнаевъ. По Тациту германцы duces ex virtute sumunt. «У Ботокудовъ Бразиліи очень часто междоусобія съ другими группами рѣшаются путемъ поединка. Тотъ, кто останется побѣдителемъ въ немъ и тѣмъ докажетъ свою силу и ловкость, нерѣдко становится вождемъ той группы, которую онъ отстаивалъ. У тасманійцевъ, по описанію Бонвика, также встрѣчается руководительство... всецѣло зависящее отъ личныхъ качествъ того, кто имъ пользуется, отъ его исключительной ловкости въ охотѣ и храбрости, обнаруживаемой при защитѣ охотничьяго района группы». У Ведда есть

«временный предводитель, власть котораго обыкновенно зависитъ отъ возраста, отъ его энергіи и ловкости».

«У южныхъ и юговосточныхъ племенъ (Австраліи) руководительство принадлежитъ обыкновенно старшимъ по возрасту и между ними наиболѣе популярнымъ, т.-е. обезпечившимъ себѣ симпатіи преимуществами ума, силы и хитрости. Первенствующее значеніе ихъ выступаетъ въ томъ, что въ ихъ распоряженіи оказывается большее число женщинъ. Ловкость на охотѣ, умѣнье говорить, храбрость и искусство въ колдовствѣ являются обычными условіями, обезпечивающими тому или иному лицу руководительство всею группою» и т. д. [1]).

Во всѣхъ народныхъ пѣсняхъ вождями бываютъ обычно тѣ или иныя выдающіяся личности. Иліада поетъ про „мужеубійцу Ахиллеса“, „хитроумного и многоопытнаго мужа“ Одиссея и другихъ выдающихся героевъ, Калевала—про Вейнемейнена и Ильмаринена, наши былины про Илью, Добрыню, Алешу и др. богатырей; то же мы видимъ и въ кольцѣ Нибелунговъ, въ Магабгаратѣ и т. д. Слѣд., привиллегія всюду требуетъ подвига, и экстраорд. качествъ. Ни на чемъ иномъ, какъ на вѣрѣ въ чрезвычайную важность услугъ и въ сверхъестественную силу чародѣевъ, основывается вся власть послѣднихъ и всѣ ихъ привиллегіи. И здѣсь выступаетъ та же пропорціональность приписываемыхъ имъ услугъ и соотвѣтственныхъ наградъ.

По воззрѣніямъ отсталыхъ народовъ шаманы „могутъ, когда это оказывается необходимымъ, вступать въ общеніе съ Богами, они сами являются одаренными тѣми способностями, которыми примитивная народность одѣляетъ своихъ сверхъестественныхъ существъ: быстротой, силой, храбростью, ловкостью и способностью къ превращеніямъ. Способность души всякаго человѣка при покиданіи тѣла принимать то ту, то другую внѣшнюю оболочку развита у нихъ въ высшей степени. Обладая ею, они могутъ узнать цѣлый рядъ средствъ, которыя знаютъ только сверхъестественныя существа, и сравняться вполнѣ съ ихъ могуществомъ... Они могутъ вліять на погоду, на пріисканіе мѣстъ для удачной охоты, на успѣхъ битвы и пр., однимъ словомъ, совершать то же, что дѣлаютъ и сверхъестественныя существа“. „Весь міръ чудесъ, непонятный обыкновенному человѣку, оказывается открытымъ шаману—колдуну“. Отсюда чрезвычайный

---

[1]) М. Ковалевскій. Соціологія. т. II, стр. 198, 199 и слѣд.

почетъ, уваженіе и власть шамановъ—кудесниковъ [1]) (жрецовъ).

Таковы основанія привиллегированности вождя и чародѣя. Тамъ же, гдѣ силы и способности того и другого соединяются въ одномъ лицѣ, это лицо становится богоподобнымъ, всесильнымъ, всемогущимъ, оно совершаетъ и въ состояніи совершить громаднѣйшія услуги; отъ его воли зависитъ счастіе всей группы и т. д.

Вотъ та основа, на почвѣ которой выросъ культъ деспотизма и культъ обоготворенныхъ царьковъ и вождей. Такъ какъ услуги ихъ, по воззрѣніямъ группы, безконечны и безграничны, то тѣмъ самымъ безграничны и ихъ привиллегіи (награды). Не будь этой основы—невозможенъ былъ бы и культъ деспотовъ и самый деспотизмъ.

У зулусовъ король пользуется неограниченной властью, потому что приписываемыя ему силы и услуги неограниченны, что видно изъ слѣдующаго гимна: О Pedsubu, царь царей, царь небесъ! Что сильные земли въ присутствіи нашего великаго царя! Что становится съ силой лѣсовъ предъ великимъ слономъ! Своимъ хоботомъ онъ отсѣкаетъ вѣтви деревьевъ!“ то же дѣйствіе имѣетъ шумъ щитовъ и т. д. [2]). „Въ Луангѣ... туземцы, испытывая нужду въ дождѣ, обращаются къ своему властелину, и послѣднему достаточно выстрѣлить изъ лука въ небо, чтобы предупрежденныя такимъ путемъ о требованіи тучи исполнили свою обязанность“ [3]). Въ Египтѣ фараонамъ приписывались тѣ же свойства (напр., управлять разливомъ воды Нила и т. д.).

То же мы встрѣчаемъ и во всѣхъ крупныхъ деспотіяхъ (Ассиро-Вавилонія, Китай, Индія, Персія, Мексика, Перу и т. д.) и въ деспотическихъ группахъ азанаговъ, бенинцевъ, въ Лоанго, въ Катунгѣ, въ Бонду, въ Кіамѣ, у гуанчей, у массы племенъ Полинезіи, Меланезіи, въ Новой Зеландіи, на Мадагаскарѣ и т. д...

Разъ имъ приписываются такія силы и услуги, то вполнѣ понятно, что неограниченными должны быть и ихъ награды. И дѣйствительно, власть деспотовъ

---

[1]) Харузинъ. Этнографія. IV. 396, 397 и слѣд.

[2]) Ковалевскій. Соціологія т. II. 194, 195.

[3]) Летурно. Нравственность. 187 стр. См. массу матеріала у Летурно: въ его Нравственности стр. 181—197, 229—270, 194—195, Evolution juridique, 48—248, Ковалевскій. Соціологія II. 193—197, 211—219 и другіе.

совершенно неограниченна, что проявляется особенно рѣзко въ титулахъ и въ церемоніяхъ: подражаніе собачьимъ движеніямъ передъ деспотомъ, цѣлованіе земли, по которой онъ ходилъ, боязнь взглянуть на него, ползаніе передъ нимъ на животѣ, безграничность жертвъ, приносимыхъ ему и т. д.—все это свидѣтельства безграничности ихъ привиллегій. Насколько онѣ велики—видно изъ слѣдующихъ картинокъ, которыя я позволю привести. „Вся исторія (Мосселикатси, кафрскаго царька) состоитъ изъ длиннаго ряда преступленій. Вполнѣ чуждый всякому чувству гуманности, онъ обрекалъ на смертную казнь воиновъ, потерпѣвшихъ пораженіе въ битвѣ... Подданные принадлежали ему и тѣломъ, и всѣмъ своимъ имуществомъ. Его слово было закономъ. Одинъ его жестъ повергалъ въ трепетъ самыхъ грозныхъ вождей. Вокругъ него постоянно толпились царедворцы: одѣтые въ вычурныхъ костюмахъ, они то танцовали въ честь его, то поклонялись ему въ религіозномъ безмолвіи, то прославляли его величіе въ высокопарныхъ выраженіяхъ: „Царь царей, одно твое дыханіе сожигаетъ твоихъ враговъ, превращая ихъ въ высохшую траву, заставляетъ итти дождь, разрывая тучи молніями“ [1]) и т. д. Слѣдующая сцена изъ жизни зулусовъ еще ярче рисуетъ неограниченность наградъ ихъ деспота.

„Англійскій путешественникъ, M. Fynn былъ свидѣтелемъ такого рода эпидеміи у зулусовъ. Онъ сдѣлалъ объ этомъ подробный докладъ, который потерялъ бы много, если бы мы вздумали передать его въ сокращеніи.

Замѣтимъ между прочимъ, что дѣло шло объ оказаніи погребальныхъ почестей не царьку, а только его матери. Собралось около шестидесяти тысячъ человѣкъ, которые втеченіе одного дня и одной ночи оглашали воздухъ громкими жалобами. Послушаемъ, что говоритъ разсказчикъ: „Послѣ полудня они столпились вокругъ царя Тшака и пропѣли воинственную пѣснь; то былъ нѣкоторый перерывъ. По окончаніи пѣсни, Тшака приказалъ казнить тутъ же на мѣстѣ нѣсколько человѣкъ; возгласы и шумъ въ толпѣ значительно усилились. Съ этой минуты всякія приказанія сдѣлались излишними; желая какъ бы доказать повелителю свое крайнее огорченіе, толпа начала между собою всеобщее избіеніе; множество лицъ получили смертельные удары и нанесли таковые же другимъ, такъ какъ всякій старался

---

[1]) Летурно. Нравственность. 189.

воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы отомстить за свои личныя дѣйствительныя или вымышленныя обиды. Всѣхъ, кому не удавалось извлечь изъ глазъ слезы или которыхъ заставали у рѣки, утоляющими жажду, убивали возбужденные до безумія соплеменники. Къ вечеру, по моему подсчету, въ этой слѣпой рѣзнѣ погибло около семи тысячъ человѣкъ. Ближайшій ручей, къ которому устремилось множество людей, чтобы освѣжить свои запекшіяся уста, оказался неприступнымъ, вслѣдствіе массы труповъ, нагроможденныхъ по обѣимъ ея берегамъ; на самой сценѣ дѣйствія,—краалѣ—кровь текла ручьемъ. На второй день по смерти Мнанди (имя покойной), ея тѣло было положено въ широкую яму не далеко отъ того мѣста, гдѣ она скончалась, и десять красивѣйшихъ дѣвушекъ крааля были заживо похоронены вмѣстѣ съ нею. Двѣнадцать тысячъ вооруженныхъ воиновъ присутствовали при этой ужасной церемоніи и должны были охранять усыпальницу втеченіе цѣлаго года...

„Какъ ни были чудовищны эти похороны, народъ все-таки остался не вполнѣ ими доволенъ, и, съ общаго согласія, предводители предложили приступить къ новымъ жертвоприношеніямъ. Они рѣшили казнить всѣхъ, кто не присутствовалъ на похоронахъ Мнанди, и этотъ отвратительный замыселъ былъ приведенъ въ исполненіе нѣсколькими полками солдатъ, посланными съ этой цѣлью по всей странѣ... Послѣднее и самое изумительное рѣшеніе состояло въ томъ, что втеченіе года всякое рожденіе ребенка или даже только беременность влекли за собой смертную казнь какъ родителей, такъ и ребенка. Это было лишь распространеніе на всѣхъ мѣры, принятой Тшакой въ собственномъ домѣ; вотъ почему онъ далъ на нее свое согласіе и невинная кровь лилась втеченіе цѣлаго года“. По истеченіи назначеннаго срока Тшака рѣшилъ, что еще одна искупительная жертва должна предшествовать обряду, знаменующему конецъ траура. Однако, это жертвоприношеніе, по настоянію M. Fynn, было отмѣнено; ему удалось убѣдить деспота въ необходимости щадить жизнь своихъ подданныхъ. Одной изъ причинъ, которая побудила Тшака уступить, было то, что ему казалось забавнымъ видѣть, какъ бѣлый является въ роли защитника людей, которые по его мнѣнію были всего лишь псами“ [1]).

Пережитками подобныхъ вѣрованій, по вполнѣ справедливымъ

---

[1]) Ibid. 194—195.

словамъ М. М. Ковалевскаго, является соединеніе въ древнѣмъ Римѣ жреческихъ функцій съ королевскими и вѣрованія среднихъ вѣковъ вплоть до 17 столѣтія, что французскій и англійскій короли путемъ простого возложенія рукъ могутъ излѣчить отъ болѣзней (Людовикъ Благочестивый, Карлъ Стюартъ, Анна и т. д. [1]).

Сказанное объясняетъ и привиллегіи кастъ, а равнымъ образомъ и возможность ихъ существованія. Каста воиновъ можетъ существовать только тамъ, гдѣ приходится вести постоянныя войны, гдѣ побѣда врага грозитъ группѣ неисчислимыми бѣдствіями. Вслѣдствіе этого дѣятельность воина пріобрѣтаетъ особенно важное значеніе въ глазахъ группы, естественнымъ послѣдствіемъ чего и являются привиллегіи военной касты. Но разъ появившись и существуя долгое время, эти привиллегіи въ дальнѣйшемъ, когда войны падаютъ, не исчезаютъ сразу, а въ силу вышеуказаннаго закона общественной инерціи, продолжаютъ еще долгое время существовать, хотя ихъ гибель и неизбѣжна... И здѣсь, слѣд., оправдывается принципъ пропорціональности услугъ и наградъ.

То же относится и къ кастѣ жрецовъ. Основаніемъ къ ихъ кастовымъ привиллегіямъ служатъ тѣ воззрѣнія древнихъ обществъ, которыя выше привели мы насчетъ шамановъ.

Всюду, гдѣ мы встрѣчаемъ подобную касту—всюду встрѣчаемъ и подобныя воззрѣнія. Привиллегированное положеніе жреческой касты въ Иранѣ обусловливалось тѣмъ, что жрецы „das Gesetz gut in Ordnung zu halten, nach seinen Vorschriften zu entscheiden und die Opfer zu verrichten, ferner aber den Menschen den Weg zum Himmel zu zeigen und von den Wegen, die in die Hölle führen, abzurathen“; они же были, какъ и всюду, врачами (Alle Zeugnisse, sprechen somit dafür, dass das Priestergeschlecht in westlichen Erân zum wenigsten, ein medisches Geschlecht war“) [2].

То же было и у евреевъ (левиты), въ Римѣ (понтифики, авгуры, феціалы) въ Индіи (брамины) и т. д. Всюду жрецы выполняли рядъ важнѣйшихъ функцій—а поэтому всюду они и пользовались рядомъ привиллегій. И чѣмъ болѣе важныя услуги имъ приписывались—тѣмъ большія награды падали на ихъ долю. Особенно важное значеніе имѣли жрецы въ религіи Ведъ, гдѣ

---

1) См. Ковалевскій. Op. cit. 196 стр.
2) Avesta. Vom Spiegel. 2-т. V, VII.

чрезвычайная роль приписывалась молитвеннымъ формуламъ, которые по воззрѣнію Ведъ имѣли силу измѣнить само теченіе вещей природы, вліять на ея законы и волю боговъ [1]).

Разъ такое значеніе приписывалось формуламъ, то вполнѣ понятно, какъ велика была сила жреца, который зналъ ихъ, и какія услуги онъ оказывалъ, пуская въ ходъ эти формулы...

Отсюда—и привиллегіи жрецовъ, и теорія ихъ превосходства, выразившаяся въ извѣстной космогоніи, гласящей, что браминъ созданъ изъ головы Брахмы, кшатрія—изъ рукъ, Вайсія—изъ бедръ, а Шудра—изъ ногъ Брахмы...

Недурное подтвержденіе того же принципа—пропорціональности услугъ и наградъ—даетъ и исторія католической церкви.

Пока вѣрили въ то, что папа есть намѣстникъ Христа, что онъ имѣетъ власть «рѣшить и вязать грѣхи», освобождать отъ нихъ и налагать проклятія на цѣлыя области, что онъ обладаетъ чудодѣйственной силой и т. д., т.-е. пока приписывался папѣ рядъ важнѣйшихъ услугъ—до тѣхъ поръ власть и сила его были безграничны. Пало это вѣрованіе, а соотвѣтственно и приписываніе услугъ—пали и привиллегіи папства.

То же можно прослѣдить и на исторіи любого сословія, напр., на исторіи дворянства. Въ „Происхожденіи Общественнаго Строя Современной Франціи“ И. Тэнъ достаточно ярко показалъ эту пропорціональность услугъ и наградъ „привиллегированныхъ“.

„Каково бы ни было извѣстное учрежденіе—свѣтское или духовное—современники, наблюдающіе за нимъ въ теченіе сорока поколѣній, не могутъ считаться плохими судьями; если они уступаютъ ему свою волю и свои имущества, то лишь пропорціонально его услугамъ и чрезмѣрность ихъ преданности ему можетъ свидѣтельствовать только о громадности оказаннаго имъ благодѣнія“.

«Нельзя думать, чтобы человѣкъ могъ быть признателенъ ни за что, такъ сказать по ошибкѣ, и чтобы онъ сталъ давать много благъ безъ

---

[1]) См. объ этомъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Собраніе сочиненій. т. VI. Основы ведаизма. Бартъ. Религіи Индіи. 47—54.

Въ „Законахъ Ману“ достаточно рѣзко формулирована эта пропорціональность услугъ и привиллегій каждой касты. Чѣмъ болѣе важной считается функція касты—тѣмъ больше ей наградъ. Функціи браминовъ—самыя важныя, отсюда и привиллегіи ихъ самыя значительныя.

достаточныхъ побудительныхъ причинъ, онъ слишкомъ себялюбивъ и завистливъ для этого» [1]). Привиллегированные, „будучи основателями этого общества и заслуживъ нѣкогда имущества цѣною оказанныхъ ими услугъ, сохраняли (въ силу инерціи, добавили бы мы, П. С.) въ немъ свой высокій санъ, переставъ исполнять свою должность, такъ что ихъ мѣсто, и въ мѣстномъ управленіи, и въ центральномъ правительствѣ, стало простою синекурою и ихъ привиллегіи превратились въ злоупотребленія". Этимъ предрѣшено было ихъ паденіе, что и совершилось окончательно въ формѣ «Декларацiи правъ человѣка и гражданина» [2]).

Та же пропорціональность услугъ и привиллегій обнаруживается и въ исторіи „третьяго сословія". Постепенный ростъ значенія городовъ въ средніе вѣка означалъ собою и ростъ значенія тѣхъ услугъ, которыя оказывали города, какъ центры денежнаго капитала, а отсюда, естественно „со времени возникновенія для государства финансоваго вопроса, двумъ господствующимъ сословіямъ феодальнаго общества приходится дѣлиться своимъ политическимъ вліяніемъ съ „третьимъ сословіемъ", съ буржуазіей" [3]). Ея ростъ означалъ ничто иное, какъ ростъ важности ея услугъ и соотвѣтственно съ этимъ ростъ наградъ. И дѣйствительно, смѣна натуральнаго хозяйства денежнымъ, феодальнаго хозяйства—государственнымъ, и въ зависимости отъ этого, феодальнаго ополченія—наемной арміей, вызвавшей, въ свою очередь, необходимость займовъ, вмѣстѣ съ прогрессирующимъ усложненіемъ государственнаго механизма и съ ростомъ издержекъ на содержаніе двора и т. д.—все это „обезцѣнивало (господствующія феодальныя сословія земельной аристократіи) какъ оплотъ государства противъ внѣшней безопасности" и выдвигало на первый планъ финансовый вопросъ, а тѣмъ самымъ поднимало и значеніе въ государствѣ того класса, въ рукахъ котораго сосредоточивался денежный капиталъ. „И не мудрено. Сила государства измѣрялась, вѣдь, главнымъ образомъ, количествомъ солдатъ, а это послѣднее зависѣло въ прямой пропорціи отъ количества ливровъ, дукатовъ, флориновъ,

---

[1]) См. И. Тэнъ. Происхожд. общ. строя соврем. Франціи (изд. Пирожкова) стр. 8, и всю 1-ю главу.

[2]) Ibid. 552—553.

[3]) Ардашевъ. Абсолютная монархія на Западѣ. Спб. 1902 г. 17 стр.

которыми располагала въ данную минуту королевская казна, количество же этихъ послѣднихъ зависѣло въ самой существенной степени отъ доброй воли крупныхъ капиталистовъ, которыхъ въ тѣ времена было еще мало; до устройства же правильныхъ государственныхъ займовъ при посредствѣ биржи тогда еще не додумались“ [1]). Отсюда вполнѣ понятно, что буржуазія вполнѣ резонно заявляла свои права на привиллегіи, подкрѣпляя свои заявленія такими аргументами: „къ тому же извѣстно и очевидно, что безъ моей помощи, Ваше Императорское Величество, не могли бы получить Римской короны“. (Слова Фунера въ письмѣ къ Карлу V).

Въ итогѣ такого положенія дѣла мы и видимъ, какъ „третье сословіе“ въ лицѣ легистовъ и летрафовъ, или денежной аристократіи, постепенно вытѣсняетъ дворянство и духовенство какъ изъ центральнаго правительства, такъ и изъ областной администраціи. Французская революція поставила окончательную точку надъ процессомъ уравненія услугъ и привиллегій буржуазіи.

Изъ всѣхъ приведенныхъ примѣровъ видно: 1) въ предѣлахъ одной и той же группы привиллегіи отдѣльныхъ индивидовъ en masse приблизительно пропорціональны важности услугъ, оказываемыхъ ими всей группѣ съ точки зрѣнія этой группы.

2) Привиллегіи отдѣльныхъ сегментовъ группы (кастъ, сословій, классовъ и т. д.) приблизительно соотвѣтственны ихъ услугамъ, опять-таки по оцѣнкѣ данной группы.

3) Ростъ привиллегій к.-н. сегмента означаетъ предварительный ростъ его услугъ, паденіе услугъ или ихъ важности—влечетъ и паденіе привиллегій.

4) Неограниченность услугъ (по оцѣнкѣ группы въ примѣрахъ съ деспотами) влечетъ и неограниченность привиллегій.

5) Ограниченность услугъ—ограниченность награды.

Таково взаимоотношеніе услугъ и привиллегій, болѣе или менѣе постоянное въ теченіи исторіи.

Если эти положенія вѣрны, то изъ нихъ слѣдуютъ такіе выводы, подтверждающіе необходимость паденія наградъ:

а) Такъ какъ въ настоящее время мы убѣждены, что ни одинъ человѣкъ не обладаетъ безконечной суммой силъ и способностей, а слѣдовательно, не можетъ оказывать и безконечно-большія услуги,—то не можетъ быть и безконечной награды,

---

[1]) Ibid. 16—17.

такъ какъ послѣдняя требуетъ и безконечности услугъ. Отсюда слѣдуетъ, что деспотизмъ и абсолютная монархія—подобіе восточныхъ деспотій—навѣки канули въ Лету и возродиться не могутъ.

b) Такъ какъ солидарность человѣчества все болѣе и болѣе растетъ, такъ какъ все меньшей и меньшей становится надобность въ войнахъ, такъ какъ сами войны становятся все рѣже и рѣже и не грозятъ для побѣжденныхъ тѣми бѣдствіями, которыми онѣ грозили имъ раньше,—то понятнымъ становится паденіе военныхъ профессій и паденіе значенія военныхъ услугъ, паденіе, которое въ дальнѣйшемъ должно совершаться съ еще большей быстротой.

c) Въ силу аналогичныхъ же причинъ должно падать и значеніе „услугъ“ духовенства, такъ какъ существующее и растущее позитивное міровоззрѣніе зачеркиваетъ ихъ услуги, объявляя ихъ мнимыми. Паденіе папства, отдѣленіе церкви отъ государства, свобода совѣсти и вѣротерпимость и т. п. факты 19-го столѣтія—внѣшніе и неоспоримые показатели „декаданса“ привиллегій духовенства.

d) Такъ какъ теперь извѣстно, что деньги только орудіе обмѣна, и что всякій капиталъ только символъ труда—съ одной стороны, и такъ какъ этотъ трудъ приходится всего болѣе на долю низшихъ народныхъ массъ—крестьянъ и рабочихъ, а слѣд., услуги ихъ не менѣе важны, чѣмъ услуги другихъ сословій—съ другой, то вполнѣ естественно, что соціальныя перегородки должны пасть и привиллегіи должны быть равномѣрно „разверстаны“ между всѣми соціальными группами.

Мы стоимъ какъ разъ въ процессѣ этого „разверстанія“, извѣстнаго подъ различными именами „демократизма“, „эгалитаризма и соціализма“, стремящихся къ такому соціальному уравненію, которое рано или поздно неизбѣжно должно наступить.

e) То же нужно сказать и объ услугахъ и привиллегіяхъ по полу. Современное намъ движеніе суффражистокъ и ростъ лигъ „женскаго равноправія“—есть тотъ же процессъ „разверстанія“ привиллегій, вызываемаго уравненіемъ услугъ женщины и мужчины.

f) Такъ какъ въ наше время все болѣе и болѣе признается, что всякій геній есть продуктъ своей среды, а слѣд. его услуги—обусловлены его средой (перенесеніе услуги на плечи общества—кореллятъ отвѣтственности общества за преступленія), то по-

нятно, что соотвѣтственно должны пасть и индивидуальныя награды.

g) Такъ какъ значеніе знанія—психической силы—все болѣе и болѣе растетъ—съ одной стороны, и такъ какъ знаніе все болѣе и болѣе соціализируется и расширяется—съ другой (всеобщее обученіе, народные университеты, пресса, театръ, лекціи и т. д. и т. д.)—то значитъ и награды за психическія „услуги“ все болѣе и болѣе соціализируются и тѣмъ самымъ стремятся перестать быть наградами. А все это вмѣстѣ взятое, говоритъ о той же тенденціи паденія наградъ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что награды (какъ бы ни былъ извилистъ историческій путь) все болѣе и болѣе падаютъ вслѣдствіе тѣхъ же основныхъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ падаютъ и кары..

E) Наконецъ, тотъ же процессъ паденія каръ и наградъ подтверждается и постепеннымъ расширеніемъ идеи „ближняго“, иначе говоря—историческимъ закономъ роста соціально-солидарныхъ круговъ. Въ самомъ дѣлѣ, что по существу означаетъ это явленіе? Съ нашей точки зрѣнія, оно означаетъ ничто иное, какъ расширеніе области „должнаго“ на счетъ области „свободныхъ“ отношеній, регулируемыхъ карательно-наградными санкціями, иначе говоря—замѣну актовъ и поступковъ, совершаемыхъ подъ вліяніемъ каръ и наградъ, актами и поступками, совершаемыми въ силу чувства „долга“, нѣкотораго внутренняго импульса, заставляющаго поступать по отношенію къ бывшему чужеземцу такъ же, какъ и по отношенію къ своему ближнему. Раньше убить своего „ближняго“ не позволялось, но убійство иноплеменника не только позволялось, но и рекомендовалось. Если членъ группы A не убивалъ иноплеменника, то только потому, что тотъ за оставленіе жизни давалъ богатый выкупъ—награду. Группа A при набѣгахъ считала вполнѣ допустимымъ сжечь всѣ жилища группы Б, и если этого не дѣлала, то опять-таки не безъ соотвѣтствующихъ наградъ за эту услугу.

Когда же совершилось расширеніе соціальнаго круга A путемъ того или иного сліянія съ группой B, потомъ съ C и т. д., то бывшій иноплеменникъ съ теченіемъ времени дѣлался «ближнимъ», по отношенію къ которому необходимо уже было совершать рядъ поступковъ или воздерживаться отъ ряда актовъ

не въ силу награды, а въ силу долга, безъ всякихъ наградно-карательныхъ давленій.

А такъ какъ исторія человѣчества даетъ несомнѣнное подтвержденіе указанному закону расширенія идеи „ближняго“ (тотэмъ, родъ, территоріально-племенное общество, народъ, государство, федерація государствъ и, наконецъ, все человѣчество)— то, тѣмъ самымъ она говоритъ о томъ, что соціально-полезные поступки, повторяясь много разъ, постепенно дѣлаютъ излишними кары и награды. Будучи въ первое время выполняемыми лишь подъ давленіемъ указанныхъ санкцій—эти поступки затѣмъ все менѣе и менѣе нуждаются въ санкціяхъ, и начинаютъ выполняться спонтанно, по внутреннему импульсу, какъ нѣчто нравственно-должное. Эволюція идеи „ближняго“, въ свою очередь, говоритъ о томъ, что эта область нравственно-должнаго съ поступательнымъ ходомъ исторіи все болѣе и болѣе расширяется и вытѣсняетъ и въ пространственномъ отношеніи область карательно-наградныхъ отношеній. Это расширеніе области „ближняго“ есть въ то же время и паденіе междугрупповыхъ наградъ проявляющееся, въ частности, въ постепенномъ вывѣтриваніи чувствъ эгоистическаго національзма, патріотизма, расы и въ ростѣ альтруистическаго космополитизма.

ГЛАВА IX-я.

Законъ колебанія каръ и наградъ.

§ I.

Въ предыдущемъ мы сосредоточивали все наше вниманіе лишь на тѣхъ постоянныхъ тенденціяхъ каръ и наградъ, которыя обнаруживаются въ ихъ эволюціонномъ процессѣ. Хотя мы и оговаривались не разъ, что линія санкцій зигзагообразна и извилиста, но мы сознательно игнорировали эти „капризные“ зигзаги и искали лишь постоянныхъ тенденцій. Теперь мы должны частично восполнить этотъ пробѣлъ и остановить наше вниманіе на этихъ зигзагахъ кривой санкцій, хотя въ общемъ и стремящейся къ нулю, но не прямо, а съ неровностями, то поднимаясь, то опускаясь. Мы должны спросить себя: чѣмъ объясняются эти временныя колебанія каръ и наградъ, почему (при своей постоянной тенденціи паденія) они падаютъ не прямолинейно, а зигзагообразно?

Этотъ вопросъ одинаково приложимъ и къ преступленіямъ, въ виду того, что карательная реакція есть реакція, вызванная преступленіемъ и, какъ выше было указано, съ сверхъиндивидуальной точки зрѣнія ничѣмъ не отличающаяся отъ каръ, кромѣ временно причиннаго предваренія. Слѣд., опредѣленіе причинъ, вызывающихъ эпизодическій ростъ жестокости каръ, есть въ то же время и опредѣленіе причинъ, вызывающихъ ростъ преступленій.

Предыдущій анализъ источника преступленій и наказаній (подвиговъ и наградъ), а равно и вышеприведенное пониманіе

соціальной роли санкцій—позволяетъ намъ дать общую теорему, объясняющую это эпизодическое колебаніе кривой санкцій. Эту теорему можно формулировать такъ:

Интенсивность каръ (и наградъ) тѣмъ болѣе велика въ каждый историческій моментъ, чѣмъ болѣе примитивно данное общество и чѣмъ больше антагонистической разнородности въ психикѣ и поведеніи его членовъ. И обратно, чѣмъ болѣе культурно данное общество и чѣмъ болѣе однородна психика и поведеніе его членовъ—тѣмъ менѣе жестоки кары и менѣе интенсивны награды.

Изъ этой теоремы видно, что степень интенсивности санкцій зависитъ отъ двухъ основныхъ условій: a) культурности об—ва и b) наличности или отсутствія между его частями антагонистической полярности.

Первое условіе имѣетъ значеніе потому, что, какъ мы убѣдились, съ ростомъ цивилизаціи кары падаютъ. Поэтому меньшая культурность об—ва сама по себѣ уже благопріятствуетъ жестокости каръ. Но вышеуказанная соціальная роль санкцій указываетъ и на второе основное условіе, а именно: на степень антагонизма или моральнаго разномыслія различныхъ членовъ общества.

Изъ сказаннаго само собой слѣдуетъ, что тамъ, гдѣ даны и высокая культурность и однородность моральнаго сознанія—тамъ и санкціи (а равно и преступленія съ услугами) стоятъ низко. Гдѣ же дано примитивное об—во и вдобавокъ еще моральное разномыслiе—тамъ и санкціи интенсивны. Отсюда понятно—когда мы должны ждать повышенія кривой и пониженія ея.

Но эти два условія могутъ и парализовать другъ друга. А именно, можетъ случиться, что намъ будетъ дана высокая соціальная группа, но съ наличностью глубокаго моральнаго антагонизма между ея частями. Въ этомъ случаѣ кары могутъ въ ней стоять, впредь до уничтоженія антагонизма, довольно высоко. И обратно, можетъ быть дано примитивное общество, но безъ наличности конфликта въ психикѣ и въ поведеніи его членовъ, въ этомъ случаѣ, впредь до появленія конфликта, и санкціи могутъ въ немъ быть мало-интенсивными. Коротко говоря—ростъ культурности и цивилизованности общества всегда стремится понизить кривую санкцій, увеличеніе кон-

фликтности и антагонизма (въ какихъ бы то ни было формахъ) повысить ее. Надлежащимъ сочетаніемъ этихъ двухъ разнородныхъ факторовъ и объясняется степень интенсивности санкцій въ каждый данный моментъ въ любой соціальной группѣ.

Первое было доказано выше, а второе прямо вытекаетъ изъ вышеизложеннаго пониманія соціальной роли каръ и наградъ. Разъ онѣ вызваны конфликтнымъ ходомъ развитія соціальной жизни и разъ ихъ задача заключалась въ поддержаніи единства или солидарности группы, то само собой слѣдуетъ отсюда, что онѣ должны сильнѣе давить, т.-е. быть болѣе интенсивно-обильными въ моменты, когда этому единству группы грозитъ опасность. А эта опасность бываетъ тогда, когда въ группѣ происходитъ разложеніе или распаденіе ея членовъ на двѣ или большее число подгруппъ, моральныя убѣжденія и поведеніе которыхъ начинаетъ не совпадать, а противорѣчить другъ съ другомъ.

Эта антагонистическая разнородность внутри группы можетъ быть вызвана, какъ чисто внутри-групповыми причинами, такъ и внѣ-групповыми... Внутри-групповыя причины — это причины, вызывающіяся самимъ процессомъ соціальнаго взаимодѣйствія и въ конечномъ счетѣ сводящіяся къ неодновременному и къ неодинаковому измѣненію психическихъ убѣжденій должнаго, рекомендованнаго и запрещеннаго поведенія и сообразно съ этимъ соотвѣтственныхъ шаблоновъ поведенія. Внѣгрупповыя же причины—это причины, вызванныя, напр., войной, включеніемъ въ составъ одного соціальнаго тѣла новыхъ народовъ и новыхъ соціальныхъ группъ, поведеніе, нравы, обычаи которыхъ отличны какъ другъ отъ друга, такъ и отъ нравовъ, обычаевъ и поведенія, требуемаго включающей группой. Для того, чтобы объединить эти гетерогенныя части, чтобы подавить центробѣжныя силы, чтобы „склеить“ разнородныя части въ одно единство, привести ихъ поведеніе къ „одному знаменателю“—кары и награды и въ томъ и въ другомъ случаѣ начинаютъ давить сильнѣе и сильнѣе, становятся болѣе жестокими или интенсивными и начинаютъ отпускаться въ болѣе обильномъ количествѣ.

Провѣримъ теперь эту теорему въ примѣненіи къ карамъ посредствомъ метода сопутствующихъ измѣненій и чисто эмпирическаго наблюденія надъ данными исторіи.

а) Первымъ буквальнымъ подтвержденіемъ указаннаго закона служитъ хорошо всѣмъ извѣстный фактъ повышенія суровости каръ

и интенсивности наградъ (въ пользу опредѣленныхъ лицъ) при такъ называемыхъ „чрезвычайныхъ положеніяхъ“ (усиленная охрана, чрезвычайная охрана и военное положеніе). Какъ извѣстно, въ эти моменты и теперь еще отмѣняются обычные законы, пріостанавливаются Habeas corpus'ы, гражданскій судъ смѣняется военнымъ, несравненно болѣе строгимъ и „скорымъ“, почти всѣмъ выносящимъ смертные приговоры. Мечъ каръ становится болѣе острымъ и начинаетъ срѣзывать большее число жертвъ.

Нужно ли доказывать, что эти факты прямое подтвержденіе указаннаго закона. Чрезвычайныя положенія всегда устанавливаются именно тогда, когда въ группѣ увеличивается антагонистическая гетерогенность, когда въ ней появляется рѣзкая дифференціація на двѣ или большее число частей, убѣжденія и поведеніе которыхъ начинаютъ не совпадать другъ съ другомъ, иначе говоря—въ періоды революціи.

Чтобы предотвратить развитіе борьбы между ними, чтобы не дать возможности распасться группѣ и чтобы склеить отталкивающіяся другъ отъ друга части—карательно-наградной рычагъ механически начинаетъ давить сильнѣе и сильнѣе, стараясь подавить конфликтные импульсы и путемъ соединеннаго мотиваціонно-дрессирующе-рикошетнаго вліянія на поведеніе человѣка снова установить необходимое единство. Отсюда и обиліе наказаній, и повышеніе ихъ жестокости, и большее число жертвъ.

Правительство вводитъ чрезвычайныя положенія, военные суды, карательные отряды. Висѣлицы и гильотины начинаютъ работать во всю. Люди разстрѣливаются по одиночкѣ и группами, тюрьмы переполняются. Палачамъ приходится работать, не покладая рукъ.

Въ отвѣтъ на это усиленіе каръ и противная сторона дѣйствуетъ по тому же типу. Въ отвѣтъ на казни—слѣдуютъ террористическіе акты, въ отвѣтъ на массовыя убійства—возстанія, въ отвѣтъ на конфискаціи—усиленный грабежъ, въ отвѣтъ на чрезвычайныя терроризующія постановленія—прокламаціи, угрожающія жестокой расправой „блюстителямъ и приверженцамъ“ стараго порядка. Однимъ словомъ, линія каръ и наградъ съ той и другой стороны дѣлаетъ рѣзкій скачокъ вверхъ. Въ концѣ концовъ одна изъ сторонъ побѣждаетъ. Послѣ побѣды кривая санкцій продолжаетъ еще итти вверхъ или держаться на достигнутой высотѣ.

Продолжается еще уничтоженіе „преступниковъ“ и устрашеніе другихъ отъ „преступленій“. Но съ теченіемъ времени вновь установившійся шаблонъ поведенія мало-по-малу входитъ въ жизнь, дѣлается привычнымъ, „страна успокаивается“ и... кривая санкцій начинаетъ мало-по-малу спускаться внизъ.

Такова схема любой революціи, [1]) любого общественнаго сдвига и любая изъ нихъ сопровождается означеннымъ скачкомъ кривой санкцій вверхъ. Изъ сказаннаго же, между прочимъ, ясно, что всякій общественный кризисъ долженъ сопровождаться и повышеніемъ „преступленій“, съ точки зрѣнія обѣихъ борющихся сторонъ. Съ точки зрѣнія правительственной, „преступленія“ будутъ расти потому, что разразившійся кризисъ означаетъ ростъ противоправныхъ дѣяній, нарушающихъ нормы, охраняемыя уголовнымъ закономъ. Съ точки же зрѣнія другой борющейся стороны преступленія тоже повысятся, такъ какъ теперь съ ея точки зрѣнія поведеніе представителей власти и лицъ, держащихся „стараго порядка“, начинаетъ квалифицироваться, въ качествѣ поведенія преступнаго. Отсюда взаимное усиленіе борьбы и санкцій, отсюда же и повышеніе кривой санкцій [2])...

---

[1]) См. болѣе подробно о механикѣ революціи и переворотовъ A. Bauer. Essai sur les Revolutions. Paris. 1908, ч. I и II-я.

[2]) Изъ сказаннаго, между прочимъ, вытекаетъ необходимость осторожнаго и отчасти скептическаго отношенія къ сужденіямъ о моральномъ прогрессѣ или регрессѣ общества, основаннымъ на данныхъ уголовной статистики, каковыя сужденія сейчасъ въ большомъ ходу. Однако, эта статистика мало пригодна для этой цѣли. Стоя на точкѣ зрѣнія оффиціально-уголовнаго кодекса она каждое противоправное дѣйствіе будетъ регистрировать, какъ дѣйствіе преступное. А т. к. согласно сказанному, въ эпохи революцій эти противоправныя дѣянія увеличиваются и увеличиваются весьма быстро—то статистическій подсчетъ дастъ громадный $^0/_0$ повышенія „преступности“. А отсюда уже безъ колебаній умозаключаютъ: „такъ какъ преступленія растутъ и растутъ очень быстро, то ergo—въ обществѣ происходитъ моральный регрессъ, нравственное вырожденіе“ etc. Между тѣмъ не трудно видѣть, что моральный регрессъ или прогрессъ и увеличеніе или уменьшеніе преступленій – двѣ вещи разныя. Изъ того факта, что „преступленія“ въ эпохи революціи увеличиваются, скорѣе слѣдуетъ обратный выводъ, а именно—выводъ о томъ, что общественная мораль сдѣлала новый шагъ впередъ. Это массовое повышеніе „преступности“ сплошь и рядомъ означаетъ то, что старыя нормы уже устарѣли, что многое, что они запрещали, уже не считается преступнымъ, что общественная совѣсть требуетъ отъ власти и

Хотя указываемое мною обстоятельство въ виду своей всеобщности и не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ, все же я для примѣра приведу двѣ-три иллюстраціи, показывающія правильность сказаннаго.

Если мы возьмемъ, напр., кривую смертныхъ казней во Франціи за послѣднее истекшее столѣтіе, то она ясно показываетъ правильность указываемой закономѣрности. Предоставимъ слово М. Н. Гернету. „Проф. Garçon, говоритъ онъ, подмѣтилъ интересный фактъ въ движеніи числа смертныхъ приговоровъ: при каждомъ новомъ политическомъ режимѣ число смертныхъ приговоровъ больше въ первые годы, нежели позднѣе. Такъ, консульство дебютируетъ съ 605 смертными приговорами (1803 г.), а въ 1813 году ихъ 325, т.-е. меньше вдвое, реставрація начинаетъ въ 1816 г. съ 514 приговорами, а затѣмъ эта цифра падаетъ

членовъ об-ва болѣе высокаго поведенія и т. д. Приведу примѣръ. Если бы, напр., уголовная статистика велась въ эпоху борьбы христіанства съ язычествомъ въ Римѣ, то наиболѣе острые періоды этой борьбы, т.-е. періоды наиболѣе интенсивнаго распространенія христіанства и гоненія на христіанъ дали бы и наибольшій $^0/_0$ религіозно-государственныхъ преступленій. Отсюда статистика вывела бы, что $^0/_0$ преступности въ эти періоды повысился, слѣд., произошло нравственное паденіе об-ва. Между тѣмъ нужно ли говорить что дѣло обстояло какъ разъ наоборотъ: именно въ эти эпохи общество всего сильнѣе и быстрѣе прогрессировало и морально очищалось.

Почти всякій моральный подъемъ общественной группы, реализующійся въ видѣ конфликтовъ, означаетъ предъявленіе къ индивиду новыхъ требованій. Эти требованія въ первое время не осуществляются многими—поэтому оффиціальной властью они квалифицируются, какъ преступленія, а слѣд., при наличности статист. учета непремѣнно дадутъ увеличеніе колич. преступленій. Такъ, напр., въ Китаѣ, какъ и въ рядѣ другихъ народовъ, дѣтоубійство вначалѣ было весьма роспространено и не считалось за преступленіе. Но когда моральный уровень повысился—дѣтоубійство было признано преступленіемъ и запрещено подъ страхомъ смертной казни. Очевидно, всѣ акты дѣтоубійства послѣ изданія соотвѣтствующаго закона станутъ преступными актами и попадутъ въ статистическія данныя, увеличивъ число преступныхъ дѣяній противъ жизни. См. Гернетъ. Дѣтоубійство. 1911. 8, 9. Число преступленій въ этомъ случаѣ повысится—но изъ этого нисколько не слѣдуетъ, что моральный уровень общества понизился. То же приложимо mutatis mutandis и къ большинству соц. конфликтовъ и связаннаго съ ними роста преступности. Изъ сказаннаго видно, что абсолютное увеличеніе преступныхъ актовъ само по себѣ еще не даетъ основанія умозаключать объ этическомъ декадансѣ, какъ это дѣлаютъ многіе. Въ виду этого мы и здѣсь въ терминъ „преступленіе“ не вводимъ никакого абсолютно-оцѣночнаго элемента.

до 91; іюльская монархія начинаетъ въ 1831 г. съ 108 приговорами и кончаетъ въ 1847 г. съ 65; въ періодъ имперіи число смертныхъ приговоровъ было наивысшее въ 1854 г.—79, а въ послѣдній годъ, 1870, всего 11. Уменьшеніе смертныхъ приговоровъ съ 1871 г. очевидно“ [1]).

Эта кривая не требуетъ комментаріевъ. Она буквально подтверждаетъ провѣряемую теорему; и при томъ не только въ отношеніи самого колебанія, но и постепеннаго уменьшенія приговоровъ по мѣрѣ приближенія къ нашему времени, т.-е. съ ростомъ культурности и сложности франц. государства.

Я, конечно, далекъ отъ мысли видѣть въ этихъ цифрахъ полный учетъ всѣмъ смертнымъ казнямъ, имѣвшимъ мѣсто при переворотахъ. Эти колебанія, de facto, должны быть гораздо значительнѣе, если мы примемъ во вниманіе тѣ сотни разстрѣлянныхъ на баррикадахъ и безъ суда во время и послѣ любой революціи, а въ особенности послѣ неудачной коммуны 71-го года. Эти «смертныя казни» обычно не попадаютъ въ статистическія таблицы. Но мы, при нашемъ пониманіи каръ, должны учесть и ихъ. А этотъ учетъ можетъ только подтвердить еще сильнѣе правильность провѣряемой теоремы...

Второй примѣръ. Въ Россіи за конецъ 19-го и начало 20-го в. статистическія данныя даютъ такія цифры казненныхъ.

Въ пятилѣтіе съ	1875	по	1880	г. всего казнено	119.
„	81	„	85	„ „	71.
„	86	„	90	„ „	76.
„	91	„	95	„ „	47.
„	1896	„	1900	„ „	78.
„	1901	„	1905	„ „	93.

А далѣе цифры дѣлаютъ сразу громадный прыжокъ вверхъ.

Въ теченіе одного	1906	г. казнено	547.
	1907	„ „	1139.
	1908	„ „	1340.
А затѣмъ уже снова идетъ паденіе	1909	г. даетъ цифру	717.
	1910	„ „ „	129.
	1911	„ „ „	73.
	1912	„ „ „	126 [2]).

---

[1]) Гернетъ. Смертная казнь. 75—76.
[2]) Гернетъ. Ibid. 97—99.

Эти данныя, а равно и число смертныхъ приговоровъ—опять-таки вполнѣ опредѣленно подтверждаютъ сказанное.

Вообще указанная связь общественныхъ потрясеній, вызываемыхъ усиленіемъ антагонистической полярности въ психикѣ, нравахъ, обычаяхъ и вообще въ поведеніи членовъ соціальной группы, настолько самоочевидно, что ее можно провѣрить и испытать на любомъ историческомъ фактѣ общественнаго перелома. Раньше эти переломы обходились обществу еще болѣе дорого; жертвы борьбы были еще болѣе многочисленны. Вспомнимъ хотя бы антагонизмы и ихъ разрѣшеніе въ такихъ случаяхъ, какъ знаменитая Варфоломеевская ночь, или возстаніе «жаковъ», или возстаніе крестьянъ въ Англіи подъ предводительствомъ У. Тейлора, или возстаніе рабовъ въ древности подъ предводительствомъ Спартака, или же тѣ многочисленные факты, которые даетъ намъ исторія Ассиріи, Вавилоніи и древняго Израиля (см. книги Царствъ) и т. д... Всюду здѣсь мы видимъ въ такіе моменты громадные скачки кривой каръ вверхъ и безпощадную расправу одной изъ антагонистическихъ группъ съ другой...

Исходя изъ той же теоремы, мы можемъ понять и вторую весьма распространенную категорію явленій, данныхъ опять-таки во множествѣ случаевъ. Если сравнить интенсивность каръ въ какомъ-нибудь государствѣ по отношенію къ своимъ подданнымъ—«старожиламъ» и по отношенію къ жителямъ только что присоединенной колоніи, имѣвшимъ до сихъ поръ иные нравы, обычаи, моральныя воззрѣнія—то нельзя не видѣть, громадной разницы интенсивности каръ въ томъ и другомъ случаѣ. По отношенію къ жителямъ только что присоединенной колоніи—кары обычно болѣе жестоки. Это было какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Луазеперъ, авторъ «Преступленій и наказаній въ древности и теперь» весьма рельефно подчеркнулъ это обстоятельство. Изъ законовъ, изданныхъ для жителей колоніи въ 17 в., ясно видна эта большая жестокость. Примѣромъ могутъ служить de Code noire, изд. въ 1685 г. и рѣшенія совѣта Мартиники въ 1674 и 77 г.г. [1]).

---

[1]) См. Loiseleur. Les crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes. Paris. 1863. гл. о Пенальности колоній.

4-я ст. рѣшеній совѣта Мартиники гласитъ: «Всѣ негры, которые ударятъ бѣлаго, будутъ повѣшены и задушены; въ случаѣ, если бѣлый умретъ, они будутъ разорваны живыми“ [1]). Въ сравненіи съ наказаніями, имѣвшими въ это время мѣсто въ метрополіи за подобныя преступленія, какъ правильно отмѣчаетъ Луазелеръ, здѣсь кары было несравненно болѣе жестоки. И это понятно почему. Здѣсь населеніе держалось иныхъ обычаевъ и нравовъ, а потому, чтобы измѣнить и сдѣлать однороднымъ его поведеніе—приходится сильнѣе давить карами на его поведеніе... Эта большая интенсивность колоніальныхъ каръ красной нитью проходитъ черезъ всю колоніальную политику. Когда же моральныя убѣжденія колоніи съ теченіемъ времени дѣлаются болѣе или менѣе однородными съ средней моралью метрополій—кривая каръ и здѣсь постепенно начинаетъ спускаться до уровня ея въ метрополіи: жестокость и равнообразныя ограниченія мало-по-малу падаютъ.

Изъ сказаннаго становится понятнымъ, почему кривая каръ должна дѣлать подъемъ тогда, когда государство находится въ періодѣ „собиранія“ и усиленнаго расширенія границъ, когда оно включаетъ въ свой составъ множество разнородныхъ племенъ и народовъ, съ различной степенью культуры, съ различными нравами и обычаями и вообще съ гетерогенной психикой и поведеніемъ Для того, чтобы удержать необходимое равновѣсіе между этими центробѣжными частями, чтобы соединить и скрѣпить ихъ въ одно цѣлое—рычагъ каръ начинаетъ давить все сильнѣе и сильнѣе. Пока эта необходимая солидарность не установлена—до тѣхъ поръ рычагъ давитъ. По мѣрѣ того, какъ сплоченіе частей все болѣе и болѣе растетъ, по мѣрѣ того, какъ проходитъ „муть“ перестройки и переверстанія и болѣе или менѣе однообразный моральный уровень водворяется всюду—кривая каръ начинаетъ опускаться. Именно этимъ фактомъ и объясняется рядъ подъемовъ каръ, иногда весьма и весьма продолжительно держащихся на большой высотѣ, которые намъ даетъ исторія.

Возьмемъ нѣсколько случаевъ.

Кто сколько-нибудь вдумчиво изучалъ кривую интенсивности

---

1) Loiseleur. ibid. 327.

каръ въ исторіи Рима, тотъ не могъ не замѣтить, что эта кривая вначалѣ стояла высоко, затѣмъ постепенно опускалась, но начиная приблизительно съ эпохи принципата, и въ особенности съ эпохи имперіи—она начинаетъ быстро повышаться. Выше мы видѣли, какъ кары за воровство и адюльтеръ совершили именно такую траэкторію. То же можно видѣть и на исторіи наказаній за другія преступленія, а равно и на эволюціи самихъ каръ. Возьмемъ, напр., кривую смертной казни.

Вначалѣ здѣсь единственнымъ публичнымъ наказаніемъ за преступленія была смертная казнь (а частное наказаніе покоилось на правѣ мести). Еще въ 12-ти таблицахъ, по словамъ Моммзена, die einzige gesetzliche Strafe des öffentlichen Verfahrens bleibt der Tod. [1]) Затѣмъ идетъ ея постепенное ограниченіе, во первыхъ въ видѣ установленія права провокаціи къ народу, необходимаго для приведенія въ исполненіе магистратскаго приговора, а затѣмъ въ видѣ растущаго стремленія замѣнять ее денежнымъ наказаніемъ (Geldbüsse). Далѣе, „хотя римская республика формально и не уничтожила смертной казни... но въ послѣднее столѣтіе республики растетъ тенденція уничтоженія смертной казни и законы на практикѣ, въ дѣйствительности проводили эту тенденцію (замѣна казни ссылкой и т. д.)

Цезарьская диктатура и ранній принципатъ, хотя и не возстановили законодательнымъ путемъ на практикѣ уничтоженную казнь, но „въ судебной практикѣ, во всякомъ случаѣ при Августѣ, смертная казнь возстановляется и смертные приговоры (Bluturteile) консуло-сенаторскихъ судовъ наполняютъ анналы въ особенности перваго столѣтія“ [2]).

Въ періодѣ же имперіи, хотя смертные приговоры, направленные противъ римскихъ гражданъ для первыхъ двухъ столѣтій и не многочисленны, однако „послѣ Пія и до Александра, можетъ быть при Северѣ—смертная казнь становится обычнымъ наказаніемъ за тяжелыя преступленія, и эта тенденція въ дальнѣйшемъ все болѣе и болѣе растетъ. Die Todesstrafe wird immer häufiger angedroht und auf immer geringere Verschuldigung erstreckt,

---

1) Mommsen. Römische Strafrechts. Leipzig 1899. 939 и слѣд. см. Его же „Die Geschichte der Todesstrafe im Römischen Staat“. Reden und Aufsätze. Berlin. 1905. 437—448.

2) Römische Strafrechts. 942.

die Execution immer weiter geschärft, für der Einzelfalle die Willkür stetig gesteigert» [1]).

Аналогичное же поднятіе жестокости проявляется и въ другихъ видахъ каръ. Спрашивается, чѣмъ объяснить такое явленіе? Дюркгеймъ видитъ въ этомъ частный случай формулированнаго имъ общаго закона колебанія каръ, который гласитъ: интенсивность каръ прямо пропорціональна степени абсолютности и неограниченности центральной власти. Чѣмъ неограниченнѣе послѣдняя, тѣмъ болѣе жестоки кары“ А такъ какъ и въ Римѣ подъемъ жестокости каръ совершается параллельно съ ростомъ абсолютизма, то Дюркгеймъ видитъ въ этомъ и иллюстрацію и подтвержденіе своей теоремы [2]) Однако такое утвержденіе причинной зависимости между этими двумя явленіями малопонятно. Не болѣе понятнымъ становится оно и послѣ объясненія Дюркгейма. Это объясненіе сводится къ слѣдующему... Онъ различаетъ двоякаго рода преступленія: а) направленныя противъ коллективныхъ благъ (идеальныхъ и матеріальныхъ) и в) направленныя противъ индивида (убійство, воровство, насиліе). Первыя преступленія, какъ оскорбляющія всю коллективность, караются сильнѣе, ибо коллективныя блага, въ силу ихъ коллективности, кажутся „святыми“, вторые же оскорбляютъ только индивида, а потому и караются менѣе жестоко (criminalité religieuse и criminalité humaine).

Съ теченіемъ времени „религіозность“ все болѣе и болѣе падаетъ, поэтому должны ослабляться и кары, что мы и видимъ въ дѣйствительности.

Усиливающаяся правительственная власть постепенно обоготворяетъ себя и становится богомъ, а въ силу этого и нарушеніе ея повелѣній, какъ „божескихъ постановленій“ представляетъ criminalité religieuse и поэтому должно караться тѣмъ сильнѣе, чѣмъ абсолютнѣе власть, чѣмъ она богоподобнѣе. [3])

Не трудно видѣть всю искусственность и самопротиворѣчивость такого объясненія. Во-первыхъ, допустимъ, что религіозныя преступленія“, какъ преступленія, оскорбляющія всю коллективность, караются сильнѣе. Иначе говоря—здѣсь предполагается

---

[1]) Ibid. 943.
[2]) См. Его. Deux lois de l'évolution pénale. 65—77.
[3]) Ibid. 86—94.

единство и тождество моральнаго сознанія всего коллектива, въ силу чего и можетъ тотъ или иной актъ оскорблять психику всѣхъ членовъ коллектива. Допустимъ, что это такъ. Но спрашивается, какое отношеніе имѣетъ къ этому ростъ власти и ея абсолютизма? Власть можетъ вообразить себя сверхбожествомъ, но это еще не значитъ, что моральное сознаніе носителей власти и всего общества тождественно. А вѣдь, для наличности „религіозной преступности“ это условіе, по словамъ самого же Дюркгейма, необходимо... Какъ же можно подмѣнять одно другимъ и бѣлыми нитками сшивать два разнородныхъ явленія. Во-вторыхъ, самъ же Дюркгеймъ утверждаетъ, что съ развитіемъ общества „религіозныя преступленія“ стремятся къ нулю, а возрастаютъ на ихъ счетъ „человѣческія преступленія“. Разъ такъ, то отсюда само собой слѣдовало бы, что чѣмъ далѣе развивается общество, тѣмъ—все менѣе и менѣе возможными становятся „религіозныя“ преступленія. Поэтому и въ Римѣ, согласно словамъ самого же Дюркгейма, онъ, при повышеніи кривой каръ, долженъ былъ бы указать на наличность роста тождественности моральнаго сознанія коллектива. Но онъ самъ же утверждаетъ обратное. Поэтому становится совершенно непонятнымъ, при чемъ здѣсь усиленіе власти. Одно изъ двухъ, или усиленіе власти есть и усиленіе моральнаго единства общества—тогда понятнымъ становится ростъ каръ, какъ реакціи на „религіозныя преступленія“, но тогда нельзя утверждать, что эта „религіозность“ съ развитіемъ общества падаетъ, а поэтому кары ослабляются. Или же, если съ развитіемъ общества „религіозность“ моральнаго сознанія падаетъ, тогда не объяснимо, причемъ здѣсь усиленіе правительственной власти и почему преступленія противъ ея велѣній принимаютъ „религіозный характеръ“. Необъяснимымъ становится даже самъ ростъ этой власти.

Помимо этихъ общихъ соображеній и фактическая провѣрка этого „закона“ на данныхъ исторіи далеко не оправдываетъ его. Во-первыхъ, есть рядъ республикъ, гдѣ кары болѣе жестоки, чѣмъ въ абсолютныхъ монархіяхъ. Карательная система древнихъ Аѳинъ и Спарты была въ общемъ гораздо жесточе, чѣмъ Рима въ періодъ Имперіи. Подобно этому и кары ряда средневѣковыхъ городовъ-республикъ (напр., республики Св. Марка) едва ли можно отнести къ числу менѣе жестокихъ, чѣмъ хотя бы кары ряда средневѣковыхъ монархій. Нельзя сказать, чтобы

степень центральной власти въ Австріи при Іосифѣ II или въ Пруссіи при Фридрихѣ II была менѣе абсолютной, чѣмъ раньше, однако, при нихъ совершилось значительное паденіе кривой каръ. Равнымъ образомъ нельзя сказать также, что и въ Россіи съ Петра I-го до конца царствованія Александра III-го степень абсолютизма падала, однако кары—съ очень незначительными отклоненіями—все болѣе и болѣе падали. Однимъ словомъ, связь, указываемая Дюркгеймомъ, далеко не всеобща и вдобавокъ малопонятна, какъ малопонятнымъ остается и самъ фактъ роста абсолютизма центральной власти.

Попробуемъ подойти къ объясненію кривой каръ въ Римѣ съ точки зрѣнія нашей теоремы. Согласно ей мы, начиная съ эпохи принципата, должны найти здѣсь ростъ антагонизма и разнородности моральнаго сознанія. И дѣйствительно, въ эпоху принципата Римъ включилъ въ составъ своей имперіи настолько разнородные элементы и такое множество различныхъ по своимъ нравамъ, обычаямъ и поведенію народовъ, что поддерживать ихъ взаимное равновѣсіе, подчинить ихъ однимъ нормамъ можно было только путемъ „нечеловѣческихъ“ усилій. И вотъ съ этой именно эпохи мы и видимъ, какъ Римъ начинаетъ напрягать всѣ свои силы, чтобы удержать центробѣжные свои элементы въ одномъ единствѣ, чтобы не допустить ихъ разорваться другъ съ другомъ. Этимъ именно обстоятельствомъ въ значительной степени вызвано было и само усиленіе центральной власти и на ряду съ этимъ—повышеніе кривой каръ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе и труднѣе становится задача поддерживанія единства. Возстанія отдѣльныхъ народовъ становятся чаще и чаще. Указанная задача еще болѣе становится невозможной, благодаря начавшемуся натиску германцевъ, парфянъ и др. народовъ, надвигавшихся на Римскую Имперію. Къ этому обстоятельству присоединяется появленіе христіанства, его ростъ и вносимый имъ разладъ въ единство общества. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе христіанство ширится, антагонизмъ язычниковъ и христіанъ все болѣе и болѣе растетъ и единство общества все болѣе и болѣе падаетъ. Прибавьте къ этому растущее недовольство колоновъ и рабовъ, прогрессирующую быстроту ихъ возстаній, ростъ мятежныхъ группъ или „багаудовъ“, въ III-мъ в. разросшихся до огромныхъ и многочисленныхъ полчищъ, вожди которыхъ одно время даже провозгласили себя императорами (Эліанъ и Амандъ), прибавьте вызываемое тѣмъ же не-

довольствомъ массовое бѣгство къ варварамъ, растущее число преступленій противъ личности, имущества и строя—и тогда вполнѣ понятнымъ становится, почему кары, начиная съ I-го же вѣка начинаютъ все болѣе и болѣе ползти вверхъ [1]). Это, согласно теоремѣ, должно было случиться неизбѣжно и случилось. И чѣмъ болѣе распадалась имперія, тѣмъ сильнѣе давили кары, безуспѣшно пытаясь подавить центробѣжныя силы. И онѣ оказались безсильными. Въ IV в. Римская имперія разорвалась на двѣ части, центробѣжныя силы побѣдили центростремительныя. Изъ этихъ краткихъ штриховъ видно, почему кары должны были повышаться.

Мало того, если взять въ эту же эпоху исторію христіанства и репрессій противъ него—то и исторія гоненій на христіанъ буквально подтверждаетъ сказанное. Многіе изъ историковъ христіанства выражали свое изумленіе тому, что наиболѣе жестокими гонителями христіанъ были лучшіе римскіе императоры (Траянъ, Маркъ Аврелій, и Діоклитіанъ). Но, принявши во вниманіе сказанное, становится понятнымъ, что начиная со II-го вѣка, т.-е. съ эпохи все болѣе и болѣе быстраго распространенія христіанства—борьба съ нимъ должна была становиться все острѣе и острѣе, пока оно не будетъ подавлено или пока оно окончательно не восторжествуетъ, что и случилось при Константинѣ Великомъ.

Если теперь мы возьмемъ другіе случаи колебанія кривой каръ, то увидимъ, что и они вполнѣ согласуются съ указанной теоремой. Переходя отъ древней исторіи къ средней и слѣдя за общей линіей каръ какъ въ восточной римской имперіи, такъ и среди германцевъ и въ меровингско- карловинскихъ областяхъ мы принуждены констатировать, что кривая каръ не понижается въ общемъ, а повышается или стоитъ на достигнутомъ раньше уровнѣ. Если опять-таки исходить изъ теоремы, то вполнѣ понятной становится эта линія наказаній. Въ самомъ дѣлѣ—оба фактора жестокости въ этотъ періодъ налицо. Германскіе и франкскіе народы, выступившіе въ это время на „арену“ исторіи, были примитивны, и, какъ большинство примитивныхъ народовъ, держались примитивной же карат. системы: смертной казни въ

---

[1]) Чрезвычайно яркую характеристику состоянія римской имперіи въ эту эпоху даетъ Сальвіанъ въ своемъ сочиненіи „De gubernatione Dei“ (кн. V, 4—9), написанномъ въ половинѣ V-го вѣка.

области преступленій противъ об-ва, ордалій, композицій и частной мести. Съ другой стороны, всѣ эти вѣка, какъ извѣстно, были эпохой „переселенія народовъ“, политическія тѣла возникали и исчезали съ удивительной быстротой. Образованныя насильственнымъ путемъ изъ самыхъ разнородныхъ единицъ, между моральнымъ уровнемъ которыхъ мы напрасно бы стали искать consensus'a, они, естественно, не могли образовать хоть сколько-нибудь мирнаго сообщества и поэтому или очень быстро распадались сами, или разрушаемы были внѣшними причинами, или же, если и держались, какъ держалась сравнительно долго имперія Карла Великаго, то только при помощи безпощадныхъ каръ: въ видѣ ли безпощаднаго избіенія возстающихъ и безпрерывныхъ войнъ, или же въ видѣ жесточайшихъ наказаній, постигавшихъ всѣхъ „диссидентовъ“ и „преступниковъ“.. [1])

Здѣсь не мѣсто описывать всѣ возникавшіе и лопавшіеся, какъ пузыри, общественные союзы и государства этой эпохи, а равно и перечислять „кружившіеся въ этомъ водоворотѣ народы и племена германцевъ, галловъ, гельветовъ, бойевъ, арависковъ, озовъ, треверовъ, нервитовъ, вангіоновъ, трибоковъ, неметовъ, батавовъ, хапиновъ, маттіаковъ, узипіевъ, тенктеровъ, бруктероовъ, хамавъ, ангриваровъ, кимвровъ, свевовъ, семноновъ, лангобардовъ и т. д. и т. д. [2]), далѣе пиктовъ, анановъ, готовъ, сарацинов, гунновъ, сарматовъ, и т. д. и т. д. Можно только сказать вмѣстѣ съ Іорданомъ (VI-й в.), что въ эту эпоху „всѣ вооружились на взаимную гибель... Королевства распадаются на націи, изъ одного тѣла образуются отдѣльные члены, и одинъ не чувствуетъ боли другого, но по отсѣченіи головы, наносятъ взаимно удары. Сильнѣйшіе народы, не находившіе прежде равныхъ себѣ, теперь растерзываютъ сами себя, всасываясь въ раны другъ другу“ [3]).

При такихъ условіяхъ мудрено было бы ждать паденія каръ И позже, когда образовалась меровинго-каролинская имперія, „сшитая“ наскоро изъ ряда различныхъ народовъ,—опять-таки антагонистическая полярность дана намъ на лицо, а поэтому и не приходится удивляться жестокости капитуляріевъ Карла и

---

[1]) Достаточно съ этою цѣлью напомнить количество войнъ, предпр и нятыхъ Карломъ и степень ихъ жестокости.

[2]) См. Тацитъ. De situ, moribus et popul. German. XXVIII – XLVI

[3]) См. Іорданъ. De Gothorum origine et rebus gestis. L—LII.

его преемниковъ [1]). Но и она скоро распадается, сдѣлавшись жертвой тѣхъ же центробѣжныхъ силъ.

Дальше дѣло не становится лучше ни въ Германіи, ни во Франціи: водворяется феодализмъ, а вмѣстѣ съ нимъ и „война всѣхъ противъ всѣхъ". Не только давленія каръ свѣтской власти, но и двойного давленія церкви и государства недостаточно, чтобы прекратить эти вѣчные антагонизмы, кулачное право и почти безпрерывную борьбу. Мудрено-ли поэтому, что „миръ" никакъ не могъ установиться и только подъ угрозой проклятій церкви послѣ долгихъ усилій удается установить нѣкоторое ограниченіе этого безпрерывнаго взаимнаго преступно-карательнаго потока феодальной борьбы [2]).

Мудрено ли, поэтому, что и въ „установленіяхъ" Людовика Святого, въ Германіи въ Саксонскомъ и Швабскомъ зерцалѣ, а позднѣе въ рядѣ отдѣльныхъ постановленій и въ Каролинѣ— эта жестокость каръ не только не падаетъ, но даже, пожалуй, поднимается [3]). Было бы долго описывать здѣсь всѣ антагонизмы—экономическіе, политическіе, моральные, религіозные и т. д.—непрерывно волновавшіе Европу до 17—18 в. в. Но извѣстный каждому историку наказаній фактъ высокаго состоянія кривой каръ до 17—18 в. в. объясняется именно этой разнородностью населявшихъ Европу народностей. Съ самаго перехода къ среднимъ вѣкамъ передъ жителями Зап. Европы стояла задача уменьшенія взаимной моральной гетерогенности и увеличенія сходства, уменьшенія агрессивности и увеличенія соціальнаго альтруизма, установленія большаго единства между соприкасавшимися въ силу необходимости народами, превращенія въ одно цѣлое совершенно разнородныхъ элементовъ и т. д.

Цѣлые вѣка понадобились, чтобы выполнить эту задачу; рядъ столѣтій до 17—18 в. в. можетъ быть разсматриваемъ какъ время, потраченное на созиданіе органически связанныхъ ши-

---

[1]) См. для харакеристики карательныхъ системъ этого времени Codicis Theodosiani, законы бургундовъ, вестготовъ, капитуляріи Карла и общую характеристику этой эпохи у Loiseleur'a: Les crimes et les peines. 99—124.

Совершенно правильно говоритъ о Теодозіанѣ Луазелеръ, что „la pensée qui inspire la loi est exeellente, mais la peine est excessive" 100.

[2]) См. чрезвычайно характерные декреты о Божьемъ мірѣ Тюлюжскаго (1041 г.) и Клермонтскаго собора (1096 г.).

[3]) См. общій очеркъ. Loiseleur. op. cit. гл. Феод. Франція, Германія въ средніе вѣка, и т. д.

рокихъ общественныхъ союзовъ (государство и церковь). Цѣлые вѣка были нужны, чтобы выдрессировать людей и заставить ихъ жить болѣе гармонично между собой, а равно и измѣнить радикально ихъ психику. Къ 18 в. эта задача была въ значительной степени достигнута, и вотъ кривая каръ начинаетъ съ значительной скоростью понижаться и все болѣе и болѣе падаетъ.

Если теперь мы возьмемъ рядъ отдѣльныхъ эпизодовъ изъ этого процесса, то и здѣсь убѣдимся въ правильности теоремы.

Возьмемъ для примѣра исторію инквизиціи. И здѣсь рычагъ каръ начинаетъ давить сильнѣе тогда, когда въ единой церкви появляются разнородныя теченія. Началомъ инквизиціи можно считать конецъ 12 в. и начало 13 (декретъ Совѣта Вероны отъ 1184 г., порученіе Иннокентія III-го объ отысканіи еретиковъ, данное Pierre ds Castelnau et Raoul въ 1203 г., а затѣмъ эдиктъ 1215 г.), т.-е. то время, когда антагонизмъ различныхъ частей церкви уже укрѣпился, о чемъ и свидѣтельствуетъ появленіе ереси альбигойцевъ и вальденсовъ.

И въ нашей исторіи процессъ „собиранія русской земли“—съ одной стороны, и процессъ поддержанія единства уже собранной земли не обошелся даромъ. Дѣйствительно, ко времени Іоанна III-го этотъ процессъ собиранія въ существенномъ былъ законченъ. Теперь задача государственной власти заключалась въ томъ, чтобы не дать возможности разсыпаться вновьсозданной государственной храминѣ, составленной изъ элементовъ далеко не однородныхъ. Нужно было „склеить“ въ одно цѣлое, какъ народности вошедшія въ составъ государства, такъ и различныя сословія и соціальныя группы, образовавшіяся внутри Московской Руси. И мы, дѣйствительно, видимъ, какъ совершается эта „клейка“. Покореніе и неоднократное усмиреніе Новгорода и Пскова при Іоаннѣ III и IV съ одной стороны, опричнина и массовыя казни Іоанна IV—съ другой, и все болѣе и болѣе растущая жестокость „оффиціальныхъ“ каръ, какъ это видно по Судебникамъ—съ третьей—вотъ свидѣтельства этой „клейки“. Не Іоаннъ IV-й виноватъ въ опричнинѣ, а историческій процессъ, который свои законы диктуетъ одинаково и пастухамъ, и царямъ... Антагонизмъ, однако, не прекращается: рядъ новыхъ причинъ поддерживаетъ его существованіе, конечнымъ пунктомъ котораго является „разруха и смута“.

Мудрено ли поэтому, что и Уложеніе Алексѣя Михайловича не понижаетъ эту жестокость каръ. Задача объединенія еще да-

леко не была выполнена, а потому и кривая каръ не могла понижаться. Только въ 18-мъ в. мы видимъ это пониженіе.

Вообще говоря, всякій соціальный кризисъ, какъ развито было выше, есть слѣдствіе антагонистической разнородности моральнаго сознанія, поэтому всякій кризисъ есть борьба, а соціальная борьба состоитъ именно изъ преступно-карательныхъ актовъ, которые не могутъ не влечь увеличеніе преступленій и наказаній и съ оффиціально-правовой точки зрѣнія. Ришаръ вполнѣ правъ, когда говоритъ, что „это соціальная среда опредѣляетъ формированіе карательнаго права и преступности въ различныя времена. Само общество сознательно или спонтанно организуетъ сопротивленія преступнымъ тенденціямъ, когда оно находится въ нормальномъ состояніи, т.-е. въ состояніи медленнаго, гармоническаго и правильнаго развитія; оно же обусловливаетъ появленіе преступности, когда оно находится въ состояніи кризиса“ [1]).

Отмѣченное уже многими криминалистами статистиками повышеніе преступленій во время экономическихъ кризисовъ—есть лишь частный случай указываемаго нами общаго закона временнаго колебанія каръ (и преступленій) [2]).

Тотъ же Richard не менѣе правильно указываетъ далѣе, что „коллективныя и кровавыя формы преступности соотвѣтствуютъ острымъ кризисамъ, а индивидуальныя и коварно-хитрыя—кризисамъ болѣе мягкимъ и идущимъ на убыль“ (en voie d'attenuation) [3]).

У него же мы находимъ новый рядъ подтвержденій нашей теоремы и его собственнаго положенія. Такъ, Германія конца 15-го вѣка даетъ картину широкаго развитія разбойничества (brigandage) и соотвѣтственно суровыхъ наказаній частныхъ ли (кулачное право) или публичныхъ. Подобнаго рода явленіе при экономическомъ и культурномъ процвѣтаніи Германіи того времени можетъ быть объяснено лишь столкновеніемъ двухъ міровъ: старо-католическаго и ново-протестантскаго, родоначальниками котораго были лолларды, Гуссъ и др., дѣйствовавшіе до этого и въ это время. Не менѣе Гзнаменательны и данныя, приводи-

---

[1]) См. превосх. ст. Richard'a. Les crises sociales et les conditions de la criminalité (L'année sociologique. 1900 г. стр. 17).

[2]) См. напр. A. Meyer. Das Verbrechen in seinem Zusammenhang mit dem wirtschaftl. und sozialen Verhalten. 1895 г.

[3]) Richard. Ibid. 27.

мыя имъ относительно кривой убійствъ въ Италіи, когда мы ихъ сопоставимъ съ кривой смертной казни: кривая убійствъ Италіи даетъ такія цифры. Она постепенно спускается съ 8000 убійствъ въ годъ около 1860 г. до 5418 въ 1880 г., до 4288 въ 1885 г., до 3628 въ 1890 и 3,861 въ 1895. Чѣмъ объяснить подобнаго рода паденіе этого рода преступленій?

Ришаръ вполнѣ правильно указываетъ на то, что эпоха послѣ 1860 г. есть эпоха новой жизни Италіи, вышедшей изъ состоянія кризиса, въ какомъ она была до половины 19-го столѣтія и вновь возродившейся въ видѣ національнаго государства, свободнаго отъ опеки церкви и другихъ государствъ. Параллельно съ этимъ уменьшеніемъ преступленій падаютъ и наказанія и въ 1890 г. смертная казнь въ Италіи отмѣняется [1]). И этотъ фактъ прямое подтвержденіе теоремы, ибо разъ убійства падаютъ, то значитъ consensus все болѣе и болѣе укрѣпляется, а потому нѣтъ уже надобности въ давленіи рычага каръ.

Подобный же процессъ паденія убійствъ по даннымъ Ришара происходилъ и во Франціи, начиная съ 1830 г.—конца стараго режима и до 1871 г.—новаго кризиса, когда кривая убійствъ повышается и затѣмъ снова быстро падаетъ. Если же взять періодъ съ 1788 по 1801 г.—періодъ кризисовъ, то здѣсь наблюдается громадное число убійствъ, необычайное развитіе разбойничества, особенно на Югѣ Франціи. Какъ же идетъ кривая каръ? Она идетъ параллельно. Развитіе разбойничества и грабежа въ эпоху съ 1788 по 1801 г. означаетъ усиленіе антагонизма — поэтому, согласно теоремѣ, должны усилиться и кары. Такъ оно и есть. Февральскій законъ Наполеона отъ 1801 г. учреждаетъ военные суды вмѣсто обычной юрисдикціи, въ нѣсколько мѣсяцевъ разстрѣливаются сотни людей послѣ суммарно-групповыхъ процессовъ и brigandage прекращаетъ свое существованіе [2]).

Аналогичное же сопутствіе и параллельный ходъ кризисовъ, роста преступленій, и повышенія жестокости каръ наблюдается и въ исторіи Индостана конца 18 и начала 19-го столѣтія, въ

---

[1]) См. Гернетъ. Смертн. казнь. 2. Здѣсь же на стр. 135 приведены данныя, показывающія, что и въ годы съ 1895 по 1906 г. убійства все болѣе и болѣе уменьшались.

[2]) Richard. Ibid. 27.

моментъ борьбы ислама съ индуизмомъ, и въ Индокитаѣ конца 18-го вѣка [1]).

Изъ приведенныхъ выше фактовъ и разъясненій видно, что такъ должно быть всюду. Всякій кризисъ есть симптомъ столкновенія моральныхъ нормъ, это столкновеніе есть уже соціальная борьба, борьба же есть взаимный обмѣнъ преступленіями и наказаніями, ея появленіе и ростъ есть ростъ и послѣднихъ, поэтому нельзя не согласиться съ Richard'омъ въ томъ, что за всякимъ соціальнымъ кризисомъ скрывается „кризисъ этико-религіозный, т.-е. быстрое исчезновеніе старыхъ вѣрованій и морали и появленіе новыхъ вѣрованій, правъ и обязанностей“ [2]).

Такимъ образомъ мы на рядѣ фактовъ убѣдились въ томъ, что наша теорема о колебаніяхъ санкцій вполнѣ можетъ быть подтверждена множествомъ историческихъ фактовъ и при надлежащемъ анализѣ любое періодическое колебаніе подтвердитъ ея правильность.

Изучая закономѣрность подъема и пониженія каръ и наградъ за отдѣльные преступленія и подвиги слѣдуетъ имѣть въ виду двоякаго рода пониженія, вызываемыя различными причинами: однѣ кары за опредѣленнаго рода преступленія понижаются въ силу того, что поведеніе людей поднимается на должную высоту и сами преступленія становятся все болѣе и болѣе рѣдкими. Другія же кары понижаются потому, что часто поступокъ, считавшійся раньше преступнымъ, позднѣе перестаетъ быть таковымъ. А разъ онъ пересталъ быть преступленіемъ, то, понятно, не вызываетъ и никакой кары. Въ первомъ случаѣ психика и поведеніе людей поднимаются на большую моральную высоту, начинаетъ совершать или не совершать актъ, который раньше могъ совершаться или не совершаться лишь благодаря давленію каръ. Во второмъ случаѣ этого подъема не совершается, но просто „вскрывается“ заблужденіе предшествующаго времени; а это вскрытіе своимъ послѣдствіемъ имѣетъ упраздненіе кары. Такъ, напр., исторически проявляющееся смягченіе наказаній за убійство обусловливается тѣмъ,

---

[1]) Richard. Ibid. 27—29.
[2]) Ibid. 34, 35.

что историческая дрессировка вела людей къ все большему и большему вытравленію изъ ихъ психики злостныхъ импульсовъ, ведшихъ къ убійству, и все болѣе и болѣе укрѣпляла отвращеніе къ актамъ убійства. Иначе обстоитъ дѣло уже съ другими преступленіями. Раньше, напр., въ рядѣ народовъ карался актъ прохожденія по тѣни другого человѣка или же религіозное разномысліе въ той или иной формѣ. Въ послѣдующія эпохи кары за эти поступки исчезли, но исчезли не потому, что люди не стали переступать тѣнь другого, или не потому, что всѣ стали одинаковѣрующими — но потому, что сами эти акты были поняты, какъ акты, не имѣющіе ничего преступнаго и объявленные преступленіями лишь „по недоразумѣнію".

Все сказанное о карахъ приложимо въ одинаковой степени и къ услужно—награднымъ явленіямъ.

Синтезируя историческія тенденціи паденія санкцій съ теоремой ихъ временнаго колебанія, принимая во вниманіе растущую быстроту соціальнаго приспособленія, а равно и степень достигнутаго согласованія поведенія людей, фактически выходящаго далеко за предѣлы государства и обнимающаго Европу и всѣ культурныя страны Америки, Азіи и Африки, мы съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія можемъ констатировать, что человѣчество уже выполнило самую важную и трудную часть своей задачи—установленія общечеловѣческаго consensus'а въ поведеніи и установленія гармоніи въ дальнѣйшей соціальной эволюціи. Чѣмъ далѣе—тѣмъ скорѣе пойдетъ этотъ процессъ и предѣломъ ему можетъ быть только полное гармоническое шествіе на новыя моральныя и культурныя выси.

Правда, это стоило довольно дорого человѣчеству и пришлось тысячамъ поколѣній „унавозить" собой и своими страданіями эту дорогу совершенствованія, но... „судьба жертвъ искупительныхъ проситъ" и было бы безполезно предъявлять искъ къ міровой необходимости или, что то же, къ „космической случайности".

ГЛАВА X-я.

Прогрессъ человѣческаго поведенія.

Обзоръ конкретнаго историческаго матеріала показалъ, что дедуктивно-сдѣланные выводы не висятъ въ воздухѣ, а подтверждаются дѣйствительностью. Разъ это такъ, то отсюда вытекаютъ весьма важныя послѣдствія, имѣющія какъ чисто теоретическое, такъ и практическое значеніе. Нѣтъ надобности доказывать, что если предыдущія положенія не вполнѣ ложны — то они имѣютъ извѣстное значеніе и для разумно-практической дѣятельности, въ частности, для цѣлей разумнаго и плодотворнаго воспитанія людей—воспитанія, сознательно направляющаго поведеніе человѣка въ желательную сторону.

Съ другой стороны, мы не можемъ не подчеркнуть того, что разсмотрѣнныя нами тенденціи даютъ отвѣтъ на одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ исторической науки, имѣющихъ большое значеніе для каждаго человѣка, пытливо спрашивающаго себя о прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ судьбахъ человѣчества. Этотъ вопросъ гласитъ: улучшается или ухудшается природа человѣка съ развитіемъ соціальнаго процесса, иначе говоря, есть ли историческій процессъ въ то же время и прогрессъ, т.-е. движеніе отъ худшаго къ лучшему, отъ низинъ къ вершинамъ, или же это есть регрессъ, постепенный переходъ отъ лучшаго къ худшему?

Отвѣты на этотъ вопросъ, какъ извѣстно, были весьма различны [1]). Одни разсматривали историческій процессъ, какъ

---

[1]) См. изложеніе и анализъ понятія прогресса и эволюціи въ моей ст. „Къ вопросу объ эволюціи и прогрессѣ“. Вѣстн. психол.“ 1911. См. также послѣдній томъ Анналовъ Международн. Института Соціологіи, посвященный прогрессу. Le progrès. 1913.

„шагъ на мѣстѣ“, какъ вѣчное, безсмысленное, безпорядочное и монотонное круговращеніе (Экклезіастъ, Вико, Ницше и др.). Другіе говорили, что природа человѣка съ развитіемъ исторіи постепенно ухудшалась, что идеальный золотой вѣкъ былъ на зарѣ исторіи, въ прошломъ, а настоящее и будущее—есть только исканіе этого прошлаго (Руссо, Ж. Де-Местръ и др.).

Иные думали, что отвѣтить на этотъ вопросъ нельзя, ибо нѣтъ данныхъ, которыя позволяли бы опредѣленно рѣшить эту проблему положительно или отрицательно.

Въ наше время приходится постоянно слышать и читать о томъ, что мы переживаемъ нравственный кризисъ, что въ обществѣ замѣчается паденіе моральныхъ устоевъ, что безнравственность, пороки и развратъ все быстрѣе и быстрѣе растутъ, что преступленія увеличиваются и т. д. и т. д. Исходя изъ такихъ посылокъ, люди, такъ думающіе, произносятъ горячія филиппики, клеймящія безнравственность общества, требуютъ суровыхъ и строгихъ мѣръ противъ роста безнравственныхъ поступковъ, требуютъ смертной казни и запрещенія преступникамъ производить дѣтей и т. д.; въ противномъ случаѣ, добавляютъ они, дѣлая выразительно великолѣпный жестъ, человѣчество попадетъ въ бездну безправія, насилія, неморальности и быстро выродится.

Мы не принадлежимъ къ тѣмъ оптимистамъ, которые всякое болѣе позднее по времени событіе считаютъ и лучшимъ, которые держатся принципа „что позже, то лучше“ и отождествляютъ историческій процессъ съ прогрессомъ. Почва такихъ лицъ чрезвычайно шатка и достаточно небольшого знакомства съ исторіей человѣчества, чтобы привести примѣры, показывающіе, что не всегда худшее вытѣснялось лучшимъ, но бывало и обратно. Однимъ словомъ, нельзя утверждать, что прогрессъ постоянно идетъ по прямой линіи, безъ зигзаговъ, поворотовъ и отклоненій.

Но признаніе этихъ зигзаговъ нисколько не мѣшаетъ намъ въ основныхъ чертахъ согласиться съ тѣми оптимистами, которые, какъ Кондорсэ, Контъ, Спенсеръ и др., далеки были отъ всякаго пессимизма и принимали за основную линію историческаго процесса—линію прогресса.

Я не буду здѣсь входить въ изученіе гносеологическихъ предпосылокъ прогресса, не буду равнымъ образомъ касаться и предпосылокъ общезначимости того или иного идеала или „міра должнаго“. Вмѣсто всего этого я ограничусь слѣдующимъ: если

мы считаемъ соціально-полезное (альтруистическое) поведеніе лучшимъ, чѣмъ соціально-вредное (эгоистическое), если мы считаемъ солидарность и гармонію людей между собою лучшимъ, чѣмъ кровавую борьбу и вѣчные жестокіе конфликты, если мы считаемъ болѣе быстрый ростъ знанія и болѣе быстрый ходъ къ міру солидарности лучшимъ, чѣмъ невѣжество и черепашій ходъ къ взаимопомощи, если мы считаемъ поведеніе человѣка, руководствующагося только стимуломъ общественной пользы, лучшимъ, чѣмъ поведеніе человѣка, руководствующагося карами и наградами, если, наконецъ, мы считаемъ отсутствіе каръ и наградъ, не ведущее къ росту соціально-вредныхъ поступковъ, лучшимъ, чѣмъ безпощадныя кары и грандіозныя награды, если, иначе говоря, мы считаемъ поведеніе человѣка, безкорыстно изъ чувства общей пользы и добросовѣстно исполняющаго соціально-полезныя функціи, лучшимъ, чѣмъ поведеніе человѣка, исполняющаго тѣ же функціи только благодаря ударамъ кнута, розгамъ, пыткамъ и угрозамъ или благодаря обѣщанію различныхъ „приманокъ“ и выгодъ, если, наконецъ, мы считаемъ любовь людей другъ къ другу лучшимъ, чѣмъ вражду и ненависть—если все это мы считаемъ лучшимъ (прогрессомъ)—то должны сказать, что историческій процессъ, несмотря на зигзаги и отклоненія, въ своемъ цѣломъ видѣ есть и прогрессъ.

Въ предыдущемъ мы это старались показать не только путемъ дедуктивно выведенныхъ посылокъ, но и путемъ обзора историческаго матеріала. Этотъ обзоръ намъ показалъ, что съ поступательнымъ ходомъ человѣчества происходитъ и постепенное улучшеніе его природы и его поведенія: соціально полезные шаблоны, благодаря повторенію, все болѣе и болѣе закрѣпляются и становятся все болѣе и болѣе устойчивыми; соціально-

вредные шаблоны все болѣе и болѣе расшатываются, благодаря ускоряющемуся процессу соціальной эволюціи. То и другое ведетъ къ уничтоженію конфликтовъ—съ одной стороны, и къ смягченію ихъ—съ другой. А это обстоятельство, въ свою очередь, ведетъ къ все большему и большему исчезновенію и смягченію каръ и наградъ [1]).

То соціально-полезное поведеніе, которое раньше добывалось отъ индивида лишь подъ угрозой смерти (напр., не оскорблять другого—иначе кровная месть), или кнута и истязанія (рабство и работа рабовъ), или мучительныхъ и членовредительныхъ наказаній (не убій, не воруй и т. д. иначе—отсѣченіе руки, лишеніе глаза и т. д.) или же расточительныхъ каръ и наградъ—постепенно начинаетъ выполняться индивидомъ безъ всякаго принужденія, безъ всякихъ каръ и наградъ; оно становится ему „привычнымъ“, органически-свойственнымъ, оно превращается въ внутренній „долгъ“, въ необходимый импульсивный актъ.

А это явленіе уже грандіозный и великій шагъ въ сторону лучшаго, болѣе высокаго и соціально-полезнаго поведенія.

Достаточно его одного, чтобы признать, что человѣкъ все болѣе и болѣе приспособляется къ соціальной средѣ, т.-е. къ общежитію сочеловѣковъ.

Но мало этого, оказывается, что человѣческое поведеніе улучшается не только въ этомъ смыслѣ, а оно улучшается, такъ сказать, въ квадратѣ. Дѣйствительно, если бы данъ былъ опредѣленный уровень соціально-полезнаго поведенія, возможнаго вначалѣ лишь при давленіи каръ и наградъ и постепенно становящагося внутренне необходимымъ поведеніемъ, дѣлающимъ излишними кары и награды—то и это уже было бы прогрессомъ. (1-я степень). Но оказывается, что уровень соціально-полезнаго поведенія все повышается, къ индивиду предъявляются все большія и большія требованія, заставляющія его поступать все болѣе и болѣе соціально-полезно, и однако, кары и награды не только не растутъ, но падаютъ и при этомъ условіи... Если бы кары и награды не падали, но соціально-полезное поведеніе повышалось—то это былъ бы прогрессъ первой степени. Но исторія человѣчества показываетъ намъ одновременно и

---

[1]) См. массу историческихъ фактовъ въ статьѣ М. М. Ковалевскаго. Прогрессъ. Вѣстн. Европы. Февраль, 1912 г. Annales. т. XIV. 187—238, а также F. Buisson. Ibid. 238—246.

повышеніе уровня соціально-полезнаго поведенія и пониженіе каръ и наградъ, т.-е. двойной прогрессъ, или прогрессъ въ квадратѣ... Проиллюстрируемъ сказанное... По вычисленіямъ Сутерланда общество низшихъ дикарей состоитъ въ среднемъ изъ 40 человѣкъ, среднихъ—150, высшихъ—360 человѣкъ. Несмотря на такую малочисленность и простоту, и тутъ дикарь не былъ приспособленъ къ соціальной жизни. Не говоря уже о томъ, что онъ находился въ безпощадной и кровавой борьбѣ со всѣми остальными племенами, даже внутри своего племени сносное соціально-полезное поведеніе добывалось отъ него только при условіи безпощадныхъ каръ и наградъ... Внутри-групповые раздоры—не рѣдкость среди дикарей, а кары и награды, какъ мы старались показать выше, безпощадны, неумолимы и изобильны.

Въ дальнѣйшемъ человѣкъ живетъ уже въ болѣе многочисленныхъ группахъ. Общества варваровъ въ среднемъ насчитываютъ отъ 6,500 человѣкъ (низшіе варвары), до 442,000 (высшіе варвары).

Человѣку, живущему въ такихъ обществахъ, уже труднѣе координировать свое поведеніе, чѣмъ человѣку, живущему въ группѣ изъ 40 человѣкъ... Въ первомъ случаѣ нужно согласовать свое поведеніе только съ поведеніемъ 40 человѣкъ, во второмъ съ 442,000-ми. Ясно, что въ послѣднемъ случаѣ возможностей для конфликтовъ гораздо больше. Однако, что же мы видимъ?—А то, что внутри-групповыя кары и награды въ среднемъ не только не растутъ, но обнаруживаютъ тенденцію къ паденію.

Вмѣстѣ съ этимъ уменьшается и возможность междугрупповыхъ конфликтовъ.

Далѣе общества цивилизованныхъ народовъ въ среднемъ насчитываютъ отъ 4,200,000 индивидовъ (низшіе цивил. народы) до 24,000,000, и выше [1]). И однако, несмотря на этотъ ростъ общества, несмотря на возросшую возможность конфликтовъ, число конфликтовъ не только не становится многочисленнѣе и острѣе, внутриобщественныя карательныя и наградныя реакціи не только не растутъ, но падаютъ, становятся мягче и гуманнѣе...

---

[1]) См. Сутерландъ. Происхожденіе и развитіе нравств. инстинкта. Изд. Павленкова. 1900. Стр 382.

Отъ дикаря, живущаго въ средѣ 40 человѣкъ, невозможно было безъ жестокихъ каръ добыть необходимое соціально-полезное поведеніе къ своимъ сочленамъ, не говоря уже объ иноплеменникахъ. Теперь же, отъ человѣка это соціально-полезное поведеніе (и гораздо болѣе широкое и глубокое) съ гораздо меньшими карами и наградами, а то и совершенно безъ нихъ, добывается по адресу не только 40 человѣкъ, но по адресу десятковъ, сотенъ милліоновъ людей и даже по адресу всего человѣчества...

Вмѣстѣ съ этимъ ростомъ обществъ въ обратной пропорціи уменьшается и возможность междугрупповыхъ войнъ, ибо само число группъ уменьшается. Нужно ли говорить, что въ наше время, когда всего насчитывается нѣсколько десятковъ государствъ на всемъ земномъ шарѣ—возможность для междугрупповыхъ конфликтовъ гораздо меньшая и они случаются гораздо рѣже, чѣмъ раньше, когда достаточно было каждаго пустяка для возникновенія борьбы между первобытными группами, фактически почти постоянно находившимися въ войнѣ. Нужно ли также говорить, что для наиболѣе развитыхъ и соціально-воспитанныхъ людей нашего времени теперь „нѣсть ни Эллинъ, ни Іудей, ни рабъ, ни свободь“, но всякій человѣкъ—собратъ, по отношенію къ которому необходимо поступать такъ же, какъ и по отношенію къ „своему“ человѣку...

А развѣ все это не улучшеніе въ квадратѣ? Уровень требуемаго соціально-полезнаго альтруизма поднялся на громадную высоту, а кары и награды не только не поднялись, но, наоборотъ пали.

Можно тотъ же прогрессъ соціально-полезнаго поведенія показать и въ глубину, а не только въ ширину...

Возьмемъ для примѣра актъ убійства. Въ первобытныя времена подобный актъ былъ обычнымъ явленіемъ и сплошь и рядомъ не представлялъ никакого „преступленія“, а былъ нормой, Убивали другъ друга, убивали женъ, дѣтей, стариковъ. Не только разрѣшалось убивать, но даже приказывалось... Убивали за каждый пустякъ, подобно тому фиджійцу, который ни за что, ни про что схватилъ своего ребенка за ноги и ударилъ головой о скалу... Убійство иноземцевъ было подвигомъ, убійство рабовъ—не преслѣдовалось, а вполнѣ допускалось; то же относится и къ убійству членовъ низшихъ кастъ...

Теперь же никто не можетъ убивать другого... Даже убійство преступниковъ и то, по справедливости, вызываетъ протесты, какъ, по справедливости, вызываютъ протесты и мѣры, рекомендовавшіяся Ломброзо, Гарофало, Ферри, и въ послѣднее время, Геккелемъ, мѣры, отъ которыхъ большинство этихъ авторовъ поспѣшило отказаться... Отмѣна смертной казни есть вопросъ времени.

Мало того, въ данный моментъ индивиду предъявляется требованіе не только воздерживаться отъ убійства кого бы то ни было, но воздерживаться и отъ какого бы то ни было оскорбленія, насилія и вообще нанесенія ущерба другому... Уровень требуемаго отъ индивида соціально-полезнаго поведенія возросъ на громадную величину въ сравненіи съ первобытными требованіями и, однако, кары и награды не только не возросли, а пали.

Это значитъ, что требуемое соціально-полезное поведеніе, несмотря на его возросшій уровень, выполняется индивидомъ гораздо легче, чѣмъ выполнялъ первобытный человѣкъ требуемые отъ него акты. Ахиллесъ, несмотря на богатѣйшій выкупъ, обѣщанный ему Ликаономъ, не воздержался отъ убійства, теперь у наиболѣе культурныхъ лицъ, несмотря ни на какую награду, не поднимется рука на убійство...

А развѣ все это не прогрессъ въ квадратѣ?

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, мы можемъ сказать, что мы не являемся сторонниками «предустановленной гармоніи» и не думаемъ нисколько отрицать, что бываютъ въ исторіи регрессивные повороты, но это не мѣшаетъ намъ видѣть основную восходящую линію повышающагося соціально-полезнаго поведенія человѣка, улучшенія и облагороженія этого поведенія, т.-е. линію прогресса [1]).

Если вѣрны были установленныя выше историческія тенденціи, то спрашивается, каковъ же тотъ предѣлъ, къ которому онѣ ведутъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ сами тенденціи.

Такимъ предѣломъ, очевидно, будетъ полное уничтоженіе каръ и наградъ. Но ясно, что

---

[1]) См. великолѣпныя страницы у Л. І. Петражицкаго: „Акціи и бирж. игра“ гл. І-я, и превосходную брош. Е. В. Де-Роберти. „Qu'est-ce que le progrès“.

если таковъ конкретный итогъ всей соціальной эволюціи, то онъ можетъ реализоваться лишь при томъ условіи, когда исчезнутъ тѣ причины, которыя вызвали появленіе каръ и наградъ. Такими ближайшими причинами являются преступленія и подвиги, въ свою очередь, вызванныя конфликтнымъ характеромъ развитія и роста соціальной жизни. Слѣдовательно, чтобы возможенъ былъ указанный результатъ, т.-е. полное паденіе каръ и наградъ, необходимо должна исчезнуть и вызвавшая ихъ причина, т.-е. конфликты шаблоновъ поведенія. Возможно ли это и если возможно, то какимъ образомъ? Два основныхъ процесса, ведущіе къ этому мы уже указали выше: одинъ изъ нихъ состоитъ въ томъ, что соціально-полезные шаблоны поведенія все болѣе и болѣе растутъ, растутъ одновременно и вглубь и вширь, т.-е. охватываютъ все большіе и большіе аггрегаты людей. Уже и въ настоящее время для наиболѣе передовой части человѣчества такимъ аггрегатомъ является въ принципѣ все человѣчество. Чѣмъ дальше будетъ итти исторія—тѣмъ эта часть людей будетъ все болѣе и болѣе расти.

Это ростъ вширь. Съ другой стороны соціально-полезные акты растутъ и по своей интенсивности. Съ поступательнымъ ходомъ исторіи они все большее и большее число разъ повторяются, а это, согласно сказанному выше, ведетъ къ тому, что они становятся все устойчивѣе и устойчивѣе; внутренній импульсъ, побуждающій къ этимъ актамъ, становится все сильнѣе и сильнѣе, слѣд., опасность нарушенія ихъ все болѣе и болѣе падаетъ. Таковъ одинъ процессъ.

Другой процессъ, параллельный и неразрывный отъ перваго, заключается въ томъ, что благодаря прогрессирующей быстротѣ смѣны шаблоновъ, шаблоны соціально-вредные не успѣваютъ застыть и кристаллизоваться. Чѣмъ быстрѣе идетъ смѣна ихъ, тѣмъ меньшее число разъ они могутъ повторяться, слѣд., тѣмъ менѣе шансовъ на то, чтобы они могли образовать сильные импульсы къ совершенію такихъ поступковъ. Эти импульсы, побуждающіе къ совершенію соціально-вредныхъ актовъ, благодаря этому, становятся все слабѣе и слабѣе и, въ концѣ концовъ, даже могутъ и совершенно не быть, т.-е. быстрота соціальной эволюціи приведетъ къ тому, что не будетъ возможности и для образованія самихъ соціально-вредныхъ импульсовъ.

А разъ это такъ, то само собой понятно, что для уничтоженія такихъ соціально-вредныхъ актовъ вовсе не нужны будутъ

современныя, а тѣмъ болѣе прошлыя кары и награды. Чѣмъ сильнѣе импульсъ, побуждающій къ соціально-вредному акту, тѣмъ труднѣе уничтожить его, а тѣмъ самымъ предотвратить соціально-вредный актъ; слѣдовательно, тѣмъ интенсивнѣе должны быть кары и награды. Чѣмъ слабѣе импульсъ, тѣмъ легче можно уничтожить его и тѣмъ меньшими должны быть кары и награды. Тамъ же, гдѣ и импульса-то въ собственномъ смыслѣ нѣтъ, тамъ, понятно, не будетъ никакой кары и награды или же будетъ только слабая тѣнь ихъ.

Таковъ предѣлъ, къ которому стремятся указанныя историческія тенденціи, и таковы два основныхъ условія, ведущія къ этому предѣлу и тѣмъ самымъ уничтожающія конфликты, какъ причины каръ и наградъ. Подобно тому, какъ было сказано: „война нужна была для того, чтобы уничтожить войну“, точно также можно сказать: «кары и награды нужны были для того, чтобы уничтожить кары и награды». Таковъ выводъ изъ всего предыдущаго...

Но здѣсь намъ могутъ сказать, если не будетъ больше конфликтовъ, то неравносильно ли это тому, что исторія остановится, что человѣчество, достигнувъ этого состоянія, разъ навсегда застынетъ въ опредѣленной соціальной обстановкѣ и соціальная жизнь кристаллизуется навѣки въ разъ достигнутыхъ формахъ?

Нѣтъ, совершенно не равносильно. Уничтоженіе конфликтовъ вовсе не означаетъ уничтоженія дальнѣйшаго развитія.

Рота солдатъ можетъ итти стройно и можетъ итти безпорядочно (конфликтно). Если она идетъ стройно (подвижное равновѣсіе), то это вовсе не означаетъ, что она стоитъ на одномъ мѣстѣ. Это означаетъ только то, что она движется, но движется гармонично. То же самое относится и къ соціальной эволюціи. Уничтоженіе конфликтовъ вовсе еще не означаетъ уничтоженія самого процесса развитія и поступательнаго хода, а оно означаетъ только то, что соціальный процессъ, будучи раньше конфликтнымъ, пересталъ быть таковымъ и сталъ гармоничнымъ. (Подвижное и гармоничное равновѣсіе).

То, что раньше было внѣшне-декретируемымъ „долгомъ“, за неисполненіе котораго грозили карой, и то, что раньше можно было добыть отъ индивида лишь съ помощью наградъ, то съ теченіемъ времени становится „долгомъ“, но долгомъ не извнѣ навязываемымъ, а долгомъ свободнымъ, самопроизвольнымъ,

органически-присущимъ внутреннимъ импульсомъ. Это долгъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понималъ Гюйо. Это есть „нѣкоторая форма импульса, сила, настойчивость ребующая своего проявленія“ [1]), или „любовь“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее понимали Будда, Христосъ и др. великіе проповѣдники дѣйственной любви, которая является основной нормой и въ „политикѣ права“ проф. Петражицкаго [2]). Иначе говоря—это свободное хотѣніе индивида... Для того, чтобы заставить голоднаго пообѣдать—не нужно каръ и наградъ, онъ самъ съ удовольствіемъ сядетъ за столъ и будетъ ѣсть. То же и тутъ, кары и награды нужны только тогда и для того, кто не приспособленъ къ соціально-полезному поведенію; тамъ же, гдѣ соціально-полезные шаблоны являются органической потребностью, тамъ кары и награды излишни [3]).

Такимъ образомъ, роль каръ и наградъ заключалась и заключается еще отчасти въ созданіи, расширеніи и укрѣпленіи соціальной солидарности. Но по мѣрѣ роста послѣдней—кары и награды падаютъ. Онѣ, слѣдовательно, создавая солидарность, сами роютъ себѣ могилу, въ которой и будутъ похоронены на вѣки вѣчные...

Сверхчеловѣкъ, стоящій выше современнаго добра и зла, права и нравственности, не знающій извнѣ навязываемаго „долга“ и полный дѣйственной любви къ сочеловѣкамъ,—вотъ предѣлъ, къ которому ведетъ исторія человѣчества.

Таковъ, итогъ данной работы, и таковы перспективы, открывающіяся передъ нами съ точки зрѣнія выше развитыхъ положеній.

---

[1]) См. Г ю й о. Очеркъ морали изд. Знанія. СПБ. 1898 г. стр. 372—373.
[2]) См. Его статью „Къ вопросу о соц. идеалѣ“.
[3]) При такомъ положеніи дѣла, конечно, должно совершиться и паденіе трехъ указываемыхъ категорій актовъ: должныхъ, запрещенныхъ и рекомендованныхъ. Это различіе тогда должно исчезнуть и замѣниться великой дѣйственной, самопроизвольной любовью къ другимъ, не знающей ни добра, ни зла, ни приказовъ, ни запретовъ. Л. І. П е т р а ж и ц к і й правъ, когда говоритъ: „Право существуетъ изъ-за невоспитанности, дефектности челов. психики, и его задача состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать себя лишнимъ и быть упраздненнымъ.... Съ теченіемъ времени вся нравственность отойдетъ въ область преданій, какъ воспоминаніе о былой некультурности людей и необходимости держать ихъ психику въ тискахъ нравственности... Идеалъ людей есть не только сверхправный, но и сверхнравственный идеалъ“... Ibid. 48, 50, 51,

Опечатки.

Стр.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
29	14 (сверху)	той же частные виды	частные виды той же
35	1 —	abst-racto	abstracto.
38	9 (снизу)	исключительио	исключительно
65	10 (сверху)	является	не является.
65	18 —	предосудительные	предосудительное
65	8 —	2)	1)
65	19 —	1)	2)
66	4 (снизу)	опастностью	опасностью.
66	3 —	дѣлами	цѣлями
66	18 —	правоучителю	правоучредителю.
74	7 —	prèixistant	prèexistant
93	10 —	„ложнаго“	„должнаго“
93	6 —	difterentia	differentia
98	9 —	привиллегіей	привиллегій.
99	5 —	intenn.	intern.
104	9 —	actinis	actionis
—	2 —	Ученія	Ученіе
105	12 —	и etc.	, etc.
137	8 (сверху)	Надъ индивидуальныя	надъиндивидуальныя
152	7 (снизу)	Не активно	На активно
217	14 —	istu berhaupt	ist uberhaupt.
218	17 (сверху)	слѣлать	сдѣлать
226	14 —	сталкиваются	сталкивается.
252	1 (снизу)	азрядахъ	разрядахъ.
286	4 (сверху)	2)	1)
315	5 —	обществолъ	обществомъ
323	6 (снизу)	миросозерцаніямъ	міросозерцаніямъ.
333	1 —	Setinmetz.	Steinmetz.

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе М. М. Ковалевскаго . . . . . III— VII
Предисловіе автора . . . . . IX—XIII
Введеніе. Нормативная ли наука этика и можетъ ли она ею быть . . . . . XV—L

Книга первая. Систематика актовъ поведенія.

Глава I-я. Соціальное явленіе . . . . . 1— 41
§ 1. Природа соціальнаго явленія . . . . . 1— 25
§ 2. Двѣ стороны соціальнаго явленія: внутренне-психическая и внѣшне-символическая . . . . . 25— 34
§ 3. Условія возможности правильнаго психическаго взаимодѣйствія . . . . . 35— 41
Резюме . . . . . 40— 41
лава II-я. Классификація актовъ поведенія . . . . . 42— 58
§ 1. Три основныя формы поведенія . . . . 42— 53
Резюме . . . . . 52— 53
§ 2. Три основныя формы реагированія на чужіе поступки . . . . . 54— 58
Резюме . . . . . 57— 58
Глава III-я. Преступленіе и подвигъ . . . . . 59—101
§ 1. Преступленіе . . . . . 59— 93
§ 2. Подвигъ . . . . . 94—101
Глава IV-я. Наказаніе и награда . . . . . 102—164
§ 1. Наказаніе и награда и ихъ связь съ преступленіемъ и подвигомъ . . . . . 102—110
§ 2. Условія «вмѣненія» преступленія и подвига . . . . . 111—125
§ 3. Объ элементахъ преступнаго и услужнаго акта . . . . . 125—142
О субъектѣ подвига и преступленія . . 126—134
Объ объектѣ услуги (преступленія) и его модальностяхъ . . . . . 134—136
Объ адресатахъ услуги и преступленія 136—142
§ 4. Внѣшняя однозначность преступленія и наказанія, подвига и награды . . . . 142—150
§ 5. Классификація подвиговъ и наградъ (преступленій и наказаній) . . . . . 150—152
Конкретныя иллюстраціи различныхъ услугъ и наградъ (по объекту) . . . . 153—163
§ 6. Шаблонизація ка́ръ и наградъ . . . . 163—164

Книга вторая. Функціи каръ и наградъ.

Глава V-я. Вліяніе каръ и наградъ на поведеніе человѣка 167—215
§ 1. Мотиваціонное дѣйствіе наградъ и наказаній . . . . . 167—173
§ 2. Основныя теоремы этого дѣйствія . . . 173—210
§ 3. Дрессирующее вліяніе каръ и наградъ 210—215
Глава VI-я. Соціальная роль каръ и наградъ . . . . . 216—247
§ 1. Соціальная борьба, какъ слѣдствіе и симптомъ антагонизма моральныхъ убѣжденій . . . . . 216—220
§ 2. Внутри-групповая роль санкцій . . . . 220—234
§ 3. Внѣ-групповая роль санкцій . . . . . 234—247

Книга третья. Генезисъ и эволюція основныхъ формъ поведенія.

Глава VII-я. Какъ возникаетъ и измѣняется организація группы . . . . . 251—310
§ 1. Теоріи «механистовъ и финалистовъ» . 251—274
§ 2. Безсознательное возникновеніе организаціи . . . . . 274—286
§ 3. Почему безсознательныя взаимоотношенія становятся сознательными? . . . . 287—300
§ 4. Схема общественной эволюціи . . . . . 300—310
Резюме . . . . . —310
Глава VIII-я. Эволюціонныя тенденціи каръ и наградъ . . 311—422
§ 1. Историческія тенденціи, вытекающія изъ предыдущаго . . . . . 311—313
§ 2. Тенденція прогрессирующей быстроты соціальной эволюціи . . . . . 314—316
§ 3. Историческая тенденція паденія каръ . 317—385
Паденіе каръ въ области религіознаго карательнаго давленія . . . . . 317—326
Паденіе каръ въ внутригрупповыхъ человѣческихъ отношеніяхъ . . . . . 326—374
Паденіе междугрупповыхъ каръ (войны) 374—385
§ 4. Историческая тенденція паденія наградъ 385—422
Паденіе наградъ въ сферѣ религіозныхъ явленій . . . . . 388—391
Паденіе внутригрупповыхъ наградъ . . 391—421
Паденіе междугрупповыхъ наградъ . . 421—422
Глава IX-я. Законъ колебанія каръ и наградъ . . . . . 422—443
Глава X-я. Прогрессъ человѣческаго поведенія . . 444—453